Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

XXVIII международная научно-практическая конференция

(3-4 апреля 2025 г.)

Материалы конференции

Часть 1

Ответственный редактор Д.В. Ким

Красноярск
СибЮИ МВД России
2025

ББК 67.4:67.411:67.73:67.52

Ответственный редактор Д.В. Ким, доктор юридических наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России)

Редакционная коллегия:
Л.Л. Абрамова, кандидат юридических наук (Сибирский юридический институт МВД России);
А.В. Афанасьев, кандидат педагогических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России).
С.В. Бабин (Сибирский юридический институт МВД России);
О.Х. Галимов, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
А.Ю. Иванов, кандидат философских наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
А.Г. Калугин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
М.В. Кондратьев, кандидат юридических наук (Сибирский юридический институт МВД России);
А.И. Кравчук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
Ю.В. Леонтьева (Сибирский юридический институт МВД России);
С.М. Мальков, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
В.В. Молоков, кандидат технических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
Д.Д. Невирко, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
П.Ю. Овсянников, кандидат юридических наук (Сибирский юридический институт МВД России);
О.А. Суров, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
Н.Н. Цуканов, доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
В.Е. Шинкевич, доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России).

Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVIII международной научно-практической конференции (3-4 апреля 2025 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким ; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2025. – ISBN 978-5-7889-0368-2. – Ч. 1. – 306 с. – ISBN 978-5-7889-0369-9.

В сборник включены тезисы докладов, сообщений и выступлений участников XXVIII международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики», прошедшей на базе Сибирского юридического института МВД России 3-4 апреля 2025 г.

При подготовке сборника максимально сохранена авторская редакция материалов.

ISBN 978-5-7889-0368-2
ISBN 978-5-7889-0369-9 (ч. 1)

© Сибирский юридический институт МВД России, 2025

Federal State Public Educational Institution of Higher Education
«Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

ACTUAL PROBLEMS OF FIGHTING CRIME: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

XXVIIIth International Scientific-Practical Conference
(April 3-4, 2025)

Conference proceedings

Part 1

Editor-in-Chief Dmitry V. Kim

KRASNOYARSK
SLI OF THE MIA OF RUSSIA
2025

ББК 67.4:67.411:67.73:67.52

Editor-in-Chief Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia)

Editorial Board:
L.L. Abramova, Candidate of Law Sciences (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
A.V. Afanasyev, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
S.V. Babin (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
O.H. Galimov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
A.Yu. Ivanov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
A.G. Kalugin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
A.I. Kravchuk, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
M.V. Kondratiev, Candidate of Law Sciences (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
Yu.V. Leontyeva (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
S.M. Malkov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
V.V. Molokov, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
D. D. Nevirko, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
P.Y. Ovsyannikov, Candidate of Law Sciences (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
O.A. Surov, Candidate of Law, Associate Professor (Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia);
N.N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
V.E. Shinkevich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia).

Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice: proceedings of the XXVIIIth International Scientific-Practical Conference (April 3-4, 2025) : in 2 parts / editor-in-chief Dmitry V. Kim ; Federal State Public Educational Institution of Higher Education «Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation». – Krasnoyarsk : SLI of the MIA of Russia, 2025. – ISBN 978-5-7889-0368-2. – P. 1. – 306 p. – ISBN 978-5-7889-0369-9.

The collection of proceedings includes abstracts of reports, speeches and presentations of the participants of the XXVIIIth International Scientific-Practical Conference «Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice» held at Siberian Law Institute of the MIA of Russia on April 3-4, 2025.

When preparing the collection, the author's edition of the materials is preserved as much as possible.

ISBN 978-5-7889-0368-2.
ISBN 978-5-7889-0369-9 (p. 1).

© Siberian Law Institute of the MIA of Russia, 2025

Содержание

Выступление заместителя генерального секретаря Организации Договора о коллективной безопасности В.А. Семерикова на конференции в Сибирском юридическом институте МВД России 11

Секция «ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ»

Шарифзода П.Р. Проблемы совершенствования профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел Республики Таджикистан 12

Виноградов И.Д., Григорьев А.Н. Особенности подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России к выполнению оперативно-служебных задач в составе подразделения (группы). 14

Калиниченко Я.Н. Формирование патриотизма в условиях образовательной организации как необходимое условие противодействия идеологии терроризма и экстремизма 15

Шубин С.П. Основные принципы обучения сотрудников органов внутренних дел 18

Никулин С.Г. О вопросах применения средств и систем радиосвязи в особых условиях 21

Сулейманов М.В. Актуальные проблемы и перспективы профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации 22

Ковтун В.В. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел при осуществлении следственных действий 24

Гричанов А.С., Шориков А.Р. О некоторых методах тактической подготовки сотрудников полиции в особых условиях 26

Шпичко В.А. К вопросу тактической медицины в рамках специальной военной операции 27

Васильева Т.Б. Использование беспилотных воздушных судов в обучении слушателей факультетов профессиональной подготовки образовательных организаций МВД России 30

Костылев А.О. Формы обучения вопросам боевой готовности и служебно-боевой подготовки руководства образовательных учреждений МВД России 32

Матвеев А.В. Совершенствование профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел как условие эффективности противодействия киберпреступности 34

Байкин Р.Ф. Особенности патриотического воспитания молодежи новых субъектов Российской Федерации и участие обучающихся образовательных организаций МВД России в данном процессе 35

Шинкевич В.Е. Акме-потенции обучающихся первокурсников образовательных организаций органов внутренних дел как основа профессиональной успешности 37

Глубокий В.А. Актуальность создания нормативов по профессиональной служебной подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации 40

Чернышева Е.И., Копылов Ю.А. Тренировка скоростных качеств обучающихся вузов МВД России 43

Струганов С.М., Филимонов Д.Г. О повышении физической подготовленности и организации свободного времени курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств 45

Иванюк А.М. Изучение личной безопасности как фактор повышения профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к действиям в особых условиях 47

Кортиков А.В. Проблемы совершенствования профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов 49

Титова О.И. Патриотизм в структуре личности и подходы к патриотическому воспитанию обучающихся образовательных организаций МВД России 50

Косяченко В.И. Особенности подготовки сотрудников полиции к оперативно-служебной деятельности 53
Крютченко А.Д. Подходы к осмыслению профессиональной социализации личности в процессе получения высшего образования и их значение для выстраивания системы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел 54
Ерофеев Р.А. Роль ударных единоборств в профессиональной подготовке сотрудника органов внутренних дел 57
Парунов И.М. Развитие студенческого спорта в образовательных организациях МВД России 58
Самойлович М.А. Значение развития физических качеств у курсантов ведомственных вузов 59
Тарасова В.И. Комплексные тактические учения как основа профессиональной подготовки курсантов образовательных организаций МВД России 60
Позднякова В.И. Музей УМВД России по Приморскому краю: историко-патриотическое воспитание и сохранение памяти 62
Зорина В.В. Изучение языковых норм слушателями факультета профессиональной подготовки юридического вуза системы МВД России 64
Шабельникова Н.А. Методика работы с исторической терминологией в процессе преподавания гуманитарных дисциплин в образовательных организациях МВД России 66
Нагорный Н.Н., Нагорная Л.А. Об идейно-ценностном содержании дисциплины «Основы российской государственности» для обучающихся образовательных организаций МВД России 68
Кузьмин С.С. Противодействие беспилотным летательным аппаратам при помощи средств радиоэлектронной борьбы 68
Рублева Т.Ю. Психологическая готовность сотрудников органов внутренних дел к оказанию первой помощи 70
Рогозин А.Ю. Международный опыт морально-психологической подготовки сотрудников полиции 71
Кавецкий Д.Б. О повышении готовности курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России к действиям при чрезвычайных обстоятельствах 73
Каменев И.В. Использование иммерсивных технологий для подготовки и развития прогностических умений с ориентацией на правоохранительную деятельность 75
Мельникова Л.Ю. Перспективы использования искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел 78
Гуралев В.М. Выведение из равновесия как фактор эффективности болевого приема 81
Андрианова А.С. Индивидуальное консультирование как способ развития академической компетентности курсантов 83
Маслодудова Н.В. Формализация образования как проблема подготовки специалистов правоохранительной деятельности 85
Мотина Е.А. К вопросу о повышении эффективности самостоятельной работы курсантов Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в процессе освоения учебной дисциплины «Судебная медицина и судебная психиатрия» 87
Хрущев А.В. Влияние тревожности на формирование у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России навыков обращения с табельным оружием 88
Шиманович Е.В., Носов С.А. Служебно-прикладной спорт как средство развития физической подготовленности курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России 90
Колбышев П.Р. К вопросу о некоторых особенностях обучения стрельбе из пистолета в образовательных организациях системы МВД России 92
Безгачев Ф.В. Особенности правового регулирования использования воздушного пространства Российской Федерации при использовании сотрудниками полиции беспилотных воздушных судов в профессиональной деятельности 94
Филиппович В.А. Средства эффективного поддержания физической формы обучающихся в условиях обучения в образовательных организациях МВД России 97
Сергиенко А.С. Визуализация как психолого-педагогический метод повышения эффективности подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации 99

Кузьмин Н.Т. Некоторые особенности информационного обеспечения оперативных подразделений Национальной полиции Республики Никарагуа 101
Юсупова О.А. Правила обращения с табельным оружием как необходимое условие эффективного его применения сотрудниками органов внутренних дел 103
Дворкин В.М. Дзюдо в системе физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России 106
Фомин С.А. К вопросу формирования компетенций по физической подготовке у сотрудников полиции 107
Шевченко А.Р. К вопросу совершенствования навыков применения физической силы и огнестрельного оружия посредством служебно-прикладных видов спорта 109
Бордачев А.Ю. Особенности поведения сотрудника полиции МВД России в ситуации риска..... 111
Панов Е.В. Развитие служебно-прикладных видов спорта в системе МВД России 113

Секция «ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ»

Невирко Д.Д. Современное состояние института уведомления об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений..... 115
Черней А.И. Проблемные вопросы в практической деятельности органов внутренних дел при пресечении административных правонарушений, связанных с незаконным потреблением наркотиков водителями транспортных средств, в случае одновременного выявления признаков противоправных деяний по статьям 6.9 и 12.8 (12.26) КоАП РФ..... 117
Будникова А.Б. К вопросу о квалификации действий лиц, управляющих механическими устройствами, схожими с самоходной техникой 120
Моляров Е.А. Административно-правовые средства предупреждения, пресечения и документирования органами внутренних дел правонарушений, совершаемых на рынке алкоголя: актуальность исследования..... 122
Крупин В.А. Особенности тактики действий сотрудников полиции при реагировании на сообщения о семейно-бытовых конфликтах 123
Куцкель М.В. Деятельность полиции по выявлению административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков 126
Савотченко С.Е., Акапьев В.Л. Проблемы и перспективы статистического анализа данных в правоохранительной деятельности..... 128
Безруков А.В. Конституционное сотрудничество как средство укрепления правопорядка и противодействия преступности..... 132
Кропачева С.А., Иванов А.Ю. Актуальные проблемы применения полицией статьи 20.22 КоАП РФ..... 134
Тетерятников Н.Ю. Проблемные вопросы снятия гражданина с учета лиц, на которых возложена обязанность пройти диагностику, профилактику, лечение и (или) реабилитацию в связи с потреблением наркотиков 136
Ермолаева М.И. К вопросу об основаниях оспаривания завещания..... 139
Чумарова Е.Ю. Актуальные проблемы правового регулирования административной ответственности за потребление несовершеннолетними алкогольной продукции..... 140
Горелик А.В., Евтушенко А.А. Противодействие фиктивным бракам через призму государственной миграционной политики..... 142
Шлегель П.О. Правообеспечительный потенциал принуждения как важный аспект функционирования системы обеспечения правопорядка..... 145
Сидоров Я.С. Обжалование действий сотрудников полиции по применению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях..... 147
Мельникова С.В. Планирование как организационная форма эффективной координации деятельности органов внутренних дел и иных правоохранительных структур в рамках профилактики и предупреждения преступлений 148
Поправко А.С., Гукова Н.А. Эволюция методов доставки запрещенных предметов в учреждения ФСИН России: анализ современных технологий и мер противодействия 150

Бекмурзинова К.К. Получение доказательств при производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения с помощью специальных технических средств 151
Тепляшин И.В. Основные формы взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации с общественными институтами: нормативные положения 153
Панина Е.Н., Ковалев С.М. Тактические особенности несения службы наружными нарядами с учетом их гендерного состава 156
Машковцева О.Ю. Цифровые сервисы МВД России в рамках предоставления государственных услуг 158
Фомичева О.Л. Оптимизация взаимодействия полиции и органов местного самоуправления в сфере обеспечения конституционного правопорядка в России 159
Шишкин П.Е. О мерах совершенствования профилактического воздействия, осуществляемого участковыми уполномоченными полиции в отношении лиц, больных наркоманией, совершивших административные правонарушения в области незаконного оборота наркотиков, представляющих социальную опасность для окружающих 162
Цуканов Д.Н. К вопросу о диспозитивности обстоятельств, отягчающих административную ответственность 163

Секция «ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ»

Пестрецов И.О. Проблема соблюдения баланса интересов участников уголовного судопроизводства при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении участника специальной военной операции 166
Ефимов Е.В. Особенности результатов налогового контроля как средств доказывания в уголовном судопроизводстве по делам о налоговых преступлениях 168
Лебедев Н.Ю. Некоторые аспекты разнообразия вариаций взаимодействия участников уголовного судопроизводства 170
Недобор А.Н. Участие защитника в собирании доказательств: проблемы и перспективы 173
Лукьянова А.А. К проблеме правового регулирования задержания лица, совершившего преступление 175
Якубова С.М. Новое основание приостановления предварительного расследования в случае невозможности участия подозреваемого, обвиняемого в уголовном деле 177
Трусов А.И. Использование видео-конференц-связи в уголовном процессе зарубежных стран 180
Мичурина О.В. Роль принципа законности в уголовно-процессуальном обеспечении досудебного и судебного производств 183
Петрикина А.А. О роли суда в исключении недопустимых доказательств 184
Исаенко А.Г. Процессуальное руководство предварительным следствием как средство эффективной реализации функции правосудия 186
Коньков А.А. Нарушение защитником прав и законных интересов подзащитного 188
Матюшенко С.В. Варианты использования термина «возраст» в УПК РФ 190
Замуруева Е.Ю. Проблемы института привлечения лица в качестве обвиняемого 191
Другов М.А. Процессуальное обеспечение участия юридического лица в досудебном производстве по уголовным делам 193
Лавдаренко Л.И. Проблемы определения момента фактического задержания при проведении ОРМ 196
Потапова Е.С. Использование категории «трансформация» в уголовно-процессуальной науке 198
Зайцева Е.А. Возвращение уголовного дела прокурору: актуализация проблематики 201
Галимова А.О. Вопросы возбуждения уголовного дела по части 1 статьи 314.1 УК РФ 203
Галимова М.А. Становление и развитие уголовно-процессуального закона России: трансформация статуса потерпевшего 206
Шаповалова Т.И. А так ли нужен залог в российском уголовном судопроизводстве 208

Шемчук С.Ю. Проверка доказательств путем допроса сотрудника оперативного подразделения 211
Теткин Д.В. Практика обеспечения применения мер безопасности в отношении свидетеля при досудебном и судебном производстве по уголовным делам 212
Алешина М.Д. Идея неотвратимости наказания в уголовном процессе: проблема имени и сущности 215
Петрикин В.Ю. Условия прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям 217
Монид М.В. Роль руководителя следственного органа в ходе проверки сообщения о преступлении 219
Соболев А.В. Уголовно-процессуальные последствия определения юридического факта получения электронной повестки 221
Судницын А.Б. Процессуальное положение психолога в современном уголовном судопроизводстве 224
Овсянников Ю.В. Полномочия прокурора в ходе досудебного производства необходимо реформировать 227
Лушин И.А. К вопросу о структуре консультативной помощи, оказываемой специалистом в раскрытии и расследовании преступлений 229
Французов А.О. Международно-правовые нормы и стандарты единства формирующих начал уголовного права и судопроизводства в России 231
Королев А.С. Баланс инноваций и гарантий прав участников: перспективы комплексной цифровизации уголовного судопроизводства 233
Серова Е.Б. Еще раз о следственных ошибках по делам о незаконном обороте наркотических средств 236
Бондаренко А.А. Разрешение судом отмены постановления о прекращении уголовного преследования 238
Коробкова Е.Е. Процессуальные формы участия инспектора по делам несовершеннолетних в производстве по уголовному делу 240
Муравьев К.В., Дежнев А.С. Разрешение вопроса о гражданском иске при прекращении уголовного дела в досудебном производстве 243
Вахтель В.Г. О необходимости учета когнитивных особенностей участников уголовного судопроизводства из числа лиц, участвовавших в боевых действиях 246
Кузора С.А. Проблемы возбуждения уголовных дел капитанами морских судов 248
Овчинников Ю.Г., Галата О.А. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних 250
Прохорова Е.А. О пробелах в правовом регулировании порядка назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела 252
Калачева А.В. Начальник органа дознания VS начальник подразделения дознания 254
Россинский С.Б. Ознакомление с материалами уголовного делав эпоху цифровизации: требуются новые подходы 257
Молунова Н.И. Выемка и личный обыск: сравнительный анализ двух процедур, направленных на принудительное изъятие предметов у участников уголовного судопроизводства 260
Павлов А.В. Основания для объявления в розыск подозреваемого (обвиняемого) 262
Филатова В.А. К вопросу о содержательной части ОРМ «наведение справок» 264
Семенов Е.А. Механизмы взаимодействия нуждаются в более детальной регламентации 267
Ишина А.Б. Проблемные вопросы залога как меры пресечения в отношении обвиняемых (подозреваемых) в сфере предпринимательской деятельности 269
Назарова М.Д. Круг субъектов, чьи права и законные интересы затрагиваются при наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве 271
Курбатова С.М. О доступе к правосудию и праве на него 272
Вастьянова О.Д. О соотношении смешанных и комплексных правовых институтов 273
Диваев А.Б. Проблемы обращения к исполнению определений и постановлений суда по уголовным делам 275
Михайлова Т.Н. Процессуальное значение дискреционных полномочий органов правоприменения в ювенальном уголовном судопроизводстве России 279

Стукалин В.Б. Отдельные аспекты подготовки к проведению опознания живых лиц 281
Абрамова Л.Л. Решение об отказе от уголовного преследования – широкое поле для реализации принципа целесообразности 284
Шинкевич Д.В. О необходимости совершенствования специальных условий применения заключения под стражу 287
Нгуен Вьет Хонг. Принцип состязательности в судебном производстве Вьетнама.....290
Булатов Б.Б., Павлов А.В. Особенности оснований для повторного обращения в суд с ходатайством о заключении под стражу 294
Калугин А.Г. К вопросу о процессуальном положении следователя-криминалиста 296
Мядзелец О.А. О расширении предмета регулирования раздела 4 УПК РФ.....299
Николюк В.В. Юридическое прогнозирование как метод исследования в сфере уголовного судопроизводства и необходимое условие совершенствования уголовно-процессуального законодательства.....300
Петрухина Е.А. Особенности возбуждения уголовных дел об убийствах, совершенных на почве семейно-бытовых отношений, и обстоятельства, подлежащие доказыванию 303

Выступление заместителя генерального секретаря Организации Договора о коллективной безопасности В.А. Семерикова на конференции в Сибирском юридическом институте МВД России

Уважаемый Дмитрий Владимирович!
Уважаемые участники конференции!

В адрес конференции Генеральный секретарь ОДКБ И.Н. Тасмагамбетов направил свое приветствие. Позвольте я его оглашу.

От себя лично выражаю признательность руководству Сибирскому юридическому институту МВД России за приглашение на конференцию и предложение выступить на ней. Для меня это еще и возможность ознакомиться с практической деятельностью института, являющегося базовой организацией по подготовке специалистов по контролю за оборотом наркотиков для государств – членов ОДКБ.

В подписанной в ноябре 2024 года Декларации Совета коллективной безопасности главами наших государств отмечена необходимость совершенствования и дальнейшего развития в Евразии эффективной и качественной системы безопасности исходя из характера современных вызовов и угроз в зоне ответственности ОДКБ.

Руководствуясь основополагающими документами, регламентирующими деятельность нашей Организации, с учетом военно-политической обстановки, сложившейся на современном этапе в мире и по периметру зоны ответственности ОДКБ, появление новых угроз безопасности нашим государствам, основные усилия всех органов Организации направлены на наращивание боевого потенциала коллективных сил ОДКБ, на противодействие терроризму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков, незаконной миграции, обеспечение информационной безопасности.

Формируется система противодействия биологическим угрозам и защиты населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

По каждому из этих направлений нашей деятельности в формате ОДКБ создана соответствующая нормативная правовая база, проводятся мероприятия практического характера в форме операций, комплексных учений и тренировок. Организована подготовка кадров-специалистов для государств – членов ОДКБ.

Важное место в вопросах противодействия вызовам и угрозам безопасности уделяем организации тесного взаимодействия с профильными структурами международных организаций, таких как ООН, СНГ, ШОС, с которыми у нас заключены соответствующие протоколы, меморандумы о сотрудничестве.

Импульс дальнейшему повышению эффективности взаимодействия, в частности с СНГ и ОШС, придало Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ «О намерении развивать сотрудничество ОДКБ с СНГ и ШОС», принятое в 2023 году, в котором предусмотрен комплекс практических мероприятий по многим направлениям совместной деятельности. Сегодня на повестке дня стоит вопрос согласования и принятия Дорожной карты по реализации этого решения.

Не могу не сказать, что в ноябре 2024 года на сессии СКБ ОДКБ главами государств нашей Организации была утверждена Межгосударственная целевая программа по укреплению таджикско-афганской границы, реализация которой началась в этом году. Уверен, что выполнение всех мероприятий этой программы окажет существенное влияние на нормализацию обстановки, в части касающейся распространения терроризма, незаконного оборота наркотиков и миграции не только в Центрально-Азиатском регионе, но и далеко за его пределами.

Уважаемые участники форума!

В ходе секционных заседаний, которые пройдут в формате конференции, у нас будет возможность более подробно обсудить все вопросы, связанные с заявленной темой конференции и ее повесткой, выработать предложения и рекомендации по дальнейшему совершенствованию теории и практики по противодействию вызовам и угрозам безопасности.

Выражаю надежду на качественную и продуктивную работу в ходе конференции. Спасибо!

Секция
«ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ»

Шарифзода П.Р.,

кандидат юридических наук
Академия МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе)

Проблемы совершенствования профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел Республики Таджикистан

В последние годы пути решения профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел Республики Таджикистан редко рассматриваются. На современных правовых, демократических и духовных этапах развития государства Республики Таджикистан существенно возрастают требования, предъявляемые к уровню, расстановке кадров, обеспечению законности и служебной дисциплины в деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Статья 5 Конституции Республики Таджикистан провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны. Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством». Институт государственной службы в органах внутренних дел должен функционировать устойчиво вне зависимости от любых социальных условий и кризисных ситуаций. В условиях формирования новой правовой государственности и системы Республики Таджикистан изучение и разработка правовых и управленческих средств и методов регулирования подготовки кадров и прохождения службы в органах внутренних дел являются актуальной задачей правовой науки. Процесс регулирования и организации прохождения службы в органах внутренних дел Республики Таджикистан невозможен без достижения соответствующего уровня подготовки высококвалифицированных кадров, их профессионального и нравственного воспитания.

Вопросы организации работы с сотрудниками приобретают особую значимость в силу снижения уровня профессиональной подготовки, участившимися случаями проявления правового нигилизма и совершения правонарушений, негативных изменений в отношении к морально-нравственным и культурным ценностям в сознании многих сотрудников органов внутренних дел. Современное состояние работы с сотрудниками в правоохранительной системе Таджикистана выдвинуло ряд проблемных вопросов теоретического и практического характера.

Вопросы совершенствования профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел Республики Таджикистан, развития и укрепления кадрового потенциала таджикской милиции играют определяющую роль в повышении эффективности деятельности по обеспечению правопорядка.

Качество правоохранительной деятельности органов внутренних дел как важнейшего государственного института, выполняющего основной объем функций по противодействию преступности, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, зависят от многих факторов. В их числе: укомплектованность кадрового состава, его рациональная расстановка и уровень профессионализма, а также минимизация так называемой «текучести кадров». От всего этого в полной мере зависит доверие граждан органам правопорядка, отношение к ним не просто как к правоприменительным органам, имеющим соответствующие властные полномочия, но и как к активному помощнику населения в самых различных ситуациях. Именно поэтому в рамках проводимой в последние годы реформы органов внутренних дел Республики Таджикистан основной акцент делается не только на оптимизацию их численности и организационно-структурное построение, но и на качество отбора и расстановку кадров.

В то же время необходимо отметить, что в Республике Таджикистан отчетливо прослеживается тревожная тенденция оттока опытных высококвалифицированных специалистов, имеющих большой опыт практической, в том числе руководящей работы. За

последние годы в структурных подразделениях МВД Республики Таджикистан в разы увеличилась текучесть личного состава.

Руководство Республики Таджикистан осознает эту проблему. Стратегия реформы милиции, рассчитанная на 2013-2020 гг., Программа реформы (развития) милиции на 2014-2020 гг. и Программа реформы милиции на 2021-2025 гг. главной своей целью поставили поэтапное совершенствование системы МВД Таджикистана, повышение качества оказания милицией государственных услуг, что позволит надежно обеспечивать права, свободы и законные интересы граждан, общественные и государственные интересы от преступных и иных посягательств. Далеко не последняя роль отводится здесь кадровой политике в органах внутренних дел.

Признается, что дальнейшее совершенствование правовой регламентации организации прохождения службы позволит сориентировать сотрудников органов внутренних дел Республики Таджикистан на более качественное выполнение своих правоохранительных функций. Не случайно на торжественном собрании по случаю празднования Дня таджикской милиции Лидером нации, Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном в рамках подведения итогов деятельности органов внутренних дел за истекший год и постановки задач на очередной плановый период руководству МВД республики были даны конкретные поручения по совершенствованию кадровой политики в органах внутренних дел.

По мнению многих исследователей, принципиально новое состояние таджикского общества весьма трудно описать, оперируя старым категориальным аппаратом. Нужны новые понятия, категории, научный анализ и современные научные средства для уяснения состояния и перспектив развития правового регулирования совершенствования профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел Республики Таджикистан.

Во-первых, нуждаются в переосмыслении теоретико-правовые основы организации и функционирования системы кадрового обеспечения органов внутренних дел.

Во-вторых, должны быть определены новые подходы в деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан, смысл которых заключается в реализации органами внутренних дел не только правоохранительных задач, но и функций социального обслуживания населения, организаций и иных субъектов правоотношений. Особое значение в реализации кадровой политики приобретают вопросы, связанные с совершенствованием профессиональной подготовки и переподготовки сотрудников милиции Таджикистана. Уточняя сущностные параметры перспектив проведения политики по совершенствованию системы профессиональной подготовки кадров для их работы в национальных ОВД, следует обратиться к разделу 5 «Концепции кадровой политики органов внутренних дел Республики Таджикистан на период до 2043 года», утвержденной постановлением Правительства Таджикистана от 27 сентября 2023 г. № 459. В настоящее время сотрудники милиции сталкиваются со многими нестандартными ситуациями, разрешение которых в значительной степени зависит от правовых знаний, профессиональных умений и навыков действовать в строгом соответствии с законом. Формирование этих и иных необходимых качеств сотрудников органов внутренних дел должна обеспечивать эффективная система профессиональной подготовки и переподготовки в Академии МВД Республики Таджикистан.

Виноградов И.Д.

Санкт-Петербургский университет МВД России

Григорьев А.Н.,

доктор педагогических наук, доцент
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Особенности подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России к выполнению оперативно-служебных задач в составе подразделения (группы).

Выполнение сотрудниками полиции оперативно-служебных задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности всегда связаны с возможным осложнением оперативной обстановки. В условиях повышенного риска для жизни сотрудники полиции должны принимать решения на применение мер административного принуждения в отношении правонарушения, в том числе мер административного пресечения административных правонарушений и преступлений. Для принятия взвешенного решения сотрудник полиции должен быть высококвалифицированным специалистом и обладать достаточной психологической устойчивостью к воздействию различных стрессовых факторов.

Необходимо отметить, что оперативно-служебные задачи выполняются как в повседневной деятельности (несение патрульно-постовой службы, обеспечение общественного порядка при проведении массовых мероприятий различного характера, оперативно-розыскные мероприятия и иные), при осложнении оперативной обстановки (пресечение групповых нарушений общественного порядка, задержание вооруженных преступников и иные силовые действия, производимые сотрудниками полиции) и в особых условиях (при введении специальных правовых режимов).

В независимости от ситуации значительная часть оперативно-служебных задач выполняется сотрудниками полиции в составе подразделения (группы). В ряде случаев даже оперативно-розыскные мероприятия требуют работы в составе группы. К таким ситуациям можно отнести выставление розыскных постов, работу розыскных групп и иные задачи. Наиболее сложными по взаимодействию между сотрудниками полиции, с точки зрения организации и непосредственного выполнения задач, считаются мероприятия по задержанию вооруженных преступников в различных условиях, пресечение групповых нарушений общественного порядка и массовых беспорядков, пресечение деятельности незаконных вооруженных формирований.

Отдельно стоит выделить деятельность сотрудников полиции в зоне проведения специальной военной операции. Здесь сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации осуществляют противодействие в том числе диверсионно-разведывательным группам, а в ряде случаев сталкиваются с подразделениями вооруженных сил Украины.

Планировать и проводить подготовку обучающихся образовательных организаций МВД России необходимо с учетом современной ситуации и существующих угроз. На наш взгляд, акцент необходимо делать на подготовку к работе в составе подразделения (группы). Такие задачи возможно решать при обучении по следующим основным и дополнительным преподаваемым дисциплинам:

– «Деятельность органов внутренних дел Российской Федерации в условиях специальных правовых режимов»;

– «Тактико-специальная подготовка»;

– «Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел»;

– «Специальный курс по обучению курсантов, привлекаемых к охране общественного порядка (факультатив)»;

– «Повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, привлекаемых к несению службы (выполнению оперативно-служебных задач) в особых условиях по должности служащего «″Полицейский″».

Наиболее подходящими для отработки действий в составе подразделения, по нашему мнению, являются темы по действию патрульных групп, пресечению правонарушений, преступлений, для подготовки к повседневной деятельности. Для совершенство-

вания навыков организации взаимодействия различных подразделений и внутри групп, выполняющих оперативно-тактические задачи при осложнении оперативной обстановки, нами выделяются темы по топографии (работа с графическими документами, ориентирование на местности по карте и без карты), по розыскной деятельности – действия розыскных нарядов, темы по задержанию вооруженных преступников в различных условиях. Для подготовки к действиям в особых условиях необходимо выделить основы общевойскового боя, тактическую медицину, подготовку к пресечению массовых беспорядков, пресечение деятельности незаконных вооруженных формирований, проведение мероприятий на вновь присоединенных территориях.

По нашему мнению, практические занятия по перечисленным выше темам целесообразно проводить методом деловой игры (имитационными). Время игры ограничено. Наиболее эффективно их можно проводить на четырех-, шести- и восьмичасовых занятиях. Четырехчасовые занятия предполагают проведение практического тренинга, а шести- и восьмичасовые – полноценных имитационных игр с бальной оценкой игрока и команды, а также запланированный сценарий и результаты. Кроме того, с обучающимися необходимо проведение и констатирующих имитационных игр. Последние позволяют произвести оценку обучающихся по завершению изучения блока тем (пресечение массовых беспорядков, задержание вооруженных преступников). При этом сами игры должны включать в себя как теоретическую часть, позволяющую проверить знания, на этапе планирования мероприятия, так и практические действия, что дает возможность оценить эффективность работы подразделения и обучающихся в зависимости от их роли. Выполнение задач группой по заранее разработанному плану дает возможность оценить качество его содержания в практико-применительной сфере в условиях, приближенных к реальным.

Особо стоит отметить важность правильного подбора оценочных средств, которые позволят эффективно определять качество работы как группы, так и каждого обучающегося индивидуально. При этом проведение деловых игр позволяет значительно шире оценивать работу участников, поскольку предполагает оценку действий группы, что не предусмотрено ни одним нормативным правовым актом, определяющим подход к оценке профессиональной подготовки сотрудников полиции[1].

На наш взгляд, именно такой подход позволит наиболее эффективно подготовить обучающихся к действиям в составе группы.

Калиниченко Я.Н.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

В настоящее время распространение идеологии терроризма и экстремизма во всем многообразии ее проявлений по своей интенсивности, охвату и потенциальной опасности приобрело статус одной из самых острых проблем в современном российском обществе. На сегодняшний день экстремистские движения активно вовлекают молодых людей в свою деятельность, широко используя для этого сеть Интернет.

На молодежь оказывается информационное и психологическое воздействие, что связано с отсутствием у них жизненного опыта, устоявшихся взглядов, убеждений, сформировавшихся ценностей. Именно в молодежной среде (от 15 до 35 лет) происходит накопление протестного потенциала в самых различных формах, что приводит к возникновению ксенофобии, разжиганию межнациональной розни, религиозным конфликтам. Некоторые представители молодежи примыкают к неформальным объединениям террористической направленности, где принуждаются к совершению противоправных действий, способных причинить тяжкий вред здоровью и жизни граждан. Неспособность мыслить критически,

[1] Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 02.02.2024 № 44.

избыточная восприимчивость к происходящему приводят к трагическим последствиям: актуализируются террористические угрозы[1], молодыми людьми совершаются административные правонарушения и уголовно наказуемые деяния экстремистской и террористической направленностей, причиняющие физический и психический вред здоровью неограниченному кругу лиц[2].

В соответствии с содержанием Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[3] предупреждение проявлений радикализма и профилактика экстремистских проявлений среди молодых людей были обозначены в качестве основных задач, способствующих достижению целей обеспечения государственной и общественной безопасности. Это обусловлено и тем, что объектом посягательств в контексте совершения преступлений террористической (экстремистской) направленности может быть как конкретное лицо, так и жизнь неограниченного круга лиц. При этом целью сторонников террористических практик и экстремистских воззрений является насильственное изменение основ конституционного строя.

В этой связи государственная антитеррористическая политика является частью государственной политики национальной безопасности, которая реализуется за счет сил и средств уполномоченных органов, действующих на основании комплекса нормативных правовых актов, составляющих антитеррористическое законодательство Российской Федерации, в целях защиты основных прав и свобод человека и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В нашей стране правовую основу противодействия терроризму составляют Конституция РФ, УК РФ, федеральные законы от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», соответствующие указы Президента РФ, нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, а также ведомственные акты.

Одним из важных условий проведения результативной борьбы с терроризмом и экстремизмом выступает профилактическая работа с лицами, подверженными воздействию идеологии терроризма и экстремизма, проводимая системно, на научной основе, с четко определенным понятийным аппаратом.

Несмотря на схожесть, понятия «терроризм» и «экстремизм» не являются синонимичными или взаимозаменяемыми. Терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (п. 1 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму»). Экстремизм представляет собой насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии и другие (п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»).

В целях реализации Графика МВД России по выполнению Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы, утвержденного Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 декабря 2023 г. № Пр-2610, в Сибирском юридическом институте МВД России в 2024 г. проводился комплекс мероприятий.

В целях формирования у личного состава гордости за выбранную профессию, его воспитания на лучших примерах профессионального исполнения служебного долга, в том числе в борьбе с терроризмом и неонацизмом, в институте проведены: патриоти-

[1] Шинкевич В.Е. Молодежный экстремизм как фактор возникновения террористических угроз в обществе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3. С.12-15.

[2] Авакьян М.В. Методические рекомендации по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремизма : учебное электронное издание / М.В. Авакьян, М.А. Болвачев, Т.С. Волчецкая, Е.В. Осипова. Калининград : БФУ им. И. Канта, 2023. 44 с.

[3] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

ческая акция «Неделя мужества», посвященная Дню защитника Отечества; «урок мужества» с привлечением участников специальной военной операции; творческие вечера с участием авторами-исполнителями патриотических песен.

Накануне Дня солидарности в борьбе с терроризмом были проведены памятные мероприятия «Час памяти», был организован просмотр документального фильма «Беслан. Черный сентябрь», предоставленный Координационным центром по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма Сибирского федерального университета.

В целях привития молодежи неприятия идеологии терроризма в рамках проводимой в институте воспитательной работы организуются встречи с представителями общественности, проводятся беседы по вопросам антитеррористической деятельности. Профессорско-педагогическим составом института проводились занятия на тему «О противодействии пропаганде неонацизма и русофобии, осуществляемой украинскими националистическими организациями», «Нацизм, неонацизм и проблема денацификации Украины».

В институте на системной основе проводится просветительская, воспитательная работа с участием представителей традиционных религиозных конфессий.

В целях использования профилактического и воспитательного потенциала учебных дисциплин для решения учебно-воспитательных задач по формированию стойкого неприятия идеологии терроризма, формирования у обучающейся молодежи антитеррористического мировоззрения и устойчивости к пропагандистскому воздействию террористических организаций и популяризирующих массовые убийства движений кафедрами института в течение 2024 года были разработаны либо актуализированы учебно-методические материалы («Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму», «Участие органов внутренних дел Российской Федерации в борьбе с терроризмом и обеспечение правового режима контртеррористической операции», «Современное состояние и предупреждение преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами, сформированных по этническому признаку»).

Обучающиеся института (члены научного общества обучающихся) принимают активное участие в проведении научных исследований антитеррористической направленности.

При проведении XXVI международной студенческой научной конференции «Молодежь, наука и цивилизация» часть дискуссии на одной из секций была посвящена вопросам противодействия распространению идеологии терроризма в молодежной среде.

В целях своевременного устранения негативных факторов, способствующих распространению среди обучающихся идеологии насилия, оптимизации качества организации и реализации воспитательных и профилактических мероприятий, отделением психологической работы отдела морально-психологического обеспечения института организованы и на регулярной основе проводятся исследования, направленные на мониторинг социально-психологического климата и морально-психологического состояния сотрудников в служебных и учебных коллективах.

В целях предупреждения вовлечения в террористическую деятельность иностранных слушателей, обучающихся в институте, проводятся мероприятия, направленные на разъяснение традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Иностранные слушатели привлекаются к организации и проведению мероприятий патриотической направленности, направленных на сохранение общей исторической памяти.

Иностранные слушатели приняли участие в международном фестивале «РусФест», в рамках которого написали сочинения, продемонстрировав знание русского языка и свое отношение к подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны, понимание русской культуры и поэзии.

В целях сплочения многонационального коллектива обучающихся института, знакомства с культурой разных национальностей в рамках Дня народного единства в ноябре проводился фестиваль национальных культур «Меридиан дружбы», где обучающиеся представили культуру своих народов.

В целях воспитания обучающихся института на героических примерах выполнения служебных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел в Комнате истории института оформлена постоянная экспозиция о

выпускниках образовательной организации, погибших при исполнении служебных обязанностей, в том числе в период проведения контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе. В текущем году дополнена экспозиция «Летопись славы», где размещена информация о сотрудниках красноярской полиции, погибших в период командировки в Херсонской области.

В целях организации обмена опытом проведения мероприятий по противодействию идеологии терроризма среди молодежи в текущем году институт зарегистрирован на портале «Интерактивная карта профилактической деятельности в образовательных организациях и научных учреждениях Российской Федерации», где размещена информация о проведенных в институте мероприятиях в соответствии с Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 гг.

Для достижения наибольшей результативности в области профилактики идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде данную деятельность необходимо осуществлять комплексно, системно, профессионально.

Шубин С.П.

Барнаульский юридический институт МВД России

Основные принципы обучения сотрудников органов внутренних дел

Практика и опыт обучения и воспитания личного состава органов внутренних дел показывает, что лучшие результаты профессиональной подготовки достигаются в подразделениях, где руководящий состав твердо знает принципы и методы обучения и творчески применяет их в процессе обучения и воспитания подчиненных, где занятия проводятся методически правильно.

К принципам обучения относятся: последовательность, наглядность, сознательность, прочность усвоения знаний и навыков и индивидуальный подход.

Последовательность означает, что обучение должно вестись от легкого к трудному, от простого к сложному, а изучение нового материала увязываться с повторением пройденного, т.е. идти от конкретных фактов, понятных обучаемым, к новым фактам, к обобщениям, сначала простым, а затем к более сложным. Изучение приема, действия надо начинать с их элементов, а затем разучить в целом, сначала в несложной обстановке, затем постепенно, по мере усвоения обучаемыми учебного материала, разучивать трудные приемы и действия в более сложной обстановке.

Последовательность в обучении достигается выполнением требований программ, правильным распределением учебного материала по разделам, темам и отдельным занятиям, правильно составленным учебным расписанием и точным его выполнением на занятии, повторением пройденного материала и увязкой его с материалом данного занятия, сообщением новых знаний, логически связанных между собой, закреплением изученного материала путем решения практических задач, упражнений и тренировок.

Последовательность в обучении должна сочетаться с постепенностью. Поэтому при обучении необходимо постепенно увеличивать трудность материала с усложнением условий выполнения задач. Например, первые упражнения учебных стрельб должны проводиться в благоприятных условиях погоды и при хорошей видимости, при этом обучаемому указывается прицел и точка прицеливания. После отработки первых упражнений условия стрельбы должны постепенно усложняться, и последующие упражнения учебных стрельб необходимо проводить в любых условиях погоды. При этом обучаемому должно предоставляться больше самостоятельности в действиях, он должен самостоятельно определить прицел и точку прицеливания, а при стрельбе по движущимся целям и момент открытия огня.

Наглядность в обучении достигается образцовым показом изучаемых приемов и действий, соответствующим оборудованием учебных классов, полигонов, спортивных залов, демонстрацией боевой и специальной техники, оружия и боеприпасов, проведением занятий на местности, использованием на занятии макетов, схем, плакатов, мульти-

медийных материалов, учебных фильмов и других наглядных пособий.

Средствами наглядности нужно пользоваться умело. В каждом конкретном случае решение вопроса о том, какие средства наглядности целесообразно применить на данном занятии, принадлежит руководителю, проводящему занятие. Исходя из темы предстоящего занятия, руководитель сам решает, что и в какой последовательности нужно показать на нем.

Наглядные пособия должны быть заранее тщательно подготовлены и проверены в соответствии с требованиями действующего законодательства.

Учебная практика показывает, что любое действие (прием) усваивается быстрее и прочнее, если оно подкрепляется конкретными фактами, примерами, когда показываются сами изучаемые предметы или их изображения. На тех занятиях, где обучаемые изучают оружие, боеприпасы или знакомятся с ними, пользуются учебным оружием и изучают действия с ним, наглядность является основным условием усвоения материала.

Одним из основных видов наглядности являются учебные фильмы. Как и другие наглядные пособия, учебные фильмы можно использовать в любой части занятия, а иногда и в часы, свободные от обязательных занятий.

Демонстрация учебного фильма, как правило, сопровождается объяснением. Словесное сопровождение фильма имеет целью обратить внимание обучаемых на главную идею, определить основное, что демонстрируется в фильме, и должно дополнять материал просмотренного. Широкое применение наглядности вызывает интерес и активное отношение обучаемых к тому, что показывается и изучается.

Сознательность в обучении – это понимание сущности изучаемых вопросов и их значение для практики, а также умение применять полученные знания и навыки на практике в любой оперативной обстановке.

Сознательность в обучении является той основой, на которой строиться весь процесс обучения и воспитания. Она предполагает активную деятельность самого обучаемого. Осмысленное усвоение сотрудниками теоретических и практических вопросов необходимо для правильного применения полученных знаний и навыков в практической деятельности.

Сознательное усвоение изучаемого материала достигается, прежде всего, правильной постановкой цели занятия и уяснением ее обучаемыми, разъяснением сущности изучаемых вопросов, приемов и действий. Когда руководитель доводит до личного состава учебную цель занятия, ставит конкретную задачу, чему они должны научиться, тем самым он мобилизует их внимание, наблюдательность и повышает активность.

Важнейшими условиями, способствующими сознательному усвоению изучаемого материала, являются связь теории и практики, а также выработка у обучаемых умения правильно использовать приобретенные знания и навыки на практике. Руководитель обязан постоянно подчеркивать практическое значение каждого изучаемого вопроса и делать соответствующие выводы из каждого теоретического положения.

Прочность усвоения знаний и навыков заключается в точности воспроизведения обучаемыми ранее изученного материала, в правильном и свободном применении приобретенных умений и навыков в своей практической деятельности.

Прочность знаний необходима не только потому, что между обучением и практикой может пройти длительный период времени, но и потому, что в сложной оперативной обстановке сотруднику нужны особо прочные знания и практические навыки для умелого выполнения поставленной задачи.

Прочность усвоения знаний и навыков достигается ясным пониманием сущности изучаемых вопросов и применением знаний на практике, уверенностью обучаемых в возможности прочно усвоить изучаемые приемы, действия, многократным и систематическим повторением наиболее важных, существенных приемов и действий, правильной и четкой организацией занятий, постоянным контролем за действиями обучаемых и высокой требовательностью к ним, подготовленностью руководителя к занятиям и правильной оценкой знаний обучаемых[1].

Если занятие проходит организованно, и руководитель сам отлично знает и выполняет приемы, действия, твердо помнит основные

[1] Канокова Л.Ю., Калинин С.В. Особенности воспитательной работы и виды воспитания сотрудников органов внутренних дел // Евразийский юридический журнал, 2024. № 4 (191) С. 420-422.

положения, то обучаемые будут стремиться подражать ему и лучше усваивать изучаемый материал. Образцовый показ, четкость, ясность и убедительность рассказа, систематические тренировки имеют огромное значение для приобретения прочных знаний и навыков по всем предметам подготовки личного состава.

В процессе обучения сотрудники изучают различные по характеру учебные материалы, приемы и действия. Поэтому обучающий должен выделить в материале самое главное, существенное и добиться прочного запоминания и практического освоения изучаемого материала.

Повторение ранее пройденного материала должно проводиться перед началом занятий, на контрольных занятиях, тактико-специальных учениях и тренировках.

Индивидуальный подход заключается в учете особенностей морально-психологических, физических и деловых качеств обучаемых. Практика служебной подготовки показывает, что наибольшего успеха в обучении и воспитании добивается тот руководитель, который всесторонне и глубоко изучает своих подчиненных, знает и учитывает их индивидуальные особенности, интересы, запросы и возможности. Только хорошо зная подчиненных, руководитель может правильно, конкретно и целеустремленно организовать их обучение и воспитание.

С целью изучения индивидуальных особенностей, выявления личностных качеств обучаемых необходимо: ознакомится с жизнью и деятельностью сотрудника до поступления на службу в органы внутренних дел и с материалами, характеризующими прохождение им службы в полиции, наблюдать за его отношением к выполнению служебных обязанностей, изучать выполненные им задания и поручения, ближе ознакомиться с сотрудником путем индивидуальных бесед с ним. Учет индивидуальных особенностей нельзя понимать как предъявление неодинаковых требований к знаниям обучаемых, требования в отношении знаний должны быть едины. Но в процессе обучения руководителю приходится иметь дело с разной категорией обучаемых, в одном подразделении могут находиться сотрудники с разным жизненным опытом, возрастом, с разными знанием и пониманием сущности системы МВД России. Каждый сотрудник обладает индивидуальными особенностями восприятия и физического развития[1]. Поэтому к каждому из подчиненных требуется особый индивидуальный подход, особые приемы и методы воздействия, одного сотрудника нужно вовремя похвалить, другому помочь, третьему сделать замечание. Знать подчиненного – это значит не только видеть недостатки в его профессиональной деятельности, но и понимать причины, порождающие эти недостатки, знать положительные стороны подчиненного, на которые необходимо сделать упор для устранения недостатков.

Принцип индивидуального подхода в обучении применяется как к отстающим, так и к успевающим сотрудникам. Если в отношении отстающих индивидуальный подход имеет целью ликвидировать отставание и вывести их в число успевающих, то по отношению к успевающим индивидуальный подход преследует целью повысить их показатели в оперативно-служебной деятельности, сделать их примером для остальных сотрудников.

В целях наиболее качественной подготовки сотрудников органов внутренних дел, способных в будущем, не задумываясь, решать любые задачи в оперативно-служебной деятельности, руководителям подразделений необходимо применять и использовать в обучении личного состава все вышеуказанные принципы.

[1] Шубин С.П. Основные методы обучения сотрудников органов внутренних дел // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств : сборник материалов XXV международной научно-практической конференции. Иркутск, 2023. С. 338-341.

Никулин С.Г.,

кандидат педагогических наук
Казанский юридический институт МВД России

О ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ И СИСТЕМ РАДИОСВЯЗИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Эффективность выполнения оперативно-служебных задач, согласованность действий подразделений сводного отряда полиции в значительной мере зависит от качества управления ими при несении службы. Связь является материально-технической основой управления личным составом. Связь – это передача и прием с требуемым качеством различных видов информации в системах управления имеющимися силами и средствами. Широко известна поговорка: «Связь – как воздух: когда есть – не замечают, когда нет – задыхаются». Огромное значение для организации действий сводного отряда полиции в особых условиях имеет тактически грамотная организация связи[1].

Принято считать, что вся радиосвязь прослушивается. Возможным исключением являются радиостанции, работающие в формате DMR с 256-битным аппаратным шифрованием по протоколу AES. Их тоже можно взломать, но для осуществления взлома и прослушки сообщений придется потратить достаточное количество времени и усилий. Кроме того, станции, работающие в данном формате, отличаются повышенной устойчивостью к оглушению[2]. Постепенно увеличивается количество моделей радиостанций с системой закрытой связи «Веда» – специальным программным обеспечением, устанавливаемым на устройства гражданского сегмента системы DMR. «Веда» в отдельных случаях повышает состояние имеющегося устройства до закрытого средства связи с надежным шифрованием и необходимыми дополнительными функциями[3].

Тем не менее все тактические преимущества от использования радиосвязи будут потеряны, если хотя бы у одного из сотрудников сводного отряда полиции отсутствуют навыки радиообмена[4]. К числу обязательных среди сотрудников сводного отряда полиции относится умение передавать команды и сигналы по радиостанции через переговорные таблицы, цифровые сообщения, тональный вызов. Тональный вызов – это специальный звуковой сигнал, используемый в конвенциональной радиосвязи. Частота тонального вызова обычно составляет 1750 Гц. При нажатии кнопки передачи тонального вызова излучается сигнал, модулированный звуковым тоном данной частоты, который принимается вызываемым абонентом и воспроизводится на динамике его станции. При использовании радиостанций также стоит подумать об оснащении их гарнитурой (без нее станция работает в режиме громкой связи). При выполнении оперативно-служебных задач в особых условиях рекомендуется использовать короткие сеансы радиообмена, смену позиций, выведенные на несколько десятков метров в сторону антенны[5].

Один из основных принципов служебной радиосвязи при несении службы: сначала думай, затем передавай – решите, что вы хотите сказать, до того, как начнете передачу. Не перебивайте сослуживцев. Если вы слышите, что кто-то раньше вас начал сообщение, дождитесь его окончания и только тогда начинайте свое. Если вы попытаетесь вклиниться в разговор, не дождавшись окончания чужой передачи, то вы только создадите сильную помеху и не будете услышаны[6].

Следует помнить: когда кто-то что-то передает – будет слышно только его, если же два человека одновременно попытаются что-то передать, то не будет слышно никого. Если

[1] Лукьянов А.С. Основы построения инфокоммуникационных систем и сетей : учебное пособие. Воронеж : ВИ МВД России, 2022. 79 с.

[2] Подр.: Никулин С.Г. Особенности организации служебной радиосвязи при выполнении оперативно-служебных задач в особых условиях // Совершенствование методики преподавания специальных профессиональных дисциплин в образовательных организациях МВД России : материалы всероссийской научно-практ. конф. Краснодар, 15 февраля 2024 г. Краснодар : Краснодарский университет МВД РФ, 2024. С. 148-151.

[3] Практические рекомендации по применению средств и систем связи в условиях специальной военной операции. М. : ФКУ НПО «СТиС» МВД России, 2023. 39 с.

[4] Андреева Е.В. Специальная техника: учебное пособие. М. : КноРус, 2023. 456 с.

[5] Гражданские радиостанции (рации) в зоне СВО. URL: https://topwar.ru/211386-grazhdanskie-radiostancii-racii-v-zone-svo.html (дата обращения: 13.01.2025).

[6] Там же.

необходимо передать срочное сообщение, а в эфире ведутся переговоры, дождитесь паузы и передайте троекратную команду «Внимание». Соответственно, если вы услышали команду «Внимание», перейдите на прием.

Подаваемые вами голосовые команды и сигналы типа «Отход», «Я - 300», «… – 200» и т.п. – также слышит и противник (особенно в урбанизированной местности), что приводит его к повышенному возбуждению и боевой активности. Не произносите в эфире описание близлежащих ориентиров. Заранее обговорите и включите в свою речь особую лексику. Общайтесь на своем «языке» – не давайте ему повод воодушевляться. Использование национальных языков и диалектов народов России с добавлением профессионального сленга помогает защищать служебные переговоры от быстрой расшифровки в случаях радиоперехвата. В случае возникновения сомнения в принадлежности выходящей на связь (принимающей) радиостанции, запрашивается заранее установленный пароль или ответ на контрольный (проверочный) вопрос[1].

Тем не менее желательно вообще не пользоваться беспроводными средствами связи. Невозможно, но стремиться необходимо. Будь то портативная рация, радиостанция, установленная в бронетехнике, спутниковые терминалы, сотовая связь и т.д. – все это фиксируется, и даже без доступа к информации (без знания языка, без возможности прочитать, увидеть или услышать сообщение) специалист радиоразведки все равно поймет кто вы и где вы. Помните об этом всегда и никогда не сомневайтесь[2].

Если в процессе выполнения оперативно-служебных задач в особых условиях удалось завладеть радиостанцией противника (преступников) – слушайте внимательно и используйте любую возможность получить информацию о его расположении, перемещениях, потерях, позывных командиров (сообщников). При наличии возможности взять еще несколько аккумуляторных батарей (АКБ) к своей радиостанции следует брать не задумываясь. Изучайте и соблюдайте радиодисциплину. Однажды это может спасти жизнь вам и вашим сослуживцам[3].

Для реализации предъявляемых требований многое зависит от подготовки личного состава, уровня его служебного мастерства, способности по своим личным и профессионально важным качествам выполнять обязанности в условиях служебной командировки в составе сводного отряда полиции, умения использовать имеющиеся средства связи как индивидуально, так и в составе малых групп служебного предназначения. Переведите себя в боевой режим и несите службу с готовностью к любым испытаниям. Побеждайте и достигайте.

Сулейманов М.В.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Актуальные проблемы и перспективы профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

В условиях современных реалий система МВД России требует эффективного повышения действий, направленных на борьбу с преступностью и защиту граждан, для этого необходимо совершенствовать профессиональную подготовку настоящих и будущих сотрудников органов внутренних дел. Система образования не только в системе МВД

[1] Архиреев С.В. Начальная военная подготовка. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов-на-Дону: ООО «Современное военное издательство», 2024. 520 с.

[2] Подр.: Никулин С.Г. Подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к выполнению оперативно–служебных задач в особых условиях : методические рекомендации. Казань : КЮИ МВД России, 2025. 173 с.; Специальная подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, привлекаемых к несению службы в особых условиях : курс лекций / под общ. ред. д-ра пед. наук, проф. Ф.К. Зиннурова. Казань : КЮИ МВД России, 2024. 485 с.

[3] Управление сетями связи специального назначения : учебник: доп. МВД РФ / О.И. Бокова, А.Н. Глушков, С.В. Канавин [и др.]; Главное управление по работе с личным составом МВД Российской Федерации. 2-е изд. М. : ГУРЛС МВД России, 2022. 184 с.; Специальная подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, привлекаемых к несению службы в особых условиях: электронный курс лекций / под общ. ред. д-ра пед. наук, проф. Ф.К. Зиннурова. Казань : КЮИ МВД России, 2025.

России, но и во всем мире требует эффективной реструктуризации. В настоящее время появляется проблема кадров из-за устаревания программ, которые в настоящее время не могут идти в ногу со временем и поэтому большинство выпускников приходиться переучивать. Стоит отметить, что сотрудники МВД России должны постоянно совершенствовать свои знания, которые не должны ограничиваться лишь знаниями, полученными в образовательном учреждении. Необходимо совершенствовать знания в системе профессиональной, служебной и физической подготовки. Во время службы в органах внутренних дел в системе профессиональной, служебной и физической подготовки руководителями учебных групп и начальниками подразделений осуществляется подготовка сотрудника к его непосредственной служебной деятельности, устраняются имеющиеся пробелы в приобретении знаний умений и навыков.

Сотрудники, впервые принятые на службу, проходят профессиональную подготовку в образовательных учреждениях системы МВД России для приобретения основных профессиональных знаний и умений, необходимых им для дальнейшего выполнения возложенных на них обязанностей. Профессиональная деятельность будущих сотрудников органов внутренних дел предполагает выполнение своих обязанностей в четких рамках правового регламентирования. На сотрудников полиции возлагаются задачи по обеспечению безопасности граждан, охраны общественного порядка и пресечению преступлений. Так как на будущих сотрудников возложены многообразные задачи, то им необходимо четко знать все свои права и обязанности, которые обеспечат им собственную безопасность в ходе выполнения профессиональных обязанностей. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что деятельность будущих сотрудников органов внутренних дел требует соблюдения моральных норм, гуманизма, неподкупности и справедливости. Для приобретения всех этих качеств сотруднику необходимо пройти высокий уровень подготовки. В нормативных правовых документах, регламентирующих профессиональную подготовку правоохранительных органов, данное понятие определяется как специальная профессиональная система. Данная система реализуется в образовательных учреждениях и на нее возложены обязанности по формированию и повышению профессиональной компетенции будущих сотрудников органов внутренних дел. В данной статье рассматривается профессиональная подготовка как непрерывный процесс освоения специальными знаниями и умениями, необходимыми для дальнейшей работы новоиспеченных сотрудников для выполнения своих профессиональных обязанностей. Профессиональная подготовка в настоящее время должна отражать не только современное состояние науки, но и перспективы будущего развития. Выделим основные организационные виды обучения, благодаря которым можно обеспечить последовательность и непрерывность образовательного процесса: начальная подготовка, служебная и боевая подготовка, стажировка, самостоятельная подготовка, повышение квалификации, переподготовка. Каждый из вышеуказанных организационных видов обучения будущих сотрудников правоохранительных органов имеет четкую последовательность в соответствии со специальностью.

По нашему мнению, систему подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел необходимо организовывать поэтапно. Основой данной системы выступают принципы регулярности, последовательности, динамичности, непрерывности. Но стоит отметить, что, к сожалению, учебные программы не успевают идти в ногу со временем и далеки от ситуаций в реальной жизни. Так, в большинстве учебных заведений уровень слушателей низок в связи с формально проводимым входным контролем, вследствие чего не получается в полном объеме видеть уровень знаний слушателей и при обучении слушатель и преподаватель сталкиваются с рядом трудностей из-за недостатка знаний.

Основной вектор в профессиональном образовании сейчас направлен на самообразование, но большинство слушателей недобросовестно относятся к такому методу, в связи с чем имеют пробелы в тех или иных дисциплинах. Также стоит отметить проблему практических занятий, которые в настоящее время значительно сокращены, хотя стоит указать, что именно благодаря практическим занятиям будущий сотрудник должен уметь сопоставить связь теории с практикой и применять в дальнейшем для решения профессиональных задач.

Качественная подготовка сотрудников, впервые принятых на службу в ОВД, возмож-

на при построении учебно-воспитательного процесса в виде единой целостной системы, последовательно охватывающей этапы всего периода обучения и учитывающей при этом уровень профессионально-педагогической подготовленности должностных лиц, задействованных в обучении, владение ими передовыми технологиями и методиками обучения, направленными на развитие профессиональных качеств полицейского-профессионала[1]. Педагог – ключевая фигура в образовательном процессе, он должен уметь «трансформироваться» под современные реалии, учитывать политическую обстановку и на основе этого применять те навыки и умения в образовательном процессе, которые помогут обучаемому стать высококвалифицированным специалистом в условиях скоротечного развития актуальной действительности.

Поверхностное обучение и игнорирование предписанных норм зачастую приводит к последствиям, когда неграмотные действия, особенно молодых сотрудников, приводят к ситуациям, имеющим общественный резонанс, что подрывает авторитет правоохранительной системы в целом. Педагог должен прививать обучающимся высокие моральные ценности, чувство гордости за принадлежность к системе ОВД и в то же время чувство ответственности.

Ключевую роль в процессе профессиональной и служебной подготовки служащего правоохранительных органов, организации их деятельности и профессионального взаимодействия необходимы строгая согласованность всех участников образовательного процесса, подчинение их конечной цели и искомому результату, который одновременно является и главным критерием эффективности подготовки кадров в образовательных организациях МВД России. Необходимыми и достаточными условиями для функционирования системы профессиональной подготовки сотрудников ОВД являются внедрение новых форм и методов обучения слушателей на основе интенсивных педагогических технологий, создание практической основы для быстрой реализации дифференцированной, качественной профессиональной подготовки кадров, призванных работать в новых условиях становления и развития правового государства, – это то, чем обусловлен успех профессиональной деятельности сотрудника МВД России.

Ковтун В.В.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел при осуществлении следственных действий

Следственные действия, представляющие собой систему приемов и действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие доказательств по делу, а также на установление обстоятельств совершения преступления, являются важнейшей функцией органов внутренних дел. Однако при проведении следственных действий обычно существуют потенциальные опасности, связанные с тем, что подозреваемый или обвиняемый может оказать активное сопротивление для того, чтобы создать препятствия для следствия. Производство следственных действий входит в круг полномочий дознавателей, следователей при оказании содействия со стороны лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. На основании ст. 2 Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» к лицам, подлежащим государственной защите, относятся следователи, лица, производящие дознание и лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность[2]. Таким образом, при проведении следственных действий сотрудники органов внутренних дел должны следовать правилам личной безопасности, действовать тактически грамотно.

[1] Коблов Ф.Ч. К вопросу о совершенствовании профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел в период прохождения обучения в образовательных организациях МВД России // Концепт. 2016. № 47. С. 15-19.

[2] Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 24.

Рассмотрим личную безопасность сотрудника при проведении следственных действий на примере обыска. Обыск является одним из эффективных приемов сбора доказательств по уголовному делу. Как и иные следственные действия, обыск носит принудительный характер и влечет ограничения конституционных прав граждан, в том числе на неприкосновенность частной жизни и жилища. Основания и порядок производства обыска регламентирован уголовно-процессуальным законодательством, тем не менее необходимо учитывать, что могут произойти ситуации, несущие опасность как для сотрудников полиции, так и для иных лиц, участвующих в производстве следственных действий. В частности, подозреваемый может использовать некоторые объекты и предметы в качестве оружия, взрывного устройства, использовать в месте проведения обыска ядовитые и радиоактивные вещества. Источником опасности также может быть и само лицо, у которого проводится обыск. Обеспечение личной безопасности сотрудников полиции при производстве обыска можно разделить на две стадии: до прибытия на место обыска, то есть подготовительная стадия, и по прибытии на место обыска – непосредственно при осуществлении данного следственного действия. Так, на подготовительном этапе сотрудники полиции должны предпринять определенные меры, направленные на обеспечение личной безопасности, а именно:

1) изучить особенности объекта, где будет осуществляться обыск, в том числе определить внутреннюю планировку, входы, выходы, окна и т.д. На основе полученной информации должен быть осуществлен расчет необходимого объема сил и средств, которые должны участвовать в проведении обыска;

2) изучить особенности личности лица, у которого будет осуществляться обыск (склонность к агрессии, поведенческие особенности, особые навыки, физические навыки и т.д.), а также то, какое преступление было совершено (степень тяжести, примененные орудия и средства);

3) экипироваться должным образом, использовать средства индивидуальной бронезащиты, иметь и грамотно разместить на себе оружие, средства ограничения подвижности, средства связи, фонарь, индивидуальную аптечку, удобную качественную обувь, перчатки и т.д.;

4) определить подходящее время для прибытия сотрудников, используя фактор внезапности;

5) следователь должен провести инструктаж со всеми сотрудниками, участвующими в обыске, в том числе по обеспечению личной безопасности. Каждый из них должен быть осведомлен об его обязанностях и порядке проведения обыска[1].

Обеспечение личной безопасности во многом зависит от подготовительной стадии, на которой закладываются основы системы защитных мер. Перед началом обыска необходимо оценить обстановку и возможные опасности на месте и соответственно скорректировать тактику своих действий. Сотрудники должны быть готовы психологически и физически применить физическую силу, специальные средства, а если потребуется и огнестрельное оружие для пресечения преступных действий злоумышленников на основаниях статей 20-23 Федерального закона «О полиции». Для гарантирования личной безопасности рекомендуется выставить наряд полиции перед началом обыска, чтобы наблюдать за объектом и предотвратить вторжение посторонних лиц. При обнаружении взрывных устройств, опасных веществ обыск должен быть приостановлен, участники эвакуированы, и вызваны специалисты для их обезвреживания.

В случае конфликтных ситуаций в ходе обыска следователю следует оставаться хладнокровным, вести себя уверенно, следовать нормам этики, пытаться урегулировать конфликт и быть готовым к отражению нападения со стороны подозреваемого, при необходимости вызвать помощь через оперативного дежурного. Во время обыска необходимо избегать поворотов спиной к подозреваемым, стараться контролировать их действия, предотвращать доступ к предметам, с помощью которых можно причинить ранение или травму. Такие меры помогут избежать возможных угроз для личной безопасности сотрудника. Соблюдение правил не только способствует обеспечению безопасности при обыске, но также является важным компонентом профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

1 Труфанов Н.И., Тамбовцев Е.А. Особенности обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД, участвующих в проведении обыска // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 3(7).

Также следует отметить, что уровень безопасности сотрудников полиции напрямую зависит от развития их профессиональных навыков. Качественное обучение и подготовка, особенно в области тактических, физических и стрелковых навыков, необходимы для успешного применения умений в реальных ситуациях.

Гричанов А.С.,

кандидат педагогических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Шориков А.Р.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ ТАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Достижение определенных результатов, качественное и эффективное выполнение поставленных оперативно-служебных задач, а также сохранение боеспособности подразделения и минимизация потерь среди личного состава обуславливают необходимость постоянной работы над повышением уровня компетентности и тактико-технического мастерства каждого сотрудника полиции[1].

Одним из основных методов обучения, позволяющих создавать в процессе подготовки сотрудников полиции условия, реально приближенные к боевым, является ситуационный метод. Анализ отечественного педагогического опыта говорит о предпочтении вузами метода конкретных ситуаций. По этому поводу И.Л. Гросс отмечает: «Метод конкретных ситуаций эффективен прежде всего для формирования таких ключевых профессиональных компетенций, как коммуникабельность, лидерство, умение анализировать в короткие сроки большой объем неупорядоченной информации, принятие решений в условиях стресса и недостаточной информации. В этом своем качестве он выступает как принципиально необходимое дополнение к лекционной методике проведения занятий, которая является «каркасообразующим» элементом обучения в классической и университетской системах образования»[2].

Особые условия выполнения сотрудниками полиции своих оперативно-служебных задач акцентируют внимание на конкретных средствах ситуационного метода обучения. К ним относятся ситуационные стрельбы, включающие комплекс тактико-технической и огневой подготовки. Ситуационные стрельбы необходимо проводить в составе подразделения. Смоделированная ситуация, особенно нештатная, в процессе подготовки позволяет вырабатывать у сотрудников полиции определенные навыки, формировать психологическую устойчивость к действиям в экстремальных условиях. Кроме того, с целью тактической и технической подготовки сотрудников в элементах боевого порядка целесообразно использовать новейшие виды и системы вооружения, специальные средства, приборы, а также средства индивидуальной бронезащиты, предпочтительно отечественного производства.

Основными формами подготовки к ситуационным стрельбам является проведение тактико-специальных занятий и огневой подготовки. При этом необходимо максимально использовать экипировку и снаряжение, применяемое в работе. Важно подчеркнуть, что практические занятия по тактико-специальной подготовке имеют ряд специфических целей. Одной из важнейших целей представляется наработка профессиональных умений и навыков, необходимых для повышения продуктивности взаимодействия сотрудников полиции в ходе выполнения ими поставленных оперативно-служебных задач. Для наработки определенных навыков рекомен-

[1] Гричанов А.С. К проблемам обеспечения личной безопасности сотрудников полиции во время несения службы по охране общественного порядка // Актуальные вопросы тактики охраны общественного порядка и общественной безопасности. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2017. С. 191-194.

[2] Гросс И.Л. Технологии ситуационного метода обучения в профессионально-прикладной стрельбе // Образование. Наука. Научные кадры. 2012. № 6. С. 119-123.

дуется наращивать интенсивность проведения занятий. В сочетании с физической усталостью и грамотными, четкими действиями сотрудники приобретают опыт и, как следствие, способны качественно выполнять поставленные оперативно-служебные задачи.

С целью исключения травматизма каждое занятие необходимо начинать с разминки. Как считают Е.И. Романов, Р.И. Носатый и Д.А. Морозова: «Основным и главенствующим методом подготовки стрелка является тренировка с оружием «вхолостую», представляющая собой комплекс тренировочных упражнений для отработки основных технических элементов, навыков и приемов стрельбы»[1]. Также тренировка технических элементов с оружием обуславливает формирование и развитие ряда положительных аспектов. Так, регулярные тренировки способствуют выработке и совершенствованию необходимых профессиональных навыков и умений у сотрудников полиции. Вместе с этим происходит наработка двигательных навыков, направленных на безопасное обращение с оружием. Методически правильным можно считать метод индивидуального подхода к обучению каждого сотрудника, но в перспективе необходимо подготавливать базу к переходу от индивидуальной подготовки к групповой. Техническая тренировка предполагает занятия, которые будут проходить продолжительное время. Работа с целенаправленным, многократным, последовательным и сознательным повторением ряда двигательных действий должна занимать не менее 45-60 минут.

Занятия по огневой подготовке с включением стрелковых тренировок имеют цель выработки необходимых технических стрелковых навыков и умений у сотрудников полиции. Стрелковые тренировки должны проводиться в любых погодных условиях, при естественном и искусственном освещениях, днем и ночью. Необходимо моделировать определенные «жизненные» ситуации, при этом активно использовать возможности тактических полигонов и стрельбищ. Проводить занятия на открытом и пересеченном участках местности, в разрушенных объектах, зданиях, строениях, сооружениях и т.д.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что совершенствование педагогического обеспечения в рамках тактико-технической подготовки сотрудников полиции способствует повышению стрессоустойчивости, стабильности и результативности выполнения специальных упражнений в ходе ситуационных стрельб. Увеличение интенсивности тренировок в рамках ситуативных стрельб позволяет минимизировать влияние внешних сбивающих факторов на функциональное состояние сотрудника, при этом возрастают возможности стабилизации техники стрельбы в экстремальных ситуациях особых условий несения службы. Увеличение уровня качества технико-тактических навыков позволяет говорить о важности использования в образовательном процессе наиболее эффективных и инновационных методик для повышения способностей сотрудников полиции к самоорганизации при выполнении оперативно-служебных задач, в особых условиях резко меняющейся оперативно-тактической обстановки.

Шпичко В.А.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ТАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ В РАМКАХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Специальная военная операция в рамках военного конфликта сопровождается риском для жизни и здоровья. В таких условиях тактическая медицина становится ключевым элементом в оказании компетентной медицинской помощи. Задача тактической медицины заключается в предоставлении первой помощи непосредственно на поле боя и в догоспитальном этапе, где время и навыки становятся критически важными факторами для спасения жизней.

В рамках профессиональной подготовки тактическая медицина играет определяющую роль, обеспечивая медицинские знания и на-

[1] Романов Е.И., Носатый Р.И., Морозова Д.А. Физическая и специально техническая подготовка в практической стрельбе // Мир науки. 2018. Т. 6. № 6. С. 59.

выки для оперативной и компетентной реакции на различные травмы, полученные в особых условиях. От правильной подготовки и действий сотрудников ОВД в особых условиях зависят не только жизнь и здоровье сотрудников, но и успех военной операции в целом.

Цель данных тезисов заключается в исследовании роли тактической медицины в контексте профессиональной подготовки. Актуальность исследования обусловлена необходимостью постоянного совершенствования первой помощи в системе профессиональной подготовки в условиях изменяющихся угроз различной направленности и технологических новаций.

Для проведения исследования был осуществлен анализ научных работ, касающихся тактической медицины, профессиональной подготовки и оказания первой помощи в особых условиях. Были рассмотрены как отечественные, так и зарубежные источники.

Тактическая медицина – комплекс действий первой помощи и тактических действий, проводимых в условиях непосредственного соприкосновения с правонарушителем для оказания первой и расширенной первой помощи раненым[1].

Мировой опыт ведения вооруженных конфликтов, начиная с войн XX века и до современных дней, лег в основу современных принципов организации медицинской службы. Сегодняшние стандарты направлены на оказание квалифицированной помощи раненым и больным на всех этапах медицинской помощи, включая и самые критические ситуации.

Есть достаточно большое количество нормативных правовых актов в Российской Федерации, включающих порядок оказания медицинской помощи в различных чрезвычайных ситуациях.

Например, Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» содержит порядок организации здравоохранения в Российской Федерации. Предусматривается медицинская помощь как в повседневной жизни, так и в различных экстремальных и чрезвычайных условиях. Закон закрепляет права и обязанности сотрудников ОВД оказывать первую помощь независимо от обстоятельств, с соблюдением необходимых стандартов, этики и, самое главное, мер безопасности.

Еще одним важным нормативным правовым актом является приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации». В нем четко прописано о том, что каждый сотрудник обязан проходить обучение по тактической медицине и в любом экстренном или неотложном случае, который угрожает опасностью для его здоровья и жизни или других, оказывать первую помощь. Поэтому должны создаваться специальные группы тактических медиков, которые будут сопровождать сотрудников в особых условиях и оказывать первую помощь прямо на месте оперативно-служебных действий. Для всего этого им необходимо проходить обучение по разработке определенных процедур и тактик, которые помогут быстро и правильно оказать помощь раненым сотрудникам непосредственно под огнем, с использованием специального медицинского оборудования.

Сотрудники ОВД проходят определенное специализированное обучение по получению знаний и навыков в области тактической медицины. Сам курс по данной теме включает в себя как теорию, так и практику, на которой отрабатывается правильный порядок действий при оказании первой помощи в различных экстремальных условиях, в том числе СВО. Упражнения выполняются на специальных манекенах. Самая главная цель обучения – выработать у сотрудников четкое представление о том, как нужно эффективно и быстро оказывать помощь в опасной обстановке в особых условиях.

Указанные нормативные акты обеспечивают правовую основу для организации и функционирования тактической медицины в России, обеспечивая высокий уровень медицинской помощи экстремальных условиях.

В условиях проведения специальных и антитеррористических операций существует необходимость привлечения специально обученных сотрудников для оказания первой помощи. Однако работа этих бригад происходит в условиях повышенной опасности или даже враждебной обстановки, что требует изменения стандартных протоколов. Их эф-

[1] Катулин А.Н., Хубезов Д.А., Рахаев Д.С. Карточки спасения: Первая помощь и тактическая медицина. Москва, 2024. 30 с.

фективность зависит от того, насколько успешно они могут адаптировать свои методы к условиям повышенной опасности и стресса. Для этого необходимо разработать специальные подходы, учитывающие уникальные требования оперативных ситуаций. Только такие адаптированные методы могут обеспечить эффективную и своевременную помощь в критических ситуациях, спасая жизни и уменьшая потери.

Следует отметить, опыт СВО показал, что обученные сотрудники действуют грамотно и быстро при оказании само- и взаимопомощи.

Сотрудники ОВД проходят определенное специализированное обучение по получению знаний и навыков в области тактической медицины. Сам курс включает в себя как теорию, так и практику, на которой отрабатывается правильный порядок действий при оказании первой помощи в различных экстремальных условиях, в том числе военной операции. Упражнения выполняются на специальных манекенах. Самая главная цель обучения – выработать у сотрудников четкое представление о том, как нужно эффективно и быстро оказывать помощь в опасной обстановке в особых условиях.

Большинство тактических специалистов – это сотрудники, имеющие специализированное образование, но с дополнительной подготовкой и опытом в тактических операциях.

Важным аспектом тактической медицины являются также знание и применение средств защиты от опасностей, таких как заражения и химические угрозы. Сотрудники должны быть обучены работе с современным снаряжением и средствами индивидуальной защиты, чтобы обеспечить свою безопасность и пострадавших во время оказания помощи.

Современные методы обучения тактической медицине включают использование симуляционных тренировок и практических упражнений, которые помогают врачам развивать навыки работы в экстремальных условиях. Это включает сценарии с массовыми несчастными случаями, боевыми действиями или естественными катастрофами, которые помогают медицинскому персоналу готовиться к реальным ситуациям и принимать эффективные решения в условиях стресса и ограниченных ресурсов.

В тактической медицине существует алгоритм «КУЛАК-БАРИН», который через мнемоническое правило позволяет закрепить свои навыки по порядку оказания первой помощи в особых условиях.

Алгоритм «КУЛАК-БАРИН» обеспечивает эффективное обучение по оказанию первой помощи в этих условиях, что способствует снижению смертности и повышению шансов выживания раненых сотрудников.

Что касается эффективности данного алгоритма, можно привести в пример исследование, проведенное за 2023 год сотрудниками специальных подразделений. В данном исследовании проводилась оценка алгоритма «КУЛАК-БАРИН»[1] в тактической медицине использованием научно обоснованных руководств по оказанию помощи раненым в особых условиях. Данный анализ включал самооценку уверенности участников в оказании помощи раненым и изменение уровня знаний в области ухода за ранеными до и после обучения. Также оценивались клинические навыки наложения жгута, установки носоглоточных воздуховодов и игольной декомпрессии грудной клетки. Результаты показали статистически значимое увеличение уровня уверенности участников и повышение знаний после завершения обучения. Все они успешно прошли практическую часть обучения, демонстрируя навыки наложения жгута, окклюзионной повязки и тампонады раны.

Алгоритм тактической медицины «КУЛАК–БАРИН» представляет собой значимую систему, которая может быть успешно применена и в России. Если проработать данную методику в стране, то можно улучшить эффективность оказания медицинской помощи в особых условиях, тем самым повышая выживаемость раненых солдат. Но чтобы успешно реализовать алгоритм «КУЛАК-БАРИН», нужно углубиться в подробное ее исследование, а также адаптировать стандарты к местным условиям как территориальным, так и климатическим.

В заключение можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации очень качественно подходят к изучению тактической медицины как в области профессиональной подготовки, так и в целом во всех экстремальных

[1] Катулин А.Н., Хубезов Д.А., Рахаев Д.С. Карточки спасения: Первая помощь и тактическая медицина. М., 2024. 30 с.

и чрезвычайных ситуациях. Очень грамотно и четко проработаны курсы в достаточно многих учреждениях, специализация которых направлена именно на подготовку сотрудников к оказанию помощи в различных опасных обстановках, например, при непосредственном соприкосновении с преступником.

Васильева Т.Б.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Использование беспилотных воздушных судов в обучении слушателей факультетов профессиональной подготовки образовательных организаций МВД России

В последние годы использование беспилотных воздушных судов (далее – БВС) для решения оперативно-служебных задач правоохранительными органами приобретает все большую актуальность и значимость как в Российской Федерации, так и за рубежом. Принятие в 2016 г. на снабжение в органы внутренних дел различных образцов БВС и специальных технических средств противодействия им привело к активному их изучению и применению в служебной деятельности.

В Красноярском крае в марте 2023 г. был создан отдел применения и эксплуатации робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов Центра информационных технологий, связи и защиты информации ГУ МВД России по Красноярскому краю.

В ноябре 2022 г. в Сибирском юридическом институте МВД России была разработана основная программа профессионального обучения «Повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, привлекаемых к несению службы (выполнению оперативно-служебных задач) в особых условиях», которая включает тему 8 «Средства оперативной радиосвязи. Технические средства разведки. Робототехнические комплексы, беспилотные авиационные системы и специальные средства противодействия им. Тактика применения робототехнических комплексов, беспилотных авиационных систем и средств противодействия им. Меры личной и коллективной безопасности».

В апреле 2024 г. были утверждены новые основные программы профессионального обучения лиц различных категорий обучающихся, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» по должности служащего «Полицейский». В новые программы включена тема 6.13 «Беспилотные воздушные суда и средства противодействия им. Роботизированные комплексы».

В рамках указанных тем изучаются классификация, функциональные возможности и тактико-технические характеристики БВС и специальных средств противодействия им, применяемых Министерством обороны России, войсками национальной гвардии, МВД России; типы, виды и тактика применения БВС для обследования населенного пункта, зданий, инженерных сооружений, помещений; использование БВС в преступных целях; типы, виды и тактика применения специальных средств для пресечения нахождения БВС в воздушном пространстве в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан над местом проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, слушатели изучают тактико-технические характеристики БВС и средств противодействия им (надежность, функциональность, время развертывания), применяемые для наблюдения («Орлан», «ZALA», «Supercam», «DJI Mavic3Cine-PremiumCombo»), для предупреждения появления БВС, определения типа, расстояния, подавления БВС («Стриж», «Солярис Н», «Защита», «Скворец», «Соловей», «Матрица», «Аргумент»), для противодействия БВС на марше и прикрытия «невидимых зон» стационарных РЭБ («Термос-2»), для разведки и атаки цели БВС («ZALA» «Ланцет» и «Куб», для разведки и поражения цели БВС («DJI Matrice 300 RTK»), для визуально контролируемого блокирования (в течение 30 мин.) БВС (используемых длительное время в режиме «зависания») в воздушном про-

странстве над местом проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории (ручные комплексы борьбы с БВС «Аргумент», «Гарпун», «Репеллент-Патруль»).

Также изучаются особенности летной подготовки авиационного персонала БВС, подготовка операторов применения БВС для выполнения специальных задач в условиях городских застроек, сложного рельефа местности, попадания в зоны действия РЭБ, в ручном режиме на тренажерах-гоночных симуляторов с поддержкой мультиплеера, особенности применения БВС и средств противодействия им для обеспечения безопасности пунктов временной дислокации, блок-постов, сопровождения колонн на марше, ориентировании на местности, разведки (оценка оперативной обстановки, целеуказание); проверка защищенности объектов и образцов применяемых БВС и специальных средств противодействия им в условиях, приближенных к эксплуатации.

Как отмечают Ю.А. Грачев[1], А.А. Кежов[2] и другие исследователи, применение современных беспилотных летающих комплексов достаточно дорогое мероприятие. Помимо того, что стоимость самого судна достаточно велика, необходимо учитывать еще и затраты на его ремонт и содержание.

Применение БВС в деятельности правоохранительных органов осложняется рядом факторов. Преступники используют БВС для совершения различных преступных деяний, таких как контрабанда наркотических средств и психотропных веществ, незаконная съемка стратегически важных объектов или объектов критической информационной инфраструктуры, иная незаконная разведывательная деятельность. Перечисленные действия требуют от сотрудников правоохранительных органов использовать более совершенные, но зачастую не адаптированные под специфику расследования различных категорий преступлений, БВС технологии. Именно поэтому, на наш взгляд, необходима разработка специальных тактик и технических решений непосредственно для целей и задач, стоящих перед органами внутренних дел в борьбе с преступностью.

Использование БВС с преобладающими характеристиками будет актуально и при проведении публичных или массовых мероприятий, на которых органы внутренних дел обеспечивают охрану общественного порядка и общественной безопасности. Так, в соответствии с ч. 6 ст. 23 Федерального закона «О полиции»[3] органам правопорядка запрещено использование огнестрельного оружия для пресечения нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве. Для пресечения функционирования беспилотных аппаратов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел, в том числе в месте проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории целесообразно применение воздушных судов со специальным снаряжением.

В настоящее время проблема, связанная с противодействием БВС, является достаточно актуальной. Современные БВС, оснащенные специальным оборудованием, могут выполнять значительный спектр боевых задач, нести потенциальную угрозу для жизни и здоровья граждан.

Основной задачей, стоящей перед органами внутренних дел, в отличие от других правоохранительных структур, является оказание противодействия БВС гражданского назначения. И под противодействием мы будем понимать вопросы, связанные с обнаружением, идентификацией и противодействием, как правило, малоразмерных БВС.

Среди ключевых проблем следует отметить возрастающую роль высоких технологий, которыми сегодня успешно пользуются не только законопослушные граждане, но и преступники. Осложняется обстановка в растущих мегаполисах, и контролировать в них порядок прежними способами либо не получается, либо удается с трудом. Другой проблемой становится «кадровый голод». И если в крупных городах ситуация более или менее сбалансирована, то в сельской местности и в отдаленных населенных пунктах все намного сложнее.

Перечисленные проблемы не являются исчерпывающим перечнем сложностей. Однако с ними в той или иной мере сталки-

[1] Специальная техника органов внутренних дел : в 2 ч. : учебник / под общ. ред. В.М. Соколова, А.А. Кежова, Ю.А. Грачева. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. 544 с.

[2] Кежов А. А. Организационно-правовое обеспечение беспилотных комплексов в системе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3(71). С. 40-43.

[3] О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ.

ваются во многих странах. Отсюда схожесть принимаемых мер по охране правопорядка и принятие схожих технологий борьбы с преступностью. В частности, во многих странах переходят к так называемым умным технологиям, включающим использование компьютеров, облачных технологий, элементов искусственного интеллекта и беспилотных технологий. Использовать все это в комплексе удается не всем: это требует приличных затрат, подготовленных кадров и многого другого. Не всем подразделениям полиции и других силовых структур требуется полный «арсенал» «умных технологий». Кому-то достаточно одного или нескольких летательных аппаратов с соответствующим программным обеспечением. В этом случае не требуется долго и тщательно готовить кадры и вникать в сложнейшие детали компьютерных технологий. Полагаем, что использование профессиональных БВС вместе с фирменным или разработанным специально для нужд полиции программным обеспечением может стать реальным выходом из сложившейся непростой ситуации.

Обеспечение безопасности и правопорядка является важнейшей задачей органов внутренних дел Российской Федерации. Подготовка сотрудников полиции к решению задач по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, безопасности граждан являются приоритетными направлениями МВД России. Таким образом, принятие на вооружение МВД России БВС и специальных технических средств противодействия им было продиктовано необходимостью повышения уровня общественной безопасности, а также совершенствования работы правоохранительных органов. БВС дают правоохранительным органам возможность получения значимой информации в режиме реального времени, которая может быть использована для оперативного и эффективного выполнения правоохранительных функций органов внутренних дел.

Костылев А.О.,

кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Формы обучения вопросам боевой готовности и служебно-боевой подготовки руководства образовательных учреждений МВД России

Вопросы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов всегда находились в центре повышенного внимания. Среди них особое внимание МВД России уделяет направлениям служебно-боевой подготовки и боевой готовности. Образовательные организации системы МВД России являются резервом Министра МВД Российской Федерации, что определяет особую значимость подготовки их личного состава к выполнению как оперативно-служебных, так и служебно-боевых задач.

Возрастание стоящих перед образовательными организациями задач потребовало усиления работы по ее организации, практическому наполнению и контролю. Приказом МВД России от 10 февраля 1997 г. №74[1] в образовательных организациях системы МВД России вместо должности заместителя начальника по строевой подготовке введены должности заместителя начальника по служебно-боевой подготовке, в чью обязанность входила деятельность по совершенствованию готовности личного состава к выполнению поставленных задач.

Это направление работы потребовало новых подходов к ее организации. С этой целью Управлением профессиональной подготовки Главного управления кадров МВД России были осуществлены меры по повышению действенности и практической направленности всех составляющих подготовки.

Помимо нормативного правового регулирования и ежегодного сбора информации о состоянии работы по укреплению боевой готовности, гражданской обороны и служебно-боевой подготовки образовательных организаций системы МВД России действенными

[1] Об утверждении нормативов штатной численности и перечня должностей начальствующего состава, соответствующих им специальных званий в образовательных учреждениях МВД России : приказ МВД России от 10.02.1997 № 74.

приемами по ее совершенствованию стали целевые выезды с целью проверки реального состояния дел и семинары-совещания с заместителями начальников образовательных учреждений МВД России по служебно-боевой подготовке. Таких семинаров было проведено три: региональные – в Брянской специальной средней школе милиции МВД России (1998 г.) и в Сибирском юридическом институте МВД России (2000 г.), а также всероссийский – в Омской академии МВД России (2001 г.)[1]. Планировался и четвертый, но по ряду причин больше семинаров-совещаний с этой категорией руководителей не проводилось, хотя потребность в них остается высокой.

Подробнее остановимся на содержании и итогах проведенных семинаров-совещаний.

Семинары имели своей целью дать методику осуществления служебно-боевой подготовки в образовательных организациях системы МВД России, обмен передовым опытом работы, практическую демонстрацию всех видов деятельности на конкретных примерах.

В ходе их проведения руководством Главного управления кадров МВД России были подведены итоги деятельности за предшествующий период и поставлены задачи по совершенствованию служебно-боевой подготовки. Представители разных учебных заведений в своих выступлениях осветили значимые вопросы и направления деятельности. На базе принимающего образовательного учреждения осуществлены:

– показательные занятия по огневой, физической и тактико-специальной подготовке;

– строевой смотр с инспекторским опросом;

– показ внутреннего порядка в курсантских общежитиях;

– демонстрация порядка хранения и сбережения оружия, боеприпасов и специальных средств;

– показательные учения по приведению образовательного учреждения в высшие степени боевой готовности; по пресечению захвата собственных объектов и совершения террористических актов на них; по действиям в случае возникновения пожара и иных чрезвычайных ситуаций вблизи расположения учебного заведения; по эвакуации личного состава и имущества в загородный район

Проведенные мероприятия позволили научить заместителей образовательных учреждений по служебно-боевой подготовке методике работы по направлениям их деятельности, обменяться практическим опытом, дать ответы на интересующие их вопросы.

В ходе проведения семинаров-совещаний были разработаны ряд проектов документов:

1) Инструкция о порядке и правилах проверки и оценки служебно-боевой подготовки образовательных учреждений МВД России;

2) Квалификационная характеристика к должности заместителя начальника образовательного учреждения по служебно-боевой подготовке.

Материалы семинаров-совещаний были опубликованы в отдельных сборниках.

Результаты проведения семинаров-совещаний получили высокую оценку со стороны руководства Министерства внутренних дел Российской Федерации, а их материалы попрежнему используются в практической деятельности образовательных организаций системы МВД России.

В современных условиях заместителям начальников образовательных учреждений по организации службы требуются обновленные подходы к ведению в подчиненных подразделениях служебно-боевой подготовки. Решению этих задач может помочь проведение семинаров-совещаний с этой категорией руководителей, как уже положительно зарекомендовавшая себя форма обучения.

[1] Актуальные проблемы повышения боевой готовности образовательных учреждений МВД России : материалы семинара-совещания с заместителями начальников образовательных учреждений МВД России по служебно-боевой подготовке (27-29 ноября 2000 года). Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2001. 107 с.; Актуальные проблемы повышения служебно-боевой подготовки и боевой готовности образовательных учреждений : материалы Всероссийского семинара-совещания заместителей начальников образовательных учреждений МВД России по служебно-боевой подготовке (5-7 ноября 2001 г.). Омск : Омская академия МВД России, 2002. 104 с.

Матвеев А.В.,

кандидат юридических наук
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России (п. Мурино)

Совершенствование профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел как условие эффективности противодействия киберпреступности

В связи с приобретением информационными технологиями глобального трансграничного характера и внедрением их во все сферы деятельности личности, общества и государства, одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительной системы государства на современном этапе становится повышение эффективности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий[1].

Невзирая на актуальность противодействия рассматриваемой категории преступлений, понятие преступления, совершенного с использованием информационных технологий (далее – киберпреступление), в настоящее время юридической наукой не выработано и положениями действующего законодательства не закреплено. В настоящем исследовании понятие киберпреступления рассматривается в рамках подхода, предложенного учеными-исследователями ВНИИ МВД России И.Б. Колчевским и Г.Э. Бицадзе, которые сформулировали понятие киберпреступления как противоправного общественно опасного деяния, причиняющего вред разнородным общественным отношениям, совершаемого с использованием информационных технологий, информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей[2].

Об особой актуальности принятия мер по противодействию киберпреступлениям свидетельствуют статистические данные. Согласно характеристике состояния преступности в Российской Федерации за январь – ноябрь 2024 года, в Российской Федерации за указанный период зарегистрированы 702 923 киберпреступления, что на 14,3% больше, чем за аналогичный период 2023 года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 34,1% в январе-ноябре 2023 года до 39,9%. Почти половина киберпреступлений относится к категориям тяжких и особо тяжких, четыре преступления из пяти совершаются с использованием сети Интернет, почти половина – средств мобильной связи. Подавляющее большинство совершаемых киберпреступлений (98,7%) выявляется органами внутренних дел[3].

Приведенные статистические данные одновременно свидетельствуют о стремительном развитии киберпреступности, наличии острой необходимости в противодействии киберпреступлениям и о ведущей роли органов внутренних дел как субъекта борьбы с рассматриваемой категорией преступлений среди иных правоохранительных органов.

Несмотря на активное участие органов внутренних дел во взаимодействии с другими правоохранительными ведомствами в выявлении и раскрытии киберпреступлений, показатель раскрываемости рассматриваемой категории преступлений является низким – 24,4%[4]. В качестве основных причин низкого уровня раскрываемости киберпреступлений следует выделить низкий уровень информационной и финансовой грамотности населения, недостаточность технического и технологического обеспечения органов внутренних дел, а также отсутствие у сотрудников органов внутренних дел необходимого для эффективного раскрытия киберпреступлений уровня профессиональной подготовки[5].

[1] Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

[2] Колчевский И. Б., Бицадзе Г. Э. Преступления в сфере информационных технологий: понятие, структура // Научный портал МВД России. 2021. № 2(54). С. 40-47.

[3] Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2024 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/59951540/ (дата обращения: 17.01.2025).

[4] Там же.

[5] См.: Шхагапсоев З.Л. О некоторых факторах, препятствующих эффективному раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых в киберпространстве // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 258–263; Михайлова И.А., Лимарь А.С., Гилаев Р.И. О деятельности правоохранительных органов по противодействию

Вопрос необходимости достижения высокого уровня профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел по раскрытию киберпреступлений представляется особо актуальным ввиду того, что деятельность по раскрытию киберпреступлений зачастую требует от сотрудников органов внутренних дел специальных познаний в области информационных технологий. В силу того, что должностные лица органов внутренних дел, на которых возложены полномочия по раскрытию киберпреступлений, в большинстве случаев имеют юридическое образование, процедура раскрытия узконаправленных киберпреступлений усложняется для них в связи с необходимостью изучения новой терминологии, процессов и алгоритмов, характерных для стремительно развивающейся сферы информационных технологий, привлечения технических специалистов, что, в свою очередь, способствует увеличению времени необходимого для раскрытия преступления и, как следствие, снижает уровень эффективности противодействия киберпреступности в целом. Высокие темпы развития информационных технологий и недостаточный уровень профессиональной подготовки сотрудников заставляют органы внутренних дел выступать в роли догоняющего по отношению к киберпреступникам, постоянно видоизменяющим способы и внедряющим новые схемы совершения киберпреступлений.

На сегодняшний день органами внутренних дел принимается ряд мер, направленных на совершенствование профессиональной подготовки сотрудников, специализирующихся на противодействии киберпреступности, в частности подготовка в ведомственных университетах кадров по техническим и юридическим специальностям, обладающих компетенциями в сфере противодействия киберпреступлениям[1]. Вместе с тем статистика совершаемых киберпреступлений и низкий уровень их раскрываемости упрямо свидетельствуют о недостаточности принимаемых мер в данной области.

Таким образом, недостаточный уровень профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел выступает одним из ключевых факторов низкого уровня раскрываемости киберпреступлений, что, в свою очередь, свидетельствует о совершенствовании и повышении уровня профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел как о важнейшем условии достижения эффективности в противодействии киберпреступности. В целях совершенствования уровня профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел по противодействию киберпреступности представляется целесообразным принятие мер по разработке и реализации новых, отвечающих вызовам стремительно и непрерывно развивающихся информационных технологий, программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки по вопросам борьбы с киберпреступлениями как на базе ведомственных образовательных организаций МВД России, так и в сторонних организациях, осуществляющих образовательную деятельность.

Байкин Р.Ф.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Особенности патриотического воспитания молодежи новых субъектов Российской Федерации и участие обучающихся образовательных организаций МВД России в данном процессе

Воспитание патриотизма выступает в ипостаси значимого способа укрепления единства и целостности для многонационального и мультисубъектного государства как Российская Федерация. Формирование чувства патриотизма населения, в особенности молодежи, представляет собой общественную важность, так как это способствует объединению российского общества, сплочения его для решения острых социальных проблем. В настоящее время политика, направленная на реализацию жизненных интересов

преступлениям, совершаемым в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 109–114.

[1] Информация о противодействии ИТТ-преступлениям. URL: https://гурлс.мвд.рф/направления-деятельности/podgotovka-kadrov/информация-о-противодействии-итт-преступ (дата обращения: 18.01.2025).

и устремлений молодых граждан, является элементом определенной сосредоточенности со стороны государства и социума. Вследствие этого сформировано региональное становление координации действий, которому придается системный тип. Актуальность данной темы можно объяснить тем, что в положении новых угроз и перемен в России, вместе с тем и процесса присоединения новых субъектов, надобность акцентировать большое внимание патриотическому воспитанию среди молодежи становится еще более востребованной.

Теоретическую концепцию патриотического воспитания исследовали знаменитые отечественные педагоги: А.Ф. Афтонасьев[1], А.И. Мурзин[2], И.Л. Нестерович[3], В.А. Сухомлинский[4], К.Д. Ушинский[5], С.Н. Филипченко[6] и др. Также вопросы о патриотизме изучались такими мыслителями и учеными, как Иммануил Кант, Плиний Старший, Никколо Макиавелли, Марк Аврелий, М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, Д.С. Лихачев и многие другие.

В первую очередь необходимо подчеркнуть то, что структура патриотического воспитания должна распространяться на весь комплекс воспитательной деятельности, начиная с малой ячейки государства, образовательных учреждений, разнообразных коллективов и завершая органами государственной власти новых территорий. Сам общий комплекс национально-осознанной работы содержит несколько направлений развития патриотизма в новых территориях:

– духовно-моральное воспитание представляет собой структуру мер, направленных на формирование и развитие у молодежи духовно-нравственных ценностей и качеств;

– культурно-историческое воспитание является комплексным функционированием по освещению истории и культуры России в новых территориях;

– гражданственно-патриотическое воспитание заключается в целенаправленном становлении личности, а также представляет гражданскую и социальную активность в составе нового государства;

– военно-патриотическое воспитание – многоаспектный планомерный систематический процесс, направленный на формирование физической и моральной готовности молодежи к военной службе и защите Отечества.

Для реализации вышеупомянутого комплекса патриотической работы с молодежью новых территорий необходимо создать Центры патриотического воспитания, локальные организации, объединения и клубы. Проведение различных уровней мероприятий в созданных локальных организациях по привлечению общественных ассоциаций к урегулированию проблем в формировании чувства патриотизма, требуется интеграция деятельности по содействию социальных проектов и мероприятий, разработанных общественными ассоциациями: фестивали, конкурсы, викторины патриотической тематики среди учащихся, конференции, уроки мужества, тематические вечера, походы, слеты, акции, экскурсии, экспедиции, организация участия представителей новых территорий в кадетском бале «Отчизны верные сыны».

В образовательных организациях МВД России важным элементом воспитания выступает патриотизм. Определенно образовательным организациям МВД России, в том числе и курсантам, необходимо участвовать в процессе воспитания патриотизма молодежи в новых территориях РФ. В мире информационных технологий, затрагивая один из комплексов патриотической работы, а именно культурно-историческое воспитание, при работе с молодежью новых субъектов результативным будет создание и внедрение образовательными организациями МВД России виртуальных экскурсий, туров на основе значимых исторических событий России, мест, лиц, героев Великой Отечественной войны, и т.д. Молодежь на новых территориях должна иметь доступ к информации о

[1] Афтонасьев А.Ф. Мысли о воспитании //Антология педагогической мысли в России в первой половине XIX века / сост. П.А. Лебедев. М.: Педагогика, 1987. 532 с.

[2] Мурзин А.И. Концептуальные основы российского патриотизма: понятие и сущность // Аналитика культурологии. 2006. № 6.

[3] Нестерович И.Л. О патриотическом воспитании юношества в современных условиях // Воспитание школьников. 2013. № 6. С. 65–69.

[4] Сухомлинский В.А. Мудрая власть коллектива. М. : Молодая гвардия, 1975. 240с.; Воспитание советского патриотизма у школьников: из опыта работы сельской школы. М. : Учпедгиз, 1959. 148 с.

[5] Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. М. : Книга по Требованию, 2014. 628 с.

[6] Филипченко С.Н. Формирование патриотической культуры курсантов в процессе обучения в военном вузе : дис. … д-ра пед. наук: 13.00.08. Саратов, 2006. 393 с.

героических страницах истории России, ее культурных свершениях, традициях и национальных героях. Это поможет укрепить связь между новыми и уже существующими регионами страны, создавая единую площадку для культурного и социального взаимодействия. Применение инновационных технологий может стать рациональным механизмом в воспитании патриотизма. Данные разработки способны заинтересовать нынешнюю молодежь, осуществить процесс воспитания запоминающимся и особенным. Это может стимулировать развитие национального самосознания, формирование чувства гордости за свою страну и ее историю.

Ключевая область применения виртуальных экскурсий: помощь молодежи с ограниченными возможностями здоровья, испытывающих проблемы со здоровьем, испытывающих ограничение материальных благ. Такие экскурсии дают возможность увидеть недоступные для них места и достопримечательности, помогают приобщиться к жизни общества, не требуют больших вложений, и каждый гражданин может организовывать себе странствие по искусственно воссозданному миру, позволяют сэкономить время. В организации образовательного процесса виртуальные экскурсии приобретают огромное значение, поскольку позволяют наглядно и наиболее полно показать необходимую информацию об объекте изучения.

Патриотическое воспитание молодежи в новых присоединенных территориях играет ключевую роль в процессе их интеграции в российское общество. Это мощный инструмент, который помогает формировать единое гражданское сообщество, укреплять национальную идентичность и создавать условия для устойчивого развития государства.

Шинкевич В.Е.,

доктор социологических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Акме-потенции обучающихся первокурсников образовательных организаций органов внутренних дел как основа профессиональной успешности

Каждый человек — кузнец своего счастья.

Каждое общество, создающее и берущее, содержащее силовые институты, имеет право ожидать от своего детища соответствующей отдачи, направленной на реализацию общественно значимых правовых потребностей. Каждый человек ставит перед собой социально и профессионально значимые цели и достоин того, чтобы они были реализованы. Однако у каждого человека, кроме собственного желания, есть еще изначально заложенные потенции, которые составляют во многом основу его возможностей. Каждая цель должна быть не виртуальной, а реальной с точки возможности ее реализации, в том числе и при выстраивании профессиональной деятельности как на начальном, так и в дальнейшем самостоятельном пути. Вместе с тем в настоящее время недостаточно внимания уделяется учету и развитию у обучающихся акме-потенциала, оказания им помощи в выстраивании акме-планов жизнедеятельности и профессиональной карьеры[1]. Отсюда следует, что подготовка высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел, как предмет научного исследования, была и остается актуальной, равно как и комплекс задач, которые стоят перед исследователями: во-первых, совершенствование методик профессионального отбора кандидатов на обучение; во-вторых, оценка динамики и направленности качественных составляющих потенциала личности первокурсников, пришедших на обучение в различные годы; в-третьих, рассмотрение реального уровня распределения нагрузки на обучающихся, вовлекаемых в различные виды деятельности: учебную, служебную, общественную и пр.; в-четвертых, моделирование оптимальной организации системы подготовки кадров в условиях образовательной организации; в-

[1] Подр.: Шинкевич В.Е., Куприянчик Т.В., Карлова П.В. Профессионализм сотрудника органов внутренних дел как проблема акмеологического анализа // Вестник Калининградского филиала Санкт Петербургского университета МВД России. 2020. № 1. С. 72-78.

пятых, оказание помощи обучающимся, с учетом имеющегося у них предписанного и достигнутого личностного потенциала.

Основной эмпирический материал, использованный при подготовке данных тезисов, собран с использованием метода опроса курсантов первокурсников Сибирского юридического института МВД России, выбравших профессию полицейского и поступивших на первый курс обучения в 2017-2023 гг. Содержание и компоновка вопросов опросных листов была направлена на возможность оценки уровня успешности саморазвития обучающегося, а в дальнейшем полицейского, следователя, сотрудника кадровых и воспитательных структур и т.д. Высокий уровень потребности в самопознании, самооценке и самосовершенствовании может поддерживать не только высокую мотивацию к данному виду деятельности человека, но и препятствовать формированию профессиональной и социальной апатии, деградации и выгоранию[1]. Уровень мотивации можно считать высоким тогда, когда в выбранной профессии сотрудник органов внутренних дел видит возможности удовлетворения всех своих социальных, духовно-нравственных, интеллектуальных и профессиональных потребностей, а также способен выработать в себе систему ценностных ориентаций[2].

Более 95% обучающихся, кто выбрал СибЮИ МВД России, - это выпускники средних общеобразовательных школ, изъявившие желание поступить в образовательную организацию в год окончания школы, однако имеющие незначительный личный жизненный опыт. Как следствие – более остро воспринимающие реалии новых условий, служебного быта и отношений, организации образовательного процесса в ведомственном вузе. Абитуриенты в наблюдаемый период имели хорошую базовую теоретическую подготовку и физическую подготовленность. Это позволяет говорить о наличии у поступающих хороших потенций как в образовательном процессе, так и в дальнейшей службе. Вместе с тем несколько выросло и количество тех поступающих, которые не стали афишировать свои школьные результаты.

Более 90% первокурсников приняли решение о поступлении в СибЮИ МВД России по собственному желанию и на момент опроса не разочаровались сделанным выбором. Оставшиеся первокурсников выбрали учебное заведение и поступили по необходимости либо столкнулись с проблемой профессионального выбора. О хорошем первоначальном профессионально значимом потенциале первокурсников, который может способствовать успешности и результативности в последующей профессиональной деятельности, говорят и результаты опроса, где опрашиваемым предлагалось закончить предложение, которое начиналось словами «Сегодня я считаю, что...». В средних величинах за наблюдаемый период 57,4% опрошенных однозначно сделали выбор «Решение было принято несомненно правильно», 38,4% – «Решение было принято в основном правильно».

Большое значение имеет учет региональной и семейной составляющих[3]. На момент исследования большее количество обучающихся до поступления на обучение, как юношей, так и девушек, проживали в городской местности (около 80%). Более 65% опрошенных считают относительно высоким уровень благосостояния своих семей. Следовательно, родители имели возможность «вложить» в сына или дочь на будущее дополнительный интеллектуальный капитал, что значимо для накопления акме-потенциала и формирования уверенности уже у первокурсников в достижимости жизненно значимых целей. Около 3% опрошенных выросли в семьях, которые испытывали определенные материальные затруднения. Для данной категории первокурсником при реализации жизненно значимых планов, отличающихся высокими притязаниями, потребуются большие усилия, по крайней мере по выравниванию «стартовых позиций» к началу самостоятельной служебной деятельности.

Практически 100% обучающихся признают наличие перспективы собственной службы, профессионального и интеллекту-

[1] Морозова Е.А., Положевец Е.В. Факторы, способные приостановить развитие личности и ее потенциальные возможности // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 21. С.44-47.

[2] Маслодудова Н.В. Гуманитарное образование и ценностные ориентации // Ростовский научный журнал. 2018. Вып. № 3. С.87-92.

[3] Немировский В. Г. Проблема социокультурной интеграции регионов через призму концепции сословной структуры российского общества // Регионология. Т. 31. № 3. 2023. С. 548-563.

ального роста, а в настоящее время с учетом недостаточного личного опыта, личной организации необходимо их научить оптимально распределять бюджет времени между учебными дисциплинами и иными видами учебной, служебной, научной и общественной деятельностью, формировать потребность комплексного освоения образовательной среды. К занятиям готовы практически всегда только 20% первокурсников, а более 40% отметили, что чаще всего к занятиям готовы слабо либо не готовы. Возможно, это следствие не только невыработанного у курсантов внутреннего ответственного отношения к подготовке к занятиям, но и организационных издержек управленческих, учебных, служебных структур как организаторов образовательного процесса, общественных и иных служебных мероприятий.

Оценка личных, социальных, профессиональных ресурсов, которые осознает и гипотетически может использовать человек в комплексе с собственными усилиями, является значимым для реализации акме-планов. Вершину рейтинга основных ресурсов, по мнению первокурсников, занимают факторы: «Уверенность в себе, упорство в достижении цели»; «Трудолюбие, профессионализм и усердие в выполнении служебных заданий»; «Наличие специального образования и умение аккумулировать профессиональный опыт». Обучающийся, которому присущи трудолюбие, усердие, настойчивость и решительность, имеет более высокие потенциальные возможности достичь социально и личностно значимых результатов и в профессиональной деятельности.

Офицеру органов внутренних дел в условиях профессиональной деятельности необходимы и высокие профессионально-этические качества. В процессе опроса обучающимся было предложено ответить на вопрос: «Назовите наиболее ценные качества, которыми должен обладать сотрудник органов внутренних дел». Из восемнадцати социально значимых качеств верхние места в рейтинге заняли: «Высокая профессиональная подготовка», «Ответственность», «Умение доводить начатое до конца», «Умение самостоятельно принимать решения». Как значимые нередко отмечаются «успехи семьи», «карьерный рост», «возможность заняться любимым делом».

Каждый человек, погружающийся в ту или иную сферу деятельности, способен оценить получаемые результаты от нее на эмоциональном уровне в категориях «успешная», «неуспешная». Ощущение успешности придает внутреннюю энергию, формирует эмоциональную удовлетворенность теми результатами, которые человек достиг, видит или осознает, способствует продвижению вперед. Неуспешность при негативном и постоянно неудовлетворительном развитии событий и результатов со временем, а порой и практически сразу может привести к обратным эффектам. Высокие удовлетворенности курсантов своим выбором образовательной организации в процессе обучения коррелируются с результатами ответа обучающихся на вопрос: «Как Вы считаете, Ваша учеба в целом проходит успешно?». Индикаторы «согласен полностью» или «согласен в основном» ежегодно выбирали более 90% опрошенных. И это при том, что на первом курсе прежде всего изучаются теоретические дисциплины в различных областях гуманитарного знания.

Вместе с тем анализ довольно высоких результатов субъективной оценки успешности обучения требует сравнения с результатами сдачи первокурсниками экзаменационных сессий второго семестра обучения. Для объективности провели сравнительный анализ результатов сдачи экзаменационной сессии курсантами в аналогичном временном интервале – первый семестр каждого первого наблюдаемого учебного года. По итогам сдачи экзаменационной сессии средний балл составил: 1 курс 2017-2018 учебный год – 4,13; 1 курс 2018-2019 уч. год – 4,8; 1 курс 2019-2020 уч. год – 3,8; 1 курс 2020-2021 уч. год – 4,13; 1 курс 2021-2022 уч. год – 4,03. Данный анализ позволяет констатировать, во-первых, то, что эти результаты далеки от высших оценок, а это в сочетании с относительно высокими субъективными оценками индикаторов успешности обедняют потенциал акме обучающихся; во-вторых, у той части обучающихся, которые отмечают субъективно высокий уровень успешности обучения, но имеют относительно невысокие результаты сдачи экзаменов и зачетов, чаще всего не формируется нацеленность на достижение комплексной социально значимой жизненной цели, либо она находится в зачаточном состоянии. Данная категория сотрудников органов внутренних дел наиболее подвержена профессиональной деформации и выгоранию. И эти негативные явления могут

начать формироваться уже на начальном этапе правоохранительной службы, в том числе в период получения первого профессионального обучения. По крайней мере, они менее защищены от этих негативных социальных и профессиональных явлений.

Реализация акме возможна только при четком осознании всего комплекса ресурсов, которые гипотетически может использовать человек, осознающий жизненно важные цели, и готов оптимально приложить усилия для их достижения. Обучающимся предлагалось из возможного перечня ресурсов выбрать не более трех, либо дописать те, которые они считают наиболее важными, но которые не вошли в предложенный список. Данный подход позволил охватить все предложенные ресурсы и оценить их веса. Вариационный размах числовых значений оцениваемых ресурсов в относительных величинах составил 17,1%. Максимальное значение в рейтинге соответствовало 17,4%, минимальное – 0,3%. Вершину рейтинга основных ресурсов для реализации социально значимых целей, реализации акме сотрудника органов внутренних дел занимают факторы «наличие специального образования и умение аккумулировать профессиональный опыт» (более 17%), «уверенность в себе, упорство в достижении цели» (около 17%), «трудолюбие, профессионализм и усердие в выполнении служебных заданий» (более 15%), «наличие цели в деятельности» (13%). Как здесь не вспомнить слова Наполеона Бонапа́рта: «Каждый французский солдат носит в своем ранце жезл маршала Франции» или известную русскую поговорку: «Плох тот солдат, который не мечтает быть генералом». Смысл данных суждений: каждый может достичь вершины в своем деле, надо только этого захотеть и приложить адекватные задуманному усилия. «Хорошая первоначальная профессиональная подготовка» (более 10%). Данный фактор отражают суть личного деятельного начала в акме человека. Обучающийся, отличающийся трудолюбием, усердием, настойчивостью и решительностью, имеет высокие потенциальные возможности достичь высоких результатов и в профессиональной деятельности.

Офицеру органов внутренних дел в условиях профессиональной деятельности, как показывает практика правоохранительной службы, необходимы как высокая выучка, так и устойчивые профессионально-этические качества, готовность противостоять влиянию факторов профессиональной деформации и выгоранию.

На основании проведенного комплексного социологического исследования изучена ценность социологического и акмеологических подходов для выстраивания обучающимися логистики акме-планов и их корректировки для дальнейшей реализации жизненно важных целей. Оптимальный учет результатов наблюдений и рекомендаций, сделанных на основании проведенных социологических и акмеологических исследований позволят курсанту, а впоследствии и как специалисту органов внутренних дел, состояться как цельной социально активной личности, стать профессионалом по основному направлению своей служебной деятельности. Новаторство соединения социологических и акмеологических знаний заключается в том, что они позволяют каждому обучающемуся адекватно личным потенциям, разрабатывает стратегию, тактику и технику оптимального формирования профессиональной компетентности, обеспечить собственный карьерный рост, стать профессионалом высокого класса.

Глубокий В.А.,

кандидат педагогических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Актуальность создания нормативов по профессиональной служебной подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

Профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел должна иметь практико-ориентированную направленность, об этом указано в решении коллегии МВД России от 30 мая 2023 г. № 2 км[1]. Руководство МВД России уделяет большое внимание

[1] Об объявлении решения Коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 30 мая 2023 года № 2 км : приказ МВД России от 03.07.2023 № 480.

подготовке сотрудников к несению службы в особых условиях, это нашло отражение в содержании профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников (далее – ПСиФП)[1].

Виды подготовки служебной (в нее входят тактическая и медицинская подготовка), тактической и огневой подготовки сотрудников приобрели большую военизированную направленность. Например, в рамках тактической подготовки изучаются способы ведения стрелкового боя в разных условиях, приказом установлена необходимость изучения сотрудниками приемов и действий во время артиллерийских обстрелов и авиационных налетов. В огневой подготовке появился норматив для автоматов «Смена магазина из различных положений». Важным считаем также формирование двигательных навыков самостоятельного устранения возникающих задержек при стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия с последующим продолжением стрельбы. При этом стрельба должна быть прицельной и точной.

Анализ видеоматериалов, литературных источников, устный опрос сотрудников, проходящих военную службу в войсках национальной гвардии, а также опрос мобилизованных граждан для службы в зоне СВО, опрос сотрудников других правоохранительных структур показали важность физической готовности к несению службы в зоне вооруженных конфликтов. Считаем, что актуальным является акцентирование внимания на развитие физического качества «быстрота», всех проявлений выносливости (общей, специальной, силовой). Необходимым является и развитие координационных способностей у сотрудников органов внутренних дел, что будет способствовать, по нашему мнению, меньшим временным затратам при обучении их новым двигательным действиям.

В настоящее время особое внимание при подготовке полицейских следует уделять развитию двигательной работоспособности, повышению и поддержанию необходимого уровня общей и специальной выносливости. В зоне боевых действий могут возникать обстоятельства, которые требуют от сотрудника полиции больших физических усилий, способности быстро перемещаться в средствах индивидуальной бронезащиты, мгновенно принимать изготовки к стрельбе, все это может происходить на фоне психической и физической усталости, недостатка сна, в неблагоприятных погодных условиях. Возможно и совершение длительных пеших маршей, вес экипировки сотрудника полиции может достигать более тридцати килограммов, что требует хорошо развитого мышечного корсета.

На фоне необходимой физической подготовленности следует выполнять упражнения с огнестрельным оружием. Важными элементами подготовки сотрудника полиции являются стрельба навскидку из автомата, быстрое принятие изготовки для стрельбы, смена плеча при стрельбе из автомата, быстрая смена магазина, снаряжение магазина патронами. Практика показывает, что сотрудников на занятиях по огневой подготовке следует учить быстрому выносу оружия на цель, прицеливанию с последующим нажатием на спусковой крючок. Педагогическое наблюдение во время занятий по учебной дисциплине «Огневая подготовка» за деятельностью обучающихся и собственный практический опыт позволили сделать вывод о том, что слаженность движений (автоматизация двигательных действий) формируется только при многократном выполнении упражнений (применяется метод упражнения).

Занятия по тактической медицине должны формировать знания, умения и навыки по оказанию первой помощи и самопомощи при ранениях, связанных с быстрой и большой кровопотерей. Предполагаем, что оценка навыков оказания первой помощи при ранениях имеет большое значение в обеспечении безопасности и готовности сотрудников полиции к действиям в особых условиях. Так, кровопотеря при ранении крупной артерии (сонной, плечевой, бедренной артерии, аорты) такова, что человек может погибнуть через 2,5-3 минуты. Именно поэтому артериальное кровотечение необходимо купировать быстро и правильно. Следовательно, необходим навык наложения кровоостанавливающего жгута или турникета в течение 1-1,5 минуты.

Убеждены, что тактическая подготовка сотрудников полиции должна спрягаться с физической и огневой подготовкой. Тактические действия, слаживание в группах должны выполняться с учебным оружием и элемен-

[1] Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 02.02.2024 № 44.

тами экипировки, при этом должны воспроизводиться и отрабатываться решения боевых задач, которые могут возникнуть во время боевых столкновений, обстановки стрелкового боя. Желательно, если обстановка учебных занятий позволяет, после работы с оружием вхолостую, выполнять упражнения стрельб с производством выстрела по мишени на дистанциях от 25 до 100 метров. Естественно, что все упражнения огневой и тактической подготовки должны выполняться сотрудниками полиции с соблюдением мер безопасности.

Все вышесказанное дает нам возможность сделать следующий вывод – физическая, огневая, тактическая подготовка сотрудника полиции взаимосвязаны, без указанных видов подготовки невозможно формирование профессиональной готовности сотрудника полиции к несению службы.

В связи с этим является актуальным разработка сборника нормативов по ПСиФП, подобного сборникам нормативов по боевой, профессиональной служебной и физической подготовке войск Национальной гвардии Российской Федерации[1] или сухопутных войск Российской Федерации. По нашему мнению, нормативы должны быть относительно просты по двигательной структуре, включать в себя действия, которые выполняет сотрудник при несении службы и воспроизводимы в разных условиях. При этом для выполнения нормативов необходима предварительная подготовка (тренировка). По двигательной структуре нормативы должны быть схожими с учебными и контрольными упражнениями, представлены понятным для обучающихся языком. Кроме того, нормативы должны иметь и количественное выражение (чаще всего это временные рамки или количество повторений упражнения). Количественное выражение позволяет разработать шкалы оценивания, что будет способствовать более объективной оценке и исключит субъективное мнение проверяющего по поводу его выполнения. Как это порой происходит при оценивании демонстрации техники боевых приемов борьбы. Оценка за технику боевых приемов борьбы может исходить из личных предпочтений проверяющего или практического опыта занятий каким-либо видом единоборств.

Нормативы должны являться средством оценивания двигательных умений и навыков. Контрольные упражнения общей физической подготовки и нормативы их выполнения являются средством оценивания уровня развития двигательных качеств.

Предполагаем, что многократное выполнение нормативов будет способствовать автоматизации двигательных действий, формированию устойчивых двигательных навыков. Комплексное выполнение нормативов из разных видов профессиональной подготовки будет способствовать развитию необходимых физических качеств, совершенствованию служебно-прикладных двигательных навыков. Соединение нескольких нормативов и упражнений позволяет формировать способность к решению типовых задач, воспроизводящих элементы служебной деятельности. Сложение оценок за выполнение разных нормативов позволяет определить среднюю итоговую оценку за решение ситуационной задачи.

Например, комплексный норматив может включать в себя: челночный бег 10х10 м (не более 28 секунд), снаряжение магазина пистолета восемью патронами с последующим присоединением магазина к пистолету, выходом на огневой рубеж и выполнением упражнения первый выстрел по условиям норматива для пистолета «Изготовка к стрельбе из различных положений», который также имеет определенные временные рамки. Выстрел должен быть точным, мишень поражена. После чего следует выполнить на ассистенте норматив «Временная остановка кровотечения жгутом резиновым кровоостанавливающим». Каждый норматив должен иметь временные рамки, и сотрудник должен переходить от норматива к нормативу незамедлительно. Итоговая оценка должна выглядеть таким образом. Если все нормативы выполнены в установленное по ним время и мишень поражена, то выставляется оценка «отлично». Три выполненных норматива при условии поражения мишени – оценка «хорошо», два норматива выполнено, мишень поражена – «удовлетворительно». Неудовлетворительно если мишень не поражена, или выполнен только один из нормативов. Следует обращать внимание на то, что не дол-

[1] Сборник нормативов по боевой, профессиональной служебной и физической подготовке войск Национальной гвардии Российской Федерации. М. : ГУП войск (сил) ФСВНГ Российской Федерации, 2020. 283 с.

жны быть нарушены меры безопасности и порядок выполнения нормативов.

Практика показывает, что на старших курсах обучения в образовательной организации МВД России или при изначально высокой подготовке обучающиеся легко справляются с требованиями по выполнению нормативов учебной дисциплины «Огневая подготовка». Для повышения мотивации обучающихся кафедрой огневой подготовки при выполнении нормативов используется дифференцированная оценка. Пример: при выполнении норматива № 4 для пистолета «Снаряжение магазина патронами» оценка «удовлетворительно» – не более 20 сек., «хорошо» – 18, «отлично» – не более 16 сек.

Дифференцированная оценка позволяет повысить активность обучающихся на учебных занятиях, им приходится больше тратить времени на подготовку к выполнению нормативов, что приводит к большему количеству повторений прикладных двигательных действий. Данное обстоятельство способствует формированию устойчивого двигательного навыка. Следует отметить, что выполнение нормативов в усложненных условиях требует увеличения времени на 10-15% от установленного.

Чернышева Е.И.,

кандидат педагогических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Копылов Ю.А.,

кандидат педагогических наук,
профессор Российской академии естествознания
Центр естественнонаучных основ физического воспитания (г. Москва)

Тренировка скоростных качеств обучающихся вузов МВД России

Скоростные качества человека являются одним из основных показателей, которые наиболее трудно поддаются спортивной тренировке[1]. Они определяют способность организма к быстрому и эффективному выполнению различных движений. Однако эти качества не являются врожденными и могут быть развиты только через спортивную тренировку[2]. Тренировка скоростных качеств обучающихся вузов МВД России является важной частью их образовательного процесса, что не только помогает лучше справляться с учебными заданиями и экзаменами, но и подготавливает их к будущей профессиональной деятельности. Современный мир требует от сотрудников правоохранительных органов не только знаний и умений, но и быстроты реакции, скорости мышления и действий.

Основным фактором, влияющим на скоростные качества человека, является количество быстрых мышечных волокон и связанных с ними мотонейронов (нервных двигательных клеток), которые и управляют скоростью мышечных сокращений в организме. Чем больше таких «быстрых» мотонейронов и связанных с ними «быстрых» волокон мышечного аппарата у человека, тем выше скорость и сила его движений, а, следовательно, более высокие спортивные достижения в скоростных видах спорта[3].

Поскольку быстрота движений зависит прежде всего от количества быстрых мышечных волокон и связанных с ними мотонейронов данного человека[4], то и тренировка таких мышц требует специфической нагрузки – чем быстрее мышечные волокна человека, тем

[1] Верхошанский Ю.В. Основы специальной физической подготовки спортсменов. 2-е изд. М. : Советский спорт, 2021. 332 с.

[2] Верхошанский Ю.В. Принципы построения тренировки в скоростно-силовых видах легкой атлетики // Легкая атлетика. 1979. № 12. С. 8-10.

[3] Подр.: Кутателадзе И.О., Безденежных А.И., Копылов Ю.А. Сократительные свойства нервно-мышечного аппарата у конькобежцев высокой квалификации // Конькобежный спорт. М. : Физкультура и спорт, 1983. С. 37-40.

[4] Подр.: Коц Я.М., Копылов Ю.А. Два типа мотонейронов у спортсменов разных специализаций. // Функциональная диагностика и восстановление работоспособности организма спортсменов после тренировочных нагрузок. Омск, 1979. С. 63-64.

быстрее они устают, но способны выполнить более интенсивную работу.

Для развития скоростных качеств необходима нагрузка на мышцы, сопряженная с высокими скоростными и силовыми напряжениями[1].

Таким образом, специальная тренировка мышц позволяет повысить их скоростной функционал в разные возрастные периоды, особенно на начальном этапе тренировки[2]. Тренировки для развития скорости могут включать различные беговые упражнения, направленные на улучшение функциональных основных показателей мышц[3].

Предположили, что одним из эффективных способов тренировки скоростных способностей у курсантов является бег на короткие дистанции с использованием специального утяжелителя-пояса весом до 8 кг. Этот метод позволяет «включать» в работу быстрые мышечные волокна в наибольшей степени, чего в обычных беговых упражнениях добиться достаточно сложно.

Цель исследования: оценка эффективности использования утяжелителей для развития скоростных качеств при беге на различные спринтерские дистанции курсантов высших учебных заведений МВД России.

Методологический аппарат эксперимента. В исследовании участвовали обучающиеся, возраст которых составлял 19-20 лет. Экспериментальная группа (12 человек) выполняла бег по дистанции 10-300 м с использованием пояса-утяжелителя весом 8 килограмм. Вес пояса-утяжелителя подбирался таким образом, чтобы группа, с одной стороны, существенно не теряла скорость бега на протяжении одного тренировочного занятия и, с другой стороны, получала достаточно высокую нагрузку. Контрольная группа (12 человек) использовала гладкий бег по дистанции 10-300 м без утяжелителей.

Недельное содержание тренировок было тождественным в обеих группах. По команде каждая группа выполняла бег максимальной интенсивности на заданное расстояние, после чего возвращалась в индивидуальном темпе (в зависимости от уровня подготовленности) к месту старта. Нагрузка в обеих группах имела следующий вид: I-II неделя – бег на 10 м, 6 занятий; III-IV неделя – бег на 30 м, 6 занятий; V-VI неделя – бег на 60 м, 6 занятий; VII-VIII неделя – бег на 100 м, 6 занятий; IX-X неделя – бег на 200 м, 6 занятий; XI-XII неделя – бег на 300 м, 6 занятий.

Группы тренировались по 30 минут, трижды в недельном цикле. Длительность всего эксперимента – 30 тренировок. В ходе эксперимента были проведены исходные и итоговые тестовые задания для оценки времени в бега на 10 м, 30 м, 60 м,100 м, 200 м и 300 м.

Результаты. Исходные данные были одинаковыми в двух исследованных группах. Время бега на дистанциях короткого и длинного спринта было лучше в группе, использовавшей отягощения на тренировках скорости бега по сравнению с группой, тренировавшейся без отягощения.

Разность показателей в «длинном» и «коротком» спринте, зафиксированная между двумя группами обучающихся, оказалась статистически значимой.

Использование утяжелителей – эффективный способ повысить скорость бега во всем спектре коротких дистанций. Правильное внедрение тренировок с утяжелителями в учебный процесс может стать ключом к улучшению общего уровня физической активности курсантов в учебном заведении. Повышение беговой нагрузки с использованием утяжелителей может принести значительные выгоды для обучающихся, помогая им улучшить выносливость, силу и общее физическое состояние.

Добавление веса в виде специальных утяжелителей создает дополнительное сопротивление, заставляя мышцы работать интенсивнее и увеличивать их скоростно-силовые показатели. Следует интегрировать этот метод в учебно-тренировочный процесс обучающихся вузов МВД России с учетом индивидуальных особенностей занимающихся.

[1] Верхошанский Ю.В. Принципы построения тренировки в скоростно-силовых видах легкой атлетики.

[2] Подр.: Головина Л.Л., Копылов Ю.А. Скоростные свойства мышц в различные периоды онтогенеза человека // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. 1991. № 1(5). С. 106-108.

[3] Подр.: Копылов Ю.А. Функциональные показатели нервно-мышечного аппарата легкоатлеток высокой квалификации // Комплексная диагностика и оценка функциональных возможностей организма и механизмы адаптации к напряженной мышечной деятельности высококвалифицированных спортсменов : материалы всесоюзной научной конференции. М., 1990. С. 115-116.

Струганов С.М.,

кандидат педагогических наук, профессор
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)
Иркутский филиал Российского университета спорта «ГЦОЛИФК»

Филимонов Д.Г.

Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России

О ПОВЫШЕНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ И ОРГАНИЗАЦИИ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ КУРСАНТОВ, СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ

В настоящее время большое внимание уделяется качественной подготовке профессиональных и высококвалифицированных кадров для несения службы в силовых ведомствах Российской Федерации, к должностным обязанностям которых относится обеспечение безопасности общества и государства как на территории, так за ее пределами России в ее национальных интересах. Большинство силовых структур, функционирующих в нашей стране, имеют базовую систему высшего образования, представленную учебными заведениями соответствующего профиля, которые расположены на территории всей Российской Федерации. Ключевым условием качественной подготовки молодых сотрудников является систематизированный, упорядоченный и слаженный подход к их обучению в ведомственных учебных заведениях, где учебная программа, осваиваемая обучающимися, основывается на единстве учебной и воспитательной деятельности ее положений в каждом из профилированных вузов[1].

Одной из основных дисциплин в процессе обучения курсантов и слушателей в вузах силовых ведомств является служебно-прикладная физическая подготовка, обучение которой строится исходя из специфики профессиональной деятельности и в зависимости от будущих должностных обязанностей обучающихся. Физическая подготовка во время обучения высококвалифицированных специалистов в сфере общественной безопасности играет большую роль. Это в первую очередь связано с поставленными служебными задачами, требующими от них постоянной концентрации внимания и высоких силовых, скоростных и координационных способностей[2]. Одновременно с перечисленными способностями сотрудник обязан в совершенстве владеть определенными умениями и навыками боевых приемов борьбы, которые будут обеспечивать не только его личную безопасность при несении службы, но и выполнение задач, заключающихся в обеспечении безопасности и правопорядка в обществе[3].

Задачи физической подготовки в ведомственных учебных заведениях силовых ведомств заключаются:

в подготовке организма курсантов и слушателей к высоким физическим, психологическим и психическим нагрузкам в процессе служебной деятельности;

в повышении общей работоспособности и функциональных показателей организма, а также в совершенствовании профессионально важных физических качеств необходимых для успешного выполнения поставленных оперативно-служебных задач;

в формировании умений, навыков и двигательных действий, связанных с эффективным и правомерным применением физической силы, в том числе боевых приемов борьбы, с целью задержания, сопровождения, конвоирования и доставления лиц, которые совершили преступления или иные противоправные действия в отношении других лиц или общества.

[1] Палецкий Д.Ф. К проблеме разработки теоретико-методологических основ профессионально-прикладной физической подготовки в МВД России // Вестник спортивной науки. 2013. № 1. С. 39-41.

[2] Подр.: Струганов С.М., Егошин И.В., Гаврилов Д.А. Методы развития скоростно-силовых способностей на занятиях по физической подготовке курсантов и слушателей силовых ведомств // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1(15). С. 212-219.

[3] Подр.: Андреев А.А., Россадюк В.С., Струганов С.М. Инновационные взгляды на повышение профессионально-прикладных качеств курсантов и слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 3(78). С. 63-71.

Основываясь на поставленных задачах, следует, что высококвалифицированный специалист силовых ведомств обязан обладать высокими физическими качествами и хорошими функциональными показателями. Это в первую очередь влияет на общий уровень работоспособности человека, совершенствованию физических способностей, способствует быстрому формированию умений и навыков при изучении боевых приемов борьбы, а также психологической и психической устойчивости в различных стрессовых ситуациях служебной деятельности[1].

Одной из уникальных методик повышения физической подготовленности человека является система физических упражнений под названием «Фитнес». В настоящее время методика физических упражнений фитнес приобретает большую популярность не только среди профессиональных спортсменов и любителей спорта, но и среди сотрудников силовых ведомств во многих странах мира. Он представляет собой систематизированную программную модель занятием спортом и физической культурой для достижения определенного функционального результата, улучшения силовых, скоростных, координационных и других физиологических показателей организма. Также занятия фитнесом можно рассматривать как инструмент улучшения физической формы курсантов, укрепления их здоровья, физической силы, выносливости, повышения устойчивости организма к неблагоприятным факторам служебной деятельности.

Говоря о роли фитнеса в процессе обучения курсантов образовательных организаций силовых ведомств, необходимо отдать должное учебным программам, которые обеспечивают стабильные физические нагрузки на достаточно высоком уровне. В большинстве учебных заведений силовых ведомств обязательной частью распорядка дня обучающихся является утренняя физическая зарядка. Она включает в себя комплекс беговых, разминочных и силовых упражнений с умеренной или высокой интенсивностью их выполнения и обеспечивает физическую активность с самого начала рабочего дня. Данная форма организации физических занятий является одним из эффективных средств достижения постоянной готовности сотрудников к выполнению высоких нагрузок как в физическом, так и психологическом плане. Благоприятный фактор выполнения утренних физических упражнений заключается в том, что в данное время в организме человека происходит активная фаза выброса различных гормонов, которые, в свою очередь, положительно влияют на психоэмоциональное состояние человека, способствуют нормализации физиологических и ускорению умственных процессов, а также стабилизации гормонального фона.

Что касается организации свободного времени, то тут стоит обратиться к материально-технической базе ведомственных вузов силовых структур, которая в настоящее время находится на достаточно хорошем уровне относительно прошлых лет. Сейчас в каждом ведомственном учебном заведении силового профиля есть все необходимые условия для занятий физической культурой и спортом. На базе каждой образовательной организации имеются стадионы, спортивные комплексы, игровые площадки и тренажерные залы, которые доступны для всех курсантов, слушателей и сотрудников в свободное от работы и учебы время. Это дает возможность каждому желающему ежедневно заниматься физической культурой и спортом.

Если рассматривать имеющиеся комплексы физических упражнений в фитнесе, то среди курсантов, слушателей и сотрудников силовых ведомств большой популярностей пользуются такие направления в этой методике, как:

кроссфит – основана на использовании метода круговой тренировки при выполнении различных физических упражнений[2];

силовая тренировка с использованием больших отягощений, которая в основном предназначена для мужчин с целью набора мышечной массы;

[1] Подр.: Струганов С.М., Кугно Э.Э. Формирование профессионально важных физических качеств, необходимых для сотрудников органов внутренних дел // Физическое воспитание и спорт: актуальные вопросы теории и практики : сборник научных трудов по материалам всероссийской научно-практ. конф (Ростов-на-Дону, 22 марта 2024 г.). Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт МВД России, 2024. С. 344-349.

[2] Смирнова Ю.В., Сайкина Е.Г., Ишунькин В.С. Кроссфит – новое направление фитнеса в физической подготовке спецподразделений России // XXI Царскосельские чтения : материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 25-26 апреля 2017 г.). СПб. : Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2017. Том II. С. 262-265.

HIIT, или высокоинтенсивные интервальные тренировки, во время которых происходит чередование физических нагрузок высокой и низкой интенсивности;

3D-фитнес, который часто используется сотрудниками женского пола, т.к. силовые упражнения выполняются в основном с собственным весом или с небольшими отягощениями;

Тай-бо является хорошим средством психологической разгрузки и укрепления сердечно-сосудистой системы.

Занятия фитнесом как форма организации свободного времени обучающихся учебных заведений и сотрудников силовых ведомств имеет ряд преимуществ. Во-первых, фитнес является одной из наиболее эффективных форм воздействия на организм для достижения максимальных физиологических показателей, профилактики болезней и укрепления здоровья[1]. Во-вторых, он способствует совершенствованию и развитию как физиологических показателей организма, так и физических качеств, и способностей, которые часто иногда играют большую роль в успешном выполнении оперативно-служебных задач[2]. В-третьих, занятия спортом и физической культурой, а значит, и фитнесом в частности, являются хорошим средством преодоления стрессовых состояний, укрепления эмоциональной, психологической и психической устойчивости к различным неблагоприятным факторам, которые в служебной деятельности сотрудников силовых ведомств происходят очень часто.

Подводя итог, следует отметить, что система физических упражнений фитнес является одной из эффективных методик физического воспитания, неотъемлемой частью подготовки сотрудников силового блока, обучающихся в ведомственных учебных заведениях, а также перспективным занятием для курсантов и слушателей в свободное от учебной и служебной деятельности время.

Иванюк А.М.

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Изучение личной безопасности как фактор повышения профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к действиям в особых условиях

Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел является учебной дисциплиной, изучаемой курсантами образовательных организаций МВД России в рамках дисциплин специальной профессиональной подготовки. Данная учебная дисциплина состоит как из теоретического раздела, так и предусматривает практические занятия по различным темам, общая цель которых заключается в совершенствовании навыков обеспечения личной безопасности в различных ситуациях профессиональной деятельности органов внутренних дел.

В связи с участием Российской Федерации в специальной военной операции на Украине особую значимость представляет вопрос: как подготовить сотрудников органов внутренних дел к особым условиям несения службы, сопряженной с реальным физическим риском? Одним из основных путей решения проблемы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел, выполняющих оперативно-служебные задачи на территории проведения специальной военной операции, является обучение. Это означает, что проведение работы по целенаправленному уменьшению риска до реально возможных значений требует особого внимания.

К сожалению, в настоящее время выработанная практикой тактика действий сотрудников органов внутренних дел в условиях специальной военной операции с учетом ее особенностей полностью отсутствует. Сей-

[1] Панова О.С. Направления повышения физической работоспособности сотрудников ОВД России // Актуальные проблемы огневой, тактико-специальной и профессионально-прикладной физической подготовки : сборник статей VI международной научно-методической конференции (Могилев, 24-25 ноября 2022 г.). Могилев : Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2022. С. 236-239.

[2] Применение средств силового фитнеса в совершенствовании процесса физической подготовки курсантов МВД / Д.А. Ананкин, И.Л. Гросс, С.А. Жарков, В.А. Овчинников // Культура физическая и здоровье. 2024. № 1(89). С. 18-23.

час учебная дисциплина «Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел» включает в себя лишь общие положения о возможных способах обеспечения личной безопасности сотрудников различных подразделений органов внутренних дел в ходе несения ими службы. На наш взгляд, данную проблему представляется целесообразным решить посредством внесения изменений и дополнений в программы подготовки курсантов и рабочие программы, существующие в образовательных организациях МВД России, на основе опыта проведения специальной военной операции, в том числе и в учебники.

Мы предлагаем внесение следующих изменений в ход проведения лекционных и практических занятий по учебной дисциплине «Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел».

При изучении темы «Теоретические основы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел» исследовать:

а) понятие системы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел, обратившись к определению, которое приводят С.М. Струганов, Т.Э. Литвинцева и В.М. Грушко. По мнению данных авторов, личная безопасность сотрудника органов внутренних дел представляет собой «физическую и психологическую защищенность от различных негативных факторов, на жизнь и здоровье сотрудника органов внутренних дел»[1]. На наш взгляд, именно данное определение наиболее всесторонне и полно раскрывает сущность личной безопасности в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел;

б) особенности обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел в условиях специальной военной операции, рассмотрев актуальные угрозы личной безопасности сотрудников органов внутренних дел на территории проведения специальной военной операции, к которым относятся: угроза артиллерийского обстрела; угроза повреждения органа зрения вследствие практически непрерывного воздействия пороховых газов; деятельность украинских диверсионно-разведывательных групп; угроза утраты обмундирования и огнестрельного оружия; угроза загрязнения огнестрельного оружия.

При изучении темы «Действия и приемы с оружием, обеспечивающие личную безопасность сотрудников органов внутренних дел»:

а) уделить внимание теоретическим аспектам обеспечения личной безопасности в ходе выполнения элементов огневой акробатики, а также при стрельбе из-за различных укрытий;

б) при отработке элементов огневой акробатики использовать различные виды огнестрельного оружия. Данная рекомендация полностью учитывает специфику специальной военной операции, поскольку по состоянию на 2025 год на границе России и Украины, а также в прифронтовых районах сотрудники органов внутренних дел остаются вооруженными автоматами Калашникова вместо табельного пистолета Макарова.

При изучении темы «Отработка действий при огневом контакте, обеспечивающих личную безопасность»:

а) проводить практические занятия на полигонах и открытых участках местности на территории учебного заведения, обращаясь к методу ситуационного моделирования посредством создания проблемно-практических ситуаций, которые с наибольшей вероятностью могут произойти при прохождении службы на территории проведения специальной военной операции;

б) организовывать практические занятия в форме деловых игр, в рамках которых учебный взвод может быть разделен на две группы: группу сотрудников органов внутренних дел, находящихся на территории проведения специальной военной операции, и группу правонарушителей (членов диверсионно-разведывательных групп). Задача группы сотрудников органов внутренних дел будет заключаться в оказании взаимной поддержки при огневом контакте в целях пресечения правонарушений и осуществления задержания правонарушителей при условии обеспечения личной безопасности.

Таким образом, в настоящее время необходимо глубже вникнуть в роль органов внутренних дел в процессах будущего развития новых субъектов Российской Федерации. Внесение предложенных нами изменений и дополнений в преподавание и изучение учебной дисциплины «Личная безопасность со-

[1] Струганов С.М., Литвинцева Т.Э., Грушко В.М. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел в служебной деятельности // Наука-2020. 2021. № 5 (50). С. 165.

трудников органов внутренних дел» в образовательных организациях МВД России на основе опыта проведения специальной военной операции важно как для получения курсантами дополнительных теоретических знаний, так и для подготовки к деятельности в особых условиях. Именно в этом случае курсанты приобретают профессиональные навыки в полном объеме.

Кортиков А.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Проблемы совершенствования профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов

Руководством Министерства внутренних дел России не раз отмечались проблемные вопросы, связанные с необходимостью повышения уровня профессионального обучения всего личного состава органов внутренних дел, как действующих сотрудников, так и обучающихся образовательных организаций МВД России. На сегодняшний день на плечах сотрудников правоохранительных органов лежит тяжелая ноша, связанная с возложением множественных обязанностей по охране правопорядка и защите прав и свобод граждан[1]. К сожалению, нередко сотруднику при выполнении своих задач приходится сталкиваться с применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия для защиты в первую очередь себя и граждан от опасности. Исполняя свой служебный долг, сотрудник полиции может оказаться в неординарных для себя условиях, требующих незамедлительного применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия[2], что обязывает сотрудника быть профессионалом, обладать хорошей психологической подготовкой, необходимыми знаниями, умениями, которые приобретаются в процессе обучения в ведомственных образовательных организациях или на начальном этапе службы[3].

Профессия (призвание) быть сотрудником правоохранительных органов является одной из опаснейших. Поэтому в первую очередь перед преподавателями образовательных учреждений МВД РФ стоит задача не только передачи своих знаний и умений по теоретической части, но и развития навыков сохранения личной безопасности, а также обеспечения безопасного и правильного обращения с огнестрельным оружием.

К сожалению, большинство сотрудников полиции стараются свести к минимуму или вовсе к нулю применение табельного оружия даже тогда, когда сложившаяся обстановка требует его применения[4]. И что самое главное и тревожное – это то, что в обстановке, где ситуация требует его применения согласно Федеральному закону «О полиции», сотрудники попросту не применяют оружие от незнания данного закона и боязни последствий. Кроме того, очень важна и психологическая подготовка сотрудника органа внутренних дел, которая создает и дает начало зрелой и адекватной мотивации, реакции на происходящее, правильному выбору своих действий в стрессовой ситуации, экстремальной (боевой) готовности к чрезвычайной ситуации. Психологические занятия должны быть тесно связаны с другими видами профессионального обучения, например, с физической и огневой, что подготовит сотрудника к стрессоустойчивости, способности спокойно и слажено принимать решения под давлением различных обстановок и окружающей среды.

[1] Литвин Д.В., Кузнецов А.И., Ахметов Р.С. Формирование профессиональной компетенции сотрудников полиции в области применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в процессе профессионального обучения (первоначальной подготовки): структура, содержание, этапы : учебно-методическое пособие. Краснодар : Краснодарский ун-т МВД России, 2016.

[2] Андрианов А.С. О профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Евразийское научное объединение. 2016. № 4 (16). С. 126-128.

[3] Каблов Ф.Ч. Совершенствование профессионального обучения рядового и младшего начальствующего состава органов внутренних дел в условиях региона : дис. … канд. пед. наук. Владикавказ, 2015. 285 с.

[4] Андрианов А.С. О профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Евразийское научное объединение. 2016. № 4 (16). С. 126-128.

Статья 12 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предписывает, что сотрудник органов внутренних дел обязан поддерживать уровень квалификации, необходимый для надлежащего выполнения служебных обязанностей, в установленном порядке проходить профессиональное обучение. Однако в законе не указывается, как именно сотрудник обязан и как должен поддерживать свой высокий уровень квалификации и постоянно его оттачивать. Предложим несколько вариантов.

Простой *метод саморегуляции*, основанный на связи между мыслями и простыми движениями тела, то есть это мысленное повторение своих действий, которые нужно выполнять в реальных условиях, к примеру действия по применению оружия или действия в непростых (особых) условиях. В первую очередь это все улучшит координацию сотрудника, снизит уровень его тревожности и повысит уверенность в себе и в своих действиях.

Стоит отметить еще одно упражнение – это *дыхательное упражнение.* Простая и легкая техника вдохов и выдохов в полную грудь помогает быстро снизить уровень стресса и сбалансировать эмоциональное состояние, это уменьшает напряжение и сохраняет спокойствие. Это упражнение можно применять на учебных занятиях либо при выполнении служебных задач[1].

Использование современных технологий, которые позволяют не только улучшить качество подготовки, но и сделать процесс более безопасным (различные стрелковые тренажеры, которые имитируют реальные условия стрельбы с использованием виртуальной реальности, VR-очки). Преимуществ у этих инноваций очень много, это в первую очередь безопасность, реалистичность и возможность настроить и подвергнуть сотрудника различным сценариям развития в экстремальной обстановке, с которыми он возможно ни разу не столкнется в реальной жизни.

Кроме того, еще одной проблемой можно выделить нехватку квалифицированных и опытных инструкторов по огневой подготовке в подразделениях внутренних дел, это действительно является серьезным минусом, что напрямую влияет на уровень подготовки и готовности сотрудников к правильному применению огнестрельного оружия в различных экстремальных условиях. Полагаем, что подготовка инструкторов по огневой подготовке, привлечение внешних (сторонних) специалистов, а также использование инновационных методов подготовки стали бы отправной точкой в решении указанной проблемы.

Титова О.И.,

кандидат психологических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Патриотизм в структуре личности и подходы к патриотическому воспитанию обучающихся образовательных организаций МВД России

Подходы к пониманию психологической сути патриотизма и патриотического поведения позволяют выделить два полюса его проявления, варьирующиеся от конструктивной социальной активности до межгрупповой неприязни и деструктивного социального противостояния. С одной стороны – конструктивный, или «критический», патриотизм, а с другой – некритический, или «слепой». Первый связан с позитивными установками в области межнациональных отношений, необходимостью поддерживать межэтническое согласие и возможностью критического отношения к отдельным феноменам своей страны, в сочетании с потребностью активно действовать во благо ее развития. Второй – с установками межнациональной неприязни и некритическим отношением к развитию своей страны, при этом фокус внимания переносится с активных действий во благо Родины на агрессивное противостояние ее «врагам». Некритический, «слепой» патриотизм формирует целый ряд негативных установок, связанных с межгрупповым взаимодейст-

[1] Дыхательные упражнения для снятия усталости и освобождения от негативных эмоций. URL: https://med.wikireading.ru/42951(дата обращения 11.03.2021).

вием: ориентацию на социальное доминирование, авторитаризм, национализм, милитаристские установки, неприязнь к мигрантам и беженцам. Критический, конструктивный патриотизм не имеет такой связи, а зачастую выступает препятствием межгрупповой неприязни и националистическим установкам[1].

У молодежи, по мнению С.В. Васильевой и А.В. Микляевой, социально-психологическими предпосылками конструктивного патриотизма выступают: 1) национальная идентичность (позитивное восприятие собственной нации, основанное на символической привязанности и осмыслении перспектив развития своей страны); 2) глобальная и гражданская идентичность; 3) ценности роста (с индивидуалистической и социальной ориентацией); 4) социальные установки (ориентация на социальную справедливость и альтруизм); 5) особенности обработки социальной информации (рефлексивность, рациональность / интуитивность, критическое мышление). Также авторами установлены связи конструктивного патриотизма с образованием и местом проживания.

Результаты исследования отношения студенческой молодежи к патриотизму, проведенного авторским коллективом под руководством Н.В. Муращенковой[2], характеризуют особенности разных типов отношения к патриотизму среди обучающихся высших учебных заведений, представителями которых являются и курсанты вузов МВД России. В результате исследования авторы констатируют, что для 1/3 опрошенных свойственна изменчивая патриотическая идентичность, а 1/10 респондентов ощущает себя патриотами очень слабо, 6,4% – не ощущают себя патриотами совсем. На основе результатов опроса авторы пришли к выводу о том, что у значительной части российской студенческой молодежи имеются препятствия для формирования устойчивой патриотической идентичности.

По результатам эмпирического исследования авторы описывают 5 типов отношения студенческой молодежи к патриотизму.

Тип 1 – «безусловное позитивное отношение к патриотизму» (24,6%) – проявления патриотизма респонденты связали с любовью, преданностью, защитой, проявлением уважения к родине, народу, культуре, природе страны, с популяризацией России в общении с представителями других стран, принятием страны такой, какая она есть.

Тип 2 – «позитивное или нейтральное отношение к патриотизму без дополнительной рефлексии» (21,8%) – в ответах доминирует «любовь к родине», но есть признаки шаблонного восприятия патриотизма и безразличного отношения к нему.

Наиболее распространен тип 3 – «положительное отношение с рефлексией преимуществ и возможных рисков» (45,2%), в ответах фигурируют любовь, преданность, восхищение, уважение к стране, природе и людям, проявление смелости для защиты страны, но вместе с тем признаются проблемы страны и высказывается желание изменить жизнь к лучшему, конкретными действиями исправить недостатки. Фигурирует уважение к людям с другими взглядами, проявление критического мышления и стремление к миру. Преимуществами патриотизма отмечается сплочение народа, повышение веры в хорошее будущее, возможность сделать страну лучше, повысить благополучие людей, в качестве рисков обозначается фанатизм, негативное отношение к другим странам, навязывание патриотизма.

Тип 4 – «негативное отношение к патриотизму» – характеризует 3% опрошенных, они не видят в патриотизме позитивных сторон, особо выделяют в своем понимании патриотизма слепую любовь и отношения с властью, склонны воспринимать патриотизм манипулятивным инструментом.

Тип 5 – «амбивалентный» (5,4%) – отличается неоднозначным, двойственным отношением к патриотизму, акцентируется внимание на соотношении истинного и ложного патриотизма.

На основе анализа исследований патриотизма в структуре личностных характеристик сформулируем основные выводы с приложением их к конкретной группе учащейся молодежи – курсантам вузов МВД России:

1) современная молодежь понимает патриотизм через гражданскую идентичность, ответственность, честность и активное учас-

[1] Васильева С.В., Микляева А.В. Социально-психологические предпосылки конструктивного патриотизма подростков и молодежи: систематический обзор эмпирических исследований // Science for Education Today. 2024. Т. 14. № 1. С. 55-79.

[2] Отношение к патриотизму и патриотическая самоидентичность российской студенческой молодежи в условиях поляризации российского общества / Н.В. Муращенкова, В.В. Гриценко, Н.В. Калинина и др. // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 68-88.

тие в обществе. Приоритет в воспитании патриотизма у курсантов МВД должен отдаваться конструктивной его форме, которая включает позитивные межнациональные отношения, критическое мышление и активную деятельность на благо страны и региона проживания в частности;

2) в развитии конструктивного патриотизма у современной молодежи и ее патриотическом воспитании следует учитывать социально-психологические предпосылки, значимые для этой возрастной группы: национальную идентичность (позитивное восприятие собственной нации и осмысление перспектив развития своей страны); глобальную и гражданскую идентичность; ценности роста (с индивидуалистической и социальной ориентацией); ориентацию на социальную справедливость и альтруизм; особенности обработки социальной информации (рефлексивность, рациональность / интуитивность, критическое мышление);

3) если применить к курсантам образовательных организаций МВД России результаты исследования патриотической идентичности студенческой молодежи, частью которой они являются, то их характеризует «положительное отношение патриотизму с рефлексией преимуществ и возможных рисков» (45,2%) и «безусловное позитивное отношение к патриотизму» (24,6%). При этом почти треть характеризуется изменчивой патриотической идентичностью, имеющей признаки формальности и ситуативной обусловленности, а половина всех опрошенных из числа вузовской молодежи озвучивает запрос на развитие конструктивного гражданского патриотизма;

4) в развитии патриотизма как личностной характеристики большое значение имеет потенциал субъект-субъектного взаимодействия, когда обучающийся воспринимается не как объект воспитательного воздействия, а как субъект патриотического воспитания. В том числе меньше говорить о необходимости быть патриотом (это воспринимается как навязывание ценностей и моделей социального поведения, вызывает скорее отторжение, чем стремление и готовность следовать им), а больше делать – участвовать в социально-значимых видах деятельности, в том числе в волонтерской, узнавать о достижениях, величии страны в разных сферах, в том числе современных достижениях, чтобы было чем гордиться, чувствуя сопричастность к значительному, в том числе к событиям и достижениям регионального уровня.

27 августа 2024 г. приказом МВД России утверждено Положение о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации[1]. Особое внимание уделено новому виду работы – политико-воспитательной, одним из ключевых направлений которой является патриотическое воспитание. В рамках организации политико-воспитательной работы ставятся задачи:

– формирование у сотрудников государственной и правовой идеологии, чувства патриотизма и личной ответственности за судьбу страны, знания и уважения ее истории и культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

– поддержка институтов гражданского общества и общественных проектов в области патриотического воспитания и сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обеспечение участия в них личного состава.

Также обозначены в указанном положении иные задачи политико-воспитательной работы, которые могут быть рассмотрены в рамках патриотического воспитания. Например:

– противодействие распространению деструктивной идеологии, формирование у сотрудников устойчивости к негативному информационно-психологическому воздействию, развитие критического мышления и культуры работы с информацией;

– создание и распространение среди сотрудников мультимедийных продуктов, направленных на патриотическое и профессионально-этическое воспитание.

Ряд других направлений культурно-просветительской работы также можно отнести к патриотическому воспитанию, например:

– распространение среди сотрудников знаний в области отечественной истории, культуры, продвижение традиционных российских культурных, духовно-нравственных ценностей и приобщение к ним;

– организация мемориальной деятельности, создание и поддержание в надлежащем состоянии мемориальных объектов, их использование в воспитании личного состава;

[1] Об утверждении положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27.08.2024 № 500.

– культурно-художественное обслуживание личного состава, в том числе выполняющего оперативно-служебные задачи в особых условиях.

Для реализации указанных направлений также используются специфические формы работы: патриотические акции, подготовка и экспонирование музейных экспозиций, историко-архивная и поисковая работа, реконструкция событий истории России и российской полиции, полицейской и военной формы (костюма) и другие.

Косяченко В.И.,

кандидат педагогических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

Особенности подготовки сотрудников полиции к оперативно-служебной деятельности

Одной из составляющих в подготовке курсантов и слушателей к профессиональной деятельности является индивидуальная оперативно-служебная подготовка, объединяющая в единое целое физическую, огневую и тактико-специальную подготовки. В данном случае речь идет о функциональной и двигательной готовности сотрудников ОВД к действиям при чрезвычайных обстоятельствах, а также формировании у них устойчивых навыков в использовании табельного огнестрельного оружия и специальных средств для обеспечения законности и правопорядка в жизни общества.

Сотрудник органов внутренних дел является представителем закона, и в случае чрезвычайной ситуации он должен своевременно, решительно и умело действовать, принимать грамотные решения, оказывать помощь гражданам. Сегодня список критериев, которым должен соответствовать полицейский, достаточно обширен. Достижение и поддержание определенного уровня профессиональной подготовки сотрудников полиции является одной из важнейших задач. Требования к уровню индивидуальной физической подготовки абитуриентов, поступающих в образовательные организации, заметно снизились. Так, несколько лет назад для абитуриента необходимо было выполнить норматив по подтягиванию 12-15 раз, на сегодняшний этот норматив составляет 3-4 раза.

На данный период возрастают требования к уровню профессиональной, физической, тактической и огневой подготовке. Задачи, которые решают сотрудники полиции в особых условиях, требуют развития определенных физических качеств и устойчивых навыков. Сотрудники полиции готовятся к оперативно-служебной деятельности в составе сводных отрядов, выполняют служебные задачи и обеспечивают общественную безопасность населения в зоне специальной военной операции. Сегодня мало вооружить будущего специалиста суммой знаний, необходимо сформировать личность, способную активно «вписываться» в современное общество. Таким образом, необходимо обучать будущих сотрудников полиции определенным специальным навыкам.

Целью освоения данных дисциплин в вузах являются формирование психофизической готовности выпускника к эффективному решению оперативно-служебных задач, развитие физических качеств, обеспечивающих успешное овладение специальностью, и способности направленного использования разнообразных средств физической культуры, спорта для сохранения и укрепления здоровья.

Развитие профессиональных навыков способствует решению следующих задач:

1) понимание социальной роли физической культуры в развитии личности и подготовке ее к профессиональной деятельности;

2) создание условий для достижения и поддержания на уровне, обуславливающем эффективное применение силы сотрудниками правоохранительных органов, психомоторных способностей: силы, быстроты, выносливости, ловкости, гибкости;

3) овладение системой практических умений и навыков, обеспечивающих сохранение и укрепление здоровья, развитие и совершенствование психофизических способностей, качеств и свойств личности;

4) обеспечение общей и специальной физической подготовленности, определяющей психофизическую готовность студента к будущей профессии.

Уровень общефизической подготовки должен способствовать повышению работоспособности, совершенствованию у сотрудника полиции основных двигательных качеств (силы, быстроты, выносливости, гибкости, прыгучести, координации и др.), а также укрепление и улучшение работы функциональных систем организма (нервно-мышечной, опорно-двигательной, кардио-респираторной и косвенно других систем). Внеучебный процессе позволяет осваивать и совершенствовать определенные навыки, направленные на повышение профессиональной готовности курсантов и слушателей к дальнейшей их оперативно-служебной деятельности.

Уровень специальной подготовки позволяет закрепить полученные навыки при моделировании ситуаций служебной деятельности в условиях сбивающих факторов.

Сотрудник полиции обязан проходить специальную подготовку, а также периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Содержание программ специальной физической подготовки сотрудников полиции определяется федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Для того чтобы достичь определенного уровня профессиональной подготовки сотрудников полиции необходимо: внедрение новых форм и методов обучения курсантов и слушателей на основе интенсивных педагогических технологий, создание практической основы для быстрой реализации дифференцированной, качественной профессиональной подготовки кадров, призванных работать в новых условиях становления и развития правового государства – это то, чем обусловлен успех профессиональной деятельности сотрудника Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Крютченко А.Д.

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Подходы к осмыслению профессиональной социализации личности в процессе получения высшего образования и их значение для выстраивания системы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел

Современное российское общество проживает в эпохе цифровизации, когда цифровые технологии активно внедряются во все сферы жизни. С 2019 г. высшее образование претерпело кардинальные изменения в форматах представления учебных материалов и обучения студентов. Форма подготовки в университетах сегодня значительно отличается от тех, что были 10 лет назад. Условия профессиональной социализации, существовавшие до появления Интернета, уже не могут быть воспроизведены.

Сегодня цифровая среда оказывает значительное влияние на профессиональную социализацию и формирование навыков студентов как будущих специалистов, которые всего через 5-7 лет займут важные позиции в производственной и административной системе нашей страны. Важно рассматривать образование как социальный институт, который наряду с другими функциями выполняет роль вторичного агента социализации будущих специалистов.

Феномен социализации является предметом исследования многих социально-гуманитарных наук. В социологии теорию социализации изначально рассматривали с точки зрения двух подходов: субъектно-субъектного, где индивиды самостоятельно строят представление о себе, обществе, нормах и ценностях, основываясь на межличностных интеракциях (Ф. Гиддингс, Г. Зиммель, Ч. Кули, Дж. Г. Мид) и субъектно-объектного, где в процессе социализации человек адаптируется к обществу, которое формирует личность в соответствии с нормами и ценностями культуры (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс).

Г. Зиммель в целом рассматривает социализацию, как фактор формирования социальных групп и развитие форм объединений индивидов. Американский социолог Ф. Гиддингс рассматривал социализацию как процесс, через который индивид формирует свое

социальное окружение в соответствии со своими стремлениями и интересами, акцентируя внимание на индивидуализме как ценном социальном качестве. По мнению Т. Парсонса, социальная система существует для поддержания порядка в обществе и формирования процессов социализации, которые помогают индивидам развивать индивидуальность, усваивать нормы и роли, а также формировать потребность подчиняться этим нормам. В основе процесса взаимодействия индивида и общества в концепции французского социолога Э. Дюркгейма лежит понимание двойственной природы человека. Социализация, по его мнению, выполняет функцию подготовки человека к выполнению определенных функций. Целенаправленная социализация осуществляется посредством воспитания как системы.

Анализ различных взглядов на феномен социализации показывает, что этот процесс имеет несколько ключевых аспектов: социализация является важным этапом формирования личности в обществе; социализация помогает индивиду развивать свои потребности и определять функции в обществе. Процесс социализации происходит в постоянном взаимодействии человека с окружающим миром. Это непрерывное движение к становлению и развитию личности, связанное с изучением как материальных, так и духовных культур, а также общественных и личных взаимоотношений, характерных для конкретных условий жизни. Кроме того, через целенаправленное воздействие общества происходит усвоение социальных норм, правил, ролей и ценностей, что позволяет индивиду накапливать общественный опыт в целом.

Что касается понимания профессиональной социализации в отечественной социологической мысли, то здесь встречаются самые разнообразные толкования данного понятия: от относительно широкого до достаточно строгого научного определения этого феномена.

Согласно Р.М. Шамионову[1], профессиональная социализация происходит одновременно с общим процессом социализации личности, и поэтому ее изучение должно обязательно включать аспекты профессиональной социализации. Этот процесс начинается еще до того, как человек вступает в профессиональную сферу. Разные социальные институты помогают формировать личность так, чтобы она могла стать активным участником, осознанно определиться в своих ролях и вовлечься в профессиональную деятельность.

В работе Н.А. Перинской предлагается более глубокое понимание явления профессиональной социализации, которое рассматривается с двух сторон. С одной стороны, это процесс, в ходе которого человек становится частью профессиональной среды, осваивая ее ценности, стандарты и опыт. С другой стороны, это активная реализация профессионального опыта, направленная на оптимизацию поведения и постоянное самосовершенствование в своей профессии[2].

Такую точку зрения поддерживает И.В. Воробьева, которая отмечает, что разнообразие понятия профессиональной социализации связано с внедрением человека в сферу профессиональной деятельности и преобразованием социально-профессиональной структуры общества. Профессиональная социализация включает активное проявление профессионального поведения и постоянное саморазвитие.

М.В. Мигачева добавляет, что профессиональную социализацию можно понимать, как процесс формирования интегративно-адаптационных качеств, которые открывают возможности для вертикальной и горизонтальной мобильности в рамках трудовой деятельности в течение жизни человека[3].

Профессиональную социализацию можно условно разделить на две основные формы – прямую и косвенную, в зависимости от того, как организуется процесс и есть ли целенаправленная деятельность. Прямая социализация включает в себя разработанные методики, которые влияют на человека с целью формирования его в соответствии с «социальным заказом» общества на личность определенного типа, профессионала в сфере своей деятельности. Важнейшими аспектами здесь являются обучение, получение про-

[1] Шамионов Р.М. Внешние и внутренние детерминанты личности в процессе ее социализации : автореф. дис. ... д–ра психол. наук: 19.00.05. Саратов, 2002. 362 с.

[2] Перинская Н.А. Социальная идентичность как результат профессиональной социализации // Социологический сборник. Выпуск 4. М.,1998. С. 36-40.

[3] Мигачева М.В. Сущность и особенности профессиональной социализации молодых специалистов в период трансформации // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 1(51). С. 95-100.

фессионального опыта и активная деятельность самого индивида. Он не только учится, но и принимает участие в профессиональных мероприятиях, что позволяет ему развивать свою профессиональную активность и повышать квалификацию.

Косвенная профессиональная социализация, в свою очередь, представляет собой процесс «естественного» формирования социальных и профессиональных навыков, который происходит в результате постоянного нахождения человека в определенной профессиональной среде. В этом случае индивид получает информацию, мнения и поведенческие установки, которые, хотя и не связаны напрямую с его профессией, тем не менее существенно влияют на его развитие как специалиста и формируют его профессиональное поведение в будущем[1].

Начальная профессиональная социализация, как утверждает Л.Я. Аверьянов, представляет собой первый шаг в мире труда, где индивид получает своеобразный навигатор для понимания различных профессиональных горизонтов. Это процесс формирования профессиональных намерений и освоения ключевых знаний, необходимых для успешного старта в избранной специальности. Важным аспектом здесь является интеграция в систему социальных и производственных отношений, что позволяет человеку адаптироваться к особенностям его профессиональной среды. Этап начальной социализации, обладая адаптивным характером, подчеркивает необходимость активного взаимодействия с окружающей профессиональной реальностью. Успех в этом начинании играет решающую роль в дальнейшем развитии профессиональной карьеры и процессе самореализации. Если индивид испытывает удовлетворение от своих успехов, его взаимодействие с представителями выбранной сферы становится более глубоким и многослойным. В ходе этого процесса он не только овладевает спецификой своей профессии, но и стремится стать ее выразителем, готовым вносить позитивные изменения и влиять на развитие профессиональной среды.

В условиях быстроменяющегося цифрового ландшафта высшее образование должно адаптироваться, обеспечивая не только передачу знаний, но и подготовку студентов к активному взаимодействию с новым миром. Профессиональная социализация как процесс представляет собой многогранное и динамичное явление, отражающее взаимодействие индивидуальных стремлений человека и ожиданий со стороны общества. Профессиональная социализация не ограничивается лишь освоением стандартов и норм, присущих конкретной профессии, она также включает в себя активное самосовершенствование и постоянное развитие личности в рамках меняющегося социального контекста.

Профессиональная социализация закладывает основы для формирования профессиональной идентичности, но успешная интеграция и дальнейшее развитие зависят от способности индивида адаптироваться и вносить активный вклад в свою профессию. В свою очередь, университет как вторичный агент социализации и социальная структура не просто предоставляет образование и диплом, но и открывает реальные перспективы для определения своего места в обществе и выбора сферы профессиональной деятельности студента.

Феномен профессиональной социализации представлял и представляет огромный интерес для подготовки не только профессионалов в целом, но и профессионалов для государственной правоохранительной службы, в том числе органов внутренних дел. Особенно серьезно данная проблема поднималась в конце 1990-начале 2000 годов[2]. Изучение процесса профессиональной социализации молодого поколения сотрудников органов внутренних дел дает возможность определить ту роль, которую играет и сможет сыграть в дальнейшем данный социальный институт в обеспечении законных прав и интересов граждан, укрепление национальной государственности.

[1] Маркелова К.Х. Профессиональная социализация как социальный феномен // Актуальные исследования. 2024. № 20(202). С. 7-11.

2 Невирко Д.Д. Особенности социализации личности в авторитарных институтах России 90-х годов : монография. Красноярск, 1999. 257 с.; Рубчевский К.В. Социализация в современных условиях: социально-философский анализ : дис. … д-ра филос. наук. Красноярск, 2003. 309 с.; Шинкевич В.Е. Мобилизация как интегральная основа формирования профессиональных качеств обучаемых в образовательных учреждениях силовых институтов России: опыт и проблемы (по материалам социологических исследований специфики профессиональной подготовки сотрудников в учебных заведениях органов внутренних дел) : дис. … д-ра социол. наук. Барнаул: АГУ, 2007 г. 340 с.

Таким образом, профессиональная социализация может рассматриваться как ключевой фактор, способствующий не только личностному и профессиональному развитию индивидов, но и в целом оптимизации трудовой структуры общества. Важно учитывать, что успешная социализация отдельного профессионала в значительной степени определяет уровень профессиональной культуры и инновационных процессов в рамках всей отрасли. Учитывая имеющийся и накопленный опыт изучения различных механизмов социализации потребуются соответствующие новые исследования процесса социализации сотрудников органов внутренних дел с учетом открывшихся и открывающихся возможностей использования цифровых возможностей в раскрытии и расследовании правонарушений, оказании помощи и правовой защиты гражданам.

Ерофеев Р.А.

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Роль ударных единоборств в профессиональной подготовке сотрудника органов внутренних дел

В своей профессиональной деятельности сотрудники ОВД вынуждены сталкиваться с агрессией и возможностью физического столкновения с правонарушителями. Для эффективного противостояния этой угрозе необходимо, чтобы сотрудники ОВД имели соответствующий уровень физической, психологической, а также тактической подготовки.

Разумеется, большую часть нападений можно предотвратить или отразить, используя специальные средства и огнестрельное оружие. Однако нередки случаи, когда воспользоваться ими не представляется возможным, например, в силу стремительности нападения или отсутствия специальных средств и огнестрельного оружия в зоне досягаемости сотрудника. На этот случай сотрудник ОВД должен быть готов применить физическую силу. Для того чтобы сделать это правильно и эффективно, сотрудник должен владеть соответствующими навыками владения различных единоборств.

Все единоборства условно можно разделить на три основных типа: борцовские (единоборства, в которых широкое применение находят броски, захваты, болевые приемы, то есть контакт в которых постоянный и очень тесный), ударные (единоборства, в которых на первое место выходит применение ударных техник, таких, как удары ногами, локтями, коленями, руками) и смешанные (единоборства, совмещающие характеристики указанных ранее категорий). В настоящей статье мы рассмотрим важность ударных единоборств для развития профессиональных качеств, хотя, безусловно, другие разновидности не менее важны.

В целом хотелось бы отметить, что определенная подготовка сотрудников по указанным направлениям в образовательных организациях МВД России, безусловно, ведется. Курсанты обучаются различным боевым техникам, а также ситуациям их применения. Однако в основном упор делается именно на приемы борьбы, в то время как ударная техника, на наш взгляд, осваивается весьма ограничено. Также недостаточно верным видится сам подход к обучению. Обучение через создание различных, заранее определенных преподавателем ситуаций нападения, безусловно, может быть полезным и дает сотруднику с тактической точки зрения понять, чего ожидать в реальной ситуации, но такой вид обучения плохо развивает те качества, которые понадобятся сотруднику при применении данных техник в реальной ситуации. Так, развитие таких важных в бою характеристик, как скорость мышления, скорость реакции, чувство дистанции, умение совладать с эмоциями страха, гнева, а также морально-волевых качеств, уходит на второй план. А ведь именно они во многом и определяют исход боя. Тем не менее данные качества отлично развиваются в различных видах спортивных ударных единоборств, таких, как, например, бокс, кикбоксинг, тайский бокс, каратэ. Именно поэтому, на наш взгляд, довольно важным шагом в улучшении профессиональной подготовки сотрудников ОВД было бы введение какой-либо из этих дисциплин в образовательные программы, а также

введение такого упражнения, как спарринг. Ведь именно в спаррингах можно успешно развить все указанные выше качества и подготовить сотрудника к действию в стрессовых ситуациях иного характера за счет развития морально-волевых качеств. Конечно, для предотвращения травм и вреда здоровью сотрудников следует применять спортивную защиту (к примеру, щитки и шлема), а сами спарринги проводить в преимущественно «мягкой» форме, то есть «не вкладываясь» в удары.

Таким образом, данное изменение в образовательных программах дисциплины «Физическая подготовка» могло бы значительно повысить эффективность действий сотрудников в чрезвычайных ситуациях, что представляется нам необходимым и особенно актуальным в современных условиях.

Парунов И.М.

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Развитие студенческого спорта в образовательных организациях МВД России

Развитие студенческого спорта в образовательных организациях МВД России должно быть направлено не только на формирование у обучающихся профессиональных навыков, необходимых для выполнения возложенных служебных задач, но и потребности в поддержании и сохранении собственного здоровья посредством систематических занятий физической культурой и спортом. Так, приоритетное значение для курсантов и слушателей ведомственных вузов имеет Спартакиада отделения Всероссийского физкультурно-спортивного общества «Динамо». Спортивные состязания проводятся по служебно-прикладным видам спорта: волейбол, мини-футбол, плавание, стрельба из боевого оружия, легкая атлетика, летний служебный биатлон, самбо, гиревой спорт. Служебно-прикладной характер перечисленных состязаний имеет важное значение в системе профессиональной подготовки будущих сотрудников.

Также стратегия развития студенческого спорта и пропаганда здорового образа жизни реализуется через участие курсантов и слушателей ведомственных вузов в Спартакиаде высших учебных заведений, которая характеризуется массовостью, а также возможностью проявить себя в командных состязаниях среди женщин и мужчин в следующих дисциплинах: легкоатлетический кросс, настольный теннис, армрестлинг, бадминтон, баскетбол 3*3, волейбол, баскетбол 5*5, плавание, пауэрлифтинг, гребля индор, парусный спорт, легкая атлетика, фиджитал спорт.

Так, по итогам 2023-2024 гг. в Спартакиаде вузов Калининградской области приняли участие 145 курсантов и слушателей Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, в Спартакиаде «Динамо» – 67 сотрудников из числа постоянного и переменного составов.

В результате проведения соревнований к спорту приобщаются не только учащиеся, но и профессорско-преподавательский состав (участники, болельщики, тренеры, представители). На базе учебного заведения создаются сборные команды из числа переменного состава, возникают спортивные коллективы, начинают работать спортивные секции. Важным аспектом сплоченности команд выступает наличие тренера, командной формы, материально-технической базы учебного заведения для проведения тренировок.

Отметим, что в студенческом спорте, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, существует ряд проблемных вопросов, требующих разрешения:

платное участие в спортивных соревнованиях. Сметой бюджетной организации такие расходы не предусмотрены, ребята вынуждены платить самостоятельно либо отказываться. Например, приглашение принять участие в патриотическом благотворительном турнире по волейболу «Играем за СВОих» предполагало оплату взноса;

2) отсутствие мер поощрения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России за особые достижения в спорте. Ограничения выезда за границу на международные старты, особые условия несения службы не позволяют конкурировать со студентами гражданских вузов. Например, в Калининградской области в 2024 г. победители и призеры всероссийских первенств международных соревнований были удостоены

именных стипендий губернатора, в их число курсанты ведомственных вузов не вошли;

3) отсутствие либо неудовлетворительное состояние материально-технической базы: спортивных объектов (стадионов, спортивных площадок, бассейнов, тиров, спортзалов), современного инвентаря (тренажеров, турников, сеток, щитов, ворот, мячей, ракеток, лыж и т.д.), единой спортивной формы с логотипом образовательной организации;

4) отсутствие секций, сборных команд образовательных организаций МВД России по видам спорта, востребованным курсантами и слушателями (кроме обязательных в соответствии с программами соревнований физкультурно-спортивного общества «Динамо» и Спартакиады высших учебных заведений).

Подводя итог, подчеркнем, что в образовательных организациях МВД России процесс физической подготовки требуется осуществлять, формируя и поддерживая интерес к этой деятельности не только как к виду профессиональной подготовки, но и как к способу улучшения качества жизни. Необходимо организовать работу секций по служебно-прикладным, игровым видам спорта для совершенствования физической подготовленности курсантов и слушателей, что позволит воспитать будущих сотрудников органов внутренних дел, способных эффективно выполнять поставленные оперативно-служебные задачи.

Самойлович М.А.

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Значение развития физических качеств у курсантов ведомственных вузов

Постоянное повышение требований к физической подготовленности сотрудников силовых ведомств обусловлено реалиями современной военно-политической ситуации в стране и мире. Именно они определяют необходимость расширения сферы научных исследований, направленных на совершенствование методики подготовки сотрудников к действиям в особых условиях и экстремальных ситуациях, необходимость поиска новых подходов к организации процесса физической подготовленности, включающей в себя не только педагогические и психологические, но и физиологические, социологические аспекты.

Методические разработки, предназначенные для совершенствования технологии обучения курсантов и слушателей образовательных организациях МВД России в новых социально-экономических условиях, не в полной мере отвечают требованиям подготовки сотрудников полиции, в то время как на практике увеличивается объем и усложняется характер поставленных оперативно-служебных задач. Данное обстоятельство обусловило актуальность выбранной темы, а также потребность в разработке рациональных способов и методик улучшения качества профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, в том числе физической.

Выступая составляющей профессионально-прикладной подготовки курсантов вузов МВД России, физическая подготовка представляет собой самостоятельный раздел, направленный на обеспечение готовности будущих специалистов органов внутренних дел к успешному выполнению возложенных обязанностей. Она может быть определена как наличием двигательных способностей и функциональных возможностей организма, а также степенью развитости таких важных физических характеристик, как выносливость, сила, быстрота, ловкость и гибкость. В соответствии с результатами эмпирических исследований педагоги выделили сформированность вышеуказанных пяти физических качеств как итог учебного процесса по рассматриваемой дисциплине.

Сила – это явление, характеризующее двигательную силу человека, она не существует сама по себе. Она возникает при сокращении мышц под управлением центральной нервной системы. Поэтому, когда речь идет о развитии силы, мы имеем ввиду развитие мышц и способы управления ими.

Скоростно-силовые качества – это способности, проявляющиеся в двигательных действиях, в которых наряду со значительной силой мышц требуется и быстрота движений. Поднятие уровня общефизической и специальной скоростно-силовой подготовленности

у курсантов образовательных организаций МВД России, в основном происходит за счет средств борьбы. Однако использование в тренировочных занятиях различных вариаций прыжковых упражнений также эффективно влияет на улучшение физической формы. Скоростно-силовые качества повышаются при грамотном сочетании силовых напряжений с проявлением скоростных качеств.

Выносливость – это способность человека поддерживать заданную мощность без снижения эффективности, преодолевая утомление. Совершенствование данного качества происходит по двум направлениям: развитие общей выносливости, затем специальной. С учетом имеющейся материально-технической базы, за последние несколько лет особую актуальность в данном вопросе приобрела методика занятий в форме последовательного повторения упражнений по кругу (круговая тренировка), длительный бег, упражнения на снарядах.

Гибкость – это способность выполнять движения в суставах с большой амплитудой. Для ее развития применяются активные и пассивные упражнения на растягивание. Диапазон гибкости должен превосходить максимальную амплитуду, с которой выполняется движение, создавая запас гибкости для предотвращения травм и восстановления организма.

Ловкость – способность выполнять сложные по координации движения или быстро изменить положение тела. Наполнение практических занятий решением разнообразных двигательных задач поддерживает технико-тактическую подготовку для качественного выполнения боевых приемов борьбы, являющихся основным способом задержания и обезоруживания правонарушителей.

Заметим, что в настоящее время отсутствует единая позиция относительно методов и способов развития и поддержания необходимых двигательных физических качеств у сотрудников полиции. При этом происходит постоянное развитие научных знаний, новых открытий в теории и методике физического воспитания, спортивной тренировки, профессионально-прикладной физической подготовки, что положительно сказывается на процессе обучения. В образовательных организациях МВД России предпочтение отдается профессионально-прикладным видам спорта – рукопашному бою и самбо, затем спортивным играм (футбол, волейбол), на третьем месте – легкая атлетика, гимнастика, гиревой спорт.

Физические качества человека проявляются совместно в любом двигательном действии, в практической деятельности они неразличимы. С учетом изложенного, мы придерживаемся мнения о том, что методика физической подготовки курсантов и слушателей ведомственных вузов должна основываться на комплексном подходе, изучать, тренировать все качества, позволяя в равной степени совершенствовать двигательные действия.

В качестве вывода отметим, что развитие у курсантов и слушателей выносливости, силы, быстроты, ловкости и гибкости обеспечивает дальнейший рост уровня профессиональной подготовки, который, в свою очередь, базируется на высоком потенциале физических качеств.

Тарасова В.И.,

кандидат юридических наук
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Комплексные тактические учения как основа профессиональной подготовки курсантов образовательных организаций МВД России

Комплексные учения имеют большое значение в программе подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Так, «Учения» являются дисциплиной вариативной части блока 1 «Дисциплины (модули)». Они завершают этап обучения курсантов, на котором происходит проверка уровня полученных профессиональных знаний. Обладая междисциплинарными связями, данные занятия представляют собой системное сочетание тактико-специальной, огневой и физической подготовки. Для успешного освоения дисциплины осуществляется непрерывный процесс, направленный на овладение курсантами новыми знаниями и постоянное совершенствование профессиональных навыков и умений.

Комплексные тактические учения направлены на углубленную отработку вопросов за весь курс обучения по топографической, тактико-специальной, огневой подготовке, отработке вопросов взаимодействия личного состава, умению работать автономно от основных сил, обеспечивая собственную безопасность и безусловное выполнение поставленной задачи. Участие в данных занятиях позволит приобрести опыт и необходимые навыки в управлении подразделениями в ходе выполнения поставленных боевых задач. Уже в период обучения курсанты (слушатели) привлекаются к несению службы в нарядах, охране общественного порядка и общественной безопасности, сталкиваются с необходимостью применения вышеназванных знаний, умений и навыков. Учитывая непростую военно-политическую обстановку, базовая подготовка к действиям в особых условиях может потребоваться при выполнении служебно-боевых задач.

О значении тактико-специальных учений справедливо высказывается А.М. Киселев: «Являясь одной из отраслей специальных знаний, тактико-специальная подготовка изучает проблемы служебно-боевой деятельности сотрудников полиции России. В ее основе лежит изучение и практическое использование в правовой форме тактико-специальных способов действий в кризисных ситуациях, условий применения оружия, боевой и специальной техники, специальных средств, а также овладение методикой управления силами и средствами органов полиции при выполнении служебно-боевых задач различной степени сложности»[1].

Ежегодно в ведомственных высших учебных заведениях МВД России, ФСБ России, военно-морского флота России организуется проведение тактических учений, где курсанты (слушатели) должны решить поставленные задачи в соответствии с ведомственной принадлежностью.

Комплексные учения с вовлечением переменного состава в образовательных организациях МВД России состоят в проведении теоретических и практических занятий, на которых курсанты получают знания и закрепляют их на практике. Как и любой процесс, проведение учений состоит из последовательных действий, которые должны отвечать следующим требованиям:

безопасность (не допустить возникновения ситуаций, которые могут привести к причинению физического вреда или материального ущерба);

реальность выполнения (необходимо учитывать уровень материально-технического обеспечения и иные объективные возможности при подготовке сценария (рельеф, климат, время года);

создание на учении обстановки, максимально приближенной к реально возможной и позволяющей отрабатывать задачи, стоящие перед обучаемыми;

соответствие подготовки курсантов степени сложности поставленных задач.

Комплексные учения получили такое название вследствие того, что на них отрабатывается весь комплекс вопросов огневой, тактико-специальной подготовки от получения сигнала (команды) о введении соответствующей готовности до проведения специальной операции. Вместе с тем в ходе учений применяется целый комплекс форм и методов подготовки. К примеру, для руководящего и командно-начальствующего состава отрабатываются преимущественно элементы командно-штабных учений, а для курсантов существует практическое итоговое занятие и тренировка в выполнении определенных задач, соответствующих сложившейся обстановке.

Таким образом, именно комплексные тактические учения выступают завершающим этапом обучения по специальным дисциплинам и являются основой и наиболее эффективной формой подготовки.

[1] Киселев А.М. Специальная тактика как основа тактико-специальной подготовки персонала полиции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6-1 (57). С. 97.

Позднякова В.И.

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института имени И.Ф. Шилова

Музей УМВД России по Приморскому краю: историко-патриотическое воспитание и сохранение памяти

В социокультурном пространстве МВД России особую роль играют ведомственные музеи. Их основной миссией является сохранение накопленного опыта, передача его будущим поколениям правоохранителей, образование и воспитание сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, а также создание положительного имиджа органов внутренних дел, организация взаимодействия с институтами гражданского общества.

Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации В.А. Колокольцев в приветственном обращении к личному составу и ветеранам ОВД в связи с празднованием 300-летия российской полиции отметил: «Мы возрождаем добрую память о тех, чьи имена несправедливо преданы забвению независимо от эпохи, в которую им выпала честь служить своей стране и ее народу. Уважительное отношение к прошлому, анализ достижений предшественников позволяют находить оптимальные пути решения возложенных на нас задач. На этом прочном фундаменте будут воспитываться и молодые полицейские, которым предстоит вписать новые достойные страницы в историю ведомства»[1].

Решение о создании ведомственного музея в Приморском крае принималось в середине 1980-х гг. 11 июня 1987 года был издан приказ начальника УВД генерал-майора А.А. Ефимова № 501, определено помещение музея, начался сбор экспонатов. Музей был открыт 27 марта 1987 года во Владивостоке в здании учебного центра краевого УВД. Значительная роль в сборе экспонатов и открытии музея принадлежит подполковнику Владимиру Ивановичу Марченко, которому впоследствии за проявленные мужество, героизм и отвагу в Чеченской Республике присвоено (посмертно) звание Героя России.

Музей является центром патриотического воспитания личного состава, молодых сотрудников МВД, гражданской молодежи и подрастающего поколения города Владивостока и Приморского края. В музее проводятся экскурсии, принятие присяги молодыми сотрудниками, уроки мужества.

Большой вклад в организацию работы музея, сбор экспонатов и материалов, создание новых экспозиций, проведение экскурсий в музее внесли в разные годы Тамара Михайловна Дунец, подполковники милиции в отставке Галина Николаевна Сташкова, Ирина Георгиевна Зубакова, полковник милиции в отставке Андрей Николаевич Костюков. С 2024 года музей является структурным подразделением культурного центра УМВД России по Приморскому краю. Лекционную деятельность и работу с фондами музея в настоящее время осуществляет подполковник внутренней службы в отставке Раиса Гатовна Гришукова.

Музей истории органов правопорядка Приморья является уникальным местом, в котором имеется возможность ознакомиться с различными периодами деятельности полиции и милиции: дореволюционным, советским, современным.

Документы и экспонаты, представленные в фондах музея, имеют значительную информационную составляющую, что позволяет использовать их не только в качестве экспонатов, но и для осуществления научно-исследовательской работы. По материалам музея были написаны ряд исследований, охватывающих имперский период[2], периоды 1920-1930-х гг.[3] и Великой Отечественной войны[4]. В 2018 году издательством «Русский остров»

[1] Приветственное обращение министра внутренних дел генерала полиции Российской Федерации В.А. Колокольцева к личному составу и ветеранам органов внутренних дел в связи с празднованием 300-летия российской полиции. М., 2018.

[2] Шелудько В.О, Буяков А.М., Черномаз В.А. Органы внутренних дел Приморья (1860-1917 гг.). Владивосток : Дальнаука, 2004. 385 с.

[3] Шабельникова Н.А. Деятельность органов НКВД по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1922-1920 гг. : монография. 2-е изд., переработанное и дополненное. М. : Проспект, 2024. 394 с.

[4] Жадан А.В. НКВД в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке (1941-1945 гг.). Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2023. 179 с.

было выпущено юбилейное издание, являющееся ценным материалом для сотрудников системы МВД России и гражданской молодежи[1].

Исходя из задач, стоящих перед музеем, работа осуществляется по ряду направлений: поисковая, собирательская, экспозиционная и выставочная. Сотрудники музея ведут летопись деятельности органов правопорядка Приморского края. Продолжается пополнение фотоальбомов «Новые подразделения», «Династии», «Сотрудники ОВД Приморья в «горячих точках», «Принятие присяги» и др.

Большой популярностью пользуются музейные экспонаты временных передвижных выставок, которые приурочены ко всем знаменательным датам, связанным с историей ОВД и отдельных служб, а также к событиям, участниками которых являлись сотрудники органов внутренних дел.

Значительный вклад в пополнение коллекций вносят ветеранские организации. Основной задачей ветеранских организаций является не только пополнение фондов музея УМВД России по Приморскому краю, но и создание комнат истории в подразделениях.

В настоящее время экспозиция музея насчитывает более 5 тысяч единиц хранения. В его коллекциях представлены подлинные свидетельства исторических событий, документы об истории образования Министерства внутренних дел, органов внутренних дел, сведения о выдающихся представителях начальствующего и рядового состава милиции, участниках событий, внесших вклад в становление деятельности полиции и милиции Приморья.

Особое место в музейном документальном фонде занимает информация о сотрудниках, погибших при исполнении служебного долга. Они навечно зачислены в списки личного состава УМВД России по Приморскому краю.

Ежегодно музей посещают более четырех тысяч человек, среди которых как будущие сотрудники органов внутренних дел – курсанты Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова и военнослужащие. Исторические документы, фотографии, образцы оружия и формы вызывают интерес у студентов высших и средних учебных заведений Приморского края, учащихся школ и жителей Владивостока. Экспозиции музея – постоянные, временные (выставки) и тематические особую значимость имеют для сотрудников, поступающих на службу в полицию.

Для образовательных организаций МВД России актуальной задачей является не только посещение постоянно действующих экспозиций музея курсантами и сотрудниками, но и возможность организации временных выставок на площадке Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова. Учитывая то, что передвижные выставки имеют возможность посещать значительно большее количество людей, данная форма взаимодействия не только повышает доступность фондов музея, но и расширяет культурно-образовательную и мировоззренческую составлявшую воспитательного процесса в филиале.

В целом, экспозиции и фонды мудея УМВД России по Приморскому краю являются неотъемлемой частью патриотического воспитания не только сотрудников, но и граждан. В экспозициях, представленных в музее, нашли отражение не только особенности формирования и развития органов правопорядка, но и примеры героизма и мужества, проявленные сотрудниками органов внутренних дел в борьбе с преступностью.

[1] Органы МВД Приморья: 160 лет на страже порядка. В 3 кн. Кн. 1. История и современность полиции и милиции Приморского края. Владивосток : Изд-во «Русский остров», 2018. 584 с.

Зорина В.В.,

кандидат педагогических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Изучение языковых норм слушателями факультета профессиональной подготовки юридического вуза системы МВД России

Речь сотрудника правоохранительных органов, ее соответствие языковым нормам является одним из важнейших показателей профессионализма. Актуальность проблемы повышения языковой грамотности сотрудников ОВД доказана современными исследованиями. Так, выявлены типичные орфоэпические, лексические, морфологические, орфографические ошибки в речи сотрудников ОВД[1]; зафиксирован недостаточный уровень языковой подготовки сотрудников ОВД, являющихся слушателями Центра профессиональной подготовки юридического вуза системы МВД России[2].

В СибЮИ МВД России сотрудники ОВД, обучающиеся на факультете профессиональной подготовки (ФПП), повторяют языковые нормы на лекционных и семинарских занятиях учебной дисциплины «Основы организационного и документационного обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации. Русский язык в деловой документации. Культура речи». Тематический план данной дисциплины включает следующие темы, направленные на повторение норм русского языка: «Русский язык и культура речи в профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации»; «Лексические и грамматические особенности языка деловых документов»; «Орфографические и пунктуационные нормы русского языка»[3].

Актуализация сведений о языковых нормах на занятиях предусматривает изучение теоретического материала и выполнение практических заданий. Во время лекций слушатели знакомятся с такими терминами, как «культура речи», «аспекты культуры речи», «языковая норма», «стилевая система современного русского литературного языка», «лексические нормы», «морфологические нормы», «грамматические нормы», «орфографические нормы» и т.д.

При повторении лексических норм слушатели выполняют практические задания на обнаружение, исправление и предупреждение типичных лексических ошибок: нарушение лексической сочетаемости, речевая избыточность, неверное употребление паронимов, синонимов и т.д. Как показывает практика, особое внимание у обучающихся вызывает такой вид избыточности высказывания, как плеоназм (*моя автобиография, ладони рук, пинать ногами, свободная вакансия* и т.д.). Отметим, что одним из эффективных видов заданий является задание на редактирование: обучающимся необходимо найти ошибку, определить ее тип и исправить. Примеры предложений для редактирования: 1) *На заседании адвокат представил абсолютно новый документ. 2) Начальник факультета призвал слушателей к тесному совместному сотрудничеству.*

К типичным нарушениям сотрудников ОВД относят ошибки в употреблении паронимов. С целью предупреждения и исправления данных ошибок также предлагаются задания на редактирование. Примеры предложений:*1) Суд представил слово свидетелю. 2) Был провозглашен приговор суда.*

Повторение грамматических норм предусматривает повторение морфологических и синтаксических норм. Практика преподавания показывает, что особое затруднение вызывают правила склонения фамилий. Повторение данных правил происходит с помощью презентации и с опорой на электронные ресурсы. Так, на странице *Азбучные истины*

[1] Кузнецова С.М. Культура речи сотрудников ОВД: типичные ошибки и пути их устранения // Научно-теоретические аспекты коммуникативных методик в процессе языковой подготовки сотрудников органов внутренних дел : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Уфа, 8 октября 2020 года. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2020. С. 137-140.

[2] Кутепова А.Е. Проблемные аспекты развития языковой грамотности сотрудников органов внутренних дел в ходе профессионального обучения // Вестник экономики, управления и права. 2024. Т. 17. №. 2. С. 91-96.

[3] Примерная основная программа профессионального обучения «Профессиональная подготовка лиц рядового состава и младшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» по должности служащего ″Полицейский″». ГУРЛС МВД России, 2023. 138 с.

сайта Грамота.ру представлена *Азбучная истина 8. Склонение фамилий*[1], которая содержит пошаговый алгоритм. Следуя данному алгоритму, можно найти ответы на вопросы: склоняется данная фамилия? Как склоняется?

После повторения правил предлагается выполнить практические задания. Например, раскрыть скобки в предложениях, верно изменив фамилию: 1) *(Гоц Кирилл Максимович) доставили в отделение полиции и составили протокол задержания.* 2) *Было возбуждено уголовное дело по фактам совершения (Баранчук Иван Данилович) хулиганских действий в отношении (Кравец Ирина Леонидовна, Баграмян Андрей Иванович).* Подчеркнем, что задания включают предложения и тексты, содержащие профессионально-ориентированную лексику.

Орфографические и пунктуационные нормы традиционно сложные для обучающихся. Опыт преподавания показывает, что эффективным является выполнение интерактивных заданий с опорой на электронные ресурсы. Так, материалы *Учебника Грамоты* информационно-справочного портала Грамота.ру позволяют не только повторить правила, но и выполнить задания различных уровней сложности[2]. Например, на странице, посвященной правописанию приставок *пре-* и *при-,* представлено собственно правило и предлагаются задания трех уровней: «Азы», «Основы», «Тонкости»[3]. После повторения правил обучающимся нужно самим выбрать задание определенного уровня. Как правило, выбирают уровень «Тонкости» и с большим интересом выполняют. Примеры предложений из задания данного уровня: 1) *Прочитав пр..амбулу к договору о покупке недвижимости, я ничего не поняла и даже стала немного пр…зирать себя за то, что пропускала лекции во время обучения на юридическом. 2) В этом году я собираюсь пр…творить в жизнь свой давний план и пр..ступить к обучению в магистратуре на факультете искусств.*

Заполнив пропуски в словах и нажав кнопку «Проверить», обучающиеся получают возможность увидеть, насколько хорошо они усвоили правило. При этом неверное написание окрашивается красным цветом, верное – зеленым. Нажав на «красный», можно прочитать объяснение правила применительно к данному слову.

Материалы *Учебника Грамоты* позволяют повторить и пунктуационные нормы: также представлены правила и интерактивные задания трех уровней сложности.

Выполнение подобных интерактивных заданий позволяет повысить интерес обучающихся к занятиям, внести элемент соревнования: кто быстрее выполнит задание? у кого меньше всех ошибок? кто выполняет задания самого сложного уровня? и т.д.

В качестве текущего контроля обучающимся предлагается выполнить задания по изученным темам. Например:

1. Расставьте знаки препинания.

Убедившись в том что никто не наблюдает за его действиями Иванов К.У. надел футболку с ценником под куртку и попытался выйти из помещения магазина не заплатив за товар.

2. Найдите и исправьте грамматическую ошибку.

Копию настоящего постановления направить начальнику следственного изолятора УВД майору полиции Мартынюк Григорию Львовичу.

Таким образом, повторение теоретических сведений и выполнение практических заданий, в том числе с опорой на электронные ресурсы, в рамках учебной дисциплины «Основы организационного и документационного обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации. Русский язык в деловой документации. Культура речи» позволяет сотрудникам ОВД овладеть необходимыми знаниями в области русского языка и культуры речи, повысить языковую грамотность.

[1] Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ: сайт. URL: https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/azbuchnye-istiny/istiny-8-familii.

[2] Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ: сайт. URL: https:// gramota.ru /uchebnik.

[3] Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ: сайт. URL: https:// gramota.ru/uchebnik/pravila/glasnye-v-pristavkakh-pre-i-pri#super.

Шабельникова Н.А.,

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института имени И.Ф. Шилова

Методика работы с исторической терминологией в процессе преподавания гуманитарных дисциплин в образовательных организациях МВД России

Для сотрудников МВД России знать историю своей страны – означает любить и беречь свою Родину, гордиться нашей великой державой.

Изучение гуманитарных дисциплин невозможно без усвоения исторических понятий и терминов. К сожалению, часть преподавателей не используют специальные методики по работе с исторической терминологией. Однако этот процесс должен быть не стихийным, а организованным.

Преподаватели образовательных организаций системы МВД сталкиваются с определенными трудностями, особенно в процессе обучения первокурсников. Учащиеся испытывают сложности в понимании речи преподавателя, так как слабо владеют исторической терминологией. В этих условиях необходимо разъяснить курсантам, что, если они не научатся владеть терминологией, без знания и, главное, понимания исторических понятий и терминов у них возникнут трудности с овладением предмета, даже при условии, что они будут наизусть заучивать материал учебников и конспектов лекций. В этих условиях необходимо разобраться в причинах терминологической неграмотности учащихся и выработать методику освоения предмета обучаемыми.

Первая причина – полное незнание сущности исторических понятий и терминов учащимися. В этом случае, если в процессе рассказа преподаватель использует, например, такие понятия, как «мир», «вервь», «смерд», «вира», «тиун», «кормление», «волох», «огнищанин», «лестничная система наследования власти», «нойон» и т.д. и не раскрывает их смысла, можно с уверенностью сказать, что учащиеся материал не поймут и не усвоят.

Вторая причина – знания о понятиях и терминах, полученные учащимися в период до поступления в высшее учебное заведение, довольно быстро утрачиваются; следовательно, нужно периодически «возвращать» эти знания в понятийный багаж курсантов. Не овладев знаниями исторической терминологии, учащиеся не смогут освоить программу образовательной организации системы МВД России.

Практика преподавания гуманитарных дисциплин – «Истории России», «Основ российской государственности», «Политологии», «Социологии» – в высшем учебном заведении показывает, что учащиеся допускают следующие характерные ошибки.

1. Частое смешение близких либо сходных по звучанию, но далеких по смыслу понятий и терминов. Такими являются, например, «славяне – словене – словенцы»; «отчина – отечество»; «оккупация – аннексия – экспансия»; «конфискация – экспроприация – национализация»; «цивилизованный – цивилизационный»; «дьяк – дьякон – дьячок – подьячий» и др.

2. Житейско-бытовое представление о понятиях и терминах. На этом уровне знания находятся многие курсанты. Даже сейчас «демократию» они понимают лишь как свободу слова, «цивилизацию общества» – как наивысший уровень развития цивилизации, «мелкую буржуазию» – как бедную буржуазию и т.д.

Особенно проблематично понимание древнерусской терминологии. Некоторые учащиеся полагают, что Даждьбог – бог дождя, древляне – древние люди, конюший – конюх, тюфяк – матрац, Рожаница – не иначе как женщина из роддома, а смерд – чуть ли не ругательное слово. И каково же их удивление, когда они узнают, что Даждьбог – это бог солнца и огня, древляне – одно из племенных объединений восточных славян в VI-X вв., конюший – один из придворных чинов (например, Борис Годунов в правление царя Федора Иоанновича имел чин конюшего), тюфяк – один из видов пищали, Рожаницы – женские божества, покровительницы рода, семьи, домашнего очага, смерды – крестьяне-общинники в Древней Руси (IX-XIV вв.), изначально свободные, а с развитием феодальных отношений постепенно попавшие в зависимость к феодалам.

Четвертая причина – постоянное обогащение языка новыми историческими понятиями и терминами. В объяснении к «Русскому словарю языкового расширения» (1990) А. Солженицын говорил об опасности «современного нахлына международной английской волны» и опасался, что «если беспрепятственно допускать в русский язык такие невыносимые слова, как «уик-энд», «брифинг», «истеблишмент», «имидж»... то надо вообще с родным языком распрощаться»[1].

В связи с расширением методологической и источниковой базы изучения гуманитарных дисциплин в высших учебных заведениях учащиеся столкнулись с рядом новых для них слов: ментальность, пассионарность, цивилизационность, цивилизационный раскол, «почва», номенклатурная деспотия, анналы, компаративизм, социум и т.п. Введение в научный оборот новых понятий и терминов требует особого внимания и разъяснения.

Пятая причина – выход из словарного обихода человека или редкое употребление в современной литературе понятий и терминов, широко использовавшихся в источниках древних и средних веков. Древнерусский язык часто требует перевода на современный русский, история не стоит на месте.

Если предложить курсантам пояснить соответствующую историческую терминологию, например, байдана, выть, детинец, задруга, извод и т.п., то наверняка справятся очень немногие. Поясним эти слова: байдана – воинский доспех в форме длинной рубахи, изготовленный из плоских и довольно крупных металлических колец; выть – участок (мера) земли, равный 19 десятинам; участок земли и покоса на 8 душ, одна из единиц податного обложения крестьян; детинец – внутреннее, центральное укрепление в средневековом русском городе; задруга – большая патриархальная семья у южных народов; извод – разбирательство перед 12 мужами – постоянное явление в славянских землях; вывод, доказательство, установление истины и т.д.

Шестая причина – в современных условиях понятийный аппарат стал ареной острейшей идеологической борьбы. В конкретное время многие слова имеют определенный, конкретный смысл. Меняются времена – меняется терминология, так как люди часто вкладывают в старые термины новый смысл. Так, по-разному толкуются такие понятия, как «идейная терпимость», «общечеловеческие ценности», «открытое общество», «демократия», «свобода слова», «возрождение» и т.д. Научное понимание этих слов ведет учащихся к истине, надуманное толкование – к искаженному восприятию прошедшего и настоящего.

Работа с историческими терминами предусматривает, прежде всего, репродуктивные методы обучения: объяснение преподавателя, запоминание информации курсантами и слушателями, проверку усвоения полученных знаний. На семинарских занятиях с целью усвоения исторической терминологии целесообразно применение следующих активных форм обучения.

Словарный диктант. Для сильных учащихся и при наличии времени предлагается написать определение новых слов по теме. Для остальных (с целью экономии времени) будет целесообразным вариант тестового задания на установление соответствия между понятием и его определением.

Исторический хоккей. Игра проводится по изученной теме. Одна команда называет термин, вторая дает определение и, в свою очередь, называет другой термин и т.д. Побеждает команда, которая дала больше правильных определений.

Проблемные задачи. При изучении исторических понятий очень важно использовать познавательные возможности курсантов, учить их сравнивать, делать выводы и обобщения. Толчком для активного умственного труда выступают проблемные задачи: преподаватель ставит перед учащимися проблемную ситуацию, которая побуждает их не только пользоваться готовыми и «заученными» сведениями, но и самостоятельно или под руководством преподавателя приобретать новые знания и умения.

Выполняя такие задания, учащиеся самостоятельно получают знания, учатся пользоваться различной справочной и энциклопедической литературой, развивают навыки проведения аналогий, прогнозирования и др. Предлагаемая методика позволяет курсантам и слушателям образовательных организаций системы МВД России глубоко усваивать историческую терминологию на уровне полноценного восприятия учебного материала в процессе изучения гуманитарных дисциплин.

[1] Русский словарь языкового расширения / АН СССР ; сост. А.И. Солженицын. М. : Наука, 1990. С. 4.

Нагорный Н.Н.,

кандидат философских наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Нагорная Л.А.,

кандидат философских наук
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Об идейно-ценностном содержании дисциплины «Основы российской государственности» для обучающихся образовательных организаций МВД России

Ценностные установки каждой личности определяют как ее мышление, так и деятельность. В образовательных организациях МВД России проходят подготовку обучающиеся, которые поддерживают российское государство и общество, готовые обеспечить их безопасность. При поступлении в ведомственный вуз, проходя профессиональный психологический отбор, они показали высокий уровень гражданской социализированности. Данное обстоятельство стало основанием для их приема на службу в органы внутренних дел и образовательную организацию.

Вместе с тем на их мировоззрение оказывают влияние различные факторы: средства массовой информации (в большей степени электронные); социальное окружение – сверстники, родственники, соседи; профессиональная деятельность и т.д. Эти факторы разнонаправлены по своему содержанию, они могут быть как комплиментарными ценностям, присущим сотрудникам правоохранительных органов, так и входить с ними в противоречие.

Такое положение вещей вызывает необходимость при обучении курсантов на первом курсе актуализировать для них в рамках учебного предмета «Основы российской государственности» (далее – ОРГ) идейно-ценностные доминанты современного отечественного социально-политического устройства, рассматривая их генезис и историческое развитие. При обучении приводится развернутая аргументация, что Россия – это самостоятельная цивилизация, имеющая более чем тысячелетнюю историю, находящаяся между Востоком и Западом и не тождественная им в идейно-ценностном отношении.

Справедливо утверждение современного исследователя О.В. Фрика о том, что «новая дисциплина «Основы российской государственности» в российских вузах имеет ярко-выраженную мировоззренческую направленность, она призвана сформировать у российской молодежи уверенность в ее будущем в России, суверенном, сильном, социальном государстве, самобытном государстве-цивилизации»[1].

Таким образом, учебная дисциплина ОРГ для обучающихся образовательных организаций МВД России по своему идейно-ценностному содержанию является важной и необходимой, во многом определяя их российское гражданское мировоззрение.

Кузьмин С.С.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Противодействие беспилотным летательным аппаратам при помощи средств радиоэлектронной борьбы

В связи с активным развитием современных технологий в области электроники беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) получили широкое распространение как в зоне проведения специальной военной операции, так и в повседневной жизни. Гражданские БПЛА могут использоваться для видеосъемки мероприятий, доставки малогабаритных грузов, геологической разведки, визуального контроля различных объектов,

[1] Фрик О.В. О роли учебной дисциплины «Основы российской государственности» в идеологическом образовании и гражданско-патриотическом воспитании в вузе // Педагогическая перспектива. 2024. № 4 (16). С. 57-65.

опыления сельскохозяйственных культур и во многих других целях.

Однако беспилотники могут использоваться и для реализации противоправных целей, таких как сбор информации об объектах критически важной инфраструктуры и военных объектах, ведение диверсионной и террористической деятельности, а также нарушения конфиденциальности личной жизни других людей.

Из-за возможности противоправного применения беспилотных летательных аппаратов их использование регламентируется законодательством Российской Федерации. Так, государственной регистрации подлежат все квадрокоптеры весом более 250 г. Запрещено использовать беспилотники в зонах с ограничением на полеты, таких как аэропорты, военные объекты и т.д. Пилоты БПЛА должны иметь соответствующие права, а также получать разрешение на полет у местных органов власти[1].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что вопрос противодействия нелегальному использованию беспилотных летательных аппаратов является актуальным. Так, в зоне проведения специальной военной операции бойцы Российской армии, а также сотрудники правоохранительных органов успешно противодействуют БПЛА при помощи ручного стрелкового оружия. Однако применение оружия не всегда возможно и безопасно. В таких ситуациях могут использовать средства радиоэлектронной борьбы (далее – РЭБ).

Средства радиоэлектронной борьбы работают, воздействуя на радиоволны, используемые различными системами связи, навигации и управления. Их цель – подавить, исказить или перехватить эти сигналы, тем самым нарушая работу вражеских систем. Как правило, применяется подавление частот, используемых дроном.

Среди средств РЭБ можно выделить стационарные и портативные. Стационарные средства РЭБ размещаются на постоянных позициях или стратегически важных объектах. Портативные средства РЭБ могут размещаться на различных видах транспорта либо переноситься непосредственно человеком. Некоторые модели портативных средств РЭБ, предназначенные для противодействия беспилотным летательным аппаратам, способны находить и заглушать частоту, которую использует дрон, определять расстояние до него и направление движения. Новейшие модели способны даже перехватывать изображение с камеры беспилотника и передавать его оператору РЭБ-комплекса[2].

По зоне покрытия средства радиоэлектронной борьбы бывают сплошного и направленного действия. Первые способны заглушать частоты в радиусе своего действия, накрывая определенную территорию так называемым «куполом». Вторые способны эффективно противодействовать БПЛА будучи направленными непосредственно на них. Средства РЭБ направленного действия называют противодроновыми ружьями.

Наличие на вооружении правоохранительных органов как РЭБ-комплексов сплошного действия, так и противодроновых ружей обеспечивает комплексный подход к противодействию беспилотным летательным аппаратам, позволяя эффективно решать широкий спектр оперативно-служебных задач. Необходимость использования данных спецсредств требует от сотрудников полиции наличия соответствующей квалификации и специальных знаний. Обладая знаниями тактико-технических характеристик РЭБ-комплексов, стоящих на вооружении в правоохранительных органах, и основных моделей БПЛА, используемых правонарушителями, сотрудник полиции сможет эффективно противодействовать незаконному использованию беспилотных летательных аппаратов. Это включает в себя выбор оптимальных средств РЭБ в зависимости от типа дрона и оперативной обстановки, а также грамотно применять выбранные средства для достижения максимального эффекта при минимальных рисках.

[1] Томашевич Н.А. Вопросы правового регулирования полетов беспилотных летательных аппаратов и юридическая ответственность за их неправомерное использование // Межвузовский сборник научных трудов / Министерство обороны Российской Федерации; Министерство образования и науки Российской Федерации; Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков. Выпуск 25. Краснодар : Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова» Министерства обороны Российской Федерации, 2021. С. 277-281.

[2] Козлитин С.Н. Моделирование совместного применения средств радиоэлектронной борьбы и огневого поражения в интересах повышения эффективности борьбы за превосходство в управлении // Системы управления, связи и безопасности. 2020. № 1. С. 49-73.

Однако в настоящее время появились FPV дроны с оптоволоконным управлением, которым невозможно противодействовать при помощи комплексов радиоэлектронной борьбы. Такие БПЛА несут на себе катушку с оптоволоконной нитью длинной до 20 км, по которой получают сигналы управления и передают видеосигнал. Эффективная дистанция использования таких дронов составляет до 15 км.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что для умелого и эффективного решения служебных задач сотруднику полиции необходимо обладать специальными знаниями в области спецсредств и современных технологий, которые они должны получать в период прохождения первоначальной подготовки и курсов повышения квалификации на базе образовательных организаций МВД России.

Рублева Т.Ю.,

кандидат медицинских наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Психологическая готовность сотрудников органов внутренних дел к оказанию первой помощи

Сотрудники органов внутренних дел чаще, чем представители других профессий, не связанных с медициной, действуют в ситуациях, когда необходимо оказывать первую помощь (дорожно-транспортные происшествия, задержание нарушителей закона, несение службы в особых условиях)[1].

Следует отметить, что в соответствии с ч. 2 ст. 27 Федерального закона «О полиции» «сотрудник полиции независимо от замещаемой должности, места нахождения и времени суток обязан: оказывать первую помощь гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также гражданам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья»[2].

Не вызывает сомнения тот факт, что от своевременности и правильности действий сотрудника может зависеть не только здоровье, но и жизнь пострадавшего.

В связи с этим сотруднику полиции необходимо не только владеть теоретическими знаниями, практическими навыками и умениями, позволяющими ориентироваться в неотложных состояниях и оказывать первую помощь, но и быть психологически готовым к ее оказанию различным группам населения, включая лиц, находящихся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; лиц, без определенного места жительства и т.п.

Как показывает практика, при моделировании возникновения экстремальной ситуации сотрудники обращают внимание на ряд факторов, которые не способствуют принятию решения об оказании первой помощи пострадавшему. Например, страх («вдруг я сделаю хуже», «он умрет, и меня посадят»), брезгливость (неприглядный вид пострадавшего, наличие рвотных масс и т.п.), что в ряде случаев не позволит преодолеть психологический барьер, а значит и применить на практике имеющиеся теоретические знания.

В связи с этим актуальным видится изучение факторов, влияющих на готовность сотрудников органов внутренних дел к оказанию первой помощи, что и явилось целью нашего исследования. Исследование проведено на базе Сибирского юридического института МВД России.

Экспериментальная выборка составила 137 сотрудников полиции мужского пола (слушателей факультета профессиональной подготовки), средний возраст респондентов 23±2 года. Стаж службы в органах внутренних дел от 8 месяцев до 1 года. Опрос проведен до изучения раздела «Первая помощь».

В рамках исследования применялся опросник «Психологическая готовность к оказанию помощи пострадавшим в экстре-

[1] Лисихина Н.В. Основы первой помощи в деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие. Изд. 2-е, доп. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2023. 208 с.
[2] О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ.

мальной ситуации» (версия «ПГОПП-2») (Т.Г. Харитонова, К.С. Ставская)[1].

Опросник включает 36 утверждений и позволяет определить индивидуальную психологическую готовность к оказанию первой помощи пострадавшим. В ходе опроса респонденты оценивали степень своего согласия или несогласия с каждым из утверждений по 5-ти бальной шкале Ликерта.

Обработка данных проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics 24.

Оценка общего (интегрального уровня) показала, что 17% респондентов имеют высокий уровень психологической готовности к оказанию первой помощи пострадавшим в экстремальной ситуации. По нашему мнению, здесь не исключена переоценка собственных сил в плане оказания помощи пострадавшим, т.к. ранее 93% респондентов ответили, что у них недостаточно теоретических знаний и отсутствует опыт практической деятельности в данном направлении. Однако следует отметить, что психологическая готовность к оказанию помощи у них сформирована, что не исключает спонтанного поведения в рамках реальной экстремальной ситуации. В эту же группу вошли и 7% респондентов, имеющих положительный опыт оказания помощи пострадавшим в экстремальной ситуации.

Оптимальный уровень психологической готовности выявлен у 25% опрошенных. Они обладают необходимыми знаниями, умениями по оказанию первой помощи пострадавшим в экстремальной ситуации и проявляют уверенность в своих действиях.

У 46% сотрудников выявлен средний уровень готовности, что говорит об осознании важности оказания помощи пострадавшим, наличии некоторых знаний об алгоритмах оказания помощи и готовности ее оказывать в случае необходимости. Вместе с тем они предпочитают работать в команде, быть ведомыми, выполнять распоряжения лидера. Психологическая готовность к оказанию помощи пострадавшим сформирована не в полном объеме. Однако в экстремальной ситуации они могут справиться с собственным эмоциональным состоянием и принять адекватное решение.

Низкий уровень готовности имеют 12% респондентов. У них выявлен низкий уровень знаний по оказанию помощи пострадавшим и отсутствие уверенности в своих действиях. Кроме того, они испытывают сложности в установлении контактов с незнакомыми людьми, поэтому в экстремальной ситуации могут растеряться, действовать спонтанно и импульсивно. В ряде случаев вообще сомневаются в необходимости и целесообразности помощи пострадавшим.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что психологический компонент готовности к оказанию первой помощи у вновь принятых на службу сотрудников органов внутренних дел сформирован недостаточно. Это связано, по нашему мнению, с отсутствием у данных лиц необходимости обучению первой помощи до поступления на службу.

Следует отметить, что после прохождения анкетирования данные сотрудники пройдут обучение по программе первоначальной профессиональной подготовки, включающей раздел «Первая помощь».

По итогам обучения планируется проведение повторного опроса с целью оценки эффективности программы, направленной на обучение сотрудников органов внутренних дел алгоритмам действий при определенных неотложных состояниях, а также на повышение уровня индивидуальной психологической готовности к оказанию первой помощи.

Рогозин А.Ю.

Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск)

Международный опыт морально-психологической подготовки сотрудников полиции

В сегодняшних непростых условиях морально-психологическая подготовка сотрудников полиции является одним из важных компонентов правоохранительной деятельности. Освоение программы обучения по дисциплине «Морально-психологические основы

[1] Харитонова Т.Г. Методические аспекты разработки и использования опросника «Психологическая готовность к оказанию помощи пострадавшим в экстремальной ситуации» // Концепт. 2019. № 8.

службы в органах внутренних дел Российской Федерации» должно гарантировать, что сотрудники полиции будут готовы решать профессиональные задачи, которые могут включать в себя этические дилеммы, смогут справляться со стрессом и укреплять доверие общества к правоохранительной системе.

Исследование международного опыта в этой связи представляется актуальной задачей, т.к. изучение и возможное использование положительного иностранного опыта, безусловно, будет способствовать улучшению преподавания учебных дисциплин, посвященных изучению морально-этических вопросов профессиональной деятельности сотрудников полиции.

Рассмотрим текущее состояние профессионального обучения (в аспекте изучения морально-этических аспектов службы) сотрудников полиции в США, Великобритании и Испании. Выделяются некоторые сходства, различия и области, на наш взгляд, требующие улучшения.

Соединенные Штаты Америки (США). Подготовка полицейских в США децентрализована, и в разных штатах и департаментах существуют значительные различия. В среднем новобранцы проходят обучение продолжительностью около 21 недели. Как отмечено в отчетах PERF (the Police Executive Research Forum – исследовательский форум руководителей полиции в США), программы обучения делают излишний упор на освоение огневой и тактико-специальной подготовки, уделяя при этом недостаточное внимание изучению этических вопросов полицейской службы и формированию таких критически важных навыков, как принятие решений в стрессовых ситуациях, коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект[1]. Указывается, что включение в подготовку полицейских обучения психологическим навыкам важно для современного правоприменения. Эти навыки охватывают когнитивные, эмоциональные, социальные и моральные аспекты. Например, эмоциональный интеллект, т.е. обучение в идеале должно повысить способность полицейских регулировать свои эмоции и эффективно справляться со стрессом. В аспекте изучения вопросов морали, эксперты указанной выше полицейской организации рекомендуют ставить новобранцев в ситуации сложного морального выбора на протяжении всего обучения для практического понимания связи вопросов этики со служебной деятельностью. Это способствует критическому осмыслению своего поведения при решении служебных задач.

Великобритания. Британские полицейские проходят более академичную и структурированную подготовку по сравнению со своими американскими коллегами. Программа стажировки констеблей полиции (PCDA) требует от новобранцев прохождения трехлетней программы обучения. Психологическая подготовка направлена на развитие навыков межличностного общения, разрешения конфликтов и на формирование навыков взаимодействия с общественностью[2]. При обучении британской полиции особое внимание уделяется формированию способности быстрого принятия сложных с этической точки зрения решений через обучение на основе написания курсовых работ и отработки практических сценариев. Также сотрудники полиции проходят обширную подготовку по оказанию первой психологической помощи на месте происшествия и для работы с уязвимыми группами населения. Хотя британская полиция проходит более тщательную психологическую подготовку, чем их американские коллеги, утверждается, что необходимо уделять больше внимания изучению вопросов психологической саморегуляции сотрудников.

Испания. Подготовка сотрудников испанской полиции осуществляется централизованно в рамках национальных программ Национальной полиции и гражданской гвардии. Новобранцы проходят отбор, за которым следует интенсивная подготовка продолжительностью до двух лет. Изучение морально-психологических аспектов является неотъемлемым компонентом учебной программы, в которой основное внимание уделяется моральным ценностям государственной службы. Испанскую полицию обучают навыкам тренировки эмоционального интеллекта и ключевым особенностям межкультурного взаимодействия, что способствует установлению позитивных отношений с различными

[1] URL: https://abcnews.go.com/US/police-training-us-falls-short-compared-rest-wor ld/story?id=96729748 (дата обращения: 30.01.2025).

[2] Lu Y, Petersen K Effectiveness of psychological skills training for police personnel: a meta-analysis. Occupational and Environmental Medicine 2023; 80:590-598.

сообществами[1]. Обучение включает в себя модули по эмоциональному регулированию и преодолению стрессовых ситуаций. При профессиональной подготовке сотрудников испанской полиции особое внимание уделяется защите основных прав, включая не-дискриминацию, защиту человеческого достоинства и соразмерность применения силы. Эти принципы согласуются с более широкими руководящими принципами Европейского союза по укреплению доверия между правоохранительными органами и обществом. Учебные модули часто включают в себя сценарии реальных ситуаций, чтобы помочь полицейским сформировать умение находить решения в ситуациях конфликта с представителями других национальностей и культур, соблюдая при этом права человека. Этот подход направлен на повышение профессионализма и легитимности полицейской деятельности.

Как отмечается некоторыми испанскими исследователями, изучающими вопросы деятельности испанской полиции, в существующих методиках обучения часто отсутствует комплексный подход, сочетающий этические, эмоциональные и практические аспекты работы полиции. Это указывает на необходимость в более эффективных учебных программах, которые не только охватывают соблюдение законодательства, но и прививают глубокое понимание этических аспектов полицейской деятельности[2].

Сравнительный анализ профессиональной подготовки полицейских в изучаемых странах:

1) срок профессиональной подготовки: США – в среднем 21 неделя; Великобритания – 3 года (PCDA); Испания – до 2-х лет;

2) изучение морально-этических вопросов правоприменительной деятельности: США – аспекту уделяется все большее внимание; Великобритания – является составной частью программы обучения; Испания – является составной частью программы обучения;

3) формирование навыков психологической саморегуляции: США – сделан упор на формирование навыков принятия решений в стрессовых ситуация; Великобритания – сделан акцент на формирование навыков оказания первой психологической помощи свидетелям или потерпевшим; Испания – основное внимание уделяется формированию навыков психологической саморегуляции сотрудников.

Таким образом, можно сделать вывод, что морально-психологическая подготовка сотрудников полиции в США, Великобритании и Испании существенно различается. Хотя все три страны признают ее важность, их подходы имеют отличия в силу структурных и культурных факторов. По нашему мнению, для более эффективного изучения вопросов морально-психологических основ службы в ОВД полезен сбалансированный подход, сочетающий в себе преимущества международного опыта: обучение принятию решений в опасных ситуациях, обучение навыкам оказания психологической первой помощи на месте происшествия, формирование устойчивых навыков психологической саморегуляции на рабочем месте.

Кавецкий Д.Б.

Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

О ПОВЫШЕНИИ ГОТОВНОСТИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ К ДЕЙСТВИЯМ ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Для подготовки сотрудников ОВД к действиям в чрезвычайных обстоятельствах в образовательных организациях МВД СССР и России преподавалась дисциплина «Тактико-специальная подготовка». В нулевые годы текущего века вопросы обеспечения личной безопасности сотрудников стали изучаться в рамках новой дисциплины «Основы личной безопасности сотрудников ОВД». Два года назад с первого семестра обучения было введено изучение новой дисциплины «Действия сотрудников ОВД в условиях специальных

[1] Márquez MA, Galiana L, Oliver A, Sansó N. The impact of a mindfulness-based intervention on the quality of life of Spanish national police officers. *Health Soc Care Community*. 2021; 29: 1491-1501.

[2] Jaime Navarrete, Miguel Ángel García-Salvador, Rosa Baños Impact of Mindfulness Training on Spanish Police Officers' Mental and Emotional Health: a Non-Randomized Pilot Study March 2022 DOI:10.1007/s12671-022-01827-5.

правовых режимов». Таким образом, подготовка выпускников к действиям в условиях чрезвычайных обстоятельств осуществляется во время прохождения ими трех вышеперечисленных дисциплин.

В текущем учебном году курсанты, изучавшие на первом курсе дисциплину «Действия сотрудников ОВД в условиях специальных правовых режимов», приступили к отработке тем тактико-специальной подготовки. При этом в основном повторяются учебные вопросы и материал, доводившийся до них ранее на дисциплине «Действия сотрудников ОВД в условиях специальных правовых режимов». Два года изучения данной дисциплины и контроль усвоения материала изученного обучающимися в первом семестре через год на тактико-специальной подготовке позволяют сделать выводы по недостаткам в обучении и выработать предложения по совершенствованию подготовки курсантов и слушателей к действиям в чрезвычайных обстоятельствах.

При проведении занятий с курсантами первого курса необходимо учитывать, что у них еще не сформирован понятийный аппарат относительно государственного управления и права. Поступившие абитуриенты не владеют многими понятиями и терминами, использующимися при изучении учебного материала. Так, при изучении темы «Гражданская оборона в Российской Федерации» было выявлено, что многие обучающиеся не понимают значение таких терминов, как муниципалитет, региональный и федеральный уровень. Соответственно, они не способны уяснить, что такое федеральный, региональный и муниципальный уровни системы РСЧС. Хотя при этом могут уверенно повторять записанное ими на лекции, не вникая в содержание сказанного. Аналогичная ситуация происходит и при отработке других тем учебной дисциплины. Особенно актуально это для курсантов, обучающихся по программе бакалавриата и среднего специального образования.

Содержание рабочей программы по действиям в условиях специальных правовых режимов во многом повторяет темы программ первоначальной подготовки для сотрудников, впервые принятых на службу в ОВД. Однако при этом не учитываются различия в возрасте обучающихся и соответственно в их кругозоре. Сотрудники, принятые на первоначальное обучение, в основном проходили службу в Вооруженных силах Российской Федерации, а после поступления на службу в ОВД знакомились со спецификой своих подразделений. Вчерашние семнадцатилетние школьники, ставшие курсантами образовательных учреждений МВД России, не имеют такого жизненного опыта и никогда не сталкивались со службой в полиции.

При контроле остаточных знаний по дисциплине «Действия сотрудников ОВД в условиях специальных правовых режимов» было установлено, что теоретический материал в основном у большинства обучающихся забыт. Зато в памяти остались знания, полученные при отработке практических навыков по дисциплине. Все курсанты запомнили, что смола на хвойных деревьях выделяется с южной стороны, а кора толще с северной. Вспомнив про деревья, они начинают вспоминать и другой учебный материал, изученный ими на интересном и познавательном занятии, проходившем на местности. Об особенностях несения патрульно-постовой службы также хорошо остались в памяти практические занятия и знания, полученные на них о тактике действии сотрудников полиции в различных чрезвычайных ситуациях.

Из вышесказанного следует сделать вывод, что первокурсникам тяжело дается усвоение учебного материала, с которым им не приходилось ранее сталкиваться. Следовательно, основной упор необходимо сделать на проведении практических занятий с активным участием в отработке учебных вопросов всеми обучающимися.

По опыту проведения занятий с курсантами первого курса в первом семестре обучения и усвоению ими учебного материала предлагаем внести следующие изменения в изучении дисциплины «Действия сотрудников ОВД в условиях специальных правовых режимов»:

– изучение дисциплины перенести с нечетного семестра на четный. К этому времени обучающиеся уже сформируют понятийный аппарат, необходимый для усвоения теоретического учебного материала;

– основное внимание уделить проведению практических занятий в весенне-летний период, что особенно актуально для образовательных организаций, дислоцирующихся в регионах с резко континентальным климатом;

– отработку практических занятий проводить по подгруппам, что позволит отработать решение вводных всеми обучающимися, что

крайне затруднительно сделать одному преподавателю в группе, где более двадцати пяти курсантов;

– следует прекратить практику решения вопросов организационно-штатной структуры образовательных организаций МВД России за счет сокращения преподавателей по специальным дисциплинам и, соответственно, снижения качества знаний, умений и навыков действий в чрезвычайных обстоятельствах, когда проводится специальная военная операция и контртеррористические мероприятия;

– ввести в рабочую программы темы «Специальные средства ОВД» и «Средства индивидуальной бронезащиты»;

– тему «Беспилотные воздушные средства (БВС) и комплексы противодействия им» заменить темой «Беспилотные воздушные средства (БВС) и способы защиты от них». Данное название будет отражать актуальность данной темы относительно задач, стоящих перед ОВД. Проведение комплексных мероприятий – это задача руководителей подразделений ОВД и специалистов в данном направлении, а не рядовых сотрудников полиции;

– подготовить учебные пособия для изучения дисциплины. Их объем по каждой теме не должен превышать трети печатного листа, а содержание и изложение учебного материала должны быть максимально простыми для усвоения всеми вчерашними выпускниками средних школ. За образец можно взять учебные пособия для Красной армии довоенного и военного периодов, которые в сравнении с современными изданиями изложены простым и понятным для усвоения с первого прочтения языком. Объемные и научно-методические пособия следует издавать для профессорско-преподавательского состава.

Мы считаем, что выполнение данных предложений обеспечит повышение уровня знаний, умений и навыков курсантов и слушателей, необходимых для эффективных действий в условиях чрезвычайных обстоятельств.

Каменев И.В.,

кандидат технических наук
Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России (п. Мурино)

Использование иммерсивных технологий для подготовки и развития прогностических умений с ориентацией на правоохранительную деятельность

Современная подготовка специалистов сферы охраны правопорядка все чаще обращается к инновационным цифровым форматам. В основе такого подхода лежит создание реалистичных виртуальных и дополненных пространств, в которых обучаемые могут отрабатывать практические действия и укреплять способность быстро предвидеть развитие событий[1]. Применение подобных решений в образовательном процессе считается весьма перспективным, поскольку помогает формировать у будущих оперативников не только теоретическую базу, но и навыки гибкого анализа ситуаций в режиме, максимально приближенном к реальности.

Одна из главных целей учебы в силовых структурах – формирование прогностических умений. В правоохранительном контексте речь идет о способности оценивать возможное поведение правонарушителей и предугадывать динамику обстановки при дефиците времени. К примеру, в ходе уличного патрулирования сотрудник полиции должен не только остановить потенциально опасного нарушителя, но и одновременно учитывать нехватку сведений: число сообщников, наличие холодного или огнестрельного оружия, возможность вмешательства посторонних лиц и т.д. Практике известно немало случаев, когда своевременная оценка вводных факторов становилась решающей при пресечении общественно опасных действий.

Подобных качеств трудно достичь одной лишь аудиторной подготовкой. Лекции или традиционные семинары позволяют передать и закрепить общие правовые, тактические и психологические знания, однако они не формируют в полной мере «автоматизма» реаги-

[1] Теуважуков А.Х. Развитие прогностических умений методом симуляции в процессе повышения квалификации сотрудников МВД России // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 1. С. 256-258.

рования в экстремальных условиях[1]. Именно поэтому все больше вузов с правоохранительной спецификой или образовательных подразделений МВД внедряют интерактивные курсы, в которых основная нагрузка идет на симуляционные блоки. К ним можно отнести как полное моделирование виртуального окружения, так и совмещение реального полигона с цифровыми элементами.

Виртуальная реальность часто реализуется через очки или шлемы, оснащенные датчиками движения. Пользователь погружается в цифровое пространство, где он видит динамичный трехмерный мир, а иногда может ощущать дополнительную тактильную обратную связь. Например, офицер-тренер задает условие: «Отработать задержание правонарушителя в заброшенном здании». Виртуальный сценарий создает визуализацию ветхого строения с узкими коридорами и разветвленными переходами. Окружение может включать случайно возникающие опасные факторы: дым, плохую освещенность, шум толпы. При этом обучаемый свободно перемещается по локации, используя контроллеры вместо настоящего снаряжения, стараясь правильно распределить внимание и оценить критические зоны. Такой тренировочный подход помогает позже применить полученные навыки на практике с меньшим риском ошибки.

В ходе отработки подобных сценариев важна не только визуальная детализация, но и методическая составляющая. По завершении каждой симуляции преподаватель анализирует цепочку действий, выявляет этапы, где обучаемый проявил замешательство, и указывает на точки возможного прогноза обострения обстановки. Если, к примеру, курсант не заметил второго подозреваемого, возникшего со спины, или не учел, что поведение гражданских лиц может резко меняться, то эти ошибки разбираются. Такая пошаговая обратная связь укрепляет способность оценивать рискованные ситуации более целостно и продуманно[2]. Также педагоги подчеркивают важность эмоционального восприятия – реалистичность цифровых сцен делает ошибки запоминающимися, что способствует лучшему усвоению.

Дополненная реальность идет по другому пути: она накладывает виртуальные элементы на реальное пространство. Пример: будущий сотрудник ГИБДД отрабатывает досмотр автомобиля, который стоит в обычном боксе, но при помощи AR-очков или планшета он видит виртуальные маркеры там, где могут храниться запрещенные предметы (тайник в нише под сиденьем, скрытый отсек в багажнике). Программа может выдавать подсказки, перечислять обнаруженные детали и даже моделировать различную степень поврежденности машины. Это помогает не перегружать учебную станцию множеством дорогостоящих макетов, сохраняя при этом наглядность. Дополненная реальность широко применяется и при обучении стрельбе: курсант видит реальный тир, но тирные мишени дополнены виртуальными проекциями. Можно ранжировать их по степени угрозы или создавать сложные сценарии «превышения пределов необходимой обороны» – чтобы будущий оперативник не попадал под влияние необоснованных рефлекторных выстрелов.

Технологии виртуальных окружений и дополненной реальности особенно полезны при разборе нестандартных оперативных эпизодов. К примеру, педагог может моделировать ситуацию с захватом заложников на многолюдном мероприятии. Обучаемый видит не только здание, в котором происходит инцидент, но и фигуры людей, разбегающихся от места ситуации, суету, крики. Диспетчер (в роли преподавателя) передает изменяющиеся данные об агрессорах, сообщает о возможных планах бегства или о том, что у подозреваемых может быть взрывное устройство. Так формируются навыки, связанные с оперативным прогнозом эскалации угрозы. Сотрудник учится ориентироваться и понимать, что при появлении дополнительной информации необходимо корректировать действия. Аналогично тренируют сотрудников ФМС при подготовке к поиску нелегальных мигрантов, патрульно-постовых – к стихийным беспорядкам, сотрудников следствия – к осмотру места происшествия после техногенной аварии.

Подобные учебные форматы оказываются гораздо динамичнее обычных «разборов» на макетах. Появляется возможность многократно повторять одну и ту же цифровую ситуацию, чтобы сначала действовать в

[1] Чен П. Использование иммерсивных технологий в современном образовании // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2024. Вып. 1(333). С. 42-47.

[2] Уваров А.Ю. Технологии виртуальной реальности в образовании // Наука и школа. 2018. № 4. С. 108-117.

спокойном режиме, затем добавить стрессовых факторов. Например, неожиданно «отключить» освещение, включить громкий шум машин. Постепенно курсант вырабатывает компетенцию не теряться, если появляется новая вводная, и лучше прогнозирует дальнейшее развитие событий. Виртуальные решения позволяют фиксировать каждое движение пользователя, его задержки в принятии тактического шага, куда он смотрел в конкретный момент и как реагировал на голосовые раздражители. Далее на основе цифровых данных преподаватель может формировать подробную аналитику и индивидуальные рекомендации.

Чем выше реализм симуляции, тем сильнее эмоциональное погружение курсанта, однако это же влечет некоторые риски: длительная работа в шлеме вызывает напряжение зрения, провоцирует укачивание, а при слишком острой виртуальной сцене повышается эмоциональная нагрузка[1]. Поэтому оптимальной считается строго дозированная длина сеанса с перерывами на обсуждение. Также одно из препятствий – финансовые затраты на VR/AR-оборудование, а еще необходимость обучать инструкторов. Тем не менее многие образовательные учреждения и центры повышения квалификации находят способы интегрировать хотя бы базовые комплекты, поскольку выгоды очевидны: реалистичные тренировки позволяют избежать угрозы здоровью обучаемых, а многократная генерация новых сценариев сохраняет время и ресурсы.

Для иллюстрации: в ряде подразделений МВД России уже есть практический опыт виртуальной подготовки по огневой и тактико-специальной линии. Начинающие сотрудники пробуют выполнять задержание агрессивных правонарушителей в цифровой модели улицы, корректируя план по мере изменения «виртуальной» обстановки. В одной из сцен условный противник пытается скрыться через чердак, а в другой прячется в толпе, выбрасывая оружие. Инструктор отслеживает, правильно ли курсант оценивает потенциальную угрозу, и задает логические импульсы через радиосвязь, стимулируя мыслить на несколько шагов вперед. По официальным отзывам, уровень внимания к деталям, а также способность молниеносно просчитывать риск, растут гораздо быстрее, чем при классическом теоретическом осмыслении.

Отдельное внимание стоит уделять командным тренировкам. К примеру, в формате сетевой VR-сессии сотрудники могут вместе находиться в одном виртуальном эпизоде: колонна подразделения продвигается по улице, кто-то отвечает за «тыл,» кто-то осматривает подъезды, кто-то ведет переговоры с гражданскими лицами. Важно научиться не путаться во внутриролевом взаимодействии и учитывать все, что может произойти дальше. Здесь оттачивается именно коллективное прогнозирование: все участники в реальном времени договариваются о корректировках, реагируют на изменения у условного противника. Подобные подходы развивают умение не только быстро обрабатывать входящую информацию, но и вносить стратегические коррективы в план действий.

Таким образом, внедрение виртуальных и дополненных сред дает возможность глубже формировать аналитическое восприятие и способность к быстрому предсказанию последующих событий. Именно это качество – умение видеть на один или два хода вперед – в правоохранительной деятельности становится одним из ключевых факторов эффективности. Оно избавляет от импульсивных шагов, дает возможность просчитать, как будет развиваться противостояние или как поведет себя потенциальный правонарушитель. Все это способствует более взвешенному и безопасному выполнению обязанностей, повышая уровень общей профессиональной результативности.

В перспективе ожидается дальнейшее совершенствование аппаратного и программного обеспечения, благодаря чему виртуальные сценарии станут еще ближе к реальной жизни. Не исключено появление тактильных костюмов с более детальной передачей обратной связи, систем точечного определения местоположения, моментального сканирования пространства для мгновенной генерации новых объектов. Все это расширит инструментарий педагога, сделает процесс еще более гибким и побудит курсантов глубже осваивать специфику будущей работы.

[1] Патан Р. Механизм фиксации взаимодействия обучающегося в VR-образовательной среде: дизайн и применение // Smart Learning Environments. 2020. Vol. 7. Article 35. С. 1-15.

Мельникова Л.Ю.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Перспективы использования искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел

В тот самый момент, когда в конце XX столетия суперкомпьютер с искусственным интеллектом «Deep blue» выиграл в шахматы у чемпиона мира Гарри Каспарова, человечество перешагнуло черту невозврата. Роль искусственного интеллекта (далее – ИИ) за последние несколько десятилетий давно вышла за рамки своего технического потенциала, уверенно внедряясь во все сферы жизнедеятельности человека. Нейросети – не просто часть общества, но тот структурный элемент, который не только определяет безопасность и состоятельность государства, но и определяет его положение на мировой арене. Процессы цифровой трансформации охватывают всю структуру государственного аппарата, касаясь и вопросов экономического развития, и задач обеспечения общественного порядка и безопасности.

Оксюморон современного общества – «публичная приватность». Сегодня любой человек, имеющий доступ к электронным девайсам, оставляет за собой разнообразный цифровой след. Данные о таких цифровых следах скапливаются в сетевом информационном поле, представляя собой огромный океан ячеек памяти. Информация, содержащаяся в этом массиве данных, может представлять собой ценность для правоохранительных органов с целью как пресечения и расследования преступлений, так и для целей профилактики и прогнозирования. Такие Большие данные – это терабайты информации, которые требуют систематизации, структурирования и анализа. Для более качественной и быстрой обработки такого объема информации необходимо применение цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта.

Большая часть таких технологий в России находятся либо на стадии разработки, либо на стадии апробации, что не отменяет необходимости жесткого правового регулирования такой деятельности в целях предупреждения нарушений конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Само понятие ИИ до сих пор не имеет нормативно четкого и окончательного определения и постоянно меняется. В соответствии с Национальным стандартом Российской Федерации от 2021 года под ИИ понимается «способность технической системы имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»[1]. При этом в положениях Стандарта четко определено, что речь идет именно о «слабом» ИИ, отграничивая его от систем «сильного» или «общего» искусственного интеллекта.

В соответствии с Национальной Стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года ИИ – это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»[2].

Отличие в указанных определениях состоит в том, что в Стратегии развития основной упор сделан не на самих когнитивных функциях, т.е. не на способности их имитировать, а именно на тех результатах, которые достигаются путем их использования. Таким образом, имитация – не цель создания искусственного интеллекта, а один из способов решения конкретной задачи.

На сегодняшний день, в работе государственных структур, как и в системе органов внутренних дел, в основном используется так называемый «слабый ИИ», который настроен на решение узкоспециализированных задач. При этом такой ИИ способен не только решать сложнейшие юридические задачи, но даже осуществлять борьбу с преступностью.

[1] Системы искусственного интеллекта : ГОСТ Р 59276-2020 от 01.03.2021. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200177291 (дата обращения: 07.02.2025).

[2] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490.

В деятельности ОВД сегодня уже используется достаточно широкий спектр цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта, включая технико-криминалистическое и информационное обеспечение.

Например, ИСОД МВД России – централизованная платформа для хранения и обработки огромных массивов данных, аккумулирующих сведения о состоянии преступности и общественного порядка, данные оперативно-розыскного учета, данные о событиях и фактах криминального характера, о правонарушениях и иные данные, представляющие ценность для правоохранительной деятельности или требующие учета.

В крупных городах используются «умные» видеокамеры, системы фото- и видеофиксации «Безопасный город» и «Поток». Такие системы работают на базе искусственного интеллекта и биометрии и могут осуществлять верификацию и идентификацию лиц, путем их сличения с фотографиями из базы данных преступников в режиме реального времени. ИИ определяет субъекты, представляющие угрозу, и может подавать сигнал в правоохранительные органы с информацией о месте нахождения преступника и данными о его личности. Например, в московских системах наблюдения для обеспечения безопасности передвижения людей в метрополитене используются нейросети от компании NtechLab[1]. Данная российская компания предлагает цифровые решения не только по распознаванию лиц, но и для обнаружения и отслеживания субъектов, системы предупреждения и анализа поведения.

ИИ применяется для анализа публикаций и постов в Интернете в целях выявления информации террористической и экстремистской направленности. Объемы информации, которые необходимо переработать для того, чтобы выявить признаки противоправных деяний, слишком велики, чтобы анализ осуществлялся человеческими ресурсами. Правильно обученный ИИ способен выполнять такую задачу быстрее и эффективнее, и с меньшими погрешностями, чем сотрудник правоохранительных органов.

Еще вчера использование БПЛА (беспилотных летательных аппаратов) для наблюдения за местами преступлений или для поиска пропавших людей – казалось частью фантастического сюжета, сегодня – это рутинные должностные обязанности сотрудников специально созданных подразделений по применению и эксплуатации робототехнических комплексов и беспилотных летательных аппаратов.

Ведомственные программы цифровой трансформации МВД России серди основных задач, стоящих перед министерством, определяют необходимость ликвидировать имеющиеся пробелы и отставания в области применения технологий искусственного интеллекта.

Распоряжением МВД России от 25 января 2023 года № 1/649, подписанным заместителем министра генерал-полковником полиции В.Д. Шуликой, утверждена Ведомственная программа цифровой трансформации МВД России на 2023-2025 годы. В соответствии с планом программы ведомство в течение 2023-2024 годов проводило научно-исследовательские работы и готовило датасеты для обучения и тестирования нейросетевых моделей.

В планах министерства к концу 2025 года разработать две системы «Конъюнктура» и «Клон», которые будут функционировать на базе искусственного интеллекта.

Данные системы позволят правоохранительным органам значительно повысить свою эффективность по противодействию и пресечению преступности. Система «Клон» будет заниматься вопросами проверки подлинности видеоизображений, имеющих ценность для правоохранительной деятельности. «Конъюнктура» будет иметь более сложную направленность – на основе анализа данных, нейросеть будет способна прогнозировать возникновение чрезвычайных ситуаций и инцидентов, а также моделировать сценарии реагирования на них.

Для реализации утвержденных планов ведомство занимается вопросами подготовки площадок для работы указанных систем: создание специальных подразделений и лаборатории анализа данных, которая должна стать «песочницей» для обучения систем по управлению данными и моделированию.

Такие «песочницы» представляют собой специально созданную среду, содержащую

[1] Шапошников А.А., Евстратова Ю.А. Перспективы использования технологии искусственного интеллекта в оперативно-разыскном обеспечении расследования и профилактики преступлений террористической направленности // Социальная компетентность. 2023. Т. 8. № 1. С. 40-46.

большие объемы различных данных для того, чтобы можно было эффективно и безопасно обучать нейросетевые модели. Например, действующая «песочница» есть у АБД (Ассоциации больших данных). Министерству для корректного обучения системы, скорее всего, помимо собственных данных, понадобятся также и открытые, в т.ч. текстовые, графические, видео-, аудио-, географические, биометрические и другие типы данных[1].

Зарубежные аналоги таких систем уже существуют и активно используются (Deepfake Detection Challenge, IBM Watson Openscale). Однако, как отмечают многие специалисты, эффективность и корректность работы этих систем во многом будет зависеть не только от качества созданных датасетов (собранных с нуля данных) самим министерством, но и от возможности использовать не только те данные, которые аккумулируются в процессе профессиональной деятельности органов внутренних дел, но и данные других ведомств, собранные под иные задачи.

Среди перспектив использования ИИ в деятельности органов внутренних дел можно еще выделить возможность использования нейросети с системами управления оружием. Так называемое «Этичное оружие» Селмера Брингсьорда. Искусственный интеллект, внедренный в пистолет, за 2,3 секунды на основе анализа окружающей обстановки, определяет необходимость и возможность использования оружия, а также блокирует возможность открытия огня без достаточных на то оснований. Пока это только симулятор пистолета, для реализации проекта необходимо решить несколько важных аспектов, как законодательного, так и технического характера. Ведь от правильности принимаемых ИИ решений в случае погрешности блокировка оружия может создать угрозу для жизни и здоровья сотрудника.

Важно отметить, что ускорение внедрения технологий Искусственного интеллекта в оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел может не только способствовать увеличению эффективности, но и повлечь за собой определенные риски.

Применение таких систем и технологий ИИ в «сквозном» широкомасштабном формате в деятельности органов внутренних дел требуют большой проработанности нормативного правового и методического обеспечения, обеспечения безопасности их применения[2], а также соответствующего уровня компетентности специалистов, в том числе владение ими техническими навыками на уровне, достаточном для того, чтобы применять современные цифровые системы и технологии ИИ.

Использование технологий ИИ и алгоритмов больших данных открывает широкие возможности в любой сфере, в том числе и в правоохранительной деятельности. Однако их применение – это балансирование между целесообразностью и «беспредельной властью системы», порождающей нарушения конституционных приматов (право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и т.д.).

Широкомасштабный формат интеллектуального анализа данных, применяемый в технологиях ИИ для предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также прогнозирования инцидентов, может однажды привести к «эффекту паноптизма». И хотя внедрение и применение цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта оказывает по большей части положительное влияние на профессиональную деятельность сотрудников ОВД, тем не менее в погоне за скоростью устранения пробелов в отставании в области применения искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов, стоит уделить существенное внимание нормативному правовому регулированию и системе контроля, которая будет препятствовать утечке данных, следить за процессами принятия решений ИИ и обеспечивать соблюдение прав и свобод человека.

[1] URL: https://www.securitylab.ru/news/545135.php?ysclid=m6raamqn3m25082986) (дата обращения: 07.02.2025).

[2] Кубасов И.А. Проблемные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник ВИ МВД России. 2021. № 3.

Гуралев В.М.,

кандидат педагогических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ВЫВЕДЕНИЕ ИЗ РАВНОВЕСИЯ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ БОЛЕВОГО ПРИЕМА

Изучение правоприменительной практики сотрудников полиции, осуществляющих действия с применением служебно-прикладных приемов, предписанных к выполнению в ситуациях физического контакта с правонарушителем, систематические беседы с сотрудниками оперативных подразделений в процессе их обучения приводят к убеждению о необходимости разъяснения и уточнения некоторых положений нормативных правовых актов МВД России для правомерного и более эффективного решения задач, возникающих в служебной деятельности. Так, в действующем документе (как и в ранее действующем), регламентирующем процесс физической подготовки сотрудников, качественным критерием определения уровня владения боевыми приемами борьбы, служит имитация нападения ассистента на сотрудника. Сотрудник, находясь в условиях, в значительной степени удаленных от реальной сферы применения, должен представить преподавателям-экспертам определенный способ защиты с последующим приемом задержания в соответствии с п. 347.1. приказа МВД России № 44[1], где говорится: «задача считается выполненной, если сотрудник уверенно защитился от атакующих действий ассистента (переместился с пути движущейся атакующей конечности или направления ствола огнестрельного оружия, отбил атакующую конечность либо отвел ее в сторону, обозначил расслабляющий удар и освободился от захвата (обхвата), подавил сопротивление (акцентированно обозначил удар, толчком или рывком вывел ассистента из равновесия), обезоружил, ограничил свободу передвижения ассистента (сковал руки болевым приемом, надежным и удобным для сопровождения, вынудил угрозой применения оружия подчиняться или условно применил его на поражение)».

Требуют уточнения некоторые части многосоставного предложения, передающие смысл инструкции: «обозначил расслабляющий удар и освободился от захвата (обхвата), подавил сопротивление (акцентированно обозначил удар…»). Отсюда возникают вопросы: решение задачи подавления сопротивления ассистента требуется только в случае освобождении от захвата и обхвата посредством акцентировано обозначенного удара или оно распространяется и на остальные темы («ограничение свободы перемещения ассистента болевым приемом», «защита от удара ножом», «пресечение действий с огнестрельным оружием» и т.д.) или исключительно на тему «освобождения от захватов и обхватов»? Вдобавок при решении задачи ограничения свободы перемещения ассистента обозначение расслабляющего удара становится уже не обязательным элементом действия, в то время как сдающий сотрудник обозначил уже акцентированный удар?

Привлекает внимание оценка уровня владения боевыми приемами борьбы сотрудника способом имитации действий, который явно или скрыто прикрывает подыгрывание ассистента сдающему зачет сотруднику. Возникновению способа оценивания демонстрационно-имитационным способом, возможно, послужили простота и доступность в подборе формальных критериев, которые определяют ошибки при показе приема. Например, необозначение расслабляющего удара при удовлетворительном выполнении броска «задняя подножка», который, с точки зрения многих специалистов в обучении бросковой технике, более чем не обязателен, будет считаться серьезной ошибкой в условиях сдачи зачета по боевым приемам борьбы. Правильный бросок с соблюдением порядка составных частей действия, пространственных, временных динамических параметров, выполненный без нанесения расслабляющего удара, не требующего какой-либо технической сложности в соответствии с пунктом обсуждаемого приказа, будет оценен как «не выполнено». Рассматривая биомеханическую структуру броска с точки зрения состава двигательных элементов (фаз), заключаем, что это сложный прием, требующий

[1] Об утверждении порядка подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 02.02.2024 № 44.

определенной физической подготовки и умения координировать свои движения.

Задержание болевым приемом «загиб руки за спину рывком» на зачете по БПБ может быть выполнено с грубыми ошибками, нарушающими логику приема, будет оценено как «выполнено», при условии обозначения расслабляющего удара в преддверии приема. Позы и действия оцениваемого сотрудника, имеющие ключевое значение в обеспечении временной утраты вертикальной устойчивости ассистентом как следствие рывкового движения, не берутся во внимание.

Не требует доказательств то, что имитация болевых приемов на занятиях по физической подготовке без учета ответной реакцию условного (реального) правонарушителя на начальные действия приема не даст положительного результата в условиях реального сопротивления или отражения нападения. При отработке действия атакуемый будет вынужден поддаться, чтобы сохранить целостность конечности и помочь атакующему справиться с задачей в обмен на его благодарность.

Из указанного выше видно, что методика обучения и оценивания боевых приемов борьбы, основанная на имитации действий ассистента с отсутствием реакции сопротивления на действия оцениваемого сотрудника, не может быть оправдана с точки зрения практики. Бесспорно, имитация действий без сопротивления партнера важна на начальных этапах обучения технике выполнения приема для формирования ориентировочной основы действия, но на всех последующих ее присутствие на занятиях должно уменьшаться и замещаться упражнениями прикладного характера с использованием дозированного сопротивления.

На всех последующих этапах в условиях контактного взаимодействия партнеров посредством моделирования ситуаций на занятиях по физической подготовке необходимо добавлять к упражнению дозированное сопротивление с целью выявления погрешностей техники движений и поиска способов их исправлений, путем подбора упражнений. Важно отметить, что благоприятным условием для выполнения болевого приема (сковывающего болевого захвата способом заведения руки за спину) будет поза человека, характеризующаяся признаками неустойчивого равновесия[1]. Человек, находящийся в состоянии неустойчивого равновесия будет частично лишен способности совершать целенаправленно и с требуемым усилием какие-либо действия. Неустойчивость определяется неспособностью поддерживать вертикальную позу при стоянии или ходьбе. Признаками устойчивости являются: расположение центра тяжести над площадью опоры, находящегося примерно на уровне второго поясничного позвонка; площадь опоры, которая ограничена внешними контурами стоп и т.д.

Существуют закономерности сохранения вертикальной устойчивости – чем выше находится общий центр тяжести (ОЦТ), тем легче нарушить устойчивость, и, чем шире расстояние между стопами, тем выше устойчивость. Смещение ОЦТ за границу площади опоры приводит к нарушению устойчивости и в последующем к попытке ее быстро восстановить, делая шаг вперед или назад. Потерю равновесия мозг человека воспринимает как приоритетную угрозу потери целостности организма. В этот момент человек сосредотачивает ресурсы на сохранение или восстановление утраченного равновесия[2], оставляя на периферии внимания защиту от совершаемых действий, способных нанести ему вред.

Используя метод сопряженных усилий, предпримем попытку сформировать навык начального действия, направленного на выведение из равновесия ассистента в преддверие болевого приема «загиб руки за спину рывком». Метод сопряженных усилий в контексте обучения болевому приему направлен на комплексное развитие физических качеств: координация, сила, быстрота, способность сохранять параметры движений и динамическое равновесие.

Условно разделим данное действие на части: 1) рывок; 2) тяга; 3) поворот-перемещение. Для обеспечения функционирования всех частей необходимо установить исходное положение атакующего в захвате с атакуемым. Исходное положение (ИП) – прямая стойка напротив атакуемого; левая нога впереди, носок направлен прямо; носок ступни

[1] Повышение уровня технических умений в выполнении приемов борьбы у девушек курсантов образовательных организаций МВД России средством координационных тренировок // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 9 (187). С. 68-72.

[2] Развитие способностей сохранения баланса тела в динамических условиях у начинающих борцов самбо (11-12 лет) // Человек. Спорт. Медицина. 2018. Т. 18. № 4. С. 88-94.

правой ноги обращен вправо; правая нога слега согнута в коленном суставе; стопы плотно прижаты к поверхности; туловище прямое (не завалено вперед). ИП атакуемого: ноги широко раздвинуты; проекция ОЦТ находится сзади за границей площади опоры. Устойчивость атакуемого в описанной выше позе сохраняется удержанием атакующего посредством захвата за плечо правой руки кистью правой и левой рук в районе локтя сверху и снизу соответственно. Выполнение упражнения можно представить пофазно. Первая фаза: рывковое движение путем выпрямления ног в тазобедренных и коленных суставах и рук вверх. В данной фазе следует, выпрямляя ноги в тазобедренном суставе, подать таз вперед, а плечи вверх, правая рука при этом должна образовывать прямой угол между плечом и предплечьем и двигаться локтем вертикально вверх, приводимая в движение трапециевидной мышцей. Эта фаза включает в себя воздействие на партнера с целью перевода его из заданной позы, характеризующегося признаками произвольного падения назад на ягодицы в позу с признаками принудительного и инерционного падения вперед на грудь живот. Критерием правильности выполнения первой фазы упражнения является опора атакуемого партнера на подушечках стопы. Вторая фаза – тяга – является продолжением рывка и обеспечивается путем сокращения расстояния между стопами при с сохранением позы с наклоном туловища влево относительно вертикальной оси. Рывок в сочетании с тягой увеличивает силу в точке приложения путем сложения сил – интегральной мышечной и инерционной, возникающей вследствие контролируемого падения тела с высоты собственного роста.

Тяговое усилие предназначено для сохранения состояния длящегося неустойчивого равновесия партнера с целью включения третьей фазы – поворота перемещением вокруг вертикальной оси вправо. Перемещение тела, атакующего поворотом вокруг собственной оси, также играет важную роль в обеспечении и сохранении состояния временной утраты атакуемым партнером равновесия, создавая вращательное движение.

Как упоминалось выше, находящийся в состоянии неустойчивого равновесия противник не способен эффективно противодействовать в момент совершения над ним действий.

Таким образом, включение в практическое занятие по теме «Болевые приемы» упражнений, выполняемых методом сопряженных усилий и направленных на формирование навыка выведения из равновесия, как необходимого компонента болевого приема «загиб руки за спину рывком», позволит приблизить технику приема к реальным условиям применения сотрудником полиции.

Андрианова А.С.

Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Индивидуальное консультирование как способ развития академической компетентности курсантов

Одной из актуальных задач любого государства является охрана конституционного строя, обеспечение общественного порядка и безопасности граждан. Решение данной задачи осуществляется системой правоохранительных органов, важнейшим элементом которой в силу своей полифункциональности и, как следствие, многочисленности являются органы внутренних дел (далее – ОВД).

Подготовка высококвалифицированных кадров для ОВД в Республике Беларусь осуществляется учреждениями образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь. В рамках данной статьи рассмотрим возможности использования индивидуальных консультаций в развитии академической компетентности курсантов учреждений высшего образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – УВО МВД) в процессе изучения юридических дисциплин.

Академическая компетентность курсантов УВО МВД как базис для формирования профессиональных и социально-личностных компетентностей обучающихся представляет собой совокупность личностных качеств и общеучебных компетенций, позволяющих курсанту планировать, осуществлять и анализировать свою учебную и профессиональную деятельность, управлять ею на основе

теоретических знаний в области юриспруденции и практических умений их применения[1].

Особенности деятельности по развитию академической компетентности курсантов предопределяются спецификой образовательного процесса в УВО МВД. Среди способов, форм и средств, применяемых профессорско-преподавательским составом УВО МВД для решения данной задачи, особую роль играет консультационная работа.

В теории под консультированием понимается «особым образом организованное взаимодействие ..., направление на разрешение проблем и внесение позитивных изменений в деятельность…»[2] лица.

С точки зрения педагогики, консультирование представляет собой форму взаимодействия преподавателей и курсантов, позволяющую решить несколько педагогических задач: управление самостоятельной работой обучающихся, создание условий для разработки обучающимися индивидуальных образовательных траекторий, выявление и проработка проблемных ситуаций и др. При этом преподавателю необходимо выбрать оптимальный тип консультирования: индивидуальное либо групповое, в процессе занятия или во время самостоятельной подготовки, консультирование для поиска решения или для преодоления пробелов курсантов в знаниях, умениях, навыках. Для достижения оптимального результата представляется предпочтительным проведение индивидуального консультирования.

В ходе индивидуальной консультации курсант может посредством взаимодействия с преподавателем восполнить недостающие знания либо расширить их объем, обсудить сложные для понимания вопросы, получить рекомендации по решению задач или выполнению практических заданий, содержащихся в методических рекомендациях по изучению учебной дисциплины.

Нельзя недооценивать возможности индивидуальных консультаций как способа получения обратной связи, позволяющего выявить элементы учебного материала, вызывающие затруднения при его усвоении курсантами. Анализ полученной информации необходим для корректирования содержания лекционного материала, содержания теоретического блока в электронных учебно-методических комплексах, а также для разработки базы данных заданий, выполнение которых обеспечит достаточный уровень усвоения информации обучающимся.

Имея проблему в усвоении учебного материала и обратившись к преподавателю за консультацией, курсант не должен получить готовый ответ. Цель педагога – повысить эффективность усвоения материала посредством ориентирования, управления самостоятельной познавательной деятельностью обучающегося, для чего предлагается алгоритмизировать процесс проведения индивидуальных консультаций.

1. Беседа с обучающимся в рамках конкретной учебной дисциплины для выяснения уровня самостоятельной проработки материала, наличия пробелов либо неправильного токования и понимания информации.

2. Ознакомление с конспектом курсанта, рекомендации по ведению записей.

3. Вопросы к обучающемуся в рамках обсуждаемого теоретического материала либо выполняемого практического задания, решения задачи.

4. Структурирование учебного материала, составление опорного конспекта либо представление информации в виде схем, решение типовых задач, выполнение практических заданий. В процессе коммуникации преподаватель определяет особенности работы курсанта с учебной литературой, нормативными правовыми актами, а также корректирует процесс интеракции.

5. Подбор нескольких дополнительных заданий для лучшего закрепления знаний.

Отметим, что вышеперечисленные этапы в полном объеме могут быть реализованы при проведении индивидуальной консультации вне учебного занятия. В тоже время, в ходе аудиторной работы предлагаемый алгоритм консультирования обучающихся также осуществим.

Таким образом, индивидуальное консультирование представляет собой определенным образом организованное взаимодействие преподавателей с курсантами, в рамках которого, с одной стороны, выявляются и разрешаются проблемные ситуации, с кото-

[1] Андрианова А.С. Академическая компетентность курсантов как объект педагогического исследования // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 2(33). С. 107-115.

[2] Саханский Н.Б. Консультирование как вид образовательной деятельности // Управление образованием: теория и практика. 2014. № 2(14). С. 1-23.

рыми сталкиваются обучающиеся, а с другой – у курсантов развиваются умения планирования и осуществления деятельности, направленной на самостоятельное усвоение учебного материала.

Маслодудова Н.В.,

кандидат философских наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Требования, предъявляемые к современным специалистам, все больше выходят за рамки знаний, умений и навыков, формируемых в ходе освоения учебных дисциплин. Закрепившийся в последние 20 лет компетентностный подход заставил педагогов смотреть на результаты своей деятельности через призму сформированности у обучающихся предусмотренных рабочей программой учебной дисциплины компетенций. Разрыв между привычными требованиями знаний, умений, навыков и сформулированными компетенциями стали решать индикаторы достижения. Очевидно, что появление последних стало результатом споров, возникающих в ходе проверки образовательных организаций уполномоченными инстанциями в части достижения результатов обучения. Вместе с тем сама проблема расхождения требований формирования компетенций и возможности проверить уровень их сформированности безусловно осталась.

Данная проблема связана с формализаций современного образования, которое отрывает образовательный процесс от его сути. Формализация позволяет структурировать образовательный процесс, унифицировать требования к его осуществлению, в том числе в подготовке всего необходимого методического материала, который предъявляется для проверки, но формализация отрывает образовательный процесс от его сущностного значения, связанного с формированием человека и востребованного специалиста, что требуется в рамках компетентностного подхода.

Вся деятельность педагога начинает ориентироваться на подготовку формальных документов, необходимых проверяющим. Учитывая, что эти требования постоянно меняются в соответствии с федеральным законодательством, ведомственными приказами и локальными актами самой образовательной организации, деятельность педагога лишается подлинной творческой составляющей, а направляется на поиск форм унификации различного рода документов, чтобы иметь возможность найти время для взаимодействия с обучающимися.

Фактически вся эта формализованная работа, не имеющая под собой сущностного содержания, заставляет педагогов отрываться от своей основной задачи, связанной с формированием человека и специалиста. Надо признать, что в такой работе больше нет места для педагогических ситуаций, которые могут возникать стихийно или создаваться целенаправленно с целью проявления сформированности нравственных качеств обучающихся. В то время как «именно учебные занятия, осваиваемые дисциплины в силу их преобладания становятся основным пространством, создающим воспитательную среду для личности студента, курсанта, слушателя, определяющим воспитательный потенциал этого этапа жизни молодого человека»[1].

Педагог, по сути, становится частью всего этого формального процесса, позволяя обучающимся решить ту задачу, ради которой они приходят в образовательное учреждение. Задача эта очень проста и лежит на самой поверхности – обучающиеся приходят в образовательные учреждения за формальным документом, который называется «диплом».

В этом противоречие требований по формированию личности специалиста, выдвигаемых компетентностным подходом, и организацией образовательного процесса, который вынужденно ориентируется на формальные

[1] Титова О.И. Личностно-профессиональные качества и возможности их развития в период обучения в вузе // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2019. №4 (50). С. 149.

требования, связанные с выдачей диплома, и заключается главная проблема современного образования. В этой связи очень актуальными становятся слова И.А. Ильина, который писал, что: «Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжении жизненно выгодные возможности, технические умения, которыми он, – бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, – и начинает злоупотреблять. Надо раз и навсегда установить и признать, что безграмотный, но добросовестный простолюдин есть лучший человек и лучший гражданин, чем бессовестный грамотей; и что формальная «образованность» вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации»[1].

Следствием такого противоречия становится снижение у обучающихся мотивации и интереса к самому процессу обучения. Этот процесс превращается в пустую, бессодержательную формальность, выражающуюся в установке: «хочешь диплом – высиди пять лет в образовательном учреждении».

Понимание такой проблемы заставляет искать варианты для снижения сроков, необходимых для получений диплома, в образовательных учреждениях, которые финансируются государством. Действительно, если задача образовательного учреждения не связана с формированием социально зрелой личности, способной в ходе своей профессиональной деятельности принимать серьезные решения и нести за них ответственность, то пять лет содержания обучающегося становятся для государства серьезной финансовой проблемой.

Вместе с тем, учитывая особенность подготовки специалистов для правоохранительных органов, где ведомством неоднократно подчеркивается необходимость повышения профессионально-нравственного потенциала системы МВД России, надо признать, что формализация образовательного процесса превращается в тормоз для реализации поставленных задач.

Система МВД России, которая пережила ни одну реформу, сегодня столкнулась с новой социальной реальностью. И это не только новые вызовы, связанные с повышением задач на фоне проведения СВО, организацией нормальной жизни на новых территориях, необходимостью противодействия росту тенденции к дальнейшему распространению радикализма среди отдельных групп[2], но это и изменения кадрового состава системы МВД России.

Сегодня в систему МВД России приходят люди, которые не готовы преодолевать трудности, вызванные службой. Более то, в силу своего прагматического мировоззрения, они не признают эти объективные трудности как необходимую реальность. Кроме того, сам приход на службу, связанный в том числе с выбором образовательного учреждения МВД России, определяется далеко не теми мотивами, которые связаны с этой социальной профессией. Как бы ни хотелось это признавать, но многие сегодня служат не ради чести, а нанимаются за деньги, которые не могут заработать другим путем.

Учитывая всю сложность современной кадровой ситуации в системе МВД России, которая формируется из тех же молодых прагматично настроенных молодых людей, которых сегодня в России большинство, главной задачей образовательных учреждений МВД РФ должна стать корректировка мировоззренческих установок и ценностей своих обучающихся. Именно этим должны сегодня заниматься педагоги, взаимодействуя со всеми службами, так как личный пример каждого сотрудника оказывается более действенным, чем любое хорошо организованное мероприятие, предусмотренное регламентирующими документами.

[1] Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. К. 2. М., 1994. С. 177-178.

[2] Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124.

Мотина Е.А.

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ КУРСАНТОВ РЯЗАНСКОГО ФИЛИАЛА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА И СУДЕБНАЯ ПСИХИАТРИЯ»

Самостоятельная работа имеет важное значение в подготовке будущих специалистов, поскольку способствует более глубокому овладению системой научных знаний в изучаемой сфере. Поиск путей повышения ее эффективности при организации учебной деятельности курсантов является одной из актуальных задач преподавательского состава вуза. Самостоятельная работа обучающихся организуется в целях закрепления и углубления теоретических знаний, полученных курсантами на лекциях, привития им навыков применения специальных знаний в изучаемой области, принятия обоснованных решений в пределах должностных обязанностей.

В настоящее время наиболее распространенными формами самостоятельной работы обучающихся являются работа с учебной литературой, написание доклада, отчета, составление опорного конспекта, аннотации, составление теста, контрольных вопросов по конспекту, подготовка глоссария, понятийного словаря, составление дерева понятий, целей, проведение сравнительного анализа, заполнение таблицы, составление схемы, диаграммы, проведение опросов, выполнение заданий, подготовка презентации.

Учебная дисциплина «Судебная медицина и судебная психиатрия» является составной частью основной образовательной программы подготовки специалистов в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя и имеет важное значение для их профессиональной деятельности. В данной статье предлагается рассмотреть возможность использования курсантами альтернативных форм самостоятельной работы (посещение музеев, выставок и проч.) в целях повышения ее эффективности. Например, частью самостоятельной работы обучающихся может быть посещение музеев, выставок, в том числе виртуальных. Преподаватель (в устной форме либо в методических рекомендациях для обучающихся) может дать следующие задания для курсантов: после посещения музея подготовить фоторепортаж (курсанты делают фотографии и сопровождают их научными комментариями, после чего готовят мультимедийную презентацию), подготовить обучающий видеоролик, написать научное эссе или статью, подготовиться к обсуждению проблемы в форме дискуссии на практическом занятии или семинаре и пр.

Рассмотрим возможность использования данной формы самостоятельной работы применительно к учебной дисциплине «Судебная медицина и судебная психиатрия». Одним из основных разделов судебной медицины, который изучается курсантами на занятиях, является судебно-медицинская травматология, или учение о повреждениях. Поэтому, например, в целях более глубокого изучения данной темы для курсантов может представлять интерес посещение НУК «Музей истории холодного оружия имени В.А. Захарова», расположенного в Рязани. Музей имеет несколько экспозиций. На экспозиции «Отечественная война 1812 года», посвященной одному из ярких исторических событий нашей страны – войне между Российской империей и наполеоновской Францией, представлено холодное оружие, используемое армиями в тот период. Это пики и тесаки, палаши и сабли. Но и огнестрельное оружие – пистолеты, карабины, мушкетоны – также являются экспонатами экспозиции. Экспозиция «История казачества» демонстрирует холодное оружие, используемое казаками как иррегулярными войсками, так и в составе частей регулярной армии. Чем шашка отличается от сабли или палаша? Что такое «шаблюка»? На все эти вопросы есть ответы в данной экспозиции. Экспозиция «Холодное оружие страны советов» представлена как боевым, так и наградным холодным оружием – саблями, шашками, кортиками. Кроме наградного холодного оружия на экспозиции «Великая Отечественная война 1941-1945гг.» представлено и стрелковое оружие, бывшее на вооружении советской армии того периода. Это и трехлинейка Мосина, и ППШ, и даже легендарный станковый пулемет «Мак-

сим». Экспозиция «Холодное оружие мира» представляет такие экспонаты, как костяные ножи народов Севера, бумеранги, мачете, японские мечи, ятаганы и многое другое. В музее представлена большая коллекция гравюр, гобелены, картины, награды, предметы быта различных эпох, но главным экспонатом, представленным в музее, является холодное оружие. Изучение холодного и огнестрельного оружия разных эпох будет способствовать более глубокому изучению дисциплины «Судебная медицина» и позволит получить более полное представление об огнестрельном оружии, его классификациях и боеприпасах к нему; механизме выстрела и сопровождающих его факторах; повреждающих факторах выстрела и взрыва; позволит закрепить некоторые понятия, используемые в судебно-медицинской травматологии («режущий предмет», «колющий предмет», «колюще-режущий предмет», «рубящий предмет», «огнестрельное оружие» и проч.).

Получившие в последнее время широкое распространение виртуальные туры по музеям открывают новые возможности для образовательного процесса. Явными преимуществами виртуальных экскурсий являются доступность (посетить музей может любой обучающийся независимо от места нахождения), удобство, образовательная ценность и пр. Так, например, благодаря инновационным технологиям, курсанты в целях более глубокого изучения учебной дисциплины «Судебная медицина и судебная психиатрия» могут беспрепятственно посетить виртуальные музеи: виртуальный музей «История ставропольской психиатрии» (https://psyart.online/museum/main/), Музей Психиатрической клинической больницы № 5 Департамента здравоохранения Москвы (далее – ДЗМ), Музей истории психиатрии ПКБ № 1 ДЗМ (https://mosmedmuseum.niioz.ru/?ysclid=m6qb7iew7a84983451) и пр.

На современном этапе развития высшего образования интеграция музейного пространства в образовательный процесс чрезвычайно перспективна и актуальна. Предложенные формы самостоятельной работы, на наш взгляд, будут способствовать активизации познавательной деятельности курсантов при изучении учебной дисциплины «Судебная медицина и судебная психиатрия», а также позволят привлечь интерес обучающихся к научно-исследовательской работе.

Хрущев А.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Влияние тревожности на формирование у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России навыков обращения с табельным оружием

Существует ряд проблем, которые возникают при непосредственном обучении курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, мешающих формированию навыков правильного обращения с оружием. На первоначальном этапе обучения проблемы могут быть связаны с адаптацией обучающихся.

Сущность адаптации представляют в совокупности несколько аспектов:

– физиологическая составляющая, характеризующаяся привыканием организма человека к изменяемым условиям жизни;

– психофизическая составляющая, характеризующаяся привыканием к психическим и физическим нагрузкам;

– психологическая, характеризующаяся привыканием к психологическому климату;

– профессиональная составляющая, характеризующаяся приобретением теоретических и практических знаний, необходимых для осуществления будущей служебной деятельности[1].

По мнению И.А. Александрова, адаптация с точки зрения психологии представляет собой определенный период, по истечении которого устанавливается оптимальное соотношение личности и ее окружения, то есть достигается состояние адаптивности, при котором реализуется внутриличностный потенциал в конкретных условиях жизнедеятельности при благоприятном эмоциональном

[1] Пашута В.Л. Использование дистанционных образовательных технологий в российском высшем образовании // Мир образования – образование в мире. 2014. № 1 (53). С. 82-87.

самочувствии[1]. То есть для обучающих образовательных организаций системы МВД России должны быть созданы такие психологические условия, в которых они будут чувствовать себя комфортно, что поможет им сосредоточиться на выполнении поставленных преподавателем задач.

Из психологической адаптации вытекает еще одна, не менее важная проблема – тревожность. Тревожность является одной из индивидуальных психологических особенностей личности и характеризуется повышенной склонностью человека к беспокойству, тревоге, страху, которые в большинстве случаев не имеют достаточных оснований. В этот момент человек находится в состоянии дискомфорта, поэтому не может адекватно оценивать обстановку, а тем более руководить своими действиями. Необходимо разграничить два схожих определения: тревога и тревожность. Тревога – эмоциональное состояние, которое проявляется в ожидании неблагоприятного исхода события. Тревожность – склонность человека переживать тревогу[2].

Источниками возникновения тревожности у обучающихся образовательных организаций системы МВД России выступают как объективные, так и мнимые факторы. В качестве таковых можно выделить следующие:

– адаптацию обучающихся к условиям стрельбы;

– особенности организации и проведения занятий по огневой подготовке;

– повышенную ответственность за использование оружия в рамках проведения занятий по огневой подготовке[3].

Основными причинами, влияющими на точность производства выстрела, выступает зачастую неуверенность курсантов в собственных силах, характеризующаяся различной степенью и видом тревожности.

Из-за высокой тревожности, обучающиеся начинают искажать технику выполнения упражнений стрельб в силу чего формируются неправильные навыки стрельбы, а именно становится невозможным выполнить базовые действия: прицеливание, плавное нажатие на спусковой крючок. Нарушение базового уровня действий влечет за собой нарушение координации движений в целом, в виду чего становится невозможным качественно выполнить упражнения, связанные со скоростной стрельбой. Обучающееся постоянно думают о том, что они сделают ошибку, забудут порядок или в целом пропустят выполнение какого-либо действия, в данном контексте о сосредоточенности и собранности не может идти речь.

При неоднократном испытании тревожности в процессе проведения занятий по огневой подготовке у курсантов и слушателей значительно замедляется темп выполняемого движения, снижается уровень концентрации внимания, обучающиеся перестают контролировать порядок действий, из-за чего увеличивается процент допускаемых ошибок, а также исключается возможность их своевременного устранения. Чтобы предотвратить эти негативные последствия необходимо поместить обучающихся в такую психологическую обстановку, в которой они будут чувствовать себя комфортно. Если создать именно такие условия, то у них не будет времени на беспокойства, они будут концентрировать свое внимание на выполнении поставленной задачи, а не на том, что они могут допустить ошибку. Для этого преподавателю необходимо использовать определенные специфические приемы и методы обучения.

Необходимо начать с изучения личности каждого обучающегося, в целях выявления их психологических особенностей в различных изменяющихся ситуациях.

После изучения характеристик личности преподаватель может перейти к следующему этапу, на котором при постановке задач сопоставляет возможность разрешения с физическими и психологическими способностями обучающихся.

Следующий метод, на который можно обратить внимание – это метод медитации, характеризующийся способностью человека дать мозгу отдохнуть, очистить его от непрерывного потока тревожных мыслей путем создания «пустого» сознания, что впоследствии помогает достичь состояния душевного

[1] Александров И.А. Понятие адаптации с точки зрения психологии // Молодой ученый. 2018. № 22 (208). С. 283-285.

[2] Краткий психологический словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М. : Академия, 2007. 432 с.

[3] Константинов В.Н., Егошин И.В. Влияние тревожности курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России на формирование компетенций по огневой подготовке // Полицейская деятельность. 2019. № 2. С. 59-67.

равновесия[1]. Схожий психологический метод – метод идеомоторной тренировки, заключающийся в том, что в течение занятия обучающийся неоднократно при помощи мыслительной деятельности, прокручивает у себя в голове разучиваемый прием.

Если обучающиеся будут применять вышеуказанные методы, то они смогут быстрее и качественнее освоить технику выполнения движений или приемов, которые впоследствии сформируют у них устойчивые навыки точной и результативной скоростной стрельбы.

Таким образом, основными задачами психологической подготовленности курсантов и слушателей в процессе обучения являются:

– обучение стрелка преодолению боязни или ожидания выстрела;

– обучение стрелка преодолению волнения при выполнении упражнений;

– обучение и тренировка психологической устойчивости и помехоустойчивости;

– совершенствование побудительной волевой функции при выполнении скоростных стрелковых контрольных упражнений.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать о том, что тревожность выступает одним из основных негативных аспектов, мешающих обучающимся в усвоении материала и последующей выработке профессиональных навыков при применении оружия, а именно технике и результатах стрельбы. Несмотря на это, тревожность можно значительно снизить, это достигается за счет использования психологических приемов и методов как преподавательским составом, так и самими обучающимися. Важно отметить, что эффективность будет лишь тогда, когда методы будут использованы в совокупности как одной стороной (преподавателем), так и другой (обучающимися).

Шиманович Е.В.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Носов С.А.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Служебно-прикладной спорт как средство развития физической подготовленности курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России

Совершенствование физической подготовленности курсантов и слушателей является неотъемлемой и одной из важнейших задач при их обучении. Это обусловлено тем, что при дальнейшем прохождении службы и выполнении служебных задач они столкнутся с ситуациями, в которых им будет необходимо применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие. При этом физическая подготовленность в данном списке должна занимать первое место, так как без нее будет невозможно эффективно применить ни огнестрельное оружие, ни специальные средства.

Одними из способов совершенствования профессиональных навыков сотрудников, в частности уровня физической подготовленности, являются занятия различными видами спорта. Речь идет о единоборствах, которые в большей степени могут пригодиться сотруднику при пресечении преступных посягательств или правонарушений.

По мнению Ю.В. Горшкова, В.Е. Баева, А.А. Карпова, такой вид единоборств, как самбо, является родоначальником боевых приемов борьбы, которые разрабатывались для сотрудников правоохранительных органов. Кроме боевых приемов борьбы, авторы указывали на значимость бросковой техники при пресечении противоборства[2]. С позицией авторов возможно согласиться лишь частично, так как они не учитывали того

[1] Каримов А.А. Применение методики обучения, разработанной «Федерацией практической стрельбы России» в огневой подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : учебно-методическое пособие. Иркутск : ВСИ МВД России, 2017. 78 с.

[2] Горшков Ю.В., Баев В.Е., Карпов А.А. Самбо как универсальное единоборство // Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов : сборник статей. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017. С. 72-75.

фактора, что не всегда получится сблизится с противником и совершить бросок для последующего задержания.

М.А. Ефременко утверждает, что рукопашный бой является многофункциональным видом боевого единоборства, который помогает в комплексе отточить навыки ведения поединка во время оказания сопротивления правонарушителю[1]. Таким образом, рукопашный бой помогает освоить ударно-борцовские техники, что позволит применять боевые навыки как в стойке, так партере.

Кроме боевых приемов борьбы, сотрудник полиции должен уметь применять как специальные средства, так и огнестрельное оружие. Верным считаем мнение А.В. Пугачева, который полагает, что каждый сотрудник полиции должен уметь пользоваться огнестрельным оружием в совершенстве. Однако не всегда сотрудник полиции сможет воспользоваться огнестрельным оружием эффективно, особенно после интенсивной нагрузки[2]. Так, в большинстве случаев даже те курсанты и слушатели, которые на «отлично» выполняют упражнения стрельб в спокойном состоянии, после интенсивной нагрузки не могут показывать кучную и меткую стрельбу[3].

Разработанный в 2022 году ГУРЛС МВД России комплексный вид спорта служебно-прикладной спорт стал одним из способов решения обозначенной проблемы, так как занятия им позволяют совершенствовать одновременно общую физическую подготовленность, навыки боевых приемов борьбы и использование огнестрельного оружия.

Служебно-прикладной спорт регламентируется правилами служебно-прикладного вида спорта «Служебно-прикладной спорт», утвержденными приказом Министерства спорта Российской Федерации от 17 июля 2024 года № 683 и включает в себя две дисциплины троеборье и полоса препятствий со стрельбой.

Так, программа троеборья состоит из трех этапов, каждый из которых проводится в разные дни. В первый день – стрельба из пистолета боевого, во время которого участники выполняют упражнение ПБ-4. Данное упражнение состоит из двух серий, в каждой из которых участнику за 20 секунд необходимо преодолеть 25 метров до огневого рубежа, после чего извлечь оружие и выполнить пять прицельных выстрелов с переносом огня по фронту (по 1 выстрелу в каждую из 5 мишеней) с огневого рубежа 25 метров. Отличие двух серий друг от друга лишь в мишенях, по которым выполняется упражнение. В первой серии это мишень № 4 (грудная фигура с кругами), во второй серии – мишень № 3 (фигурная со смещенным центром).

Во второй соревновательный день участники демонстрируют технику боевых приемов борьбы путем решения пяти поставленных перед ними задач.

На третий соревновательный день участникам необходимо преодолеть в легкоатлетическом манеже на время дистанцию 1000 метров.

Вторая дисциплина служебно-прикладного спорта – полоса препятствий со стрельбой, включает в себя два варианта: с одним и с двумя огневыми рубежами. В первом варианте спортсмену необходимо преодолеть дистанцию 100 метров, включающую в себя 8 препятствий (брусья, стена, пеньки, ров, лабиринт, бум, завал и подземный переход), затем, по прибытии на огневой рубеж, выполнить пять прицельных выстрелов в положении для стрельбы стоя по мишенной установке с пятью черными дисками диаметром 200 мм или по бумажной мишени такого же размера с огневого рубежа 20 метров, после чего преодолеть 100-метровую дистанцию для бега. Во втором варианте участник по команде «Марш» преодолевает дистанцию 2 метра и выполняет пять прицельных выстрелов в положении для стрельбы с колена по мишенной установке с пятью черными

[1] Ефременко М.А., Дементьев В.Л. Болевые приемы стоя в обучении курсантов образовательных организаций МВД России : учебное пособие. М. : «Спорт», 2021. С. 5-11.

[2] Пугачев А.В. Методические особенности использования тактических упражнений на занятиях по огневой подготовке // Совершенствование методики преподавания специальных профессиональных дисциплин в образовательных организациях МВД России : материалы всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2022. С. 343-346.

[3] Подр.: Шиманович Е.В. Важность применения скоростно-силовых упражнений при обучении курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России стрельбе // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств : сборник материалов XXVI международной научно-практической конференции. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2024. С. 383-385.

дисками диаметром 200 мм или по бумажной мишени такого же размера с огневого рубежа 20 метров, затем преодолевает 100-метровую дистанцию для бега, после чего выполняет все те же действия, которые указаны в первом варианте полосы (100 метров с преодолением 8 препятствий, огневой рубеж в положении для стрельбы стоя, бег 100 метров).

Раскрывая значимость каждой дисциплины, можно увидеть, что троеборье помогает в комплексе обучить и применять в профессиональной деятельности навыки стрельбы, боевых приемов борьбы и бега на длинную дистанцию. А дисциплина полоса препятствий со стрельбой помогает во время обучения курсантов и слушателей выполнять сложно-координационные движения, которые требуют скоростно-взрывной и силовой энергии, после которых необходимо осуществить пять прицельных выстрелов из огнестрельного оружия[1].

Можно сделать вывод, что служебно-прикладной спорт – это комплексный вид спорта, направленный на развитие физической и психологической подготовленности, необходимых при выполнении профессионально-служебных обязанностей. Он направлен на развитие ключевых физических качеств, необходимых для успешной службы, включая силу, выносливость, скорость, ловкость и координацию.

Для подготовки к участию в соревнованиях по служебно-прикладному спорту необходимо уделять внимание занятиям такими видами спорта, как рукопашный бой, самбо, бокс, дзюдо, стрельба из боевого ручного стрелкового оружия, легкая атлетика, акробатика и другие подвижные виды спорта. Эти занятия помогают не только формировать физическую форму, но и развивать важные психофизические качества, такие как стрессоустойчивость, умение работать и быстро принимать решения в сложных ситуациях.

Поэтому перед профессорско-преподавательским составом образовательных организаций МВД России стоит задача во время проведения практических и факультативных занятий повышать уровень общих физических качеств, а именно: силу, быстроту, выносливость и ловкость. Перечисленные физические качества курсанты и слушатели смогут эффективно развивать как раз при занятии служебно-прикладным спортом, который объединяет их.

Таким образом, служебно-прикладной спорт вносит значительный вклад в подготовку курсантов и слушателей к реальным условиям работы, где физическая выносливость, бойцовские навыки и умение эффективно применять огнестрельное оружие после нагрузки могут оказаться решающими. Кроме того, он способствует укреплению морально-психологического состояния, формирует дух соперничества и взаимопомощи.

Колбышев П.Р.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу о некоторых особенностях обучения стрельбе из пистолета в образовательных организациях системы МВД России

В современных реалиях защиты общества и государства сотрудник полиции должен обладать все большим спектром различных качеств, навыков и умений. Способность оценить обстановку с правовой точки зрения, быстро отреагировать на возникшее событие, сориентироваться в той местности или пространстве, в которых он оказался, правомерно и успешно применить физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие – это лишь часть необходимого набора навыков и умений, которым должен обучиться и успешно реализовывать правоохранитель в ходе несения своей службы.

В последнее время сотрудникам полиции все чаще приходится сталкиваться с применением огнестрельного оружия, как на местах непосредственного прохождения службы, так и в служебных командировках на новых территориях Российской Федерации, при

[1] Подр.: Роль физической подготовки среди курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России и подготовка их к предстоящей профессиональной деятельности сотрудника полиции / С.А. Носов, И.В. Никитина, Т.Д. Пигарев и др. // Обзор педагогических исследований. 2022. Т. 4, № 3. С. 105-109.

несении службы в особых условиях. Немаловажную роль в таких обстоятельствах играет качество комплексного освоения огневой подготовки при прохождении сотрудниками первоначальной подготовки или работы с курсантами и слушателями в образовательных организациях системы МВД России. Акцентируем внимание на обучении стрельбе из пистолета, в частности на те новшества, которые привнес приказ МВД России от 2 февраля 2024 года № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» (далее – Порядок) в выполняемые упражнения стрельб.

Если мы обратимся к практике применения огнестрельного оружия в реальной оперативной обстановке, то можем заметить, что чаще всего огонь из пистолета ведется с близких дистанций в скоротечной обстановке, так как применение огнестрельного оружия выступает крайней мерой, когда остальные способы пресечения уже не позволят защитить жизнь и здоровье граждан или правоохранителей. Сотруднику полиции в таких ситуациях необходимы навыки быстрого извлечения пистолета из кобуры, приведения его в боеготовность, совмещения прицельных приспособлений и правильной обработки спуска.

Безусловно, овладение таким большим спектром умений требует многократных повторений и долгих тренировок. В настоящее время Порядком предусмотрено 21 упражнение стрельб из пистолета. Согласно классификации, они подразделяются на три подгруппы.

Упражнения с первого по четвертое являются подготовительными. Их необходимо давать на начальном этапе освоения работы с пистолетом. Но эти упражнения не являются однотипными, каждое из них выступает своего рода началом освоения нового блока в стрельбе из пистолета. Например, упражнение 1 является подготовительным к стрельбе в неограниченное время, упражнение 2 готовит обучающихся уже к скоростной стрельбе. Это говорит нам о том, что их порядковая нумерация не означает, что упражнения необходимо давать одно за одним. Каждое из них выступает преамбулой к освоению обучающимися условно нового раздела в стрельбе из пистолета.

Второй группой выступают учебные упражнения. В нее входят упражнения стрельб из пистолета с порядковыми номерами с пятого по девятый. Они предназначены для сохранения и совершенствования навыков стрельбы и являются базовыми для всех сотрудников полиции, так как для их успешного выполнения не требуются какие-то специализированные навыки и умения, достаточно обладать правильной техникой прицеливания и обработки спуска. Безусловно, процесс овладения последними у обучающихся варьируется по времени. Один понимает сразу, что от него требуется и быстро показывает положительный результат. Другому требуется чуть больше времени. Однако вышеуказанные упражнения не требуют от обучающихся какой-то дополнительной мозговой деятельности или физической активности, поэтому являются достаточно «тепличными» в плане их выполнения. Ничто не мешает стрелку концентрироваться именно на правильной технике производства выстрела.

Самыми сложными являются упражнения, относящиеся к третьей группе – учебно-специальные. Они предназначены для подготовки сотрудника к применению оружия в различных ситуациях оперативно-служебной деятельности (тактической обстановки). Выполнение упражнений стрельб из этой группы требуют комплексной работы организма, связанной с мозговой деятельностью (проговаривания предупреждений о применении оружия), перемещением между рубежами, переносом огня по фронту, реагирования на названную цель для поражения.

Нововведением в Порядке выступают упражнения, в которых огневой рубеж находится на очень близкой дистанции (5 метров). В предыдущих нормативных правовых актах, связанных с обучением огневой подготовке, большинство стрельб из пистолета выполнялось с дистанций от 10 метров (за редким исключением – 7 метров). Такие изменения продиктованы практикой применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции в реальной оперативной обстановке. Действительно, в большинстве резонансных случаев, когда правоохранитель стрелял из пистолета, – это происходило молниеносно и на экстремально коротких дистанциях. И далеко не всегда сотруднику полиции удавалось сделать это успешно.

Именно поэтому, по нашему мнению, в Порядке присутствует такое разнообразие учебно-специальных упражнений с различными условиями. В некоторых из них необходимо дослать патрон в патронник до

команды «Огонь». Соответственно, при выполнении таких упражнений, стрелку не нужно будет досылать его в начале упражнения, все внимание здесь будет уделено скорости производства первого выстрела. Возможность обнажения оружия и приведения его в боеготовность прописана в статье 24 Федерального закона «О полиции». В других упражнениях предусмотрена подача предупреждения о применении огнестрельного оружия перед началом стрельбы. Таким образом, сотрудник полиции обучается правомерному применению оружия, привыкая предоставлять предполагаемому преступнику возможность среагировать на его предупреждение и отказаться от своих противоправных действий. В состав третьей подгруппы учебно-специальных упражнений входят упражнения, включающие перемещение между рубежами. В данном случае имитируется преследование предполагаемого преступника. При этом огонь здесь ведется уже не с близких дистанций, а с расстояний, требующих большего внимания на технику прицеливания и производства выстрела.

Хотелось бы отдельно акцентировать внимание на технике ведения огня при выполнении упражнений стрельб с близких дистанций в короткое время. В указанных ситуациях у стрелка нет времени на совмещение «идеально ровной» мушки в прорези целика. Прицеливание и обработка спуска должны происходить одновременно, при этом выстрел будет происходить непосредственно сразу же после введения оружия в район прицеливания. Главной задачей сотрудника выступает поражение довольно крупной цели в экстремально сжатые временные рамки.

Отметим, что большое разнообразие упражнений стрельб является не только плюсом, но и имеет отрицательные моменты. Если мы говорим о курсантах и слушателях, обучающихся по программам высшего образования, то можно отметить, что на протяжении обучения у них имеется достаточно много учебных часов, в рамках которых есть возможность проработки всего перечня упражнений стрельб из пистолета. В свою очередь, у слушателей, проходящих профессиональную подготовку, в учебную программу включено всего 20 учебных занятий по данной теме, т.е. даже математически получается меньше одного занятия на отработку каждого упражнения. Учитывая, что уровень подготовки у обучающихся отличается, представляется невозможным качественное обучение слушателей, если попытаться охватить весь спектр предлагаемых упражнений. Многие будут лишь закреплять неправильную технику производства выстрела, когда на них будут «давить» сжатые временные рамки.

Аккумулируя вышесказанное, мы хотим отметить, что практикоориентированность выполняемых упражнений стрельб из пистолета является положительным нововведением в обучении огневой подготовке. Сотрудники полиции с большей вероятностью смогут правомерно и качественно применить табельное оружие в стрессовой ситуации. Однако объем, который необходимо охватить в процессе обучения, не всегда соответствует реальным срокам такового. Следует предоставлять возможность индивидуализации в подходе к освоению образовательной программы. Только в таком случае не будет теряться качество освоения навыков обращения с пистолетом.

Безгачев Ф.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Особенности правового регулирования использования воздушного пространства Российской Федерации при использовании сотрудниками полиции беспилотных воздушных судов в профессиональной деятельности

Направление беспилотной авиации активно развивается во всех сферах деятельности человека, в том числе и в правоохранительной деятельности. В настоящее время беспилотные воздушные суда (далее – БВС) могут быть использованы в правоохранительной деятельности при охране общественного порядка, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений, осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, осуществлении поисковых мероприятий, пресечении административных правонарушений в

области безопасности дорожного движения, а также розыска автотранспорта, проведении мероприятий антитеррористической направленности, а также осмотре места происшествия.

Правовое регулирование использования воздушного пространства Российской Федерации и беспилотных воздушных судов сотрудниками правоохранительных органов в первую очередь направлено на обеспечение безопасности граждан, охраны интересов государства, а также безопасности полетов воздушных судов.

Согласно ч. 2 ст. 1 Воздушного кодекса Российской Федерации под воздушным пространством Российской Федерации понимается воздушное пространство над территорией Российской Федерации, в том числе воздушное пространство над внутренними водами и территориальным морем[1].

Воздушное законодательство Российской Федерации состоит из Воздушного кодекса, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, федеральных правил использования воздушного пространства, федеральных авиационных правил, а также принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации[2].

Порядок организации использования беспилотных воздушных судов в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации определяется инструкцией, утвержденной приказом МВД России от 26 декабря 2024 г. № 955[3].

Сотрудники правоохранительных органов обязаны соблюдать требования законодательства в области регистрации, лицензирования (получения права управления БВС), безопасности, конфиденциальности и ответственности за любой ущерб, который может быть причинен при использовании БВС.

Беспилотные воздушные суда, которые используются сотрудниками полиции, относятся к государственным воздушным судам. А для обеспечения безопасности воздушного пространства и контроля над использованием БВС требуется их регистрация в Министерстве обороны России и постановка на государственный учет в Реестре государственных воздушных судов государственной авиации[4].

Управление БВС весом в несколько килограмм на высоте в несколько сотен метров требует определенной сноровки и наличия навыков управления. БВС в руках дилетанта может представлять опасность для окружающих людей, их имущества и даже для других летательных аппаратов. Для безопасного, уверенного и качественного пилотирования БВС сотрудники полиции, в обязанности которых входит управление беспилотными воздушными судами, то есть они относятся к внешнему экипажу БВС (внешние пилоты, операторы), должны проходить соответствующее обучение в учебных организациях и иметь документы об образовании или о квалификации. Кроме того, внешние пилоты и операторы БВС должны поддерживать летную натренированность для эффективного и качественного выполнения оперативно-служебных задач и недопущения авиационных происшествий[5].

В соответствии с пунктом 49 Федеральных правил использования воздушного пространства, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138[6], полеты БВС выполняются при наличии у пользователей воздушного пространства разрешения соответствующего органа местного самоуправления.

Использование воздушного пространства БВС осуществляется на основании плана полета воздушного судна и разрешения на использование воздушного пространства. Безопасность БВС и других воздушных судов обеспечивается установлением запрета или ограничения использования воздушного пространства. В зонах, где установлены запреты для полетов, могут использовать воздушное пространство лица, установившие запрет, а также в таких зонах могут выполняться

[1] Воздушный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 19.03.1997 № 60-ФЗ.

[2] Там же.

[3] Инструкция по организации использования робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : утв. приказом МВД России от 26.12.2024 № 955.

[4] Федеральные авиационные правила государственной регистрации государственных воздушных судов : приказ Министерства обороны Российской Федерации от 28.11.2002 № 460.

5 Курс поддержания летной натренированности авиационного персонала МВД России на беспилотных воздушных судах : приказ МВД России от 29.12.2022 № 1111.

[6] Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 11.03.2010 № 138.

полеты для выполнения оперативных заданий в интересах государства, в целях проведения поисково-спасательных работ и работ по оказанию помощи при чрезвычайных ситуациях и для полетов воздушных судов, осуществляемых в соответствии со специальными международными договорами. Одновременное нахождение в воздушном пространстве должно исключать возможности наступления авиационного происшествия.

Для использования воздушного пространства сотрудниками полиции могут быть установлены временный или местный режимы, а также кратковременные ограничения в интересах полетов БВС органов внутренних дел. Представление на установление временного режима подается в главный центр Единой системы организации воздушного движения за 5 суток до выполнения полетов, на установление местного режима в зональный центр Единой системы организации воздушного движения за 3 суток[1].

Для выполнения полетов БВС в целях обороны, государственной и общественной безопасности, а также проведения поисково-спасательных мероприятий и оказания помощи при стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях план полета подается не менее чем за 3 часа до начала полетов.

Использование БВС может быть связано с получением конфиденциальной информации, которую разглашать третьим лицам нельзя. Внешние пилоты и операторы БВС должны соблюдать законодательство в сфере защиты персональных данных и конфиденциальной информации. К примеру, запрещено разглашать информацию, полученную с БВС при проведении оперативных розыскных мероприятий.

Использование БВС сопряжено с рисками причинения вреда жизни или здоровью либо имуществу третьих лиц. В связи с чем ответственность владельца воздушного судна перед третьими лицами за возможный причиненный вред должна быть застрахована. Для использования БВС страхование ответственности является обязательным условием.

К некоторым нарушениям порядка использования воздушного пространства Российской Федерации относятся:

– использование воздушного пространства без разрешения Единой системы организации воздушного движения, если там установлено ограничение, за исключением случаев, указанных в пункте 114 Федеральных правил использования воздушного пространства;

– несоблюдение установленных временного и местного режимов, а также кратковременных ограничений;

– использование воздушного пространства запретной зоны, зоны ограничения полетов без разрешения.

Основной перечень нарушений порядка использования воздушного пространства закреплен в статье 172 Федеральных правил использования воздушного пространства. Однако особой разработки требуют правила о возмещении вреда, причиненного при выполнении полета автономным беспилотным летательным аппаратом. В настоящее время данные отношения регулируются положениями об общих основаниях ответственности за причинение вреда, об ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (ст. 1064, ст. 1079 ГК РФ)[2].

В случае нарушения федеральных правил использования воздушного пространства ст. 11.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность, если эти нарушения не содержат уголовно наказуемого деяния. Также необходимо помнить, что статьей 11.5 КоАП РФ устанавливается ответственность за нарушение правил безопасности эксплуатации воздушных судов. А ст. 271.1 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации.

Внешним пилотам и операторам БВС необходимо изучать и соблюдать требования федерального и регионального законодательства при использовании БВС.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что для использования БВС необходим квалифицированный личный состав, зарегистрированное, состоящее на учете БВС, качественно проработанная и правильно подготовленная полетная документация, полученное разрешение на использование воздуш-

[1] Инструкция по разработке, установлению, введению и снятию временного и местного режимов, а также кратковременных ограничений : приказ Минтранса РФ от 27.06.2011 № 171.

[2] Полетыкин Д.А. Правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов в Российской Федерации: текущее состояние и перспективы развития // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 143-153.

ного пространства в центре Единой системы организации воздушного движения, а также тщательные технические проверки БВС перед каждым полетом.

Филиппович В.А.,

кандидат педагогических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Средства эффективного поддержания физической формы обучающихся в условиях обучения в образовательных организациях МВД России

На сегодняшний день физическая подготовка является неотъемлемой частью жизни сотрудников правоохранительных органов. Эта работа подразумевает постоянную активность, большую загруженность, риск и угрозу жизни и здоровью, а также малое количество отдыха. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в статьях 18, 19, 20, 28 указывает на необходимость физической подготовленности сотрудников полиции. Общие условия и требования к занятиям по физической подготовке как элементу профессиональной и служебной подготовки регламентирует приказ МВД России от 2 февраля 2024 года № 44. Такое повышенное внимание к данному аспекту службы дает понять, что важно изыскать возможность поддерживать свою физическую форму в условиях несения службы.

Как известно, профессиональная физическая подготовка – подсистема физического воспитания, наилучшим образом обеспечивающая формирование и совершенствование умений и навыков, свойств и качеств личности, имеющих важнейшее значение для конкретной профессиональной деятельности.

В образовательных организациях МВД России уделяется большое внимание учебной дисциплине «Физическая подготовка» при подготовке специалистов, чья профессиональная деятельность заключается в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, обеспечении правопорядка в общественных местах и др. На физической подготовке обучают боевым приемам борьбы и способам самообороны, формируют и совершенствуют основные физические качества, силу, выносливость, ловкость, скорость и т.д. Но не все обучающиеся справляются в полном объеме с требованиями физической подготовки.

К сожалению, у немалой части курсантов образовательных организаций МВД России довольно часто возникают проблемы в поддержании и улучшении своей физической формы. По результатам опроса курсантов 2 курса СибЮИ МВД России за время обучения в вузе уровень физической подготовленности снизился или остался на прежнем уровне у 36% опрошенных. Основной проблемой, препятствующей улучшению физической формы, 46% опрошенных курсантов назвали нехватку времени, 28% – постоянное чувство усталости, а 26% – лень.

Отсюда можно выявить следующие причины ухудшения проблем с состоянием физической подготовленности курсантов и слушателей:

– активная творческая и общественная деятельность, несение суточных нарядов, выполнение домашней работы и иные элементы несения службы, совмещенной с получением высшего профессионального образования, занимают много времени, и курсанты не всегда успевают заниматься физической подготовкой индивидуально;

– личная неорганизованность курсантов, связанная с тем, что они зачастую не могут правильно спланировать свое время, не позволяет составить оптимальный график тренировок;

– лень является еще одной причиной, схожей с личной неорганизованностью. Даже если у обучаемого нет проблем с личным временем, он предпочитает потратить его на пассивный вид отдыха;

– неправильное питание (пропуск приемов пищи или переедание на ночь, фастфуды) и недосыпание негативно сказываются на физическом состоянии человека.

В образовательных организациях МВД России учатся обучающиеся, возраст которых составляет от 17 до 24 лет. Рекомендуемая норма физической активности для данной возрастной категории составляет не менее 150-300 минут в неделю физически активной деятельности средней интенсивности с аэробной

нагрузкой или же не менее 75-150 минут в неделю физически активной деятельностью высокой интенсивности с аэробной нагрузкой. Не реже двух раз в неделю следует выполнять и силовые упражнения средней или большей интенсивности на все основные группы мышц. Занятия по физической подготовке занимают всего 2-4 часа в неделю, чего явно недостаточно для того, чтобы физическая форма значительно улучшалась, поэтому существует необходимость заниматься самостоятельно, в индивидуальном порядке.

Чтобы решить проблему с нехваткой времени, успевать совмещать спорт, службу, учебу, творческую и научную деятельность и т.д., нужно уметь правильно распределять свои силы. Лучше всего поможет планирование времени. Рабочий день в ведомственных вузах заканчивается около пяти вечера. Допустим, что при нормальном режиме сна курсант ложится спать в 22:00. Тогда у него остается 5 часов индивидуального времени.

Предположим, что физическая подготовка занимает 4 часа в неделю – в таком случае для выполнения необходимой нормы физической активности остается 2-3 раза в неделю обеспечить себе дополнительные тренировки на силу, выносливость, быстроту. И того 2 раза нужно найти время на самостоятельную тренировку. Кроме того, можно сделать ее интенсивней и она будет занимать меньше времени, однако эффект в любом случае проявится. Одну такую тренировку можно перенести на свой выходной, освобождая время на рабочей неделе. В результате чего, в течение рабочей недели останется лишь найти 30 минут свободного времени на одну активную и достаточно интенсивную индивидуальную тренировку.

Частое чувство усталости может быть связано с психофизическим утомлением, которое оказывает негативное влияние на эффективность тренировок и на желание заниматься физической культурой в целом. Но, на наш взгляд, есть средства для решения этой проблемы:

– обратиться к специалисту для назначения витаминного комплекса, который должен помочь с повышенной утомляемостью;

– составить план тренировок и строго соблюдать его, чтобы сформировалась привычка. Обычно это занимает около месяца, после чего на психическом уровне начнет появляться желание для тренировок;

– регулировать объем и интенсивность тренировок, чтобы не переутомлять организм;

– учитывать свой биологический ритм, к примеру «Жаворонку» будет легче заниматься по утрам, а «Сове» – по вечерам.

Во всех образовательных организациях МВД России действуют спортивные секции по видам спорта. Если у обучающегося не выходит организовать свою самостоятельную тренировку, то ему действительно может помочь занятие спортом в какой-либо секции.

Следует сказать, что побороть лень, отсутствие веры в себя сложно. Здесь тоже могут помочь предыдущие способы: запись в спортивную секцию, составление индивидуального плана, формирование привычки, но ничего не получится до тех пор, пока курсант сам не решит, что физическая активность важна для него. Необходимо осознать, что физическая форма – залог твоей эффективной служебной деятельности.

Одной из важных проблем в развитии и поддержании физической формы, является сбитый режим сна и неправильное питание. При этом снижается координация и ухудшаются когнитивные функции, также замедляется процесс восстановления мышечной ткани после физической нагрузки или травмах.

Общеизвестно, что сон отвечает за восстановление мышц, укрепление памяти, внимания, поэтому обучающимся недопустимо им пренебрегать. Чтобы обеспечить здоровый и качественный сон необходимо просыпаться и ложиться в одно и то же время. Продолжительность сна должна составлять 7-9 часов. Рекомендуется тренировку проводить за 3-4 часа до сна во избежание перевозбуждения организма.

Для того чтобы составить правильный рацион питания необходимо учитывать все индивидуальные физические характеристики, особенности количества, качества и степени активности нагрузок. Хороший рацион должен составлять в среднем: 30% – белки, 60% – углеводы, 10% – жиры. Микроэлементы в организм могут поступать из любых источников в любом виде.

При недоедании, нехватке белков, жиров и углеводов организму неоткуда брать материал для построения мышечной массы и тренировки будут способствовать только лишь потере веса за счет дефицита калорий. В обратной ситуации при переедании будет накапливаться жир, мешая жить активной

жизнью. Поэтому важно следить за своим питанием, обеспечивая поступление необходимых питательных веществ организму.

Таким образом, средства эффективного поддержания физической формы в условиях обучения в ведомственных вузах есть, и они вполне осуществимы.

Сергиенко А.С.,

кандидат психологических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Визуализация как психолого-педагогический метод повышения эффективности подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

Сложившаяся в настоящее время система профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов в образовательных организациях МВД России успешно решает большинство поставленных задач, что позволяет ее оценить как достаточно эффективную. В то же время очевидно, что динамичная внешняя среда – не стабильная политическая ситуация, стремительно меняющаяся социально-экономическая ситуация и, как следствие, изменчивая оперативная обстановка, – не позволяет оставить без внимания вопрос постоянного повышения качества подготовки сотрудников, поскольку это напрямую влияет на эффективность их дальнейшей профессиональной деятельности.

Пожалуй, наиболее очевидными и актуальными являются следующие направления совершенствования подготовки курсантов и слушателей ведомственных образовательных организаций: интеграция современных технологий в учебный процесс, модернизация учебных планов и программ, постоянное повышение квалификации профессорско-преподавательского состава, повышение внимания к формированию профессионально значимых личностных качеств обучающихся, и некоторые другие.

Отметим, что практически все направления связаны с определенными издержками – финансовыми, техническими, организационными и т.п., поэтому особенно значимыми и интересными представляются отдельные психолого-педагогические методы, свободно интегрируемые практически в любые блоки образовательного процесса и лишенные большинства перечисленных выше проблем.

Рассмотрим данное утверждение на примере визуализации. В контексте обозначенной проблемы визуализацию можно рассматривать одновременно в нескольких аспектах:

метод психологической подготовки сотрудников правоохранительных органов (применение для помощи сотрудникам, например, в управлении стрессом и эмоциональными нагрузками, а также в подготовке к сложным ситуациям, с которыми они могут столкнуться в ходе несения службы);

техническое средство, виртуальная или дополненная реальность, используемое при проведении занятий (применение новых технологий в обучении курсантов и слушателей, позволяющие проводить практические занятия в различных типовых сценариях);

форма интерпретации и представления данных в профессиональной деятельности сотрудников полиции (современные технологии визуализации данных, например, геоинформационные системы и аналитические платформы, оказывающие помощь в анализе преступности, выявлении шаблонов делинквентного поведения и планировании оперативных, следственных и иных мероприятий).

Определение термина «визуализация» очень сильно зависит от контекста его рассмотрения, но прежде всего это метод в широком смысле (буквально – путь), для которого характерно формирование зрительных образов (ситуаций, действий) либо ментальных, либо посредством специализированных технических средств.

Важно отметить, что в работах, посвященных данной проблеме, часто приводится мнение А.А. Вербицкого: «Процесс визуализации – это свертывание мыслительных содержаний в наглядный образ; будучи воспринятым, образ может быть развернут и служить опорой адекватных мыслительных и практических действий». Следовательно, целесообразно отделять понятия «визуальный», «визуальные средства» от понятий «наглядный», «наглядные средства», потому что понятие «наглядный» всегда основано на

демонстрации конкретных предметов, процессов, явлений, представление готового образа, а не рождаемого и выносимого из внутреннего плана деятельности человека, как в случае с «визуализацией». Основная разница заключается в самой сущности сравниваемых понятий: наглядное средство представляет собой объект, некий образ, в то время как визуальное средство является обязательным конечным результатом, продуктом мыслительной деятельности человека[1].

Применение методов визуализации в образовательном процессе подготовки будущих полицейских в вузах системы МВД России позволяет решать ряд важных задач.

Так, в контексте психологической подготовки обучающихся к дальнейшей практической деятельности визуализация способствует формированию навыка принятия решений. Моделируя на занятии различные предложенные обстоятельства учебной ситуации, курсанты и слушатели вырабатывают оптимальные стратегии поведения и тактические действия, учатся прогнозировать различные варианты развития событий. В дальнейшем такой навык поможет сотруднику принимать верные решения в условиях ограниченного времени и ориентироваться в сложных ситуациях профессиональной деятельности.

Кроме формирования навыка принятия решений, важным представляется способность управлять собственными эмоциями. Это очень непростая задача, но решаемая, поскольку визуализация является эффективным средством психологической саморегуляции. Обдумывая сложившуюся ситуацию, представляя ее успешное разрешение, можно существенно снизить уровень психоэмоционального напряжения, нормализуя свое состояние и заметно снижая уровень стресса. Регулярные тренировки в поддержании комфортного психоэмоционального состояния с применением медов визуализации, способны оказать выраженный положительный эффект в формировании общей стрессоустойчивости обучающегося, что особенно важно на начальном этапе обучения[2]. Не случайно именно «визуализация» широко используется в прикладных психологических моделях обучения навыкам коммуникации и профессионального совершенствования (например, в нейролингвистическом программировании) для достижения личных и профессиональных целей. Она основана на представлении желаемого результата в виде яркого, детализированного образа, что помогает активировать внутренние ресурсы и мотивировать к действию.

Еще одним следствием применения методов визуализации при работе с обучающимися является повышение эффективности обучения курсантов и слушателей в образовательных организациях МВД России. Указанное изменение обусловлено рядом факторов. Выделим некоторые из них.

Первым стоит отметить повышение мотивации к обучению, поскольку активизация познавательной и коммуникативной деятельности обучающихся традиционно является одной из важных проблем педагогической науки. Представление целей своего обучения, а в дальнейшем результатов деятельности, визуализация успеха и возможных достижений, делают процесс получения профессиональных знаний более осмысленным и интересным.

Развиваются также и когнитивные механизмы. Например, использование визуальных средств позволяет создавать когнитивные карты, которые дают возможность обучающимся структурировать и систематизировать информацию, лучше запоминать учебный материал. Такой метод будет очень востребован при изучении сложных правовых норм, алгоритмов действий сотрудников полиции в различных ситуациях, а также при анализе различных тактических моделей. Вариации использования визуальных средств в методике обучения обеспечивают субъектов образовательного процесса необходимыми навыками по представлению, обработке, хранению и передаче учебной информации.

Активное использование визуальных средств в учебном процессе ведомственных вузов предполагает наличие определенных компетенций профессорско-преподаватель-

[1] Кодзова З.Н. Визуализация как принцип языковой подготовки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78): в 4 ч. Ч. 2. С. 209.

[2] Подр.: Сергиенко А.С. О некоторых аспектах профессиональной адаптации курсантов на начальном этапе обучения в образовательных организациях МВД России // Оптимизация учебно-воспитательного и тренировочного процесса в учебных организациях высшего образования. Здоровый образ жизни как фактор профилактики наркомании : материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти мастера спорта СССР по самбо и дзюдо, заслуженного тренера РСФСР полковника милиции Э.В. Агафонова. Красноярск, 2022. С. 138-141.

ского состава в данной области[1]. Но при этом изложенный подход способствует интенсификации передачи профессиональных знаний, значительно активизирует когнитивные процессы обучающихся, при получении новых знаний и при обработке и закреплении приобретенных навыков, а также стимулирует повышение мотивации обучающихся за счет снижения трудностей, возникающих при восприятии учебного материала более традиционным способом и, в итоге, способствует решению основных задач компетентностного подхода в обучении.

Кузьмин Н.Т.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Некоторые особенности информационного обеспечения оперативных подразделений Национальной полиции Республики Никарагуа

Эффективность, качество и результаты деятельности оперативных подразделений по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений зачастую напрямую зависят от надлежащей информационной поддержки.

Под информационным обеспечением следует понимать деятельность субъектов по разработке, организации, ведению и совершенствованию функционирования информационных систем, призванную обеспечить сотрудников специальными данными, необходимыми для осуществления возложенных на него задач и функций[2].

Оптимальная организация противодействия преступности невозможна без ее всестороннего, качественного информационного обеспечения. Информационное обеспечение является одним из основных элементов организации различных направлений деятельности оперативных подразделений. Оно необходимо для эффективного управления соответствующими процессами, для прогнозирования, научно обоснованного и предметного планирования противодействия преступности, координации, обеспечения общественной работы субъектов профилактики, действенного контроля исполнения и объективной оценки выполненного.

Оперативные подразделения Национальной полиции Республики Никарагуа достаточно успешно применяют в своей деятельности информационные базы данных, которые представляют собой упорядоченный и структурированный массив информации, хранящиеся в электронном виде в компьютерных системах и содержащие в себе сведения об объектах.

Национальная полиция Республики Никарагуа располагает различными базами данных, которые используются и пополняются самими сотрудниками полиции. Наиболее часто, в противодействии преступности, в том числе и незаконному обороту наркотиков используются следующие информационные базы данных:

– платформа следственного контроля (PCI);

– система биометрического поиска;

– система контроля за задержанными (SICOM);

– система контроля криминального прошлого, судимости (SICAD);

– автоматизированная система рассмотрения заявлений (SADEM);

– система расследования регистрации оборота (SIRC);

– управление системы контроля огнестрельного оружия и взрывчатых веществ на уровне муниципалитетов (SIGDAEM);

– заявления о преступлениях (ETI);

– система управления рисками и защиты граждан (SIGESPROC);

– национальные транспортные системы.

Платформа следственного контроля (Plataforma de Control Investigativo). Информационная поисковая платформа, которая связана с базой данных всех полицейских

1 Сергиенко А.С. О подготовке профессорско-преподавательского состава профильных кафедр к реализации психологического обеспечения огневой подготовки курсантов и слушателей вузов МВД России // E-scio. 2022. № 2 (65). С. 358-363.

[2] Саркисян Г.Г. Информационное обеспечение деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46).

услуг, предоставляемых Национальной полицией широкой общественности по различным специализациям, например, транзит, общественная безопасность, судебная помощь и архив и т.д. На платформе следственного контроля содержится информация об общих данных, фотографиях, номерах удостоверений личности, номерах телефонов, адресе, полицейском досье, водительских правах, огнестрельном оружии и лицензии на ношение огнестрельного оружия, транспортных средствах, заявлениях и жалобах.

Система биометрического поиска (Sistema de busqueda biometrica). Работает с изображениями лиц, подозреваемых в совершении преступлений, полученными через социальные сети или камеры видеонаблюдения в непосредственной близости от места преступления. С помощью этого инструмента 90 % подозреваемых идентифицируются, обнаруживаются и задерживаются.

Система контроля за задержанными (Sistema de control de detenidos) – содержит общие данные о лицах, задержанных за совершения преступлений.

Система контроля криминального прошлого (Sistema de control de antecedentes delictivos) – содержит полицейские досье на лиц, которые прошли через полицейский и судебный процесс за совершение правонарушений и преступлений.

Автоматизированная система рассмотрения заявлений (Sistema automatizado de denuncias). В базу данных заносится информация о следователях, которым передаются заявления с присвоенными номерами полицейского следственного дела. Это позволяет оперативно передавать заявления и дела от одного следователя – другому, а также из одного отдела в другой, исключая их утрату.

Система контроля розыска преступников (Sistema de investigación de registro de circulado) – содержит информацию о лицах, подлежащих розыску, о разысканных преступниках после их ареста.

Управление системы контроля огнестрельного оружия и взрывчатых веществ на уровне муниципалитетов (Sistema de gestión dirección de armas explosivos y municiones). В этой базе данных регистрируется огнестрельное оружие, владельцы огнестрельного оружия и другие разрешения, выданные полицией (например, лицензии, выданные охранникам).

Заявления о преступлениях (Denuncias ETI). Система используется для учета заявлений о преступлениях и их классификации в зависимости от тяжести преступления.

Система управления рисками и защиты граждан (Sistema de gestión de riesgos y protección ciudadana). Используется руководителями секторов в качестве инструмента для контроля оперативной обстановки, куда вносятся лица, представляющие интерес, имеющие криминальный опыт, а также криминогенные точки, объекты, учебные центры, развлекательные центры и т.д.

Национальные транспортные системы:

система реагирования на дорожно-транспортные происшествия (SIRAT);

система дорожных образовательных центров (SISEP);

административная система полиции (SAP);

платформы, используемые Национальным управлением дорожного движения, где зарегистрированы все виды транспортных средств. Также эти базы данных используются для установления зарегистрированных на гражданина транспортных средств, ДТП, в которых он участвовал. Кроме того, эта цифровая платформа используется для регистрации полученных гражданами водительских прав.

Все подразделения Национальной полиции Республики Никарагуа объединены ведомственной компьютерной сетью, что дает возможность сотрудникам, допущенным посредством удаленного доступа к автоматизированным базам данным информационного центра, используя свой логин и пароль, получать необходимую информацию.

Помимо ведомственных информационных баз данных Национальная полиция Республики Никарагуа активно использует в противодействии преступности и базы данных государственных организаций и учреждений, например, такие как:

избирательный реестр (Padron Electoral – CSE);

ежемесячная таблица заработной платы (Tabla de Salario Mensual –INSS);

электронная база данных иностранных граждан по миграции и иностранцам (Base electronica de ciudadanos extranjeros Migracion y Extranjeria – МИНТ).

В современном обществе социальные сети заняли большую нишу в жизни человека: общение, обмен фотографиями, видеофайлами, документами, аудиозаписями, постоянная

трансляция своей жизни посредством сети Интернет, регулярные запросы во всех видах поисковых систем. Социальные сети – богатейший информационный ресурс при отработке версий, позволяющий сократить время, затрачиваемое на проверку круга лиц, возможно причастных к совершению преступления[1].

Учитывая огромную роль социальных сетей в современном мире (каждый день их посещают около 45 % всех людей), оперативные подразделения Национальной полиции Республики Никарагуа активно используют их в целях получения необходимого результата в борьбе с преступностью. В настоящее время в Республике Никарагуа наиболее популярны следующие социальные сети:

Facebook (признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации) – 44,04 %;

Pinterest – 21,18%;

Instagram (признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации) – 18,59%;

YouTube – 8,92%;

Twitter – 5,92%;

Reddit – 0,76%.

Однако следует учитывать, что рынок Интернета в Республике Никарагуа находится на уровне зарождения. Доля интернет-пользователей составляет 19,4 % от общего населения страны (около 1,1 млн человек). Преимущественная часть интернет-пользователей сосредоточена в крупных городах, поскольку сельские районы не имеют доступа к базовой телекоммуникационной структуре.

Таким образом, резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что несмотря на объективные трудности, связанные со слабым развитием сети Интернет в стране, следствием чего является недостаточно эффективное использование открытых сетевых источников информации, ведомственное информационные базы данных позволяют оперативным подразделениям Национальной полиции Республики Никарагуа достаточно успешно противостоять преступности. По заявлению главы Национальной полиции Республики Никарагуа Франсиско Диаса – Никарагуа является самой безопасной страной в Центральной Америке»[2].

Юсупова О.А.,

кандидат педагогических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Правила обращения с табельным оружием как необходимое условие эффективного его применения сотрудниками органов внутренних дел

Служебная деятельность сотрудника органов внутренних дел сопряжена с немалыми трудностями. Не секрет, что сотруднику необходимо обладать комплексом незаурядных личностных качеств, а также владеть знаниями, умениями и навыками, способствующими умелому и безопасному владению табельным оружием.

Лучшим аргументом сотрудника при огневом столкновении с преступником является устойчивый, не подверженный внешним сбивающим факторам, навык владения оружием. И этому должна предшествовать работа по овладению базовыми знаниями материальной части и возможностей оружия, приемами стрельбы и умениями действовать на месте происшествия после применения оружия. Немаловажно для сотрудника органов внутренних дел уметь подготовить свое оружие, которое «не подведет» в экстремальной ситуации, учитывая, что времени на обдумывание практически нет, и все действия должны быть быстрыми и уверенными. Важна правильная и эффективная методика комплексного обучения сотрудников обращению с оружием и меткой стрельбе.

Надо отметить, что большинство молодых людей, поступающих на службу в органы внутренних дел, считает, что обладание оружием придает уверенности из-за самого факта его наличия в руках, а в голове рисуются сюжеты из боевиков, где так запросто и ловко

[1] Малов Ю.В. Использование социальных сетей в оперативно-розыскной деятельности // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. № 2 (10).

[2] URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/109-30896-3-oktyabrya-2019-goda/samaya-bez opasnaya-strana (дата обращения: 23.01.2025).

персонажи стреляют и «всегда попадают в цель». Но, глядя на экранных героев, к сожалению, мало кто задумывается и понимает разницу между действиями «бравого шерифа», крутящего пистолет на пальце, дующего в ствол после очередного точного выстрела, и суровой действительностью.

К сожалению, нередки случаи неумелого и не эффективного применения оружия сотрудниками полиции, что приводит к гибели или ранениям граждан или самих стражей порядка.

Самое большое число случаев нападений на сотрудников органов внутренних дел в нашей стране связано с желанием завладеть табельным оружием. На втором месте – случаи оказания сопротивления при задержании. Примерно 30% составляют сопротивления насильственного характера, причем способы оказания сопротивления бывают разными, начиная от побега, заканчивая нападениями и применением огнестрельного оружия в отношении сотрудников полиции[1].

Так, в мае 2021 года в Мошковском районе под Новосибирском полицейский при задержании застрелил задерживаемого. Инспекторы ГИБДД пытались остановить автомобиль с тонировкой, однако машина не остановилась и сотрудникам полиции пришлось преследовать нарушителей и задерживать. Когда старший лейтенант полиции Гусев с табельным пистолетом в руке пытался удержать одного из задерживаемых, другие попытались его отбить, завязалась потасовка. В руке у инспектора был табельный пистолет Макарова и в какой-то момент раздался выстрел: задерживаемый получил смертельное ранение в голову. По версии следствия, Гусев непроизвольно нажал на спусковой крючок пистолета, который, очевидно, был снят с предохранителя. Инспектора ГИБДД сначала арестовали, однако после разбирательства следствие и суд признали: офицеры действовали по закону; не оказывали бы молодые люди из иномарки сопротивление полицейским, не мешали бы им, выстрела могло не быть[2].

То есть сотрудник в данном случае, с его же слов, нажал на спусковой крючок случайно, что привело к гибели задерживаемого. Хочется отметить, что, если бы полицейский не удерживал палец на спусковом крючке пистолета при задержании нарушителя, выстрел бы не случился. К слову, в мерах безопасности при обращении с оружием, изложенных в нормативном документе, регламентирующем огневую подготовку сотрудников ОВД, указано, что накладывать палец на спусковой крючок следует только при прицеливании и ведении огня, в остальное время палец должен располагаться вне спусковой скобы оружия и не касаться спускового крючка.

Совсем недавно произошло преступление, вызвавшее большой резонанс. В ночь с 8 на 9 февраля 2025 года в Дербенте трое злоумышленников избили и расстреляли 28-летнего сотрудника патрульно-постовой службы из его же табельного оружия. Нападение на полицейского произошло рано утром на улице, а камера наружного наблюдения запечатлела, что рядом с припаркованным черным внедорожником один из злоумышленников разговаривает с полицейским, затем подошли еще двое и сотрудника ППС повалили на землю и завязалась борьба. Полицейский выхватил пистолет, но один из нападавших отобрал оружие. В СУ СКР по Дагестану подтвердили, что злоумышленники завладели табельным оружием полицейского и из него же в правоохранителя выстрелили не менее восьми раз, после чего скрылись. Оружие преступники забрали с собой. Пострадавшего доставили в больницу с ранением левого бедра. Преступников удалось быстро задержать[3].

Конечно, в результате расследования данного преступления будет дана и оценка действиям сотрудника полиции, который пострадал при нападении – насколько правильно он действовал в данной ситуации. Из сообщений в прессе не ясно, как сумели преступники быстро забрать пистолет и убежать с ним. Было ли зафиксировано табельное оружие пистолетным ремешком для безопасного его ношения? Почему вооруженный сотрудник был один? Все обстоятельства произошедшего установит следствие.

Напрашивается вывод о необходимости строгой регламентации не только правовых оснований применения оружия, но и действий

[1] Каримов А.А. Полиция России и США. Компаративный анализ по вопросам применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Полицейская деятельность. 2021. № 4.

[2] СК прекратил дело полицейского, случайно застрелившего новосибирца во время задержания. URL: https://tass.ru/proisshestviya/14723825 (дата обращения: 02.02.2025).

[3] В Дербенте сотрудник полиции пострадал при нападении. РИА Новости. URL: https://ria.ru/20250209/politsiya-1998233714.html (дата обращения: 02.02.2025).

с оружием непосредственно на месте происшествия в случаях его применения. На некоторые вопросы о правилах обращения с оружием можно найти ответы в Методических рекомендациях по закреплению оружия за сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации и мерам личной безопасности при получении и сдаче оружия, разработанных Управлением организации подготовки кадров ДГСК МВД России (от 27 мая 2022 года). Но многие вопросы, касающиеся действий сотрудника полиции с оружием на месте происшествия в ситуациях, связанных с его применением, требуют дополнительных подробных разъяснений и четкой регламентации.

Безопасное обращение с оружием – первое, чему должны научиться сотрудники полиции на занятиях по огневой подготовке. Правильно удерживать оружие, стволом в безопасном направлении при любых действиях по заряжанию, разряжанию, смене изготовки или замене магазина, необходимое условие грамотного обращения с оружием. К сожалению, случаи, когда сотрудники полиции производят выстрелы при заряжании или разряжании оружия во время получения или сдачи его в дежурной части, также не редкость.

В отечественной практике под термином «культура работы с оружием» зачастую понимаются только правила мер безопасности. Это не совсем так, ибо эти правила – важная, но не единственная составляющая умелого и безопасного обращения с оружием.

Культура работы с оружием есть совокупность приемов и методов максимально эффективного и безопасного его использования. Это определение очень точно раскрывает суть понятия, которое охватывает все области взаимоотношений между человеком и оружием. Структурно понятие «культура работы с оружием» включает в себя, в том числе, правила безопасного обращения в служебной деятельности. К таковым можно отнести правила хранения и ухода, соблюдение требований нормативных документов МВД России по получению и сдаче оружия, его правильному ношению на службе и при транспортировке, соблюдение правовых оснований применения и действий, предотвращающих завладение преступниками оружием сотрудника полиции.

Все положения и инструкции по обращению с оружием для сотрудников органов внутренних дел разрабатывались на основе многолетней практики обращения как в мирное, так и в военное время. Эти правила не должны восприниматься как устаревшие догмы, а только как руководства к действию, эффективность которых напрямую зависит от четкого и безукоризненного соблюдения данных правил.

Еще столетие назад каждый офицер постоянно был при револьвере или пистолете и сам его обслуживал и поддерживал в готовности к применению. Однако сегодня сотрудники полиции в большинстве своем не имеют табельного оружия на условиях постоянного ношения и только пару раз в месяц получают его на занятия по огневой подготовке. Но всегда надо помнить и выполнять основные правила:

помни номер своего оружия и внимательно проверяй при получении и сдаче;

получив оружие, проверяй, не заряжено ли оно и перед неполной разборкой для чистки;

никогда не направляй оружие в сторону, где находятся или могут находиться люди, даже если уверен, что оно не заряжено;

своевременно и с точным соблюдением установленных правил осматривай оружие, производи его чистку и смазку с обязательным осмотром частей на предмет неисправностей, которые могут привести к задержкам при стрельбе;

никогда не выпускай из рук заряженное оружие, если надо положить или передать – разряди!

Дворкин В.М.,

кандидат педагогических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Дзюдо в системе физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России

В современных условиях перед образовательными организациями МВД России ставятся задачи по повышению уровня подготовленности выпускаемых специалистов. Одной из важных составляющих в подготовке сотрудников правоохранительных органов является физическая подготовка. Так как дзюдо является одним из популярных видов единоборств в мире, оно обладает значительным потенциалом при формировании физической готовности сотрудников к успешному выполнению оперативно-служебных задач, умелому применению физической силы, в том числе боевых приемов борьбы.

По мнению Е.Н. Трояна, применение приемов дзюдо в процессе физической подготовки способствует не только развитию профессионально важных физических качеств, но и формированию таких качеств, как решительность, находчивость и готовности к действиям в стрессовых ситуациях.

Различные техники дзюдо могут эффективно использоваться при формировании профессионально значимых двигательных навыков при освоении учебной дисциплины «Физическая подготовка» по следующим темам: освобождение от захватов и обхватов, защиты от ударов руками и ногами, упреждающие действия при угрозе огнестрельным оружием, а также в ситуациях, связанных с применением физической силы стоя или лежа.

Используя технику захватов, бросков, приемов борьбы лежа при задержании правонарушителей можно минимизировать риск получения травм как для сотрудников, так и для правонарушителя, что особенно важно в условиях требований правомерного применения физической силы.

Данные обстоятельства актуализируют активное применение приемов дзюдо при подготовке сотрудников правоохранительных органов.

Важным аспектом эффективного использования элементов дзюдо в процессе физической подготовки является правильно организованный учебно-тренировочный процесс.

Современная подготовка дзюдоистов делится на несколько ключевых составляющих, включая техническую, тактическую, физическую и психологическую подготовку. Техническая подготовка включает в себя изучение и совершенствование основных приемов борьбы лежа, бросковой техники, борьбы на захватах. Тактическая и психологическая подготовка предполагает приобретение навыков применения приемов в различных ситуациях. И наконец, в физическом плане дзюдоист должен быть готов к преодолению сопротивления.

Также важно не слепо копировать тренировочные программы, а корректировать их, адаптируя к реалиям в образовательных организациях системы МВД России. Учитывать индивидуальные особенности курсантов и слушателей, режим служебной деятельности, оптимально распределять нагрузку и максимально эффективно формировать двигательные навыки, необходимые для выполнения профессиональных обязанностей.

Еще одним из преимуществ использования дзюдо в физической подготовке, по мнению М.С. Кацапова, является применение тренировочных и соревновательных схваток по правилам дзюдо. При борьбе с сопротивлением воспитывается способность выполнения различных действий, приближенных к реальным ситуациям оперативно-служебной деятельности.

Успешно сформированные двигательные навыки дзюдо обладают высоким педагогическим потенциалом в плане формирования у курсантов и слушателей дисциплины, исполнительности и морально-волевых качеств. Эти качества важны для сотрудников правоохранительных органов, так как они обеспечивают готовность к действиям в экстремальных ситуациях. Занятия дзюдо способствуют воспитанию физически развитых, уверенных в своих силах, психоустойчивых сотрудников, которые способны успешно действовать в различных ситуациях служебной деятельности. Этот аспект особенно важен, поскольку служебная деятельность сотрудников правоохранительных органов часто связана с необходимостью применения физической силы в ситуациях с возможным риском.

Перечисленные выше качества эффективно формируются при активном применении в учебно-тренировочном процессе соревновательного метода. Особое внимание следует уделять развитию скоростно-силовых качеств, которые играют важную роль при ведении единоборств в различных ситуациях. Дзюдо благодаря своей прикладной направленности позволяет курсантам и слушателям формировать эффективные двигательные навыки правомерного применения физической силы, что делает этот вид единоборства важным элементом процесса физической подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Дзюдо благодаря своей многофункциональности служит эффективным инструментом в системе подготовки сотрудников правоохранительных органов. Как вид спорта широко представлен в различных соревнованиях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, так как его техники имеют четко выраженную прикладную направленность.

Кроме того, занятия дзюдо позволяют курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России развивать такие качества, как дисциплина, усердие и ответственность, которые являются важными в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Дзюдо как инструмент в процессе физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России обладает значительным потенциалом для формирования их профессиональной компетентности. Современная методика подготовки, учет индивидуальных особенностей и активное использование соревновательных методов делают дзюдо эффективным средством для формирования у будущих сотрудников правоохранительных органов необходимых физических и профессиональных качеств. Активное применение приемов дзюдо в системе физической подготовки позволяет значительно повысить уровень готовности курсантов и слушателей к выполнению служебных обязанностей в условиях реальной оперативно-служебной деятельности. Более того, дзюдо способствует развитию у курсантов и слушателей дисциплины, ответственности и готовности к действиям в экстремальных ситуациях, что делает этот вид спорта эффективным инструментом в подготовке сотрудников правоохранительных органов.

Фомин С.А.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ У СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Согласно официальным заявлением Министра внутренних дел РФ, озабоченность руководства сегодня вызывает неукомплектованность территориальных органов ОВД кадровым составом. Это обстоятельство накладывает дополнительную нагрузку на действующих сотрудников, на которых возложена задача по обеспечению слаженной работы служб по охране общественного порядка. В данной ситуации одним из главных требований к качествам сотрудника ОВД выступает их уверенное владение профессионально значимыми компетенциями. Для образовательных организаций, входящих в систему МВД России, в свою очередь, этот посыл означает необходимость привития профессиональных качеств лицам, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел, в кратчайшие сроки, в отведенный период их обучения. В связи с чем на первый план в приоритетных направлениях деятельности профессорско-преподавательского состава образовательных организаций МВД РФ выступают задачи по поиску подходов и определению методов обучения будущих сотрудников.

Одним из непростых вопросов в направлении обучения физической подготовке является привитие физической культуры. Именно на этой базе формирование навыков владения боевыми приемами борьбы может быть успешным при условии обеспечения их дальнейшего поэтапного совершенствования.

Здесь задачами преподавателей вуза выступают выбор и предпочтение методов обучения сотрудников по дисциплине «Физическая подготовка», позволяющих достичь цели по формированию навыков, проверяемых в соответствии с предъявляемым к ним требо-

ваниям[1], с учетом наличия у обучающихся базовых умений и навыков.

Для преподавателя главным критерием готовности сотрудника правоохранительных органов практически значимым акцентом является формирование физической выносливости сотрудника, поскольку по роду служебной деятельности он нередко оказывается в ситуациях, представляющих опасность для жизни и здоровья или в условиях противодействия оказываемому сопротивлению[2].

В этой связи стоит обратить внимание на непрерывность закрепления и совершенствование полученных физических навыков. Однако в процессе осуществления служебных задач данный вопрос становится у действующих сотрудников ОВД второстепенным. На рабочих местах совершенствованию уделяется не столь пристальное внимание. Очевидно, что в период интенсивности решения служебных задач и отсутствия регулярных тренировочных занятий, представляющих моделирование определенных ситуаций служебной деятельности, не каждый сотрудник способен своевременно, грамотно применить ранее полученный комплекс знаний, скажем, в ситуации соблюдения правовых рамок соразмерности применения физической силы при необходимой обороне или при задержании лица, совершившего преступление. При этом необходимо учитывать в том числе психологическую подготовленность сотрудника, где уверенность применения какого-либо приема приобретается в процессе многократного успешного применения. Заметим, что в процессе профессионального обучения боевые приемы борьбы согласно требованиям нормативных правовых актов условий силового сопротивления партнера не предполагают. Другими словами, в период обучения обучающиеся не применяют болевые приемы борьбы, не испытывают сопротивление ассистента, а значит оказываются не готовыми действовать в реальных условиях, тем более в экстремальной ситуации.

Таким образом, по нашему мнению, действующее профессиональное обучение сотрудников в рамках изучения дисциплины «Физическая подготовка» не предполагает сформированность профессиональных компетенций. В этой связи мы можем утверждать, что отсутствуют организационно-педагогические условия для формирования навыков на занятиях по разделу «Боевые приемы борьбы», где обучение направлено на приобретение обучающимися теоретических знаний.

Согласно Федеральному закону «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, сотрудник обязан пресекать преступления и административные правонарушения, применяя физическую силу (ст. 20). Заметим, что законом возлагается не право сотрудника действовать в опасной ситуации, а обязанность[3].

Поэтому в период первоначального обучения сотрудников полиции особое значение приобретает выбор подходящих методов и методик обучения, направленных на воспитание отдельных физических качеств.

В первую очередь считаем необходимым при воспитании физической культуры будущего сотрудника ОВД обратить внимание на следующее:

применять комплекс физических упражнений, позволяющих обеспечить физическое развитие сотрудников (выносливость, сила и быстрота);

определить регламент на каждый вид упражнений (от 15 до 30 минут, не более);

учитывать работу разных мышечных групп при выборе упражнений;

учитывать соответствие возрастной группе занимающихся при выборе вида и продолжительности физической нагрузки.

Мы затронули один из проблемных вопросов обеспечения формирования профессиональных компетенций сотрудника ОВД. Считаем, что процесс подготовки физических качеств сотрудника необходимо рассматривать как единый комплексный процесс, где подразделения, участвующие в обеспечении физической профессиональной подготовки, продолжают непрерывный процесс обучения и дальнейшее совершенствование.

Целесообразно продолжить проведение регулярных тренировочных занятий в оборудованных тренажерных залах при отделах полиции территориального органа с моделиро-

[1] Порядок организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : утв. приказом МВД России от 02.02.2024 № 44.

[2] Кузнецов С.В Организация физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации : монография. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2020.

[3] Порядок организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : утв. приказом МВД России от 02.02.2024 № 44.

ванием определенных ситуаций служебной деятельности. Позволит этого добиться применение разработанных методик, позволяющих обеспечить формирование необходимого квалификационного уровня сотрудников, исходя из стоящих перед ними служебных задач.

Шевченко А.Р.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАВЫКОВ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ И ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ПОСРЕДСТВОМ СЛУЖЕБНО-ПРИКЛАДНЫХ ВИДОВ СПОРТА

Важное место в системе ведомственного профессионального образования занимает физическая и огневая подготовка. Изменение общественно-политической и социально-экономической жизни государства, улучшение тактико-технической подготовленности и изощренности действий преступных элементов влечет за собой возрастание объема и усложнение задач, решаемых органами внутренних дел, что обуславливает потребность в высоком уровне сформированности навыков применения физической силы и огнестрельного оружия сотрудниками для эффективной правоохранительной деятельности. Хорошее здоровье сотрудника, его крепкая психическая устойчивость позволяют уверенно овладевать приемами единоборств и навыками применения огнестрельным оружием в сложных ситуациях оперативно-служебной деятельности. Такой сотрудник способен правильно оценить окружающую обстановку, предпринять верное решение в сложившейся ситуации, что не приведет к неоправданным потерям и грубым профессиональным ошибкам. Если сотрудник не обладает твердыми навыками в физической и огневой подготовке, то он, как правило, имеет низкий уровень развития профессионально важных физических и психических качеств, психофизиологических функций, личностных свойств, профессиональной работоспособности, что приводит к повышению риска наступления профессиональной деформации, профессиональных заболеваний. Также это приводит к низкому качеству выполнения возложенных на него служебных обязанностей и возникновению критических ситуаций. Исходя из этого, для успешного выполнения служебного долга возникает необходимость поиска эффективных средств и методов физической и огневой подготовки сотрудников полиции.

В системе физической подготовки сотрудников ОВД культивируются служебно-прикладные виды спорта, которые способствуют выработке и поддержанию психофизических качеств и двигательных навыков, необходимых для успешной оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности[1].

Таким способом происходит решение задач, связанных с повышением профессионального мастерства сотрудников. Применение физической силы и огнестрельного оружия в реальных ситуациях – это противоборство с противником, в процессе которого могут наноситься травмы и ранения. В связи с этим актуальность привлечения сотрудников к занятиям служебно-прикладными видами спорта имеет большое значение. Моделировать в учебном процессе подобное противоборство с полной психофизической мобилизацией и выполнением действий с прямым применением огнестрельного оружия и физической силы невозможно. Вышеперечисленные моменты не позволяют эффективно совершенствовать двигательные способности, психические и волевые качества к задержанию, противоборству с правонарушителями с применением физической силы и огнестрельного оружия. Вместе с тем применение в реальных ситуациях физической силы и огнестрельного оружия являются важнейшими задачами физической и огневой подготовки.

В тоже время мнения специалистов по огневой и физической подготовке сходятся в одном, что участие и подготовка к соревнованиям по служебно-прикладным видам спорта позволяют адаптировать организм сотрудника к реальным условиям в случае противоборства с правонарушителем. В соответствии с Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 года № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской

[1] Алдошин А.В. Спорт в профессиональной физической подготовке сотрудников ОВД // Наука и практика. 2014. № 3 (60). С. 126-129.

Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации», МВД России осуществляет в том числе следующие полномочия: работу с личным составом органов внутренних дел, его подготовку по служебно-прикладным видам спорта, а также проведение мероприятий в области физической культуры и спорта. На основании этого в целях эффективной реализации государственной политики в области физической культуры и спорта, дальнейшего развития служебно-прикладных видов спорта и международного сотрудничества полицейских спортивных структур, повышения уровня профессиональной подготовленности личного состава и престижа службы в органах внутренних дел Российской федерации был утвержден приказ от 27 декабря 2024 года № 965 «Об организации спортивных мероприятий МВД России». Пункт 5.2. этого приказа имеет следующие директивы: развивать служебно-прикладные виды спорта, а также, виды спорта, имеющие прикладную направленность, создавать условия для участия сотрудников органов внутренних дел во всероссийских спортивных мероприятиях в рамках Спартакиады МВД России, в международных соревнованиях, в том числе среди полицейских зарубежных государств, спортивных мероприятиях общественно-государственного объединения ВСО «Динамо» и других соревнованиях, проводимых МВД России и спортивными федерациями.

Служебный биатлон представляет собой бег с выполнением стрельбы из боевого ручного стрелкового оружия. Структура соревнований состоит в следующем: сотрудник после пробегания кругов (1 км для мужчин, 500 метров для женщин) заходит на огневой рубеж и выполняет 5 прицельных выстрелов по мишенной установке (поппера, диаметр мишени всего 200 мм) с расстояния 20 метров, если все пять мишеней поражены участник уходит на очередные круги, если был допущен промах, то за каждую несбитую мишень штрафной круг, длина которого 150 и 100 метров. Далее, после пробегания второй половины дистанции, спортсмены вновь заходят на огневой рубеж и выполняют действия схожие с вышеперечисленной схемой, последний круг перед финишем равен 1 км у мужчин и 500 метров у женщин. Служебный биатлон предъявляет к организму экстремальные условия, пульс во время бега поднимается выше 180 ударов минуту, обширно задействована сердечно-сосудистая и дыхательная система. Максимальные нагрузки испытывает костно-мышечная система и опорно-двигательный аппарат. В то же время при такой интенсивной работе очень сложно выполнять действия с боевым оружием и вести прицельную стрельбу, которая важна в конечном результате. Стоит учесть, что служебный биатлон соединяет виды деятельности, которые имеют отрицательный перенос друг на друга (бег и стрельба).

Служебное двоеборье состоит из двух видов программ стрельбы: из боевого оружия (упражнение ПБ-8) и лыжной гонки (дистанция 15 км у мужчин и 5 км у женщин свободным стилем). Стрельба из боевого оружия сугубо прикладной вид деятельности, который не только помогает сотруднику эффективно владеть огнестрельным оружием, но и тренирует нервно-психический статус организма, в целом психологическую устойчивость сотрудника, и принятия верного решения в случае неординарных ситуаций, граничащих с потерей жизни и здоровья. Преодоление лыжной дистанции непростое дело, нужно не только иметь соответствующую физическую подготовку, но и обладать устойчивым навыком передвижения на лыжах. Несомненно, занятие лыжным спортом тренирует выносливость, делает организм сильным, способным преодолевать нагрузки динамического и монотонного характера, что способствует выработке воли и характера, укреплению здоровья. Стоит отметить, что стрельба из боевого оружия сама по себе является отдельным служебно-прикладным видом спорта[1].

В системе МВД проводят соревнования по преодолению полосы препятствий со стрельбой. Этот вид программы состоит из преодоления различных препятствий (брусья, забор, пеньки, яма, лабиринт, бум, завал, подвал), после которых выполняется пять выстрелов из пистолета по мишенной установке. Прохождение препятствий развивает ловкость, координацию, скоростно-силовую выносливость и подготавливает сотрудника к действиям схожим с погоней, задержанием

[1] Герасимов И.В., Алдошин А.В. Физическая подготовка и спорт как важнейшие элементы профессиональной готовности курсантов образовательных организаций системы МВД России // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6.

правонарушителей, а также оказании быстрой помощи гражданам в труднодоступных местах. Состояние организма сотрудника при стрельбе из пистолета после преодоления препятствий схожа с состоянием, возникающим во время стрельбы в служебном биатлоне. Но так как спортсмен затрачивает много сил, энергии при прохождении препятствий, а сама дистанция относительно скоротечна и происходит в очень высоком ритме (в среднем время на прохождение дистанции 1 минута 10 секунд – 1 минута 20 секунд) цена ошибки за промах очень высока (за одну несбитую мишень штраф 10 секунд) при большой плотности результатов – все это накладывает лишние раздражающие факторы при стрельбе из пистолета.

В системе МВД России с 2022 года проводятся соревнования по служебно-прикладному виду спорта (троеборье). В этот вид соревнований входят три дисциплины – стрельба из боевого ручного стрелкового оружия (упражнение ПБ-4), демонстрация техники боевых приемов борьбы, бег на 1000 метров. Демонстрация техники боевых приемов борьбы предполагает приемы, которые входят в перечень специальной физической подготовки сотрудников ОВД. Стоит полагать, что сотрудник, который занимается данным видом спорта, эффективно оттачивает мастерство боевых приемов борьбы на тренировочной и соревновательной деятельности в ситуациях, которые имеют определенную приближенность к реальным условиям служебной деятельности. Этот вид соревнований, по нашему мнению, очень интересен в плане развития у сотрудника комплексной подготовки, которые впоследствии приведут к эффективному исполнению им служебных обязанностей, так как в троеборье соединены три вида спорта, при которых максимально задействованы профессиональные качества, знания и навыки.

На основании изложенного можно сделать вывод, что занятия служебно-прикладными видами спорта выступают тем базисом, на котором можно совершенствовать жизненно важные профессиональные качества, знания и навыки сотрудника ОВД. Также занятия служебно-прикладным спортом способствуют поддержанию здоровья, развитию функциональных возможностей организма, психофизиологических функций, личностных свойств, профессиональной работоспособности, профилактике профессиональной деформации, профессиональных заболеваний и приводит к высокому качеству выполнения возложенных на него служебных обязанностей.

Бордачев А. Ю.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Особенности поведения сотрудника полиции МВД России в ситуации риска

Современная служебно-боевая деятельность сотрудника правоохранительных органов характеризуется резким повышением вероятности возникновения в ней ситуаций риска для его собственной жизни, чести и достоинства и угрозы жизни и достоинству членов его семьи.

Сотрудник полиции должен быть всегда готов дать отпор преступнику при выполнении своих служебных обязанностей. Но психологическая готовность сотрудника полиции в экстремальных ситуациях, сама по себе не появится. Чтобы быть постоянно в форме, необходимо приложить к этому максимум усилий. В нашем случае недостаточно профессиональной подготовки у сотрудников полиции. Здесь необходим комплексный подход к данной проблеме.

Самое главное в поведении сотрудника полиции в ситуации риска для жизни – это обеспечение своей личной безопасности при выполнении своих служебных обязанностей. Профессиональная подготовка сотрудника полиции в органах внутренних дел охватывает много вопросов, которые необходимы в повседневной жизни полицейского.

Также в ситуации риска для жизни сотрудник полиции должен быть психологически подготовлен к такому развитию ситуации. Но проблемы психологической подготовки рассматриваются поверхностно. Лица, проводящие занятия по профессиональной подготовке сотрудников полиции, либо не знают основ психологической подготовки, либо не владеют методиками обучения сотрудников способам саморегуляции, позволяющим успешно решать оперативно-служебные

задачи в условиях повышенного эмоционально-психологического состояния, вызванного деятельностью в опасных условиях.

Мы считаем, что психологическая и физическая подготовка сотрудников полиции, наряду с тактическими навыками и навыками обращения с огнестрельным оружием, составляют основные элементы так называемого «треугольника выживания». При этом мы делаем обоснованный вывод о том, что психологическая составляющая подготовки полицейского к несению службы в опасных условиях должна иметь основание этого треугольника, то есть иметь ключевое значение при профессиональной подготовке сотрудников[1].

Результатом неуверенного поведения сотрудника полиции в опасных ситуациях является получение травмы или ранение.

Если сотрудник полиции, не прошедший надлежащую профессиональную и психологическую подготовку, попадает в опасные ситуации, то самым основным критерием успешности его деятельности будет фактор везения. В то время как психологической подготовке, как одной из составляющих профессиональной подготовки, может уделяться лишь поверхностное внимание.

Обычно все сводится к тому, что проводится изучение возможных опасностей и формируется так называемая «воля к победе» в противостоянии с любым нападающим. Такие составляющие, как бдительность и целеустремленность, жизненно важны. Но чтобы максимально психологически подготовить себя к реагированию на опасность, необходимо полностью погрузиться в это направление.

Невозможно просто прочитать об эффективных на данный момент способах и ожидать, что это спасет жизнь через полгода или пять лет. После того как будут изучены и усвоены методы установления контроля над своим сознанием в опасных ситуациях, необходимо будет приступить к отработке специальных подготовительных упражнений, которые предусматривают применение таких методов.

Одно из упражнений, которое можно применить в совершенствовании своей психологической устойчивости – это применение визуализации опасных ситуаций в реальной жизни и анализ различных вариаций решения проблемы. Путем визуализации и тактически грамотного решения опасных событий сотрудник полиции уже будет психологически готов к различным ситуациям.

Регулярно повторяя простые в освоении и использовании идеомоторные упражнения можно существенно повысить уровень своей психологической готовности, подобно тому, как физические упражнения повышают уровень физических способностей.

Но это только в теории, а если сотрудник реально попал в ситуацию, в которой возникла угроза жизни и здоровью, необходимо сохранить хладнокровие и принять правильное решение. Под хладнокровием понимается способность человека принимать адекватные, объективно соответствующие действительности решения в напряженных стрессовых ситуациях. Действия должны быть быстрыми, а сотрудник должен полагаться на свои профессиональные навыки.

Однако просто пытаться усердно сохранять спокойствие в опасных ситуациях служебной деятельности недостаточно. Такой подход может оказаться контрпродуктивным, фактически аккумулируя в сотруднике тревожность и тем самым только затрудняя его деятельность.

В данном случае гораздо эффективнее использовать более сложную систему психологического самовосстановления, которую часто используют спортсмены-олимпийцы и профессиональные спортсмены для отработки своих выступлений в стрессовых ситуациях конкурентной борьбы. Чем лучше сотрудник подсознательно готов к этому, тем больше шансов выжить у него будет.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что поведение сотрудников полиции в ситуации риска для жизни должно быть адекватным к противодействию преступника. Огромную роль в принятии правильного решения зависит от психологической готовности сотрудника к действию в экстремальной ситуации. Постоянная тренировка в совершенствовании психологической подготовки обеспечит устойчивость сотрудника полиции в опасных ситуациях.

[1] Основы личной безопасности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие / В.А. Глубокий, О.А. Юсупова, В.А. Филиппович, А.Ю. Бордачев. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2017. 78 с.

Панов Е.В.,

кандидат педагогических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Развитие служебно-прикладных видов спорта в системе МВД России

Развитие служебно-прикладных видов спорта в системе МВД России не стоит на месте. Это подтверждается числом участников соревнований, количеством видов спорта и дисциплин, квалификацией спортсменов, принимающих участие в соревнованиях, а также включением Министерством спорта Российской Федерации в реестр военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта и получением идентификационного кода новых служебно-прикладных видов спорта.

Ежегодно среди сотрудников органов внутренних дел проводится Спартакиада Министерства внутренних дел Российской Федерации. Спартакиада среди образовательных организаций МВД России включает в себя пять чемпионатов по служебно-прикладным видам спорта: служебно-прикладной спорт в спортивной дисциплине «троеборье» и в спортивной дисциплине «полоса препятствий со стрельбой»[1], служебное двоеборье[2], стрельба из боевого ручного стрелкового оружия[3], служебный биатлон[4]. Спартакиада среди территориальных органов МВД России проводится еще дополнительно по служебному многоборью[5] и многоборью кинологов[6]. Рассмотрим служебно-прикладные виды спорта среди территориальных органов МВД России.

Так, из положительных моментов, касающихся развития служебно-прикладных видов спорта, можно выделить увеличение числа участников соревнований. В 2023 г. в Чемпионате МВД России среди образовательных организаций МВД России по служебно-прикладному спорту в спортивной дисциплине «троеборье» приняли участие 10 команд (55 человек, из них 12 женщины и 43 мужчины), а в 2024 г. участвовали 16 команд (80 человек, из них 18 женщин и 62 мужчины). В Чемпионате МВД России среди образовательных организаций МВД России по служебному двоеборью в 2023 г. приняли участие 12 команд (89 человек, из них 22 женщины и 67 мужчин), в 2024 г. – 11 команд (81 человек, из них 21 женщина и 60 мужчин). В Чемпионате МВД России среди образовательных организаций МВД России по служебно-прикладному спорту в спортивной дисциплине «полоса препятствий со стрельбой» в 2023 г. приняли участие 14 команд (58 человек), в 2024 г. – 16 команд (64 человека). В Чемпионате МВД России среди образовательных организаций МВД России по стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия в 2023 г. приняли участие 17 команд (85 человек, из них 17 женщин и 68 мужчин), в 2024 г. – 17 команд (85 человек, из них 17 женщин и 68 мужчин). В Чемпионате МВД России среди образовательных организаций МВД России по служебному биатлону в 2023 г. приняли участие 17 команд (117 человек, из них 33 женщины и 84 мужчины), в 2024 г. – 17 команд (127 человек, из них 32 женщины и 95 мужчин).

Таким образом, число участников в 2024 г., по сравнению с 2023 г., выросло: служебно-прикладной спорт в спортивной дисциплине «троеборье» – на 45,5%, по служебно-прикладному спорту в спортивной дисциплине «полоса препятствий со стрельбой» – на 10%, по служебному биатлону – на 8,5%. В Чемпионате по служебному двоеборью число участников незначительно уменьшилось – на 9%. В чемпионате по стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия число участников не изменилось, так как в нем и 2023 г., и в 2024 г. приняли участие все 17 образовательных орга-

[1] Правила служебно-прикладного вида спорта «служебно-прикладной спорт» : утв. приказом Минспорта России от 17.07.2024 № 683.

[2] Правила служебно-прикладного вида спорта «служебное двоеборье» : утв. приказом Минспорта России от 19.12.2022 № 1259.

[3] Правила служебно-прикладного вида спорта «стрельба из боевого ручного стрелкового оружия» : утв. приказом Минспорта России от 30.06.2017 № 609.

[4] Правила служебно-прикладного вида спорта «служебный биатлон» : утв. приказом Минспорта России от 19.12.2022 № 1258.

[5] Правила служебно-прикладного вида спорта «служебное многоборье» : утв. приказом Минспорта России от 28.01.2019 № 52.

[6] Правила служебно-прикладного вида спорта «многоборье кинологов» : утв. приказом Минспорта России от 06.05.2015 № 509.

низаций МВД России, соответственно, более 85 человек не смогли бы принять участие в данном чемпионате, так как состав команды 5 человек, участие в личном первенстве не допускается.

Следующим показателем развития служебно-прикладных видов спорта является квалификация спортсменов, принимающих участие в соревнованиях. Так, в последних чемпионатах МВД России по служебно-прикладным видам спорта приняли участие следующее количество спортсменов, имеющих спортивный разряд или звание не ниже кандидата КМС:

– служебное двоеборье – 26 человек (32,1 % от общего числа участников);

– служебный биатлон – 44 человека (34,7 % от общего числа участников);

– стрельба из боевого ручного стрелкового оружия – 56 человек (65,9 % от общего числа участников).

Таким образом, на каждом из чемпионатов по служебно-прикладным видам спорта выступает не менее 1/3 спортсменов, имеющих высокую спортивную квалификацию, а по стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия – не менее 2/3. Учитывая, что в соревнованиях в основном участвуют обучающиеся образовательных организаций МВД России, у них есть лишь 5 лет для участия в соревнованиях и выполнения спортивных разрядов и званий, это говорит о высоком уровне проводимых соревнований, большой конкуренции, и, соответственно, о развитии служебно-прикладных видов спорта в системе МВД России в целом.

В последней статистике не приведены данные по служебно-прикладному спорту в спортивной дисциплине «троеборье» и спортивной дисциплине «полоса препятствий со стрельбой». Это обусловлено тем, что лишь с 2023 года появилась возможность выполнять спортивные разряды и звания по служебно-прикладному спорту в спортивной дисциплине «троеборье», и с 2024 г. в спортивной дисциплине «полоса препятствий со стрельбой», что также является показателем развития служебно-прикладных видов спорта в системе МВД России.

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что развитие служебно-прикладных видов спорта в системе МВД России является важной составляющей в формировании образа сотрудника полиции, а проведение чемпионатов МВД России среди образовательных организаций МВД России дает возможность курсантам и слушателям физически развиваться, готовиться к дальнейшему выполнению служебных обязанностей, а также выполнять спортивные разряды и звания.

Секция
«ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ»

Невирко Д.Д.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Современное состояние института уведомления об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений

С момента принятия Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в Российской Федерации проведена огромная работа по правовому регулированию антикоррупционной деятельности. В настоящее время идет «тонкая настройка» отдельных институтов и антикоррупционных стандартов. Данная работа посвящена вопросу эффективности и дальнейшего совершенствования института уведомления об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, однако подходы, изложенные в ней, могут быть применены и при анализе практики применения иных антикоррупционных норм.

По состоянию на 30 августа 2024 года в Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, включены 4613 должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления (на момент подготовки обзора 1861 запись исключена из реестра, самая распространенная причина – истечение пятилетнего срока)[1]. При этом увольнение в связи с нарушением законодательства и подзаконных актов об уведомлениях об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений является одной из самых распространенных причин увольнения лиц, занимающих государственные и муниципальные должности.

Анализ практики территориальных органов МВД России в части рассмотрения Уведомлений (без учета ЦА МВД России, подразделений на транспорте и ФКУ)[2] приводит к выводу о его безусловной востребованности. Так, только за 9 месяцев 2024 года в территориальных органах и организациях МВД России были поданы 5016 подобных документов. В целом, как видно из диаграммы 1, начиная с 2020 года, наблюдается тенденция к увеличению количества уведомлений.

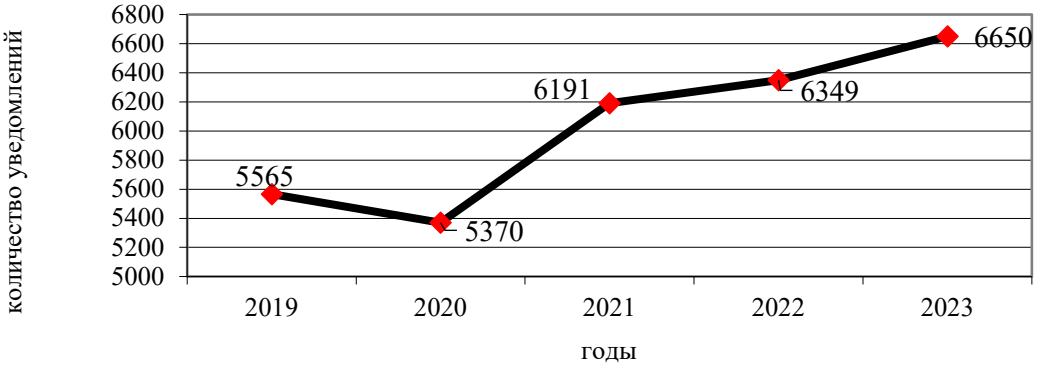

Диаграмма 1. Общее количество уведомлений о фактах обращений в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, поданных в системе МВД России

При этом представленный объем уведомлений распределяется крайне непропорционально. Количество уведомлений, поданных в территориальных органах МВД России, в различных субъектах Российской Федерации может отличаться в десятки раз. Отметим, что

[1] Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия. URL: https://gossluzhba.gov.ru/reestr (дата обращения: 30.08.2024).

[2] По результатам изучения формы Мониторинг-К.

рассматриваемый показатель никак не коррелирует с общим количеством служащих и состоянием коррупционной преступности в соответствующем субъекте. Например, в 2023 году в УМВД России по Тамбовской области были поданы 499 уведомлений при фактической численности служащих 6027 человек, а в УМВД России по Тверской области – 4 уведомления при фактической численности служащих 5242 человек. Показатель фактическая численность служащих/количество поданных уведомлений в данных двух субъектах различается в 109 раз! В отдельных территориальных органах данный показатель различается в 500 и более раз!

Анализ статистической отчетности за 2020-2024 гг. показывает, что подобная ситуация повторяется ежегодно.

Изучив практику работы с уведомлениями в отдельных субъектах, мы пришли к выводу, что основной причиной подобных расхождений является неоднозначное понимание законодательства. Нами были выявлены ряд случаев, когда по одним и тем же фактам в одних территориальных органах уведомление подается, в других нет.

Отметим, что выявлены и некоторые иные причины таких аномальных показателей:

1) активная деятельность контролирующих подразделений;

2) строгость решений, принятых по результатам проверок в отношении лиц, не подавших уведомления;

3) наличие резонансных случаев увольнения сотрудников органов внутренних дел, не выполнивших обязанность по подаче уведомления;

4) организация занятий по изучению антикоррупционных стандартов в рамках профессиональной служебной подготовки;

5) наличие системы премирования сотрудников, сообщивших о фактах обращений.

Приведенный перечень не отменяет того факта, что показатель фактическая численность служащих/количество поданных уведомлений зависит в первую очередь от того, каким образом осуществляется толкование положений законодательства, регламентирующего рассматриваемую сферу.

Довольно дискуссионным является вопрос об эффективности рассматриваемого института. Так, в качестве основных критериев эффективности предлагается рассматривать следующие показатели, касающиеся результатов рассмотрения уведомлений:

1) количество материалов, направленных в правоохранительные органы,

2) количество возбужденных уголовных дел,

3) количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Визуально динамика данных показателей представлена на диаграмме 2 (данные за 2024 не полные и охватывают период с января по сентябрь). Как видно из представленной диаграммы за последние пять лет рассматриваемые показатели (в относительном выражении) существенно не менялись от года к году.

Детальное изучение способов формирования представленных статистических данных приводит к выводу о неполной репрезентативности показателя «количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности», поэтому для анализа динамики эффективности возьмем только первые два критерия.

Анализируя вышеуказанные данные, приходим к выводу о том, что в относительном выражении доля уведомлений, по результатам которых материалы переданы в правоохранительные органы и возбуждены уголовные дела, неуклонно снижается на протяжении последних шести лет (диаграмма 3). В среднем эта доля составляет 40%. Выделены следующие основные причины отказов в передаче материалов проверки в правоохранительные органы и возбуждении уголовных дел, которые носят как объективный, так и субъективный характер:

1) действия гражданина не признаны обращением;

2) факт обращения не подтвердился (отсутствуют доказательства события);

3) отсутствует состав преступления (например, лицо не достигло возраста уголовной ответственности).

Представленная работа не претендует на полноценное решение описанных выше проблем, для решения которых необходим постоянный мониторинг и обобщение практики применения положений законодательства и подзаконных актов, регламентирующих рассматриваемый институт, обобщение данных и доведение информации до сотрудников и работников органов внутренних дел в рамках профессиональной служебной подготовки и повышения квалификации, что довольно успешно делается в настоящее время

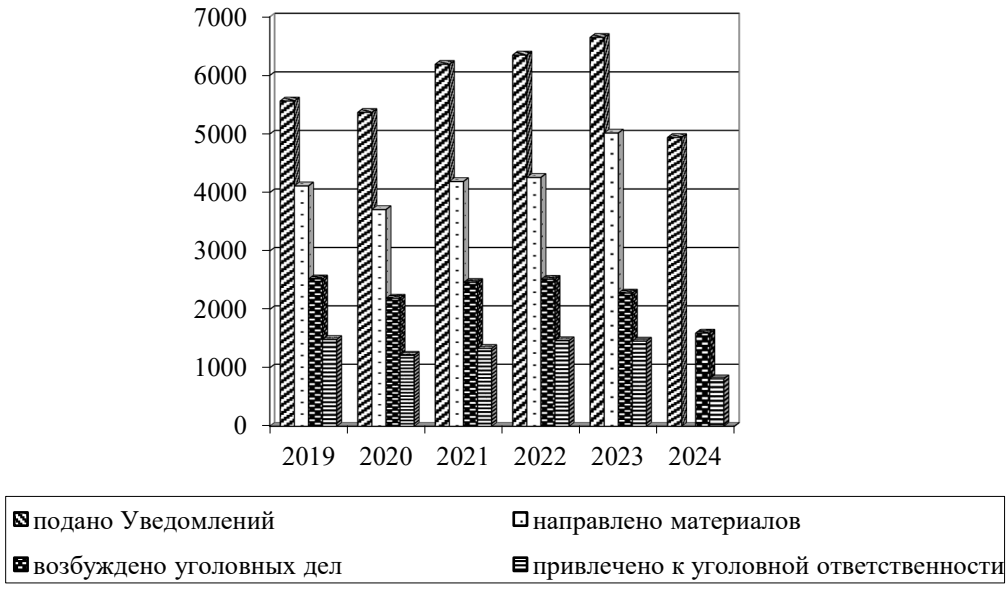

Диаграмма 2. Основные показатели эффективности института уведомлений

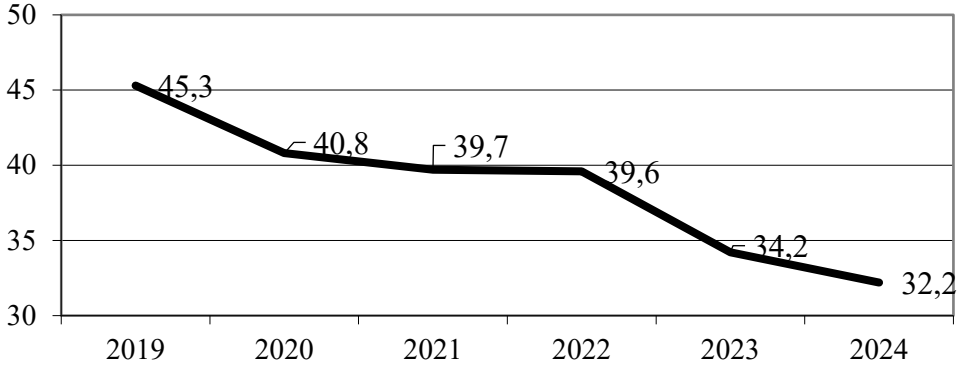

Диаграмма 3. Доля Уведомлений, по результатам рассмотрения которых возбуждены уголовные дела (%)

Черней А.И.

Управление МВД России по Магаданской области

Проблемные вопросы в практической деятельности органов внутренних дел при пресечении административных правонарушений, связанных с незаконным потреблением наркотиков водителями транспортных средств, в случае одновременного выявления признаков противоправных деяний по статьям 6.9 и 12.8 (12.26) КоАП РФ

В области безопасности дорожного движения, а также при привлечении к административной и уголовной ответственности, освидетельствование на состояние опьянения отнесено к важнейшим задачам и полученные итоговые результаты данных освидетельствований прямо влияют на вынесение решений специально уполномоченными органами с принятием мер государственного принуждения (воздействия), сопряженного с наступлением определенных правоограничений.

Не удивительно, что наряду с пресечением правонарушений, связанных с появлением в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность (ст. 20.21 КоАП РФ), значительное число освидетельствований осуществляется полицией в сфере управления автотранспортом (ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ, п. «а» ч. 2, п. «а» ч. 4, п. «а» ч. 6 ст. 264, ст. 264.1 УК РФ), часть из которых предсказуемо переходит в разряд медицинских.

Совершенствование отдельных положений законодательства, регламентирующего основания применения мер принуждения (ст. 27.12, 27.12.1 КоАП РФ), и впоследствии утвержденные порядки направления (правила проведения) медицинских освидетельствований (освидетельствований) можно условно разделить на 3 этапа:

1) первый связан с введением в действие с 1 июля 2002 г. КоАП РФ и появлением ст. 27.12 КоАП РФ(ранее действовала аналогичная по существу ст. 245 КоАП РСФСР «Отстранение от управления транспортным средством, освидетельствование на состояние опьянения, задержание транспортного средства»), установившей для водителей проведение медицинского освидетельствования на состояние опьянения;

2) второй этап начат со дня вступления в силу Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ, ознаменован появлением специальной (новой) процедуры освидетельствования водителей на состояние алкогольного опьянения с помощью технических средств измерения (алкотестеров) и разделением освидетельствований на «упрощенное» – первичное алкогольное и «трудозатратное» – медицинское (алкогольное, наркотическое или иное);

3) третий интервал продолжает формироваться с 2014 г. (после введения ст. 27.12.1 КоАП РФ) и является основой для проведения процессуального медицинского освидетельствования на состояние опьянения лиц, совершивших правонарушения и не являющихся водителями.

Именно третий этап привел к значимым переменам в порядке (правилах) проведения освидетельствований и неминуемо возникшим противоречиям в правоприменительной практике по делам об административных правонарушениях, связанных с немедицинским потреблением наркотиков водителями транспортных средств. Данная проблематика отчасти связана с тем, что ранее (до 2014 г.) оформленное в процессуальном порядке КоАП РФ медицинское освидетельствование осуществлялось только в отношении водителей (ст. 27.12 КоАП РФ), а более 10 лет назад возникла необходимость применения аналогичных по сути положений (ст. 27.12.1 КоАП РФ) ко всем иным физическим лицам с признаками опьянения, но не управляющих транспортными средствами.

То есть водители, относящиеся к физическим лицам, по существу, были выделены в отдельный «специальный субъект», что в связи с наличием на практике двойственной природы опьянений (алкогольного и наркотического, или любого иного) у одного и того же лица (водителя) и аналогичных по сущности положений о порядке проведения освидетельствования (направлении на медицинское освидетельствование) приводит к неразберихе и путанице. Такое положение дел способствует возникновению ошибок на практике и приводит к прекращению административного преследования лиц, пребывающих в состоянии наркотического опьянения либо потребивших наркотики.

В заключительном (третьем) этапе правоприменения стало возможным одновременное и параллельное существование двух принципиально различных институтов направления на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения: «новейшего процессуального» – ст. 27.12.1 КоАП РФ и «устаревшего внепроцессуального» – ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ. Однако на практике сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел и ФСКН России ранее активно применяли и продолжают применять сейчас «статью 44», которая с 25 мая 2014 г. (Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ) позволяет любому уполномоченному должностному лицу, в том числе и не оперуполномоченному, осуществляющему производство по делу об административном правонарушении, оформлять направление на освидетельствование на состояние наркотического опьянения минуя процессуальную стадию КоАП РФ – вынесение протокола о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения на основании ст. 27.12.1 КоАП РФ, что в случае получения в учреждении здравоохранения медицинского заключения «состояние опьянения не установлено» не потребует вынесения постановления о прекращении административного производства. У каждого из вышеприведенных институтов направления на медицинское освидетельствование есть свои плюсы и минусы, которые в силу особенностей выполнения служебных обязанностей в оперативных и неоперативных службах приводят к возникновению ошибок и недочетов при работе с заподозренными лицами.

Кроме того, данные обстоятельства привели (приводят) к вынесению диаметрально противоположенных решений в судах общей

юрисдикции и прекращению административных производств в связи с: нарушениями порядка проведения медицинского освидетельствования, недоказанностью составов по наркотическому опьянению, признанием части процессуальных (ст. 27.12 КоАП) и внепроцессуальных («статья 44») документов недопустимыми доказательствами в делах по ст. 6.9 КоАП РФ.

Сотрудники дорожно-патрульной службы при выявлении «неподведомственных» им составов нередко делают отсылки на отсутствие полномочий по документированию правонарушений (составлению протоколов по ст. 6.9 КоАП РФ или оформлению водителей в порядке ст. 27.12.1 КоАП РФ), не связанных с обеспечением безопасности дорожного движения, хотя это не так. На Госавтоинспекцию возлагается обязанность по осуществлению в соответствии с законодательством РФ административного производства. К сотрудникам полиции, уполномоченным составлять протоколы (с учетом осуществляемых им полномочий), относятся должности, которые включены в пункт 1 Перечня, утвержденного приказом МВД России от 30 августа 2017 г. № 685.

Таким образом, должностные лица Госавтоинспекции при осуществлении ими полномочий по федеральному государственному надзору в области безопасности дорожного движения вправе составлять любые протоколы об административных правонарушениях, перечисленные в п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, то есть и по ст. 6.9 КоАП РФ.

Описанные проблемные вопросы требуют совершенствования правоприменительной практики, а также изменения существующих механизмов применения мер обеспечения. Существующие проблемы правоприменения обосновывают необходимость внесения изменений в законодательство и в существующий порядок осуществления производства в МВД России по смежным статьям КоАП РФ (6.9, 12.8 (12.26)).

Обобщая изложенное, думается, что логичными будут следующие предложения по совершенствованию данной сферы правоотношений.

1. Осуществление медицинского освидетельствования на состояние опьянения как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях не должно быть зависимо от «специальных» субъектов правонарушения (водителей или иных субъектов) и соответствующих составов правонарушений (ст. 12.8, 6.9 КоАП РФ), вызвавших необходимость установления состояния опьянения, т.е. представляется возможным ст. 27.12, 27.12.1 КоАП РФ объединить в некую унифицированную (новую) статью КоАП РФ, которая определит единый порядок направления на освидетельствование.

2. С учетом многообразия признаков наркотического опьянения и наблюдающимся бурным развитием предварительной диагностики опьянения на основе скрининговых методов в практику Госавтоинспекции следует внедрять технические средства для определения наркотического опьянения путем проведения экспресс-тестов водителей на месте остановки транспортного средства, результаты которых будут являться основанием для направления водителя на медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

3. Принимая во внимание физическое отсутствие на дорогах сотрудников полиции «уполномоченных» (оперативников, участковых уполномоченных и иных) на составление протоколов по ст. 6.9 КоАП и направление водителей в порядке ст. 27.12.1 КоАП, а также наблюдаемую утрату принципа оперативности при документировании такого вида правонарушений из-за приоритета в оформлении водителей и составлении протоколов по «линии Госавтоинспекции» (ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ), представляется возможным приступить к изменению текущего правоприменения по ст. 6.9, 27.12.1 КоАП РФ должностными лицами, обеспечивающими безопасность дорожного движения.

4. Необходимо более широкое задействование на практике предоставленных пунктом 2 «статьи 44» полномочий для неоперативных подразделений полиции, в том числе и Госавтоинспекции, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях по ст. 6.9 КоАП РФ путем оформления «первичных» протоколов по главе 27 КоАП РФ (о доставлении; об административном задержании) и последующего «непроцессуального» направления (документ, направленный в медицинское учреждение и содержащий просьбу об освидетельствовании на установление состояния наркотического опьянения) на медицинское освидетельствование лиц (водителей), заподозренных в немедицинском потреблении наркотиков.

5. При направлении на медицинское освидетельствование лиц (водителей) с признаками наркотического опьянения или без таковых (в случаях, когда у заподозренного лица нет «нормативных» критериев опьянения), в ходе составления протоколов, предусмотренных ст. 27.12, 27.12.1 КоАП РФ, в качестве правового основания нужна обязательная ссылка на «статью 44» и п. 14 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции».

6. С целью расширения оснований для направления водителей на медицинское освидетельствование требует изменения утвержденная форма акта освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, в которую нужно внести критерии характерные для наркотического опьянения (например, возбужденное состояние, суетливое поведение, многословность не по существу, измененные зрачки, покрасневшие или мутные глаза и т.п.).

7. В целях обеспечения единообразия судебной практики и в связи с возникающими неясными вопросами правоприменения существует острая необходимость получить соответствующие разъяснения от Верховного Суда РФ по выявлению, документированию и порядку направления на медицинское освидетельствование водителей, заподозренных в немедицинском потреблении наркотических средств, путем дополнения соответствующих положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20.

Отмеченные проблемные вопросы непросты и многогранны, что, в свою очередь, требует совместного обсуждения и научного исследования с целью наведения порядка в этой обозначенной области правоотношений.

Будникова А.Б.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦ, УПРАВЛЯЮЩИХ МЕХАНИЧЕСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ, СХОЖИМИ С САМОХОДНОЙ ТЕХНИКОЙ

Повышение безопасности дорожного движения является одним из приоритетных направлений государственной политики и важным фактором обеспечения устойчивого социально-экономического и демографического развития страны[1]. К числу угроз безопасности дорожного движения Стратегией безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы отнесены несоответствие транспортных средств современным требованиям безопасности, а также отсутствие действенного организационно-правового механизма контроля технического состояния транспортных средств. Государственная регистрация и осуществляемый в ее процессе осмотр транспортных средств, в том числе самоходных машин, имеет колоссальное значение для обеспечения безопасности дорожного движения, поскольку подтверждает соответствие технического состояния транспортного средства установленным требованиям законодательства.

Вместе с тем в правоприменительной деятельности подразделений Госавтоинспекции МВД России нередки случаи выявления нарушений, когда лица передвигаются по дорогам общего пользования, управляя при этом механическими устройствами, схожими с самоходной техникой, но не имеющими паспортов транспортных средств и, как следствие, не состоящими на государственном учете.

Так, 3 августа 2022 г. в Красноярском крае на автодороге Красноярск-Енисейск произошло дорожно-транспортное происшествие, при котором водитель автомобиля допустил столкновение с мотоблоком, оборудованным прицепом. В результате ДТП два пассажира мотоблока, в том числе 10-летний ребенок, погибли, и трое получили различные телесные повреждения[2]. Вполне очевидно,

[1] Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы : распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 № 1-р.

[2] В Красноярском крае в ДТП с мотоблоком погибли два человека: новости ТАСС. URL: https://tass.ru/proisshestviya/15377491 (дата обращения: 10.01.2025).

что несоответствие конструкции мотоблока и прицепа установленным требованиям законодательства, отсутствие систем пассивной безопасности являлось одним из условий, повлекших столь тяжкие последствия для участников дорожного движения.

В связи с этим возникает вопрос о квалификации действий лиц, использующих механические устройства, схожие с самоходной техникой (мотоблоки, мотокультиваторы, снегоболотоходы и др.).

Статьей 15 Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 297-ФЗ «О самоходных машинах и других видах техники» установлены категории самоходных машин, на управление которыми предоставляется специальное право, в том числе категория AI – внедорожные мототранспортные средства, не предназначенные для движения по автомобильным дорогам общего пользования либо имеющие максимальную конструктивную скорость 50 километров в час и менее; категория F – самоходные сельскохозяйственные машины.

Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2019 г. № 25 «О классификации мотоблока (мотокультиватора) в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» установлено, что мотоблок (мотокультиватор) представляют собой самоходные сельскохозяйственные машины небольших размеров, которые имеют одну (ведущую) ось и двигатель внутреннего сгорания. Вместе с тем п. 1 ст. 1 Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 297-ФЗ «О самоходных машинах и других видах техники» предусмотрено, что под самоходными машинами применительно к данному федеральному закону будут пониматься в том числе сельскохозяйственные машины, имеющие двигатель внутреннего сгорания объемом свыше 50 кубических сантиметров или электродвигатель максимальной мощностью более 4 киловатт, на которые оформляются паспорта самоходных машин и других видов техники (электронные паспорта самоходных машин и других видов техники). Таким образом, лицо, использующее мотоблок (мотокультиватор), в том числе в качестве самоходного устройства при участии в дорожном движении, если объем двигателя мотоблока превышает 50 кубических сантиметров или мощность электродвигателя превышает 4 киловатта, является водителем транспортного средства (в контексте примечания к ст. 12.1 КоАП РФ), а, следовательно, обязано иметь удостоверение тракториста-машиниста (тракториста) или временное удостоверение на право управления самоходными машинами категории F. Данный вывод подтверждается судебной практикой[1], существующей в настоящее время, хотя ранее существовала практика привлечения к административной ответственности лиц, передвигающихся по дорогам общего пользования и управляющих самодельными устройствами на базе мотоблоков без установления технических характеристик таких устройств[2].

На основании изложенного, полагаем, что ключевыми аспектами в определении статуса лица, управляющего механическим устройством, схожим с самоходной техникой, выступает наличие технических характеристик устройства, соответствия этих характеристик категориям самоходных машин, закрепленных в Федеральном законе «О самоходных машинах и других видах техники», а также использование этого устройства в процессе движения по дорогам общего пользования, независимо от наименования и технической документации, имеющейся на данное устройство, что подтверждается сложившейся судебной практикой[3].

[1] Решения Вологодского областного суда от 25.10.2021 № 7-665/2021, Пермского краевого суда от 10.01.2024 № 72-2/2024, Челябинского областного суда от 22.11.2023 № 12-745/2023.

[2] Решения Свердловского областного суда от 20.10.2020 № 72-1018/2020, от 03.11.2020 № 72-1061/2020.

[3] Решения Верховного Суда Республики Мордовия от 22.01.2024 № 7.2-32/2023, Пермского краевого суда от 10.01.2024 № 72-2/2024.

Моляров Е.А.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Административно-правовые средства предупреждения, пресечения и документирования органами внутренних дел правонарушений, совершаемых на рынке алкоголя: актуальность исследования

В России потребление спиртных напитков часто связано с национальными традициями и обычаями. Пьянство и застолье с бокалом водки может восприниматься в обществе как проявление русского духа и гостеприимства. С другой стороны, алкоголь является одной из основных причин проблем общественного здоровья в России.

В соответствии с официальной статистикой, представленной в итоговом докладе о результатах деятельности Росалкогольтабакконтроля, в 2023 г. объем производства алкогольной продукции, зафиксированный в Единой государственной автоматизированной информационной системе учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, составил 1015,4 млн дал, что на 0,4% выше, чем в 2022 г. Объем розничной продажи маркируемой алкогольной продукции в 2023 г. составил 237,0 млн дал, это на 4,6% выше, чем в 2022 г.[1]

Увеличение объема продаж алкогольной продукции провоцирует рост массового распространения алкогольных зависимостей, ухудшение здоровья населения и преждевременную смертность. Так, в тексте Концепции сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации на период до 2030 года и дальнейшую перспективу, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2023 г. №3547-р, отмечено, что «в России бремя преждевременной смертности, связанной с алкоголем, особенно высоко»[2]. Таким образом, на уровне Правительства РФ достаточно серьезно оценивается угроза, возникающая в результате употребления россиянами алкогольной продукции. Помимо сказанного злоупотребление алкоголем в обществе несет в себе разрушительную силу для общественной нравственности, экономики страны, благосостояния общества, а также приводит к совершению различных видов правонарушений, в том числе преступлений. Согласно представленной МВД России статистике, в нашей стране в 2023 г. в состоянии алкогольного опьянения было совершено практически каждое четвертое преступление (22,4%)[3].

Одной из причин распространения алкогольных зависимостей, отравлений, повлекших тяжкий вред здоровью, преждевременной смертности, является допущение правонарушений на рынке алкоголя, к которым прежде всего относятся: розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции (ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ); производство или оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии (ч. 3 ст. 14.17 КоАП РФ); незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции физическими лицами (ст. 14.17.1 КоАП РФ) и другие. Последствия от таких правонарушений могут быть весьма плачевными. Например, в 2016 г. в Иркутске в результате употребления спиртосодержащей жидкости «Боярышник» погибли 76 человек, всего 123 пострадавших[4]. В 2021 г. массовое отравление алкоголем произошло в Екатеринбурге, 51 человек отравилось, из них 44 скончалось[5]. Это далеко не единственные случаи массового отравления.

[1] Итоговый доклад о результатах деятельности Федеральной службы по контролю за алкогольным и табачным рынками в 2023 году // Официальный сайт Федеральной службы по контролю за алкогольным и табачным рынками. URL: https://fsrar.gov.ru/files/30953_ид%20сайт%20(25.04.2024).pdf (дата обращения: 11.12.2024).

2 Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации на период до 2030 года и дальнейшую перспективу : распоряжение Правительства РФ от 11.12.2023 № 3547-р.

[3] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://media.mvd.ru/files/application/5095078 (дата обращения: 11.12.2024).

[4] Последний пациент из отравившихся «Боярышником» пошел на поправку // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20170113/1485624389.html (дата обращения: 11.12.2024).

[5] В Екатеринбурге осуждены продавцы контрафактного алкоголя, от которого погибли 44 человека // Kommersant.ru. URL: https://www.kommersant.ru/ doc/6147958?ysclid=m4im9m6dr3961464338 (дата обращения: 11.12.2024).

Приведенные обстоятельства обуславливают необходимость уделения пристального внимания выявлению, пресечению и документированию вышеуказанных правонарушений правоохранительными органами. Анализ практической деятельности ОВД показывает, что сотрудники полиции сталкиваются с многочисленными проблемами в ходе противодействия правонарушениям на рынке алкоголя. Связано это в первую очередь с оказанием активного противодействия правоохранительным органам со стороны лиц, допускающих административные правонарушения на рынке алкоголя, которые нередко тесно сплетены с организованной преступностью, располагающей большими финансовыми, информационными и интеллектуальными ресурсами. Недобросовестные участники рынка алкоголя известны своим изощренным подходом к вопросу о способе незаконной реализации алкоголя, который бы затруднил документирование их противоправных действий. Так, в настоящее время затруднение вызывает документирование правонарушения, выражающиеся в розничной торговле алкогольной продукции под видом чистящего средства или в розничной продаже алкогольной продукции в ночное время, замаскированной под дарение за покупку какого-либо недорогого аксессуара. Еще к одному способу противодействия правоохранительным органам следует отнести аренду земли, принадлежащей собственникам многоквартирных домов (а не находящуюся в муниципальной собственности) для размещения павильона и незаконной продажи в нем алкогольной продукции. В настоящее время в правоохранительных органах не налажен действенный механизм расторжения подобных договоров аренды и, соответственно, пресечения рассматриваемых правонарушений.

Приведенные обстоятельства обуславливают необходимость поиска путей повышения эффективности противодействия органами внутренних дел правонарушениям на рынке алкоголя административно-правовыми средствами, под которыми мы понимаем действия и (или) мероприятия, предусмотренные административным законодательством и направленные на достижение социально полезного результата, в частности, на снижение количества соответствующих правонарушений, а также устранение причин и условий их совершения. Обратим внимание, что административно-правовые средства противодействия правонарушениям нами условно разделяются на применяемые для: 1) предупреждения правонарушений; 2) пресечения правонарушений; 3) документирования правонарушений.

Крупин В.А.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Особенности тактики действий сотрудников полиции при реагировании на сообщения о семейно-бытовых конфликтах

Одним из ключевых направлений Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на срок до 2025 года является важность семьи как основы российского общества, а также профилактика и предупреждение семейного неблагополучия, семейно-бытовых конфликтов.

Статистика показывает, что большое количество бытовых конфликтов перерастает в преступления. Только с января по сентябрь 2024 г. в Красноярском крае были зарегистрированы 862 преступления на бытовой почве, где в результате семейно-бытовых конфликтов пострадали 531 женщина и 48 несовершеннолетних[1]. Зачастую реагирование на данные преступления осуществляются участковыми уполномоченными и нарядами патрульно-постовой службы полиции.

Необходимо отметить, что условия служебной деятельности данных подразделений предъявляют высокие требования к профессиональной подготовленности и личностным качествам сотрудников ОВД, участвующих в разрешении семейно-бытовых конфликтов. В тоже время ряд сотрудников полиции недолжным образом относятся к обеспечению личной безопасности, в результате чего дебоширы, скандалисты совершают нападения и причиняют ранения, увечья полицейским. «Треть всех нападений на сотрудников

[1] URL: http://10.5.0.15/csi/modules.ph (дата обращения: 24.01.2025).

полиции происходит при реагировании на сообщения о бытовых конфликтах. Почти каждый пятый сотрудник полиции погибает при подобных обстоятельствах, что говорит об особой опасности таких случаев для правоохранительной деятельности»[1].

Семейно-бытовые конфликты всегда сопровождаются ярко выраженными негативными эмоциями и стрессом для их участников. Стороны конфликта из-за этого не видят мирного способа разрешения противоречий и конфликта. Зачастую сторонами конфликта являются лица в состоянии алкогольного опьянения, которые ранее совершали преступления, имели судимость или состояли на профилактическом учете. Импульсивное поведение участников конфликта, нестабильность их психики, недоверие и другие симптомы стрессовой жизненной ситуации ставят полицейского в опасное положение.

В связи с чем необходимо рассмотреть основные тактические моменты при реагировании сотрудников полиции на сообщения о семейно-бытовом конфликте.

Так, по пути следования к месту происшествия необходимо:

– экипироваться средствами индивидуальной бронезащиты;

– уточнить информацию у дежурного о наличии в данном адресе зарегистрированного оружия;

– воспроизвести обстановку, если ранее там уже приходилось бывать, вспомнить расположение квартир на лестничной площадке, планировку помещений внутри, возможные опасные зоны;

– распределить роли между полицейскими. Один из сотрудников полиции должен устанавливать контакт с конфликтующими сторонами и вести разговор, беседу. Второй полицейский должен выступать в роли прикрытия, контролировать потенциально опасные направления;

– обсудить предварительный план действий.

При подъезде к месту инцидента в целях обеспечения личной безопасности полицейским необходимо следовать следующим правилам:

– подъезжать тихо, не включать сигнальные устройства;

– оставить служебный автомобиль за несколько метров от двери дома (подъезда);

– полицейские должны двигаться рассредоточено, не создавая скученности;

– уделять повышенное внимание оконным проемам, в том числе расположенным на верхних этажах;

– не стоять перед дверью, в которую постучали, находиться либо слева, либо справа от дверных проемов;

– не входить в помещение, не осмотрев «слепые» зоны, даже если кто-то внутри пригласил войти.

Независимо от того, какое впечатление сложилось в воображении полицейского о ситуации на месте происшествия, всегда необходимо готовиться к действиям в условиях риска. Информация о незначительности происшествия может быть неточной либо неверно воспринятой оперативным дежурным при поступлении сообщения. Кроме того, ситуация может кардинально измениться с момента сообщения о правонарушении до момента прибытия полиции на место. Либо сам факт прибытия полиции на место может повлиять на изменение обстановки.

В идеале работа по пресечению семейно-бытовых конфликтов должна осуществляться с учетом следующих моментов: юридическая квалификация правонарушения и уровень непосредственной угрозы для окружающих, начальный план действий, безопасное проникновение в зону конфликта, местоположение участников конфликта, действия по воздействию на стороны конфликта, уточнение причин конфликта, выбор и реализация действий по пресечению, безопасный отход с места происшествия, оценка проделанной работы.

Основными задачами при разрешении семейно-бытовых конфликтов являются:

1) контроль оперативной обстановки на месте семейно-бытового конфликта;

2) отделение участников конфликта друг от друга в целях прекращения непосредственного их взаимодействия и контакта;

3) выявление оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия и ограничение доступа к ним конфликтующим.

[1] Обеспечение личной безопасности сотрудников полиции при осуществлении деятельности по предупреждению и пресечению совершения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений : отчет о НИР / А.В. Афанасьев и др. ; Дальневосточный институт МВД России. URL: http://172.27.35.100/niokr/2020/dv/DV_5735.pdf (дата обращения: 24.01.2025).

Действия сотрудника полиции по разрешению конфликта не должны быть эмоциональными или импульсивными. Сотрудникам полиции необходимо привлечь к себе внимание, чтобы воздействие на участников конфликта по его разрешению было эффективным. Несмотря на присутствие полиции, семейный конфликт может продолжаться. Следует своими действиями прервать конфликтующие стороны и привлечь их внимание к себе. Можно использовать для этого свисток либо несколько раз выключить и включить свет в помещении, либо громко уронить какой-либо массивный предмет и т.п. Цель в данном случае – установление мгновенного зрительного контакта с участниками с последующим их разобщением[1].

Следует понимать, что оперативная обстановка может осложниться в любой момент, в частности, в квартире или доме может находиться больше людей, чем ожидалось, или они могут внезапно появиться на месте происшествия, чтобы вмешаться в деятельность полиции, или участники семейно-бытового конфликта могут быть вооружены. В таком случае более безопасным будет отступить в безопасное место и вызвать подкрепление.

Одна из сторон конфликта может попробовать навести так называемый свой «порядок» на месте происшествия и попытаться привлечь для его поддержания сотрудников полиции. Это означает, что полицейские теряют инициативу и контроль над ситуацией. Этого допускать не рекомендуется. Если конфликт перешел в стадию физического контакта (драка), и присутствие полиции не произвело сдерживающего эффекта, то следует применять физическую силу и специальные средства, руководствуясь ст. 19, 20 и 21 ФЗ «О полиции». Физическое нападение часто начинается с того, что сторонам конфликта с молчаливого согласия полицейских позволяется продолжать словесно оскорблять друг друга после их разделения. Также если позволить кому-либо оскорбительно высказаться в адрес полиции или толкнуть полицейского и никак на это не отреагировать, то следующим логическим шагом будет применение насилия к сотруднику полиции. Гасить конфликт и снижать агрессию сторон лучше незаметно, чтобы агрессор не осознавал, что сотрудник полиции умышленно манипулирует им.

В семейно-бытовом конфликте обычно участвую две стороны – два гражданина. Нельзя сосредотачивать внимание лишь на самом агрессивном участнике, так как угроза может исходить от каждой из сторон равнозначно.

В целях личной безопасности не следует стоять в углах, между мебелью или в дверном проеме. Надо постараться встать так, чтобы можно было быстро покинуть помещение. Кроме соблюдения безопасной дистанции во время опроса гражданина также рекомендуется стоять вполоборота. Полицейским следует контролировать свое расположение относительно друг друга, чтобы в случае внезапного нападения не оказаться на линии огня своего напарника.

Помимо осмотра окружающей обстановки сотрудники полиции постоянно должны искать признаки наличия оружия у любого лица, присутствующего на месте происшествия. В этих целях можно попросить лицо, у которого по внешним признакам может находиться оружие (оттопыренные карманы, выпуклости на одежде и т.д.), вывернуть карман, приподнять рубашку либо натянуть на себе одежду так, чтобы силуэт предмета четко был обозначен через одежду.

Необходимо помнить, что снижение агрессивности в действиях участников конфликта не является индикатором его прекращения. В любой момент конфликт может вспыхнуть вновь. При этом объектом нападения может легко стать сотрудник полиции. Необходимо всегда быть к этому готовым.

Для того чтобы предотвратить возможный конфликт или недопонимание между полицией и гражданами, следует разъяснить задерживаемому и пострадавшему суть происходящих событий со ссылкой на действующее законодательство РФ.

Таким образом, имеется необходимость постоянного совершенствования тактики действий сотрудников, обеспечивающих их личную безопасность, при реагировании на сообщения о семейно-бытовых конфликтах.

[1] Обеспечение личной безопасности сотрудников полиции при реагировании на сообщения о семейно-бытовых конфликтах : методические рекомендации / Н.Н. Нагорный, А.Е. Бельский, А.Ю. Бордачев, В.А. Крупин. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2023. 49 с.

Куцкель М.В.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Деятельность полиции по выявлению административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков

Вопросы выявления отдельных административных правонарушений играют важную роль в современной правоприменительной практике. Зачастую от квалифицированных действий сотрудников полиции на данном этапе зависит правильность квалификации и в целом возможность привлечения к административной ответственности виновных лиц.

Учитывая значительный интерес научного сообщества к вопросам выявления отдельных административных правонарушений, в том числе к вопросам тактики и методов их обнаружения[1], выглядит не в полной мере обоснованным отсутствие единого подхода к определению данной профессиональной деятельности сотрудников полиции. Не содержит указанного определения и современное административное законодательство. Тем не менее в научной литературе предпринимаются попытки выделить отличительные особенности этого понятия. М.Н. Ситкина, ориентируясь на сферу незаконного оборота наркотиков, рассматривает выявление административных правонарушений как их обнаружение и юридическую фиксацию в процессе надзора[2]. Хотя данное определение отражает суть процесса, оно требует уточнений и дополнений для более полного охвата всех аспектов выявления правонарушений в данной сфере.

Выявление фактов незаконного оборота наркотиков имеет особенности. Например, даже если лицо, совершившее правонарушение, задержано сотрудниками полиции, юридическая квалификация деяния остается неясной вплоть до получения результатов исследования изъятого вещества. Это создает несколько возможных ситуаций: либо выявлено административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.8 КоАП РФ, либо преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ. Не исключением является и квалификация подобных деяний по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, ввиду возможности хранения наркотического средства в размерах менее значительного с целью его последующего сбыта. Первоначальная фиксация правонарушения осуществляется в соответствии с УПК РФ, что указывает на отсутствие одномоментного выявления и фиксации административного правонарушения[3]. Указанное позволяет говорить, что процесс выявления правонарушений, предусмотренных ст. 6.8 КоАП РФ, требует особого подхода и внимательного анализа обстоятельств их совершения.

Как известно, полицейская деятельность, связанная с выявлением административных правонарушений, не включается в производство по делам об административных правонарушениях, при этом вопрос о юридической силе собранных при этом доказательств не возникает вовсе, что уже отмечали отдельные ученые-административисты[4]. Юридическая фиксация и сбор доказательств объединены в административном законодательстве стадией возбуждения дела об административном правонарушении. Таким образом, определение

[1] Антонова С.Г. Выявление участковым уполномоченным полиции правонарушений, связанных с нарушением правил пребывания беженцами // Актуальные проблемы науки и практики : сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий, Хабаровск, 23 июня 2022 года. Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2022. С. 307-311; Информационно-техническое обеспечение выявления и пресечения правонарушений, совершаемых при таможенном транзите товаров // Зеленый коридор. Наука и образование в таможенном деле. 2017. № 2(2). С. 25-27; Сычев М.Е. Алгоритмизация действий сотрудников полиции при выявлении административных правонарушений, связанных с распитием алкогольной продукции в общественных местах // Дневник науки. 2019. № 10(34). С. 32.

[2] Ситкина М.Н. Выявление и пресечение органами внутренних дел (милицией) административных правонарушений в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ : дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2006. С. 103.

[3] Рожкова Э.В. Административная ответственность за правонарушения в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 146.

[4] Цуканов Н.Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел : монография / научн. ред. Ю.П. Соловей. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2012. С. 128.

выявления административного правонарушения, предложенное М.Н. Ситкиной, оказывается на границе между непроцессуальной и процессуальной деятельностью, что подчеркивает сложность и многогранность данного процесса[1].

Заслуживает внимания и исследование В.А. Лохбаума, который изучал вопросы выявления административных правонарушений в области дорожного движения. Автор отмечает, что данная деятельность подразумевает не только обнаружение признаков соответствующих правонарушений, но также их юридическую фиксацию (документирование). Несмотря на то что юридическая фиксация (документирование) признаков административного правонарушения есть действие, соотносящееся с фактическим обнаружением признаков правонарушения[2], видится спорным соотнесение по указанному признаку выявление правонарушений со стадией возбуждения дела.

Помимо этого, отметим, что авторское определение М.Н. Ситкиной основывается на деятельности сотрудников милиции общественной безопасности, что сужает круг субъектов, способных выявить данные противоправные деяния. Важным является и то, что в сфере незаконного оборота наркотиков существует высокий уровень латентности, затрудняющий выявление указанных правонарушений. Например, факты незаконного оборота могут быть обнаружены при производстве по другим делам об административных правонарушениях, осуществлении обхода административного участка участковым уполномоченным полиции. К примеру, хранение З.А.В. наркотического средства – маковая солома весом 0,2 грамма было выявлено при производстве обыска у нее в доме на веранде в рамках расследования уголовного дела, связанного с кражей молодняка крупнорогатого скота с фермы ее мужем[3]. Аналогичная ситуация возникала при производстве обыска в жилище у гражданки К.В.М., в кухне которой обнаружено наркосодержащее средство – маковая солома массой 2,1305 г. Основанием проведения следственного действия являлось расследование уголовного дела по факту кражи часов и документов у гражданки ФИО4. Обыск разрешен постановлением судьи Исетского районного суда[4].

Иным образом было выявлено административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 6.8 КоАП РФ, совершенное гражданином С.Д.А. В частности, «его остановили сотрудники ГИБДД за нарушение административного правонарушения в области дорожного движения. Вспомнив, что при нем имеется наркотическое средство, испугавшись ответственности за его хранение, решил от него избавиться, но данные действия были пресечены сотрудниками полиции»[5].

При этом на выявление незаконного оборота наркотиков направлена деятельность специализированных подразделений полиции – подразделения по контролю за оборотом наркотиков. Разнообразие правоприменительных ситуаций, связанных с возможным обнаружением признаков данных правонарушений, подчеркивает необходимость комплексного подхода к вопросам выявления.

Таким образом, анализ правоприменительной практики и научных исследований позволяет характеризовать выявление административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.8 КоАП РФ, как совокупность поисково-проверочных действий, выполняемых сотрудниками органов внутренних дел при осуществлении полицейской деятельности и направленных на обнаружение лиц, совершивших либо совершающих незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку без цели сбыта наркотических средств и (или) психотропных веществ в размерах, не подпадающих под действие уголовного законодательства.

[1] Подр.: Куцкель М.В. К вопросу о выявлении органами внутренних дел административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.8 КоАП РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2(43).

[2] Лохбаум В.А. Выявление административных правонарушений при осуществлении федерального государственного надзора в области дорожного движения // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. 2019. № 3. С. 101.

[3] Постановление Колыванского районного суда Новосибирской области от 22.01.2020 № 5-6/2020. URL: https://судебныерешения.рф/47756148/extended.

[4] Постановление Исетского районного суда Тюменской области от 26.11.2018 № 5-105/2018. URL: https://судебныерешения.рф/37642096/extended.

[5] Постановление Советского районного суда г. Рязань от 11.02.2020 № 5-64/2020. URL: https://судебныерешения.рф/47935858/extended.

Савотченко С.Е.,

доктор физико-математических наук, доцент
Российский государственный геолого-разведочный университет им. Серго Орджоникидзе (г. Москва)

Акапьев В.Л.,

кандидат педагогических наук
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Проблемы и перспективы статистического анализа данных в правоохранительной деятельности

Вся полифункциональная деятельность сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) связана с получением и использованием информации, необходимой для выполнения возложенных на правоохранительные органы обязанностей. Полученные в результате оперативной работы сведения формируют общую систему информационного обеспечения ОВД, которая является базисом в профилактическом, криминалистическом, оперативном и иных направлениях их функционирования[1]. В связи с этим в ходе своей профессиональной деятельности сотрудникам ОВД приходится сталкиваться с проблемами обработки больших массивов информации, включающих, в частности, статистические данные.

Статистические данные являются неотъемлемой частью информационного пространства, так как они отражают все сферы жизни общества: экономику, социологию, медицинскую сферу, миграционную политику, криминогенную обстановку и иные. Их совокупность имеет широкий спектр применения, поскольку законы статистики во многом определяют эффективность функционирования любого предприятия, учреждения или государственного органа. Анализ статистических данных позволяет в дальнейшем осуществлять функции прогнозирования, проектирования векторов деятельности, способствует достижению намеченных целей и решению поставленных задач.

В данной работе рассмотрены некоторые проблемы реализации технологий анализа статистических данных, используемых в ОВД, и намечены пути их преодоления.

Централизованное информационное обеспечение подразделений МВД России, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления, компетентных органов иных государств статистическими сведениями осуществляет Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГИАЦ МВД России). Статистическое обеспечение сотрудников ОВД на региональном уровне, построенное по технологии запросов, опирается на систему региональных информационных центров (ИЦ).

Результаты статистического анализа криминогенной обстановки могут быть использованы в управленческих целях для оценки эффективности правоохранительной деятельности подразделений ОВД, уровня взаимодействия государственных структур в целях обеспечения правопорядка, разработанных форм и методов раскрытия преступлений и административных правонарушений, создания системы профилактики и предупреждения противоправных действий.

Надлежащее изучение и проверка полноты и достоверности сведений документов первичного учета, которые являются основой для формирования системы агрегированных показателей, составляющих единую государственную статистическую отчетность, позволяет анализировать фактическое состояние преступности и раскрываемости преступлений, оценить эффективность деятельности правоохранительных органов, своевременно принимать меры координационного и превентивного характеров.

В общем виде информационно-аналитическое обеспечение, базирующееся на автоматизированной обработке статистических данных, выстроено на основе реализации математических моделей исследуемого объек-

[1] Третьяков Л.В., Шамсутдинова Р.З. Перспективы внедрения современных информационных технологий в деятельность полиции // Правотворчество и правоприменение: вопросы теории и практики : сборник научных статей по результатам научно-исследовательского семинара / под общ. ред. К.Г. Дедюхина ; Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Ижевский институт (филиал). Ижевск, 2020. С. 178-185.

та, а полученные результаты в дальнейшем используются в управленческой деятельности ОВД[1].

Процесс анализа условно можно разделить на следующие этапы:

– постановочный – на данном этапе происходит подбор исследуемого объекта;

– априорный – на данном этапе происходит изучение особенностей исследуемого объекта, его характеристик, процессов взаимодействия;

– информационный – на данном этапе формируется выбранная статистическая информация, характеризующая отобранные элементы;

– идентификации модели – в процессе реализации указанного этапа проводится анализ качества модели статистическими методами и оценка параметров;

верификация модели – осуществление необходимых корректировок.

Реализация вышеуказанных этапов на сегодняшний день не представляет какой-либо сложности, поскольку проведение математической обработки статистических данных, создание таблиц и построение графиков возможно с использованием стандартных офисных приложений (электронные таблицы и текстовые процессоры) даже без использования специализированных программ и инструментов (Minitab, StatSoft, COMSOL и др.), что в значительной степени облегчает работу в указанном направлении.

Типовая процедура исследования состоит из следующих элементов:

Поиск объекта осуществляется в информационных ресурсах системы МВД России, а также других государственных учреждений (Росстат, МФЦ, Налоговая служба и др.).

Определение объекта по направлению внешней среды (социальный, экономический, правовой, культурно-исторический), то есть выделения его в отдельные группы.

Формирование предположений о статистической зависимости заключается в подборе функции, наилучшим образом описывающих развитие процесса или явления. Функции могут быть отобраны по направлению действия связи (прямые и обратные), а также по аналитическому выражению (линейная зависимость, степенная, логарифмическая, экспоненциальная и др.)[2].

Расчет структурных показателей исследуемого объекта.

Рассматривая основу нормативного правового регулирования защиты статистических данных ОВД, следует отметить его объект – общественные отношения между судебными органами, правоохранительными организациями, предприятиями, учреждениями и должностными лицами, взявшими на себя обязательство по защите информации согласно действующему законодательству.

Статистические данные содержат огромный массив информации, способствующий в значительной мере эффективному расследованию, раскрытию, выявлению, предупреждению, пресечению преступлений органами внутренних дел. Следовательно, при защите статистических данных ОВД необходимо уделять пристальное внимание разработке на государственном уровне правового механизма, направленного на противодействие и нейтрализацию угроз интересам как правоохранительных структур, так и государству в целом.

Несмотря на то что статистической обработке данных в современных информационных системах ОВД уделяется значительное внимание, и информационные массивы МВД России характеризуются беспрецедентными объемами, все же необходимо отметить ряд проблем, имеющих место в функционировании механизма правовой статистики.

Некоторые из них имеют исторические корни, связанные с особенностями регистрации преступлений в советский период, когда основным показателем эффективности работы милиции был процент раскрываемости преступлений, который достигал 90-95%. При этом не принималось во внимание то обстоятельство, что эффективность работы милиции не только напрямую зависит от успешности ее работы по раскрытию преступлений, но и от экономической, социальной, духовной и иных составляющих, характеризующих процессы, происходящие в стране, что крайне отрицательно сказалось на значительных расхождениях между реальной криминогенной обстановкой и ее статистической моделью.

[1] Сухов А.В., Конюшев В.В. Разработка моделей оперативно-служебной деятельности цифровой полиции в информационном пространстве // Правовая информатика. 2022. № 4. С. 49-58.

[2] Забрянский Г.И. Построение модели системы статистико-криминологических показателей преступности // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 3 (38). С. 54-60.

Данный исторический пример подтолкнул систему МВД России к разработке новых регламентирующих документов, отказывающихся от советской системы статистической оценки эффективности правоохранительной деятельности. С 2006 года внедряется система единого учета преступлений, в основу которой заложен принцип регистрации каждого сообщения, происшествия, преступления, обращения, заявления и принятия мер реагирования со стороны сотрудников полиции.

К сожалению, принятые меры, несмотря на все старания Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России, не решили указанной проблемы, так как новая система привела к тому, что оценка деятельности полиции теперь выстраивается на количестве зарегистрированных материалов, раскрытых преступлениях и введении бальной системы оценивания не отдельного подразделения (службы) ОВД, а всего территориального органа.

Другой проблемой является латентность преступности из-за чего преступления, официально не зарегистрированные в подразделениях полиции, не находят отражения в статистической отчетности ОВД. Причины латентности крайне разнообразны и обусловлены существенными факторами. Например, при совершении преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности далеко не все потерпевшие стремятся сообщить в полицию о случившемся, так как боятся либо огласки, либо угроз со стороны преступника.

Когда речь заходит о конкретных видах и формах статистической обработки данных в ОВД, следует отметить: несовершенство используемого программного обеспечения, масштабное использование иностранных программных продуктов и отсутствие мотивации перехода на отечественный софт; недостаточный уровень технической оснащенности подразделений и служб ОВД; слабо развитую ведомственную телекоммуникационную сеть и дублирование статистических показателей, что приводит к перегрузке каналов связи.

Нельзя не отметить человеческий фактор, связанный с внесением в первичные документы учета недостоверных сведений по причине невнимательности или попытки улучшить показатели работы. Также необходимо признать крайне неудовлетворительным уровень обеспечения информационной безопасности автоматизированных систем от внешний и внутренних мешающих факторов.

С целью устранения указанных проблем в рамках министерства было принято решение о разработке и внедрении автоматизированных информационных систем (АИС) для сбора и обработки учетной и статистической информации. В результате АИС стали ключевым элементом реализации доктрины формирования единого информационного пространства системы МВД России, однако сохраняются некоторые организационные и технические проблемы, требующие незамедлительного устранения.

К организационным можно отнести следующие:

– отсутствие механизма, отвечающего современным требованиям, по формированию информационно-технологической компетентности сотрудников ОВД. Какими бы совершенными не были АИС, пользователи должны обладать необходимыми навыками и умениями в их эксплуатации, иначе использование информационного ресурса не даст никакого результата даже при наличии требуемых массивов информации;

– несвоевременное внесение изменений в локальные документы, регламентирующие элементы статистической обработки на низовом уровне, и запаздывание с созданием новых алгоритмов работы со статистическими документами;

– некачественное внесение в АИС информации первичного учета, связанное зачастую с неумением сотрудников работать с машинно-ориентированными документами;

– ошибочное оформление и аттестация автоматизированных информационных систем (АИС). Имеются важные области, в которых обрабатывается служебная информация, включая персональные данные. В некоторых ситуациях использование АИС требует проведения аттестации объектов информатизации. Неправильное юридическое оформление может стать серьезной преградой для успешного внедрения АИС в эксплуатацию.

К техническим проблемам относятся:

– отсутствие должного уровня сформированности информационно-технологической компетентности у руководящих работников не позволяет им грамотно составлять техническое задание на разработку АИС, что приводит к плохой технической реализации. Ошибки, заложенные в техзадании и некорректно сформулированные показатели оцен-

ки эффективности функционирования ОВД, приводят к неработоспособности отдельных функций или компонентов системы;

– дисбаланс между ресурсами, имеющимися в распоряжении ОВД, техническими средства и системными требованиями программного обеспечения АИС, который, зачастую, определяется быстрым старением вычислительной техники и необходимостью ее обновления, не смотря на рекомендуемые сроки эксплуатации;

– при разработке и внедрении АИС не берутся в расчет факторы ее технического обслуживания и сопровождения;

– риск несанкционированного доступа. Информационные ресурсы Министерства внутренних дел России содержат значительное количество статистической информации, поэтому возможные атаки могут привести к сбоям в работе системы, утечке персональных данных и внесению неверных сведений. Хотя рабочие станции информационной системы ОВД МВД России не имеют физического подключения к интернету, угроза несанкционированного доступа и проникновения вредоносных программ все равно сохраняется. Вредоносное ПО может попадать в систему через электронную почту, когда документы отправляются в виде зашифрованных архивов или через внешние накопители, такие как флэш-карты, которые могут содержать вирусы.

Таким образом, несмотря на эффективность внедрения различных АИС МВД России, все же явно прослеживаются и проблемы, которые могут возникнуть в результаты использования информационных систем, поэтому наличие данных проблем необходимо учитывать не только на стадии внедрения, но и на стадии проектирования.

Требуется более активно разрабатывать системы, функционирование которых основано не только на принципах формальной логики, но и использующих элементы искусственного интеллекта (ИИ), что позволит расширить границы их функциональных возможностей и увеличит эффективность применения.

Следует отметить, что защите статистических данных уделяется огромное внимание. Прежде всего надлежащие обеспечение безопасности и защите данных лежит в нормативном правовом регулировании, а также в разработке определенных механизмов, способствующих поддержанию надлежащего уровня безопасности данных.

Глобальная стратегия развития АИС обработки статистических данных в рамках не только МВД России, но и всех государствен-ных структур с точки зрения обеспечения ин-формационной безопасности сводится к пе-реводу информационных систем на россий-ские программные платформы и изначальное создание новых отечественных систем на собственных решениях, адаптации существу-ющих решений под использование отече-ственных аппаратных средств. Целевой путь: информационная безопасность, плюс импортозамещение на базе динамично развива-ющегося нормативного регулирования.

В настоящее время оперативно-служебная деятельность органов внутренних дел Российской Федерации неразрывно связана с использованием результатов статистических исследований и прогнозирования оперативной обстановки. Правовая статистика как составляющая социальной статистики имеет отношение не только к конкретным юридическим фактам, но и основана на юридически значимых массовых явлениях и процессах в обществе, и призвана способствовать выявлению наиболее острых проблем, возникающих в процессе развития правового государства. Таким образом, от уровня компетентности сотрудника органов внутренних дел, в частности использования методов статистического исследования, напрямую зависит эффективность его профессиональной деятельности и качество результатов.

В итоге следует подчеркнуть, что анализ статистических данных оказывает значительное влияние на обоснование управленческих решений в правоохранительной деятельности. Статистические данные являются фундаментом для множества прикладных областей математики, включая математическую статистику, теорию надежности, теорию игр, исследование операций, а также для разнообразных научных изысканий в различных сфе-рах общественной и экономической жизни. Исследование статистической информации позволяет оценивать эффективность работы, выявлять как положительные, так и отрица-тельные тренды и устанавливать факторы, их вызывающие. Поэтому автоматизация обра-ботки статистических данных значительно ускоряет процесс принятия решений и повы-шает их эффективность в ходе выполнения профессиональных задач сотрудниками органов внутренних дел.

Безруков А.В.,

доктор юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Конституционное сотрудничество как средство укрепления правопорядка и противодействия преступности

Современные социальные процессы, в том числе качественное состояние и динамика противоправных проявлений, предопределяют и задают вектор, потребность и основные контуры проводимых конституционных преобразований, которые обуславливают реализацию идеи конституционного сотрудничества как комплексной социально-правовой модели и технологии продуктивной организации и функционирования органов публичной власти и институтов общественности в рамках установленного конституционно-правового регулирования. Формирование конструкции и выстраивание технологии конституционного сотрудничества предопределяют продуктивность профилактики и противодействия противоправным проявлениям.

Именно активизация органов публичной власти с привлечением институтов гражданского общества в рамках и на основе конституционно-правового регулирования с приоритетной реализацией конституционных ценностей позволяет конструировать те или иные социально-правовые модели и формировать технологии эффективного сотрудничества конституционных органов публичной власти и общественности, в том числе реализовать идею конституционного сотрудничества.

Анализ конституционно-правовых основ обеспечения правопорядка и противодействия преступности показывает важнейшую роль Конституции РФ, которая, закладывая базу нормативного правового регулирования общественных, в том числе правоохранительных отношений, между тем подвергается периодическим преобразованиям. Посредством реализации Конституции РФ и проведения реформирования конституционного законодательства положения федеральной Конституции развиваются не только в отраслевом законодательстве, но и в документах стратегического планирования[1].

Одним из последних таких документов явилась Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года[2], одним из концептов которой является создание единого перечня опорных населенных пунктов, развитие которых будет способствовать достижению национальных целей развития, определенных майскими указами Президента России в 2024 г. В перечень опорных населенных пунктов вошли городские агломерации, административные центры, города, жители которых активно задействованы в обеспечении национальной безопасности и конституционного правопорядка.

В целом документы стратегического планирования являются более гибкими и динамичными, они позволяют учитывать специфику и особенности взаимодействия и сотрудничества органов публичной власти между собой и институтами общественности, что предопределяет необходимость как совершенствования обоснованности конституционных преобразований, так и формирования оптимальной модели и развития технологии конституционного сотрудничества органов публичной власти и общественности.

Конституционные реформы всегда должны исходить из верховенства Конституции РФ, ее высшей юридической силы и обуславливать процесс конституционализации, который сегодня реверсивное движение, а именно не только проникновение и развитие конституционных положений в отраслевом национальном законодательстве, но и возведение на уровень текста Конституции РФ тех отраслевых положений, которые подлежат консти-

[1] См. подр.: Безруков А.В. Документы стратегического планирования в зеркале конституционно-правового развития России // Российско-азиатский правовой журнал. 2022. № 4. С. 4-8.

[2] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р.

туционному регулированию в силу их особой значимости (например, положения ст. 67.1, 75 Конституции РФ, вбирающие в себя нормы семейного, трудового права, права социального обеспечения).

Поэтому современная конституционализация отраслевого национального законодательства, связанная как с проникновением конституционных предписаний в отраслевые нормы, так и возведением на конституционный уровень определенных отраслевых норм, обуславливает как процессы конституционных преобразований, так и корректировку тех и иных отраслевых правовых предписаний, ориентируя органы публичной власти на конструктивное сотрудничество с общественностью и населением.

Конституция РФ лишь только в 2020 г. была подвержена серьезной содержательной модернизации, сконцентрированной в основном на изменении конфигурации публичной власти в России, основных направлений социально-экономической и политической модернизации, перераспределении и расширении властных полномочий федеральных органов государственной власти[1], что заметно отразилось на качестве конституционного сотрудничества органов власти и общественности.

Проводимые конституционные реформы могут позитивно и негативно наполнять содержание не только конституционно-правовой материи, но и отраслевого законодательства и практики. Например, конституционная реформа 2020 года показала особую значимость Закона РФ о поправке к Конституции РФ, усложнила процедуру его принятия и вступления в силу, дополнив ее участием Конституционного Суда РФ и вынесением поправок на общероссийское голосование. Следствием такой реформы явилась корректировка отраслевого (административного, трудового, уголовного, уголовно-процессуального и др.) законодательства.

Законодатель не стал изменять общий порядок принятия поправок к Конституции РФ и прописал этот усложненный алгоритм в конкретном Законе РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». С одной стороны, мы получили более легитимную процедуру принятия и одобрения поправочного закона, обогатили конституционную практику и создали почву для осмысления доктрине. С другой стороны, в конституционном законодательстве остались дефектные, противоречащие друг другу, конституционно-правовые нормы. Поэтому и оценка таких преобразований не может быть однозначной.

Поэтому если мы проводим конституционные преобразования и идем на изменение текста федеральной Конституции, то в таком случае необходимо, во-первых, продумать концептуальную основу таких реформ, привлечь компетентных ученых и практиков в работе над конституционным проектом; во-вторых, проработать вопрос исправления имеющихся дефектов и учета современных достижений конституционной и отраслевой доктрин и практики; в-третьих, сформулировать прогноз относительно последствий и убедиться в своевременности проводимых преобразований.

С учетом изложенного необходимо выделить критерии допустимости и потребности проведения конституционных преобразований, в их числе:

своевременность и последовательность проведения конституционных реформ. Предлагаемые преобразования должны учитывать социально-политическую и общественно-правовую ситуацию в стране, должны последовательно решать намеченные цели и задачи такой реформы, быть логически выстроены и осмысленны;

обоснованность и необходимость преобразований, что заключается в том, что инициаторы таких поправок должны довести до юридической общественности и граждан необходимые аргументы и доводы, свидетельствующие о реальной потребности предлагаемых реформ и в высокой степени вероятностном прогнозе наступления определенных неблагоприятных последствий в случае их не проведения;

качественная проработка концепции и содержания инициируемых конституцион-

[1] Первые оценки таких реформ авторитетными учеными незамедлительно появились в периодической печати. См., напр.: Авакьян С.А. Проект законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31-43; Безруков А.В. Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 3-9; Кокотов А.Н. Конституционный Суд России и макроправовое регулирование // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 3-7.

ных преобразований. Концептуальная основа конституционной реформы должна исходить из парадигмы современной конституционно-правовой политики, иметь четкую структуру и содержание, соотносится с действующими нормативными правовыми актами. Должно быть обеспечено понимание необходимости, содержания и возможности осуществления соответствующих изменений законодательства с учетом общественно-политической обстановки в целях минимизации/исключения конституционных рисков массового общественного несогласия. Для этого необходимо привлекать институты общественности к разработке конституционных поправок и учета их мнения;

просчет и прогноз социально-политических и общественно-правовых последствий проводимой конституционной реформы. Инициаторы и реформаторы должны четко понимать и довести до общественности, к каким последствиям приведут или смогут привести проводимые преобразования конституционного законодательства.

Концептуальные основы современных конституционных преобразований должны быть всегда ориентированы не только на совершенствование и укрепление ключевых конституционно-правовых институтов, но и на формирование конструктивной модели конституционного сотрудничества органов публичной власти, укрепление правоохранительного механизма, результатом деятельности которого является своевременная профилактика и продуктивное противодействие противоправным проявлениям.

Таким образом, оценивая в целом возможность и целесообразность формирования конструкции и выстраивания технологии конституционного сотрудничества, всегда следует исходить из необходимости обеспечения качественного функционирования органов публичной власти в связке с общественностью, на основе ст. 2, 17, 18 Конституции РФ выстраивать такое сотрудничество, ориентируясь на приоритет человека, его прав и свобод и реализацию установленных конституционных ценностей. Именно конституционное сотрудничество должно консолидировать органы публичной власти и институты общественности, выстраиваться на основе конституционного законодательства, учитывать динамику развития и реализацию документов стратегического планирования, в том числе в направлении противодействия противоправным проявлениям и преступности, что поспособствует укреплению конституционной законности и правопорядка в целом.

Кропачева С.А.

Межмуниципальное управление МВД России «Красноярское»

Иванов А.Ю.,

кандидат философских наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Актуальные проблемы применения полицией статьи 20.22 КоАП РФ

Ответственность за потребление (распитие) несовершеннолетними, не достигшими возраста привлечения к административной ответственности алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, установлена ст. 20.22 КоАП РФ. Субъектами правонарушения по ст. 20.22 КоАП РФ являются родители или иные законные представители несовершеннолетних.

Согласно статистике в г. Красноярске к ответственности по ст. 20.20 КоАП РФ в 2021 г. были привлечены 198 человек, в 2022 г. – 200, в 2023 г. – 192 человека.

Актуальность темы исследования вызвана недостаточной регламентированностью КоАП РФ ответственности за совершение данного административного правонарушения, что приводит к сложностям в квалификации, а также сложностям процедурных аспектов направления несовершеннолетних на медицинское освидетельствование, неэффективностью мер административного наказания и т.д.

Статья 20.22 КоАП РФ, несмотря на внешнюю простоту изложения, является

сложной в применении. Проблемы привлечения к ответственности по ст. 20.22 КоАП РФ носят различный характер.

Одной из таких проблем можно считать сложность квалификации административного правонарушения по ст. 20.22 КоАП РФ, данная правовая норма носит бланкетный характер и предполагает необходимость обращения к нормам, содержащимся в иных правовых актах. Так, для понимания алкогольной продукции следует обратиться к определению, данному в п. 7 ст. 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Понятие наркотических средств и новых потенциально опасных психоактивных веществ определяются ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». В то же время существенным пробелом действующего законодательства следует назвать отсутствие в нем легального определения понятия одурманивающих веществ. Имеется только список одурманивающих веществ, утвержденный постановлением Правительства РФ от 24 июля 2021 г. № 1259. Полагаем, что под одурманивающими веществами понимаются вещества, при употреблении которых у человека наступает заторможивание или расслабление психики. Данное определение следует закрепить в ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 2020 г. № 472-ФЗ «Об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации».

Далее стоит отметить, что существуют проблемы, связанные с процедурными аспектами освидетельствования, поскольку в силу Правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения, утвержденными постановлением Правительства РФ от 23 января 2015 г. № 37, направление несовершеннолетнего на медицинское освидетельствование допускается только в случае обязательного уведомления его родителей (законных представителей). О получении согласия (устного или письменного) не указывается.

Совершенно иной порядок освидетельствования несовершеннолетних предусмотрен приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933-н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)», согласно которому медицинское освидетельствование проводится в отношении: несовершеннолетнего старше возраста пятнадцати лет на основании его письменного заявления; несовершеннолетнего, не достигшего возраста пятнадцати лет на основании письменного заявления одного из его родителей или иного законного представителя; несовершеннолетнего в целях установления состояния наркотического либо иного токсического опьянения на основании письменного заявления одного из его родителей или иного законного представителя.

В то же время согласно п. 2 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» необходимым предварительным условием проведения медицинского вмешательства является получение информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство несовершеннолетнего в возрасте старше 15 лет (больных наркоманией – старше 16 лет) или родителя (законного представителя) детей, не достигших указанного возраста.

Таким образом, налицо явное противоречие нормативных правовых актов. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» обладает большей юридической силой, следовательно, положения указанного закона должны приниматься во внимание. Если соответствующее медицинское освидетельствование не будет проведено в силу отказа родителей или законных представителей, то достаточно сложно доказать факт нахождения несовершеннолетнего в состоянии алкогольного (или иного) опьянения. Предлагаем исключить из текста Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» требования о получении обязательного информационного согласия родителей на проведение медицинского освидетельствования, но в целях обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних предусмотреть обязательное присутствие родителей при его проведении с возможностью привлечения защитника (адвоката).

Нерешенным является и вопрос о способах уведомления родителей и законных представителей несовершеннолетнего. Медицинское освидетельствование необходимо про-

водить незамедлительно после установления признаков нахождения несовершеннолетнего в состоянии опьянения. Поэтому извещение родителей должно носить своевременный характер, что может обеспечиваться посредством телефонограммы, смс-оповещения. В этой связи п. 5 постановления Правительства РФ от 23 января 2015 г. № 37 предлагаем дополнить абзацем следующего содержания: «Соответствующее уведомление направляется одному из родителей или законных представителей несовершеннолетнего посредством телефонограммы или смс-оповещения».

Следующая проблема обусловлена чрезмерно либеральным подходом законодателя в вопросе назначения наказания виновным. В качестве единственного наказания ст. 20.22 КоАП РФ предусматривает административный штраф, который налагается на родителя или иного законного представителя. Однако полагаем, что наказание в виде административного штрафа является недостаточно эффективным. Сами размеры административных штрафов небольшие и не являются тяжким бременем для правонарушителей. На наш взгляд, размер административного штрафа ст. 20.22 КоАП РФ необходимо установить в следующем размере: минимальный размер административного штрафа увеличить до трех тысяч рублей, а максимальный – до десяти тысяч рублей. Также следует обратить внимание на безальтернативный характер санкции данной статьи. По нашему мнению, имеется необходимость дополнения ст. 20.22 КоАП РФ таким альтернативным административным наказанием, как обязательные работы на срок от сорока до ста двадцати часов.

Наряду с этим предлагаем дополнить ст. 20.22 КоАП РФ квалифицированными составами, например, повторное совершение противоправного деяния по вышеуказанной статье, что должно повлечь за собой наложение административного штрафа на родителей (законных представителей) несовершеннолетних в размере от пяти тысяч до двадцати тысяч рублей.

Полагаем, что решение указанных выше проблем, предложений, будет способствовать более эффективной правоприменительной деятельности органов внутренних дел в части применяя ст. 20.22 КоАП РФ.

Тетерятников Н.Ю.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Проблемные вопросы снятия гражданина с учета лиц, на которых возложена обязанность пройти диагностику, профилактику, лечение и (или) реабилитацию в связи с потреблением наркотиков

На основании п. 2 ст. 4 Федерального закона от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и дополненного им п. 4.1 ст. 2.1 КоАП РФ спустя 6 месяцев после появления соответствующих нововведений было издано постановление Правительства РФ от 28 мая 2014 г. № 484, утвердившее Правила контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ. Данные Правила определили:

– порядок постановки на учет лиц, на которых возложена обязанность пройти диагностику, профилактику, лечение и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотиков;

– контроль за исполнением наркопотребителем соответствующей обязанности;

– порядок снятия с учета подконтрольного лица.

Основанием для снятия с учета определены:

1) извещение от медицинской организации (учреждения социальной реабилитации) о завершении исполнения лицом возложенной обязанности;

2) постановление судьи, вступившее в законную силу, об отмене исполнения соответствующей обязанности;

3) получение любого из трех документов, предусмотренных ст. 64 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», являющегося основанием для государственной регистрации смерти;

4) вступившее в законную силу решение суда о признании лица безвестно отсутствующим.

Обращаем внимание, что выше речь шла только о лицах, на которых одновременно с административным наказанием была возложена обязанность пройти диагностику, профилактику, лечение и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотиков.

Вместе с тем такая же обязанность по решению суда может быть возложена на лиц, осужденных за совершение преступлений к наказанию в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы и нуждающихся в лечении от наркомании. Это предусматривают ст. 1, 2 Федерального закона от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также дополненные ими п. 3 ст. 54 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и ст. 72.1 УК РФ.

Что характерно, Порядок осуществления контроля за исполнением осужденными, признанными больными наркоманией, обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (аналогичный по своему содержанию утвержденным постановлением Правительства РФ Правилам контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ) утвержден совместным приказом Минюста России и Минздрава России от 3 февраля 2020 г. № 7/59. В нем среди оснований снятия осужденного с учета лиц, на которых возложена обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию, нет вступившего в законную силу решения суда о признании лица безвестно отсутствующим – только решение суда об установления факта смерти или об объявлении лица умершим. В п. 16 этого документа отмечается, что при отсутствии сведений о месте нахождения соответствующего осужденного уголовно-исполнительная инспекция сообщает об этом в подразделение розыска территориального органа ФСИН России для получения информации о месте нахождения осужденного или объявления его в розыск.

Напоминаем, что для признания человека безвестно отсутствующим по общим правилам гражданского законодательства минимальный срок с момента его исчезновения должен составить не менее 1 года (ст. 42 ГК РФ), а для объявления лица умершим – не менее 5 лет (ст. 45 ГК РФ).

Причина, по которой признание лица безвестно отсутствующим для снятия с учета лица, подвергнутого административному наказанию, наличествует в соответствующих Правилах, но не указано в аналогичном документе – Порядке, ориентированном на осужденных, признанных больными наркоманией, остается не ясной.

Вместе с тем анализ судебной практики по гражданским делам особого производства – о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим демонстрирует абсолютное отсутствие дел, в которых заявитель обосновал бы свою заинтересованность в деле необходимостью снятия с учета лиц, на которых возложена обязанность пройти диагностику, профилактику, лечение и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотиков, гражданина, о котором уже более года в месте его жительства нет сведений о его пребывании.

Более того, начиная с 2021 г. распоряжением МВД России от 22 декабря 2020 г. № 1/14489 утверждена ежегодная статистическая форма отчетности «Сведения о результатах деятельности территориальных органов внутренних дел МВД России на региональном уровне при осуществлении функции контроля за лицами, на которых в порядке ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ судьей возложены обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную

реабилитацию», в которой восьмой столбец прямо называется «Число лиц, снятых с учета в связи с решением суда о признании лица безвестно отсутствующим». Анализ таких сведений, поданных территориальными органами внутренних дел по субъектам Российской Федерации, за 2021-2023 гг. показал, что во всех случаях в восьмом столбце указанной формы проставлялась цифра ноль, т.е. органами внутренних дел Российской Федерации за последние три года не зафиксировано ни одного случая снятия с учета лиц, на которых возложена обязанность пройти диагностику, профилактику, лечение и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотиков, в связи с решением суда о признании гражданина безвестно отсутствующим. И это с учетом того, что с заявлением о признании безвестно отсутствующим в суды потенциально могли обращаться не только представители органов внутренних дел, но и родственники, работодатели, супруги, иные близкие лица человека, состоящего на соответствующем учете, если с момента его исчезновения прошло более одного календарного года.

При этом с указанного учета лиц, на которых возложена обязанность пройти диагностику, профилактику, лечение и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотиков, тем не менее удается снимать, но по иным основаниям. Чаще всего – в связи с решением судьи об отмене постановления в части возложения соответствующей обязанности (если не брать в расчет снятие с учета в связи завершением исполнения данной обязанности – такого в два раза больше). Заявителем в таких случаях выступают представители заинтересованных территориальных органов внутренних дел, ведущих соответствующие учеты.

Так, на 1 апреля 2024 г. в территориальных органах внутренних дел Кемеровской области состояли на учете 773 лица, на которых возложена обязанность пройти диагностику, профилактику, лечение и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотиков. За 2023 г. по инициативе территориальных органов внутренних дел Кузбасса сняты с указанного учета 102 лица – в связи с решением судьи об отмене постановления в части возложения соответствующей обязанности[1]. Это чуть более 13% от всех лиц, состоящих на учете.

В Ямало-Ненецком автономном округе ситуация сложнее. По состоянию на 1 января 2024 г. на учете состояли 530 лиц, на которых возложена обязанность пройти диагностику, профилактику, лечение и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотиков; при этом за 2023 г. сняты с учета 150 человек (в основном в связи с тем, что выполнили соответствующую обязанность, либо выбыли на постоянное место жительства в другой регион или умерли)[2]. Однако ни один человек из числа снятых с учета не был снят с него в связи с признанием его безвестно отсутствующим либо отменой судьей постановления в части возложения соответствующей обязанности. Аналогичная ситуация была в ЯНАО и в 2022 г.[3] Лишь в 2021 г. по инициативе территориальных органов внутренних дел ЯНАО были сняты с учета 5 человек (из 507 состоящих на учете) – в связи с решением судьи об отмене постановления в части возложения обязанности пройти диагностику, профилактику, лечение и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотиков[4]. Это менее 1% от общего количества лиц, состоящих на учете в 2021 г.

Как представляется, снятие с учета в связи с решением судьи об отмене исполнения соответствующей обязанности – более перспективно, чем в связи с признанием лица безвестно отсутствующим. Связано это в том числе с тем, что практически каждый третий (а иногда и второй, как это произошло в Бурятии в 2023 г.) снимается с учета именно по данному основанию.

[1] Письмо ГУ МВД России по Кемеровской области – Кузбассу от 19.04.2024 «О предоставлении информации» в СибЮИ МВД России.

[2] Статистические показатели работы по административной практике УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу за декабрь 2023 г.

[3] Статистические показатели работы по административной практике УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу за декабрь 2022 г.

[4] Статистические показатели работы по административной практике УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу за декабрь 2021 г.

Ермолаева М.И.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ОСПАРИВАНИЯ ЗАВЕЩАНИЯ

Завещание – это документ, составленный и подписанный гражданином, который содержит распоряжение о его наследстве после смерти.

Законодательную основу наследственного права в России составляют ст. 1110-1185 ГК РФ.

Наследство может передаваться по завещанию, по закону или через оформление наследственного договора.

Согласно ст. 1119 ГК РФ и принципу свободы завещания завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определять доли наследников в наследстве, лишать наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения, а в случаях, предусмотренных законом, включить в завещание иные распоряжения.

Оспаривание завещания – это сложный процесс, который часто связан с конфликтами между наследниками и сомнениями в законности документа. Нередко завещания становятся предметом судебных разбирательств по инициативе наследников, несогласных с их содержанием.

Самые основные причины оспаривания завещания:

1) споры о законности завещания. Они могут возникнуть, если кто-то утверждает, что завещание было составлено с нарушением законных прав наследников или недостаточной юридической компетентности умершего;

2) наследники ссылаются на недееспособность завещателя.

Так, по мнению истца, завещание является недействительным, поскольку на момент его составления наследодатель не мог в полной мере отдавать отчет своим действиям в силу имеющегося у него заболевания. При жизни примерно с 2018-2019 гг. у наследодателя начали проявляться признаки ухудшения состояния здоровья: он стал рассеянным, забывчивым, периодически истца не узнавал, путал события, которые ранее с ним происходили, начал плохо ориентироваться в привычной для себя обстановке[1].

Еще одна ситуация из практики.

ФИО1 обратился в суд с иском к ФИО2 о признании завещания недействительным, мотивируя свои требования тем, что 25.04.2022 скончалась его мать ФИО3, от нотариуса истцу стало известно, что принадлежащее ей имущество она завещала дочери брата истца – ответчице. Истец полагает, что данное завещание от 15.12.2020 является недействительным, так как ФИО3 на момент его написания не понимала значение своих действий и не могла руководить ими[2].

Согласно Судебной практике по гражданским делам по оспариванию завещания и признания его недействительным только в Красноярском крае с 2015 г. по настоящее время были вынесены 77 решений. Из них удовлетворены 35 исковых заявлений от общего числа, что доказывает необходимость проведения более тщательной экспертизы по установлению дееспособности завещателя, а также проведении процедуры удостоверения завещания в случаях, предусмотренных п. 7 ст. 1125, ст. 1127 и п. 2 ст. 1128 ГК РФ.

В обязанности нотариуса, согласно ст. 1118 ГК РФ, входит проверка дееспособности лица, совершившего завещание, а также законность условий, которые лицо желает в него включить.

Правовой анализ ст. 43 Основ законодательства РФ о нотариате и п.п. 5, 8 Методических рекомендаций позволяет сделать вывод, что процедура нотариального удостоверения завещания включает два обязательных элемента: документальное подтверждение дееспособности наследодателя и личную беседу нотариуса с завещателем.

Как мы видим, нотариус проверяет юридический критерий дееспособности гражданина, желающего совершить завещание.

Исследование нотариальных функций свидетельствует, что нотариус уполномочен устанавливать только юридический аспект дееспособности завещателя. Из этого вытекает, что у иных наследников есть реальная

[1] URL: https://sudact.ru/regular/doc/dAvFoLMOUBVW/ (дата обращения: 16.12.2024).

[2] URL: https://sudact.ru/regular/doc/3Pw5VjQELCQp/ (дата обращения: 16.12.2024).

возможность для оспаривания завещания наследодателя по причине его недееспособности в момент составления.

Основания оспаривания завещания, как уже было указано, связаны с недееспособностью завещателя на момент составления документа или с нарушением процедуры его оформления. Для минимизации таких споров и повышения правовой определенности можно предложить следующие изменения и дополнения в законодательство.

Внести изменения в Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров, обязав нотариуса при удостоверении завещания:

в случаях, если у нотариуса возникают сомнения в дееспособности завещателя, требовать предоставления медицинского заключения о психическом состоянии лица;

ввести обязательную видеозапись процесса составления и удостоверения завещания, чтобы зафиксировать состояние завещателя.

Дополнить статью 1118 ГК РФ положением о том, что лица старше определенного возраста (например, 70 лет) обязаны предоставить медицинское заключение о своей дееспособности при составлении завещания. Это снизит количество споров о недееспособности завещателя.

Дополнить эту же статью конкретными критериями, которые должны учитываться при оценке дееспособности завещателя, такими как: наличие психических заболеваний, влияние лекарственных препаратов на состояние завещателя.

Можно внести изменение в Гражданский кодекс РФ, обязав завещателя привлекать двух независимых свидетелей при составлении завещания. Это позволит подтвердить добровольность и осознанность действий завещателя, а также снизить вероятность оспаривания завещания в будущем.

Предлагаемые меры позволят существенно снизить риски оспаривания завещаний по основаниям недееспособности завещателя и нарушения процедуры оформления, обеспечив тем самым большую стабильность наследственных правоотношений.

Чумарова Е.Ю.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск),
Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Актуальные проблемы правового регулирования административной ответственности за потребление несовершеннолетними алкогольной продукции

Алкоголизация населения в целом и несовершеннолетних в частности представляет собой очевидный признак неблагополучия в социальной сфере, прежде всего в воспитании детей. Родители или иные законные представители, злоупотребляющие алкогольной продукцией, не способны надлежащим образом исполнять родительские обязанности, показывают плохой пример своим детям, для которых потребление алкоголя становится чем-то обычным, неотъемлемым от человеческой жизни. Одной из серьезных проблем, связанных с осуществлением профилактической деятельности в отношении таких несовершеннолетних, является недостаточность механизмов правового регулирования административной ответственности за потребление ими алкогольной продукции.

Правовые ограничения, касающиеся потребления алкогольной продукции, определены в п. 7 ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» (далее – ФЗ № 171). Эти ограничения могут быть разделены на две группы: в зависимости от места потребления и по кругу лиц.

Перечень мест, в которых запрещено потребление (распитие) алкогольной продукции, включает в себя места, где не допускается розничная продажа алкогольной продукции и розничная продажа алкогольной продукции: при оказании услуг общественного питания (пп. 1-9 п. 2 ст. 16 ФЗ № 171), в других общественных местах (п. 7 ст. 16 ФЗ № 171). При этом формулировка «в других общественных местах, в том числе...», использованная законодателем при определении видов таких общественных мест, не

позволяет считать такой перечень исчерпывающим. В настоящее время в действующих нормативных правовых актах понятие общественного места, которое можно было бы использовать как универсальную категорию, не сформулировано.

В научной литературе и судебной практике[1] к общественным местам традиционно относят места значительного скопления граждан (улицы, площади, парки, стадионы, транспорт), а также любые места, свободные для доступа неопределенного круга лиц, в которых могут находиться люди (подъезды, пешеходные переходы, остановки общественного транспорта, торговые центры и др.), а также любые помещения и территории, предназначенные для нахождения в них людей и удовлетворения их различных жизненных потребностей.

Нормативно установленные правила пребывания людей в общественных местах содержатся в различных федеральных законах[2], законах субъектов Российской Федерации[3], а также подзаконных нормативных актах[4].

Отсутствие единого исчерпывающего перечня общественных мест осложняет квалификацию правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ, но в целом не препятствует реализации правоограничения распивать (потреблять) алкогольную продукцию в запрещенных законом местах.

Таким образом, лица, достигшие возраста административной деликтоспособности, могут быть привлечены к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.20. КоАП РФ, если совершают указанное в данной норме правонарушение в месте, которое относится к числу общественных в широком смысле слова.

Относительно правового ограничения на потребление алкогольной продукции по кругу лиц следует отметить, что оно в действующем законодательстве реализовано не в полной мере. В соответствии с правилом, установленным ч. 7 ст. 16 ФЗ № 171, не допускается потребление (распитие) алкогольной продукции несовершеннолетними. Данный запрет носит абсолютный характер. Это значит, что несовершеннолетним запрещено потреблять алкогольную продукцию не только в общественных местах, но и где бы то ни было. В отношении лиц, не достигших возраста шестнадцати лет, этот запрет обеспечен возможностью применения мер административного принуждения вне зависимости от места совершения правонарушения в соответствии со ст. 20.22 КоАП РФ и предполагает привлечение к административной ответственности их родителей или иных законных представителей. В случае же распития алкогольной продукции в месте, которое не является общественным (например, в квартире), деликтоспособным несовершеннолетним реализация указанного запрета встречает затруднения.

С одной стороны, действия, направленные на привлечение несовершеннолетних, распивающих алкогольную продукцию где бы то ни было, к ответственности оправданы тем, что представляют собой способ государственно властного реагирования на нарушение абсолютного запрета, установленного ФЗ № 171. С другой – они противоречат буквальному толкованию нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ, связывающей совершение данного административного правонарушения исключительно с местами, в которых распитие алкогольной продукции запрещено федеральным законом.

Сложившееся противоречие имеет негативный характер, поскольку способствует формированию у деликтоспособных несовершеннолетних ощущения вседозволенности и безнаказанности, препятствует эффективному и своевременному осуществлению профилактической деятельности.

Запрет на потребление алкогольной продукции несовершеннолетними обусловлен, прежде всего, стремлением государства сохранить здоровье подрастающего поколения. Охрана общественного порядка от действий несовершеннолетних, распивающих алкогольную продукцию, по нашему мнению, в данном случае носит второстепенный харак-

[1] См., напр.: постановление Московского городского суда от 18.12.2017 № 4а-6434/2017.

[2] Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака : Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ; О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции : Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ; О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ; КоАП РФ (ст. 6.24, 20.1, 20.20, 20.21, 20.2.2).

[3] Об административных правонарушениях : Закон Красноярского края от 02.10.2008 № 7-2161 (ст. 1.2, 1.8).

[4] О едином учете преступлений : приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, МЧС России, Минюст России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29.12.2005 № 39/1070/1021/253/780/353/399.

тер. Именно поэтому положения действующего законодательства нуждаются в корректировке.

Наиболее целесообразным способом устранения указанного противоречия, на наш взгляд, представляется установление административной ответственности за распитие (потребление) алкогольной продукции несовершеннолетними по аналогии с правилами, предусмотренными ст. 6.9 и ч. 2,3 ст. 20.20 КоАП РФ. То есть ответственность за распитие алкогольной продукции в общественных местах должна наступать в соответствии с ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ, а распитие такой продукции в иных местах необходимо определить как отдельное административное правонарушение, совершаемое исключительно деликтоспособными несовершеннолетними, видовым объектом которого является здоровье населения.

Предполагаемая норма может быть сформулирована следующим образом: «Потребление (распитие) алкогольной продукции несовершеннолетними в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет за исключением случаев, предусмотренных частью 1 статьи 20.20 настоящего Кодекса, либо невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения гражданином, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил алкогольную продукцию, – влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей».

Дополнение КоАП РФ данной нормой позволит обеспечить установленный в ФЗ № 171 запрет на потребление несовершеннолетними алкогольной продукции исчерпывающей мерой административной ответственности, ликвидировать существующий пробел в праве, а кроме того, будет способствовать своевременному и адекватному реагированию субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на выявленные факты распития (потребления) алкогольной продукции и связанное с этим девиантное поведение детей.

Учитывая доказанное медицинской наукой негативное влияние алкоголя на состояние здоровья несовершеннолетних, а также то, что алкогольная зависимость способствует отстранению от общественной жизни, нежеланию решать личные и социальные проблемы, погружает в мир искусственных иллюзий, разрушающих психику, полагаем, что установление административной ответственности за распитие (потребление) деликтоспособными несовершеннолетними алкогольной продукции в местах, которые не относятся к числу общественных, является необходимым правовым барьером для алкоголизации подрастающего поколения.

Горелик А.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Евтушенко А.А.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Противодействие фиктивным бракам через призму государственной миграционной политики

В последние несколько лет в нашем государстве стала заметна тенденция активного реформирования законодательных норм, регулирующих институт гражданства, а также правового положения иностранных граждан. Указанная тенденция обусловлена существенным обновлением миграционной политики, смещением ее вектора с относительно лояльного, на путь ужесточения государственного контроля (надзора) за миграционными процессами, который вызван активизацией различных криминальных проявлений со стороны иностранцев, кризисной демографической ситуации в России и сопутствующим ей ростом потенциальных угроз социально-экономического характера. Тем не менее в специальной литературе отмечается «несовершенство миграционного законодательства, вызванное избыточностью его норм в ряде случаев, имеющих бланкетный

характер, постоянное обновление и перенасыщение его положений»[1].

В сложившейся ситуации следует поддержать мнение отдельных исследователей права, полагающих, что необходимо поступательно продолжать поднимать качество миграционного законодательства, «настраивая его с учетом потребностей населения и государства, соблюдая баланс между обязательствами, разрешениями и запрещениями, без революционных его изменений»[2].

Наблюдаемый ежегодно рост обращений в миграционные подразделения на всей территории России, а также факт того, что Российская Федерация входит в четверку стран-лидеров по приему иммигрантов после таких государств, как США и ФРГ свидетельствует о необходимости проведения взвешенной политики, основанной в первую очередь на национальных приоритетах. В связи с этим одним из актуальных вопросов научного обеспечения деятельности органов внутренних дел в целом и деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России, в частности остается совершенствование правового регулирования миграционных процессов, в первую очередь имеющих отношение к иностранным гражданам.

В частности, на федеральном уровне были реализованы предложения МВД России, направленные на системное реформирование миграционного законодательства, в том числе предотвращения случаев возможных злоупотреблений со стороны иностранных граждан при получении разрешений на временное проживание (далее – РВП), права на российское гражданства, в том числе путем заключения фиктивных браков с гражданами Российской Федерации.

Даже поверхностный сравнительный анализ законодательных изменений в области миграционного права показывает, что, если ранее в соответствии с законодательством Российской Федерации иностранному гражданину, состоящему в брачных отношениях с гражданином России, разрешение на временное проживание выдавалось без учета квоты в субъекте Российской Федерации, в котором расположено место жительства гражданина Российской Федерации, являющегося его супругом (супругой), а, кроме того, сам факт брака между иностранным гражданином и гражданином Российской Федерации позволял обращаться с заявлением о получении гражданства в упрощенном порядке[3], то с вступлением в силу Федерального закона от 26 октября 2024 г. № 358-ФЗ «О внесении изменений в статью 25.6 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»» и Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» условия для получения РВП иностранцам ужесточились.

В настоящее время в соответствии с пп. 4 п. 3 ст. 6 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» РВП без учета квоты может быть выдано иностранному гражданину, если он состоит в браке не менее трех лет с гражданином РФ, который постоянно проживает в России.

Кроме того, обращает на себя внимание произошедшее значительное расширение оснований к отказу в выдаче или аннулированию РВП. Так, согласно пп. 12 п. 1 ст. 7 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» РПВ иностранному гражданину не выдается, а ранее выданное разрешение аннулируется в случае, если данный иностранный гражданин «ранее заключил брак с гражданином Российской Федерации, послуживший основанием для получения разрешения на временное проживание, и такой брак расторгнут либо признан судом недействительным». Принимая во внимание особую ценность и значимость прав человека и гражданина для государства, высокая степень строгости регламентации и абсолютная деликатность в применении правоограничений является оправданной.

При этом в научной литературе отмечается, что фиктивный брак с иностранным гражданином как способ легализации иностранцев на территории российского госу-

[1] Пацевич В.С. Миграционное законодательство Российской Федерации: состояние, проблемы и пути развития // Законодательство о гражданстве и правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации – 20 лет: опыт, тенденции и перспективы развития : сборник статей ТИПК МВД России. Тюмень, 2022. С. 118-119.

[2] Чудинов О.О. Правовое воздействие: формы и проблемы совершенствования : монография. Красноярск: Гражданская ассамблея Красноярского края, 2021. С. 87.

[3] Прудникова Т.А. О заключении фиктивного брака с иностранными гражданами и лицами без гражданства // Современное право. 2024. № 1. С. 82-84.

дарства относится к малоисследованным и недооцененным проблемам среди многих других имеющихся трудностей в противодействии незаконной миграции[1].

При доказывании наличия фиктивного брака правоприменителю помимо силы презумпции законности брака следует учитывать то, что Семейный кодекс РФ не содержит критериев фиктивного брака, а также понятие семьи, в связи с чем «на практике не всегда легко определить фиктивность брака. Фиктивные браки чаще всего имеют целью не создание семьи, а получение права на жилплощадь супруга, российского гражданства либо преследуют другие, как правило, корыстные цели. Заинтересованная в признании такого брака недействительным сторона обязана доказать, что в данном случае имеет место не просто семейная ссора, раздор, а то, что при заключении брака у другого супруга не было цели создания семьи»[2].

С учетом произошедших за 2024 г. террористических актов в России следует согласиться с точкой зрения исследователя, утверждающего, что «самой большой угрозой фиктивного брака для безопасности общества и государства является то, что человек может приехать поступать в вузы или устраиваться на работу, но на самом деле преследует совсем иные цели, такие как распространение террористической и экстремистской идеологии»[3].

Тем не менее в настоящее время в России достаточно мягко решаются дела относительно фиктивного брака в отличие от других стран, в которых предусмотрена ответственность вплоть до уголовной. Вышеупомянутое обстоятельство, на наш взгляд, актуализирует необходимость проработки вопроса о введении как минимум административной ответственности за вступление в фиктивный брак.

При этом в силу презумпции законности брака признать брак фиктивным может только суд, а заявление о признании брака недействительным и аннулировании актовой записи о заключении брака может подать либо прокурор в интересах Российской Федерации, либо добросовестный супруг.

Статистика признания браков фиктивными в России ничтожна – около тысячи за год, включая браки между россиянами. При этом в год на основании брака с россиянами выдается около 60 тысяч РВП, это треть от общего количества таких разрешений. В свою очередь, лишений права на РВП иностранцев после признания брака недействительным – не более полутысяч[4]. Представляется, что фиктивные браки – это высоколатентное, социально обусловленное негативное явление, и в этой связи приведенные данные не отражают его истинный масштаб. Так, например, существуют иностранцы, годами незаконно пребывающие на территории России, «которые в период такого нелегального пребывания успевают укрепить свои связи с Россией в виде заключения брака с гражданами нашей страны, установить отцовство и т.д.»[5].

В настоящее время сотрудниками УВМ ГУ МВД по Красноярскому краю совместно с прокуратурой края продолжена работа, направленная на пресечение каналов незаконной миграции, связанных с институтом заключения фиктивных браков. Так, в 2024 г. в органы прокуратуры Красноярского края направлено 32 материала по признакам фиктивности браков. По результатам прокурорской проверки в 9 случаях органами прокуратуры выявлено отсутствие совместного проживания, общения между супругами, совместного бюджета, общих вещей, большая разница в возрасте, отсутствие детей и т.д. В последующем прокуратура инициировала обращения в суд с целью признания браков недействительными. Обращаясь к практике рассмотрения судами Красноярского края в 2024 году дел по спорам, связанным с признанием брака недействительным, следует отметить, что на основании вступивших в законную силу решений судов о признании браков недействительными, аннулировано 3 РВП и 4 вида на жительство.

Таким образом, в целях реализации государственных задач и обеспечения частных и публичных интересов государство вынуж-

[1] Урда М.Н. Правовое значение фиктивных браков с иностранными гражданами // Мировой судья. 2020. № 3.

[2] Кабанова Ю.С. Регулирование брачных правоотношений по законодательству Российской Федерации : учебное пособие. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. С. 16.

[3] Корнилова Т.В. Фиктивный брак как способ незаконной миграции // Сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2022. № 4 (19). С. 92.

[4] Бовт Г. Фиктивных супругов-иностранцев выселят из России URL: www.bfm.ru (дата обращения: 21.08.2024).

[5] Иванов А.Ю. К вопросу обжалования решений о неразрешении иностранным гражданам въезда в Россию // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVII международной научно-практической конференции: в 2 ч. Часть 1. Красноярск : Сибюи МВД России, 2024. С. 134.

дено ограничивать права иностранных граждан как невластных субъектов.

Высказанные предложения и замечания – только попытка рассмотреть отдельные аспекты противодействия незаконной миграции как вектора государственной миграционной политики.

Шлегель П.О.,

кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВООБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИНУЖДЕНИЯ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Несомненно, формирование правопорядка современного политически организованного общества зависит от огромного количества разного рода факторов, а эффективность его обеспечения – от тех правовых средств и способов, которые используются субъектами обеспечения правопорядка.

Принуждение следует определить в качестве основного правообеспечительного способа, который при этом обязательно нуждается в легитимации в силу того, что потребность признания власти государственного аппарата как субъекта обеспечения правопорядка обусловлена именно принудительным характером самой системы обеспечения правопорядка. Здесь следует сделать оговорку, что вопрос легитимации различается в контексте принуждения и другого правообеспечительного способа, такого как убеждение. Так, если убеждение убедительно, то оно само по себе в легитимации не нуждается или же оно само по себе может рассматриваться как способ легитимации. Принуждение же всегда предполагает ограничение воли принуждаемого, что не может не вызывать контрстратегии, которые абсолютно всегда нуждаются в оправдании легитимации.

Итак, понимая, что правообеспечительный потенциал убеждения является важным аспектом функционирования правовой системы в целом, следует отметить, что принуждение представляет собой неизбежный компонент правоприменительных механизмов. Принуждение подразумевает наличие средств воздействия на поведение индивида и служит необходимой мерой для обеспечения порядка, особенно в контексте сложных социальных отношений, где отсутствие соблюдения норм может привести к дестабилизации правового порядка. В данном смысле не утверждается, что принуждение является единственным или превалирующим методом, но подчеркивается его критическая важность в контексте обеспечения правопорядка.

Если же исходить из того, что правопорядок в цивилизованном обществе строится на основе «нормального» или «здорового» правосознания, выражаясь терминологией И.А. Ильина[1], а идеалы и ценности достоинства личности, прав человека, прав собственника, взаимных обязательств и много другого, составляющего идеологию частного права, легитимируют договорное право, право частной собственности, обязательственное право, то стоит при этом отметить, что, когда мы говорим о праве, мы всегда упоминаем такой его признак, как связь с государством. Правопорядок в основе своей имеет не систему договоров, соглашений свободных индивидов, как утверждают либертарианцы (Р. Нозик, Д. Боуз[2]), а систему властеотношений. Именно в этом смысле власть, по Ф. Аквинскому[3], является благом в своей сущности, так как без государственной власти немыслимо сегодня современное политически организованное общество. Кроме того, следует отметить, что в легитимации нуждается только то, что испытывает потребность

[1] Ильин И.А. О сущности правосознания / Подготовка текста и вступ. статья И.Н. Смирнова. М. : «Рарогъ», 1993. 235 с.

[2] Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера, под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2008. 424 с.; Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика : монография / пер. с англ. М. Кислова, А. Куряева. 3-е изд. М. ; Челябинск: Социум, 2020. 440 с.

[3] Аквинский Ф. Сумма теологии: Т. I. Вопросы 1-64 / пер. с лат. А.В. Апполонова ; под ред. Н. Лобковица, А.В. Апполонова. Изд. 2-е, испр. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 32 с.

в ней или «дефицит легитимности». Власть без принуждения (угроза принуждения) существовать не может, а принуждение всегда предполагает дефицит легитимности. Таким образом, принуждение является одним из необходимых условий в случае, когда нормы права не воспринимаются или не признаются обществом. В этом контексте легитимация властеотношений путем объяснения и оправдания принуждения имеет существенное значение для поддержания правопорядка, особенно в условиях конфликтов или несоответствий между нормами и общественным сознанием.

Легитимация как процесс, направленный на признание законности и обоснованности власти (властеотношений), тесно связана с процессами формирования правосознания. Однако при этом легитимация является самостоятельным процессом, который играет ключевую роль в обеспечении устойчивости и стабильности правопорядка. Она не только способствует признанию власти, но и влияет на способность правовых норм и институтов быть воспринятыми и поддержанными обществом. Этот процесс включает в себя как юридические, так и социальные аспекты, и его значимость не всегда полностью охватывается правосознанием. Кроме того, легитимация имеет свои уникальные механизмы и инструменты, которые отличают ее от процессов формирования правосознания. Легитимация может осуществляться через различные каналы, которые служат для укрепления доверия и уважения к правовой системе. Эти аспекты могут не всегда соответствовать процессам формирования правосознания, которые больше фокусируются на внутреннем восприятии правовых норм и ценностей со стороны граждан и общества в целом.

Помимо прочего, легитимация обосновывает необходимость отдельного внимания к механизмам, которые работают в рамках обеспечения правопорядка через создание общественного согласия и доверия к правовым институтам. В этом контексте легитимация подчеркивает важность общественного участия и поддержки правовых решений, что является решающим для обеспечения соблюдения норм и законов, а также признания существующей государственной власти.

Что касается концепции И.А. Ильина о «нормальном правосознании», несмотря на то что его работы весьма интересны в философско-правовом отношении, являясь идеалистом по своей методологии, он идеализирует правосознание и на базе своего образа «здорового» правосознания говорит, соответственно, об идеальном, нормальном правопорядке, отрываясь от социальной реальности. Таким образом, следует констатировать, что его взгляды диссонируют с современной научной парадигмой, которая носит социологический характер.

Легитимация принуждения в контексте государственной власти и правопорядка имеет некоторые особенности. Государственные учреждения, обладая определенной легитимностью, могут использовать принуждение в случаях, когда осуществляются меры, направленные на сохранение общественного порядка и защиту прав и свобод граждан. Это означает, что в отличие от убеждения, принуждение обеспечивает более быстрые и эффективные способы реагирования на правонарушения. Обращение к убеждению скорее важно, когда речь идет о формировании правосознания и культуры правопорядка. В связи с этим, не исключая необходимость легитимации убеждения, следует акцентировать внимание на специфической роли принуждения и необходимых условиях его легитимации в контексте обеспечения правопорядка.

Несомненно, идеалы и ценности, такие как права человека и взаимные обязательства, тоже играют важную роль в легитимации отдельных правовых норм и институтов. Однако эта легитимация, по нашему мнению, не исключает, а дополняет механизмы принуждения в рамках обеспечения правопорядка, которые становятся актуальными в ситуации, когда обращение к правовым нормам не приводит к их добровольному соблюдению.

Сидоров Я.С.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ОБЖАЛОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Анализ доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 г. демонстрирует, что практически каждое пятое обращение (132 из 680), относящееся к ограничению прав и свобод человека и гражданина в производстве по делам об административных правонарушениях, было связано с необоснованным применением в отношении граждан мер, предусмотренных 27 главой КоАП РФ[1].

Одной из ключевых проблем, с которой обращаются граждане к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации является вопрос о возможности обжалования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Проблеме обжалования отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях было уделено внимание и в научной литературе[2]. Так, авторы обращают внимание, что в отличии от КоАП РСФСР нынешний КоАП РФ не предусматривает самостоятельный порядок обжалования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Однако в некоторых странах постсоветского пространства, например, в Армении, Узбекистане и Кыргызстане, кодексы, регулирующие меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, содержат и порядок их обжалования[3].

Согласно действующему подходу в Российской Федерации обжалование мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях возможно либо в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении, либо в жалобе на постановление по делу об административном правонарушении. В рамках рассмотрения дела такая возможность предусмотрена ст. 26.2 КоАП РФ. В свою очередь, постановление по делу об административном правонарушении обжалуется по правилам, предусмотренным главой 30 КоАП РФ.

Особый порядок обжалования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях предусмотрен 22 главой КАС РФ. Так, согласно п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»: «действия (бездействие) должностных лиц, связанные с применением мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, которые не могут оказать влияние на вывод о виновности либо невиновности лица, в отношении которого решается вопрос о привлечении к административной ответственности, но повлекшие нарушение прав, свобод физических или юридических лиц, могут быть оспорены ими в порядке, предусмотренном главой 22 КАС РФ, главой 24 АПК РФ, в том числе в случае отказа в возбуждении дела об административном правонарушении либо прекращения производства по делу об административном правонарушении».

В свою очередь, данный порядок обжалования создает серьезные проблемы.

Во-первых, согласно такому подходу не совсем ясно какие именно действия влияют, а какие нет в выводах о виновности либо невиновности лица, в отношении которого

[1] Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 г. URL: www.ombudsmanrf.ru (дата обращения: 13.02.2025).

[2] Салищева Н.Г. Проблемные вопросы института административной ответственности в России // Административная ответственность: вопросы теории и практики / отв. ред. Н.Ю. Хаманева. М., 2004. С. 15-16; Кохан Р.Ю. Административно-правовые основы применения полицией медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14. Краснодар, 2020. С. 158; Дубровский Д.С. Правовое регулирование в Российской Федерации мер административного пресечения, ограничивающих свободу личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 23.

[3] Статья 266 Кодекса об административных правонарушениях Республики Армения от 06.12.1985 предусматривает обжалование административного задержания, досмотра и изъятия вещей и документов; ст. 293 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности от 22.09.1994 № 2015-XII; ст. 530 Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях от 28.10.2021 № 128.

решается вопрос о привлечении к административной ответственности при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Во-вторых, ввиду сложности определения вышеуказанного правила в отдельных решениях суд приходит к мнению, что обжалование мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в порядке КАС недопустимо. Проверка законности применения меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении осуществляется при рассмотрении и пересмотре конкретного дела, так как протоколы о их применении являются доказательствами по делу[1].

В этой связи следует согласиться с мнением Н.Н. Цуканова и Р.Ю. Кохана, что разрозненные подходы к обжалованию мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях создают условия для проблематичности восстановления нарушенных прав физического лица в тех случаях, когда вынесенное постановление по делу сомнений не вызывает, однако с нарушением был проведен, например, личный досмотр или медицинское освидетельствование на состояние опьянения[2].

На сложность обжалования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях обращает внимание и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Так, в докладе за 2023 г. отмечается: «Жалоба на задержание, заявленная до завершения производства по делу об административном правонарушении, подлежит отклонению как преждевременно заявленная, а после завершения такого производства – как не подлежащая рассмотрению в отдельной от обжалования постановления процедуре»[3].

Таким образом, для устранения сложности обжалования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях представляется уместным внести изменения в п. 8 ППВС от 28 июня 2022 г. № 21[4]. Так, в нем необходимо отобразить, что действия должностных лиц по применению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях могут быть обжалованы в рамках 22 главы КАС РФ вне зависимости от того, влияют ли действия должностных лиц при их применении на виновность или невиновность лица.

Мельникова С.В.

Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (п. Старотеряево)

Планирование как организационная форма эффективной координации деятельности органов внутренних дел и иных правоохранительных структур в рамках профилактики и предупреждения преступлений

Планирование представляет собой ключевой инструмент координации деятельности органов внутренних дел и иных правоохранительных структур, направленный на профилактику и предупреждение преступлений. Как организационная форма, оно обеспечивает возможность упорядочить процессы, эффективно распределить ресурсы и добиться согласованности в действиях различных подразделений.

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Евченко Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 2 и частью 5 статьи 1, пунктом 1 части 1 статьи 128, а также частями 1 и 6 статьи 218 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 2143-О.

[2] Цуканов Н.Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел : монография / научн. ред. Ю.П. Соловей. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2012. С. 119-120; Кохан Р.Ю. Административно-правовые основы применения полицией медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14. Краснодар, 2020. С. 165-166.

[3] Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 г.

[4] О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21.

Планирование предупреждения преступности – деятельность по разработке последовательности осуществления системы мер, направленных на предупреждение преступлений и иных правонарушений[1].

Одним из основных принципов эффективного планирования является детальное изучение криминогенной обстановки и анализ текущих угроз. Систематизация данных о преступлениях, их мотивах, времени и местах совершения формирует основу для разработки целевых программ профилактики.

Криминологические планы, являются органической частью социально-экономического планирования, способной оказать наибольшее влияние на эффективность борьбы с различными видами преступности[2].

В зависимости от срока, объема, характера используемых методов выделяют следующие виды планирования.

1. Перспективное и текущее.

Перспективное (пять и более лет) криминологическое планирование определяет наиболее важные цели, стратегические направления и главные задачи борьбы с преступностью на длительный период времени. Оно тесно связано с федеральным, региональным планом, являясь его частью, и основывается на социально-экономических, демографических, политических и иных показателях развития государства, субъекта федерации или конкретного района.

Текущие планы (годовые, полугодовые, квартальные) основываются на перспективных планах, являются их конкретизацией, связаны с выполнением конкретных повседневных задач и функций, выполняются в более короткий период времени.

2. Ведомственное (отраслевое) и межведомственное (комплексное). Ведомственное предполагает планирование деятельности в сфере предупреждения преступности правоохранительными органами. Межведомственное – участие в предупреждении преступлений и других субъектов, поскольку преследуется цель не только воздействия на преступность, но и ее детерминанты.

3. Индивидуальное планирование представляет собой систему мер, осуществляемых уполномоченными субъектами профилактики, с целью воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений или уже совершивших преступление, для недопущения рецидива преступлений.

4. Программно-целевое планирование представляет собой комплексное планирование в решении сложных межотраслевых проблем социального управления

В рамках профилактики преступлений важно обеспечить согласованную деятельность различных структур, включая полицию, органы прокуратуры, службы безопасности и другие ведомства, участвующие в правоохранительной деятельности. Их взаимодействие и координация возможны только при наличии ясных и четко сформулированных планов, содержащих основные этапы работы, распределение обязанностей и контроль за выполнением поставленных задач. Грамотно составленный план минимизирует дублирование функций, исключает пробелы в охвате ключевых направлений борьбы с преступностью и повышает общую эффективность системы.

Благодаря планированию правоохранительные органы могут успешно комбинировать выполнение различных задач и достигать высоких результатов, минимизируя временные и ресурсные затраты. Например, одной из сложностей в борьбе с преступностью является необходимость одновременно доказывать факты противоправной деятельности и устанавливать ее причины и условия. Грамотно спланированный процесс позволяет синхронизировать эти действия, обеспечивая всестороннее изучение проблемы и создание условий для ее искоренения. Таким образом, планирование становится незаменимым инструментом для систематизации операций, повышения профессионализма сотрудников и достижения стратегических целей в области обеспечения правопорядка.

[1] Иванцов С.В. Планирование деятельности органов внутренних дел в системе правового регулирования предупреждения преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 147-152.

[2] Мельникова С.В. О значимости планирования в системе мер предупреждения преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6. № 4. С. 266-273.

Поправко А.С.,

кандидат юридических наук, доцент
Омская академия МВД России

Гукова Н.А.

Омская академия МВД России

Эволюция методов доставки запрещенных предметов в учреждения ФСИН России: анализ современных технологий и мер противодействия

Проникновение запрещенных предметов в учреждения Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России представляет собой серьезную проблему, требующую постоянного изучения и совершенствования мер противодействия. Исторически методы доставки запрещенных предметов включали в себя перебросы через ограждения, передачу через подкупленных сотрудников и посетителей, а также использование тайников в посылках и передачах. Перебросы через ограждения оставались наиболее распространенным способом ввиду своей простоты и оперативности, при этом основные усилия администрации учреждений были направлены на усиление периметровой охраны и патрулирования. Однако с течением времени преступные элементы стали использовать более изощренные способы доставки запрещенных предметов, что привело к необходимости внедрения новых методов борьбы и использования современных технологий.

Безусловно современные технологии значительно изменили подход к доставке запрещенных предметов. В последнее десятилетие широкое распространение получили беспилотные летательные аппараты (дроны), которые позволяют доставлять запрещенные предметы непосредственно на территорию исправительных учреждений, минуя традиционные средства охраны. Установлено, что за последние пять лет количество случаев использования дронов значительно увеличилось, что вынудило ФСИН разрабатывать и внедрять системы радиоэлектронного подавления и обнаружения беспилотных устройств[1]. Кроме того, совершенствуются методы сокрытия запрещенных предметов в посылках, например, использование двойных стенок, химических реагентов для маскировки наркотических веществ и сложных механизмов передачи через продукты питания. Также наблюдается рост случаев использования тела человека для скрытой передачи. Как показывают данные, за последние три года выявлено более 2 000 случаев проноса наркотиков, смартфонов и других предметов указанными выше способами[2]. Еще более изощренным стало использование животных. Пронос мелких предметов в животе кошек и собак стал особенно популярен, что требует усиления контроля за животными, попадающими на территорию ФСИН различными способами[3].

По данным статистики, за последние пять лет наблюдается рост числа задержаний за попытки передачи запрещенных предметов. В 2019 г. были зафиксированы около 4 500 случаев пресечения противоправных действий, связанных с доставкой запрещенных предметов, тогда как в 2023 году этот показатель достиг 6 800 случаев. Основными выявленными способами остаются перебросы через ограждения и передачи через посетителей, однако доля случаев с использованием дронов возросла с 5% в 2019 г. до 20% в 2023 г.[4] Эти данные свидетельствуют о необходимости более жесткого контроля за воздушным пространством вблизи исправительных учреждений и внедрения передовых технологий для их защиты.

Актуальные проблемы в данной сфере включают недостаточный уровень технической оснащенности учреждений, дефицит квалифицированных специалистов по кибербезопасности и радиолокации, а также слож-

[1] ФСИН России. Официальный сайт. URL: https://fsin.gov.ru (дата обращения: 25.01.2025).

[2] Официальный отчет ФСИН России о предотвращении попыток проноса запрещенных предметов за 2022-2024 годы. URL: https://fsin.gov.ru (дата обращения: 25.01.2025).

[3] Иванов А.А. Использование животных для незаконного проноса запрещенных предметов в учреждения ФСИН // Криминологические исследования. 2024. № 2. С. 45-58.

[4] Статистический сборник ФСИН за 2023 год. М. : ФСИН России, 2024. 230 с.

ности в законодательном регулировании новых методов доставки запрещенных предметов. Важным фактором остается недостаточная осведомленность персонала о современных угрозах и методах их выявления. Для решения данных проблем необходимо проведение комплексных мероприятий по модернизации системы безопасности, включая внедрение систем раннего обнаружения дронов, обучение персонала и разработку новых регламентов по работе с высокотехнологичными угрозами.

Нормативное правовое регулирование в области предотвращения доставки запрещенных предметов в исправительные учреждения предусматривает административную и уголовную ответственность. В соответствии со статьей 19.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрено наказание за передачу или попытку передачи запрещенных предметов. Уголовный кодекс Российской Федерации также содержит ряд статей, касающихся незаконного оборота наркотических средств и запрещенных веществ в местах лишения свободы. Однако, несмотря на наличие законодательных механизмов, эффективность их применения во многом зависит от оперативности работы сотрудников ФСИН и уровня технического оснащения исправительных учреждений.

В целях усиления безопасности предлагается ряд мероприятий, направленных на минимизацию попыток доставки запрещенных предметов. В первую очередь необходимо усовершенствовать системы видеонаблюдения. Дополнительно целесообразно проводить регулярные тренировки и повышение квалификации персонала с целью усиления уровня бдительности и выявления попыток проноса запрещенных предметов. Также важно активное использование технических средств, таких как сканеры для досмотра посылок и корреспонденции, а также установка систем подавления сигналов беспилотных летательных аппаратов. Таким образом, эволюция методов доставки запрещенных предметов в учреждения ФСИН России требует постоянного мониторинга и адаптации мер противодействия. Необходима интеграция современных технологий, совершенствование нормативной правовой базы и повышение квалификации сотрудников для эффективного пресечения противоправных действий. Только комплексный подход позволит обеспечить надежную защиту исправительных учреждений и минимизировать риск попадания запрещенных предметов на их территорию.

Бекмурзинова К.К.

Омская академия МВД России

Получение доказательств при производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения с помощью специальных технических средств

Сфера производства по делам об административных правонарушениях значительнее подверглась внедрению цифровизации, к тому же безопасность дорожного движения в настоящий момент не представляется без приборов фиксации. Контроль и надзор за дорожным движением неразрывно связан с выявлением административных правонарушений и, как следствие, с рассмотрением дел об административных правонарушениях.

Ученые-административисты отмечают, что использование технических средств фиксации административных правонарушений в области дорожного движения в качестве основания привлечения к административной ответственности приводит к ряду сложностей как технического, так и правового характера[1].

Законодательно в административном праве выделяются следующие процессуальные формы административного производства:

– упрощенная, в соответствии со статьей 28.6 КоАП РФ;

– стандартная, в соответствии со статьей 28.1 КоАП РФ;

[1] Головко В.В. Новое законодательство о технических средствах, применяемых для привлечения к административной ответственности в области дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 51-55.

– усложненная, в виде административного расследования в соответствии со статьей 28.7 КоАП РФ.

В частности, административное расследование в области дорожного движения представляет собой процессуальную форму привлечения лица к административной ответственности, в ходе которой проводятся экспертизы или иные процессуальные действия, требующие значительные временные затраты. В ходе расследования предполагается проведение реальных действий направленных на установление обстоятельств административного правонарушения, в том числе фиксацию, оформление и квалификацию данного правонарушения. Расследование носит широкий смысл в уголовно процессуальном аспекте, нежели в административном, но также значимо, поскольку в преюдиционных составах доказательства, полученные в ходе административного производства, являются основополагающими.

Широкое применение современных цифровых решений при производстве по делам об административных правонарушениях требует детального соблюдения предъявляемых требований. Так, доказательства, полученные с использованием технических устройств, характеризуются как первоначальные, косвенные. Характеристика данных, полученных с использованием автоматизированной техники, проходит проверку на соответствие законности предоставленной информации. Критерием соответствия требованиям выступают: свидетельство о проверке, сертификат и методическое указание по их применению, поскольку уже повторное измерение будет невозможным.

К дополнительным критериям в качестве доказательств об административном правонарушении можно отнести:

1) соблюдение порядка регистрации;

2) соответствие программных средств техническому обеспечению;

3) соблюдение интервала проверки при экспертизе материала документа;

4) соответствие нормативной основе документации средств фиксации административных правонарушений;

5) техническую базу устройств фиксации, позволяющую достичь оптимальной точности измерений[1]. Также необходимым критерием использования доказательств, полученных с помощью средств видеофиксации, является их допустимость. В соответствии с ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ, доказательства, полученные с нарушением закона, считаются недопустимыми.

Внедрение цифровых технологий в сферы административного производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения происходит по-разному. Процесс цифровизации напрямую зависит от необходимости использования электронной техники в различной области административного производства. Основной проблемой, объясняющей неэффективность использования электронных устройств в качестве неотъемлемой составляющей информации в процессе доказывания, является недостаточная нормативная регламентация современного законодательства.

В процессе производства по делу об административном правонарушении нередки случаи:

– когда привлекаются к административной ответственности бывшие собственники транспортных средств, что происходит вследствие того, что сотрудники при вынесении постановлений по делам об административных правонарушениях должным образом не проверяют транспортное средство по информационным базам. Учитывая, что похищенное транспортное средство выставляется в базу розыска, а установление собственника транспортного средства является основным обстоятельством, образующим предмет доказывания, вынесенные постановления отменяются и признаются вынесенными незаконно;

– при проведении исследования выдыхаемого воздуха на наличие алкоголя результаты измерения концентрации абсолютного этилового спирта в выдыхаемом воздухе необходимо указывать временные промежутки забора, а также учитывать, что при положительном результате первого исследования проводится повторное исследование выдыхаемого воздуха через 15-20 минут, в протоколе необходимо отмечать внешние признаки опьянения у водителя. Допускаемые нарушения в ходе процедуры освидетельствования препятствуют вынесению судом законного и обоснованного решения;

[1] Головко В.В. Административно-юрисдикционная деятельность Государственной инспекции безопасности дорожного движения : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2005. С. 20.

– нерешенные вопросы привлечения лиц к административной ответственности за правонарушения, зафиксированные камерами автоматической фиксации за нарушения разметки и знаков, где в качестве доказательства используется только фотоснимок, на котором ничего кроме автомобиля не видно, что является недопустимым. Следует учитывать, что фотоснимок, на котором зафиксировано правонарушение, должен быть информативным, то есть на нем должен быть зафиксирован факт непосредственного нарушения разметки, знаков, кроме этого, в постановлении необходимо указывать, на каком участке дороге были установлены запрещающая разметка и знак, так как только в совокупности данные доказательства являются достаточными для принятия решения о нарушении ПДД; необходимо исследовать и другие доказательства, однако если их нет, то все сомнения трактуются в пользу лица, привлекаемого к административной ответственности.

Несмотря на единообразия правового регулирования специальных технических средств в нашей стране, «практика правоприменительная в разных регионах складывается по-разному»[1], к тому же стоит заметить, что практика по привлечению лиц, совершивших правонарушение, которое зафиксировано специальными средствами, постоянно увеличивается[2].

При реализации рассматриваемого нами института появляются проблемные аспекты со стороны организации и правового регулирования. Так, несовершенство показателей измерительных приборов зачастую становится проблемой при их реализации. Ведь при любых измерениях результат получается с определенной точностью.

Тепляшин И.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Основные формы взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации с общественными институтами: нормативные положения

Состоятельность и результативность механизма противодействия преступности определяется стройностью нормативных основ и соответствующей отчетностью официальных органов и учреждений. В деятельности правоохранительных органов большое значение имеет механизм взаимодействия с иными органами государственной власти, учреждениями и организациями, а также с общественными институтами, под которыми понимаются общественные объединения, субъекты общественного контроля, инициативные группы граждан, экспертное и научное сообщество, заинтересованные граждане.

В пределах представленного материала внимание уделяется нормативным основам взаимодействия МВД России с общественными институтами. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» обязывает федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел организовывать и проводить постоянный мониторинг общественного мнения о деятельности полиции, а также мониторинг взаимодействия полиции с институтами гражданского общества. В свою очередь, информация о деятельности министерства в соответствии с приказом МВД России от 26 февраля 2018 г. № 109 «О порядке подготовки и размещения информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в информационно-коммуникационной сети Интернет» подлежит размещению в информационно-коммуникационной сети Интернет, являясь актуальной и достоверной.

Основными формами взаимодействия МВД России и общественных институтов граждан являются следующие модели их сотрудничества.

[1] Смоляков А.И. Административно-правовое принуждение и поощрение в системе государственно-правовых методов обеспечения безопасности дорожного движения : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14. Орел, 2017. С. 19.

[2] Бекмурзинова К.К. Проблемы доказывания по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения // Проблемы применения законодательства об административной ответственности : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 87-91.

Рассмотрение обращений граждан. Реализация этой формы осуществляется в рамках приказа МВД России от 27 ноября 2024 г. № 808 «Об организации работы с обращениями граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации». Обращения граждан направляются в МВД России с использованием нескольких каналов: по телефону «доверия», посредством сервиса «Прием обращений», расположенного на государственном интернет-сайте[1], по почте, через Единый портал государственных услуг, через систему межведомственного электронного документооборота, Федеральной фельдъегерской связью и специальной связью, путем обращения в дежурные части территориальных органов МВД России, через почтовые ящики, размещенные в холлах зданий региональных управлений МВД России, факсимильной связью, а также в ходе личного приема должностными лицами. В соответствии с приказом МВД России от 29 декабря 2018 г. № 900 «Об утверждении Положения о Департаменте делопроизводства и работы с обращениями граждан и организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации» в структуре МВД России действует Департамент делопроизводства и работы с обращениями граждан и организаций, который в установленном порядке выполняет функции головного подразделения системы МВД России по документационному обеспечению управления, организации рассмотрения обращений, соблюдения режима секретности в обращении с документами, содержащими государственную и иную охраняемую законом тайну. Департамент организует деятельность органов, организаций и подразделений системы МВД России по рассмотрению обращений органов местного самоуправления, граждан в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». В специальной литературе указывается такая форма обращения граждан, как отзыв о деятельности конкретного органа власти или должностного лица, в рамках которой граждане вправе направлять мнение о качестве предоставления государственных услуг, деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений)[2], что также осуществляется в системе МВД России.

Личный прием граждан руководством МВД России. Данная форма предусмотрена подпунктом 96 пункта 11 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации». Значимым выступает предварительная проработка вопросов граждан, сбора информации по существу обращения, изучение личности, что обеспечит конструктивность диалога должностного лица с заявителем и исключает формализм и шаблонность[3].

Деятельность общественных советов. На федеральном и региональном уровнях создаются общественные советы, их деятельность регламентируется Указом Президента РФ от 28 июля 2011 года № 1027 «Об утверждении Положения от Общественном совете при Министерстве внутренних дел Российской Федерации». Общественные советы осуществляют общественный контроль, привлекают для обсуждения организационно-правовых аспектов функционирования правоохранительных органов экспертов, специалистов, ветеранов, волонтеров и других заинтересованных лиц. Члены советов вправе участвовать в работе координационных, консультативных, экспертных и совещательных органов (советах, комиссиях, рабочих группах) по вопросам укрепления правопорядка, борьбы с преступностью, взаимодействия институтами гражданского общества. Они вправе присутствовать при проведении личного приема граждан в органах внутренних дел, при которых данные общественные советы образованы.

Оказание бесплатной юридической помощи. Осуществление бесплатной юридической помощи и правового консультирования обеспечивается в соответствии с федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ

[1] URL: https://мвд.рф (дата обращения: 31.01.2025).

[2] Савоськин А.В. Отзывы о деятельности органов власти: от практики к теории // LexRussica. 2016. № 12 (121). С. 68-78.

[3] Богданов А.В. К вопросу о совершенствовании организационно-правовых основ личного приема граждан в органах внутренних дел Российской Федерации // Академическая мысль. 2022. № 1 (18). С. 7-12.

«О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» и включает координационные мероприятия с Министерством юстиции Российской Федерации, образовательными организациями, адвокатурой, нотариатом и иными заинтересованными субъектами.

Деятельность добровольных народных дружин. Правовые основы участия граждан в охране общественного порядка закреплены в Федеральном законе от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка». В специальной литературе указываются основные субъекты народной дружины: народный дружинник и внештатный сотрудник полиции[1], которые в соответствии с приказами МВД России от 10 января 2012 г. № 8 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции», от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» взаимодействуют с территориальными органами МВД России по поводу формирования и деятельности народных дружин, содействия сотрудникам полиции в охране общественного порядка и поиске лиц, пропавших без вести, пресечении правонарушений, доставлении правонарушителей в отделы полиции, составлении протоколов о совершении административных правонарушений (например, предусмотренных ст. 19.35 КоАП РФ). Приказ МВД России от 21 июля 2014 г. № 599 «О порядке формирования и ведения регионального реестра народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности» определяет порядок формирования и ведения регионального реестра добровольных народных дружин и соответствующих общественных объединений.

Общественная экспертиза проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов по вопросам деятельности полиции. Также в рамках совершенствования правоохранительной работы МВД России взаимодействует с экспертными и научно-исследовательскими группами, обращается за помощью специалистов при проведении экспертного оценивания соответствующей сферы служебной деятельности и эффективности механизма противодействия преступности[2].

Профилактика правонарушений. Данная форма участия граждан в правоохранительной деятельности закрепляется в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Кроме этого, Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» предоставляет частным организациям оказывать содействие правоохранительным органам в обеспечении правопорядка, в предупреждении и раскрытии преступлений, пресечении административных правонарушений.

В действующей модели сотрудничества МВД России и институтов общественности также реализуется общественный контроль за деятельностью полиции; обсуждение вопросов, касающихся деятельности полиции, в средствах массовой информации; рассмотрение общественных инициатив по актуальным вопросам деятельности полиции; участие независимых экспертов и специалистов в деятельности органов внутренних дел; взаимодействие в рамках проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий; оказание волонтерской помощи.

В итоге формы взаимодействия МВД России с общественными институтами направлены на установление конструктивных связей между основными субъектами правоохраны, обеспечивают повышение доверия граждан к правоохранительной системе, укрепляют законность и правопорядок в обществе.

[1] Голованова Т.В. Правовое регулирование и организация участия граждан в охране общественного порядка : учебное пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2021. С. 14-15.

[2] Цуканов Н.Н. О методике расчета штатной численности подразделений по контролю за оборотом наркотиков // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXV международной научно-практической конференции (7-8 апреля 2022 г.): в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2022. Ч. 1. С. 16-20.

Панина Е.Н.,

кандидат психологических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Ковалев С.М.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Тактические особенности несения службы наружными нарядами с учетом их гендерного состава

В настоящее время органы внутренних дел уже не являются сугубо мужской сферой деятельности. Более того, наблюдается устойчивая тенденция увеличения количества принятых на службу женщин-сотрудников. Указанная тенденция проявляется в том числе в увеличении численности девушек – курсантов и слушателей ведомственных вузов[1]. При этом отмечается своеобразное «гендерное разделение труда» среди сотрудников полиции: женщин больше на направлениях, связанных с дознанием и следствием, аналитической и требующей внимательности и кропотливости «бумажной» работой. Кроме того, мужчин-полицейских мало интересуют направления служебной деятельности, требующие эмоционального участия: работа с жертвами правонарушений, деятельность инспектора по делам несовершеннолетних, психологическое сопровождение служебной деятельности. Данные направления также традиционно считаются «женскими».

Мужчины-полицейские зачастую все еще считают, что женщины «малоэффективны» в действительно опасных ситуациях, которые являются основой полицейской работы. Однако, как отмечают Т.М. Бормотова, А.Е. Ильин и В.В. Макаров, существенно возрастает не только количество сотрудников женского пола, но и «расширяется содержание их служебно-профессиональной деятельности»[2]. Женщины-сотрудники принимаются на службу на такие должности, которые считались традиционно «мужскими»: оперативная деятельность, участковый уполномоченный полиции, выполнение задач в составе специальных подразделений, патрульно-постовая служба. Изменение ситуации в российском обществе привело к тому, что женщины выполняют служебные задачи, связанные с охраной общественного порядка наравне с мужчинами.

Исходя из указанных обстоятельств необходимо определить тактические особенности несения службы наружными нарядами с учетом их гендерного состава. Прежде чем сформулировать особенности несения службы с учетом гендерной принадлежности необходимо охарактеризовать психологические особенности женщин-полицейских, которые объективно могут повлиять на эффективность решения служебных задач в процессе несения патрульно-постовой службы.

Ряд исследований, посвященных психологическому аспекту гендерных различий при выполнении полицейскими служебных задач, показали, что женщины-сотрудники менее авторитарны в процессе несения службы; являясь более эффективными в организации взаимодействия с различными категориями граждан, они меньше ориентируются на физическую силу. Очень важно, как отмечают Ю.В. Муханов и С.С. Клименко, «женщины лучше справляются с устранением потенциально жестоких столкновений, прежде чем эти столкновения станут смертельными»[3].

В.А. Ильченко акцентирует внимание на том, что женщины-полицейские могут эффективнее, чем мужчины, разрешить потен-

[1] Панина Е.Н. Учет психодинамических особенностей женщин-полицейских в процессе профессиональной подготовки (тактико-специальный аспект) // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVII международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2024. Ч. 1. С. 97-99.

[2] Бормотова Т.М., Ильин А.Е., Макаров В.В. Факторы и условия службы женщин в органах полиции // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 6(180).

[3] Муханов Ю.В. Особенности физической подготовки женщин-полицейских в системе МВД России и положительный опыт подготовки полицейских в Америке // Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов : сборник статей всероссийского круглого стола. Орел : Орловский юридический институт МВД России, 2020. С. 142-147.

циально опасную ситуацию неагрессивным способом, они менее склонны к использованию оружия на поражение и в целом к насильственным действиям. Кроме того, стереотип восприятия населением женщин-полицейских основывается на социально более одобряемом поведении женщин: по мнению большинства граждан, женщины-полицейские значительно реже, чем полицейские-мужчины, ведут себя противоречащим общественному мнению образом. «Пользуясь большим доверием со стороны общества, они встречают меньшее сопротивление при выполнении таких полицейских действий, как проверка документов»[1].

Если рассматривать психофизиологическую составляющую гендерных различий, которая может определить тактические особенности несения службы наружными нарядами, то мужчины, например, по сравнению с женщинами, лучше видят днем, быстрее и лучше ориентируются на местности, полнее анализируют пространственную информацию, эффективнее решают последовательные логические задания. У женщин более эффективное сумеречное и ночное зрение, слуховая и тактильная чувствительность. Их внимание и память более детализированы, что в дополнении с комплексным восприятием ситуации мужчинами дает возможность максимально полной оценки обстоятельств выполнения служебной задачи. Важной (а в ряде случаев весьма полезной) особенностью женской психофизиологии является их способность решать несколько заданий одновременно. Помимо этого, при выполнении служебной задачи, женщина-сотрудница всегда остается внимательна к деталям, точна в наблюдении и терпелива в выполнении.

Для примера рассмотрим некоторые аспекты несения службы наружными нарядами патрульно-постовой службы полиции. В качестве установки сотрудникам полиции, заступающим на службу в составе наружного наряда, определяется обязанность во время несения службы проявлять бдительность и принимать меры предосторожности, исключающие возможность внезапного нападения. Указанные характеристики поведения в большей степени проявляются у женщин-полицейских, что отражает присущую «женскому» стилю поведения подсознательную осторожность и оценивание ситуации через анализ деталей. В связи с этим несение службы в составе смешанных по гендерному признаку наружных нарядах позволяет эффективно сочетать присущий мужчинам логический анализ сложившейся ситуации с «интуитивным» женским оцениванием всех рисков и обстоятельств выполнения служебной задачи.

Кроме того, одним из направлений деятельности сотрудников наружного наряда является незамедлительное реагирование на сложные ситуации на маршруте патрулирования, обращения различных категорий граждан, находящихся, в том числе в эмоционально нестабильном состоянии. В перечне лиц, на которых наряды должны обращать внимание во время службы, присутствуют: лица, которые проявляют подозрительную настороженность и беспокойство, одетые не по сезону или в одежду, не соответствующую росту и комплекции, а также имеющие повязки и травмы; лица, занимающиеся бродяжничеством и попрошайничеством; безнадзорные дети и дети, играющие в опасных местах; несовершеннолетние, находящиеся в ночное время в общественных местах без сопровождения родителей или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей и др.

Женщины-полицейские способны более эффективно, с учетом психологических особенностей эмоционального состояния, организовать взаимодействие не только с перечисленными лицами, но и с нетрудоспособными гражданами, инвалидами, пенсионерами, а также при разрешении конфликтных ситуаций, возникших на бытовой почве в семейных отношениях. Присущие женщинам эмпатия и эмоциональный интеллект помогают им выстроить эмоционально-доверительные отношения с указанной категорией граждан, получить информацию о возникших затруднениях и проблемах.

При работе с остальными категориями граждан, а также, например, при проведении личного досмотра, женщины-полицейские, как уже отмечалось выше, менее агрессивны, враждебны и обладают большей исполнительской дисциплиной и тактичностью. Это позволяет дополнить традиционные, присущие мужчинам авторитарные способы взаимодействия с гражданами более гибкими,

[1] Ильченко В.А. Женщины-полицейские в современном российском обществе: к вопросу о феминизации органов внутренних дел // Вестник Нижегородского института управления. 2019. ; 4(54). С. 21-23.

учитывающими индивидуальные особенности личности «женскими» способами выстраивания коммуникации.

Таким образом, определение тактических приемов несения службы наружными нарядами с учетом их гендерного состава предполагает формулировку задач и разработку алгоритмов действий сотрудников в различных ситуациях с учетом «гендерной специфики» восприятия и оценки оперативной обстановки и организации взаимодействия с отдельными категориями гражданам.

Машковцева О.Ю.

Академия управления МВД России (г. Москва)

Цифровые сервисы МВД России в рамках предоставления государственных услуг

Процесс цифровой трансформации института государственных услуг в МВД России осуществляется в рамках реализации государственной программы «Информационное общество»[1], которое направлено на улучшение системы государственного управления. В частности, Стратегией развития информационного общества в России[2] определены мероприятия по реализации одной из приоритетных целей программы – улучшение качества и доступности предоставления государственных услуг (далее госуслуг).

На сегодняшний день органы внутренних дел оказывают порядка 34 государственных услуг, большая часть из которых может быть полностью или частично предоставлена в электронном виде. Многие госуслуги относят к числу электронных, но ведь для того, чтобы госуслуга приобрела полностью цифровой формат, необходимо говорить о цифровизации перечня административных процедур[3]. В настоящее время среди «электронных услуг» всего 2 полностью цифровизированы. К их числу относятся госуслуги, оказываемые посредством предоставления сведений из информационных систем МВД России на получение различных видов справок:

1) о наличии/отсутствии судимости;

2) является/не является лицо подвергнутым административному наказанию за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача[4].

Остальные же содержат элементы цифровизации и характеризуется в первую очередь электронной записью с частичным предварительным заполнением документов. Для этого необходимо использование электронных сервисов МВД РФ, которые доступны через Единый портал государственных и муниципальных услуг (Госуслуги), официальный сайт МВД России и специализированные ведомственные сайты.

Можно выделить несколько автоматизированных элементов:

1) подача заявления. Граждане имеют возможность подавать электронные заявления, а также отслеживать статус их рассмотрения;

2) запись на прием в подразделения МВД России, которая дает возможность выбора удобного времени и места для личного посещения;

3) оплата государственных пошлин. Предусмотрена возможность дистанционного взаимодействия с правоохранительными органами, путем оплаты онлайн.

Удовлетворенность гражданами качеством работы подразделений сегодня превышает 90%. На специализированном сайте «Ваш контроль» гражданами по итогам 2024 года оставлены 96,6% положительных отзыва. Простота и понятность интерфейса, скорость обработки заявок, наличие обратной связи, а также минимизация личных

[1] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» : постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313.

[2] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203.

[3] Разгон О.Ю. Цифровые государственные услуги в органах внутренних дел Российской Федерации: миф или закономерная реальность // Молодежь, наука и цивилизация : материалы международной конференции адъюнктов (аспирантов), курсантов, слушателей и студентов, Красноярск, 16 мая 2024 года. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2024. С. 281.

[4] Прокопенко А.Н., Жукова П.Н., Насонова В.А. Особенности предоставления государственных услуг органами внутренних дел в электронном виде на современном этапе // Научный компонент. 2020. № 3 (7). С. 227.

посещений – те критерии, которые говорят об эффективной работе электронных сервисов.

Несмотря на положительную динамику развития электронных сервисов МВД России, существуют и некоторые проблемы.

1. В первую очередь ограниченный доступ к интернету. Не все регионы России обеспечены качественным и доступным интернетом, что затрудняет доступ граждан к электронным услугам.

2. Недостаточный уровень цифровой грамотности. Часть населения, особенно пожилые люди, испытывают трудности с использованием электронных сервисов.

3. Из обозначенной выше проблемы вытекает еще одна – необходимость авторизации на Госуслугах. Большая часть населения не испытывает проблем с работой на электронных платформах, однако процедура авторизации может быть сложной для некоторой категории граждан.

4. Неполная интеграция сервисов. Как было обозначено ранее, не все государственные услуги МВД России доступны в электронном виде.

5. Технические сбои. Периодические технические проблемы в работе электронных сервисов затрудняют реализацию прав граждан на получение государственных услуг.

Для дальнейшего развития электронных сервисов МВД России и улучшения эффективности их работы, на наш взгляд, необходимо: повысить уровень цифровой грамотности населения через образовательные программы, упростить процедуры регистрации и авторизации на портале Госуслуги, расширить перечень электронных услуг, предоставляемых МВД России, повысить стабильность и надежность работы электронных сервисов, улучшить обратную связь с пользователями электронных услуг.

Цифровизация государственных услуг МВД России является важным шагом на пути к созданию современного и эффективного государства, ориентированного на потребности граждан. Электронные сервисы МВД России обладают большим потенциалом для повышения доступности, удобства и качества государственных услуг. Для дальнейшего развития электронных сервисов необходимо преодолеть существующие проблемы и создать условия для их повсеместного и беспрепятственного использования всеми гражданами.

Фомичева О.Л.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Оптимизация взаимодействия полиции и органов местного самоуправления в сфере обеспечения конституционного правопорядка в России

До проведения в 2020 году конституционной реформы фокус взаимодействия между полицией и органами местного самоуправления в соответствии с положениями ст. 132 Конституции России преимущественно был направлен на охрану общественного порядка. Это подразумевало реализацию функции «по защите прав и свобод жителей муниципального образования»[1], а также иные меры по обеспечению законности и конституционного правопорядка на территории муниципалитета. Взаимодействие строилось, прежде всего, вокруг традиционных задач, таких как пресечение правонарушений и поддержание порядка на улицах, реагирование на вызовы и обращения граждан.

Следует отметить, что характер этого взаимодействия со временем претерпел эволюцию и был оптимизирован. С принятием конституционных поправок, которые закрепили концепцию единой системы публичной власти в России, полномочия муниципальной власти по охране общественного порядка из ст. 132 Конституции России были исключены, однако в настоящее время формально они определены в п. 8 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон о принципах местного самоуправления) в части организации охраны об-

[1] Галицков В.А., Гиздатов А.Р. Конституционно-правовые основы взаимодействия органов местного самоуправления и органов внутренних дел в сфере осуществления охраны общественного порядка // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015 г. № 4. С 15-18.

щественного порядка на территории муниципального района муниципальной милицией.

Проанализировав соотношение общественного порядка и правопорядка, можно отметить их органическую взаимосвязь, но не тождественность, поскольку общественный порядок урегулирован социальными нормами (в том числе нормами морали, обычаев, традиций и др.), тогда как поддержание правопорядка осуществляется с помощью правовых предписаний. В свою очередь, конституционный правопорядок, «будучи содержательно более широким, чем правопорядок, осуществляет интегрирующую роль по отношению к рассмотренным нами смежным социально-правовым категориям, ведь конституционный правопорядок напрямую зависит от соблюдения правопорядка в обществе» [1].

Говоря о критериях качественного обеспечения конституционного правопорядка в государстве, нельзя не согласиться с точкой зрения А.В. Безрукова, который считает таковыми «формирование единой и согласованной нормативной правовой основы; эффективность и слаженность работы органов публичной власти; координацию и четкое функционирование правоохранительных структур»[2]. При формировании такой системы критериев отчетливо просматривается необходимость конструктивного взаимодействия всех субъектов обеспечения конституционного правопорядка.

Таким образом, конституционная реформа «спровоцировала» необходимость перестройки и обновления моделей взаимодействия полиции и муниципальной власти, в связи с тем, что по мнению исследователей, «невозможно в одиночку ни эффективно решать актуальные задачи оперативно-служебной деятельности, ни обеспечивать решение установленных законодательством вопросов в интересах населения, проживающего на соответствующей территории»[3].

Анализ законодательства и научных источников позволил определить сферу соприкосновения в деятельности полиции и органов местного самоуправления и выявить оптимизированные направления взаимодействия между указанными субъектами в сфере обеспечения конституционного правопорядка в России. Так, О.А. Кожевников и А.Н. Мещеряков[4] определяют перечень основных направлений взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с органами местного самоуправления по вопросам, относящимся к компетенции местных властей. Проанализируем основные из них и обозначим роль Сибирского юридического института МВД России в профильном для образовательной организации направлении деятельности.

Так, в соответствии с положениями ч. 5 ст. 16 Закона о принципах местного самоуправления к кругу вопросов, решаемых муниципальными властями, относится дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах муниципального, городского округа и обеспечение безопасности дорожного движения на указанных магистралях.

Взаимодействие в этой сфере строится на нескольких уровнях. На уровне контрольно-надзорной деятельности ГИБДД осуществляет непосредственный мониторинг соблюдения правил дорожного движения, выявляет нарушения и применяет меры административного воздействия к нарушителям. Однако эффективность этой деятельности во многом зависит от содействия со стороны органов местного самоуправления. Например, местные власти отвечают за организацию дорожного движения, включая установку и содержание дорожных знаков, разметки, светофоров, а также за состояние дорожного полотна[5]. Некачественное содержание дорог, отсутствие или неисправность дорожных знаков, недостаточная освещенность – все это факторы, существенно повышающие риск ДТП. Поэтому своевременное реагирование местных властей на сообщения ГИБДД о проблемных участках дорог критически важно. Также органы местного самоуправ-

[1] Ястребова А.И. Соотношений понятий «общественный порядок», «правопорядок», «конституционный порядок» // Закон и право. 2013. № 12. С. 15-18.

[2] Безруков А.В. Конституционные преобразования как фактор укрепления конституционного правопорядка в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 92-95.

[3] Кожевников О.А., Мещеряков А.Н. Основные направления взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и органов местного самоуправления: правовые и организационные аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 1 (59). С. 13-22.

[4] Там же.

[5] Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2017 № 443-ФЗ.

ления играют важную роль в реализации профилактических мер, направленных на повышение безопасности дорожного движения. Это включает в себя организацию и проведение пропагандистских мероприятий среди населения, установку ограждений в опасных местах, создание безопасных условий для участников дорожного движения, а также разработку и реализацию программ по обучению правилам дорожного движения в школах и детских садах муниципалитета, в том числе с привлечением сотрудников органов внутренних дел.

Следующим важным направлением взаимодействия полиции и органов местного самоуправления является обозначенное в ч. 7.1 ст. 16 Закона о принципах местного самоуправления участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах муниципального, городского округа.

Большинство исследователей полагают, что экстремизм в современном обществе − в основном молодежный феномен. Поэтому особое внимание уделяется профилактике правонарушений среди подрастающего поколения. Необходимо отметить, что совместная деятельность по профилактике терроризма и экстремизма является разноплановой. Значимую роль играет проведение совместных мероприятий в формате встреч, лекций, тематических уроков с участием как представителей органов местного самоуправления, так и сотрудников ОВД РФ в помещениях школ, колледжей, библиотек и других объектов, находящихся в собственности муниципалитета. Востребованной является деятельность по организации в детских общественных организациях и военно-патриотических клубах соревнований по различным видам спорта (включая спортивные виды единоборства), в которой активное участие могут принимать и сотрудники полиции, выполняя, например, функции судьи.

Следует подчеркнуть, что эффективность таких мероприятий зависит от слаженной работы сотрудников ОВД РФ и представителей органов местного самоуправления, от взаимного обмена информацией и четкого распределения обязанностей. Здесь важно учитывать специфику каждого муниципального образования. Очевидно, что в крупных городах задачи и методы работы будут отличаться от тех, которые применяются в малых населенных пунктах.

Значимым и приоритетным направлением взаимодействия полиции и органов местного самоуправления выступает профилактика правонарушений среди несовершеннолетних, среди которых основные субъекты – обучающиеся различных образовательных организаций. Отдельным направлением совместной деятельности является правовое и патриотическое воспитание молодежи, организация встреч с представителями разных служб органов внутренних дел. В соответствии с действующим законодательством[1] в рамках взаимодействия проводится совместное планирование деятельности, кроме того, ведется работа по организации ряда мероприятий, направленных на профилактику беспризорности, безнадзорности, а также правонарушений несовершеннолетних обучающихся. Работа, направленная на профилактику правонарушений среди несовершеннолетних, на постоянной основе проводится также и в СибЮИ МВД России. Например, профилактические антинаркотические мероприятия (в том числе лекции в формате «Равный – равному»), проводимые волонтерским антинаркотическим объединением курсантов и слушателей института, посетили более 4 тысяч человек – воспитанников подшефных организаций, учащихся красноярских школ, учреждений среднего профессионального образования, студентов высших учебных заведений городского округа Красноярск.

Таким образом, рассмотренные нами основные направления взаимодействия полиции и органов местного самоуправления являются приоритетными и жизненно важными для муниципального образования любого вида. Эффективность взаимодействия рассматриваемых субъектов зависит от четкой постановки задач, разграничения зон ответственности, наличия эффективных механизмов координации и регулярного обмена информацией. Успешная реализация этих и иных направлений взаимодействия позволит создать действительно безопасную и комфортную среду для жизни, реализации

[1] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ; Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ; О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений : приказ МВД России от 17.01.2006 № 19.

интересов и потребностей населения нашей страны, способствуя укреплению конституционного правопорядка на всей территории России.

Шишкин П.Е.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О мерах совершенствования профилактического воздействия, осуществляемого участковыми уполномоченными полиции в отношении лиц, больных наркоманией, совершивших административные правонарушения в области незаконного оборота наркотиков, представляющих социальную опасность для окружающих

В феврале 2024 г. Инструкцию по исполнению участковым уполномоченным полиции обязанностей на обслуживаемом административном участке (далее – Инструкция), утвержденную приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205, были внесены существенные изменения в части профилактического учета лиц, больных наркоманий, совершивших два и более правонарушения, предусмотренных ст. 6.9, 6.9.1, а также ч. 2 и 3 ст. 20.20 КоАП РФ. В действующей редакции лица указанной категории были исключены из перечня лиц, состоящих на профилактическом учете[1]. Лица указанной категории были объединены с лицами, больными наркоманией, а также обязательным требованием для постановки на списочный учет стало наличие опасности для окружающих[2]. Ранее нами уже отмечались проблемы, связанные с постановкой на профилактический учет в органах внутренних дел лиц данной категории[3].

Кроме того, при постановке на списочный учет лиц указанной категории, осуществляются следующие меры индивидуальной профилактики – проводятся профилактические беседы и выносится объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения[4]. Однако указанные нормы в силу требований ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», содержащих требования в части соблюдения врачебной тайны. Однако в марте 2025 г. вступают в законную силу изменения в вышеуказанную норму следующего содержания «по запросу органов внутренних дел в связи с участием в наблюдении за лицами, больными алкоголизмом и (или) наркоманией и представляющими опасность для окружающих, в отношении которых установлено диспансерное наблюдение в связи со склонностью таких лиц к совершению общественно опасных действий, в целях предупреждения совершения указанными лицами преступлений и административных правонарушений»[5]. Данные изменения, на наш взгляд, положительно повлияют на профилактику правонарушений среди лиц данной категории. Однако по сравнение с категориями лиц, в отношении которых осуществляется профилактический учет, списочный учет не предполагает в качестве одного из обязательных мероприятий – посещения лиц, состоящих на списочном учете по месту жительства с определенной периодичностью. Указанная мера индивидуальной профилактики позволяет получить более полные сведения об образе жизни лица, в отношении которого проводится профилактика, общение с его родственниками

[1] О внесении изменений в Инструкцию по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке и Наставление по организации службы участковых уполномоченных полиции, утвержденные приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 : приказ МВД России от 06.02.2024 № 41, п. 18.1.

[2] Инструкции по несению службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке : приказ МВД России от 29.03.2019 № 205, п. 37.4.

[3] Шишкин П.Е. К вопросу о проведении участковыми уполномоченными полиции профилактической работы с больными наркоманией, состоящими на учете в медицинской организации, совершившими административные правонарушения в области законодательства о наркотических средствах и психотропных веществах // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 1 (38). С. 16.

[4] См. п. 37.4 Инструкции.

[5] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 22.07.2024 № 195-ФЗ, ч. 1 ст. 3.

или иными лицами, проживающими с лицом, больным наркоманией, в одном жилом помещении. Кроме этого, при продолжении лицом, в отношении которого осуществляются меры индивидуальной профилактики правонарушений, девиантного поведения, внезапные проверки по месту жительства могут позволить выявить факты немедицинского потребления наркотиков, вплоть до выявления фактов предоставления жилого помещения для организации притонов для потребления наркотиков. Учитывая изложенное, на наш взгляд, целесообразным было бы сохранение нормы, устанавливающей обязательность посещения по месту жительства не реже одного раза в квартал в отношении лиц, больных наркоманией, совершивших повторные административные правонарушения в области незаконного оборота и немедицинского потребления наркотиков.

Данное изменение затронуло и порядок предоставления информации со стороны органов здравоохранения органам внутренних дел. Взаимодействие по данному направлению осуществляется на основании Инструкции об организации взаимодействия органов здравоохранения и органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами, утвержденной совместным приказом Минздрава РФ и МВД России от 30 апреля 1997 г. № 133/269. Согласно указанной Инструкции, психоневрологический диспансер должен направлять в орган внутренних дел по месту жительства лиц с психическими расстройствами, состоящих на активном диспансерном наблюдении и на амбулаторном принудительном наблюдении и лечении у психиатра следующую письменную информацию:

– ежегодно до 20 января список лиц, находящихся на активном диспансерном наблюдении и лечении у психиатра;

– сведения об изменении места жительства лицом с психическим расстройством, находящимся на активном диспансерном наблюдении, или амбулаторном принудительном наблюдении и лечении у психиатра, а также при длительном отсутствии его по месту регистрации;

– данные о лицах, вновь включенных в список активного диспансерного наблюдения, принятых на амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра и снятых с него, – немедленно по принятии соответствующих решений[1].

Распространение действия указанной инструкции на лиц, больных наркоманией, совершивших административные правонарушения, представляющих социальную опасность для окружающих, позволит более оперативно передавать вышеуказанные сведения в подразделения по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, тем самым ускорится процесс постановки на списочный учет и возможность применения в отношении лиц данной категории мер индивидуальной профилактики. Указанные мероприятия в целом положительно повлияют на профилактику административных правонарушений в области оборота наркотиков, в том числе позволяют предотвращать либо своевременно выявлять факты немедицинского потребления наркотиков.

Цуканов Д.Н.

Омская академия МВД России

К ВОПРОСУ О ДИСПОЗИТИВНОСТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ОТЯГЧАЮЩИХ АДМИНИСТРАТИВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Ввиду непрерывности научно-технического прогресса преступность приобретает все новые возможности, что, в свою очередь, ставит перед правоохранительными органами новые задачи и формирует перспективы совершенствования правовых механизмов. Зачастую лицо, занимающееся уголовно-наказуемой деятельностью, начинает свой противоправный «путь» с совершения административных правонарушений. Как отмеча-

[1] Инструкция об организации взаимодействия органов здравоохранения и органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами : приказ Минздрава РФ и МВД России от 30.04.1997 № 133/269, п. 2.1

ет Ю.А. Яницкий, обе разновидности нарушения закона представляются составляющими общей системы деликтов[1], следовательно, противодействие одному элементу должно положительно отражаться на предупреждении и даже пресечении другого.

Правовое регулирование охраны общественных отношений располагает такой категорией, как обстоятельства, отягчающие административную ответственность (ст. 4.3 КоАП РФ). Этот инструмент, несмотря на кажущуюся простоту своего назначения на пути своей реализации, встречается с рядом вопросов правоприменения, один из которых связан с возможной диспозитивностью применения таких обстоятельств.

Если анализировать судебную практику за 2020-2024 гг., можно увидеть, что наиболее часто встречающимися обстоятельствами, отягчающими административную ответственность, выступали «повторное совершение противоправного деяния» и «продолжение противоправных действий, несмотря на требование уполномоченных на то лиц, прекратить его»2. Остальные обстоятельства попросту не нашли отражения в судебных решениях. При этом не удалось также найти ни одного решения Верховного Суда РФ, в котором встречалась бы критика правоприменительных органов, не давших оценку имевшим место обстоятельствам, отягчающим административную ответственность.

А.С. Телегин, характеризуя такое обстоятельство, как повторное совершение однородного административного правонарушения, отметил: «необходимо учитывать, что признание повторного совершения однородного правонарушения отягчающим обстоятельством является правом, а не обязанностью должностного лица, в производстве которого находится дело на рассмотрении (ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ)»[3].

Неопределенности в данном вопросе, на наш взгляд, способствует теоретическая недоработка законодателя при составлении рассматриваемого перечня фактов. К примеру: ни в КоАП РФ, ни в ином нормативном правовом акте не раскрывается понятие обстоятельства, отягчающего административную ответственность. С.С. Кожугет, характеризуя данные обстоятельства, высказал мнение, что они «как лежащие за пределами состава административного правонарушения, так и входящие в него в качестве квалифицирующих признаки, обуславливающие усиление налагаемого на виновное лицо административное взыскание, а в отдельных случаях и привлечение его к уголовной ответственности»[4]. В условиях действующего законодательства фактическое отождествление исследуемой категории с квалифицирующими признаками не совсем корректно, поскольку эти объекты, несмотря на свой смежный характер, как по природе, так и по своим функциями имеют значительные различия. Более того, согласно ч. 2 ст. 4.3 КоАП РФ факты, перечисленные в законе в качестве обстоятельств, отягчающих правовую ответственность, не могут быть учтены в качестве таковых, если они предусмотрены статьями Особенной части как квалифицирующие признаки.

Основное отличие заключается в том, что квалифицирующие признаки являются основанием для более тяжкой ответственности, предусмотренной иными нормами закона. Наличие таких признаков является прямым указанием на то, что деяние содержит особенный состав правонарушения, предполагающий другие размеры наказания.

Обстоятельства, отягчающие правовую ответственность, не являются поводом для образования нового состава правонарушения, поскольку являются лишь фактами, на которые правоприменитель должен обращать внимание, когда стоит перед выбором размера взыскания в пределах одной санкции.

И.И. Карпец, характеризуя обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность, высказал мнение, согласно которому ключевым отличием отягчающих обстоятельств от прочих факторов, влияющих на назначение наказания, является их прямое влияние на увеличение общественной опас-

1 Яницкий Ю.А. Соотношение преступлений и административных правонарушений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок: теория, законодательство, практика : автореф. дис. …канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. С. 14.

2 Подборка судебных решений за 2020-2024 года // СПС «Консультант Плюс».

3 Телегин А.С., Тиунова Н.В. Повторность совершения административного правонарушения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 636.

4 Кужугет С.С. Обстоятельства, отягчающие административную ответственность, и их значение в юрисдикционной деятельности органов внутренних дел : учебное пособие. Хабаровск : Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1987. С. 24

ности деяния[1]. Так как характер затронутого объекта схож с таковым в административно-деликтном праве, то, опираясь на данный тезис, рассматриваемая категория напрямую влияет на общественную вредность правонарушения. Но наш взгляд, рассматривать обстоятельства, отягчающие административную ответственность, с таких позиций нельзя, поскольку в данном случае становится не понятным, каким образом наносится дополнительный ущерб общественным отношениям, например, в случае отказа лица от прохождения медицинского освидетельствования (п. 6 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ). Наконец, как и до каких пор меняется общественная вредность правонарушения при наличии обстоятельств, смягчающих административную ответственность (ст. 4.2 КоАП РФ)? Рассмотрение же таких обстоятельств, как увеличивающих общественную вредность самого правонарушителя ставит дополнительный вопрос о разграничении с квалифицирующими признаками деяния. Кроме того, многие из перечисленных в ст. 4.3 КоАП РФ обстоятельств в той или иной мере копируются в частях статей Особенной части КоАП РФ в качестве квалифицирующих обстоятельств, что еще больше затрудняет разграничение данных объектов.

Как должен воздействовать на правонарушителя учет таких обстоятельств, и должно ли быть вообще такое воздействие? Ведь в КоАП РФ отсутствуют правила назначения административного наказания при наличии обстоятельств, отягчающих административную ответственность. Например, закон не запрещает назначать минимальный размер наказания даже при наличии нескольких таких обстоятельств. Кроме того, ряд статей Особенной части КоАП РФ предусматривает абсолютно определенную санкцию, что исключает саму возможность влияния данных обстоятельств на размер назначаемого наказания.

Тем не менее, обратившись к ч. 2 ст. 4.1 КоАП РФ, мы обнаружим, что необходимость учета обстоятельств, отягчающих административную ответственность, напрямую прописана в законе в качестве императивной меры. Такой же вывод можно сделать и исходя из содержания абз. 8 части 1 ст. 4.3 КоАП РФ, связывающего возможность непризнания отягчающим лишь обстоятельства, предусмотренного п. 6 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ. Однако без четких правил по назначению наказания при наличии обстоятельств, отягчающих административную ответственность, последние зачастую воспринимаются, как фикция. Как отмечает А.Ф. Мещерякова, «на данный момент в безальтернативных санкциях эти обстоятельства просто не учитываются, что, по сути, является нарушением»[2]. Решению данного вопроса может способствовать изменение законодательства в части определения правил влияния наличия обстоятельств, отягчающих административную ответственность, на выбор вида и размера назначаемого административного наказания.

[1] Карпец И.И. Отягчающие и смягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. М., 1959. С. 23.

[2] Мещерякова А.Ф. Административные наказания: теоретико-правовая характеристика и некоторые проблемы назначения // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 12(181). С. 64.

Секция
«ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ»

Пестрецов И.О.

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

При подаче различного рода заявлений или сообщений в правоохранительные органы граждане преследуют тот или иной процессуальный интерес.

В уголовно-процессуальном законодательстве не имеется определения понятия «процессуальный интерес». В науке проблеме «процессуального интереса» уделено достаточно внимания, позволяющего выделить основной конструкт этого понятия. Так, И.Г. Смирнова определила понятие как «форма осознания субъектом потребности в реализации предоставленных законом процессуальных прав, восстановлении правовыми способами нарушенных прав, не противоречащих закону, а также расширении сферы действия таких прав либо увеличения их объема законодательно закрепленными средствами и методами»[1], И.И. Ахматов – как «разновидность правового интереса, представляющего собой совокупность идеологических установок субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, обеспечивающих выполнение им процессуальной функции»[2]. Таким образом, можно сделать вывод, что процессуальный интерес будучи отправной точной уголовного судопроизводства является собственно мотивом обращения граждан в государственные органы, то есть тем, что необходимо восстановить в ходе производства по уголовному делу.

Процессуальные интересы имеются у каждого участника уголовного судопроизводства, в том числе и государства, поскольку уголовное преследование – это реакция государства на совершенное действие, нарушающее уголовное законодательство.

Так, частные интересы потерпевших, как правило, связаны с полным возмещением имущественного, физического или морального вреда, причиненного преступлением.

Интересы подозреваемого, обвиняемого или подсудимого направлены не столько на то, чтобы избежать уголовной ответственности, сколько на защиту конституционных прав, в частности неприкосновенность личности, а также на защиту от необоснованного осуждения, обвинения и наказания.

Вместе с тем в ходе производства по уголовному делу также усматриваются и публичные интересы, которые отстаивают прокурор, органы уголовного производства (предварительного следствия, дознания, оперативные органы). В группу публичных интересов можно отнести защиту общества и государства от посягательства со стороны девиантных личностей, предотвращения угрозы повторения нарушения закона подозреваемым (обвиняемым), а также полное возмещение ущерба, причиненного преступлением государству и обществу, если таковой имеется, преследование принципа наказания за совершение уголовного правонарушения.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, преследуя цель гуманизации уголовного судопроизводства, предусмотрело альтернативный приговору способ разрешения уголовного конфликта, такой как институт прекращения уголовного дела и уголовного преследования. Данный институт позволяет уйти от привлечения лица к реальной уголовной ответственности и непосредственного назначения наказания, при условиях примирения обвиняемого с потерпевшей стороной, возмещения полного

[1] Смирнова И. Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное // Государство и право. 2008. № 8. С. 15.

[2] Ахматов И.И. Процессуальный интерес субъекта как атрибут уголовно-процессуального правоотношения: // Государство и право: теория и практика : материалы III международной научной конференции (г. Чита, июль 2014 г.). Чита : Молодой ученый, 2014. С. 53-57.

ущерба как потерпевшим, так и государству. Кроме того, федеральный законодатель, действуя в соответствии с духом времени, ввел новое основание для прекращения уголовного дела и уголовного преследования.

Так, УПК РФ дополнен ст. 28.2, согласно которой суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращают уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в отношении которого производство по уголовному делу было приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения), при получении информации от уполномоченных органов о случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 78.1 УК РФ. Данная норма является отсылочной, в связи с чем раскроем сами случаи принятия такого решения.

Согласно ст. 78.1 УК РФ должностное лицо может принять решение о прекращении уголовного преследования по ст. 28.2 УПК РФ при следующей конструкции:

1) лицо совершило преступление, за исключением преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних либо преступлений террористической направленности или против порядка управления;

2) лицо призвано на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключило в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, либо лицо, совершившее преступление в период прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, в отношении которых производство по уголовному делу приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения);

3) лицо награждено государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы или со дня увольнения с военной службы в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья либо отмене оснований, подлежащих призыву лица в Вооруженные Силы Российской Федерации (отмена мобилизации, военного положения и др.).

Данная норма при ее системном анализе предусмотрела полное освобождение лица от уголовной ответственности, без примирения с потерпевшей стороной и возмещения ущерба, причиненного преступлением. Анализируемая норма является процессуальной гарантией лица, проходящего военную службу или заключившее контракт для прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в мобилизационный период, и как представляется правоприменителю, способ ухода от уголовной ответственности, то есть возможность «искупить проступок кровью». Правоприменитель при применении данного основания сталкивается с одной из важнейших проблем – соблюдение частных интересов потерпевшего, который может возражать против прекращения уголовного дела и уголовного преследования по данному основанию, одним из мотивов такого противодействия следствию и суду является не возмещение ущерба, причиненного потерпевшему преступлением. Нельзя не согласиться, что в случае совершения убийства, ущерб загладить невозможно, если суд его не выразит в приговоре в денежном эквиваленте, так называемое возмещение морального вреда. Кроме преступлений против личности имеются иные категории преступлений, которые предусматривают возможность возмещения вреда, например кража, грабеж, разбой и другие, связанные с непосредственным отчуждением имущества или нарушением иных прав потерпевшей стороны. Однако законодатель указал на императивное прекращение дела. В таком случае кто будет возмещать ущерб потерпевшему? Нами усматривается в этом коллизия вновь введенной уголовно-процессуальной нормы с основным принципом уголовного судопроизводства, выраженного в ст. 6 УПК РФ, а именно защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что вновь введенная новелла уголовно-процессуального законодательства действительно говорит о гуманизации уголовного судопроизводства. Однако данная императивная новелла законодательства ставит защиту публичных интересов в приоритет над частными интересами участников уголовного процесса. Мы не отрицаем, что публичный интерес в нынешней обстановке превалирует над интересами отдельно взятого человека с целью сохранения суверенитета государства и правопорядка в обществе,

тем не менее полагаем необходимым переосмыслить данную норму в объективе возможного достижения баланса между публичными и частными интересами в уголовном процессе с целью установления социальной справедливости.

Ефимов Е.В.,

кандидат технических наук
Институт государства и права Российской академии наук (г. Москва)

Особенности результатов налогового контроля как средств доказывания в уголовном судопроизводстве по делам о налоговых преступлениях

Налоговые преступления относятся к сложным и важным не только в отечественном правоприменении, но и в мире. Составляя всего 1/1000 долю в количественном составе преступлений, они наносят 1/8 долю общего ущерба от всей преступной деятельности. Группа ФАТФ, международная поддержка которой осуществляется ООН при российском участии, 12 лет назад признала налоговые преступления опасными и предикатными отмыванию денег, а ЦБ РФ публикует ежегодный содержательный бюллетень[1]. Отечественная статистика показывает, что при уменьшении количества расследуемых уголовных дел объем ущерба и возмещение его в примерно половинном размере остаются стабильными, различные меры от усложнения процедур расследования и расширения относимых составов (ст. 173.3 УК РФ), до декриминализации не приводят к прекращению или затуханию интенсивности феномена уклонения от уплаты налогов; уголовное преследование виновных лиц остается главным способом борьбы с противодействием исполнению всеми лицами ст. 57 Конституции РФ.

Часть 1.3 ст. 140 УПК РФ с 9 марта 2022 г. требует возбуждать уголовные дела исключительно на основании материалов налоговых органов о совершенном налоговом правонарушении, переданным в органы следствия в порядке ст. 32 НК РФ. Вывод о правонарушении налоговый орган имеет право сделать только по результатам выездной или камеральной налоговой проверки. Следствие не имеет право самостоятельно возбуждать уголовные дела по налоговым преступлениям.

В этом отношении материалы налогового контроля, субпроцессуальная форма которых содержит сущностные результаты налогового контроля, являются важнейшими исходными документами в уголовных делах о налоговых преступлениях. Публицисты и ученые традиционно упоминают этот факт, но не рассматривают особенности природы результатов налогового контроля. Прежде всего, результаты налогового контроля имеют комплексный, сложный характер, что определяется налоговым законом, и могут быть приняты как доказательства в целом, так и по частям, фрагментами. Результатам налогового контроля присуща процессуальная многофункциональность, а именно – несут четыре существенно различающихся функции. В уголовном процессе они выступают неизменным составом, но поэтапно: как повод и основание для возбуждения уголовного дела; собственно, как следовые средства доказывания; как исходные данные для судебных экспертиз и определения размера ущерба, нанесенного преступлением; как повод и основание гражданского иска виновным в уклонении от налога лицам. При этом не вскрываются противоречия, присущие их сущностному содержанию, в том числе приводящие к прекращению уголовного преследования.

Неоспоримым является тезис о главенствующей роли доказывания в уголовном судопроизводстве. Главную роль в доказывании исполняют уголовно-процессуальные средства доказывания, теория которых в наиболее полной форме разработана за последние полтора десятилетия в работах профессора С.Б. Россинского[2], развита теория

[1] О национальной оценке рисков ОД и ФТ : информационное письмо Банка России от 18.01.2023 № ИН-08-12/6.

[2] Россинский С.Б. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 37-45; Россинский С.Б. О широком и узком подходах к пониманию средств доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (104).

средств доказывания, раскрывающая все особенности, присущие категории «средства доказывания». Классификационно по субъектности средства доказывания разделяются на субъективные и объективные. Субъективные средства доказывания представлены возможностью человеческого разума осуществлять информационную обработку объективных данных. Объективные средства доказывания разделяются на «собственно доказательства», формальные средства доказывания, вспомогательные средства доказывания. К собственно доказательствам относятся так называемые «следовые» средства доказывания, прямо определенные ч. 2 ст. 74 УПК РФ. В состав первой группы средств доказывания входят «иные» документы (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), такой статус присваивают следователи результатам налогового контроля на этапе предварительного следствия. Однако их использованию присущи особенности, которые не свойственны другим «собственно доказательствам».

Отличительной особенностью механизма следообразования налоговых преступлений является отражение их признаков в документах, которые являются основой налогового оборота: учета, начисления, уплаты, возмещения, доначисления возврата переплаты налогов в соответствии с НК РФ, а диспозиции уголовных налоговых составов являются бланкетными и определяются именно и исключительно НК РФ.

Налоговые органы направляют в порядке ст. 32 НК РФ комплект документов уникального состава в каждом случае, и редко бывает так, чтобы этот комплект был юридически полным для выявления уголовно значимых фактов в процессуально определенном порядке. Налоговыми проверками выявляются правонарушения, предусмотренные НК РФ. Бланкетность норм ст. 198-199.2 УК РФ не имеет обратной направленности и действует от НК РФ в сторону УК РФ, а не в обратном направлении: законно установленной целью фискалов является максимальное доначисление налогов, а не выявление налоговых преступлений и тем более не сохранение элементов уголовного следообразования; максимизация доначисления налогов зачастую делается на шатких основаниях, не выдерживающих критики с точки зрения уголовно-процессуального доказывания, чему есть многократные подтверждения практики. Фиксированию следов налоговых преступлений налогов уделяется минимальное внимание, особенно в случаях, когда имеется судебный акт арбитражного суда по налоговому спору.

После возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении результаты налогового контроля применяются следствием как иные документы, а также – как исходные данные для судебной налоговой экспертизы. Выступая в качестве исходных данных для судебной налоговой экспертизы, результаты налогового контроля проявляют все свойства вспомогательных средств доказывания.

Требования об обязательном проведении судебной экспертизы в уголовных делах о налоговых преступлениях УПК РФ не содержит. Право субъекта правоприменения на проведение судебной экспертизы определяет постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48. Однако апелляционным постановлением Московского городского суда от 19 сентября 2017 г. № 10-15565/17 установлено, что по делам о налоговых преступлениях проведение судебной экспертизы обязательно «в соответствии с криминалистической методикой расследования налоговых преступлений». В итоге судебная практика, стереотипно повторяя указанную формулировку, считает экспертизу обязательной. Это подтверждает письмо Генеральной Прокуратуры РФ[1].

Заключение эксперта прямо предусмотрено п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ и относится к средствам доказывания следового типа. Объектами исследования при производстве судебных налоговых экспертиз являются документы налогового и бухгалтерского учета: счета-фактуры, книги покупок и продаж (специальные документы, присущие налоговому учету), первичные бухгалтерские документы, регистры налогового и бухгалтерского учета, налоговая и бухгалтерская отчетность, учетная политика, иные документы, содержащие достоверные сведения о фактических обстоя-

С. 246-255; Россинский С.Б. Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5. С. 80-87; Россинский С.Б. Субъективные средства доказывания в уголовном судопроизводстве. // Юридическое образование и наука. 2023. № 02. С. 29-34; Россинский С.Б., Расулова Н.С. Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: каковы критерии их разграничения? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 15-20.

[1] Письмо Генеральной прокуратуры РФ от 11.08.2020 № 36-10-2020.

тельствах дела. Собственно, практически такие же документы использует налоговая инспекция при проведении мероприятий налогового контроля. Однако в процессе следствия часто устанавливается иной состав указанных документов: часть отклоняются как недостоверные, добавляются добытые следствием в процессе собирания документы, которых не было при налоговой проверке, находятся и исправляются ошибки расчетов, уточняются налоговые базы и т.д. В итоге заключение эксперта содержит иные оценки недоимок по налогам и другой результат заведомо ложных данных в налоговых декларациях. Проявляется эффект конкуренции средств доказывания, противопоставление их результатов.

Опросные исследования, проведенные Институтом проблем правоприменения (респонденты судьи, рассматривающие уголовные дела, 1184 чел.) показали, что из источников сведений о фактах судьи отдают предпочтение прежде всего экспертизе – 77,5%[1]; судейское усмотрение по отношению к материалам ведомств на порядок ниже.

Это неудивительно: заключение эксперта как средство доказывания четко определено отдельной статьей, ч. 1 ст. 80 УПК РФ. Содержание заключения эксперта детально регламентировано ст. 204 УПК РФ. Ни одно из следовых средств доказывания, прямо определенных ч. 2 ст. 74 УПК РФ, не имеет настолько четкого закрепления в содержательном и процессуальном плане. Процессуальная четкость средства доказывания и профессиональность эксперта при представлении заключения в заседании – причины, почему суды придают особую весомость заключению эксперта как средству доказывания[2]. В этом отношении конкуренцию результаты налогового контроля перед заключением эксперта не выдерживают, в случае разночтений суды рассматривают как фактосодержащее именно заключение эксперта[3].

Разный вес содержательности средств доказывания по уголовному делу о налоговых преступлениях – не главная и не единственная, но одна из причин, почему в итоге приговорами завершаются около 10% таких дел[4].

Таким образом, результаты налогового контроля как средства доказывания в уголовном судопроизводстве по делам о налоговом преступлении проявляют себя не только как собственно доказательства, но и как вспомогательные средства доказывания. Противоречия между конкурирующим содержанием результатов налогового контроля и заключением эксперта может являться причиной не доведения конкретного уголовного дела о налоговом преступлении до обоснованного приговора.

Лебедев Н.Ю.,

доктор юридических наук, доцент
Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации

Некоторые аспекты разнообразия вариаций взаимодействия участников уголовного судопроизводства

Для достижения целей уголовного судопроизводства требуется эффективное взаимодействие всех лиц, вовлекаемых в пространство расследуемого преступления. Каждый из них имеет четко определенные функции и права, что закреплено в процессуальных нормах. УПК РФ устанавливает статус, обязанности и полномочия таких участников, как судья, прокурор, следователь, дозна-

[1] Никитина Д., Ходжаева Е., Серебренников Д. Как и кем творится судебная экспертиза: эксперты в контексте межведомственных взаимодействий / при участии С. Румянцева и А. Белянской. СПб. : Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2024. 64 с.

[2] Бергман В.В. Если экспертиза необъективна, есть ли выход? URL: https:// zakon.ru/blog/2020/09/10 /esliekspertiza_neobektivna_est_li_vyhod (дата обращения: 15.09.2024).

[3] Ефимова В.В. Расследование современных схем налоговых преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 369 с.

[4] Шарипова А.Р. Процессуальные особенности уголовного преследования по делам о налоговых преступлениях // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 119-131.

ватель, потерпевший, обвиняемый, защитник, свидетели и эксперты.

Нормативным актом, регулирующим взаимодействие участников уголовного судопроизводства, является УПК РФ. В ст. 15 УПК РФ закреплен принцип состязательности и равноправия сторон. Этот принцип предполагает, что стороны обвинения и защиты имеют равные возможности для представления доказательств, изложения своих позиций и оспаривания доводов противоположной стороны. Суд, в свою очередь, сохраняет объективность и беспристрастность, обеспечивая реализацию прав всех участников процесса, в рамках судебного разбирательства судья обязан создать условия, при которых обвинение и защита могут полноценно выполнять свои функции[1].

Одним из важнейших аспектов взаимодействия является работа органов предварительного расследования и прокурора[2]. В ст. 37 УПК РФ описаны полномочия прокурора, который осуществляет надзор за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя. Прокурор вправе давать указания, которые обязательны для исполнения, вправе возвращать уголовные дела на дополнительное расследование, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя, если следователь допускает нарушение прав обвиняемого или потерпевшего, прокурор вправе потребовать устранения таких нарушений. Это взаимодействие направлено на обеспечение законности и соблюдение прав граждан на этапе расследования.

Следователь, в свою очередь, активно взаимодействует с оперативными подразделениями, экспертами, специалистами и потерпевшими. Статья 38 УПК РФ определяет полномочия следователя, включая сбор доказательств, проведение допросов, осмотров, обысков, назначение экспертиз, в случае расследования сложных преступлений, таких как экономические преступления или убийства, следователь может привлекать специалистов для проведения экспертиз, в том числе судебно-медицинских, биологических, компьютерных. Такое взаимодействие помогает установить фактические обстоятельства дела, обеспечивая объективность процесса.

Потерпевший, являясь участником уголовного процесса, также активно взаимодействует с органами предварительного расследования и судом[3]. В соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевший вправе участвовать в следственных действиях, представлять доказательства, ходатайства, обжаловать действия и решения, которые затрагивают его интересы, в случае причинения материального или морального ущерба потерпевший может заявить гражданский иск в рамках уголовного дела, что предполагает его активное участие в судебных заседаниях и взаимодействие с обвинением и защитой.

Значительное внимание в процессе уделяется защите прав обвиняемого. В ст. 47 УПК РФ закреплены его права, включая право на защитника, право давать показания или отказываться от дачи показаний, право на ознакомление с материалами дела. Эти права обеспечивают участие обвиняемого в уголовном процессе на равных условиях с обвинением. Адвокат-защитник, взаимодействуя с обвиняемым, обязан тщательно изучить обстоятельства дела, оспорить доказательства обвинения и представлять интересы своего подзащитного в суде[4].

Важной частью взаимодействия является работа с экспертами и специалистами. УПК РФ (ст. 80) предоставляет следователю право назначать экспертизы для установления фактов, имеющих значение для дела, в делах, связанных с мошенничеством, часто привлекаются финансовые эксперты, которые анализируют бухгалтерскую документацию, проводят аудит и выявляют схемы хищения средств. Для эффективного взаимодействия следователь должен обеспечить эксперту все необходимые материалы и условия для про-

[1] Криминалистика : учебник для студентов юридических факультетов и вузов по направлениям бакалавриат, специалитет и магистратура / И.М. Комаров, Л.В. Бертовский, А.А. Бессонов [и др.]. М. : Юрлитинформ, 2023. 712 с.

[2] Назаров А.Д. Современное развитие судебной, прокурорской и следственной властей для устранения ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета : материалы XV международной научно-практической конференции. М., 2024. С. 101-108.

[3] Лебедева Ю.В. Еще раз о тактике разрешения конфликтных следственных ситуаций при получении показаний в ходе производства вербальных следственных действий // Закон и право. 2024. № 4. С. 195-199.

[4] Солодкая В.И. Обеспечение права обвиняемого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (84). С. 74-78

ведения исследования, а также сформулировать точные вопросы.

Свидетели и понятные также играют важную роль в установлении обстоятельств дела[1]. В ст. 56 УПК РФ определены права и обязанности свидетелей, включая обязательность явки по вызову, дачи правдивых показаний, возможность отказа от свидетельствования против себя и своих близких. Свидетели взаимодействуют с органами следствия и суда, предоставляя информацию, которая может подтвердить или опровергнуть доказательства сторон.

Эффективность взаимодействия также зависит от применения современных технологий и учета цифровых доказательств[2], в ст. 166 УПК РФ указаны требования к процессуальному оформлению следственных действий, включая использование аудио- и видеозаписей. Взаимодействие специалистов в области IT и следственных органов становится особенно важным при работе с цифровыми доказательствами, такими как данные с мобильных устройств, переписки в мессенджерах, записи с камер видеонаблюдения[3].

Для обеспечения правосудия необходимо соблюдение процессуальных сроков и правил. В ст. 6.1 УПК РФ установлены сроки производства по уголовному делу, которые обеспечивают разумные временные рамки для выполнения процессуальных действий. Нарушение этих сроков может привести к затягиванию процесса, что негативно сказывается на взаимодействии участников.

Взаимодействие в судебной стадии приобретает еще большее значение. Суд, рассматривая дело по существу, обязан обеспечить процессуальное равенство сторон. В соответствии со статьей 15 УПК РФ, судья сохраняет нейтралитет и беспристрастность, давая возможность обвинению и защите представлять свои доводы. Судебные прения (статья 292 УПК РФ) являются важным этапом взаимодействия, где стороны высказывают свои позиции, основываясь на представленных доказательствах.

Несмотря на наличие развитой нормативной правовой базы, в российском уголовном процессе существуют противоречия, препятствующие эффективному взаимодействию участников. В частности, ограничение полномочий прокурора в даче указаний следователю при наличии права изучать материалы дела затрудняет реализацию его функций. Для повышения эффективности взаимодействия предлагается восстановить право прокурора давать письменные указания следователю, что позволит укрепить координацию их деятельности и повысить качество расследования[4].

Обращение к зарубежному опыту, например к системе уголовного судопроизводства Франции, показывает, что прокурор может играть более активную роль в предварительном следствии. Французский УПК позволяет прокурору предписывать следственному судье выполнение необходимых действий для установления истины, что способствует более оперативному и качественному проведению расследования.

В завершение подчеркнем, что процессуальное взаимодействие участников уголовного судопроизводства является сложным и многоуровневым процессом, который требует согласованной работы всех сторон. Эффективность этого взаимодействия зависит от баланса полномочий участников, устранения законодательных противоречий и обеспечения их полной реализации. Совершенствование норм уголовно-процессуального законодательства, учитывающее отечественный и зарубежный опыты, является условием для повышения качества и эффективности российского уголовного судопроизводства.

[1] Фойгель Е.И. О криминалистической классификации участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 2(36). С. 51-59.

[2] Давыдов С.И., Кондратьев М.В., Поляков В.В. Противодействие транснациональным организованным группам, использующим информационно-коммуникационные технологии для незаконного сбыта наркотических средств // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 1. С. 111-120.

[3] Стародубова Г.В. Процессуальная функция следователя и ее отражение в основных решениях по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 5. № 4. С. 86-90.

[4] Кругликов А.П., Бирюкова И.А. Процессуальное руководство прокурором уголовным преследованием от имени государства – принцип уголовного судопроизводства // Законность. 2024. № 2 (1012). С. 38-42.

Недобор А.Н.

4 судебный участок Первомайского судебного района г. Новосибирска

Участие защитника в собирании доказательств: проблемы и перспективы

Потребность лица, подвергаемого уголовному преследованию, в получении квалифицированной юридической помощи защитника, обладающего достаточными полномочиями для надлежащей его защиты, общепризнана, как и особая значимость установления надлежащих гарантий реализации этой потребности. Российское уголовно-процессуальное законодательство наделяет такое лицо широким кругом правомочий для защиты от уголовного преследования. Однако, несмотря на непрерывный процесс развития соответствующих уголовно-процессуальных институтов, в следственной и судебной практике нередки случаи принятия ошибочных решений и нарушения прав и свобод личности, с учетом специфики уголовного судопроизводства, влекущих крайне серьезные последствия, как для личности, так и для общества в целом. Учитывая это, а также необходимость осмысления последних тенденций развития законодательства и правоприменительной практики, вопросы участия защитника в уголовном судопроизводстве сохраняют свою актуальность.

Следует отметить, что начальный момент возникновения права на помощь защитника, наряду с безотлагательностью его обеспечения, является важной гарантией права на защиту, а также основных прав лица, подвергаемого уголовному преследованию или сталкивающемуся с ограничением прав и свобод в процессе уголовного судопроизводства, и предупреждения нарушений закона, злоупотреблений, ненадлежащего обращения[1]. Поэтому ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, устанавливая минимальные гарантии прав подозреваемого (обвиняемого), определяет начальный момент возникновения у такого лица дополнительных гарантий права на квалифицированную юридическую помощь, а именно момент задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, или, как разъяснил Конституционный Суд РФ, с момента фактического начала осуществления уголовного преследования, ограничения прав лица в связи с принятием правоохранительными органами мер к уличению его в совершении преступления[2]. Непринятие следователем или дознавателем мер по обеспечению подозреваемого (обвиняемого) помощью защитника либо назначение защитника с нарушением порядка могут влечь недействительность показаний, данных при допросе или аналогичном следственном действии, сопровождающемся получением объяснений и уголовно-преследуемого лица (очной ставке, осмотре места происшествия, личном досмотре и т.д.)[3].

Защитник, являясь самостоятельным субъектом уголовного процесса[4], действующим в интересах подзащитного, пользуется рядом процессуальных прав, среди которых как классические права, обеспечивающие возможность полноценного и информированного участия в уголовном процессе и отстаивания своей позиции по делу, так и специальные права иметь свидания с подзащитным, собирать сведения, потенциально обладающие доказательственным значением, и т.п. Особенность процессуального статуса адвоката заключается в том, что, не являясь публично-властным субъектом уголовного судопроизводства, адвокат-защитник вместе с тем

[1] Чекотков А.Ю. Перманентная дискуссия о процессуальном статусе уголовно преследуемого лица: возможно ли поставить точку? // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 4. С. 68.

[2] См. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

[3] См., напр.: определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.05.2023 № 77-2101/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (из описательно-мотивировочной части приговора исключены ссылки на протокол осмотра места происшествия в части пояснений, данных подозреваемым в отсутствие защитника, а также на показания сотрудников полиции об обстоятельствах, ставших им известными со слов подозреваемого при проведения такого осмотра; постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2023 № 77-407/2023 (по тем же причинам недопустимым доказательством признан протокол ОРМ).

[4] Подр.: Лебедев Н.Ю., Лебедева Ю.В. Некоторые аспекты поддержания оптимальных бесконфликтных отношений между участниками уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 2 (40). С. 32-38.

обязан активно реализовывать свои процессуальные права в целях защиты доверителя.

Процессуальное положение защитника в уголовном судопроизводстве – комплексное и многоаспектное правовое явление. Проблемы его регулирования проявляются на всех стадиях уголовного процесса и затрагивают самые разные институты уголовно-процессуального права.

Важным элементом процессуального положения адвоката-защитника является его право участвовать в собирании доказательств. Это аспект адвокатской деятельности в уголовном процессе является одним из наиболее дискуссионных в науке уголовного процесса, однако окончательно разрешенным его назвать нельзя.

Частью 3 ст. 86 УПК РФ предусмотрены три основных способа собирания доказательств защитником: получение предметов, документов и иных сведений, опрос лиц с их согласия, истребование документов от органов власти и иных организаций посредством адвокатского запроса.

На практике одним из важнейших способов участия защитника в процессе собирания доказательств является заявление им ходатайств (к примеру, о производстве следственных действий, постановке вопросов перед экспертом). Уголовно-процессуальным законом особо предусмотрена обязательность удовлетворения ходатайства защитника о привлечении к участию в производстве компетентного по обстоятельствам уголовного дела специалиста, если он не подлежит отводу (часть 2.1 ст. 58 УПК РФ).

При этом, не обладая публично-властными полномочиями и не имея возможности непосредственно использовать государственное принуждение для собирания доказательств (исключением, отчасти, является использование адвокатом механизма адвокатского запроса), адвокат-защитник объективно ограничен в возможностях по формированию доказательственной базы по уголовному делу для защиты доверителя. Провозглашение равенства обвинения и защиты не отменяет их естественного фактического неравенства, отсутствующего лишь в делах частного обвинения. Средством нивелирования такого структурного дисбаланса, его негативных эффектов на реализацию права на защиту является реализация принципа благоприятствования защиты (*favor defensionis*), предоставление стороне процессуальных преимуществ (привилегий), прав и гарантий помимо механического уравнивания полномочий[1].

С этой позиции следует рассмотреть, в частности, мотивированное равенством сторон разъяснение Верховного Суда РФ о распространении права защитника привлекать компетентного и не подлежащего отводу специалиста при условии относимости его пояснений и на сторону обвинения: «С учетом положений уголовно-процессуального закона о равенстве прав сторон в удовлетворении такого ходатайства (о привлечении к участию в судебном разбирательстве специалиста) не может быть отказано и стороне обвинения» (п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»). Учитывая, что на досудебных стадиях уголовного судопроизводства стороне обвинения принадлежит право назначать судебную экспертизу, заключение которой в российском уголовном процессе придается особый вес (ст. 195 УПК РФ), равно как и привлекать специалиста по своему усмотрению, применение по аналогии процессуальной привилегии, предоставленной законодателем стороне защиты в целях исправления фактического неравенства прав и возможностей сторон, в интересах стороны обвинения не может быть обосновано ссылкой на принцип равенства сторон.

В целях укрепления права на защиту и совершенствования правового положения защитника законодателем или правоприменителем могут быть уточнены основания отказа в ходатайстве стороны защиты о производстве следственного действия или приобщении доказательства, с ограничением права следователя (дознавателя) и суда отклонять «избыточные» доказательства случаями явного злоупотребления правом стороной защиты. Совершенствование же процессуального механизма приобщения к материалам дела полученных защитником материалов, предметов и документов, их проверки, оценки и придания им статуса надлежащих доказательств, с учетом закрепления требования всесторонности расследования и принципа благоприятствования защите, в значительной степени способно

[1] Курс уголовного процесса. / под ред. Л.В. Головко. Изд. 4-ое, испр. и доп. М. : Статут. 2025. С. 367-368.

восполнить ограниченность прав защитника[1]. Наконец, следует изменить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, ограничивающие право защиты привлекать специалиста (включая распространение соответствующего права защитника на судебном следствии на сторону обвинения, исключение положений о допросе явившегося в судебное заседание специалиста случаями «необходимости» в его допросе)[2].

Итак, анализируя проблемы осуществления адвокатом-защитником деятельности по собиранию и представлению доказательств в уголовном процессе, следует прийти к выводу о целесообразности совершенствования этого элемента процессуального положения адвоката, включая модификацию процессуального механизма приобщения к материалам дела полученных защитником материалов, предметов и документов, их проверки, оценки и придания им статуса надлежащих доказательств, с учетом требования всесторонности расследования и принципа благоприятствования защите; развитие корпоративного регулирования адвокатского опроса; отказ от разъяснений относительно привлечения специалиста к участию в судебном разбирательстве, данных Пленумом Верховного Суда РФ и ухудшающих положение стороны защиты по сравнению с установленным законодателем.

Лукьянова А.А.,

Барнаульский юридический институт МВД России

К ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Многозначность термина «задержание» предопределена его специфичной правовой основой. Конституционный концепт о праве каждого на свободу и личную неприкосновенность охватывает и пронизывает все отрасли российского права. При этом именно в Основном законе нашего государства строго определены требования к процессуальной форме ограничения. Прежде всего в ч. 2 ст. 22 Конституции РФ поименованы унифицированные способы правоограничения, предполагающие изоляцию от общества (задержание, арест, заключение и содержание под стражей), которые могут использоваться государством для достижения публично-значимой цели (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Отметим, что задержание является не только неординарным внесудебным способом ограничения свободы и личной неприкосновенности, но и новацией Конституции РФ 1993 г.[3] Согласно данным официальной статистики[4], ежегодно порядка 0,5 млн раз задержание применяется в качестве меры государственного принуждения в рамках производства по делам об административных правонарушениях, а также по уголовным делам. В литературе не осталось не замеченным отсутствие единой научно-практической позиции относительно сущности задержания подозреваемого и определения его места в системе уголовно-процессуального регулирования. Например, С.Б. Россинский указывает, что обусловлено такое положение дел разными формами правоохранительной деятельности, в которых может быть реализована названная мера, и соответствующими им сферами правового регулирования[5].

Ожидаемо многие годы не ослабевает интерес в науке уголовного процесса к многочисленным проблемам института задержания подозреваемого как доктринального, так и технико-юридического характера, в частности, к образовавшейся еще в период реализации Концепции судебной реформы уголов-

[1] Корнакова С.В. Доказательственная деятельность защитника в уголовном судопроизводстве: проблемы реализации. // Мировой судья. 2023. № 3. С. 22.

[2] Тарасов А.А. О судьбе одной гарантии состязательности в использовании специальных знаний в уголовном процессе. // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 123-128.

[3] Данное обстоятельство подтверждается тем, что ранее ни в Конституции РСФСР 1978 г., ни в Конституции СССР 1977 г., ни в Конституции СССР 1936 г. в соответствующих нормах о неприкосновенности личности задержание не упоминалось. Вместе с тем именно в советском уголовно-процессуальное законодательстве было сформировано правовое регулирование этой меры, которое во многом воспринято УПК РФ.

[4] Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2013-2024 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 24.01.2025).

[5] Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход : монография. М. : Проспект. С. 15.

ного судопроизводства 1992 г. и последующей «тихой революции» Конституционного Суда РФ[1], но не разрешенной до настоящего времени проблеме фактического задержания. В частности, Б.Б. Булатов, А.В. Борбат и А.В. Павлов указывают, что на текущий момент представляется важным обосновать исчисление законного срока задержания подозреваемого в рамках действующего законодательства[2]. А.В. Победкин и Н.В. Яшин пишут, что задержание подозреваемого не имеет внятных процессуальных границ, а формально действующий уголовно-процессуальный закон в п. 11 ст. 5 хоть и содержит определение «момента фактического задержания», но не раскрывает его сущности[3]. Напротив, В.Н. Григорьев полагает, что место «фактического» задержания однозначно определено в структуре уголовно-процессуальной процедуры, поэтому в условиях «израсходованности» законодателем данной категории нецелесообразно употреблять ее для обозначения других действий. Но и игнорировать тот факт, что помимо «уголовно-процессуального» объективно существует иное задержание, которое вполне правомерно называть «фактическим», по мнению процессуалиста, нельзя[4].

Рассуждая о сложностях учета времени нахождения лица в условиях физической изоляции без судебного решения, анализируя следственные ситуации, в которых задержанию предшествовало проведение следственных действий с задерживаемым, Н.В. Азаренок приходит к выводу о необходимости сблизить моменты фактического и юридического задержания. При этом автор не отрицает того факта, что ситуацию первоначального физического задержания невозможно урегулировать нормами УПК РФ, иной подход в отдельных случаях объективно не позволяет органам расследования соблюсти временной интервал в 3 часа на составление протокола. Для того чтобы соблюсти баланс в этом вопросе, Н.В Азаренок предлагает засчитывать время участия лица в следственных действиях, предшествовавших задержанию, в срок избранной меры пресечения и последующего уголовного наказания[5].

Близкую точку зрения высказывают Б.Б. Булатов и В.В. Кальницкий, определяя, что весь срок внепроцессуального ограничения свободы и личной неприкосновенности подлежит учету при разрешении уголовного дела – назначении наказания и реабилитации. Исследователи отмечают, что конструкция фактического задержания деформировала саму меру принуждения, не смогла раскрыть свой, безусловно, позитивный потенциал[6]. Как нам представляется, с учетом современной нормативной основы правоприменителю действительно порою сложно, осуществляя задержание лица, совершившего преступление, не прибегая к хитростям, соблюсти все юридические тонкости и не допустить нарушения закона. Первоначальные действия, которые могут привести к реальному ограничению гарантированного ст. 22 Конституции РФ права, невозможно поставить в сугубо уголовно-процессуальные рамки и алгоритмы по причине многогранности государственной деятельности по выявлению и пресечению преступлений.

В решении проблемы фактического задержания, полагаем, следует сместить акцент и идти не по пути чрезмерного шлифования процессуальной формы, которое в конечном счете может привести к утрате прочности и разрушению процедуры задержания до самого основания. В бесконечной суете можно забыть о защите человека, для которого важно избежать избыточного правоограничения даже в случае признания его виновным. При назначении наказания время предварительного ограничения прав и свобод личности должно быть дифференцировано зачтено

[1] Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 10.

[2] Булатов Б.Б., Борбат А.В., Павлов А.В. Задержание в системе законодательства о борьбе с преступностью // Российский следователь. 2022. № 10. С. 17-23.

[3] Победкин А.В., Яшин В.Н. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 1. С. 16-24.

[4] Григорьев В.Н. Реперные точки в понятиях о фактическом задержании подозреваемого // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ. 2020. № 4 (56). С. 50-57.

[5] Азаренок Н.В. Оптимизация института задержания подозреваемого в российском уголовном процессе с позиции баланса публичного и частного интересов // Российский следователь. 2023. № 6. С. 7-10.

[6] Булатов Б.Б., Кальницкий В.В. Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 1 (88). С. 5-11.

в срок уголовного наказания, а для этого и важно знать характер и степень использованного принуждения. Поэтому должностные лица, правомочные в своей профессиональной деятельности применять принуждение, обязаны фиксировать этот факт в своих служебных документах.

Однако и повсеместно формализовать процедуру ограничения свободы и личной неприкосновенности в источниках, регулирующих виды государственной деятельности, смежные с уголовно-процессуальной, считаем чрезмерным. В этом контексте сложно согласиться с С.В. Супруном, который, исследуя вопросы ограничения конституционных прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), основывается на аналогии правовой позиции Конституционного Суда РФ по жалобе В.И. Маслова (постановление от 27 июня 2000 года № 11-П), и полагает, что изложенный в ней подход должен использоваться с момента фактического ограничения прав и свобод независимо от вида государственной деятельности – уголовно-процессуальной деятельности или оперативно-розыскной. В этой связи автор предлагает закрепить в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ОРД) полномочие по оперативно-розыскному фактическому задержанию[1].

На наш взгляд, в арсенале ОРД нет и не может быть места процедурным вопросам задержания. Во-первых, несмотря на неразрывную связь деятельности оперативных работников и следователей (дознавателей), обусловленную единой целью борьбы с преступностью, некоторую схожесть процедурной формы оперативно-розыскного производства, заимствованной в уголовном процессе, все же ОРД по своему существу обладает конспиративным характером и практика раскрытия преступлений богата негласными методами. В то время как ограничение свободы и личной неприкосновенности, исходя из требований норм российского права, должно осуществляется максимально открыто и прозрачно. Даже находясь в заключении, человек не должен терять связи с внешним миром. Информация о задержании (аресте) и месте его нахождения не может необоснованно и длительно скрываться от заинтересованных лиц, так как в этом случае лицо остается без защиты закона. Во-вторых, требование обеспечения права на помощь адвоката (защитника) не может быть распространено на случаи проведения ОРМ. Данные действия носят секретный, внезапный и безотлагательный характер, соответственно привлечение к участию адвоката (защитника) приведет к тому, что ОРМ потеряет всякий смысл.

В заключение отметим, что в реализации принятой на себя обязанности по защите личности государство не может не прибегать к потенциалу принуждения. Важно, чтобы необходимое ограничение прав и свобод личности оставалось в балансе, а в случае превышения допустимых пределов запускались правовостановительные и компенсаторные механизмы.

Якубова С.М.,

кандидат юридических наук
Академия управления МВД России (г. Москва)

НОВОЕ ОСНОВАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СЛУЧАЕ НЕВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ

В целях совершенствования правового регулирования освобождения от уголовной ответственности и наказания, погашения судимости, приостановления уголовных дел и прекращения уголовного преследования в периоды мобилизации, военного положения и в военное время, адаптировав нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства к потребностям современных реалий[2], 23 марта 2024 г. Федеральным законом

[1] Супрун С.В. Фактическое задержание лица при проведении ОРМ и проблемы использования результатов ОРД, полученных с его участием, в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2022. № 6. С. 29-32.

[2] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/569651-8?ysclid=m60nxe55js 822912416 (дата обращения: 23.01.2025 г.).

№ 64-ФЗ[1] внесены соответствующие изменения в УК РФ и УПК РФ.

Указанным законом для отдельной категории лиц «в связи с призывом на военную службу, заключением контракта о прохождении военной службы, прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время» определена при соблюдении определенных условий возможность освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) и наказания (80.2 УК РФ), погашения судимости (ч. 3.2 ст. 86 УК РФ). В уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрено еще одно основание прекращения судом, следователем с согласия руководителя следственного органа, дознавателем с согласия прокурора уголовного преследования (ст. 28.2 УПК РФ) в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время, в отношении которого производство по уголовному делу было приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения).

Кроме того, подверглись изменению относительно стабильные нормы, регулирующие приостановление предварительного расследования[2]. Институт приостановления предварительного расследования, который организовывался и модернизировался в соответствии с эволюционным развитием государства, прирос новым основанием. Часть 1 ст. 208 УПК РФ дополнена пунктом 3.1, предусматривающим приостановление предварительного расследования в связи с «призывом подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключение ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также прохождение ими военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время». В части 9 ст. 208 УПК РФ законодатель определил, что по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ предварительное расследование приостанавливается на основании ходатайства командования воинской части (учреждения). Порядок взаимодействия командования воинских частей (учреждений) и следственных органов (органов дознания) по вопросам приостановления предварительного расследования по указанному основанию по задумке законодателя подлежит определению совместными решениями федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики, нормативному правовому регулированию в области обороны, Следственного комитета Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, в полномочия которых входит осуществление предварительного расследования. При этом даже избранная мера пресечения может быть отменена «… при удовлетворении ходатайства командования воинской части (учреждения) о приостановлении предварительного расследования по основаниям п. 3.1 ч.1 ст. 208 УПК РФ, заявленного в случаях, предусмотренных ч. 1.1 ст. 119 УПК РФ…»[3].

Следует отметить, что новое основание приостановления предварительного расследования также характеризуется невозможностью участия в производстве следственных действий подозреваемого (обвиняемого), наделенного законом рядом процессуальных прав, реализовать которые в его отсутствие не представляется возможным[4]. Основание, предусмотренное п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, по сути, схоже с основанием, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) «когда место нахождения данного участника уголовного судопроизводства известно, однако реальная

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 13. Ст. 1687.

[2] Подр.: Якубова С.М. Дифференциация сроков расследования в связи с приостановлением производства по уголовному делу // Публичное и частное право. 2019. № 1(41). С. 184-206.

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 13. Ст. 1687.

[4] См.: Якубова С.М. Приостановление уголовного дела в случае невозможности участия подозреваемого, обвиняемого в уголовном деле // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2(30). С. 52-55.

возможность его участия в уголовном деле отсутствует».

В этой связи нельзя не согласиться с мнением В.Ю. Стельмаха о том, что основание приостановления предварительного расследования, предусмотренное п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, есть частный случай уже имеющегося основания, закрепленного в п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, при этом является специальным, ибо «его применение возможно только в определенной обстановке и только в отношении определенного круга лиц»[1].

Федеральным законом от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ законодатель предусмотрел приостановление производства по уголовному делу и на судебных стадиях по аналогичному основанию (п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ) по ходатайству командования воинской части (учреждения), а также отмену меры пресечения в отношении подсудимого. Если по преступлению, совершенному в составе группы, раздельное судебное разбирательство препятствует рассмотрению уголовного дела, то все производство по нему приостанавливается[2].

Институт приостановления предварительного расследования имеет целью экономию сил и средств органов предварительного расследования, позволяющую следователю (дознавателю) и органу дознания при соблюдении определенных условий временно приостановить расследование и не продлевать процессуальный срок[3].

Учитывая, что в соответствии с п. 7 ст. 38 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности военной службе» и п. 7 ст. 8 Положения о порядке прохождения военной службы[4] на военную службу по контракту с заключением первого контракта о прохождении военной службы граждане принимаются на срок от шести месяцев до одного года, следовательно, и сроки приостановления будут аналогичными или же более длительными на всем протяжении участия мобилизованных лиц в специальной военной операции, вплоть до полного ее завершения.

Кроме того, положениями ч. 1 ст. 78.1 УК РФ предусмотрено освобождение от уголовной ответственности анализируемой категории лиц, «в отношении которых… производство по уголовному делу приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения) в случаях: награждения военнослужащего государственной наградой в период прохождения военной службы; достижения лицом предельного возраста пребывания на военной службе; по состоянию здоровья и в связи с окончанием срока мобилизации или отменой военного положения», прекратив уголовное дело по основаниям ст. 28.2 УПК РФ. При этом осуществление контроля за поведением указанных лиц законодателем возложено на командование воинской части (учреждения) (ч. 2 ст. 78.1 УК РФ).

В юридической литературе позиции исследователей по поводу таких изменений крайне противоречивы. Я.Н. Ермолович, оценивая их позитивно, полагает, что «они призваны способствовать повышению эффективности уголовной ответственности и уголовно-правовых средств, применяемых к военнослужащим, совершившим преступления»[5].

А.С. Шаталов обоснованно высказывает опасения о «возможности разгула преступности подозреваемых, обвиняемых по резонансным уголовным делам, подрыве веры граждан в неотвратимость наказания»[6].

---

[1] Стельмах В.Ю. Приостановление предварительного расследования в отношении обвиняемого (подозреваемого), участвующего в боевых действиях // Законность. 2024. № 10. С. 50-55.

[2] О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 02.10.2024 № 340-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 41. Ст. 6065.

[3] См.: Якубова С.М. Приостановление предварительного расследования по уголовному делу. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. С. 11.

[4] Вопросы прохождения военной службы (вместе с Положением о порядке прохождения военной службы) : Указ Президента РФ от 16.09.1999 № 1237 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 38. Ст. 4534.

[5] Ермолович Я.Н. Совершенствование уголовно-правовых средств реализации уголовной ответственности военнослужащих (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 6. С. 45-53.

[6] Шаталов А.С. О достоинствах и недостатках существующего порядка освобождения от уголовной ответственности обвиняемых и осужденных, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в вооруженные силы Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества: сборник тезисов выступлений и докладов участников международной научно-практической конференции,

Поскольку уголовное судопроизводство призвано обеспечивать защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ), в той же мере призвано отвечать этому как непосредственно уголовное преследование и назначение наказания и отказ от уголовного преследования невиновных и реабилитация необоснованно подвергшегося уголовному преследованию. Реализация положений как ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, так и п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ вызывает сомнения в плане обеспечения принципа состязательности и равноправия сторон, предполагающего предоставление сторонам обвинения и защиты равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих прав и законных интересов, а также неотвратимости уголовной ответственности и наказания за совершенное преступление. Не в полной мере учитываются права потерпевших от преступлений таких лиц.

В этой связи, поддерживая стремление законодателя снизить репрессивность уголовно-процессуального закона в условиях специальной военной операции, тем не менее считаем возможным предложить усиление прокурорского надзора за принятием следователем, дознавателем анализируемых процессуальных решений, предусмотрев в законе согласование решения следователя и дознавателя о приостановлении предварительного расследования по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ с прокурором, а также исключить возможность освобождения следователем, дознавателем от уголовной ответственности подозреваемых, обвиняемых анализируемой категории в стадии предварительного расследования, сохранив такое право только за судом.

Трусов А.И.,

кандидат юридических наук
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

Использование видео-конференц-связи в уголовном процессе зарубежных стран

Для успешного внедрения цифровых технологий в законодательство нашей страны необходимо обратиться к опыту зарубежных государств, где использование технологий видео-конференц-связи (далее – ВКС) стало применяться гораздо раньше.

США являются одними из «первопроходцев» по использованию системы ВКС в судебном процессе. В рамках проекта «Судебный процесс XXI века» еще в 2002 году Окружным судом штата Массачусетс была организована ВКС одновременно с тремя судами на разных континентах. Также было использовано трехмерное оборудование (экраны, голография, очки, камеры и аудиосистемы), что позволило участникам данного процесса находиться в виртуальном пространстве, полностью отражающем место происшествия, и участвовать в реконструкции события преступления[1].

Часть 1 ст. 650 Уголовного кодекса Канады предусмотрено участие в судебном заседании посредством ВКС или аудиоконференции, а законодателем определены случаи использования таких систем. При этом цифровизация обеспечена технологиями кабельного телевидения. Существенным недостатком считаем невозможность ее использования на предварительном расследовании.

В Великобритании ВКС применяется судами по делам, в которых принимают участие лица, имеющие ограничения по здоровью, или несовершеннолетние (в отличие от США), при этом требуется получение предварительного согласия допрашиваемых лиц. По нашему мнению, такое ограниченное использование ВКС не соответствует современным реалиям.

В отличие от Великобритании в Германии не требуется получение предварительного согласия на проведение дистанционного допроса. При этом законодательство ФРГ допускает его проведение вне основного места слушания по делу (ст. 58b УПК ФРГ). Основная цель применения ВКС в Германии сведена к обеспечению безопасности отдельных

приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России, Рязань, 31 октября 2024 года. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 400-405.

[1] Дударев В.А. Дистанционный допрос несовершеннолетних в зарубежных странах и РФ: проблемные вопросы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 2. С. 18-22.

участников уголовного судопроизводства (ст. 58а УПК ФРГ). Аналогичный подход избран законодателями Франции и Бельгии. Считаем такой подход достаточно узким, по нашему мнению, необходимо расширять возможности использования технологий ВКС на большее количество ситуаций.

Немного иначе использование ВКС предусмотрено в законодательстве Гонконга Китайской Народной Республики для свидетелей и жертв преступлений. При этом не обязательно транслировать живое общение, допустимо воспроизведение и ранее данных показаний, записанных на электронный носитель (ст. 14.7).

В итальянском законодательстве избран похожий подход, связанный с обеспечением безопасности, но круг лиц значительно шире – помимо потерпевших и свидетелей в него входят и обвиняемые, изобличающие преступную деятельность других лиц (ч. 5 ст. 205-ter УПК Итальянской Республики). Но опять же, нововведения касаются только допустимости использования ВКС в рамках судебного разбирательства уголовных дел.

Гораздо дальше в использовании цифровых технологий шагнули в Сингапуре, где одними из первых в мире разработали специальные приложения (мультимедийные технологии), в рамках которых стало возможным использование ВКС не только в судебных инстанциях («виртуальное правосудие»), но и в досудебной стадии. Среди разработанных компьютерных технологий также используется электронная система TICKS 2000[1], к которой суды могут предоставлять удаленный доступ, что очень актуально в силу отсутствия технических возможностей на местах. На такую технологичность следует обратить внимание и нашей стране, где только сейчас начинают внедрять в уголовное судопроизводство цифровые технологии, которые уже более двадцати лет действуют в Сингапуре.

Возможность использования ВКС также предусмотрена и в уголовно-процессуальном законодательстве стран ближнего зарубежья.

В УПК Республики Казахстан имеется сразу несколько статей, регламентирующих использование ВКС с участием потерпевшего или свидетеля не только в судебном заседании (ст. 370 УПК РК), но и на стадии предварительного расследования (ст. 213 УПК РК). Решение о производстве принимается как по собственной инициативе лица, ведущего расследование, так и по ходатайству сторон – участников уголовного процесса или прокурора. В качестве минуса отмечаем ограниченный круг участников, с которыми допустимо использование ВКС.

В УПК Республики Беларусь также регламентированы несколько статей по использованию ВКС с участием потерпевшего или свидетеля, не только в судебном заседании (ч. 3.1 ст. 286 и ст. 343.1 УПК РБ), но и на стадии предварительного расследования (ст. 224.1 УПК РБ), предусматривающих такую возможность для тех же следственных действий, что и в России – допроса, очной ставки и предъявления для опознания[2]. Отличительной особенностью от законодательства Казахстана является указание на возможность использования не только ВКС, но и веб-конференции, что расширяет возможности следственного действия, так как подразумевает большее количество его участников. Снова отмечаем ограниченный круг участников.

Возможность проведения дистанционного допроса с применением технических средств регламентирована законодательством Латвийской и Эстонской Республик. Например, в УПК ЭР дистанционная дача свидетельских показаний именуется longdistancehearing. При этом использовать дистанционные технологии возможно и в отношении подозреваемых или обвиняемых лиц. Примечательной является ч. 2 ст. 69 УПК ЭР, которой предусмотрен дистанционный допрос по телефону. Не очень практичное, на наш взгляд, нововведение, так как не позволяет удостовериться в личности допрашиваемого и оценить его показания по невербальным признакам. Отдельной статьей регламентирована возможность дистанционного допроса лиц, находящихся за пределами страны (ст. 468 УПК ЭР). Такое нововведение было бы полезно и российскому законодателю.

В УПК Кыргызской Республики имеется несколько статей, регламентирующих использование ВКС с участием потерпевшего или свидетеля не только в судебном засе-

[1] Шульгин Е.П. Зарубежный опыт деятельности органов, осуществляющих производство по уголовным делам в электронном формате // Академическая мысль. 2019. № 4. С. 87.

[2] Волченко А.В. Возможности использования видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4. С. 123-133.

дании (ст. 79, 326 – 328, 520 УПК КР), но и на стадии предварительного расследования (ст. 201 УПК КР). Регламентация схожа с уже рассмотренным законодательством Республик Казахстан и Беларусь. Особенностями является использование законодателем терминологии «видеосвязь» вместо ВКС. Интересной видится ч. 6 ст. 201 УПК КР, предусматривающая дополнительные меры обеспечения безопасности допрашиваемых по ВКС, – изменение внешности и голоса, исключающие узнавание. Думаем, что подобная позиция зарубежного законодателя, на наш взгляд, требует дополнения в части описания процедуры засекречивания личности такого лица.

По аналогии с законодательством Эстонской Республики в законодательстве Республики Таджикистан с 2022 года в ч. 2 ст. 197 УПК РТ регламентирована возможность дистанционного допроса лиц, находящихся за пределами страны, с использованием телекоммуникационных систем и электронной почты, а также с составлением протокола, подтвержденного цифровой подписью. При этом такой допрос возможен только с участием понятых[1]. Других оснований использования ВКС в досудебном уголовном судопроизводстве в Республике Таджикистан не предусмотрено.

Дистанционному допросу свидетеля с использованием ВКС уделено особое внимание в законодательстве Республики Молдова (ст. 110 УПК РМ). При этом свидетеля должны проинформировать о возможном изменении его внешности или голоса (п. 5 ч. 12 ст. 90 УПК РМ). К сожалению, такой допрос регламентирован только в рамках судебного производства и касается ограниченного круга участников уголовного судопроизводства – свидетелей.

Таким образом, анализ правовой регламентации и практики использования телекоммуникационных технологий в уголовном процессе зарубежных стран (шестнадцати государств) позволяет утверждать, что зарубежные государства идут по пути внедрения видео-конференц-связи в уголовное судопроизводство, избирая различную терминологию обозначения таких технологий, но большинство из них регламентирует возможность их использования в рамках судебных стадий, и лишь в шести государствах (Сингапур, Казахстан, Беларусь, Эстония, Кыргызстан, Таджикистан) регламентировано использование видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования. При этом использование технологий веб-конференции предусмотрено только законодательством Белоруссии, а возможности использования аудиоконференции регламентированы в Канаде и Эстонии. Отдельными странами возможность использования видео-конференц-связи предусмотрена только для допроса (Великобритания, Германия, Франция, Бельгия, Казахстан, Молдова, Латвия и Таджикистан). Законодательством Кыргызстана и Молдовы регламентирована возможность изменения внешности и голоса допрашиваемых по ВКС, исключающая узнавание. Только в Эстонии и Таджикистане регламентирована возможность дистанционного допроса участников предварительного расследования, находящихся за пределами страны. Другие законодатели существенно ограничивают круг участников уголовного процесса, участие которых допустимо в формате видео-конференц-связи: для потерпевших и свидетелей регламентировано в Китае, Казахстане, Белоруссии и Кыргызстане; только для свидетелей – в Молдове; для свидетелей, потерпевших и обвиняемых, изобличающих преступную деятельность других лиц, – в Италии; для свидетелей, подозреваемых и обвиняемых – в Эстонии. Исключительная позиция по применению видео-конференц-связи к делам, в которых принимают участие лица, имеющие ограничения по здоровью или несовершеннолетние, выработана в Великобритании. Законодатель Белоруссии обозначил такие же следственные действия, производство которых предусмотрено в формате видео-конференц-связи, что и законодатель России.

[1] Дударев В.А. Указ. соч. С. 17-19.

Мичурина О.В.,

доктор юридических наук, профессор
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

РОЛЬ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВ

Принцип законности реализуется в правовом регулировании всех социальных процессов, общественных отношений и отраслей права. Важным условием для надлежащего осуществления законности является не только наличие закона, но и неуклонное исполнение его предписаний участниками общественных отношений, соответствие требованиям закона деятельности государственных органов и должностных лиц, а также поведения граждан. Соблюдение закона и обеспечение законности имеет важное значение в государстве. Тем самым закон и законность являются понятиями неразделимыми в своем смысловом аспекте.

Для уголовно-процессуального права принципы – важнейший уголовно-процессуальный институт, носящий концептуальный характер и формирующий основы, прежде всего, правового статуса участников уголовного процесса[1]. В уголовном судопроизводстве законность является главным принципом, принципом над всеми принципами. Это объясняется тем, что нарушение любого принципа уголовного судопроизводства автоматически влечет нарушение законности.

Роль принципа законности в уголовно-процессуальном обеспечении досудебного и судебного производств сложно переоценить. На соблюдении закона строится деятельность всех государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, других участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются процессуальными действиями и процессуальными решениями. Тем самым принцип законности имеет распространение на участников уголовного судопроизводства как с определенным, так и с неопределенным процессуальным статусом, а также лиц, никак не именуемых в законе, поэтому и не имеющих статуса участника уголовного судопроизводства, но вовлеченных в уголовно-процессуальную сферу.

Согласимся с О.В. Гладышевой, верно обратившей внимание на то, что в ст. 7 УПК РФ почему-то речь идет исключительно о действиях и решениях должностных лиц и государственных органов, что не согласуется с общепринятым пониманием действия принципа законности[2].

Неправильно считать, что требования соблюдения закона должны быть направлены только на государственные органы и должностных лиц, а не на всех участников уголовно-процессуальных отношений. В уголовном судопроизводстве законность предполагает правомерное поведение и соответствующую деятельность всех лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную сферу, что находит выражение в установленных законом обязанностях, которые являются неизменным приложением к правам. В какой-то степени принцип законности даже выступает ориентиром для надлежащего поведения и надлежащей деятельности. Государственные органы и должностные лица обязаны охранять права и законные интересы участников, а также иных лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную сферу, но имеют также право обращаться к ним с законными требованиями. Лица, к которым обращены данные требования, в свою очередь, обязаны их выполнить. В случае неисполнения таких требований к ним может применяться весь арсенал уголовно-процессуального принуждения, включающий не только меры процессуального принуждения, но и принудительное производство следственных, а также иных процессуальных действий. Это обусловлено целью принуждения и его социальной обусловленностью. При этом нами учитывается, что такое принуждение совсем не безгранично и имеет разную степень воздействия, обусловленную процессуальным статусом конкрет-

[1] Химичева О.В., Химичева Г.П. О совершенствовании принципов уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 625, 626.

[2] Гладышева О.В. Принципы законности или как теория разошлась с правом (взгляд представителя отраслевой науки) // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2017. № 1 (30). С. 23.

ного участника уголовного судопроизводства. К примеру, подозреваемый (обвиняемый) в силу требований ст. 51 Конституции РФ, имеют право отказаться от дачи показаний, поэтому его молчание никак не отражается на принципе законности, а вот обратная ситуация в виде его принуждения к даче показаний со стороны следователя, дознавателя, пусть даже выраженная в соответствующих словесных требованиях, напротив, имеет самые негативные последствия для законности и полученных таким путем доказательств.

Обеспечение законности в уголовном судопроизводстве всегда связано с проблемой соотношения прав государства и личности. В правоприменении это соотношение выражается через установленные государством средства, призванные обеспечить законность уголовно-процессуальной деятельности, государственных органов, прав и свобод граждан[1].

Публичный характер уголовного судопроизводства и необходимость создания условий для надлежащего осуществления уголовно-процессуальной деятельности вынуждают участников уголовно-процессуальных отношений строго следовать требованиям закона. Проявляясь в такой взаимосвязи, принцип законности выполняет свою главную регулятивную роль в уголовном судопроизводстве, тем самым обеспечивая надлежащий порядок досудебного и судебного производств.

В содержании ст. 7 УПК РФ необходимо отразить требования соблюдения закона всеми без исключения участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами, вовлеченными в производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений. Кроме того, принцип законности заполняет собой всю сферу уголовного судопроизводства, включающую как досудебное производство, так и судебное производство. В связи с этим не совсем понятно, почему в наименовании ст. 7 УПК РФ законодатель сделал акцент только на производстве по уголовному делу, исключив тем самым стадию возбуждения уголовного дела, где уголовного дела еще нет, соответственно, и производство по нему пока не осуществляется.

Таким образом, резюмируем, что под соблюдением закона в уголовном судопроизводстве следует понимать как совершение действий, дозволенных либо предписанных законом, так и воздержание от совершения действий, запрещенных им. Данное требование составляет основу принципа законности в уголовном судопроизводстве, охватывающем досудебное и судебное производства. При этом основополагающие, руководящие начала уголовного судопроизводства, коими и являются принципы, а конкретно – принцип законности, должны иметь более однозначное нормативное оформление: начиная от его наименования и заканчивая всеобщим характером, который должен найти отражение в нормативной модели. Поэтому ст. 7 УПК РФ нуждается в соответствующих коррективах, в ней должна идти речь о законности в уголовном судопроизводстве либо досудебном и судебном производствах, а не только при производстве по уголовному делу.

Петрикина А.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

О роли суда в исключении недопустимых доказательств

Рассуждая о важности недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением уголовно-процессуального законодательства, необходимо подчеркнуть, что данный постулат является неотъемлемой частью системы принципов уголовного судопроизводства и способствует достижению справедливости, законности и защите прав участников судопроизводства.

В целях эффективного функционирования уголовного судопроизводства необходимо строго соблюдать порядок и действия, закрепленные в положениях уголовно-процессуального законодательства, исключать своевременно недопустимые доказательства

[1] Баранов А.М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. … докт. юрид. наук. Омск, 2006. С. 5-6.

и преследовать цель достоверного и справедливого разбирательства уголовных дел.

Профессиональная активность участников процесса, особенно защитников и государственных обвинителей, играет важную роль в выявлении и доведении до суда фактов недопустимости доказательств. Суд, в свою очередь, обязан тщательно рассматривать все ходатайства и возражения сторон, связанные с допустимостью доказательств, и принимать обоснованные и мотивированные решения.

Любое проявление судом инициативы по признанию доказательств недопустимыми может свидетельствовать о нарушении принципа состязательности и равенства сторон в суде. Однако в практической деятельности существуют случаи, когда такие полномочия данному органу государственной власти не помешали, например, когда обе стороны в уголовном процессе ведут себя пассивно в отношении процесса доказывания. К большому сожалению, иногда встречаются также ситуации, когда при полном соблюдении законодательных положений, регулирующих процесс получения доказательств, имеет место грубейшее нарушение конституционных прав человека и гражданина. Иначе говоря, к лицам, от которых зависит получение уполномоченными на то субъектами доказательств, применяются недопустимые противоправные действия, но они получают вполне легальное оформление.

Очерченных законодателем источников получения доказательств довольно много. Главным требованием, предъявляемым к любому из них, является возможность суда осуществить проверочные действия, определить способ получения и передачи, а также соблюдение условий о представлении доказательств в надлежащей форме для осуществления проверки достоверности и значимости для рассматриваемого уголовного дела представленных сведений.

В связи с этим также любопытно рассмотреть содержание статей 234 и 235 УПК РФ. Оно сводится к тому, что судья единолично в закрытом заседании рассматривает ходатайство об исключении доказательств, что фактически противоречит отдельным принципам уголовного судопроизводства.

Целесообразным и верным видится изменить данную процедуру для соблюдения принципов гласности и открытости судебного заседания, что безусловно повысило бы доверие населения к судебной системе.

Вполне логично судье осуществить процессуальные действия в целях исключения из уголовного дела сведений, имеющих сомнительную природу, сделав процедуру открытой и прозрачной.

Подведем краткие итоги:

1) для достижения назначения уголовного судопроизводства суду важно своевременно установить недопустимость доказательств и исключить их из процесса доказывания по уголовному делу;

2) недопустимые доказательства могут негативно сказаться на вынесении итогового судебного решения;

3) поиск недопустимых доказательств в судебных стадиях уголовного процесса требует активного участия участников процесса, таких как защита и обвинение. Когда стороны ведут себя пассивно в этом вопросе суд должен занимать ведущую позицию, об этом необходимо внести поправки в действующее уголовно-процессуальное законодательство;

4) выводы и решения суда по вопросам допустимости доказательств должны основываться на законе. Не стоит в данном случае забывать и об иных принципах уголовного процесса, а также учитывать этические требования;

5) своевременное обнаружение и исключение недопустимых доказательств способствует поддержанию доверия к судебной системе, его укрепление во многом зависит от степени прозрачности и открытости этой процедуры. Поэтому здесь также существует потребность в изменении действующих редакций статей 234 и 235 УПК РФ.

Правильное выявление и исключение недопустимых доказательств будет служить соблюдению процессуальных норм. Ведь строгое следование установленным законом правилам и процедурам гарантирует, что доказательства собираются и представляются легитимно и легально.

Обеспечение прав подозреваемых и обвиняемых, включая право на защиту и справедливое судебное разбирательство, выступают составляющей назначения уголовного судопроизводства.

Во многом от открытости и прозрачности судебной системы зависит правильная реализация этих гарантий.

Грамотное исключение судом недопустимых доказательств помогает избежать предвзятости и гарантирует справедливость принимаемого решения.

Исаенко А.Г.

Департамент по координации деятельности в сфере профилактики правонарушений
Министерства по делам юстиции и региональной безопасности Республики Хакасия (г. Абакан)

Процессуальное руководство предварительным следствием как средство эффективной реализации функции правосудия

Процессуальное руководство как уникальное уголовно-процессуальное явление рассматривается юридической наукой в свете разных научных подходов. Значительный интерес представляет трактовка процессуального руководства в качестве специфической функции, присущей исключительно досудебным стадиям уголовного процесса. Наличие в уголовном процессе подобной функции в свое время была озвучена профессором А.М. Лариным[1].

Необходимость функции процессуального руководства на этапе досудебного производства объясняется особым устройством этого этапа и уникальным сочетанием реализуемых на нем функций. В теории отечественного уголовного процесса к общеизвестной трехзвенной системе функций (обвинение, защита и разрешение уголовного дела) обоснованно добавляется функция предварительного расследования. Исследователями, не ангажированными идеей безраздельной состязательности, последняя рассматривается не просто рядовым довеском к системе основных функций, а позиционируется в статусе доминирующей систематизирующей функции всего досудебного этапа. В рамках подобного подхода (его можно назвать синтетическим) все функции (в том числе и основные) на стадии предварительного расследования растворяются в функции предварительного расследования.

«Синтетический» взгляд на функцию предварительного расследования подчеркивает, что это функция особого методологического рода. Особенность заключается в том, что функция предварительного расследования в разной степени проникает в деятельность очень широкого круга участников. Именно это свойство – всеобщности – делает ее не только полноценной основной функцией уголовного процесса, но и позволяет разглядеть в ней нечто большее – особенную всеобщую функцию.

Подобному критерию всеобщности в отечественном уголовном судопроизводстве отвечают только две функции: предварительного расследования и разрешения уголовного дела. Функции обвинения и защиты являются лишь содержательным наполнением отдельных блоков этих всеобщих функций. В свою очередь, названные всеобщие функции – это тоже элементы функции еще более высокого уровня всеобщности. Для обозначения функции этого масштаба целесообразно ввести понятие системообразующей глобальной функции уголовного процесса. Эта функция является «средой обитания» для всех прочих функций. По нашему мнению, в качестве такой гиперфункции может быть презентована функция с именем – «функция правосудия».

Введение подобного понятия помогает прояснить сущность феномена процессуального руководства. С точки зрения этой гиперфункции правосудия, можно определить в уголовном судопроизводстве этапы, которые предрасположены к процессуальному руководству. Исторически и технологически этапом, функционально тяготеющим к процессуальному руководству, является именно досудебное производство. Это главный этап, на котором осуществляется создание условий для полноценной и справедливой реализации «функции правосудия».

Данная предрасположенность обусловлена тем, что досудебное производство имеет ярко выраженный познавательно-исследовательский характер, который является основной предпосылкой, формирующей потребность в процессуальном руководстве. Логическая увязка процессуального руководства и исследовательской сущности досудебного этапа уголовного судопроизводства обусловлена гносеологической природой расследования. Всякое исследование, а уголовно-процессуальное исследование в особенности, предполагает в качестве необходимого элемента формирования социально значимого результата – объективизацию полученного

[1] Ларин А.М. Функция процессуального руководства и прокурорский надзор в стадии предварительного следствия // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979. С. 77.

знания. Объективизация итогов познавательной (следственной) деятельности предполагает непременный этап коллективного познания. Данная коллективизация проявляет себя в системе процедур, предусматривающих оценку, согласование и утверждение результатов следственной деятельности. Специфика процессуальной независимости субъектов расследования генетически предполагает разные формы процессуального контроля. Простор (и соответственно потребность) для коллективизации познания на досудебном этапе куда шире, чем при производстве в суде. На судебных стадиях «эвристическая коллективизация» весьма ограничена. По сути, о ней можно говорить лишь применительно к коллегиальному составу суда (явлению в современных условиях почти экзотическому). Что касается стадии предварительного расследования, то здесь «эвристический коллективизм» является, по сути, обязательным когнитивным принципом. Коллективный субъект расследования по уголовному делу складывается из следователя, оперативного работника, руководителя следственного органа, прокурора. В этот список можно добавить и дознавателя с его руководителем.

Досудебное производство предрасположено к процессуальному руководству и контролю не только в силу сугубо исследовательского характера своей деятельности. Исследовательский элемент присущ и суду: отсюда и говорящее само за себя понятие «судебное следствие». Процессуальное руководство обусловлено и спецификой деятельности, которую необходимо оценивать в контексте масштабов современной преступности. Если посмотреть на процесс расследования объективно, то можно заметить, что на стадии предварительного расследования картину преступления воссоздают и облекают в доказательства не индивиды, а коллективы. Не случайно в современной юридической теории понятие следственного органа уже не приравнивают к понятию следователя, что было характерно для советского уголовного процесса. Следственный орган ныне – это коллектив следователей. А всякий коллектив нуждается в руководстве. Это управленческая аксиома. Руководитель является и контролером, и помощником, субъектом направляющим, а при необходимости и осаждающим.

У «эвристического коллективизма» имеются и другие основания. Если говорить о методологических корнях, то следует обратить внимание на определенное сходство предварительного расследования и научного познания. И то, и другое, как мы уже отметили, нуждается в объективизации через коллективное признание результатов. Коллеги по научному цеху оценивают и результаты, и методы, при помощи которых эти результаты получены. Но можно отметить и специфику. Научное познание не исключает исследователей одиночек, а на предварительном следствии самостоятельность следователя является главным критерием организации расследования. В научном руководстве нуждаются по большей части молодые исследователи, в уголовном же процессе следователи-исследователи не всегда молоды (хотя тенденция омоложения тоже имеется).

Уголовное судопроизводство – особое поле познания. Каждое новое уголовное дело – это уникальная исследовательская ситуация. В уголовном процессе не работают исследовательские штампы, это все же не столько отвлеченно юридический, сколько конкретно практический мир. Эта эвристическая эксклюзивность и предполагает потребность в коллективном познании, в объединении «юности» с «опытом». Субъектом этого познания и становится орган предварительного расследования в самом широком понимании. И понятие этого органа, как мы заметили, не равно следователю, а шире его. Да, следователь, несомненно, является центральной фигурой расследования, фигурой независимой и самостоятельной. Но нельзя забывать, что при всей своей процессуальной важности следователь не перестает быть элементом правоохранительной системы, связанным сложными нитями власти и подчинения с другими субъектами. И в этой системе элемент процессуального руководства становится необходимым и целесообразным. Процессуальное руководство придает деятельности по расследованию преступлений плановый и организованный характер. Руководитель следственного органа олицетворяет собой «большое знание», которое позволяет создавать особый контекст индивидуального следственного познания по уголовным делам.

Обычно критика процессуального руководства как идеи и института основывается на издержках, которые укладываются в такое явление, как злоупотребление правом. Такие случаи, естественно, имеют место. Но, как известно, «злоупотребление не отменяет

употребления». Поэтому функция процессуального руководства является необходимой. Она предопределяется самой атмосферой предварительного расследования и всей функций правосудия.

Процессуальное руководство является специфической гармонизирующий силой, которая минимизирует издержки процессуальной самостоятельности следователя, не позволяет этой самостоятельности (помноженной на неопытность) перерасти в произвол и неисправимые ошибки. Само допущение процессуального руководства на стадии предварительного расследования способствует конвергенции управленческих и процедурных уголовно-процессуальных начал работы следственных подразделений.

В свою очередь, само процессуальное руководство, чтобы быть эффективным средством реализации функции правосудия, нуждается в системе сдержек и противовесов в особой гармонизации. В этой связи сам принцип процессуальной самостоятельности следователя является специфической корректировкой функции процессуального руководства. В начало процессуальной самостоятельности следователя заложена не идея автономии, а право на собственное мнение. Процессуальная самостоятельность есть формальное основание для законных дебатов по ключевым вопросам производства по уголовному делу, внесения в расследование элементов эристики (ведь истина, как известно, рождается в споре).

Через особое взаимодействие начал процессуальной самостоятельности и процессуального руководства на этап предварительного расследования проникают элементы состязательности особого рода, состязательности между руководителем следственного органа и подчиненными ему следователями. Сама идея несогласия (с процедурными последствиями) является очень интересным элементом в системе процессуального руководства. Кроме того, через процессуальное руководство на досудебный этап в усеченном виде проникает и концепт «инстанционности», весьма приветствуемый в судебных стадиях.

Коньков А.А.

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

Нарушение защитником прав и законных интересов подзащитного

Охрана прав и свобод человека и гражданина, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, состязательность сторон являются основными принципами уголовного процесса Российской Федерации, отражающие идеалы законности, правосудия и гуманизма. Данные принципы предполагают активное участие защитника в реализации процессуальных прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых. Однако на практике нередко возникают ситуации, когда действия защитника не только не способствуют защите интересов подзащитного, но и прямо противоречат им. Такие нарушения могут принимать различные формы, которые необходимо рассмотреть, чтобы разработать способы противодействия им в целях обеспечения следователем объективного, качественного и всестороннего производства по уголовному делу.

Одной из форм нарушения интересов подзащитного является недостаточная квалификация или халатность защитника. В таких случаях защитник не выполняет свои обязанности должным образом, что может выражаться в поверхностном изучении материалов дела, отсутствии активной позиции при производстве следственных действий и в судебных заседаниях. Подобное поведение не только лишает подзащитного эффективной защиты, но и подрывает доверие к институту адвокатуры России в целом, а также противоречит принципам уголовного судопроизводства.

Еще одной формой нарушения является злоупотребление процессуальными правами. Защитник, используя свои полномочия, может преднамеренно «затягивать» производство по уголовному делу, подавая многочисленные ходатайства, жалобы и отводы без достаточных на то объективных оснований. Такие действия могут совершаться защитником для истечения сроков уголовного преследования или сокращения срока реального лишения свободы при наличии у обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий или заключения под стражу, поскольку один день пребывания в СИЗО равен 1,5 дня в исправи-

тельной колонии(1 к 1 при домашнем аресте). Распространенным на практике способом затягивания сроков производства по уголовному делу является ознакомление с материалами уголовного дела, поскольку ст. 217 УПК РФ указывает на запрет ограничения сроков ознакомления защитника и обвиняемого с материала уголовного дела, а вопрос злоупотребления этой нормой законодателем не раскрыт, что предоставляет окно возможностей для злоупотребления данным правом. Также законодатель обошел стороной уточнение, каким образом могут сниматься копии материалов уголовного дела, что дает возможность недобросовестному защитнику от руки переписывать каждый лист уголовного дела, что неминуемо затягивает следственное действие, хотя в XXI веке существует огромное множество технологических способов снятия копий документов за короткое время. В некоторых случаях защитники прибегают к тактике «процессуального саботажа», направленной на срыв следственных действий или затягивание их путем многократной неявки, вступлении в бессмысленные полемики со следователем, что противоречит принципам эффективности и разумных сроков уголовного судопроизводства. Такие действия не только нарушают право подзащитного на своевременное рассмотрение дела, но и создают излишнюю нагрузку на судебную систему, и без того перегруженную из-за излишнего бюрократизма и дефицита кадров органов предварительного расследования.

Исходя из личной корыстной выгоды, заключающейся в «вытягивании» из клиента денег за свои услуги, недобросовестный защитник может дать подзащитному ложную надежду на избежание уголовной ответственности при явности и доказанности вины обвиняемого материалами уголовного дела, вместо работы над другими линиями защиты, например, возмещением ущерба потерпевшему, поиском обстоятельств, смягчающих наказание, что в итоге как раз является прямым интересом подзащитного, поскольку смягчит наказание за преступление. Также преследуя данную цель, защитник может нарушать нормы УПК РФ путем манипуляций с доказательствами, например, их фальсификацией или склонением к даче ложных показаний путем подкупа свидетелей, потерпевшего, эксперта.

Очень ярко данные проблемы проиллюстрировал адвокат Эльман Пашаев (шесть раз лишался адвокатского статуса и пять раз его восстанавливал), ставший известным благодаря защите артиста театра и кино Михаила Ефремова по уголовному делу, возбужденному по п. «а» ч. 4 ст. 264 УК, и ряду других «громких» дел, а ныне сам фигурант уголовного дела и осужденный за клевету.

Следователь как участник уголовного процесса играет ключевую роль в расследовании уголовного дела и восстановлении социальной справедливости, поэтому на нем также лежит обязанность пресекать указанные злоупотребления и нарушения со стороны защитника.

Если действия защитника содержат признаки состава преступления, следователю необходимо регистрировать рапортом данные факты и приложить к рапорту копии всех имеющихся материалов уголовного дела, содержащих следы преступления, для проведения предварительной проверки.

В случаях умышленного затягивания сроков ознакомления защитника с материалами уголовного дела, практикой сформирован механизм ограничения данных сроков судом. Для этого следователь выходит в суд с ходатайством об ограничении данных сроков, в котором указывает основания для данного решения, предоставляет копии материалов, свидетельствующих о данном злоупотреблении со стороны защитника. Суд, рассмотрев ходатайство следователя, может ограничить сроки ознакомления с уголовным делом путем составления графика, в котором, исходя из объемов материалов уголовного дела, будут указаны точные даты и время проведения следственного действия, что позволит соблюсти принцип разумных сроков уголовного процесса.

К сожалению, законом и практикой выработаны не все пути решения проблемы с нарушением защитником прав и законных интересов подзащитного. В настоящее время не выработан процессуальный механизм отстранения следователем недобросовестного защитника, при явном нарушении последним интересов подозреваемого или обвиняемого. Для решения этой проблемы необходимо внести изменения в УПК РФ, позволяющие в судебном порядке, с предоставлением достаточных на то оснований отстранять адвоката от защиты подозреваемых и обвиняемых. Также у следователя отсутствует возможность подавать жалобы на недобросовестного защитника в адвокатскую палату для

возбуждения дисциплинарного производства, поскольку следователь не является субъектом, обладающим данным правом в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката. Необходим пересмотр положений вышеуказанных нормативных актов. Должностные лица, расследующие уголовные дела и в процессе тесно взаимодействующие с представителями адвокатского сообщества, должны иметь право на подачу жалоб при выявлении нарушений указанными представителями.

Одним из возможных направлений устранения нарушений является ужесточение требований к защитникам, включая введение дополнительных критериев профессиональной пригодности и регулярную проверку их квалификации, на примере ежегодной итоговой проверки сотрудников органов внутренних дел. Кроме того, целесообразно установить четкие и понятные санкции за некачественную работу защитника, такие как штрафы или временное отстранение от практики. Усиление контроля за действиями защитников, включая создание механизмов оперативного реагирования на жалобы, определенно могут способствовать повышению качества защиты, но для этого в данном направлении должны быть заинтересованы сами органы адвокатуры.

Подводя итог, можно утверждать, что нарушение защитником прав и интересов подозреваемых и обвиняемых представляет собой серьезную проблему, которая требует комплексного подхода к решению. Эффективная борьба с нарушениями возможна только при активном участии всех участников уголовного процесса, включая следователей, суды и адвокатское сообщество. Совершенствование законодательства, направленное на повышение ответственности защитников и усиление контроля за их действиями, станет важным шагом на пути к обеспечению справедливости и законности в уголовном судопроизводстве.

Матюшенко С.В.,

доктор педагогических наук, доцент
Омская академия МВД России

Варианты использования термина «возраст» в УПК РФ

По мнению Б.Г. Ананьева[1], возраст – это относительно ограниченная во времени ступень физического, психического, личностного развития индивида, которая характеризуется определенными физиологическими, психическими, социальными изменениями, общими для всех нормально развивающихся людей. Возрастными особенностями называются характерные для определенного периода жизни анатомо-физиологические и психические качества человека.

Выделяют следующие возрастные особенности развития личности:

анатомо-физиологические показатели – изменения во внешнем виде и внутреннем состоянии организма;

развитие психики – комплекс интеллектуального развития, сенсорных процессов, восприятия, общей реактивности и нейродинамики;

степень духовно-нравственной зрелости – совокупность психологических, субъективных отношений к объективной действительности, предметной деятельности, другим людям и самому себе определяют позицию человека как личности;

особенности поведения и деятельности – «рисунок» поведения человека, саморегуляция личности, новые формы деятельности, появление новых умений и навыков в соответствии с возрастом.

Учет возрастных особенностей развития личности должен быть всегда, так как возраст всегда цепко удерживает развитие и диктует свою волю.

В УПК РФ термин «возраст» присутствует, например, когда делается акцент на процессуальные действия в отношении несовершеннолетних. Но самого понятия и его интерпретации в тексте УПК РФ, к сожалению, нет. Рассмотрим использование термина «возраст» в контексте УПК РФ.

Анализ понятия «возраст» по УПК РФ показывает, что в УПК РФ относительно

[1] Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. Т. 1. М. : Педагогика, 1980.

этого понятия можно выделить три аспекта: особый, учетный и точечный варианты.

Уточним данные позиции. К особому варианту учета возрастных особенностей развития законодатель отнес целую главу в УПК РФ, а именно главу 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних», то есть лиц, не достигших 18-летнего возраста. Глава состоит из 13 статей, в которых определены отличительные моменты производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних. Данные моменты затрагивают все необходимые вопросы, касающиеся уголовного преследования несовершеннолетних. Это позволяет органам предварительного расследования и суду с высокой долей вероятности лавировать между возрастными особенностями несовершеннолетних и применением законных мер в отношении данной возрастной группы.

Учетный вариант ярко выражен в ст. 191 УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего». В данной статье законодатель с опорой на возрастные особенности несовершеннолетних и с помощью градуирования определил продолжительность следственных действий с участием несовершеннолетних. Необходимо отметить, что здесь был учтен и принцип утомляемости несовершеннолетних различных возрастных периодов, определенных учеными Института психологии РАН. Поэтому мы видим в тексте УПК РФ соотношение продолжительности проведения следственных действий согласно трем обозначенным возрастным группам (до 7 лет, от 7 до 14 лет и от 14 лет до 18). Вместе с тем хочется отметить, что имеются сомнения относительно второй выделенной возрастной группы. Тут видится недоучет возрастного развития личности. Период от 7 лет до 14 лет состоит все-таки из двух возрастных периодов: от 7 до 10 лет и от 11 до 14 лет. Несовершеннолетние в данные возраста сильно отличаются друг от друга, поэтому в текст УПК РФ должно быть внесено изменение и данный возрастной период должен быть разделен на два периода и, соответственно, установлена продолжительность проведения следственных действий с такими несовершеннолетними.

Точечный вариант затрагивает в УПК РФ те моменты, когда в отдельных частях или пунктах статей упоминается отдельный возраст. Например, такой вариант мы видим в ч. 6 ст. 113, когда по закону «не подлежат приводу несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет». То есть здесь законом четко определен конкретный возраст, когда производство процессуальных действий должно учитывать возрастную границу, тем самым показывая правоприменителю пределы применения правовых норм.

Таким образом, термин «возраст» применяется законодателем в УПК РФ в разнообразных вариантах, которые необходимо учитывать в уголовном судопроизводстве.

Замуруева Е.Ю.,

кандидат юридических наук
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Проблемы института привлечения лица в качестве обвиняемого

Привлечение лица в качестве обвиняемого является важным этапом при осуществлении производства по делу. Существование этого этапа предваряет появление новой процессуальной фигуры – обвиняемого, после чего меняется направленность предварительного следствия. Приобретение лицом такого процессуального статуса влечет для него серьезные правовые последствия, сопряженные с вторжением в сферу личных прав. Но именно посредством вторжения в сферу личных прав на законных основаниях и достигается назначение уголовного судопроизводства. Не случайно законодатель предусмотрел уголовную ответственность за привлечение в качестве обвиняемого заведомо невиновного лица[1]. Это подтверждает важность и

[1] Симоненко А.А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (статья 299 Уголовного кодекса Российской Федерации): правовая неопределенность состава и ее преодоление // Общество и право. 2016. № 4(58). С. 46-51.

значимость этого института в системе уголовного судопроизводства.

Процесс привлечения лица в качестве обвиняемого – строго регламентированная процедура, которая предполагает соблюдение не только требований закона, но и прав и законных интересов лица, в отношении которого собраны достаточные данные, позволяющие следователю предъявить обвинение в совершении конкретного преступного деяния.

Вместе с тем и в науке уголовного процесса, и в правоприменительной практике имеются проблемы, связанные с институтом привлечения лица в качестве обвиняемого.

Первая проблема, которая обращает на себя внимание, это постановка вопроса о необходимости существования этого этапа и предъявления обвинения до окончания предварительного расследования. На этапе привлечения лица в качестве обвиняемого происходит трансформация его процессуального статуса, расширяются возможности в плане реализации права на защиту. Но вместе с этим увеличиваются и меры воздействия со стороны правоприменителя в части применения мер пресечения. Ряд ученых прямо предлагают перенести этот этап на стадию судебного разбирательства[1]. Но представляется, что на данный момент формулирование и предъявление обвинения следует оставить в рамках предварительного расследования, а полномочия суда так и будут сводиться к принятию итогового решения о виновности или невиновности конкретного лица в совершении преступного деяния.

Суть следующей проблемы сводится к одной из сторон института привлечения лица в качестве обвиняемого, а именно к его обвинительному уклону. Обвинительный уклон проявляется в том, что после предъявления лицу обвинения все действия должностного лица сводятся непосредственно к сбору доказательств обвинительного содержания, а квалификация содеянного происходит с так называемым «запасом», чтобы был некий задел того, что в итоге можно вменить лицу. Такая практика крайне опасна, поскольку предъявление обвинения не следует приравнивать к признанию виновности[2].

Такая ситуация может привести к тому, что весь уголовный процесс приобретет обвинительную направленность, что не отвечает назначению уголовного судопроизводства и является недопустимым. В этой связи необходимо усиливать реализацию принципа состязательности сторон. Например, в Молдове и Литве данная проблема была решена за счет наделения полномочиями по привлечению в качестве обвиняемого не следователя, а прокурора. Если переводить такое решение на плоскость уголовного судопроизводства России, то в науке уголовного процесса уже предлагалось закрепить такое полномочие не за следователем, а за руководителем следственного органа[3].

К числу проблем, имеющихся в правоприменительной практике, относятся ситуации, связанные с составлением постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Большое количество уголовных дел возвращаются судом прокурору по причине наличия ошибок в самих правоприменительных актах. Наиболее распространенными ошибками являются: неполнота расследования; нарушение требований уголовно-процессуального закона и неправильное применение норм материального права. Иногда такие ошибки обусловлены, не столько человеческим фактором, сколько недостаточной детализацией требований закона[4].

Так, законодатель не определяет понятия места совершения преступления, что порождает проблемы в том случае, если место преступления не установлено, либо установлено приблизительно.

Отдельные ошибки связаны с тем, что должностные лица не проводят необходимую работу, связанную с установлением размера причиненного преступным деянием вреда. В то время как этот признак иногда имеет решающее значение для квалификации содеянного, и совершение ошибки влечет за собой негативные последствия для всего процесса расследования, встречаются ситуации, когда

[1] Гаврилов Б.Я. Пределы судебного разбирательства и возможности суда по изменению обвинения: российский и зарубежный опыт // Труды Академии управления МВД России. 2022. №3 (63). С. 83-89.

[2] Аветисян А.Д. Совершенствование деятельности следователя по привлечению в качестве обвиняемого // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2(30). С. 39-45.

[3] Актуальные проблемы уголовно-процессуального права : учебник для вузов / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 234.

[4] Назарова К.Н. Некоторые ошибки и нарушения, допускаемые при предъявлении обвинения, способы их устранения // Таврический научный обозреватель. 2015. № 4-2. С. 84-88.

не выясняются наименование, принадлежность и стоимость похищенного имущества.

Серьезной ошибкой является включение в содержание лишних, не предусмотренных диспозицией конкретной статьи признаков, находящихся в противоречии с вменяемым составом преступления. Такого рода нарушения могут привести к оправдательному приговору или возвращению дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ[1].

Могут встречаться ошибки в субъекте совершения преступного деяния. В частности, если общие сведения (фамилия, имя, отчество, пол, дата рождения, место жительства) всегда указываются, то сведения, имеющие значение для квалификации содеянного (возраст, должностное положение и др.), иногда не указываются должностными лицами.

Таким образом, в процессе привлечения лица в качестве обвиняемого могут возникнуть определенные проблемы, снижающие качество и эффективность этой процедуры. Иногда следствием таких проблем является избежание лицом ответственности при наличии достаточной доказательственной базы, свидетельствующей о совершении им преступного деяния.

Все имеющиеся проблемы, можно условно подразделить на две большие группы:

проблемы нормативного содержания, вследствие недостаточной регламентации отдельных действий на этапе привлечения лица в качестве обвиняемого;

проблемы, обусловленные человеческим фактором (неправильная квалификация содеянного, чрезмерный обвинительный уклон в действиях следователя, допущение технических ошибок при составлении правоприменительных актов, ошибочная оценка доказательств и др.).

Во многом для решения таких проблем требуется не только нормативное совершенствование отдельных положений уголовно-процессуального закона, регламентирующих деятельность должностных лиц по привлечению лица в качестве обвиняемого, но и повышение квалификации самих следователей, поскольку от того, насколько грамотными и соответствующими закону будут их действия и принимаемые решения зависит исход всего предварительного расследования, восстановление нарушенных преступным деянием прав, а также восстановление социальной справедливости.

Другов М.А.

Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Процессуальное обеспечение участия юридического лица в досудебном производстве по уголовным делам

Юридическое лицо как участник досудебного производства по уголовным делам является субъектом, который соответствует всем признакам юридического лица, установленного гражданским законодательством. Так, юридическое лицо представляет собой организацию, которая имеет определенную иерархическую структуру, собственные локальные нормативные акты и уставные документы, а также обладает определенным имуществом и имеет статус экономического субъекта. Юридическое лицо в рамках досудебного производства по уголовным делам имеет определенный правовой статус. Его можно охарактеризовать как перечень различных установленных законодательством прав, интересов и обязанностей, которыми организация наделяется как участник уголовного процесса. Стоит отметить, что юридическое лицо, обладая рядом процессуальных обязанностей, становится полноценным участником уголовного судопроизводства.

В зависимости от процессуального положения юридическое лицо может выступать в качестве таких субъектов уголовно-правовых отношений, как гражданский ответчик, либо же заявитель, потерпевший и гражданский истец. Выступая гражданским ответчиком, юридическое лицо наделяется обязанностью по возмещению вреда, который был причинен в ходе совершения преступного деяния[2]. Если же юридическое лицо выступает в

[1] Назарова К.Н. Указ. соч.

[2] Звечаровский И.Э., Кандыбко Н.В. Об уголовно-правовом значении возмещения ущерба от преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2. С. 41-50.

рамках конкретного уголовного дела как заявитель, потерпевший или гражданский истец, то в таком случае оно не наделяется процессуальными обязанностями. Более того, для него вводится ряд процессуальных ограничений, таких как отсутствие возможности разглашать данные, которые были получены в ходе предварительного расследования. Перечень процессуальных прав юридического лица в досудебном производстве по уголовным делам может выражаться в качестве юридической деятельности его представителя, либо же сотрудников органов дознания и следствия.

На сегодняшний день можно отметить, что законодательство, касающееся вопросов процессуального обеспечения участия юридического лица в досудебном производстве по уголовным делам, требует модернизации и совершенствования. Анализ мнений специалистов в данной области позволяет выделить два основных подхода. Согласно первой точке зрения, понятие и нормативное правовое закрепление статуса юридического лица может быть перенесено в УПК РФ из ГК РФ. Данный тезис, по нашему мнению, является справедливым, поскольку понятие юридического лица находится на стыке различных отраслей права. Согласно второй точке зрения, использование гражданско-правового понятия юридического лица не должно распространяться на уголовно-процессуальное законодательство, поскольку оно было внедрено законодателем для регулирования гражданско-правовых отношений. Преодоление разногласий и выработка единого подхода по поводу определения статуса юридического лица в досудебном производстве по уголовным делам среди специалистов и ученых в области уголовного процесса является актуальным и логичным, поскольку на деле сложно определить статус юридического лица и его применимость на стыке двух разных отраслей права.

В настоящий момент юридические лица можно разделить на несколько групп в зависимости от наличия прав на имущество у их учредителей и руководителей. Первая группа юридических лиц может быть выделена по признаку возникновения вещных прав на имущество. При этом деятельность юридических лиц будет осуществляться посредством исполнения государственных целей и задач. Следующий вид юридических лиц – это организации, которые не имеют прав на имущество. Наконец, у третьей группы юридических лиц имеются корпоративные права на имущество. Сюда можно отнести такие объединения, как партнерства и хозяйственные товарищества. Анализируя ст. 42 УПК РФ, можно сделать вывод, что для того, чтобы юридическое лицо получило статус потерпевшего, его имуществу должен быть причинен вред. Таким образом, для того чтобы юридическое лицо стало участником уголовного дела, в качестве потерпевшего должен выступать собственник имущества юридического лица. Если руководство отдельных юридических лиц обладает корпоративными правами на имущество, то возникает некоторая правовая коллизия. Во-первых, термин корпоративных отношений присущ в большей степени к области гражданско-правового законодательства и на сегодняшний день сложно определить, насколько корпоративные отношения связаны с имуществом.

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой корпоративные отношения представляют собой вид имущественных отношений, в рамках которых руководством организации осуществляется совместное управление общим имуществом юридического лица. В рамках осуществления профессиональной деятельности в организации, члены общества вступают в права по управлению общим имуществом. Юридическим лицам при совершении уголовного преступления может причиняться вред, так как при ущербе имуществу юридического лица наносится ущерб каждому из его участников и учредителей, поскольку оно формируется первоначально из личных средств каждого участника.

Рассуждая о процессуальном обеспечении участия юридического лица на стадии досудебного производства по уголовным делам, представляется логичным, что представители руководства и учредители организации нацелены на получение прибыли – это является одним из факторов деловой успешности и высокой репутации в экономической среде. Исходя из этого, законодателю предлагается уточнить перечень прав и обязанностей представителей юридического лица, которые участвуют в уголовном судопроизводстве по поводу преступлений, в ходе которых был нанесен ущерб собственности компании.

В связи с этим возникает правовая коллизия, поскольку нельзя исключать возможность совершения преступления самим руко-

водителем юридического лица. Если в рамках противоправного деяния был нанесен ущерб непосредственным учредителям юридического лица, основным видом деятельности которого выступает коммерческая деятельность, то целесообразно наделить их возможностью защищать собственные интересы на всех стадиях судебного разбирательства. При этом важно предложить альтернативу в части самостоятельного представления интересов в суде или посредством представителя или адвоката.

Возвращаясь к вопросу об особенностях участия представителей или дирекции юридического лица на стадии досудебного разбирательства в уголовном процессе целесообразно рассмотреть отдельные случаи. Законодателю необходимо учитывать, что существует несколько типов юридических лиц, которые в рамках своей профессиональной деятельности осуществляют различные операции с имуществом компании. Необходимо также уточнить перечень доказательств и обстоятельств, подлежащих доказыванию, когда речь идет о привлечении юридических лиц к уголовному разбирательству. Предполагается, что вышеуказанные аспекты представлены в ст. 73 УПК РФ: характеристика юридического лица, включая сведения о создании, фактическом и юридическом адресе, видах деятельности, а также сведения о сформированных активах и их использовании. Также законодателю необходимо уточнить порядок допуска представителей юридических лиц в досудебном производстве по уголовным делам, поскольку существует ряд нюансов. Так, например, сотрудникам следствия и дознания целесообразно инициировать процесс привлечения лиц, представляющих интересы компании или организации при наличии статуса потерпевшего, истца или ответчика[1].

Однако существуют случаи, когда юридическое лицо привлекается к процедурам, исполняемым на стадии досудебного производства по уголовным делам, в качестве иного субъекта. Поскольку представитель юридической организации не является главным участником судебного разбирательства, следует снизить нагрузку на следователя и дознавателя посредством упрощения разрешительной процедуры привлечения в качестве одной из сторон уголовного процесса. Для устранения эпизодов необоснованного уголовного преследования сотрудников организаций, являющихся юридическими лицами, следует модернизировать нормы углового законодательства в части указания случаев, в которых необходимо привлекать их к судебному разбирательству. Для этого целесообразно пересмотреть институт гражданского ответчика в уголовном процессе, а также уплаты предусмотренных законодательством налогов и сборов[2].

Другим важным аспектом является деловая репутация юридического лица, которая также является объектом защиты в уголовном процессе. На сегодняшний день судебная уголовно-процессуальная практика по данному вопросу в отечественном праве не многочисленна и требует дальнейшего исследования. Ущерб деловой репутации может быть значителен при условии противоправных действий обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления. Также необходимо отметить, что на практике зачастую возникают сложности с точным определением финансового объема, который характеризует вред, нанесенный деловой репутации юридического лица. В связи с этим судьи при рассмотрении подобных уголовных дел руководствуются собственными соображениями при определении денежного выражения ущерба, опираясь исключительно на принцип разумности уголовного законодательства ввиду отсутствия судебных прецедентов.

Таким образом, резюмируя вышесказанное следует отметить, что участие юридических лиц на досудебной стадии уголовного процесса требует существенной модернизации, поскольку в противном случае судьям может быть сложно дать правильную и объективную оценку рассматриваемому делу.

[1] Малышева О.А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. М., 2013. 506 с.

[2] Комова Ю.В. Некоторые аспекты участия юридического лица в досудебном производстве по уголовному делу // Право. Законодательство. Личность. 2018. № 1(26). С. 50-57.

Лавдаренко Л.И.,

кандидат юридических наук, доцент
Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Проблемы определения момента фактического задержания при проведении ОРМ

Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, является одним из эффективных средств государственного принуждения, обеспечивающим реализацию принципа неотвратимости уголовной ответственности. Неосуществление задержания или промедление с его проведением может затруднить либо вообще исключить возможность предотвращения или пресечения преступления, а равно обнаружения и закрепления следов преступления. Вместе с тем задержание связано с ограничением фундаментального права на свободу и личную неприкосновенность, в связи с чем должно быть законным, обоснованным, соответствующим требованиям надлежащей процедуры. Между тем относительно процедуры задержания в законодательстве существует неразрешенность ряда вопросов, что, главным образом, обусловливается введением в УПК РФ понятия «фактическое задержание». Придавая значимость данному понятию, свидетельством чему служит его упоминание в нескольких нормах Кодекса, законодатель тем не менее не дает ему четкого определения, оставляя открытым вопрос о его сущности и соотношении с уголовно-процессуальным задержанием. Анализ п. 11 ст. 5 и п. 15 ст. 5 УПК РФ, а также иных положений кодекса, содержащих понятие «фактическое задержание», позволяет заключить, что законодатель сводит его к уголовно-процессуальному, осуществляемому не иначе как: 1) по возбужденному уголовному делу; 2) уполномоченными на то должностными лицами; 3) в отношении лица, подозреваемого в совершении конкретного преступления. Вместе с тем по смыслу закона уголовно-процессуальное и фактическое задержание не тождественны и разграничиваются не только благодаря введению понятия «фактическое задержание» в качестве самостоятельного, но и признанию за ним собственного срока, который должен учитываться при осуществлении уголовно-процессуального задержания. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 91 УПК РФ протокол задержания должен составляться «в срок не более 3 часов после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю».

Как верно заметил С.Б. Россинский, введение понятия фактического задержания и акцентирование внимания правоприменителя на том, чтобы учитывался его срок, связано со стремлением законодателя в рамках уголовно-процессуального права привести в соответствие механизм задержания установленному Конституцией РФ положению о 48-часовом сроке ограничения права лица на свободу и личную неприкосновенность без судебного решения и обеспечении этого лица соответствующими правами независимо от его процессуального статуса[1].

Фактическое задержание представляет собой действия субъектов по принудительному захвату и удержанию лица, процессуальное – действия в отношении уже задержанного лица. Эти виды деятельности различны по субъектам и характеру выполняемых ими задач. Физическое задержание не входит в компетенцию должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу (дознавателя или следователя), а относится к компетенции иных сотрудников правоохранительных органов, основной задачей которых является пресечение преступления и лишение лица физической возможности продолжить свои действия либо скрыться. Такое физическое задержание осуществляют сотрудники полиции (подп. 1 п. 2 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»), ФСБ России (ст. 13 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»), а также войск национальной гвардии (п. 1 ст. 10 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»).

Одним из наиболее распространенных видов фактического задержания является оперативный захват лица оперативными сотрудниками при реализации дел оперативного учета – захват с «поличным» на месте

[1] Россинский С.Б. Момент фактического задержания подозреваемого сквозь призму конституционно-межотраслевого подхода // Российский следователь. 2018. № 8. С. 29-33.

совершения преступления. Как правило, результаты оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ), при проведении которого лицо было задержано «с поличным», являются основой для принятия решения о возбуждении уголовного дела, а также успешного расследования уголовного дела в дальнейшем и реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности. Между тем Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) «не предусматривает возможности такой принудительной меры, как задержание с поличным, а потому оперативные сотрудники сталкиваются с проблемой поиска правовой основы для своих действий»[1]. Закон «О полиции» и КоАП РФ также не содержат норм, регулирующих действия по лишению свободы при осуществлении захвата и доставлении в орган расследования лица, заподозренного в совершении преступления. Конституционный Суд РФ неоднократно в своих решениях отмечал, что Закон об ОРД не регламентирует процедуры задержания и при необходимости оно должно осуществляться как административное либо уголовно-процессуальное задержание[2]. Вместе с тем Конституционный Суд РФ указал, что применяемое в том числе органом дознания административное задержание может иметь место лишь в порядке и по основаниям, установленным КоАП РФ[3]. При этом, если срок уголовно-процессуального задержания начинает течь с момента фактического задержания, т.е. с момента захвата подозреваемого и ограничения свободы его передвижения, то в соответствии с КоАП РФ – с момента доставления лица в правоохранительный орган. Это означает, что физическое (фактическое) задержание остается вне рамок административного задержания.

Решение проблемы физического (фактического) задержания связано с тем, что по своей сути оно является полицейской мерой. Изначально оно проявлялось в простых формах и заключалось в поимке (захвате) лица с поличным. В последующем, когда возникает потребность в досудебном производстве – розыске, такое задержание становится составной частью ареста, его первоначальным этапом. В советский период развития уголовно-процессуального законодательства задержание формируется как самостоятельная мера уголовно-процессуального принуждения с установлением собственных сроков, условий, оснований, процедуры. В сложившейся модели задержания за рамками осталось фактическое (физическое) задержание заподозренного в преступлении лица, которое всегда предшествует процессуальному – «невозможно задержать подозреваемого в совершении преступления процессуально, не задержав его физически»[4].

В правовой литературе были высказаны различные точки зрения по поводу решения проблемы правовой неопределенности фактического задержания. Согласно первой точке зрения, поскольку задержание фактическое является начальным элементом процессуального (юридического), постольку оно должно регулироваться УПК РФ[5]; отдельные авторы предлагают дополнить общую структуру задержания новым процессуальным действием, заключающимся в захвате и доставлении подозреваемого в орган дознания или к следователю[6]. Согласно второй точке зрения, все виды фактического задержания не относятся к сфере уголовного судопроизводства и не могут регулироваться уголовно-процессуальным законом. Они представляют единый комплекс оперативно-розыскных, административных и иных непроцессуальных мероприятий правоохранительных органов,

[1] Чечетин А.Е. Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 130.

[2] Определения Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 3352-О; от 22.04.2010 № 532-О-О.

[3] См.: определения Конституционного Суда РФ от 15.04.2008 № 312-О-О, от 27.05.2010 № 704-О-О, от 17.11.2011 № 159-О-О, от 28.01.2016 № 73-О, от 28.03.2017 № 570-О и др.

[4] Догот Е.Б. О задержании до возбуждения уголовного дела // Адвокат. 2001. № 3. С. 14-17.

[5] Чернова С.С. Меры уголовно-процессуального принуждения. 2-е изд. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 15; Мельников В.Ю. Задержание подозреваемого как мера принуждения: от подозрения к подозреваемому // Правоведение. 2005. № 2. С. 94-104; Ксендзов Ю.Ю. Правовая природа задержания подозреваемого и его процессуальное оформление // Правоведение. Известия высших учебных заведений. 2007. № 5(274). С. 85-95; Арестова Е.Н. Проблемы задержания подозреваемого по УПК РФ и по Федеральному закону «О полиции» // Российский следователь. 2013. № 1. С. 18-19.

[6] Зайцев О.А., Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе. М. : Экзамен, 2005. С. 152; Цоколова О.И. Фактическое задержание // Законность. 2006. № 3. С. 27; Шамсутдинов М.М. Некоторые проблемы задержания по УПК РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2. С. 172.

направленных не на формальное (юридическое), а на сугубо реальное (физическое) ограничение возможности человека (индивида) на свободу и личную неприкосновенность, который должен быть унифицирован, для чего предлагается издать отдельный нормативный акт с установлением единого регламента задержания[1].

Мы поддерживаем третью точку зрения, согласно которой фактическое (физическое) задержание, осуществляемое правоохранительными органами при выполнении ими задач по поддержанию правопорядка и общественной безопасности, пресечению противоправного поведения, должно регулироваться правовыми актами, регулирующими деятельность этих органов[2], в частности, законами «О полиции»[3], «Об оперативно-розыскной деятельности»[4]. В.Н. Григорьев в связи с «израсходованностью» законодателем категории фактического задержания поставил под сомнение целесообразность ее употребления относительно действий, связанных с захватом и доставлением лица в служебное помещение[5]. По решению рассматриваемой проблемы наименования и правового регулирования задержания с поличным в сфере ОРД Р.В. Кондрашечкиным было высказано предложение – ввести в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскное мероприятие – «Оперативно-розыскное задержание (захват)» с внесением положений, конкретизирующих его основания, условия, порядок проведения[6]. Поскольку данное ОРМ будет связано с ограничением конституционного права на свободу и личную неприкосновенное, его проведение должно осуществляться по судебному решению.

Потапова Е.С.

Волгоградская академия МВД России

Использование категории «трансформация» в уголовно-процессуальной науке

В науке уголовного процесса на фоне продолжающегося реформирования отечественного права стало нередким употребление категории «трансформация» к различным уголовно-процессуальным явлениям. Так как предметом научного интереса автора настоящей публикации выступают аспекты изменения статусов участников досудебного производства, то анализ контекста употребления данной категории необходимо осуществить от общего к частному, начав с традиций русского языка в части оперирования словом «трансформация».

Так, в Толковом словаре иностранных слов отмечено: «трансформация [лат. transformatio] – преобразование, превращение»[7]. Сходным образом определяется анализируемый термин в Толковом словаре Д.Н. Ушакова: «Перемена вида, формы чего-н., преобразование, превращение»[8]; в Толко-

[1] Давыдов М.В. Проблемы правового регулирования исчисления срока задержания полицией: административный и уголовно-процессуальный аспект // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 59; Чупилкин Ю.Б. О необходимости унификации порядка фактического задержания при осуществлении правоохранительной деятельности // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы международной научно-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар, 2021. С. 176-185.

[2] Чумаров С.А., Железняк Н.С. Оперативно-розыскное задержание: необходима легализация // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32). С. 134-139.

[3] О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3.

[4] Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144.

[5] Григорьев В.Н. Реперные точки в понятиях о фактическом задержании подозреваемого // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 4(56). С. 50-57.

[6] Кондрашечкин Р.В. Оперативно-разыскное задержание (захват) как объект правового регулирования оперативно-разыскного законодательства// Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 1(53). С. 32-36.

[7] Толковый словарь иностранных слов онлайн. URL: foreign.slovaronline.com/ search?s=трансформация (дата обращения: 11.11.2024).

[8] Толковый словарь Д.Н. Ушакова. URL: ushakovdictionary.ru/word.php?wordid= 77741 (дата обращения: 11.11.2024).

вом словаре Т.Ф. Ефремовой: «Преобразование, изменение вида, формы, существенных свойств чего-л.»[1]; и в Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, где этот термин раскрывается через глаголы «превращать из одного в другое», «преобразовывать»[2]. Философский энциклопедический словарь указывает на значение этого понятия в деятельностном аспекте для экономической и правовой сфер: «преобразование структур, форм и способов, изменение целевой направленности деятельности»[3].

То есть под этим словом подразумеваются не просто частные, единичные количественные изменения, а *изменения качественные, меняющие сущностные свойства трансформируемого объекта*. Поэтому, полагаем, латинское понятие «трансформация» у́же по объему русского слова «изменение», т.к. любая трансформация является изменением, но не каждое изменение можно признать трансформацией, а только *кардинальную перемену свойств объекта*.

Анализ диссертационных исследований, посвященных проблематике уголовного судопроизводства, демонстрирует наиболее типичные направления использования категории «трансформация»:

1) для обозначения процедуры придания статуса доказательств результатам оперативно-розыскной деятельности (Н.М. Попов, Нижний Новгород, 1997; М.П. Поляков, Нижний Новгород, 2002; А.Л. Арипов, Москва, 2011; Э.Х. Пашаева, Томск, 2017 и др.) или перевода одного вида доказательств в другие (М.В. Николаев, Томск, 2008). В таком контексте данный термин используется в поле проблематики доказывания;

2) для описания изменений отечественного законодательства и процесса в целом (Н.В. Азаренок, Екатеринбург, 2022), его целей (Р.А. Хашимов, Челябинск, 2006), отдельных стадий и осуществляемой на них деятельности (Д.А. Квициния, Москва, 2012), уголовно-процессуальной формы (В.В. Дьяконова, Екатеринбург, 2011) и уголовно-процессуальных отношений (Н.О. Овчинникова, Саратов, 2017), уголовно-процессуальных функций (Е.А. Мельников, Москва, 2017); видов уголовного преследования (Р.К. Досанов, Москва, 2004; М.Ю. Жирова, Самара, 2012); преобразования уголовно-процессуальной деятельности под воздействием использования информационных технологий и систем (А.Ю. Чурикова, Саратов, 2024), т.е. речь идет об институциональных изменениях, касающихся сущностных свойств уголовного судопроизводства, его базовых аспектов;

3) для характеристики преобразований статуса участников уголовного процесса, на чем мы остановимся подробнее.

Так, М.Б. Эркенов писал о «трансформации функционального контекста» реализации полномочий дознавателя[4]. В сходном ключе трактует преобразования статуса дознавателя В.В. Воронин, который отмечает трансформацию в УПК РФ процессуальной фигуры дознавателя и трансформацию самой процедуры дознания[5]. Явление трансформации некоторые исследователи ассоциируют с изменениями статуса[6] и функций[7] прокурора в уголовном процессе, начальника следственного отдела[8], кардинальными изменениями процессуальной самостоятельности следователя[9].

Существенную трансформацию дискреционных полномочий государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, отмечает А.А. Ничипоренко[10], а

[1] Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой. URL: https://www.efremova.info/letter/+tr. html?page=10.

[2] Толковый словарь С.И. Ожегова. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php? wordid=32164.

[3] Философский энциклопедический словарь онлайн. URL: https://rus-econ-pravo.slovaronline.com/9047-%D1%82%D1%80%D0% (дата обращения: 21.01.2025).

[4] Эркенов М.Б. Процессуальный статус дознавателя : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. С. 3.

[5] См.: Воронин В.В. Орган дознания как участник уголовного процесса : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 3.

[6] См.: Коломеец Е.В. Использование прокурором средств реагирования в досудебном производстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 8-9.

[7] См.: Сычев Д.А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 10.

[8] Попова Т.Ю. Уголовно-процессуальный статус руководителя следственного органа : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 3.

[9] См.: Бекетов А.О. Руководитель следственного органа как субъект отношений обжалования. Омск, 2017. С. 12.

[10] См.: Ничипоренко А.А. Публичность в надзорном производстве в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 11.

М.А. Мамошин выявляет «основные этапы трансформации процессуального статуса специалиста, взаимосвязь изменений уголовно-процессуального законодательства с характером деятельности специалиста»[1].

Эти исследования раскрывают трансформацию статуса участников уголовного судопроизводства в пределах качественных изменений их полномочий, обусловленных модернизацией законодательства, что не ведет к преобразованию процессуальной фигуры участника в иного субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Вряд ли по большому счету можно такие изменения именовать «трансформацией» в том смысле, который мы выявили в начале данной публикации.

Применительно к прокурору явление трансформации изучала Я.А. Климова, которая анализировала трансформацию полномочий прокурора на завершающих этапах досудебного производства, понимая под таковой «значительные изменения содержания полномочий и реализуемых прокурором функций, оказывающих существенное влияние на его процессуальный статус и роль в досудебном производстве по уголовным делам»[2]. Далее она выделяет три аспекта трансформации полномочий прокурора: 1) исторический – «как становление и изменение полномочий прокурора на протяжении длительного времени на различных этапах производства по уголовным делам»; 2) функциональный – «как изменение функциональной направленности его деятельности через объем реализуемых полномочий на завершающих этапах в зависимости от принятого итогового решения органов предварительного расследования»; 3) перспективный – «как объективную потребность в изменении объема полномочий прокурора с учетом динамично реформирующегося уголовно-процессуального законодательства»[3].

Полагаем, первый и второй аспекты, выделяемые данным автором, вряд ли можно признать трансформацией как таковой, т.к. речь идет о количественных изменениях, но не о кардинальном преобразовании статуса под воздействием этих изменений. А вот когда масштаб изменений полномочий надзирающего прокурора стал существенным, приведшим к возникновению в уголовном процессе новой процессуальной фигуры государственного обвинителя, тогда это явление по всем признакам можно признать «трансформацией»: «при окончании расследования составлением итогового процессуального документа – обвинительного заключения (акта, постановления) надзорная функция прокурора трансформируется в функцию уголовного преследования с перспективной направленностью на поддержание государственного обвинения в суде, что отражается на объеме и сущности реализуемых прокурором полномочий»[4].

Именно также рассуждает о трансформации процессуального статуса руководителя следственного органа, принимающего уголовное дело к своему производству, А.Ю. Зотов[5].

Полагаем, его умозаключения можно экстраполировать и на ситуации с начальником подразделения дознания, связанные с принятием уголовного дела к производству и проведением по нему дознания (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ). Трансформируется и статус начальника органа дознания в уголовно-процессуальных отношениях с сотрудниками органа дознания, которым он лично поручил осуществлять дознание (ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ), т.к. для уполномоченных им дознавателей он предстает в ином функциональном качестве – как начальник подразделения дознания.

Примечательно, что вопросам изменения (но не трансформации) процессуального статуса участников досудебного производства было посвящено в 2004 году отдельное диссертационное исследование О.А. Зелениной. Употребление указанным автором термина «изменение» обусловлено широким подходом к изучению соответствующей проблематики, раскрывающей ситуации изменения процессуального статуса[6] (в том числе связанные с движением уголовного дела из стадии возбуждения уголовного дела в стадию предварительного расследования, с прекра-

[1] Мамошин М.А. Участие специалиста в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 11.

[2] Климова Я.А. Трансформация полномочий прокурора на завершающих этапах досудебного производства : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2017. С. 121-122.

[3] Там же. С. 122.

[4] Там же. С. 179.

[5] См.: Зотов А.Ю. Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. С. 139.

[6] См.: Зеленина О.А. Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства и его изменение в досудебном производстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 6, 14.

щением уголовного преследования конкретных лиц).

Итак, приведенный в данной публикации краткий анализ использования категории «трансформация» в уголовно-процессуальной науке позволяет заключить, что она употребляется как в широком смысле (для обозначения любых изменений), так и в узком смысле: для описания кардинальных, качественных изменений правовых явлений.

Зайцева Е.А.,

доктор юридических наук, профессор
Волгоградская академия МВД России

Возвращение уголовного дела прокурору: актуализация проблематики

Институт возвращения уголовного дела прокурору в период продолжающегося реформирования уголовно-процессуального права является своеобразным «маркером» перемен, отражающим в своих нормативных предписаниях тренды уголовно-процессуальной политики, обусловленные в первую очередь объективными общественными потребностями и опосредованные в правовых позициях Конституционного Суда РФ, которые предопределили современный облик данного института и УПК РФ в целом. Когда началась «тихая революция» Конституционного Суда РФ[1], предшествующая принятию УПК РФ, значительную долю его решений, заложивших дух состязательности в уголовно-процессуальное право, составляли постановления, связанные с проверкой полномочий суда по возвращению уголовного дела прокурору в режиме действовавшего тогда института дополнительного расследования.

Так, постановление от 20 апреля 1999 г. № 7-П[2] признало неконституционными установления п.п. 1 и 3 ч. 1. ст. 232 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР, предусматривающие *обязанность* суда инициативно возвращать прокурору уголовное дело с целью восполнения материалов следствия или дознания при выявлении невозможности их восполнить в рамках судебного разбирательства, а также при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся от ранее предъявленного. При этом Конституционный Суд РФ в резолютивной части данного постановления указал только на неконституционной упомянутой *обязанности* суда, однако в описательно-мотивировочной части постановления № 7-П негативно оцениваются и нормы, которые «наделяют суд при рассмотрении дела *правом* по собственной инициативе содействовать формированию и обоснованию обвинения» (п. 7). Учитывая, что *правовые позиции* Конституционного Суда РФ формулируются не только в резолютивных частях его постановлений, но и в описательно-мотивировочных также, а равно и в тексте его определений, где дается истолкование тех или иных законоположений, думается, что суд распространил свои выводы в анализируемом решении и *на обязанность, и на право суда инициировать* направление уголовного дела на дополнительное расследование в описываемых ситуациях.

Также Конституционный Суд РФ постановлением от 14 января 2000 г. № 1-П признал наряду с некоторыми законоположениями неконституционным п. 4 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР, в той части, в какой он допускал полномочия суда направлять уголовное дело на дополнительное расследование «для привлечения к уголовной ответственности других лиц при невозможности выделить о них материалы дела»[3].

[1] Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9-11.

[2] См.: По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород : постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П // СЗ РФ. 1999. № 17. Ст. 2205.

[3] См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П // СЗ РФ. 2000. № 5. Ст. 611.

Предметом конституционной проверки в 2000 г. стал и п. 2 ст. 232 УПК РФ, в ходе которой высший орган конституционного нормоконтроля определил его неконституционным в той части, в какой на суд возлагалась *обязанность по своей инициативе* возвращать прокурору уголовное дело в связи с невосполнимыми в суде пробелами в доказывании, образовавшимися из-за признания доказательств, собранных в досудебном производстве, недопустимыми[1]. Однако чуть позже, в 2003 г., Конституционный Суд РФ уточнил свою позицию по данному вопросу, признав, что данные установления не противоречат Конституции РФ «в части, допускающей возвращение уголовного дела прокурору для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, если это не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия»[2]. По сути, эти выверенные правовые позиции нашли потом нормативное воплощение в ст. 237 УПК РФ, где изначально был установлен временной лимит в 5 суток на устранение выявленных судом нарушений, а в 2003 г. закреплен запрет проводить по возвращенному уголовному делу следственные действия (что было позже отменено лишь в 2008 г.[3]).

Следует отметить, что для формирования адекватной и единообразной судебной практики по применению положений ст. 232 УПК РСФСР Пленум ВС РФ издал в 1999 г. специализированное постановление № 84, в котором разъяснял полномочия суда при реализации указанных законоположений[4]. Примечательным является то обстоятельство, что в п. 3 постановления Пленум обозначил ситуации, когда суд может по своей инициативе возвращать уголовное дело прокурору, подчеркнув межстадийный характер[5] этой возможности: «Направление дел на дополнительное расследование по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 5 части 1 статьи 232 УПК РСФСР (существенное нарушение уголовно-процессуального закона органами дознания или предварительного следствия; неправильное соединение или разъединение дел), может быть осуществлено также *по инициативе самого суда* как при судебном разбирательстве, так и на стадии назначения судебного заседания. Указанное положение в равной мере относится к деятельности не только суда первой инстанции, но и судов кассационной и надзорной инстанций»[6]. Эти основания не связаны с восполнением неполноты предварительного расследования, поэтому status quo суда сохраняется. А применение иных оснований, направленных фактически на реализацию дополнительного расследования по возвращенному судом делу, Пленум признал *правомерным только по инициативе сторон*, что соответствует состязательной модели уголовного судопроизводства.

Спустя почти 25 лет после вынесения того знакового постановления № 84 мы наблюдаем актуализацию проблематики полномочий суда по возвращению уголовного дела прокурору: Пленум ВС РФ издал новое специализированное постановление № 39[7] по данному непростому для практики вопросу. В нем в п. 15 также обращено внимание на

[1] По жалобе гражданки Берзиной Людмилы Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 232 УПК РСФСР : определение Конституционного Суда РФ от 03.02.2000 № 9-О // СЗ РФ. 2000. № 13. Ст. 1428.

[2] По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Л.И. Батищева, Ю.А. Евграфова, О.В. Фролова и А.В. Шмелева : постановление Конституционного Суда РФ от 04.03.2003 № 2-П // СЗ РФ. 2003. № 12. Ст. 1176.

[3] См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 49. Ст. 5724.

[4] До этого момента действовало постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.04.1984 № 2 «О некоторых вопросах, связанных с применением судами уголовно-процессуальных норм, регулирующих возвращение дел для дополнительного расследования» (Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1984. № 7), подвергнутое критике Конституционным Судом РФ в постановлении от 20.04.1999 № 7-П.

[5] Это за 11 лет до издания Федерального закона от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации», который закрепил возможность использования положений ст. 237 УПК РФ не только в судах первой инстанции, но и в вышестоящих судебных инстанциях!

[6] О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.12.1999 № 84 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 2.

[7] См.: О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 // Российская газета. 2024. № 297.

соблюдение судами status quo при решении вопроса об инициировании возвращения уголовного дела в досудебное производство с учетом специфики оснований такого возвращения. Так, *не исключается инициатива суда* при возвращении уголовного дела по ч. 1.1 ст. 237 УПК РФ – для производства дознания в общем порядке. Что значит проведение дознания в общем порядке по делу, по которому расследование осуществлялось в сокращенной форме? Памятуя изъятия из традиционной процедуры доказывания, характерные для сокращенной формы дознания (ст. 226.5 УПК РФ), устанавливающей усеченный предмет доказывания (ч. 1), низкий стандарт к доказанности тех или иных обстоятельств, не оспариваемых (по любым причинам!) сторонами, можно представить, какого качества доказательственный материал поставляют в суды дознаватели при направлении уголовных дел с обвинительными постановлениями. Устранение этих дефектов доказывания при проведении дознания в общем порядке невольно может вывести дознавателя, получившего уголовное дело из суда для дознания в общем порядке, в поле дополнительного расследования. На этом фоне требование закона об *инициировании только сторонами* возвращения уголовного дела прокурору судом по основаниям, указанным в 1.2 ст. 237 УПК РФ, выглядит несколько противоречивым: наступление новых тяжких последствий вмененного обвиняемому обвинения, выявление новых и вновь открывшихся обстоятельств также требует дополнения материалов уголовного дела новыми доказательствами, как и производство дознания в общем порядке.

Конечно, сравнивая ситуации, указанные в п. 6 ч. 1 ст. 237 и ч. 1.1 ст. 237 УПК РФ, с основаниями ч. 1.2 данной статьи, можно формально заключить, что для первых двух ситуаций доказательственная база существа обвинения уже была сформирована (может не в таком качестве, либо она была неверно оценена органами предварительного расследования), а случаи наступления новых общественно опасных последствий, влекущих предъявление лицу обвинения в совершении более тяжкого преступления (п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ), и необходимости вменения более тяжкого обвинения лицу после отмены приговора в порядке гл. 49 УПК РФ с учетом новых или вновь открывшихся обстоятельств (п. 2 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ) предусматривают установление нового состава преступления. А это уже вынуждает суд выходить за рамки, очерченные правовыми позициями КС РФ и воспринятые законодателем.

Однако проведенный анализ вынуждает задуматься о логичности нормативного регулирования ч. 1.1 ст. 237 УПК РФ (с учетом широко обсуждаемой дефектностью регламентации сокращенной формы дознания).

Галимова А.О.,

кандидат юридических наук
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Вопросы возбуждения уголовного дела по части 1 статьи 314.1 УК РФ

Противодействие преступности требует системы взаимосвязанных, сбалансированных мер уголовно-правового, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального характера. В ряде случаев возникает необходимость постпенитенциарного воздействия на криминально опасное лицо. Тогда в действие вступает институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (далее – административный надзор), который более десяти лет назад возвращен в отечественную правовую систему (Федеральные законы от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ и № 66-ФЗ).

В реализации надзорных полномочий непосредственно участвуют органы внутренних дел, для которых эта деятельность является одним из приоритетных направлений. Она заключается в контроле за соблюдением поднадзорными лицами установленных судом ограничений и выполнением обязанностей, предусмотренных федеральным законодательством, выявлении и пресечении совершения ими преступлений и административных правонарушений.

Необходимо отметить, что эффективность административного надзора напрямую зависит как от непосредственных постпенитенциарных установок, адресуемых поднад-

зорному лицу, так и от адекватного реагирования правоохранительных органов (в частности, органов внутренних дел) на случаи нарушения поднадзорным лицом установленных ограничений и невыполнения обязанностей. Иными словами – от грамотного и правильного использования мер ответственности за нарушение установок административного надзора (ст. 19.24 КоАП РФ и ст. 314.1 УК РФ).

В ходе реализации административного надзора наиболее актуальными являются именно вопросы привлечения поднадзорных лиц к ответственности (как к административной, так и уголовной) за невыполнение установленных требований.

Рассмотрим вопросы возбуждения уголовного дела и документирования преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ. Уголовные дела о рассматриваемых преступлениях расследуются в форме дознания и относятся к компетенции ОВД (п. 1 ч. 3 ст. 150, п. 1 ч. 3 ст. 151 УПК РФ). Можно выделить два самостоятельных вида общественно опасного поведения, составляющих уклонение от административного надзора: 1) неприбытие без уважительных причин лица, в отношении которого установлен административный надзор при освобождении из мест лишения свободы, к избранному им месту жительства или пребывания в определенный администрацией исправительного учреждения срок; 2) самовольное оставление поднадзорным лицом места жительства, пребывания или фактического нахождения.

Поводом для возбуждения уголовного дела в первом случае будет являться непосредственное обнаружение органом дознания признаков преступления, отраженное в рапорте, составленном в порядке ст. 143 УПК РФ[1]. Отсутствие лица в определенном для него месте жительства (пребывания) может подтверждаться показаниями должностных лиц, на которых возложены обязанности по осуществлению административного надзора; иных лиц, в том числе проживающих по соответствующему адресу и т.п. Отсутствие лица в определенном для него месте жительства также может подтверждаться сведениями (в виде рапортов, объяснений, показаний), полученных от должностных лиц полиции, о том, что в соответствующий период поднадзорный в дежурную часть отдела полиции не обращался, посредством каких-либо видов связи о своем прибытии на постоянное место жительства не сообщал.

Об отсутствии поднадзорного лица в определенном для него месте жительства (пребывания) свидетельствуют также сведения о нахождении его в установленный для прибытия период в ином месте (другом населенном пункте, районе, по другому адресу и т.п.).

Второй вид уклонения от административного надзора может выражаться в том, что поднадзорное лицо:

– не проживает (не пребывает) по месту жительства (пребывания, фактического нахождения) и (или) выехало за установленные судом пределы территории без разрешения органа внутренних дел;

– получило в органе внутренних дел разрешение на пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства (пребывания, фактического нахождения), и (или) на краткосрочный выезд за установленные судом пределы территории в связи с исключительными личными обстоятельствами, однако не прибыло к месту временного пребывания и не встало на учет в органе внутренних дел по этому месту пребывания[2].

Факт оставления поднадзорным лицом места жительства (пребывания, фактического нахождения) может быть выявлен при посещении данной категории лиц по месту жительства должностным лицом, участвующим в осуществлении административного надзора (участковым уполномоченным полиции, инспектором направления по осуществлению административного надзора и др.).

Необходимо обратить внимание на то, что не каждый факт неприбытия поднадзорного лица к избранному месту жительства (пребывания) либо оставления им данного места требует проведения процессуальной проверки на предмет установления оснований возбуждения уголовного дела о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 314.1 УК РФ. Возможно, что принятые участковым уполномоченным полиции (или иными сотрудниками) меры в короткий срок приведут

[1] Подр.: Артамонов А.Н. Производство предварительной проверки и дознания по фактам уклонения от административного надзора (ч. 1 ст. 314.1 УК РФ) // Законодательство и практика. 2017. № 1. С. 3-7.

[2] См.: О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 15. Пункт 6.

к установлению места нахождения поднадзорного лица, при этом будут выяснены причины его неприбытия к месту жительства (пребывания) либо оставления места проживания и их уважительность.

О наличии у поднадзорного лица цели уклонения от административного надзора (его намерении препятствовать осуществлению контроля либо избежать контроля со стороны органов внутренних дел за соблюдением установленных ему судом административных ограничений) могут свидетельствовать его действия, непосредственно направленные на пребывание в ином месте, совершение там правонарушений и т.п. Косвенно о наличии такой цели может свидетельствовать то, что, находясь в ином месте, лицо не предпринимало мер для прибытия к установленному судебным решением месту проживания (пребывания, нахождения). Также на данное обстоятельство могут указывать: неоднократная смена места жительства; проживание в определенном месте без регистрации; проживание в расположенных на каких-либо территориях хозяйственных постройках, подсобных помещениях, вагончиках и т.п.

Если при проверке факта отсутствия поднадзорного лица по месту жительства (пребывания) будут установлены признаки уклонения его от административного надзора, а также если получить сведения о местонахождении лица и о причинах его неприбытия либо оставления места жительства (пребывания, нахождения) не представится возможным, должностным лицом (сотрудником подразделения по надзору или иным должностным лицом, участвующим в осуществлении административного надзора) должен быть составлен рапорт об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ). Рапорт подлежит регистрации в КУСП, что является началом предварительной проверки, проводимой в порядке ст. 144 УПК РФ.

В рамках проверки необходимо получить сведения о фактическом местонахождении поднадзорного лица, причинах его неприбытия в предусмотренное судебным решением место пребывания в установленный срок либо самовольного оставления данного места. Указанные обстоятельства могут быть разъяснены близкими поднадзорного и иными лицами, которые располагают соответствующей информацией.

Если поднадзорному лицу в установленном порядке (ч. 3 ст. 12 Федерального закона об административном надзоре) органом внутренних дел дано разрешение на пребывание вне определенного судом жилого или иного помещения или на краткосрочный выезд за установленные судом пределы территории в связи с исключительными личными обстоятельствами, то у данного лица возникает обязанность прибыть к месту временного пребывания и встать на учет в органе внутренних дел по этому месту пребывания.

Поскольку по уголовному делу о таком преступлении возможно производство дознания в сокращенной форме, то объяснения, полученные от лиц в ходе проверки сообщения о преступлении, могут исключить необходимость их последующих допросов в ходе дознания, если не требуется установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, или объяснение не будет оспорено подозреваемым, его защитником или иным опрошенным лицом. Таким образом, данные объяснения могут стать доказательствами в уголовном деле. В связи с этим на основании ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ в объяснениях, например, родственников поднадзорного лица следует отражать факт разъяснения им права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен законом, а также права пользоваться услугами адвоката. При заявлении соответствующего ходатайства адвокат должен быть допущен к участию в процессуальных действиях.

Характер преступления, как правило, не предполагает проведения в рамках предварительной проверки исследований предметов и документов. Вместе с тем не исключено назначение и проведение судебно-медицинской экспертизы либо судебно-медицинского обследования при указании лицом в качестве уважительных причин неприбытия к месту проживания (пребывания) получение им телесных повреждений или наличие заболеваний.

Установленные в рамках предварительной проверки обстоятельства требуют взвешенной оценки, так как принципиально важным для разрешения вопроса о признаках преступления и правильной квалификации деяния является установление наличия у лица цели уклонения от административного надзора.

Галимова М.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Становление и развитие уголовно-процессуального закона России: трансформация статуса потерпевшего

Продолжая серию исследований, касающихся становления и развития уголовно-процессуального закона России (УПК РФ – Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ), остановимся на институте потерпевшего.

Конституция Российской Федерации, провозгласив права и свободы человека высшей ценностью общества, на правовой основе закрепила вектор развития, в корне изменивший характер уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений при производстве по уголовному делу.

Назначением «номер один» для уголовно процесса стала защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Однако, как в дальнейшем показала практика применения уголовно-процессуального закона и что неоднократно отмечали теоретики, – потерпевший остался фактически самым «бесправным» участником уголовного судопроизводства, его мнение не учитывалось при принятии ключевых, поворотных решений по уголовному делу, он не мог влиять на его исход[1]. За два с лишним десятка лет ситуация изменилась, но отнюдь не кардинальным образом.

Всего за время действия УПК РФ в текст закона, регламентирующий непосредственно уголовно-процессуальный статус потерпевшего (ст. 42 УПК РФ), изменения и дополнения были внесены шестью федеральными законами (от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ, от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ, от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ, 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ). Правовое закрепление уголовно-процессуального статуса потерпевшего неоднократно становилось предметом изучения Конституционным Судом РФ (постановления КС РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П, от 12 мая 2022 г. № 18-П, от 25 мая 2023 г. № 26-П, от 1 октября 2024 г. № 42-П, определение КС РФ от 18 января 2005 г. № 131-О). Рассмотрим отдельные изменения.

Безусловной новацией УПК РФ является признание потерпевшим не только физического лица, но и юридического: потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Ранее подобная норма (касающаяся юридического лица) в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствовала, что вызывало сложности производства по уголовному делу в случае причинения вреда имуществу предприятий, учреждений, организаций. Правоприменительная практика допускала наличие в деле представителя потерпевшего при отсутствии процессуальной фигуры самого потерпевшего[2].

Далее – момент появления в деле потерпевшего. Первоначальная редакция ч. 1 ст. 42 УПК РФ (решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора или суда) не регламентировала этот вопрос, что зачастую приводило к затягиванию принятия решения следователем (дознавателем) о признании лица в качестве потерпевшего как во временном аспекте, так и «обосновательном» (наличие сведений, достаточных для установления характера и размера вреда, причинение вреда именно совершенным противоправным деянием, открытость вопроса относительно неоконченного деяния и т.д.).

Данная статья, регламентирующая уголовно-процессуальный статус потерпевшего, более десяти лет оставалась практически неизменной. Среди знаковых моментов надлежит отметить выявление Конституционным Судом РФ конституционного смысла нормы, содержащейся в ч. 8 ст. 42 УПК РФ (по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица,

[1] См., напр.: Горшкова Г.С. О правовом статусе потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 3. С. 180.

[2] См., напр.: кассационное определение Верховного Суда РФ от 30.06.2006 № 48-о06-63сп.

права потерпевшего, предусмотренные УПК РФ, переходят к *одному* (*выделено нами – М.Г.*) из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к *одному* (*выделено нами – М.Г.*) из родственников. Конституционный Суд РФ указал, что положение ч. 8 ст. 42 УПК РФ не может рассматриваться как исключающее возможность наделения процессуальными правами потерпевшего более одного близкого родственника лица, чья смерть наступила в результате преступления (определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2005 г. № 131-О).

Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» оказал существенное влияние на регламентацию уголовно-процессуального статуса потерпевшего. В частности, были расширены процессуальные права потерпевшего, они определенным образом стали соотнесены с процессуальными полномочиями подозреваемого (обвиняемого). Так, было закреплено право потерпевшего на получение копий постановлений, в которых зафиксированы решения о движении уголовного дела (о возбуждении уголовного дела, о признании его потерпевшим; о принятии дела к производству и о производстве следствия следственной группой; о привлечении лица в качестве обвиняемого; об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу; о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу; о направлении уголовного дела по подсудности, о назначении предварительного слушания, судебного заседания и т.п.) – п. 11, 12, 13 ч. 1 ст. 42 УПК РФ.

Отдельный блок изменений касался обеспечения безопасности потерпевшего – ч. 1 статьи была дополнена пунктом 21.1, предусматривающим право на получение информации о прибытии осужденного к месту отбывания наказания, перемещении из одного исправительного учреждения в другое, о выездах осужденного за пределы учреждения, об отсрочке исполнения приговора или о замене осужденному неотбытой части наказания более мягким видом наказания и пр.

Этим же законом были введены положения, оказавшие значительное влияние на процессуальный статус несовершеннолетнего потерпевшего[1]. Здесь мы не будем останавливаться на вопросах изменения уголовно-процессуального статуса потерпевшего, поскольку, исходя из масштабности информации и ее значения для уголовного процесса, объем настоящей публикации не позволяет рассмотреть такие вопросы должным образом.

Интересно обратить внимание на Федеральный закон от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ и УИК РФ по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора». Принятие указанного закона было обусловлено необходимостью реализации постановления Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П, которым ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ признана неконституционной в той мере, в какой она, «предполагая в качестве условия рассмотрения судом ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания обязательность подтверждения получения потерпевшим, его законным представителем и (или) представителем извещения, уведомляющего о дате, времени и месте предстоящего судебного заседания, в силу неопределенности механизма такого уведомления препятствует своевременному разрешению судом данного вопроса по существу». Рассматриваемый Федеральный закон расширил перечень информации об осужденном, которую вправе получать потерпевший в случае удовлетворения судом соответствующего ходатайства (о получении информации), а также дополнил ст. 42 УПК РФ положением, устанавливающим порядок заявления потерпевшим ходатайства и его содержание (п. 21.1 ч. 2).

Далее следует обратить внимание на результаты деятельности Конституционного Суда РФ по проверке конституционности норм уголовно-процессуального статуса потерпевшего.

Так, Конституционный Суд РФ указал, что статус потерпевшего может быть признан за лицом, в отношении которого было совер-

[1] Подр.: Галимов О.Х. Три направления развития как три составные части ювенальных технологий в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV международной научно-практической конференции (8-9 апреля 2021 г.): в 2 ч. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2021. Ч. 1. С.191-193.

шено неоконченное преступление: «…переквалификация уголовно противоправного деяния с оконченного преступления на покушение сама по себе не предопределяет автоматическую утрату лицом, в отношении которого это деяние совершено, статуса потерпевшего» (определение Конституционного Суда РФ от 11 октября 2016 г. № 2164-О).

Относительно «двойственного» положения участников уголовного дела Конституционный Суд РФ высказался следующим образом: «лицо признается потерпевшим по возбужденному уголовному делу о его вовлечении в период несовершеннолетия в совершение преступления независимо от способа такого вовлечения» (постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П). Кроме того, осужденный может быть признан потерпевшим по уголовному делу, возбужденному в отношении следователя (дознавателя) в связи с фальсификацией доказательств по расследованному им уголовному делу, в том числе в случае, когда постановленный в отношении осужденного обвинительный приговор не отменен (не изменен) – постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2022 г. № 18-П.

По делам о взятках потерпевшим может быть признано лицо, которое выполнило совокупность действий: отказалось от предложения дать взятку; сообщило о таком предложении в правоохранительные органы; содействовало в установлении виновных; полагает, что его права и интересы нарушены и ему причинен имущественный или моральный вред (постановление Конституционного Суда РФ от 1 октября 2024 г. № 42-П).

Таковы в общих чертах изменения регламентации уголовно-процессуального статуса потерпевшего за более чем 20-летний период, которые, безусловно, оказали положительное воздействие на комплекс процессуальных правомочий названного лица. Однако говорить, что уголовно-процессуальный статус потерпевшего сегодня урегулирован надлежащим образом, по нашему мнению, преждевременно.

Шаповалова Т.И.,

кандидат юридических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России (г. Железногорск),
Сибирский государственный университет науки и технологий имени М.Ф. Решетнева (г. Красноярск)

А так ли нужен залог в российском уголовном судопроизводстве

Во всем мире в странах с развитой судебной системой применяются меры пресечения и меры обеспечения. В основном это арест, залог и другие, которые не связаны с лишением свободы. В большинстве стран, где экономика более или менее развита, в уголовном судопроизводстве применяется залог, причем применяется достаточно активно. Однако в ряде европейских стран залог – это не только мера пресечения, а еще и разновидность судебного контроля.

Россия, относящаяся к романо-германской системе права, имеет очень давнюю историю залога в качестве меры пресечения. Так уж сложилось, что становление правовой системы нашего государства берет начало из практики западных государств. Залог как мера пресечения пришел к нам именно из западных стран. В этот период Россия во многом копировала западные институты права. Впервые мы можем найти законодательное закрепление залога в Судебных уставах 1864 года.

Доктор юридических наук, профессор О.И. Чистяков в работе «Российское законодательство X-XX вв.» в 9 т. отмечал, что «по Уставу уголовного судопроизводства меры пресечения (в том числе залог и поручительство) могли применяться мировым судьей или съездом при осуществлении ими правосудия, судебными следователями при производстве предварительного следствия (в общих судебных местах), судом, а также полицейскими и другими должностными лицами в тех случаях, когда они заменяют судей и следователей».

В дальнейшем залог в качестве меры пресечения присутствовал во всех УПК, принимавшихся в истории российского государства.

Расцветом применения залога стал период НЭПа – с 1921 по 1927 годы. Данный факт отмечал А.Д. Буряков, который еще в 1969 году в статье «Залог как мера пресечения в советском уголовном процессе» констатировал, что «в период рассвета НЭПА

залог как мера пресечения получил широкое применение в уголовном процессе, как правило, залогодателями выступали представители отдельных социальных прослоек. Но в результате изменения социального строя снизилась практическая значимость залога, а его применение на практике постепенно свелось на нет». При этом и в тот период отношение к данной мере пресечения у законодателя было не однозначным.

Если обратиться к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 года, то мы найдем в ст. 10 следующее: «Лишение свободы в качестве меры пресечения может быть заменено поручительством профессиональных и иных рабочих, крестьянских и общественных организаций. Замена лишения свободы денежным и имущественным залогом не допускается». Несмотря на это, залог остается: был он и в УПК РСФСР 1960 года, есть он и в действующем УПК РФ.

Анализируя значение залога, многие советские и российские ученые-процессуалисты высказывали свое негативное отношение к данной мере пресечения.

М.С. Строгович – советский правовед, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР, говоря о залоге, отмечал, что «пользы и добра от этой меры пресечения никогда не было и не будет, а недоразумений и неувязок – всегда сколько угодно» («Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве»).

Аналогичной точки зрения придерживался В.М. Корнуков – доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Он говорил о том, что применение залога вызывает отрицательное отношение, исходящее со стороны практиков уголовного процесса и «в качестве меры пресечения неприемлем для нашего законодательства с позиций достигнутых социальных и экономических преобразований» («Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве»).

Согласен с ними и Ю.Д. Лившиц – советский и российский правовед, один из основателей юридической научной школы Южного Урала, отмечавший, что норма о залоге является мертвой нормой. Он предлагал вообще искоренить применение имущественных мер пресечения, так как они не соответствуют условиям жизни советского общества («Меры пресечения в советском уголовном процессе»).

Во всех этих высказываниях, несомненно, присутствует рациональное зерно. Если проанализировать статистику избрания мер пресечения, то мы увидим сколь незначительно количество случаев, где данная мера пресечения применялась. Данная тенденция наблюдается на протяжении многих лет.

Судебная практика последних 10 лет превращает залог в самую невостребованную меру пресечения. Судебная статистика показывает, что в России доля залогов среди всех мер пресечения год от года сокращается и составляет в среднем менее 0,2%.

По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2014 году российские суды рассмотрели всего 256 ходатайств об избрании залога, из них удовлетворено 225 (88%); в 2015 году было рассмотрено 220 таких ходатайств, удовлетворено 189 (86%); в 2016 году рассмотрено 269 ходатайств с удовлетворением 229 из них (85%); в 2018 году уже на сотню меньше, а именно 122 таких ходатайств, удовлетворено 108 (88%); а в 2019 году было рассмотрено 87 ходатайств, из них удовлетворено 77 (88%).

Заместитель Председателя Комиссии ФПА РФ по защите прав адвокатов Н. Гаспарян в статье «Беззалоговое» правосудие» отмечает, что за первое полугодие 2019 году «на один случай применения залога суды отвечали 1213 случаями заключения под стражу.

Чтобы понять, насколько это мизерное количество, достаточно разделить 44 на количество судов субъектов Федерации. Получается, что один областной (республиканский, краевой) суд со всеми районными судами избирал меру пресечения в виде залога 0,5 раза за полгода или примерно один раз за год».

В первом полугодии 2020 года залог избирался 18 раз, а освобождение в ходе судебного заседания с применением залога – пять раз. В течение всего 2020 года залог избирался 244 раза, освободили в ходе судебного заседания с применением залога шесть раз.

По данным «Агентство правовой информации, 2015-2025»:

1) взято под стражу судом по приговору с реальным лишением свободы (количество ходатайств – 0, удовлетворено – 70 542, доля удовлетворенных – 0.0);

2) применение меры пресечения в виде заключения под стражу в период нахождения дела в судебном производстве (количество ходатайств – 0, удовлетворено – 19 211, доля удовлетворенных – 0.0);

3) применен залог (заменена другой мерой пресечения) в период нахождения дела в судебном производстве (количество ходатайств – 0, удовлетворено – 17, доля удовлетворенных – 0.0);

4) применен домашний арест (заменена дугой мерой пресечения) в период нахождения дела в судебном производстве (количество ходатайств – 0, удовлетворены – 1 579, доля удовлетворенных – 0.0).

Так чем же вызвано такое стойкое неприятие данной меры пресечения?

Если внимательно посмотреть, то с момента принятия УПК РФ данный институт постоянно преобразовывается. Поправки в статью 106 УПК РФ вносились в 2010, 2014, 2018, 2022 годах. Законодатели пытаются хоть как-то активизировать применение этой меры пресечения в ходе судопроизводства, но, к сожалению, мы можем констатировать, что какой-либо тенденции на увеличение количества избрания залога в настоящее время не усматривается.

По нашему мнению, это в первую очередь вызвано тем, что процедура избрания данной меры пресечения достаточно сложна.

А.С. Заворотний в статье «К вопросу об эффективности залога как меры пресечения в уголовном судопроизводстве», отвечая на этот вопрос, пишет: «Серьезной причиной недостаточно активного применения залога в правоохранительной практике является его весьма неопределенный характер. Существующие нормы уголовно-процессуального законодательства страны не содержат конкретных указаний по его применению. В частности, отсутствуют нормативно зафиксированные обозначения его оснований, точно не определены минимальный и максимальный размеры, не указаны преступления, при совершении которых залог может быть применен, сроки применения и гарантии обеспечения правового статуса залогодателя и т.п.».

Доктор юридических наук С.Б. Россинский в лекциях по мерам пресечения тоже обращает внимание на то, что залог применяется достаточно редко. В оценке причин мы с ним полностью согласны. По нашему мнению и по мнению С.Б. Россинского, данная мера пресечения рассчитана и может быть применена только к одному социальному классу – среднему, а представители данного класса меньше других склонны к совершению преступлений.

Самый криминальный с точки зрения совершения преступлений – класс маргиналов (алкоголики, наркоманы, лица без определенного места жительства), живущие бедно, либо за чертой бедности. Сюда же можно отнести и гастарбайтеров. О каком залоге для этой категории лиц может идти речь? Где эти лица могут взять хотя бы 50 тысяч? Более того, условия жизни этих лиц таковы, что заключение под стражу их, как правило, не пугает.

С другой стороны, класс олигархов, очень богатых людей. Определить, какая сумма для них будет являться реальным сдерживающим фактором бывает просто невозможно. Последнее время у всех на слуху миллиардные хищения.

Например, в 2018 году защита совладельца группы «Сумма» Зиявудина Магомедова ходатайствовала перед судом о том, чтобы отпустить их подзащитного под залог в 2,5 млрд рублей.

Ну и нельзя не отметить и то, что в УПК РФ на сегодня самое большое количество разнообразных мер пресечения – 7 видов. Следователь и судья имеют возможность выбрать ту меру, которая не только обеспечит надлежащее поведение обвиняемого, но и будет наименее затратной в плане подготовки при ее избрании.

Названные причины конечно же не способствуют широкому применению залога в качестве меры уголовно-процессуального принуждения, несмотря на всю ее внешнюю привлекательность.

Шемчук С.Ю.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОВЕРКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПУТЕМ ДОПРОСА СОТРУДНИКА ОПЕРАТИВНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

Проблема определения места результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в процессе доказывания по уголовному делу остается на повестке дня уже не один год. Однако в рамках данного исследования мы подойдем к ее рассмотрению несколько по-иному: со стороны оценки допустимости проверки доказательств путем допроса оперативных сотрудников, принимавших участие в проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Интерес представляет то, что рассматриваемый механизм одновременно выступает в двух ипостасях: как средство проверки уже имеющихся в деле доказательств (результатов ОРД), и как способ получения нового источника доказательства – протокола допроса свидетеля.

Затронутый аспект приобретает особую ценность еще и ввиду разного подхода ученых-процессуалистов: исходя из проанализированных нами источников, по мнению одних, допрос оперативных сотрудников как доказательственный суррогат недопустим в отечественном судопроизводстве, а другие же, напротив, считают это вполне правомерной процедурой, позволяющей либо опосредованным путем «легализовать» результаты ОРД в уголовно-процессуальное поле, либо дополнительно (а иногда это представляется единственно-возможным вариантом) проверить доказательства – результаты ОРД[1].

Находя вторую точку зрения более привлекательной, полагаем, что каких-либо препятствий для проверки доказательств путем допроса оперативных сотрудников по факту проведенного с их участием ОРМ, нет. Это диктуется следующей системно-правовой связью.

По смыслу ст. 56 УПК РФ оперативный сотрудник, обладающий информацией относительно обстоятельств, которые стали ему известны в рамках реализации профессиональных обязанностей, а также имеющие значение для установления обстоятельств произошедшего события, вполне попадает под статус «свидетель». При этом Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ) отмечалась важность установления первоисточника подобных сведений с условием дальнейшей возможности подтверждения этого факта[2], что, по нашему мнению, естественным образом происходит из п. 2. ч. 2 ст. 75 УПК РФ.

Контраргументом для предыдущего пункта обычно выступает ссылка на конфиденциальный характер реализации значительной части ОРМ, поскольку как минимум первоисточником информации о факте подготовки или совершения преступления выступает негласный сотрудник (гражданин), рассекречивание данных о котором нежелательно, как в силу обеспечения его личной безопасности, так и в рамках сохранения в тайне методов оперативной деятельности. При этом судебные решения свидетельствуют, что на данный момент это не является проблемой. Так, с учетом положений ст. 277-278 УПК РФ судом принимаются меры по сохранению в тайне личности свидетеля, если само лицо не проявит инициативу в гласном оглашении своих показаний и будет не против проведения допроса в стандартных условиях[3]. Однако сторона защиты даже в условиях «конспиративной» обстановки не лишена возможности допросить такого свидетеля, что обеспечивает принцип состязательности[4].

[1] В вопросе отождествления результатов оперативно-розыскной деятельности с уголовно-процессуальными доказательствами на сегодняшний день нет единой точки зрения, однако автор данного исследования придерживается «непопулярного» мнения, не видя значительных теоретических преград для признания указанных результатов самостоятельными доказательствами.

[2] Напр.: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.03.2023 № 77-УД23-3-А1.

[3] Напр.: кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18.07.2023 № 77-2302/2023.

[4] Напр.: кассационные определения Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 19.09.2023 № 223-УД23-15-А6, от 10.07.2023 № 222-УД23-35-А6.

Изучение решений Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) аналогично позволяет судить о показаниях сотрудников оперативных подразделений в качестве свидетелей как о правомерных доказательствах, но с учетом некоторых изъятий:

– исходя из требований п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, допрос оперативного сотрудника по факту известных ему признательных показаний подозреваемого (обвиняемого), но полученных при отсутствии защитника, не одобрен КС РФ (ни в качестве опосредованного получения нового уличающего вину доказательства, ни в рамках подтверждения ранее фигурирующих в деле, но не подтвержденных в судебном заседании, показаний)[1]. В иной формулировке КС РФ высказался так: «… допускающие подмену результатов ОРД, проведение которых было необходимым при осуществлении досудебного производства, показаниями этих должностных лиц»[2].

– не ставя перед собой задачи рассмотреть вопрос об отождествлении результатов ОРД с уголовно-процессуальными доказательствами, обозначим: ВС РФ говорит об обязанности следователя (дознавателя) и (или) суда при использовании указанных результатов в доказывании закрепить их процессуальным путем, в том числе при необходимости посредством допроса лиц, участвовавших в проведении ОРМ[3].

Исходя из вышеуказанного, предлагаем оценивать допустимость рассматриваемой процедуры в следующей совокупности данных: допрос свидетеля (оперативного сотрудника правоохранительного органа) является дополнительным средством проверки уже имеющихся доказательств, а также механизмом получения нового самостоятельного вида доказательства, произведенный с соблюдением общих требований, предъявляемых к допросам, с учетом положений ст. 277-278 УПК РФ, с целью выяснения и уточнения обстоятельств профессиональной оперативно-розыскной деятельности свидетеля.

Представляется, что в подобном варианте протокол допроса оперативного сотрудника в качестве свидетеля выступает самодостаточным ценным доказательством по уголовному делу наравне с иными доказательствами.

Теткин Д.В.,

кандидат юридических наук,
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Практика обеспечения применения мер безопасности в отношении свидетеля при досудебном и судебном производстве по уголовным делам

Практика обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших является достаточно новой для деятельности правоохранительных органов, поэтому ее реализация представляется проблематичной в настоящей действительности.

Так как участие свидетелей при расследовании преступлений является важной составляющей основой доказательственной базы, то они подвержены активному противоправному воздействию со стороны преступных лиц с целью оказания противодействия для получения точных доказательств. Поэтому обеспечение безопасности указанного участника уголовного судопроизводства – это не только определенный способ преодоления противоправного воздействия расследованию, но и в то же время средство эффективного производства.

Безусловно, всему этому есть нормативное закрепление. Во-первых, статья 51 Конституции РФ говорит нам о праве не свидетельствовать против себя самого или своих близких родственников, среди которых су-

[1] Напр.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Штевнина Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 189, 190, 192, 278, 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2009 № 629-О-О.

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаджиева Аслана Эльдаровича на нарушение его конституционных прав подпунктом «а» пункта 3 части третьей статьи 49, частью третьей статьи 56 и частью пятой статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2020 № 2617-О.

[3] О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55.

пруг, супруга, родители, бабушка, дедушка и другие.

Во-вторых, часть 9 статьи 166 УПК РФ трактует, что для обеспечения безопасности свидетелю необходимо не приводить данные о их личности, возможно указание псевдонима, а все показания опечатывают в конверт. Интересное мнение по этому поводу высказывает С.А. Новиков, который предлагает добавить изменения в вышепредставленную статью, а именно в контексте того, чтобы этот конверт с данными свидетеля хранился не в материалах уголовного дела.

С.А. Новиков считает рациональным его отдельное хранение от материалов (иначе есть опасность незаконного вскрытия и получения информации)[1].

Касаемо сокрытия данных о личности свидетеля, а также материалов показаний, нам говорит часть 1 статьи 217 УПК РФ. При ознакомлении с материалами дела обвиняемому и его защитнику не демонстрируются показания свидетеля и его данные.

Стоит согласиться с позицией С.А. Новикова, так как авторская позиция указывает на то, что необходимо хранить опечатанные данные о свидетеле отдельно от материалов уголовного дела. Материалы уголовного дела обычно находятся под строгим контролем следователя и доступ к ним случайных лиц невозможен. Но бывают такие ситуации, когда в силу человеческого фактора доступ к материалам может быть открыт. Это может произойти в связи с халатностью следователя (забыл закрыть служебный кабинет, оставил подозреваемого или обвиняемого одного в служебном кабинете). Поэтому автор считает, что более безопасно будет хранить материалы о личности свидетеля в сейфе, в котором данные точно будут в безопасности.

В-третьих, часть 2 статьи 186 УПК РФ говорит нам о том, что при наличии какой-либо угрозы (насилия, вымогательства) в отношении свидетеля или его близкого родственника по их заявлению будет осуществляться контроль и запись телефонных, а также иных переговоров. В данной части С.А. Новиков предлагает дополнить определенным ограничительным приказом, который запрещал бы иным участникам и третьим лицам выполнение ряда действий в отношении свидетеля (приближаться, звонить, отправлять сообщения по телефону и т.п.)[2]. Данная часть статьи УПК РФ помогает должностному лицу отграничить мнимую угрозу от реальной.

С.А. Новиков акцентирует внимание на возможности следователем применения определенного запрета, который он может накладывать на лиц, создающих угрозу для свидетеля, и с целью проверки выполнения данного запрета осуществлять контроль и запись переговоров. Данная задумка, на взгляд автора, имеет определенный потенциал, так как введение данной возможности позволило органу, проводящему предварительное расследование, удостоверять факт нарушения запрета, а, следовательно, удостоверять факт угрозы свидетелю, что в последующем повлечет за собой привлечение к ответственности лиц, осуществляющих угрозу.

Говоря об потенциальности данной идеи, отметим, что О.А. Зайцев также считает, что необходимо наделить лицо, производящее дознание, следователя, прокурора и суд правом вынесения официального предупреждения обвиняемому и другим лицам, от которых может исходить угроза насилия, совершения иных запрещенных законом действий, о недопустимости оказания противоправного давления на участников процесса и о возможных для них последствиях в случае нарушения этого обязательства[3].

В-четвертых, часть 9 статьи 193 УПК РФ определяет, что для обеспечения безопасности свидетеля возможно осуществление следственного действия, а именно предъявления для опознания в условиях, которые исключают возможность визуального наблюдения. Также часть 5 статьи 278 УПК РФ предоставляет возможность проведения допроса в условиях, исключающих наблюдение, это является целесообразным, когда свидетелем, например, является практический работник, участвующий в проверочной закупке наркотических средств[4].

[1] Новиков С.А. Институт показаний свидетеля в уголовном процессе России: проблемы совершенствования // Евразийская адвокатура. 2019. С. 101.

[2] Там же С. 102.

[3] Чекачкова Г.Н., Гуторов Н.А. Проблемы обеспечения защиты свидетелей в уголовном судопроизводстве в современных условиях // Законность и правопорядок в современном обществе. 2012. № 10.

[4] Добровлянина О.В. Актуальные вопросы правового регулирования уголовно-процессуальных гарантий безопасности свидетеля и потерпевшего // Вестник Прикамского социального института. 2016. № 1(73). С. 35.

Говоря об предъявлении для опознания, исключающее визуальное наблюдение, отметим, что для данного следственного действия необходимо техническое обеспечение, а именно помещение со стеклом, просматривающемся только с одной стороны. В большинстве своем такое обеспечение отсутствует, что делает невозможным проведение такого следственного действия и, следовательно, применение такой меры защиты свидетеля. Для решения данного вопроса автор считает важным обратить внимание на материально-техническое обеспечение территориальных органов внутренних дел.

Отметим мнение Г.Н. Чекачковой: «Как отмечалось выше, предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, требует специального помещения. Давно и широко используемое за рубежом, в Российской Федерации, к сожалению, обустройство подобных помещений для опознания встречается далеко не во всех регионах. Вместе с тем практика выработала множество способов устранения указанного затруднения»[1].

Говоря о способах устранения, которые выработала практика, автор понимает под этим изменение внешности свидетеля и проведение опознания при прямом контакте с опознаваемым. На наш взгляд, такая практика недопустима, потому что опознаваемый может запомнить голос свидетеля либо же увидеть какие-либо внешние особенности, которые будут достаточными для идентификации личности свидетеля. Для такой практики необходима качественная работа по изменению внешности, которая на данный момент фактически отсутствует на практике.

В-пятых, пункт 4 часть 2 статьи 241 УПК РФ говорит нам о возможности проведения закрытого заседания при наличии требования обеспечить безопасность участникам судебного разбирательства, в том числе и свидетелям[2], главное условие – достаточно фактов для судьи о наличии реальной опасности.

Интересным обсуждаемым аспектом является часть 6 статьи 278 УПК РФ, а именно раскрытие лица, дающего показания в случае заявления сторонами обоснованного ходатайства, в связи с необходимостью осуществить защиту подсудимого либо установить какие-либо существенные обстоятельства. С одной стороны, это баланс равного обеспечения правами как стороны защиты, так и стороны обвинения, так как свидетеля можно «подкупить». С другой стороны, установить истинную достоверность сведений, сообщаемых стороной защиты о рассекречивании допрашиваемого, может быть затруднительно. В этом случае возможны ошибки суда, итогом чего свидетель и потерпевший примут положение незащищенных лиц.

Вопрос обеспечения безопасности свидетеля регулируется не только Уголовно-процессуальным кодексом РФ, но и иными нормативными правовыми актами, например, Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Таким образом, подводя итог, стоит отметить, что свидетель как участник уголовного судопроизводства должен быть обеспечен мерами защиты, поскольку ранее упоминалось, что показания свидетеля – одно из значимых доказательств по уголовному делу. Если не обеспечить определенной защитой свидетеля, то его жизни и здоровью будет угрожать опасность со стороны преступных лиц. При рассмотрении темы были отмечены проблемы, имеющиеся на данный момент в правоохранительной деятельности. Автором осуществлены попытки исследования представленных проблем, которые в будущем требуют пристального внимания со стороны законодателя с целью внесения изменений в нормативную правовую базу относительно представленных вопросов.

[1] Чекачкова Г.Н., Гуторов Н.А. Указ. соч.
[2] Добровлянина О.В. Указ. соч. С. 33.

Алешина М.Д.

Нижегородская академия МВД России

Идея неотвратимости наказания в уголовном процессе: проблема имени и сущности

Идея неотвратимости наказания имеет древнее и загадочное происхождение. Знаменитый Чезаре Бекариа, с чьим именем непременно связывают формулу «неотвратимость наказания»[1], родился спустя тысячи лет после осознания человечеством особой связи причин и следствий. О проявлении неизбежного воздаяния за поступки известно с незапамятных времен, с тех самых пор, как душа человеческая среди прочих волнующих ее чувств особо выделила чувство справедливости. Парадоксально, но идея неотвратимости наказания появилась раньше понятий «наказание» и «преступление» в их сугубо юридической трактовке[2]. В широком историческом контексте «неотвратимость наказания» предстает как феномен изначально «доюридический», да и потом, в генезисе своем тоже не только юридический. Данная идея всегда была и будет полиаспектной и многоуровневой. Она принадлежит разным мирам, поэтому есть все основания полагать, что и в современной квинтэссенции своей «неотвратимость наказания» – явление физическое и метафизическое одновременно.

Глубокое проникновение в сущность идеи неотвратимости наказания – важнейшая задача уголовно-процессуальной науки. Решение этой задачи предполагает серьезное исследование истинного имени постигаемой идеи. Как было известно еще древним наукам, «знание полного истинного имени феномена или сущности дает полную власть над этим феноменом», поскольку «имя является определением того, что было поименовано» и «ассоциативным приспособлением, используемым для того, чтобы напоминать о чем-то»[3].

В юридической науке встречаются разные термины, связанные с исследуемой идеей. Наиболее популярными являются формулировки – «неотвратимость наказания» и «неотвратимость ответственности за преступление»[4]. Порой они используются как полноправные синонимы, но иногда преподносятся как конкурирующие понятия, обладающие не только словесной, но и юридической спецификой. Сторонники второй формулы (в последние десятилетия более популярной) делают упор на то, что строгость наказания не столь важна, сколько его неотвратимость. Причем не особо значимо в конечном итоге и само наказание, сколько ценен факт привлечения преступника к уголовной ответственности.

Профессор Н.Н. Ковтун, обосновывая преимущество имени «принцип неотвратимости уголовной ответственности», подчеркнул, что понятие, скрывающееся за этой формулой, полностью вмещает в себя и содержание понятия неотвратимости наказания. Его главный аргумент в выборе имени заключается в том, что советское уголовное право на определенном этапе своего развития пришло к тому, что уголовная ответственность лица, совершившего преступление, не исчерпывается только наказанием. А потому устарело и прежнее имя «неотвратимость наказания»[5].

Аргументы, приводимые Н.Н. Ковтуном, убедительны. Но убедительность эта безусловна лишь на уровне оценки явления в поле позитивного права, где аргумент к закону является решающим. Однако мы полагаем, что сущность исследуемой нами идеи следует искать не только в праве. Поэтому установление истинного имени идеи неотвратимости наказания предполагает не просто историко-правовую оценку, но и ее концептологический разбор.

На наш взгляд, более близкой к истинному сущностному имени рассматриваемой нами идеи выступает общеизвестная формула – «неотвратимость наказания». Это, так сказать, краткое имя идеи. Оно имеет не только историческую, но концептуальную

[1] Беккариа Ч.О преступлениях и наказаниях / пер. с ит. Ю.М. Юмашева. М., 2000. С. 117.

[2] Васильева Е.Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование : монография М., 2013. С. 20-25.

[3] Боневитс Филипп. Реальная магия / пер с англ. А. Савельева. М., 1998. С. 20,21.

[4] См., напр.: Бахта А.С. Обеспечение неотвратимости ответственности за совершение преступления // Вопросы борьбы с преступностью в условиях Сибирского региона. Омск, 1986. С. 131-143; Курляндский В.И. Неотвратимость наказания и борьба с преступностью // Советское государство и право. 1972. № 9. С. 64.

[5] Ковтун Н.Н. Обеспечение неотвратимости уголовной ответственности при возбуждении уголовного дела. Н. Новгород, 1995. С. 8, 9, 18, 19.

ценность, поскольку концентрирует ключевую идею, которая является скрепляющей для смыслового ядра уголовного права и уголовного процесса. Всякое изменение этой минимальной формулы имени есть концептуально неоправданное посягательство на сущность идеи, а также на устои правовых отраслей, которые она программирует.

Истинное имя идеи – это способ хранения исторической памяти о предпосылках и исконных корнях слов, которыми оно выражается. Дело в том, что содержание понятия «неотвратимости наказания» внутренне неустойчиво даже при внешней стабильности имени. Взять хотя бы такой элемент имени, как «наказание». История показывает, что понятие наказания изменчиво. Оно концептуально меняется от одной эпохи к другой, причем порой весьма существенно. Если изначально понятие наказания выражает кару и возмездие, то позже эта трактовка наказания меняется на исправительный и даже «исцеляющий» вектор. В дальнейшем приобретают значение и другие оттенки, которые касаются компенсации ущерба, а также деятельного искупления вины и прочих альтернатив наказанию. История помнит времена, когда наука и законодательство вовсе отказывались от понятия наказания, заменяя его, например, понятием «меры социальной защиты». Современные социально-философские воззрения кружат вокруг вопроса о правомерности наказания как такового[1].

Возникает вопрос: насколько эти концептуальные воздействия на понятие наказания отражаются на другом – функциональном – элементе анализируемой нами идеи, собственно, на его неотвратимости. Может показаться, что никакой концептуальной взаимосвязи между словами, содержащимся в формуле «неотвратимость наказания», нет. Неотвратимость как некая совокупность действий сама по себе, а наказание, как его не трактуй, тоже автономно – оно лишь объект, который необходимо непременно воплотить в жизнь. Получается, что неотвратимость, как инструмент, есть нечто универсальное. Иными словами, можно изначально на равных говорить о неотвратимости кары, неотвратимости воздаяния, а потом (после переосмысления цели наказания) с той же уверенностью заявлять о неотвратимости исправления осужденного, его перевоспитания; как вариант, о неотвратимости искупления вины и так далее. В социально-философском ключе можно ставить вопрос о неотвратимости наказания без самого наказания. Образно говоря, «неотвратимость» – это как кипящая вода – что в нее ни положи, обязательно сварится или, как минимум, нагреется.

Связь между неотвратимостью и наказанием имеется не только на физическом (материальном) уровне, но и на уровне концептуальном (идеальном). Особая концептуальная связь показывает, что в рамках формулы «неотвратимость наказания» смысловому наполнению феномена неотвратимости небезразлично доминирующее в соответствующий исторический момент содержание понятия наказания. На наш взгляд, чем мягче и гуманнее становятся представления о содержании понятия наказания, чем более «нежной» представляется его социальная интерпретация, тем более «рыхлой» становится функция неотвратимости, и, как следствие, «увядает», теряет энергетику сама идея неотвратимости наказания. Говоря иначе, неотвратимость наказания как кара (возмездие), это не то же самое, что неотвратимость наказания как исправление осужденного или, выражаясь метафорично, исцеление преступника. С точки зрения буквального смысла, это вроде одно и то же. Но с точки зрения внутренней силы, заложенной в изначальной идее, все иначе – сама затея более мягкого взгляда на наказание, его гуманизация неизбежно ослабляет энергетику идеи его неотвратимости.

И здесь еще раз стоит вспомнить одну из предпосылок «магического закона имени», согласно которой имя является ассоциативным приспособлением, используемым для того, чтобы напоминать о чем-то. Так вот, имя «неотвратимость наказания» должно напоминать об идее неотвратимости наказания в ее изначальном, многостороннем сущностном многообразии. Пробиваться к этому слою понимания крайне непросто. И здесь к месту будет «теория юридической относительности», предполагающая особый исторический взгляд, своеобразное перемещение исследователя в мировоззрение той поры, в рамках которой рассматривается явление[2].

[1] См., напр.: Куликов М.В. Ретрибутивизм и консеквенциализм в теориях правового наказания // Вестник Кузбасского института. 2011. № 4(7). С. 74-77.

[2] Васильева Е. Г. Указ. работа. С. 13.

«Юридическая относительность» подвигает нас к гипотезе, согласно которой неотвратимость наказания – это изначально идея жесткой, железной, безусловной неотвратимости, не знающей исключений. Именно такая трактовка, по нашим ощущениям, заложена в обычай кровной мести. Чем ожесточеннее понимание наказания, тем жестче трактовка неотвратимости наказания. Между наказанием и неотвратимостью есть связь и идеологическая (концептуальная), и методологическая (технологическая). Меняется сущность понятия наказания – меняется и сущность понятия его неотвратимости. Но при этом имя «наказание» остается неизменным. И в этом тоже есть свое концептуальное зерно.

Неотвратимость наказания нацеливается на то, чтобы наказано было самое первое преступление, когда человека еще можно спасти, вернуть на истинный путь, не развратить безнаказанностью. Старинный закон «око за око» имеет непосредственное отношение к идее неотвратимости наказания. С одной стороны, он свидетельствует о необходимости мести, но, с другой, подчеркивает необходимость равномерного воздаяния. «Око за око» означает неизбежность, но в то же время и адекватность наказания за преступление. В государстве такой закон должен действовать всегда. Неотвратимость наказания не должна рассматриваться как право государства. Это его священная обязанность. Обязанность наказывать преступников – адекватно и справедливо. Сущность идеи неотвратимости наказания заключается в том, чтобы обеспечить неотвратимость адекватного и справедливого наказания лица, свершившего преступление, и при этом с равным рвением обеспечить полную отвратимость наказания для лиц, невиновных и непричастных к преступлению.

Петрикин В.Ю.,

кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Условия прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям

Уголовно-процессуальный закон содержит ряд оснований, позволяющих прекратить уголовное дело по нереабилитирующим основаниям, которые весьма многочисленны. К таковым относится прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ), в связи с возмещением ущерба (ст. 28.1 УПК РФ) и другие.

В последние годы произошло изменение в правоприменительной практике, указывающее на четкое формирование такого условия прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, как законность и обоснованность обвинения. Это связано с формированием позиции высших судов о необходимости учета такого условия при прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом РФ в ряде постановлений, условием прекращения в отношении лица уголовного преследования в связи с истечением срока давности является законность и обоснованность обвинения (подозрения), поскольку прекращение уголовного дела в подобном случае означает отказ от дальнейшего доказывания виновности лица, несмотря на то, что основания для осуществления в отношении него уголовного преследования сохраняются (постановления Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П, от 2 марта 2017 г. № 4-П, от 7 марта 2017 г. № 5-П, от 19 мая 2022 г. № 20-П).

Положения ст. 78 УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 24, ст. 27, ч. 4 ст. 7, ст. 213 УПК РФ обязывают дознавателя, следователя, суд при вынесении постановления о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования, в том числе в связи с истечением срока давности, указать: обстоятельства, послужившие поводом и основанием для возбуждения уголовного дела; пункт, часть, статью УК РФ, предусматривающие преступление, по признакам которого уголовное дело было возбуждено; результаты предварительного след-

ствия с указанием данных о лицах, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование; пункт, часть, статью УПК РФ, на основании которых прекращаются уголовное дело и (или) уголовное преследование, – и привести соответствующее фактическое и правовое обоснование прекращения уголовного дела. Мотивировка такого решения в связи с истечением срока давности уголовного преследования должна основываться на нормах материального и процессуального права, а также на доказательствах, подтверждающих само событие, правильность квалификации деяния, срок давности уголовного преследования, за который истек, совершение деяния (подозрения в совершении) конкретным лицом, наличие в деянии всех признаков состава преступления, нашедших отражение в материалах дела.

Следовательно, решение о прекращении в отношении лица уголовного преследования по указанному основанию должно основываться на доказательствах, подтверждающих наличие в деянии всех признаков состава преступления, нашедших отражение в материалах дела. Такой вывод также следует из правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в постановлении от 19 мая 2022 г. № 20-П[1].

Таким образом, заявление ходатайства обвиняемым (подсудимым) не является безусловным основанием для прекращения уголовного преследования. Прекращая уголовное дело в связи с истечением срока давности уголовного преследования, необходимо подтвердить законность и обоснованность обвинения в отношении него, что на данном этапе судебного разбирательства не представляется возможным.

Прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности уголовного преследования без установления изложенных выше обстоятельств, признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона (кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 28 июня 2023 г. № 222-УД23-28-К10)[2].

Более того, согласно ч. 1 ст. 240 УПК РФ в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию. Суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств.

Таким образом, в судебных стадиях наличие доказательств, подтверждающих само событие, правильность квалификации деяния, совершение деяния конкретным лицом и наличие в деянии всех признаков состава преступления могут быть установлены только по результатам судебного разбирательства после окончания судебного следствия. Недопустимо подтверждение законности и обоснованности обвинения судом первой инстанции доказательствами, полученными в ходе предварительного следствия без их исследования в судебном следствии, что противоречит принципу непосредственности исследования доказательств судом.

Полагаем, что обязанность правоприменителя (следователя, дознавателя и суда) подтверждать законность и обоснованность обвинения полностью распространяется и на другие основания прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, а не только на прекращение уголовного дела в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Прекращение уголовного дела по различным нереабилитирующим основаниям, в том числе по заявлению или с согласия обвиняемого (подсудимого) возможно лишь при условии подтверждения законности и обоснованности обвинения на основании доказательств, имеющихся в уголовном деле и исследованных судом в ходе судебного разбирательства, которые подтверждают событие преступления, правильность квалификации вменяемого обвиняемому (подсудимому) деяния, наличие в деянии всех признаков состава преступления.

[1] По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского : постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2022 № 20-П // Российская газета. 2022. №119 (8767).

[2] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 28.06.2023 № 222-УД23-28-К10. URL: www.pravo.gov.ru.

Монид М.В.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА В ХОДЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Следует признать, что 2007 год стал знаковым в развитии нового подхода к формированию процессуального статуса руководителя следственного органа в российском уголовном судопроизводстве[1], что выразилось в расширении его полномочий в части ведомственного процессуального контроля, укреплении процессуальной самостоятельности сотрудников следственных подразделений. После этого ст. 39 УПК РФ и ряд иных статей, связанных с полномочиями руководителя следственного органа, неоднократно редактировались законодателем. Соответствуют ли в настоящее время нормы, формирующие процессуальный статус руководителя следственного органа, потребностям правоприменительной практики? Наиболее проблемной, с точки зрения ответа на поставленный вопрос, представляется деятельность сотрудников органов предварительного следствия в стадии возбуждения уголовного дела. С одной стороны, данная стадия является наименее урегулированной с точки зрения регламентации процессуальной формы, сама деятельность реализуется зачастую в условиях информационной неопределенности, с другой стороны – именно эффективные грамотные действия в стадии возбуждения уголовного дела являются залогом своевременного раскрытия и успешного расследования преступления. Процессуальные нарушения и даже тактические ошибки на этом этапе могут повлечь невосполнимую утрату доказательств, а также нарушение прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, которые в большинстве своем даже не имеют четко сформированного процессуального статуса. Представляется, при определении круга полномочий руководителя следственного органа, специфика рассматриваемой стадии учтена не в полной мере.

Так, в стадии возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа уполномочен проверять материалы проверки сообщения о преступлении, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя, лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении, давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства о производстве процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения и др. Статья 144 УПК РФ обязывает руководителя следственного органа, с учетом установленной законом компетенции, принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении, а также принять по нему решение; поручить подчиненному следователю проверку по сообщению о преступлении, которое было распространено в средствах массовой информации и др.

При этом с точки зрения юридической техники ст. 39 УПК РФ не сбалансирована и выстроена не совсем удачно. Некоторые из полномочий руководителя следственного органа в данной норме носят универсальный характер и реализуются в рамках всего досудебного производства, отдельные же применимы лишь в стадии возбуждения уголовного дела или в стадии предварительного расследования. Структура ст. 39 УПК РФ не всегда позволяет четко их разграничить. При этом в практической деятельности при рассмотрении и разрешении сообщения о преступлении могут быть необходимы отдельные полномочия, установленные для стадии предварительного расследования. К примеру, право отстранять следователя в случае допущения им нарушений требований УПК РФ актуально не только при производстве расследования (как указано в ст. 39 УПК РФ), но и при производстве проверки сообщения о преступлении (рассматриваемая ст. УПК РФ подобную возможность не предусматривает). То же самое можно сказать о полномочии отменять незаконные или необоснованные постановления руководителя, следователя (дознавателя) другого органа предварительного расследования, которое относится только к решениям, содержащимся в уголовных делах

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ.

подчиненных следователей. Однако такая необходимость может возникнуть и в случае направления в иной орган предварительного расследования материала проверки по сообщению о преступлении. Такого рода «пробельность» снижает эффективность ведомственного процессуального контроля при проверке сообщения о преступлении.

Наряду с этим в круг полномочий руководителя следственного органа в стадии возбуждения уголовного дела входит уже упоминавшееся выше право участвовать в проверке сообщения о преступлении, которое устанавливается наряду с правом лично проводить такую проверку, и соответственно подразумевает иные полномочия, отличные от полномочий сотрудников следственного подразделения, непосредственного проводящих проверку. В этой части ст. 39 УПК РФ была дополнена в 2008 году[1], однако дальше констатации указанного права законодатель не пошел, порядок подобного рода участия процессуальный инструментарий для его реализации не определил. Этимологически «участвовать» означает быть сотрудником, товарищем, помощником в деле[2], т.е. подразумевается активная деятельность руководителя следственного органа в помощь следователю, проводящему проверку сообщения о преступлении.

Следует отметить, что ни ч. 1 ст. 144 УПК РФ, ни ст. 39 УПК РФ не содержат категоричных предписаний, относятся ли полномочия в рамках проверки сообщения о преступлении, которыми наделен руководитель следственного органа в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, к случаям проверки сообщения о преступлении, которую он проводит лично, либо распространяется на случаи участия руководителя следственного органа в проверке сообщения о преступлении. К примеру, в ст. 39 УПК РФ законодатель подчеркивает, что в случае принятия к своему производству возбужденного уголовного дела руководитель следственного органа обладает полномочиями следователя или руководителя следственной группы. Для случаев личного рассмотрения сообщения о преступлении или участия в рассмотрении сообщения о преступлении руководителем следственного органа, такого рода уточнений не сделано.

На уровне ведомственного нормативного регулирования формируются отдельные предписания, детализирующие обязанности руководителя следственного органа в стадии возбуждения уголовного дела, которые могут рассматриваться как участие в проверке сообщения о преступлении. Например, устанавливается, что руководители следственных органов, с учетом своей компетенции организуют проверку сообщений о преступлениях[3]. Приказ Следственного комитета РФ[4] обязывает руководителей следственного органа лично выезжать на место отдельных видов преступлений с целью организации квалифицированного проведения первоначальных следственных действий, а также взаимодействия с оперативно-розыскными подразделениями, органами исполнительной власти и органами местного самоуправления; обеспечение использования помощи общественности и средств массовой информации в раскрытии преступлений, также предусматривается последующее обсуждение результатов первоначальных следственных действий с участием следователя и сотрудников оперативных подразделений. Перечисленные полномочия носят в большей степени организационный и методический характер. К числу регламентированных УПК РФ можно отнести содержащееся в упомянутом приказе предписание об активном применении положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ, предусматривающих право следователя или руководителя следственного органа СК России давать органу дознания письменное поручение.

Реализация последнего из указанных предписаний в части поручений о производстве оперативно-розыскных мероприятий несколько осложняется наличием в ст. 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» положения об обязанности исполнять письменные поручения сотрудников органов предварительного расследования о

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 02.11.2008 № 226-ФЗ.

[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус.яз., 2002. Т. 4. С. 527.

[3] Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях : утв. приказом Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений».

[4] Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации : приказ Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2.

производстве оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, принятым указанными сотрудниками к производству, чего не происходит в случае участия руководителя следственного органа в проверке сообщения о преступлении. Указанная норма нуждается в дополнении рассматриваемой обязанности для случаев направления поручения руководителя следственного органа, участвующего в проверке сообщения о преступлении.

Полагаем, полномочия руководителя следственного органа по участию в проверке сообщения о преступлении должны рассматриваться не только как организационные, но и как процессуальные в силу прямого указания на них в ст. 39 УПК РФ. С учетом отсутствия в УПК РФ четкого разграничения полномочий руководителя следственного органа, лично проводящего проверку по сообщению о преступлении или участвующего в такого рода проверке, представляется возможным и целесообразным рассматривать положения ч. 1 ст. 144 УПК РФ как норму, носящую универсальный характер, предоставив руководителю следственного органа возможность осуществлять не только организационно-методическое содействие, но и непосредственно проводить отдельные процессуальные действия в рамках проверки, проводимой подчиненными сотрудниками. Тем более, что законодатель предусматривает подобного рода возможности, например, в рамках полномочий следователя-криминалиста, и даже самого руководителя следственного органа (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Таким образом, нормы, формирующие процессуальный статус руководителя следственного органа, нуждаются в ревизии и дальнейшем реформировании по пути упорядочения разграничения различных групп процессуальных полномочий, с расширением возможности применения их не только после возбуждения уголовного дела, но и в ходе проверки сообщения о преступлении. Также необходима нормативная конкретизация полномочий руководителя следственного органа в рамках участия проверки сообщения о преступлении, проводимой подчиненными следователями. Для этой цели ч. 1 ст. 144 УПК РФ может быть изложена в следующей редакции: «Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа при проверке сообщения о преступлении, а также руководитель следственного органа при участии в проверке сообщения о преступлении, проводимой подчиненными следователями или руководителями следственного органа вправе…».

Соболев А.В.,

кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Уголовно-процессуальные последствия определения юридического факта получения электронной повестки

Последнее десятилетие отмечено появлением и развитием норм, регулирующих правоотношения, связанные с использованием юридически значимых электронных документов. Одним из видов таких документов является разновидность повестки, изготовление и направление которой осуществляется электронным способом. Правовые нормы, определяющие порядок изготовления, направления и получения данной разновидности повестки, существуют в административном, военном и гражданском праве.

В 2022 году положения об использовании электронной повестки появились и в области уголовно-процессуального права. Они нашли отражения в ч. 6 ст. 474.1 и ч. 6 ст. 474.2 УПК РФ. Будучи ограниченными пределами этой работы, мы не имеем возможности привести положения данных правовых норм в ее содержании, рассчитывая на самостоятельное обращение к ним читателя.

Следует отметить, что нормы УПК РФ содержат различные наименования исследуемого документа: повестка в электронном виде в ч. 6 ст. 474.1 и повестка в форме электронного документа в ч. 6 ст. 474.2. В одной из более ранних наших работ сделан вывод о том, что данные термины отражают юридическую природу данного документа некорректно. В связи с этим, опираясь на законодательство, регулирующее правовые отношения, возникающие при применении цифро-

вых технологий, был сформулирован термин электронная повестка[1].

Несмотря на имеющийся опыт регулирования однородных по своей юридической природе правоотношений в иных областях, воздействие норм уголовно-процессуального права на соответствующую область общественных отношений вряд ли можно назвать эффективным. В связи с недостаточным правовым обоснованием, соответствующие предписания закона не охватывают или не в полной мере охватывают различные аспекты правоотношений, связанных с использованием электронной повестки. Сказанное относится к изготовлению, направлению и получению данного документа, а также к мерам, обеспечивающим явку. В результате на этапе правоприменения имеется противоречивая практика использования электронной повестки или отказ от данного способа вызова.

Причины неудовлетворительного правового воздействия на рассматриваемую область общественных отношений заключаются, на наш взгляд, в нерешенности ряда теоретико-правовых вопросов, связанных с использованием электронной повестки в уголовном процессе. Одним из таких вопросов является определение юридического факта получения данной разновидности повестки. Анализ ч. 6 ст. 474.1 и ч. 6 ст. 474.2 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что данные правовые нормы регулируют направление и изготовление электронной повестки. Причем изготовление такой разновидности повестки возможно лишь на досудебных стадиях процесса (ч. 6 ст. 474.2 УПК РФ). Однако в их содержании не отражены обстоятельства, при которых направленная повестка считается полученной. Между тем установление этого юридического факта влечет за собой ряд уголовно-процессуальных последствий. Законодательные предписания, определяющие данные последствия, стали предметом настоящего исследования.

Анализ положений УПК РФ позволил нам выделить следующие уголовно-процессуальные последствия определения юридического факта получения электронной повестки. Они обусловлены негативным поведением вызванного таким способом лица при условии отсутствия уважительных причин его неявки.

1. Избрание меры пресечения или изменение уже избранной меры пресечения на более строгую. Закрепив за отдельными участниками уголовного судопроизводства юридическую обязанность являться по вызовам уполномоченных лиц, законодатель предусмотрел ряд мер процессуального принуждения, возможность применения которых обеспечивает исполнение данной обязанности (п. 3 ч. 1 ст. 97 и ст. 111 УПК РФ). В случае неявки обремененного такой обязанностью лица без уважительных причин, определение факта получения им электронной повестки является основанием для избрания меры процессуального принуждения или изменения избранной меры пресечения на более строгую (ст. 110 УПК РФ).

2. Приостановление предварительного расследования или судебного разбирательства. В случае неявки вызванного с помощью электронной повестки подозреваемого или обвиняемого без уважительных причин, определение юридического факта получения электронной повестки может стать доказательственным фактом того, что они скрылись. В свою очередь, это обстоятельство является основанием для приостановления предварительного расследования (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) или судебного разбирательства (п. 1 ч. 1 ст. 238 УПК РФ).

3. Изменение или прекращение действия заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве. В УПК РФ нет исчерпывающего перечня действий подозреваемого или обвиняемого, которые они обязуются совершить в целях содействия в расследовании преступления при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317.1). Учитывая императивный характер данной правовой нормы, к таким действиям вполне может быть отнесено уклонение от явки к следователю. В случае неявки данных участников уголовного судопроизводства по электронной повестке без уважительных причин, определение факта ее получения может расцениваться как подтверждение невыполнения ими соответствующих обязательств. В свою очередь, это влечет изменение или прекращение действия заключенного соглашения (ч. 5 ст. 317.4 УПК РФ).

4. Определение разумного срока уголовного судопроизводства. Согласно ч. 3 ст. 6.1

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ.

УПК РФ, поведение участников процесса является обстоятельством, которое учитывается при определении разумного срока уголовного судопроизводства. В условиях неявки вызванного лица при отсутствии уважительных причин, установление юридического факта получения им электронной повестки указывает на негативное поведение данного лица, что имеет значение для определения своевременного осуществления уголовного преследования и рассмотрения уголовного дела.

5. Прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия. Положения ст. 427 УПК РФ не содержат правовых механизмов, которые в период предварительного расследования позволяют установить, что исправление несовершеннолетнего обвиняемого по определенным категориям уголовных дел достижимо без применения наказания. Учитывая диспозитивный характер анализируемой правовой нормы, к обстоятельствам, не позволяющим сделать этот вывод, может быть отнесена и неявка несовершеннолетнего обвиняемого при отсутствии уважительных причин. В таких случаях определение юридического факта вручения электронной повестки повлечет за собой невозможность соответствующей процедуры прекращения уголовного преследования.

6. Проведение судебного разбирательства в отсутствие подсудимого. В случае неявки в суд без уважительных причин подсудимого, получение им электронной повестки может быть расценено как доказательственный факт его уклонения. В соответствии с ч. 5 ст. 247 УПК РФ, данное обстоятельство является основанием проведения судебного разбирательства по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в отсутствии подсудимого.

7. Невручение обвинительного заключения, обвинительного акта и обвинительного заключения. В соответствии со ст. 222, ч. 3 ст. 226 и ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ, прокурор обязан вручить копию обвинительного заключения, обвинительного акта и обвинительного постановления в случае утверждения данных документов и направлении уголовного дела в суд. Одним из исключений из данного правила являются случаи неявки обвиняемого по вызову. В таких правовых ситуациях прокурору следует направить уголовное дело в суд с указанием причины невручения перечисленных итоговых документов (ч. 4 ст. 222 УПК РФ).

Несмотря на то что УПК РФ не предусматривает специальных средств для вызова обвиняемого прокурором, с точки зрения теории уголовного процесса и de lege ferenda, его полномочия распространяются и на направление повесток. Ведь раздел VIII УПК РФ «Предварительное расследование», в который входит глава 31 УПК РФ «Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением», содержит всего один нормативный способ вызова участников уголовного судопроизводства – с помощью повестки. О возможности изготовления и направления прокурором электронной повестки свидетельствует содержание ч. 6 ст. 474.2 УПК РФ.

В случае неявки обвиняемого, который был вызван прокурором с помощью данной разновидности повестки для вручения ему копий обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления, определение юридического факта получения им электронной повестки должен быть расценен как доказательственный факт его неявки. В свою очередь, данное обстоятельство является основанием для направления уголовного дела в суд без вручения перечисленных документов.

Надеемся на то, что результаты нашей работы будут полезны для дальнейших теоретических исследований проблем нормативного правового регулирования вызова участников уголовного судопроизводства с помощью повестки, а также станут подспорьем в практической работе правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Судницын А.Б.,

кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет МВД России

Процессуальное положение психолога в современном уголовном судопроизводстве

Наименование темы, вынесенное в заглавие работы, может показаться названием одного из подвопросов темы «Участники уголовного судопроизводства», рассматриваемых в рамках изучения учебной дисциплины «Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс)». Однако, учитывая имеющиеся проблемы правовой регламентации процессуального статуса психолога, неоднозначную правоприменительную практику привлечения данного участника к производству по уголовным делам, а также отсутствие единообразного понимания роли психолога в уголовном судопроизводстве, содержательно предложенная тема выходит за рамки учебного материала.

Несмотря на упоминание психолога в УПК РФ (в отличие от предшествующих ему процессуальных кодексов) уже с 2001 г., а также последующее пополнение нормативных случаев его участия (после которых миновало более 10 лет)[1], до настоящего времени в уголовно-процессуальном законодательстве не завершен вопрос об определении его статуса.

Под психологом в уголовном судопроизводстве, как правило, понимается лицо, обладающее особыми (специальными) знаниями в области психологии, привлекаемое следователем, дознавателем, судом для содействия при производстве по уголовному делу с участием несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого.

Кажущаяся очевидность процессуального положения обозначенного участника в уголовном судопроизводстве, к сожалению, остается в действительности только кажущейся. Процессуальный статус психолога сформирован в кодексе фрагментарно. Так, в УПК РФ отсутствует определение данного участника, в отличие, к примеру, от «смежного» участника – педагога (п. 62 ст. 5 УПК РФ).

Отдельные формы участия психолога в уголовном судопроизводстве нормативно определены (участие в допросе несовершеннолетних; дача экспертного заключения; представление сведений в качестве специалиста). Однако большинство из них, как и в целом использование психологических знаний в уголовном судопроизводстве, имеют непроцессуальный характер, что требует дополнительного изучения и пересмотра их соотношения.

Определяя состояние взаимодействия судебной психологии как отрасли знаний (в части сопровождения досудебного производства по уголовным делам) с уголовным процессом, В.В. Николюк образно сравнил их с айсбергом, надводная, меньшая часть которого представляет процессуальные, легальные формы вовлечения психологов в расследование преступлений, а подводная, большая его часть, – непроцессуальные. Указанный дисбаланс, как было отмечено в работе указанного автора (что, безусловно, поддерживается), опасен для уголовного судопроизводства[2].

Кроме того, возвращаясь к нормативному регулированию, отметим, что психолог упоминается (подразумевается) в УПК РФ всего лишь 13 раз, из них в четырех случаях закон регламентирует обязательность участия психолога (ч. 1, 4 ст. 191, ч. 1 ст. 280, ч. 4 ст. 425), в двух – определяет его приглашение по усмотрению следователя (ч.1 ст. 191) или ходатайству защитника (ч. 4 ст. 425), в двух – устанавливает альтернативные варианты участия психолога или педагога (ч. 1 ст. 280), в двух – обязывает разъяснить права психологу (ч. 2 ст. 280, ч. 5 ст. 425), в двух – управомочивает задать вопросы: несовершеннолетнему потерпевшему, свидетелю с разрешения председательствующего (ч. 3 ст. 280) и несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому с разрешения следователя, дозна-

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ.

[2] Николюк В.В. К вопросу о «психологизации» уголовного судопроизводства: от педагога к психологу // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы : тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (26-28 мая 2022 г.). Омск : Омская академия МВД России, 2022. С. 34.

вателя (ч. 5 ст. 425), в одном случае определяет право покинуть зал судебного заседания с разрешения председательствующего по окончании допроса потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста восемнадцати лет, (ч. 7 ст. 280), в одном случае регламентирует право психолога знакомиться с протоколом допроса по его окончанию и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей (ч. 5 ст. 425).

Даже из столь незначительного анализа приведенных норм можно констатировать имеющуюся разноплановость регламентации прав психолога по отношению к разным категориям несовершеннолетних участников. К примеру, формально психолог может задать вопрос в ходе допроса, осуществляемого в досудебном производстве, только несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому (ч. 5 ст. 425), а несовершеннолетнему потерпевшему, свидетелю – лишь в ходе судебного разбирательства (ч. 3 ст. 280). Имеющаяся ст. 58 УПК РФ в части наличия права специалиста задавать вопросы участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя и суда (п. 2 ч.3 ст. 85 УПК РФ) принципиально не изменяет указанную ситуацию, т.к. психолог в отдельных случаях не может быть привлечен в качестве специалиста.

Таким образом, хотя фактически психолог прочно вошел в уголовное судопроизводство (причем не наряду с педагогом, а как самостоятельный участник), очевидна общая незавершенность его процессуального статуса. Права и обязанности психолога, а также ответственность за ненадлежащее исполнение последних требуют детального определения и дальнейшего усовершенствования.

Процессуальная роль психолога, в том числе среди иных (уже имеющих бóльшую процессуальную определенность) участников процесса продолжает оставаться не до конца определенной.

В большинстве случаев учеными-процессуалистами разделяется подход, согласно которому психолога следует относить к специалисту, что определяется наличием у него специальных знаний, а также его вовлечением для содействия в обнаружении, закреплении, изъятии доказательств, исследовании материалов уголовного дела, для оказания помощи в постановке вопросов эксперту и для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию[1].

Однако, согласно действующему законодательству (ч. 1 ст. 58 УПК РФ), специалист оказывает содействие в обнаружении, фиксации и изъятии предметов и документов. Участие же психолога не сводится к выполнению указанных действий с предметами и документами (следами материальными), он оказывает содействие при работе с людьми, а именно с несовершеннолетними участниками, с их показаниями (так называемыми идеальными следами). Уже это несоответствие формально препятствует отнесению психолога к специалисту в рамках достижения указанной цели. Аналогичное расхождение целенаправленности деятельности психолога и специалиста характерно и для другой цели, определенной в законе, – применение технических средств в исследовании материалов уголовного дела (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). Таким образом, без расширительного толкования положений действующей ч. 1 ст. 58 УПК РФ, психолога можно наделить статусом специалиста только в случае привлечения к участию в процессуальных действиях для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Существует точка зрения, характеризующаяся объединением разновекторного функционала психолога (удостоверение факта производимого следственного действия, представление интересов допрашиваемого несовершеннолетнего лица, применение специальных знаний в области психологии), но относящего его к специалисту с расширенными процессуальными функциями[2].

[1] Семенов В.В. Участие специалиста-психолога в производстве допроса // Российский следователь. 2008. № 7. С. 8-11; Сурменева С.В. Участие психолога в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск, 2009. С. 8; Яновский Р.С. Актуальные проблемы производства следственных действий в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2013. С. 141; Коробкова Е.Е. Формы участия психолога при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних // От классического уголовного процесса к современному судопроизводству. Вызовы времени : электронный сборник материалов международной научно-практической конференции / под ред. Л.В. Черепановой. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. С. 39.

[2] Латыпов В.С. Оказание содействия педагогом и психологом в российском уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 1 (47). С. 142.

Имеется подход, согласно которому процессуальная роль психолога сводится к осуществлению комплекса действий, создающих дополнительные процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов несовершеннолетних участников судопроизводства, предопределяющих его самостоятельный статус как участника уголовного судопроизводства[1].

Сравнительно недавно рассматриваемый вопрос был проработан Конституционным Судом Российской Федерации (далее – КС РФ), которым отмечено, что привлечение психолога в уголовный процесс не изменяет принципиальным образом выполняемые им полномочия на оказание психологической помощи. Последняя не является составной частью конституционных прав ни на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы, ни на квалифицированную юридическую помощь, ни на судебную защиту, осуществляемую исключительно судом. В связи с чем сделан вывод, что психолог участвует в уголовном деле не в целях оказания правовой помощи или осуществления функции защиты от обвинения, а в целях предотвращения возможного избыточного неблагоприятного воздействия на психику несовершеннолетнего. Следовательно, положение психолога в уголовном процессе характеризуется процессуальной нейтральностью: он не выступает на стороне обвинения или защиты, на него не возлагаются функции ознакомления с обвинением и разъяснения его существа, защиты подозреваемого, обвиняемого от выдвигаемых против него подозрений или обвинений в совершении преступления[2].

Примечательно, что ранее КС РФ нейтральным участником обозначал только свидетеля, отмечая, что ему характерна процессуальная нейтральность и свидетель не является стороной в уголовном деле[3]. При этом (фактически, по сложившемуся обыкновению) свидетель, как и его показания, могут либо подтверждать обвинение в совершении преступления, либо подтверждать невиновность, либо подтверждать иные обстоятельства, не имеющие прямого отношения к обвинению или защите.

Несмотря на обозначенное определение КС РФ, точку в определении процессуальной роли психолога ставить рано. Безусловно, позиция КС РФ не ставится под сомнение, но требует дополнительного обоснования. Процессуальное положение психолога следует подвергнуть дополнительному изучению с правовых позиции КС РФ, как лицо, оказывающее квалифицированную психологическую помощь потерпевшим, свидетелям, подозреваемым, обвиняемым (и не только из числа несовершеннолетних лиц), и сохраняющим нейтралитет. Помимо того, необходимо рассмотреть возможность включения психолога в число участников уголовного судопроизводства (возможно, исключив при этом педагога из кодекса) путем внесения в УПК РФ отдельной статьи. Более того, требует дальнейшего изучения использование знаний в области психологии в уголовном судопроизводстве в контексте современного состояния законодательства, складывающейся следственно-судебной практики и имеющихся современных психологических методик.

[1] Галимов О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. СПб, 2001. С. 37, 139; Дудин Н.П., Луговцева С.А. Судебное разбирательство уголовных дел в отношении несовершеннолетних. СПб., 2005. С. 122.; Тетюев С.В. Сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Азербайджанской республики, регламентирующего участие педагога и психолога в следственных действиях // Российская юстиция. № 12. 2008. С. 50; Демкина М.С. О дальнейшем реформировании уголовного судопроизводства Российской федерации в направлении гарантированности прав несовершеннолетних участников // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 189-190.

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Димитровского районного суда города Костромы о проверке конституционности части пятой статьи 172, части первой статьи 173 и части третьей статьи 425 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2023 № 3296-О.

[3] По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40[1] Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко : постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П.

Овсянников Ю.В.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Полномочия прокурора в ходе досудебного производства необходимо реформировать

Институт отказа в возбуждении уголовного дела, закрепленный в ст. 24, 148 УПК РФ, является ключевым элементом доследственного производства. Однако его реализация на практике сталкивается с системными проблемами, включая злоупотребления со стороны следственных органов и отсутствие действенных механизмов прокурорского реагирования. Так, согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры РФ по итогам за 2021 года, отменены 1 586 962 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела[1]. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за девять месяцев 2024 года каждый пятый отказ в возбуждении уголовного дела был отменен судами как незаконный, а в 40% случаев заявители обжаловали решения дознавателей[2]. Эти цифры свидетельствуют о глубоком кризисе доверия к порядку рассмотрения сообщения о преступлении.

Реформирование уголовно-процессуального законодательства в 2007 году, лишившее прокурора права возбуждать уголовные дела, было направлено на разделение функций обвинения и надзора[3]. Однако, как отмечает А.И. Александров, «исключение прокурора из процесса инициирования уголовного преследования привело к дисбалансу в системе checks and balances»[4]. Восстановление данного полномочия могло бы стать инструментом преодоления правового нигилизма и повышения качества предварительных проверок.

Нами были исследованы некоторые системные недостатки действующей процедуры отказа в возбуждении уголовного дела, к которым можно отнести конфликт интересов на стадии возбуждения уголовного дела. Согласно ст. 145 УПК РФ, решение об отказе в возбуждении уголовного дела принимается органом дознания, дознавателем, следователем, руководителем следственного органа. Это создает ситуацию, при которой одно лицо одновременно оценивает основания для возбуждения дела и основания отказа в возбуждении уголовного дела, отвечает за статистику «раскрываемости». Как следствие, органы, принимающие решения в стадии возбуждения уголовного дела, заинтересованы в искусственном занижении числа регистрируемых преступлений.

Причиной такого явления выступает то, что принятие итогового решения в стадии возбуждения уголовного дела в значительной степени связано с ориентацией правоприменителя на ведомственные показатели работы (отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение уголовного дела, определение судебной перспективы дела, невозможностью раскрыть преступление, совершенное в условиях неочевидности и т д.). Например, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова в ходе V всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина: региональный вектор» в Хабаровске рассказала, что за первое полугодие 2022 года 50% решений МВД РФ и 10% постановлений следственных органов об отказе в возбуждении уголовных дел признаны органами прокуратуры Дальневосточного федерального округа необоснованными[5].

Решающую роль в наведении порядка в учетно-регистрационной дисциплине правоприменителя играет прокурор, который дает оценку законности и обоснованности принятия решений в стадии возбуждения уголовного дела.

---

[1] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2021 г. URL:http: //www. epp.genproc.gov.ru/ web/gprf/activity/statistics (дата обращения: 29.01.2024).

[2] Статистический отчет Судебного департамента при ВС РФ за 2022 г. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 29.01.2024).

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ.

[4] Александров А.И. Уголовный процесс России: этапы реформирования. М. : Норма, 2021. С. 178.

[5] Сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: http://www.ombudsmanrf.ru (дата обращения: 25.01.2025).

В науке уголовного процесса сложившаяся законодательная модель процессуального статуса прокурора на этапе досудебного производства воспринимается критически. При этом наибольший резонанс вызывают вопросы, связанные с нормативным регулированием надзора, осуществляемого прокурором в стадии возбуждения уголовного дела.

Многими авторами критикуется перераспределение контрольно-управленческих полномочий, в результате чего те полномочия, что находились в распоряжении прокурора, перешли к руководителю следственного органа. Кроме того, объективным фактом состоявшегося реформирования полномочий прокурора стал дефицит полномочий данного участника уголовного судопроизводства при надзоре за предварительным следствием.

В современной науке уголовно-процессуального права активно дискутируется вопрос о восстановлении утраченных полномочий прокурора, связанных с осуществлением уголовного преследования, включая правомочие инициировать возбуждение уголовного преследования.

В науке уголовно-процессуального права высказывается мнение, что «лишение прокурора прав возбуждения и отказа в возбуждении уголовного дела создает риск того, что прокурорский надзор за расследованием, ранее эффективный, в новых процессуальных условиях может существенно ослабнуть»[1]. По словам С.П. Петрова, «прокурор превратился в заложника процессуальной логики следственных органов»[2].

В текущих правовых реалиях прокурор, руководствуясь п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, может инициировать начало уголовного преследования путем вынесения мотивированного постановления о направлении материалов, содержащих признаки преступления, в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании. Данное постановление, согласно п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, является одним из поводов для возбуждения уголовного дела.

Однако подобный механизм видится рядом авторов неэффективным, так как обозначенное постановление, исходящее от прокурора, не создает для следователя процессуальной обязанности инициировать начало уголовного преследования постановлением о возбуждении уголовного дела. Более того, следователь может отказать в возбуждении уголовного дела, на что имеет законное право.

Прокурор на основании ч. 6 ст. 148 УПК РФ, признав отказ следователя в возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным, выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое направляет руководителю следственного органа.

В этой ситуации действующий УПК РФ не включает в себя каких-либо нормативных препятствий вынесению со стороны следователя еще одного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. В результате мы потенциально имеем ситуацию, при которой следователь и прокурор могут довольно долго «обмениваться» своими постановлениями, находясь в своего рода противостоянии.

Отмечается, что «в отдельных случаях такой механизм может содержать в себе до 5-6 процессуальных циклов, каждый из которых по времени может занимать до двух и более недель. При этом могут быть утрачены важные следы преступления, а в итоге нарушены права лиц, потерпевших от преступления»[3].

Безусловно, мы не говорим о том, что такого рода антагонизм существует априори и может иметь место повсеместно. Как резонно указывают В.Е. Горюнов и М.А. Алимпьев, «сложно предположить, чем могут быть мотивированы действия следователя и руководителя следственного органа, чтобы осуществлять такого рода саботаж»[4].

Однако сам факт отсутствия у прокурора логично вытекающего из его процессуального положения правомочия на самостоятельную инициацию уголовного преследо-

[1] Кожевников О.А. Об участии прокуратуры в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Юрия Данилова. Челябинск, 2014. С. 228-231.

[2] Петров С.П. Прокурорский надзор: теория и практика. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2020. С. 92.

[3] Рагулин А.В. О необходимости расширения полномочий прокурора как участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. № 4(29). С. 56.

[4] Цит. по: Левченко О.В. Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Вып. 2013. № 2(78). С. 87-90.

вания многими специалистами не признается в качестве существенного недостатка обновленных норм, регламентирующих процессуальное положение прокурора.

Тем не менее возникающие на станицах публикаций предложения, содержащие доводы в пользу видоизменения полномочий прокурора, следует оценивать с разных сторон. В частности, к изменению положений УПК РФ, касающихся полномочий прокурора, связанных с осуществлением уголовного преследования, а также статуса данного участника уголовного судопроизводства на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, нужно подходить с большей долей осторожности.

Во-первых, необходимо рассмотреть предложение по наделению прокурора правом самостоятельно возбуждать уголовные дела. Как уже отмечалось исследователями, текущий механизм признается многими специалистами неэффективным.

Во-вторых, не совсем бесспорным, но нуждающимся в анализе и осмыслении представляется подход по совершенствованию законодательства, в рамках которого предлагается улучшить качество прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства путем наделения прокурора рядом полномочий, связанных с руководством предварительным следствием.

Как представляется, подобный подход мог бы дать возможность прокурору более динамично и эффективно реагировать на выявляемые процессуальные нарушения со стороны следователя и дознавателя.

Лушин И.А.

Академия управления МВД России (г. Москва)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ ПОМОЩИ, ОКАЗЫВАЕМОЙ СПЕЦИАЛИСТОМ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Безопасность государства и личности является первостепенной задачей органов исполнительной власти. Раскрытие и расследование преступлений является одним из основных направлений обеспечения безопасности. Преступления – негативные явления, требующие реакции со стороны правоохранительных органов. Однако указанные явления в определенных случаях могут носить сложный характер и для их раскрытия необходимо привлечение лиц, обладающих специальными знаниями.

Специальные знания являются межотраслевым институтом, применяющимся в различных досудебных и судебных производствах. В уголовном судопроизводстве специальные знания обличены в формы. Существуют различные концептуальные подходы к разграничению форм. Так, большинство ученых гранью различия специальных знаний выделяют процессуальность, то есть регламентированность их уголовно-процессуальным законодательством, где к процессуальным формам относят назначение и производство экспертизы, участие специалиста в следственных действиях, а к непроцессуальным – консультативную помощь специалиста, производство ревизий[1].

Нередко при раскрытии и расследовании преступлений у следователя возникают вопросы, требующие оперативного решения, а также появляются события и явления, которые нуждаются в разъяснении. Для этой цели существует консультативная помощь специалиста.

Консультация – это совет специалиста по какому-либо вопросу[2]. В научной литературе можно встретить такие определения как консультативно-справочная помощь, справочная, консультативная. Однако некоторые указанные дефиниции являются не совсем корректными. Так, в отдельности не существует справочной помощи. Мы считаем, что при рассмотрении определения справочная или консультативно-справочная помощь специалиста может сложиться впечатление, что консультации специалиста ограничены справкой. Однако сведения, предоставляемые

[1] Сорокотягин И.Н., Глазырин Ф.В., Евдокимова Н.С. Использование специальных познаний при расследовании преступлений : учеб. пособие. Свердловск : УрГУ, 1978. С. 15.

[2] Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. Полиграфресурсы, 1999.

специалистом, могут предоставляться в любой форме, в том числе и устной. В связи с этим мы считаем, что целесообразно употреблять термин «консультативная помощь специалиста».

Как мы отмечали выше, традиционно консультативную помощь относят к непроцессуальным формам специальных знаний. Однако данная позиция разделяется не всеми учеными. Например, Е.А. Зайцева относит консультации специалиста к процессуальным формам[1]. Противоположного мнения придерживаются Е.П. Гришина, Е.В. Ломакина[2]. Мы считаем, что указанная форма является непроцессуальной, так как отсутствует ее правовая регламентация.

Неурегулированность консультативной помощи специалиста уголовно-процессуальном законодательством может привести к негативной практике ее применения. В связи с этим считаем необходимым выделить некоторые структурные особенности указанной формы специальных знаний.

Безусловно, необходимым элементом консультативной помощи специалиста является основание его применения. Чрезмерно частое привлечение специалиста для оказания консультации может привести к его высокой загруженности и снижения качества оказания данной помощи. А.Р. Сысенко выделяет несколько таких оснований, среди которых: отсутствие знаний по какому-либо специальному вопросу либо возможности разобраться в интересующих вопросах, либо времени[3]. Неоднозначным является основание – отсутствие времени, так как в целом раскрытие и расследование преступления обусловлено ограниченным сроком, однако в каждом случае привлекать специалиста для дачи консультаций не является целесообразным. По нашему мнению, привлечение специалиста для дачи консультаций зависит от двух компонентов: во-первых, это специфичность объекта консультации, выходящего за рамки уголовного судопроизводства, а во-вторых, необходимость указанной консультации для раскрытия преступления. Так, не все интересующие следователя вопросы, возникшие в ходе раскрытия преступления, имеют отношение к обстоятельствам преступления.

Объектами консультаций могут выступать различные события, явления, факты, предметы, вещества, требующие научной или специальной интерпретации. Во-первых, это могут быть следы преступления (идеальные и материальные). Во-вторых, это может быть оценка имеющихся материалов для составления психологического портрета преступника, установления всех обстоятельств преступления. В-третьих, это консультации для подготовки к экспертизе, которые включают в себя: определение вида экспертизы, подготовку вопросов для назначения экспертизы, выбор объекта и проб образцов для экспертизы.

Субъектами указанной формы применения специальных знаний с одной стороны выступают должностные лица, осуществляющие раскрытие и расследование преступлений (оперативные сотрудники, следователи, дознаватели), с другой стороны – лица, оказывающие консультативную помощь (специалист). Зачастую специалистом в данном случае выступает сотрудник экспертно-криминалистического подразделения, однако следователь (дознаватель) может привлекать иных лиц для дачи консультаций. Некоторые ученые считают, что необходимо детализировать статус специалиста и ввести в уголовное судопроизводство нового участника – консультанта. Данный опыт широко используется в странах западной Европы и США, где на протяжении всего расследования консультант активно оказывает содействие в указанной деятельности. Однако мы считаем, введение данного участника в российский уголовный процесс нецелесообразным, так как консультации не являются продуктом процессуальной деятельности, а лицо, осуществляющее консультативную помощь, также не является процессуальным субъектом и в связи с этим, обладая непроцессуальным статусом, консультант не может находиться в уголовном процессе.

Результатом рассматриваемой формы специальных знаний является полученная следователем консультация. Дискуссионным

[1] Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. … докт. юрид. наук: 12.00.09. М., 2008. 203 с.

[2] Гришина Е.П. Теория и практика участия сведущих лиц в уголовном судопроизводстве. М. : Академия управления МВД России, 2007. 135 с.; Ломакина Е.В. Актуальные вопросы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Оренбург, 2006. 58 с.

[3] Сысенко А.Р. Непроцессуальные формы использования специальных познаний при расследовании преступлений по горячим следам // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2015. № 2. С. 68.

вопросом является форма завершения указанной деятельности. Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрен ряд документов, которые выражают результаты деятельности специалиста. Заключение специалиста, как мы отметили выше, – результат отображения исследовательской деятельности специалиста, содержащее его суждение. Указанная форма не применима к оформлению результата консультативной помощи специалиста. Следующим возможным документом оформления консультативной помощи является допрос специалиста. Данное следственное действие противоречиво, так как, с одной стороны, его нахождение в УПК РФ подразумевает использование протокола допроса в качестве доказательства, с другой стороны, законодатель не закрепил в числе прав специалиста право давать показания. Между тем правоприменительная деятельность неоднозначна. Существуют негативные примеры допроса специалиста в качестве свидетеля, что прямо противоречит процессуальному статусу свидетеля.

Таким образом, структура консультативной помощи специалиста позволит должностным лицам, осуществляющим раскрытие и расследование преступлений, единообразно и в соответствии с законодательством применять указанную форму специальных знаний, а также упростит и повысит качество взаимодействия между специалистом и следователем.

Французов А.О.

Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России (п. Мурино)

Международно-правовые нормы и стандарты единства формирующих начал уголовного права и судопроизводства в России

Стремление государств к единым правовым ориентирам в области уголовного права и судопроизводства основывается на международно-правовых принципах, подчеркивающих приоритет человеческой личности, ее достоинства и правовой неприкосновенности. В России такая ориентация получила отражение в конституционных положениях, согласно которым общепризнанные принципы и нормы международного права входят в национальную правовую систему, а, следовательно, становятся обязательными для правотворческой и правоприменительной деятельности. Подобная система норм дополнительно усиливается ратификацией международных договоров: их тексты в виде федеральных законов приобретают прямое значение для формирования и коррекции уголовно-правовых институтов. Тем самым создается гармоничное сочетание национальных предписаний и глобальных установок, причем данная взаимосвязь выражается в уголовном законодательстве, регламентирующем вопросы как материального, так и процессуального характера.

Конституция России поощряет защиту прав и свобод человека как высшую ценность, а статья 15 устанавливает приоритет ратифицированных международных договоров при любых несоответствиях с внутренними актами. Вскоре после появления данной конституционной нормы законодатель обозначил тот же подход в Уголовном кодексе РФ, подчеркнув, что его содержание зиждется на нормах международного права и следует принципам, которые общепризнаны мировым сообществом. Подобная система создает ситуацию, когда международно-правовые стандарты вмешиваются в национальное правовое поле не формально, а посредством широкого круга регуляторов. Въезд иностранных граждан, транснациональные формы преступности, а также возможность государственного принуждения, выходящего за национальные границы, так или иначе упираются в международные принципы, регламентирующие способы допустимого ограничения свободы личности.

Нормативные документы, принятые на уровне глобальных организаций и региональных объединений, устанавливают ориентиры в сфере уголовного права и процесса. В них декларируются базовые принципы, применимые в любых юрисдикциях: презумпция невиновности, равенство сторон, личная неприкосновенность и минимизация ограничений прав подозреваемых. Меры процессуального принуждения, вроде заключения под стражу, признаются исключительными и оправданными при высокой степени общественной

опасности. В более тонких ситуациях, например при работе с несовершеннолетними, международное право требует учитывать их уязвимость и психофизиологические особенности, включая присутствие защитника и обязательный учет интересов ребенка. Таким образом, государство ограничено не только положениями традиционного права, но и межгосударственными установками, касающимися границ законного принуждения. Выражается это и в положениях российского Уголовно-процессуального кодекса, где подчеркивается приоритет международных норм при вынесении процессуальных актов, а также устанавливается обязательность судебного контроля за самыми жесткими формами вмешательства в права личности.

Крайне важным оказывается положение о том, что сами по себе международно-правовые договоры не всегда имеют прямое действие без определенного адаптационного механизма. Их фактическое применение в уголовном праве зависит от того, каким образом они интегрируются в национальное законодательство. В России это реализуется через ратификацию, когда соответствующий документ подтверждается парламентом и становится действующим как федеральный закон[1]. При этом часть исследователей рассуждает о том, можно ли международные соглашения напрямую считать источником уголовного права. Встречаются точки зрения, ограничивающие такие источники только положениями Уголовного кодекса, однако более распространен подход, утверждающий расширенную систему правовых регуляторов. Сторонники такого взгляда указывают, что после ратификации договоров их положения становятся де-юре частью отечественных нормативных актов, а значит их несоблюдение приводит к нарушениям внутри национальной системы. С этим связаны более строгие требования к правоприменительным органам, ведь им приходится соизмерять издаваемые постановления с теми принципами, что были разработаны международным сообществом.

Особенно ощутимы международные стандарты при рассмотрении вопросов судебного разбирательства, связанных с доступом к правосудию, гласностью, презумпцией невиновности и презрением к методам унижения человеческого достоинства. Надзор за этими принципами на международном уровне осуществляет, в частности, Европейский Суд по правам человека. После ратификации соответствующих соглашений, признающих его юрисдикцию, российские органы правосудия стали принимать во внимание правовые выводы, фигурирующие в решениях данного суда. Нередко граждане обращаются к ЕСПЧ, заявляя о неправомерности ареста: этот аспект является одним из наиболее частых в практике разбирательств по Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Современная судебная система России признает приоритет международных стандартов при возникновении несоответствий, а вынесенные ЕСПЧ акты дают дополнительный импульс к пересмотру правоприменительных позиций. Таким образом, заказ на гуманизацию уголовной юстиции закономерно вытекает из международных документов, где жестко зафиксировано, что любые ограничения свободы человека должны быть строго обоснованными и непротиворечивыми фундаментальным принципам права.

Дополнительно в сфере несовершеннолетних участников процесса международное законодательство требует особого внимания: Конвенция о правах ребенка, а также принятые в ее развитии протоколы и рекомендации формируют для государств-партнеров системные требования. Внутри УПК РФ это отражается через регламентацию допроса детей с обязательным участием педагога или психолога, а также через запрет содержания их под стражей при отсутствии действительно неотложных обстоятельств[2]. Закрепленная в Конституции защитная направленность на семью и детство находит опору в универсальных установках, исключающих чрезмерные дисциплинарные или карательные меры к несовершеннолетним. Подобные механизмы ориентированы на то, чтобы правосудие не становилось жестоким институтом, который клеймит молодого человека уже на этапе следствия. Природа и суть таких гарантий – в гуманистических и правозащитных концепциях, зафиксированных в международных актах.

Рассматривая практическое претворение международных норм, стоит упомянуть и о

[1] О международных договорах Российской Федерации : Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ.

[2] Гришин Д.А. Международные стандарты уголовного судопроизводства // Раздел 6. Уголовно-процессуальное обозрение. 2025. С. 213-214.

том, что не существует полностью безграничного статуса прав и свобод. Любое государство вправе прибегать к оправданным мерам принудительного воздействия, заботясь об общественном порядке и охране других важных ценностей. Но каждое умаление индивидуальных прав должно сопровождаться соблюдением принципов соразмерности, прозрачности и судебного контроля за такими мерами. Подобная доктрина отражается в отечественном УПК, где допускается, к примеру, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу только в рамках постановления суда при наличии явных оснований. Требования о мотивировке такой меры служат дополнительной защитой для того, чтобы не оказывать избыточное давление на личность.

Несмотря на наличие трудностей и споров в ученых кругах, пример постепенной адаптации российского уголовного процесса ко всемирным правовым установкам демонстрирует эффективное взаимодополнение. При этом сами международные договоры задумываются как единый набор минимально необходимых правил, которые признаются всеми ратифицировавшими их государствами. Благодаря этому происходит сближение правовых стандартов по мере того, как многие страны в своих кодексах и подзаконных актах закрепляют принципы, продиктованные мировыми соглашениями. В конечном счете все сводится к тому, что отечественная законодательная база и судебная практика, отталкиваясь от национальной спецификации, не могут идти вразрез с международно-правовыми стандартами в области уголовного права и правосудия. Существенные коллизии устраняются через прямое действие норм международного права или путем внесения поправок в реактивируемые отечественные правила.

Таким образом, международно-правовые нормы и стандарты, ориентированные на защиту человека, стали прочной составляющей российской уголовно-правовой и уголовно-процессуальной среды. Материальные и процессуальные нормы российской юстиции все чаще рассматриваются в ракурсе их гармонизации с мировыми соглашениями. На практике это выражается в расширенной защите участников уголовного процесса, более подробном обосновании пресекательных мер, учете гуманистических принципов при работе с отдельными категориями граждан. Правосудие, построенное с оглядкой на международные стандарты, повышает доверие к уголовной системе и способствует сбалансированному подходу, при котором общественная безопасность и личная свобода не противостоят друг другу, а достигают закономерного компромисса. Такое единство начал уголовного права и судопроизводства укрепляет авторитет правовой системы России на международной арене, создавая условия для дальнейшего совершенствования национального законодательства.

Королев А.С.

Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России (п. Мурино)

Баланс инноваций и гарантий прав участников: перспективы комплексной цифровизации уголовного судопроизводства

Цифровые технологии все глубже проникают в структуру уголовного судопроизводства, создавая новые возможности для оперативного получения и анализа информации. Одновременно возрастает потребность найти сбалансированный подход, при котором инновационные инструменты ускоряли бы процедуру и обеспечивали высокую достоверность доказательственного процесса, не подрывая принципов справедливости и гарантии прав участников. На первоначальном этапе подобной трансформации многие эксперты предлагают вести внедрение электронных сервисов в режиме эксперимента, сохраняя параллельно традиционный формат. Это позволит оценить ключевые риски, адаптировать правовые механизмы и уточнить технические регламенты, предписывая при необходимости возврат к бумажной процедуре, если цифровой подход не гарантирует безопасных и достоверных результатов.

Законодательная база уже допускает определенные варианты использования электронных инструментов. Так, в УПК РФ закреплены нормы о допустимости электронной формы процессуальных документов, а также способы их заверения усиленной квалифицированной подписью. Это касается писем,

заявлений, ходатайств, в том числе возможных жалоб. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» устанавливает единые требования к юридической силе и подлинности электронного документа, если он корректно подписан цифровой подписью. Данные нормы сигнализируют, что процесс переформатирования досудебной и судебной работы происходит не только «снизу», в результате локальных инициатив, но и «сверху» – через обновленное правовое регулирование. Тем не менее ряд аспектов остается за пределами жесткой регламентации. Вопросы комплексной защиты электронных баз, предотвращения несанкционированных изменений в реестрах судопроизводства и обоснованных критериев допустимости той или иной цифровой фиксации по-прежнему вызывают споры.

Многие инициативы сфокусированы на начальной стадии возбуждения уголовного дела. Предполагается, что цифровой формат подачи заявлений о преступлениях позволяет исключить увод документа из официального поля, недобросовестные уговоры не регистрировать событие и другие коррупционные риски. В этом ценность автоматического внесения данных в специальный реестр: алгоритм, не имеющий предвзятого интереса, регистрирует каждое обращение, обнаруживая при заполнении опросного формуляра (например, в электронной форме) базовые признаки деяния. Однако электронная система не может полностью заменить человеческий анализ, ведь при фактическом отсутствии признаков состава преступления и явно ложных показаниях требуется проверить ситуацию в рамках дежурной проверки. Следовательно, автоматизация способна ускорить или стандартизировать этап, но не отменяет «человеческого фактора» в оценке обращения. При этом сама по себе прозрачность цифровой регистрации защищает право потерпевших на доступ к правосудию, гарантированный Конституцией и УПК РФ. По ряду дел, где технические возможности позволяют зафиксировать признаки преступления с помощью видео- или аудиозаписи, отказ в регистрации практически исключается.

На этапе расследования спектр электронных сервисов заметно расширился. К примеру, аудиовидеофиксация следственных действий и электронное оформление протоколов давно рекомендованы практиками, так как упрощают проверку допустимости доказательств. В результате расширяется применение видеоконференцсвязи при проведении отдельных следственных процедур и взаимодействии следователя с территориально удаленными свидетелями. При этом ультимативно переходить только к электронному методу не всегда целесообразно, ведь технические сбои в интернет-соединении или ошибки в настройке программ могут исказить данные, создавая почву для оспаривания итогов. Хотя в ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ уже учтен порядок изъятия цифровой информации, до конца не регламентированы методы защиты электронных носителей от фальсификаций и их надлежащего архивирования. Аналогичная ситуация наблюдается при использовании систем электронного браслета для контроля за соблюдением условий домашнего ареста: если каналы передачи данных неисправны, санкции за уход из контролируемого места теряют законную базу.

Особый интерес вызывает цифровизация доказательственного процесса в суде. Аудио- и видеозапись судебного заседания повышают уровень прозрачности. Одновременно постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2020 г. № 8-П[1] подчеркивает недопустимость ситуаций, когда технические каналы не обеспечивают полноту восприятия сказанного, конфиденциальное общение с адвокатом или возможность оперативной реплики. Переход к «виртуальным» слушаниям требует передовых технологий видеосвязи, отвечающих стандарту непрерывности и защищенности канала, чтобы сторона защиты или обвинения не оказалась в заведомо слабом положении. Перебои звука, невозможность своевременного совещания подсудимого с защитником или недостаточно понятная демонстрация материалов дела подрывают гарантии состязательности. Поэтому ст. 240 УПК РФ допускает удаленное участие, но предполагает, что технические параметры достаточны для осуществления равных прав и обязательств сторон. Нормы о видеоконференцсвязи можно рассматривать как образец, когда инновации расширяют доступ к правосудию и снижают издержки без ущерба фундаментальным принципам.

Отдельное направление – упрощенное судопроизводство при очевидном

[1] По делу о проверке конституционности положений статей УПК РФ : постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2020 № 8-П.

подтверждении вины. Если цифровая запись преступного эпизода ясно выявляет состав и исполнителя, то объем формальных следственных действий снижается. В теории это может выглядеть так: автоматизированная система когда-то зафиксировала факт правонарушения (например, взяточничество), данные о лице, дате и месте внесены в сплошной цифровой реестр, протокол автоматически создает базу для федерального розыска и уведомления компетентных органов. Дежурный прокурор или следователь лишь удостоверяют корректность идентификации гражданина. Однако и здесь подводные камни многочисленны. Видео может быть недоброкачественным монтажом, время записи несоответствующим, лицо – другим человеком, внешне похожим на подозреваемого. Немалая часть процессуальных действий (допрос, очная ставка и т.д.) тогда необходима, чтобы прояснить реальные обстоятельства. Следствие может столкнуться с задачей «разблокировать» цифровые устройства, проанализировать метаданные, провести техническую экспертизу или разобраться с особенностями хранения. Таким образом, усеченная процедура оправдана лишь при безусловном признании человеком факта и готовности согласиться с выводами об умысле.

В то же время с учетом ст. 6 и 14 УПК РФ ни одна инновация не должна умалять презумпцию невиновности и право на справедливый суд. Для иллюстрации можно сослаться на примеры зарубежных практик. В Республике Казахстан ведется экспериментальный формат «Электронного уголовного дела», указанный прямо в статье 45-1 УПК РК. В отдельных регионах после регистрации обращения в Едином реестре досудебных расследований, материалы практически не ведутся на бумаге. Все заявления, ходатайства, постановления создаются в цифровой среде, аккумулируя сведения о вещественных доказательствах, протоколах допроса и т.п. По итогам пилотных проектов выявлены как плюсы (убыстрение процедур, возможность дистанционного ознакомления, прозрачность дел), так и минусы (невысокая готовность участников, частые системные ошибки и кибер-риски). Аналогичная осторожность видна в российской доктрине, где ученые[1] подчеркивают, что алгоритмичные решения не подменяют моральную оценку, а потому вводить искусственный интеллект на место следователя или судьи преждевременно.

Скорость внедрения цифровых подходов зависит также от защиты баз данных. В противном случае, утечка или несанкционированная корректировка способны свести на нет процедуру, аннулируя доказательства. Соответствующие меры безопасности предполагают многоступенчатое шифрование, резервные копии на независимых серверах, регламент доступа и логирование каждой операции. Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи» описывает лишь общие аспекты создания юридически значимых электронных материалов, но не раскрывает тонкости кибербезопасности в области уголовного судопроизводства. Поэтому наиболее надежен осторожный путь развития, при котором вырабатываются типовые регламенты, одобренные и судейским корпусом, и правоохранительными органами, и профессиональными сообществами юристов.

Таким образом, цифровизация уголовного судопроизводства способна повысить прозрачность и ускорить процедуру, однако потенциальные преимущества не исключают необходимости тщательно отрабатывать форматы такой работы и обеспечивать механизмы «традиционного» вмешательства человека, когда требуется. Современное законодательство сочетает пунктирные инновации (вроде электронной формы документов) с сохраняющейся потребностью в бумажных носителях, видеоконференцсвязь – с классическим присутствием в зале суда, записи на носителях – с обязательным подтверждением подлинности и допустимости. Плавный, параллельный переход позволяет участникам осознано выбирать применимые инструменты. При соблюдении гарантий презумпции невиновности, состязательности сторон и прав потерпевших – цифровые механизмы неизбежно будут расширяться, повышая уровень доказательственной ясности и снижая временные затраты.

[1] Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 91-104.

Серова Е.Б.,

кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Еще раз о следственных ошибках по делам о незаконном обороте наркотических средств

Одной из самых распространенных в современной России групп преступлений является незаконный оборот наркотиков, включающий деяния, связанные с получением, распространением и потреблением наркотических средств как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами (в случае контрабанды наркотиков). Приходится констатировать, что распространение наркотических средств и их немедицинское потребление представителями различных слоев общества, в том числе несовершеннолетними, является одной из наиболее актуальных проблем современного общества. Преступный бизнес, связанный с распространением наркотиков, является самым массовым и организованным, включает множество преступных элементов и подрывает экономическую, политическую, культурную, социальную сферы нашего общества и государства. Одновременно это и одни из самых сложных в расследовании и доказывании преступления, совершаемые с использованием современных технологий и средств коммуникации, позволяющие максимально скрыть информацию о лицах, причастных к преступлению. И если действия с наркотическими средствами, совершаемые в личных целях, а потому наименее общественно опасные, доказать относительно просто, то действия, являющиеся по сути своей разновидностью предпринимательской деятельности (производство и хранение в целях сбыта, сбыт наркотиков и т.п.), образуют значительный сектор теневой экономики и достаточно сложно доказуемы.

Сказанное налагает на органы, осуществляющие выявление и расследование указанных преступлений, обязанность максимально быстро, инициативно и эффективно осуществлять доказывание, что создаст предпосылки для успешного рассмотрения дела в суде (особенно в суде с участием присяжных заседателей) и постановления законного, обоснованного и справедливого приговора всем лицам, причастным к преступлению, будет способствовать укреплению национальной безопасности страны. Между тем, анализ правоприменительной практики показывает, что далеко не всегда доказывание по уголовному делу о незаконном обороте наркотиков осуществляется на надлежащем уровне. В этом случае приходится констатировать наличие следственных ошибок, которые неоднократно становились предметом исследования в научной литературе как в целом, так и применительно к рассматриваемой группе преступлений. На сегодня имеется значительное количество публикаций, авторы которых предлагают свои классификации следственных ошибок, дают рекомендации по их выявлению и устранению (или нейтрализации) вредных последствий таких ошибок. И тем не менее ошибки продолжат совершаться, что заставило нас еще раз обратиться к данной теме.

С точки зрения содержания ошибки традиционно делят на уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические. По нашему мнению, две последние разновидности ошибок можно объединить в одну группу деятельностные ошибки.

Уголовно-правовые ошибки связаны с неправильной квалификацией деяния. Они могут носить самостоятельный и производный характер. Самостоятельный характер носят ошибки, допущенные при определении той правовой нормы, которая подлежит применению в конкретном случае. Приведем следующий пример подобной ошибки[1].

М. приобрел для личного употребления без цели сбыта пакет, внутри которого находились плодовые тела грибов. Согласно справке об исследовании, изъятое у М. вещество является частями плодовых тел грибов, содержащих наркотическое средство – псилоцин массой 2,90 г, что повлекло возбуждение уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ,

[1] Здесь и далее приведены примеры из практики прокурорских работников – слушателей факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, где имеет честь работать автор настоящей статьи.

и возбудили уголовное дело. Однако в данном случае у М. было изъято не само вещество, а плодовые тела грибов, которые являются растением, содержащим наркотическое средство, и его минимальный уголовно наказуемый размер составляет 10 г. Таким образом, в действиях М. усматриваются признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 6.8 КоАП РФ.

Ошибки подобного рода выявляются достаточно просто, важно только правильно оценить имеющуюся в деле информацию с точки зрения уголовного права. Сложнее обстоит дело с производными уголовно-правовыми ошибками, в основе которых лежат ошибки деятельностные, сущность которых заключается в неправильном применении уголовно-процессуального закона и отступлении от криминалистических рекомендаций. Такого рода ошибки связаны с отступлением от требований закона в части производства следственных действий и принятия процессуальных решений, нарушением принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, проявлением волокиты и низкой эффективностью расследования и т.п. Данные нарушения влекут за собой не установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, и, следовательно, проблемы с квалификацией деяния, неправильное применение норм материального права. В данном случае мы полагаем возможным применение следующего правила: «что установлено в ходе расследования, то и должно быть квалифицировано, чем меньше объем достоверно установленной информации, тем сложнее давать правовую оценку, в том числе отграничивать смежные составы преступлений».

К числу деятельностных ошибок по делам о преступлениях рассматриваемой нами группы можно отнести, прежде всего, ошибки при производстве оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и фиксации преступления, представлении полученных результатов следователю, оценке материалов ОРД и использовании полученных результатов в доказывании. С сожалением приходится признать, что отсутствие единообразного и ответственного подхода к процессуальному оформлению результатов ОРД нередко приводит к тому, что при судебном рассмотрении уголовного дела вскрываются недостатки, грозящие признанием недопустимыми ключевых доказательств по делу, что неминуемо влечет оправдание подсудимого.

Обращает на себя внимание значительное количество так называемого «технического брака», связанного с необходимостью объяснения в ходе судебного следствия различных технических неточностей и заключающегося в неверном указании наименования наркотического средства, разночтениях при описании упаковки наркотика, объектов, откуда наркотик был изъят, даты и времени производства следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия, неверное наименование файла и даты его создания и т.п. В большинстве случаев эти ошибки действительно носят технический характер и имеют характер устранимых, например, путем допроса в судебном заседании специалиста или оперативных работников. Но не всегда суд соглашается с мнением государственных обвинителей о допустимости подобных доказательств. Так, по делу О. суд апелляционной инстанции признал недопустимым доказательством стенограмму аудиозаписи, выполненной в ходе ОРМ, поскольку при осмотре файла аудиозаписи, установлено, что дата файла была изменена и не совпадает с датой его создания.

Помимо технических, следователями допускаются и деятельностные ошибки, если так можно выразиться, содержательного характера:

– неприменение аудио- и видеофиксации при проведении ОРД и следственных действий (прежде всего, осмотров), при том что их законность наиболее часто оспаривается защитой;

– поскольку лица, причастные к незаконному обороту наркотиков, широко применяют меры конспирации, в ходе расследования необходимо получить сведения, объективно подтверждающие их причастность к противоправной деятельности. Они могут быть получены, например, при осмотре гаджетов обвиняемых. Анализ судебно-следственной практики показывает, что важные для расследования сведения, полученные при осмотре телефонов, ноутбуков и иных электронных устройств лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, не оформляются надлежащим образом, содержащаяся на них доказательственная информация остается не использованной, детализация телефонных разговоров не анализируется и представляет собой несистематизированный массив данных о соединениях без раскрытия принадлежности номеров конкретным фигурантам,

переписка в социальных сетях и мессенджерах не исследуется.

Так, И. обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. После сопоставления в ходе судебного следствия аудиозаписей телефонных переговоров лица, осуществлявшего ОРМ «проверочная закупка», с другими доказательствами было установлено, что И. в обсуждении условий продажи наркотика не участвовала и другие действия, входящие в объективную сторону преступления, не совершала. По итогам судебного разбирательства И. была оправдана. Указанные обстоятельства могли быть установлены и в ходе предварительного расследования, однако этого сделано не было;

– не проводятся необходимые следственные действия, в том числе очные ставки и допрос обвиняемого по обстоятельствам, сообщенным основными свидетелями обвинения для обеспечения процессуальной возможности оглашения показаний свидетелей в ходе судебного разбирательства. Показательно в этом плане уголовное дело в отношении Н., который был оправдан, так как в ходе судебного следствия государственный обвинитель смог представить суду единственное доказательство, подтверждающее виновность подсудимого – показания лица, выполнявшего роль покупателя при проведении ОРМ «проверочная закупка», что в конкретной ситуации было явно недостаточно, поскольку показания этого свидетеля противоречили показаниям Н., который утверждал, что свидетель его оговорил, инсценировав с ним встречу. Иных доказательств виновности подсудимого в деле не было, сведения о телефонных соединениях Н. для опровержения версии не использовались, более того, не были даже изъяты и осмотрены денежные средства, переданные Н. в качестве оплаты за наркотики;

– не налагается арест на автомобили обвиняемых, с помощью которых они перемещали наркотики, что препятствует в дальнейшем их конфискации и обращению в доход государства.

В заключение отменим, что указанные ошибки могут быть обнаружены при тщательном изучении уголовного дела, что позволит нейтрализовать их негативные последствия в ходе расследования.

Бондаренко А.А.,

кандидат юридических наук
Омская академия МВД России

Разрешение судом отмены постановления о прекращении уголовного преследования

Прекращение уголовного преследования не всегда ведет к прекращению уголовного дела, в свою очередь, с прекращением уголовного дела одновременно прекращаются все уголовные преследования. Аксиоматичность представленного тезиса не вызывает сомнений в доктрине уголовного процесса[1].

Вместе с тем не все так однозначно при обратном движении – в случае возобновления ранее прекращенного уголовного дела. Все ли уголовные преследования (по преступлениям и лицам) подлежат возобновлению при отмене соответствующего постановления, завершившего производство по делу в целом? На первый взгляд поставленный вопрос должен быть разрешен положительным ответом. Однако, несмотря на единство производства, полагаем, что каждое из уголовных преследований сохраняет свою автономность. Такой вывод в частности следует из положений частей 3 и 4 статьи 171 УПК РФ, в соответствии с которыми при обвинении лица в совершении нескольких преступлений, каждое из них должно найти отражение в постановлении, а если в уголовном деле к обвинению привлекается несколько лиц – в отношении каждого из них выносится постановление о привлечении его в качестве обвиняемого. То есть каждое из уголовных преследований самостоятельным решением возбуждается, доказывается и находит отражение в итоговых процессуальных решениях стадии предварительного расследования.

[1] См., напр.: Артамонов А.Н. Окончание предварительного расследования : учебное пособие. Омск, 2016. С. 80-81; Васильева Е.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. М. 2006. С. 71.

Представленный вывод о фактической и юридической автономности каждого из уголовных преследований в контексте судебного порядка их возобновления (ст. 214.1 УПК РФ) требует обратить внимание на следующие особенности.

1. При обращении в суд с соответствующим ходатайством прокурор или руководитель следственного органа должны располагать конкретными фактическими обстоятельствами, требующими дополнительного расследования (ч. 1 ст. 214.1 УПК РФ). При этом, если уголовное дело расследовалось в связи с совершением нескольких преступлений, то имеющиеся новые сведения должны быть или о каждом таком преступлении или, с учетом автономности уголовных преследований, суд сможет выдать разрешение на возобновление лишь того из преследований, необходимость дополнительного расследования которого подтверждена ходатайством и представленными материалами. Другими словами, если прекращено сложносоставно́е уголовное дело[1], то при возобновлении оно вполне может оказаться ординарным, если основания отмены состоявшихся решений имели отношение не ко всем уголовным преследованиям.

2. Тот же подход должен действовать и при возобновлении производства, в рамках которого уголовные преследования осуществлялись в отношении нескольких лиц. Если новые сведения, подлежащие дополнительному расследованию, не подтверждают необходимость возобновления персонального уголовного преследования, то ходатайство должно разрешаться в пользу возобновления уголовного дела по ранее расследуемому преступному событию. При получении фактических обстоятельств о необходимости возобновления персонального преследования, то руководитель следственного органа или прокурор должны обратиться в суд с соответствующим ходатайством еще раз.

Необходимо оговориться, что представленный категоричный вывод предопределила позиция и самого законодателя, который дополнив уголовно-процессуальный закон статьей 214.1 УПК РФ, серьезно расширил смысл положений постановления Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П по делу М.И. Бондаренко – предписав обращаться к судебной процедуре получения судебного разрешения на отмену решения о прекращении производства независимо от характера основания – как по реабилитирующим, так и по основаниям, не влекущим право на реабилитацию.

3. В контексте первых двух особенностей представляется интересной практика судов, которые при наличии исчерпывающего перечня решений (о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела либо об отказе в удовлетворении ходатайства о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела (ч. 4 ст. 214.1 УПК РФ)) фактически прибегают еще к одному варианту – прекращают производство по поступившему ходатайству[2]. Подобное, как указывает О.А. Мядзелец, возможно если поступившее обращение к суду рассматривать неприемлемо[3].

Полагаем, с учетом нацеленности предусмотренного ст. 214.1 УПК РФ порядка на удовлетворение публичного интереса и роли суда, отсутствие необходимых фактических обстоятельств изначально блокирует принятие необоснованного ходатайства к рассмотрению. При этом если органы расследования не представили в соответствии с ч. 1 ст. 214.1 УПК РФ фактические обстоятельства, в том числе новые сведения, подлежащие дополнительному расследованию, касающиеся уголовного преследования отдельных лиц или в связи с совершением самостоятельных преступлений, то в этой части производство по ходатайству должно быть прекращено.

4. Уголовное преследование отдельных подозреваемых (обвиняемых) может быть прекращено в досудебном производстве. При этом уголовное дело в целом (отношении иных преследуемых лиц) может быть расследовано и направлено в суд для рассмотрения по существу. Как быть в ситуации, если све-

[1] Таковым признается уголовное дело, расследуемое в связи с совершением нескольких преступлений и (или) в отношении нескольких лиц. Ординарное уголовное дело – это дело, расследуемое по факту совершения одного преступления одним лицом. См., напр.: Бондаренко А.А. Производство по сложносоставному уголовному делу : дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2022.

[2] Николюк В.В. Судебный порядок получения разрешения на отмену постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (п. 13 ч. 2 ст. 29, ч. 11 ст. 214, ст. 214[1] УПК России) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 1. С. 9.

[3] Мядзелец О.А. Судебный контроль за прекращением уголовного дела и уголовного преследования : монография. Омск, 2008. С. 101-102.

дения о необходимости возобновления ранее прекращенного уголовного преследования возникнут при движении уголовного дела по судебным инстанциям или после вступления итогового решения в законную силу?

Если данное обстоятельство не порождает оснований для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, то возникает вопрос об оформлении уголовного преследования, которое может быть отменено и окажется вновь на досудебном этапе уголовного судопроизводства. Уголовное дело, как своего рода «процессуальная оболочка» реализовано, то каким образом ее создавать заново? Путем принятия решения о возбуждении нового уголовного дела? Однако оно ранее могло быть уже принято по тем же обстоятельствам.

На схожую проблему обращают внимание авторы, исследовавшие решение о прекращении уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа. В частности, В.В. Кальницкий и А.В. Павлов обосновывают обязательность выделения материалов уголовного дела в отдельное производство перед принятием решения о прекращении уголовного преследования, как раз с целью избежать тех ситуаций, когда судебный штраф не будет выплачен и вернувшееся из суда уголовное преследование оказалось «бесхозным» (без уголовного дела)[1].

Как один из вариантов реагирования на проблемную ситуацию обозначенная позиция может быть воспринята, однако при наличии законодательной возможности прекращения уголовного преследования проблема до конца не разрешается.

5. В правоприменительной практике достаточно широкое распространение получили решения, которые также именуются «отсекающими постановлениями». Последние могут быть облечены в форму постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенные «внутри» уголовного дела, без их выделения в отдельное производство.

Кроме того, при расследовании уголовного дела принимаются решения, являющиеся по своей сути отказом от официального продолжения фактически начатого уголовного преследования. При этом, по мнению Н.П. Ефремовой и В.В. Кальницкого, они имеют такое же юридическое значение, что и постановление о прекращении уголовного преследования по объективизированному подозрению или обвинению[2]. В таком случае возникает вопрос о распространении на эти решения судебного порядка их отмены по прошествии одного года, а также форма их дальнейшего расследования при получении судебного разрешения на возобновление такого уголовного преследования.

Коробкова Е.Е.,

кандидат юридических наук, доцент
Омская академия МВД России

Процессуальные формы участия инспектора по делам несовершеннолетних в производстве по уголовному делу

Процессуальный порядок расследования уголовных дел по поводу преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних, обладает известной спецификой. Основой тому является возраст лица, которое может выступать как уголовно преследуемым, так и состоять в другом процессуальном положении. Это обстоятельство, в свою очередь, накладывает на следователя дополнительные обязанности, связанные с расширением предмета доказывания, усложнением порядка производства следственных действий, ограничениями применения средств уголовно-процессуального принуждения, спецификой профилактической деятельности и т.д. Тем логичнее название тезисов, учитывая предмет полномочий инспектора по делам несовершеннолетних (далее по тексту – инспектор ПДН), необходимость его участия при расследовании

[1] Кальницкий В.В., Павлов А.В. Выделение уголовного дела как условие возбуждения ходатайства о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2018. № 2. С. 109-114.

[2] Ефремова Н.П., Кальницкий В.В. Прекращение фактического уголовного преследования // Законодательство и практика. 2017. № 1. С. 63-68.

уголовных дел рассматриваемой категории не должна вызывать сомнений. Вместе с тем говорить о наличии выстроенного (особенно нормативно определенного) алгоритма такого взаимодействия сложно.

В теории уголовного процесса формы взаимодействия следователя с иными подразделениями полиции принято делить на процессуальные (указанные в уголовно-процессуальном законе) и организационные[1]. Воспользовавшись традиционным подходом, оговоримся, что обозначение процессуальных форм взаимодействия следователя с инспектором ПДН является скорее желаемой перспективой, чем данностью, о чем пойдет речь ниже.

1. Исполнение письменного поручения следователя, дознавателя. В качестве нормативной основы указанной формы взаимодействия выступают положения пункта 4 ч. 2 ст. 38 и пункта 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ, как позволяющие следователю и дознавателю направлять органу дознания (в том числе инспектору ПДН как иному должностному лицу органа дознания) обязательные для исполнения поручения о производстве следственных действий и иных процессуальных действий. Выступая дополнением нормативных положений, пункт 2.16 приказа МВД России от 15 октября 2013 года № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» также регламентирует возможность инспектора ПДН исполнять поручения органа расследования в пределах своей компетенции. При этом пределы этой компетенции тут же ограничиваются двумя действиями: сбор характеризующей информации на несовершеннолетнего и обследование жилищно-бытовых условий его проживания, что, как представляется, ограничивает инспектора ПДН в выборе средств достижения поставленных перед ним целей (в отличие от ситуации, когда поручение исполняется должностными лицами, наделенными правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность).

С одной стороны, можно согласиться с тем, что инспектора ПДН не должны отвлекать от профильной деятельности, с другой – поручение следователя (дознавателя), как правило, направляется в целях установления причастности самого несовершеннолетнего к совершенному преступлению или иных лиц к его вовлечению (что само по себе также является преступлением). Исполняя подобное поручение, в правоприменительной практике не являются редкостью ситуации, когда, обследуя условия проживания несовершеннолетнего, должностное лицо инспекции ПДН обнаруживает предметы и документы, имеющие значение для расследуемого уголовного дела[2]. Возникает вопрос о порядке их незамедлительного изъятия, так как это не предусмотрено ни процедурой того действия, которое разрешено Инструкцией, ни предполагается формой соответствующего акта обследования. Кроме того, сбор характеризующего материала оформляется справкой или характеристикой без возможности иной формы фиксации получаемых вербальных сведений (например, объяснение, допрос).

2. Оказание содействия при производстве следственных действий. В соответствии ч. 7 ст. 164 УПК РФ следователь (дознаватель) вправе привлечь для оказания содействия при производстве следственных действий лишь тех должностных лиц, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность. Инспектор ПДН к таковым не относится, что фактически стало нормативным препятствием содержательного участия такого должностного лица в следственных действиях с несовершеннолетними. Использование компетенции инспектора ПДН, на наш взгляд, не должно сводиться к ведомственному уточнению – содействие в приглашении педагога для участия в следственных действиях, проводимых с участием несовершеннолетних (п. 2.18 приказа МВД России от 15 октября 2013 г. № 845). Представляется правильным участие в форме возможности задать вопросы, способствование установлению психологического контакта, разъяснение правовых последствий и форм окончания производства по уголовному делу (способов возмещения вреда и т.п.). При этом такой формат вовлеченности инспектора ПДН необходим как при работе с несовершеннолетним, так и с их законными представителями.

Важно понимать, что инспектор ПДН имеет особый административно-правовой

[1] См., напр.: Артамонов А.Н. Общие условия предварительного расследования : учебное пособие. Омск, 2009. С. 59.

[2] Подобные ситуации были выявлены при изучении контрольных производств органов предварительного расследования и инспекций ПДН УТ МВД России по СФО.

статус; руководствуясь прежде всего Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» рассматриваемое должностное лицо, независимо от наличия/отсутствия уголовного дела, параллельно осуществляет доказывание тех обстоятельств, которые совпадают как с общим (ст. 73 УПК РФ), так и специальным предметом доказывания по уголовному делу (ст. 421 УПК РФ). В частности, устанавливаются: а) личность несовершеннолетнего, его законных представителей, круг его общения; б) обстоятельства совершения противоправного действия; в) условия его проживания, обучения; г) психофизиологическое состояние и необходимость оказания несовершеннолетнему медицинской помощи; д) влияние на несовершеннолетнего взрослых, установление фактов склонения к противоправной деятельности[1]. Указанное позволяет ставить вопрос о расширении процессуальных возможностей взаимодействия следователя не только с сотрудниками оперативных подразделений, но, как в описанном случае, с инспектором ПДН путем корректировки ч. 7 ст. 164 УПК РФ (общие правила производства следственных действий).

3. Осуществление розыска скрывшегося несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. При объявлении лица в розыск до приостановления производства по уголовному делу следователь обладает весьма широким набором средств по отысканию такого подозреваемого (обвиняемого): следственные и иные процессуальные действия, розыскные меры (п. 38 ст. 5 УПК РФ), направление поручения органу дознания. Однако после принятия решения о приостановлении предварительного расследования интенсивность доказывания и поисковой деятельности снижается из-за нормативного запрета производства следственных действий (ч. 3 ст. 209 УПК РФ). На первый план выходят «внепроцессуальные» поисковые возможности, в реализации которых по профилю деятельности может оказать содействие сотрудник инспекции по делам несовершеннолетних. При этом считаем, что сам факт объявления несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в розыск должно выступать самостоятельным основанием для начала такой деятельности, не требующим направления дополнительного поручения.

4. Исполнение мер процессуального принуждения. Взаимодействие следователя с инспектором ПДН в части применения мер процессуального принуждения можно рассматривать в двух вариациях. Во-первых, деятельность инспектора ПДН обеспечена весьма серьезным принудительным потенциалом: возможность доставления несовершеннолетнего и его законных представителей в дежурную часть органа внутренних дел или к следователю; направление несовершеннолетнего для оказания последнему медицинской помощи в случаях выявления какого-либо вида опьянения (наркотического, алкогольного, токсического или иного) и др., что само по себе может выступать формой его участия в производстве по уголовному делу.

Во-вторых, при избрании меры пресечения, не связанной с лишением свободы, следователь обязан[2] уведомлять об этом соответствующие органы полиции с целью организации контроля за подозреваемыми (обвиняемыми), а также недопущения совершения ими новых преступлений. Кроме того, уголовно-процессуальный закон допускает избрание в отношении несовершеннолетнего лица специальной меры пресечения – присмотр за ним (ст. 105 УПК РФ), что предполагает как собственно установление возможности ее применения (исследование места проживание, уровень доверия между несовершеннолетним и законными представителями, возможность обеспечения ими надлежащего поведения преследуемого), так и последующий контроль исполнения.

5. Установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления и внесение соответствующего представления об их устранении. По профилю своей деятельности инспектор ПДН прежде всего профилактирует девиантное поведение и безнадзорность несовершеннолетних, что пред-

[1] Настольная книга инспектора по делам несовершеннолетних : методическое пособие / под. ред. С.И. Гирько и Ю.Н. Давыдова. М., 2014. С. 129-130.

[2] Указанное положение содержал ныне утративший приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»), однако полагаем, что само положение не утратило фактической целесообразности.

определяет его непосредственное участие не только в доказывании обстоятельств, способствовавших совершению преступления, но и его вовлеченность в принятие мер по их устранению (составление обобщенного представления, участие в подготовке материалов, необходимых для внесения в суд предложений о применении к родителям мер воздействия, предусмотренных законодательством РФ и т.п.).

Муравьев К.В.,

доктор юридических наук, доцент,
Академия управления МВД России (г. Москва)

Дежнев А.С.,

доктор юридических наук, профессор, профессор
Омская академия МВД России

РАЗРЕШЕНИЕ ВОПРОСА О ГРАЖДАНСКОМ ИСКЕ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

При принятии решений о прекращении уголовного дела в досудебном производстве обнаруживаются недостатки законодательного регулирования в части удовлетворения исковых требований, заявленных потерпевшим, гражданским истцом. Данным участникам процесса следователь, дознаватель обязаны разъяснить право предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства, если уголовное дело прекращается по ряду оснований, указанных в ч. 4 ст. 213 УПК РФ (например, отсутствие в деянии состава преступления, истечение сроков давности уголовного преследования, смерть подозреваемого, обвиняемого). Однако смена режима реализации конституционного права на компенсацию ущерба, причиненного преступлением, существенным образом ограничивает возможности потерпевшего, так как его правовое положение (ст. 42 УПК РФ) существенным образом отличается от истца (ст. 35, 38 ГПК РФ). В гражданском процессе, в силу особенностей процедуры, происходит потеря ряда гарантий, связанных с отсутствием представителей власти, осуществляющих обвинительную деятельность и, в целом, процесс доказывания. Потерпевшему приходится самостоятельно, как правило, за свой счет заботиться о квалифицированной защите личных имущественных интересов. Фактически он вынужден отстаивать свои интересы дважды: в уголовном процессе – как потерпевший, а затем в гражданском – как истец[1].

В одном из постановлений Конституционный Суд РФ формулирует требование о сохранении процессуальных гарантий прав лиц, в том числе о гарантии признания в приговоре права на удовлетворение гражданского иска при обосновании в нем фактической принадлежности имущества определенному лицу[2]. Средствами уголовного судопроизводства должна констатироваться доказанность указанного обстоятельства. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 309 УПК РФ при постановлении обвинительного приговора суд обязан разрешить предъявленный по делу гражданский иск. Лишь при необходимости произвести дополнительные расчеты, а также другие действия, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере его возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства[3].

Между тем нельзя забывать, что в рамках гражданского процесса в силу диспозитивных начал действуют иные механизмы доказывания. С учетом данной особенности для реализации гарантий прав и законных инте-

[1] Гаврилов М.А. Гражданский иск при прекращении судом уголовного дела в связи со смертью обвиняемого // Российский судья. 2018. № 11. С. 17-23.

[2] По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 УПК РФ в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой : постановление Конституционного Суда РФ от 17.04.2019 № 18-П (далее – постановление № 18-П) // Российская газета. 2019. 29 апреля.

[3] О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 // Российская газета. 2016. 7 декабря.

ресов участников уголовного судопроизводства должна исключаться необходимость повторного установления обстоятельств, уже исследованных в рамках уголовного дела. Ранее принятые судебные решения должны иметь преюдициальное значение, что вытекает из содержания ч. 4 ст. 61 ГПК РФ. Фактическому доказыванию необходимо подвергать лишь те обстоятельства, которые не были установлены в рамках уголовного дела ввиду их существенного значения для разрешения имущественного спора.

Само по себе юридическое значение установленных в уголовном деле обстоятельств преступной деятельности, в том числе и ее имущественная составляющая, может быть разной. Одно дело, когда судебное решение о виновности лица уже состоялось, и приговор вступил в законную силу: доказанность события преступления, виновность лица и факт причинения им имущественного вреда (п. 4 ч. 2 ст. 73 УПК РФ) подтверждены властным решением суда. Здесь при передаче решения отдельных вопросов дела в гражданский процесс (напр., п. 6 ч. 3 ст. 81, ч. 2 ст. 309 УПК РФ) особых сложностей, как правило, не возникает, действуют правила преюдиции (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ). В другой ситуации уголовное дело может быть до конца не расследовано и прекращено следователем, дознавателем в соответствии с основаниями, предусмотренными в ч. 4 ст. 213 УПК РФ. При таких условиях разрешение имущественных споров в гражданском процессе неизбежно будет сталкиваться с необходимостью изучения обстоятельств преступного события, его влияния на характер имущественных претензий потерпевшего, гражданского истца. Проблема осложняется тем, что согласно ч. 4 ст. 61 ГПК РФ правила преюдиции связываются лишь с судебными решениями по уголовному делу. Выводы следователя, дознавателя неизбежно будут требовать дополнительной проверки в рамках гражданского судопроизводства. Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что согласно ч. 1 ст. 67 и ч. 1 ст. 71 ГПК РФ данные предварительного расследования должны быть приняты судом в качестве письменных доказательств. Они, наряду с другими имеющимися в деле доказательствами, оцениваются судом по своему внутреннему убеждению, основанному на их всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании[1].

Высший судебный орган конституционного контроля отметил также, что для потерпевшего сохраняется возможность защитить свои права и законные интересы в порядке гражданского судопроизводства с учетом правил о сроках исковой давности. Обвиняемый (подсудимый) не освобождается от обязательств по возмещению причиненного противоправным деянием ущерба. Соответственно потерпевшему должно обеспечиваться содействие со стороны государства в лице его уполномоченных органов в получении доказательств, подтверждающих факт причиненного ущерба[2].

Несмотря на сохранение определенных гарантий защиты имущественных интересов потерпевшего по уголовному делу в гражданском процессе, полагаем, что эффективность такого рода правоприменительной деятельности суда, в силу специфики гражданско-процессуальных процедур, может оказаться достаточно низкой. Например, преюдициальное значение в гражданском процессе имеет лишь судебное решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, но не аналогичное постановление следователя или дознавателя (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ). Ситуация имеет неоднозначный характер, особенно когда суд, не приступая к судебному следствию, без изучения доказательств, принимает решение о прекращении уголовного дела на стадии предварительного слушания (п. 4 ч. 1 ст. 236 УПК РФ). В данном случае имеются отличия в субъектах принятия решений, но не в процессуальных гарантиях реализации судебной власти, либо обоснованности прекращения уголовного дела или преследования. Такая конструкция преюдиции в гражданском судопроизводстве ставит в неравное положение потерпевших от преступления с другими участниками правового спора. В одном случае, на него возлагается обязанность доказывания преступного события и связанного с ним вреда, а у лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, соответственно, имеется процессуальная возможность оспо-

[1] По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова : постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 № 4-П // Российская газета. 2017. 13 марта.

[2] Там же.

рить данные обстоятельства. В другом – потерпевший освобождается от обязанности доказывания, а лицо, в отношении которого прекращено уголовное дело судом, не вправе оспорить такие обстоятельства. На этом фоне высказываются предложения закрепить возможность принятия решения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям лишь по судебному решению для защиты прав и законных интересов потерпевшего[1]. Считаем, что с учетом образовавшегося законодательного пробела в этой части такой подход не лишен смысла.

Особенно остро вопрос о защите прав и законных интересов потерпевшего может стоять в тех случаях, когда решение о прекращении уголовного дела принимается на первоначальном этапе расследования, когда доказательства собраны не в полном объеме. В такой ситуации на потерпевшего фактически перекладывается весь объем работы по доказыванию, которую должны выполнять органы предварительного расследования. Для решения проблемы следует поддержать идею об оптимизации правовых условий, связанных с прекращением уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям, и рассматривать согласие подозреваемого, обвиняемого на прекращение производства такого рода в более широком значении – о том, что вменяемое противоправное деяние имело место и совершено именно им, а также о признании гражданско-правовых последствий соответствующего деяния. Данное волеизъявление целесообразно воспринимать как признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения (ч. 2 ст. 68 ГПК РФ). Его необходимо включить в одно из обязательных условий для прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям. Оно будет считаться основанием для освобождения от доказывания потерпевшим обстоятельств преступного события в гражданском судопроизводстве ввиду их признания другой стороной[2].

Кроме того, возникают проблемы, вызванные необходимостью обеспечения сохранности имущества, подвергнутого аресту в порядке ст. 115 УПК РФ. При прекращении уголовного дела в силу п. 8 ч. 2 ст. 213 УПК РФ наложение ареста на имущество отменяется. Для реализации исковых требований, возмещения вреда, причиненного преступлением, далеко не всегда удается сохранить это имущество. Требуется не только оперативно возбудить гражданское дело, но и арестовать имущество в порядке, предусмотренном главой 13 ГПК РФ. В сложившихся условиях неизбежно возникает перерыв в обременении спорного имущества. Соответственно гражданский ответчик, помимо освобождения от уголовной ответственности, получает потенциальную возможность скрыть свое имущество для освобождения от материальной ответственности за совершенное преступление. Сходный недостаток законодательного регулирования приведен Конституционным Судом РФ в постановлении № 18-П применительно к переводу ареста имущества из уголовного в гражданское (арбитражное) судопроизводство после вступления приговора в законную силу. Высший судебный орган конституционного контроля обратил внимание на то, что наложение ареста на имущество носит временный характер, а потому не может выходить за рамки уголовно-процессуальных отношений. Соответственно, его действие возможно лишь на период предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела, но арест не должен сохраняться после окончания судебного разбирательства и вступления приговора в законную силу. На этом фоне для возмещения причиненного преступлением вреда требуется дополнительное законодательное регулирование, предполагающее перевод ареста имущества из уголовного в гражданское (арбитражное) судопроизводство[3].

Таким образом, описываемая проблема образует два аспекта. Один вопрос связан с доказыванием обстоятельств, позволяющих установить принадлежность спорного имущества. Он, с учетом описанного выше содержания ч. 4 ст. 61 и ч. 2 ст. 68 ГПК РФ, имеет предпосылки для разрешения. Второй вопрос – об обеспечении сохранности спорного имущества. Представляется целесообразным для потерпевшего, гражданского истца до окончания производства по уголовному

[1] Загоруйко И.Ю., Егоров Б.Д. Вопросы межотраслевой преюдиции судебных актов, постановленных по уголовным делам и по делам об административных правонарушениях, в гражданском процессе Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2020. № 6. С. 257-258.

[2] Там же. С. 260.

[3] Постановление № 18-П.

делу и, соответственно, отмены ареста на имущество инициировать возбуждение гражданского дела в суде с последующим арестом спорного имущества. Разъяснение заинтересованным лицам данной возможности в рамках ст. 213 и ст. 309 УПК РФ должно осуществляться заблаговременно[1] – до прекращения уголовного дела или уголовного преследования, а также до вступления приговора в законную силу. Полагаем, это требует внесения соответствующих дополнений в действующее нормативное регулирование.

Вахтель В.Г.

Красноярский государственный аграрный университет

О необходимости учета когнитивных особенностей участников уголовного судопроизводства из числа лиц, участвовавших в боевых действиях

Специальная военная операция (СВО) России, проводимая в отношении Украины, начавшаяся в феврале 2022 года, обусловила целый ряд последствий политического, экономического, социального, культурного и т.д. характера. Одним из важнейших таких последствий стало повышенное внимание к участникам СВО со стороны государства в вопросах их социального обеспечения и социальной защиты[2]. В основе этого лежит понимание значимости тех рисков для жизни и здоровья, с которыми сталкиваются данные лица. Однако представляется необходимым распространить данный подход и на другие сферы общественных отношений. В частности, на уголовное судопроизводство.

Результаты исследований, проводимых в НМИЦ психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева[3], свидетельствуют, что посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) получают:

– участники боевых действий: от 3% до 11% (при том, что ряд ученых отмечают иные, более высокие значения выявления симптомов – более чем у трети комбатантов[4]);

– участники боевых действий с ранениями и тем более увечьями: от 14% до 17%, а расстройства пограничного уровня – 30%.

Вероятность ПТСР увеличивает длительность пребывания в условиях боевых действий. Например, отмечено, что у служивших в Афганистане 6 мес. риск развития психопатии был 15%, а 1,5 года – уже 29%[5].

Исследования, проведенные в отношении участников военных действий в Карабахе, спустя 15 лет на базе Центра психического здоровья «Стресс» (Ереван, Республика Армения) выявили:

– депрессивные расстройства (34,4%),

– субдепрессивные расстройства (31,2%),

– сенестопатические проявления (9,4%),

– навязчивые явления (9,4%),

– астеническое расстройство (9,4%),

– галлюцинаторное, параноидное расстройство (по 3,1%)[6].

[1] Химичева О.В., Тутынин И.Б. Об отмене ареста имущества при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) с позиций обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности : сборник материалов международной научно-практ. конф. Краснодар, 2024. Ч. 2. С. 251-258.

[2] Журавлева М.А., Берестова Л. И. Приоритеты государственной политики по организации социальной защиты участников СВО // Государственная служба. 2023. Т. 25. № 4(144). С. 88-93; Бонкало Т.И. Комплексная реабилитация участников специальной военной операции на Украине : Дайджест январь-февраль 2023. М. : ГБУ города Москвы «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы», 2023. 39 с. и др.

[3] Организация оказания медицинской помощи лицам с посттравматическим стрессовым расстройством : методические рекомендации / Н.В. Семенова, А.Ю. Гончаренко, С.В. Ляшковская, М.Ю. Попов [и др.]. СПб.: НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева 2022. 36 с.

[4] Sukiasyan S. Posttraumatic or peritraumatic disorders: diagnostic dilemma. Current Therapy of Mental Disorders. 2022;(3):3-13., Reznik AM, Kostyuk GP. Mental disorders in participants and veterans of military operations (conditions and mechanisms of development, clinical manifestations, approaches to psychiatric care, treatment). Moscow : «KDU», «Doborsvet». 2023. 176 p.

[5] Посттравматическое стрессовое расстройство / под ред. В.А. Солдаткина; ГБОУ ВПО РостГМУ Минздрава России. Ростов-на-Дону: Изд-во РостГМУ, 2015. 624 с.

[6] Тадевосян М.Я. Посттравматическое стрессовое расстройство у ветеранов войны: данные катамнестического наблюдения // Российский психиатрический журнал. 2011. № 3. С. 52-58.

Однако реальные цифры могут быть и того больше, так как не все участники боевых действий обращаются за специализированной медико-психолого-психиатрической помощью из-за имеющихся у них заблуждений относительно своих способностей справиться с последствиями психотравмы самостоятельно, недоверия к медицинской системе, непонимания первопричины происходящего с ними и т.д.[1]

И хотя в медицине, как обращают внимание Г.А. Фастовцов, С.В. Данилова, Е.А. Соколова, «до настоящего времени отсутствует единая позиция о динамике и клинических проявлениях ПТСР, уровне нарушения психической деятельности»[2], тем не менее относительно основных негативных проявлений данного синдрома, касающихся его воздействия на психику и когнитивные функции участников боевых действий мнения схожи.

Так, М.Я. Тадевосян, обобщая свои многолетние исследования участников боевых действий, пишет, что «в ходе развития ПТСР практически у всех обследованных формируются органические изменения головного мозга, синдромы так называемого психоорического круга, которые проявляются чаще психопатоподобными (псевдопсихопатическими) расстройствами личности, посттравматическим мозговым синдромом, начальными проявлениями органического психосиндрома»[3]. И абсолютно верно делает общий вывод, что «учет этих особенностей ПТСР важен не только в диагностическом и терапевтическом аспекте, но и для решения вопросов реабилитации и ресоциализации участников боевых действий». Тем более, что для ПТСР характерен продолжительный период излечения, от полугода и более, однако с далеко не всегда благоприятным исходом, о чем в том числе свидетельствуют данные, приведенные выше. Выздоравливают 20-30% лиц, у 40-60% сохраняются различные нарушения, а у 10-20% состояние переходит в хронические формы[4].

Учитывая статистику участия физических лиц в уголовном судопроизводстве в качестве обвиняемых, потерпевших и свидетелей, с одной стороны[5], и примерное (точных цифр нет, так как не ведется официальный учет данных социальных групп) количество населения России, относимое к категории участники боевых действий как с выявленным и установленным синдромом ПТСР, так и латентных его носителей[6], вероятность того, что последние будут вовлекаться в уголовный процесс очень велика. Тогда как в нормах действующего УПК РФ отсутствуют нормы, которые правоприменитель мог бы применять в отношении таких участников. Современное российское уголовно-процессуальное законодательство достаточно казуистично отражает понимание особенностей лиц с ограниченными физическими и когнитивными ограниченными возможностями[7], к которым относятся и участники боевых действий.

В связи с изложенным представляется важным обозначить вопрос необходимости уделения внимания участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых известен факт их участия в боевых действиях[8].

Должностному лицу, в чьем ведении на тот момент находится производство по уголовному делу, необходимо учитывать данный факт как основание для производства ряда процессуальных действий (запрос в медицинское учреждение, в определенных си-

[1] Изосимова Т. Почему люди с ПТСР отказываются обращаться за помощью URL: https://www.b17.ru/article/502748/ (дата обращения: 26.12.2024).

[2] Фастовцов Г.А., Данилова С.В., Соколова Е.А. Диагностическая концепция посттравматического стрессового расстройства в судебно-психиатрической практике // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2012. № 5(42). С. 67-70.

[3] Тадевосян М.Я. Указ. соч.

[4] Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия: в 2 т. / пер с англ. М. : Медицина, 1994. Т. 1. С. 672-673; Brom D, Kleber RJ, Witztum E. The prevalence of posttraumatic psychopathology in the general and the clinical population. Isr J Psychiatry Relat Sci. 1992. 28(4). С. 53-63.

[5] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 27.12.2024); Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019-2023 годы» : постановление Правительства Российской Федерации от 25.10.2018 № 1272.

[6] Парламентская газета. 2020. 1 июля. URL: https://www.pnp.ru/social/ (дата обращения: 27.12.2024).

[7] Курбатова С.М. Лица с ограниченными возможностями как участники уголовного судопроизводства // Российский судья. 2023. № 4. С. 37-42.

[8] Вахтель В.Г. Участие в боевых действиях как фактор риска процессуальной уязвимости участника уголовного судопроизводства // Аграрное и земельное право. 2024. № 12(240). С. 484-486.

туациях – назначение судебно-психиатрической экспертизы и др.), направленных на обеспечение реализации процессуальных прав и законных интересов таким участникам. При этом необходимы и законодательные изменения. Например, регламентирующие возможность при необходимости привлечения психолога-специалиста для участия в процессуальных действиях; предоставление защитника/адвоката по назначению подозреваемым, обвиняемым/потерпевшим, свидетелям для участников из числа лиц с синдромом ПТСР, повлекшим негативные последствия для когнитивных функций головного мозга и влияющим на уголовно-процессуальную дееспособность. Это обуславливает значимость соответствующей подготовки сотрудников правоохранительных органов, прокуратуры и судов, а также разработки соответствующего методического обеспечения. И конечно же необходимость проведения научных исследований в данной области.

Кузора С.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Морской государственный университет имени Г.И. Невельского (г. Владивосток)

Проблемы возбуждения уголовных дел капитанами морских судов

С древних времен человечество для реализации своих потребностей использует просторы морей и океанов. В настоящее время сотни кораблей под флагом РФ бороздят просторы морей и океанов. Однако, к сожалению, иногда на борту судов случаются события, имеющие признаки деяния, запрещенного уголовным законом. В этом случае государство в лице своих специально уполномоченных уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК) органов и в порядке, предусмотренном УПК, обязано принять меры по возбуждению уголовного дела и проведению расследования. Частью 2 ст. 40 УПК на органы дознания возлагается, в том числе, производство дознания и выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, – в порядке, установленном статьей 157 УПК. При этом согласно ч. 1 ст. 40 УПК к органам дознания относятся:

– органы внутренних дел и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные управления (отделы, отделения, пункты) полиции, а также иные органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности;

– органы принудительного исполнения;

– начальники органов военной полиции Вооруженных Сил РФ, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов;

– органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы.

В силу удаленности морских судов от берегов РФ участие органов предварительного следствия и органов дознания не всегда возможно и п. 1 ч. 3 ст. 40 УПК наделяет капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, полномочиями по производству неотложных следственных действий. Под действие данной нормы подпадают только капитаны невоенных судов, поскольку командиры военных кораблей приравниваются к командирам воинских формирований. Вид плавания (малый каботаж, большой каботаж, заграничное плавание) в данном случае не играет роли. Главное, чтобы судно в период плавания находилось в месте, где отсутствуют постоянно действующие органы дознания, и его прибытие в указанное место было невозможно в течение краткого времени[1].

Изучение проблемы производства неотложных следственных действий по факту совершения преступления, совершенного на борту морского или речного судна, находя-

[1] Стельмах В.Ю. Особенности уголовно-процессуальной деятельности в дальнем плавании, на территории экспедиций и зимовок, в Антарктике, на территории дипломатических и консульских представительств Российской Федерации // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 125-133.

щегося в дальнем плавании, наталкивается на несколько препятствий.

Согласно ст. 69 Кодекса торгового мореплавания (КТМ) РФ[1], при обнаружении на судне, находящемся в прибрежном или заграничном плавании, признаков преступления капитан выступает в качестве органа дознания, проводя неотложные следственные действия, руководствуясь при этом УПК РФ. Однако первоначальные действия капитана, получившего сообщение о преступлении на борту судна, регламентируются приказом Минтранса РФ от 23 ноября 2012 г. № 407 «Об утверждении Порядка и особенностей выполнения капитаном судна действий, не относящихся к процессуальным, в случае возбуждения уголовного дела публичного обвинения». Согласно данного приказу о факте принятия сообщения о преступлении капитан судна делает запись в судовом журнале. Указанная запись должна содержать сведения о дате, о координатах местоположения судна, времени того часового пояса, по которому фактически поставлены судовые часы в данный момент времени, о форме сообщения, сведения о лице, сообщившем о преступлении (фамилия, имя, отчество, дата рождения, адрес места жительства, сведения о документе удостоверяющем личность лица, сообщившем о преступлении; фамилия, имя, отчество, должность – в случае, если лицом, сообщившем о преступлении, является член экипажа судна). Материалы и документы, относящиеся к предмету расследования, должны быть подшиты, пронумерованы, занесены в прилагаемую опись, оформлены в виде единого дела и храниться на борту судна в месте ограниченного доступа (сейф) до прихода судна в первый морской порт Российской Федерации. В судовом журнале делается запись об уведомлении прокурора о начатом расследовании в соответствии с ч. 4 ст. 146 УПК РФ. Указанная запись должна содержать сведения о дате, о координатах местоположения судна, времени того часового пояса, по которому фактически поставлены судовые часы в данный момент времени. Однако возникает вопрос, какой именно прокурор должен уведомляться капитаном судна о начатом расследовании. С одной стороны, это должен быть транспортный прокурор по месту приписки судна, а с другой – это должен быть прокурор, к которому относится место нахождения судна в момент совершения преступления (если это территориальные воды РФ). На наш взгляд, необходимо в любом случае придерживаться первого варианта – уведомлять прокурора по месту приписки судна.

Следует иметь в виду, что капитан судна, как правило, не имеет ни специального юридического образования, ни соответствующего практического опыта, поэтому для него крайне важно иметь для такого случая соответствующую инструкцию, детально регламентирующую его действия. В свое время на борту судов, плававших под флагом СССР, действовала инструкция о выполнении функций органов дознания на морских судах, находящихся в плавании, которая была утверждена Генеральным прокурором СССР по согласованию с Министром морского флота СССР и Министром рыбного хозяйства СССР 7 августа 1974 г. Однако приказом Генеральной прокуратуры РФ от 3 августа 1998 г. 52 указанная инструкция, как и прочие нормативные и организационно-распорядительные документы, изданные Прокуратурой Союза ССР, была признана недействующей.

Некоторые авторы ошибочно предлагают капитанам судов использовать приказ Генпрокуратуры России от 23 октября 2014 г. № 150 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов». Инструкция в целом позволяет провести полный набор неотложных следственных действий и содержит бланки процессуальных документов с разъяснением порядка их проведения. Однако данная инструкция издана для Вооруженных сил РФ, и капитаны гражданских судов не могут ей пользоваться.

Разработка и принятие инструкции по аналогии с той, что принята для ВС РФ, позволила бы в случае необходимости провести капитанам судов неотложные следственные действия, но, к сожалению, до сегодняшнего дня не разработана.

[1] Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ.

Овчинников Ю.Г.,

кандидат юридических наук, доцент
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

Галата О.А.

Отдел уголовного розыска ОМВД России по г. Уссурийску Приморского края

Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних

Преступления, совершаемые несовершеннолетними, остаются актуальной проблемой современного общества. Их вовлечение в преступный мир ведет к деградации личности и наносит ущерб обществу. Несовершеннолетний преступник, встав на противоправный путь, может остаться на нем всю жизнь став рецидивистом. Такая модель поведения свойственна подросткам в силу того, что в этом возрасте формируются основные нравственные ценности и социальные установки, отношение к себе, к людям, к обществу. Более чем в 70% случаев лица, совершившие преступления в несовершеннолетнем возрасте, повторяют свой криминальный опыт уже будучи совершеннолетними[1].

По данным статистики МВД России, в 2023 году на территории Российской Федерации зарегистрированы 1 947 200 преступлений, что на 1% меньше, чем аналогичный период прошлого года (далее – АППГ). Из них каждое 37-ое (27 325 преступлений, 2,7% от общего числа) совершено несовершеннолетними или при их участии. Выявлено по данным преступлениям несовершеннолетних лиц – 22 340 (–15,1% АППГ). Из них ранее совершавших преступления – 5 156 лиц (–9,2%), ранее судимых – 1 990 (–15,9%), в состоянии алкогольного опьянения – 2 340 (–19,8%), в состоянии наркотического опьянения – 60 (–16,7%)[2].

Примечательно, что еще 10 лет назад данные показатели были определенно выше, чем в 2023 г. Так, в 2018 г. каждое 25-ое преступление совершено подростками (всего 43 553 преступления), а в 2013 г. данный показатель составлял 67 225 преступлений, т.е. каждое 18-ое от общего числа расследованных. При этом в 2013 г. Приморский край вошел в число 10 субъектов РФ с наибольшим удельным весом данного показателя от общего числа преступности (9,0%) и занимал 3-е место в рейтинге, а в 2019 г. – уже 9 место из 10 среди регионов с высоким процентом несовершеннолетних, совершивших преступления (6,1%). В настоящее же время Приморский край по итогам 2023 г. занимает 67 место из 89 в рейтинге субъектов РФ по уровню преступности[3] и не входит в десятку субъектов РФ по высоким статистическим данным подростковой преступности.

Согласно статистическим данным УМВД России по Приморскому краю[4], за 2023 г. на территории данного субъекта всего расследованы 14 233 уголовных дела, в которых участвовали 12 209 лиц. За 2022 г. данные показатели были несколько выше – 15 084 расследованных уголовных дела, в результате которых привлечены к уголовной ответственности 13 347 лиц. Из общей массы раскрытых преступлений 3,4% составляют те, которые совершены несовершеннолетними – 491 преступления в 2023 г. (АППГ – 596), т.е. наблюдается снижение на 17,6%. В данных преступлениях в 2023 г. участвовали 469 несовершеннолетних (АППГ – 578), т.е. их количество снизилось на 18,9% относительно 2022 г.

Подростки, привлекаемые в качестве обвиняемых, составляют особую категорию населения, что подчеркивается главой 50 УПК РФ, входящей в раздел XVI, посвященной особенностям рассмотрения дел по определенным категориям. Согласно данному за-

[1] Фоменко Е.Д. Повторное совершение преступлений среди несовершеннолетних // Вестник науки. 2023. № 6 (63). С. 482-486.

[2] Статистические данные МВД России за 2023 г. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751 (дата обращения: 29.01.2025).

[3] Рейтинг регионов по уровню преступности. Риановости. URL: https://ria.ru/ 20240122/prestupnost-1922027026.html?in=t (дата обращения: 29.01.2025).

[4] Статистические данные ИЦ УМВД России по Приморскому краю за 12 месяцев 2023 г., за 12 месяцев 2022 г., служебный доступ в ИБД «Статистика».

кону, выделяют ряд особенностей, которые необходимо учитывать при производстве по уголовным делам рассматриваемой категории.

1. Специальный предмет доказывания. Помимо обстоятельств, подлежащих доказыванию, перечисленных в ст. 73 УПК РФ (общий предмет доказывания), по уголовным делам в отношении несовершеннолетних также должны быть установлены еще и дополнительные (ст. 421 УПК):

а) возраст, день, месяц и год его рождения;

б) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, которые могут повлиять на формирование его личности как преступника (в том числе, употреблял ли систематически спиртные напитки, наркотики, занимался ли бродяжничеством или попрошайничеством и т.п.[1]);

в) уровень его психического развития (если у органов расследования возникают сомнения в его психическом состоянии, целесообразно назначить психиатрическую экспертизу);

г) влияние на несовершеннолетнего со стороны старших по возрасту (проверяется, мог ли он быть вовлечен в преступление под давлением других лиц и стать соучастником);

д) по преступлениям средней тяжести или тяжким преступлениям устанавливается наличие или отсутствие заболеваний у несовершеннолетнего, которые могут помешать его содержанию и обучению в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа. Данное обстоятельство в дальнейшем учитывается судом для рассмотрения вопроса о возможности освобождения его от наказания и направления в такое учреждение (ч. 2 ст. 92 УК РФ).

2. Обязанность выделение уголовного дела. В случае совершения преступления совместно с совершеннолетним уголовное дело в отношении несовершеннолетнего выделяется в отдельное производство (ст. 422 УПК). Если выделить дело невозможно, необходимо обеспечить меры, предотвращающие негативное влияние совершеннолетних соучастников на несовершеннолетнего обвиняемого[2].

3. Обязательное привлечение отдельных участников:

а) законный представитель несовершеннолетнего – с момента первого допроса в качестве подозреваемого (ст. 48, 426 УПК);

б) защитник – на самых ранних этапах расследования при наличии установления фактических оснований причастности к совершению преступления, как правило, с момента задержания или первого допроса в качестве подозреваемого (п. 2 ч. 1 ст. 51, ч. 2 ст. 425 УПК);

в) педагог или психолог – при допросе, если подозреваемый не достиг 16 лет или достиг, но страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии (ч. 3 ст. 425 УПК). Если показания получены без участия данных лиц, то они являются недопустимыми доказательствами[3].

4. Особенности при избрании мер процессуального принуждения:

а) при задержании, заключении под стражу или продлении срока содержания под стражей незамедлительно уведомляются его законные представители (п. 12 ст. 5, ч. 3 ст. 423 УПК);

б) предусмотрена специальная мера пресечения для данной категории лиц – присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105 УПК);

в) заключение под стражу применяется только в случае, если он подозревается (обвиняется) в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего обвиняемого в совершении преступления средней тяжести (ч. 2 ст. 108 УПК). Следует учитывать положения ч. 6 ст. 88 УК РФ, по смыслу которой заключение под стражу не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые[4].

[1] Ахмедова У.Н. Особенности деятельности следователя по доказыванию преступлений, совершенных несовершеннолетними // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 33.

[2] Нобель А.Р., Пупышева С.Ю., Смирнов У.С. Особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Мир науки и мысли. 2023. № 4. С. 102-106.

[3] О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (п. 9).

[4] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (п. 10).

5. Порядок вызова к должностным лицам и допрос. Вызов несовершеннолетнего к органам предварительного расследования для осуществления процессуальных действий осуществляется через его законных представителей (администрацию учреждения, если он находится в специализированном заведении для несовершеннолетних). Допрос ограничен во времени. Он не может превышать 4 часов в день, при этом непрерывный допрос не должен превышать 2 часов (ч. 1 ст. 425 УПК).

6. Ознакомление с делом. По мнению отдельных исследователей (четких норм при этом в законе не закреплено – авт.), при ознакомлении несовершеннолетнего обвиняемого с материалами дела, психика у которого еще не устойчива, следователь имеет право предоставить таковые не в полном объеме и не показывать те, которые могут оказать на него негативное влияние. При этом законный представитель и защитник имеют право ознакомиться со всеми материалами в полном объеме[1] (п. 7 ч. 2 ст. 426 УПК).

Таким образом, в процессе досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, которые относятся к особой категории граждан, законодатель акцентирует внимание на соблюдении их прав и законных интересов.

Прохорова Е.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

О ПРОБЕЛАХ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПОРЯДКА НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Включив назначение и производство судебной экспертизы в перечень действий, осуществляемых при рассмотрении сообщения о преступлении[2], законодатель предпринял определенные меры по согласованию новой уголовно-процессуальной нормы с другими нормами, образующими соответствующие правовые институты: дополнил ст. 144 УПК РФ некоторыми общими для данного этапа положениями, касающимися прав участвующих в процессуальных действиях лиц, возможности использования полученных сведений в качестве доказательств и продления срока принятия решения по сообщению о преступлении, а также закрепил в ч. 4 ст. 195 УПК РФ предписание о возможности назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Такое юридико-техническое решение задачи по введению новой нормы в уже существующую правовую материю предполагает регулирование порядка назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела по правилам, установленным главой 27 УПК РФ, и призвано, с одной стороны, не допустить дублирования нормативных предписаний, а с другой, подчеркнуть, что производство следственных действий выступает для стадии возбуждения уголовного дела исключением из правил, являясь прерогативой предварительного расследования.

Подобным образом в УПК РФ регламентирован порядок производства осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов на стадии возбуждения уголовного дела, а в период действия УПК РСФСР 1960 года аналогичный вопрос был урегулирован еще проще – путем указания в ч. 2 ст. 178 на возможность производства осмотра места происшествия в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела, без какого-либо упоминания в ст. 109 об отнесении его к средствам доследственной проверки. Практика производства обозначенных следственных действий свидетельствует об отсутствии каких-либо проблем при реализации соответствующих положений закона, в виду чего отмеченные способы изложения

[1] Бобров В.К. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 32-40.

[2] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

нормативных правовых предписаний можно признать удачными.

Вместе с тем в практике назначения и производства судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела обнаружился ряд проблем, являющихся следствием пробелов в правовом регулировании соответствующих вопросов. Некоторые из них в последующем были восполнены законодателем, а отдельные существуют и по сей день.

Так, до внесения в 2019 г. изменений в ч. 1 ст. 307 УК РФ[1] возможность реализации на стадии возбуждения уголовного дела положений ч. 5 ст. 57, ч. 2 и 4 ст. 199 УПК РФ в части предупреждения эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, с учетом отсутствия каких-либо специальных предписаний на этот счет в главе 19 УПК РФ, оценивалась на практике неоднозначно[2], что иногда влекло признание заключений экспертов недопустимыми доказательствами[3], превращая саму возможность производства экспертиз в ходе проверки сообщений о преступлениях в фикцию.

До настоящего времени сохраняется неопределенность в решении вопроса о предоставлении лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ.

Несмотря на то что нормы, регламентирующие порядок назначения и производства судебной экспертизы, закрепленные в главе 27 УПК РФ, ввиду их общего характера действуют в той мере, в какой их действие не ограничено специальными нормами, как показывает практика, иногда в реализации указанных прав лицам, участвующим в проверке сообщения о преступлении, отказывают по формальным основаниям.

В частности, встречаются случаи, когда в качестве препятствия к реализации положений ст. 198 УПК РФ воспринимается отсутствие у лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, процессуального статуса подозреваемого.

Так, Великолукский городской суд Псковской области признал ссылку стороны защиты на нарушение прав Б.В.Е. в результате бездействия следователя по его ознакомлению с постановлением о назначении судебной экспертизы несостоятельной, поскольку «постановление о назначении судебной экспертизы вынесено … до введения Б.В.Е. в статус подозреваемого, то есть до возникновения у последнего права на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы»[4].

Кассационный военный суд посчитал факт ознакомления подозреваемого А. и его защитника с постановлением следователя о назначении экспертизы после ее проведения не влияющим на вывод о том, что «достоверность и допустимость в качестве доказательства заключения эксперта … по результатам судебной лингвистической экспертизы сомнений не вызывает», поскольку на момент назначения экспертизы А. не имел статуса подозреваемого[5].

Немаловажную роль в подобной оценке ситуации играют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, изложенные им в п. 9 постановления от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», согласно которому, ознакомление подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего с постановлением о назначении судебной экспертизы возможно после ее производства, если лицо признано подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим после назначения судебной экспертизы.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что для определения статуса лица значение имеет не только формальное его признание тем или иным участником производства по уголовному делу, но и его фактическое положение[6]. Несмотря на то что соответствующая право-

[1] О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 02.12.2019 № 410-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019 (часть V). № 49. Ст. 6969.

[2] Приговор Кисловодского городского суда Ставропольского края от 12.10.2017 по делу № 1-184/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Приговор Троицкого районного суда Алтайского края от 12.07.2019 по делу № 1-1/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Апелляционное постановление Великолукского городского суда Псковской области от 12.03.2021 № 10-3/2021// СПС «КонсультантПлюс».

[5] Кассационное определение Кассационного военного суда от 21.01.2020 № 77-3/2020 (УИД 39GV0001-01-2019-000281-73) // СПС «КонсультантПлюс».

[6] По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого,

вая позиция была сформулирована Конституционным Судом РФ в отношении права на защиту, представляется, что она может быть применена и в других случаях, когда речь идет о расширении прав лица, фактически подвергаемого уголовному преследованию[1], поскольку все они в определенной мере производны от его права на защиту.

Учитывая, что Верховный Суд РФ высказывал аналогичное мнение о необходимости исходить из фактического положения потерпевшего, правовой статус которого «лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им»[2], полагаем, что п. 9 рассматриваемого постановления не предполагает возможности отказа как лицу, фактически являющемуся потерпевшим, так и лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, то есть фактически подозреваемому в совершении преступления, в праве на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы до ее производства. Он касается случаев, когда на момент назначения экспертизы отсутствует информация о лицах, которые в последующем могут быть наделены соответствующими процессуальными статусами, например, решается вопрос о возбуждении уголовного дела по факту преступления, а не в отношении конкретного лица.

Тенденция наделения лица правами, исходя из его фактического положения, прослеживается и в уголовно-процессуальном законе, о чем свидетельствуют, например, п.п. 3, 5, 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, предоставляющие право пользоваться услугами защитника лицам, не наделенным процессуальным статусом подозреваемого, а также неоднозначность использования термина «потерпевший».

Во избежание практики незаконного ограничения прав лиц, принимающих участие в процессуальных действиях на стадии возбуждения уголовного дела, полагаем необходимым прямое указание в уголовно-процессуальном законе на то, что в случае назначения и производства экспертизы они обладают всеми правами, предусмотренными ст. 198 УПК РФ.

Калачева А.В.,

кандидат юридических наук
Академия управления МВД России (г. Москва)

Начальник органа дознания VS начальник подразделения дознания

На общем фоне наблюдаемых в последние годы постоянных корректировок Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) достаточно нестабильными видятся нормативные подходы к пониманию начальника органа дознания как участника правоотношений, присущих деятельности полиции и прочих правоохранительных органов по возбуждению и предварительному расследованию уголовных дел. Так, с момента принятия УПК РФ эти подходы претерпели уже несколько изменений, детерминированных стремлением к исключению, по крайней мере к минимизации существующей в этой части правовой неопределенности. Подобные намерения вытекают из пояснительных записок к соответствующим законопроектам.

Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» : постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П.

[1] Конституционный Суд РФ косвенно признает осуществление уголовного преследования в отношении лица на стадии возбуждения уголовного дела, что также свидетельствует о фактическом уравнивании статуса лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, со статусом подозреваемого, что следует, например, из анализа Определения Конституционного Суда РФ от 28.02.2023 № 478-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баева Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Подр.: Прохорова Е.А. Особенности правового регулирования статуса лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении // Теория и практика расследования преступлений: материалы XI международной научно-практической конференции, Краснодар, 13 апреля 2023 г. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2023. С. 528-532.

[2] О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17.

Сперва начальниками органа дознания предписывалось считать должностных лиц, призванных поручать дознавателям проведение ординарных дознаний (дознаний в общем порядке, предусмотренных гл. 32 УПК РФ). Несколько позднее, в июле 2003 года, нормативная дефиниция начальника органа дознания приобрела более конкретный смысл – под ними стали пониматься «первые» либо «вторые» лица соответствующих правоохранительных органов, способные поручать своим подчиненным проведение дознаний и осуществление неотложных следственных действий, а также располагающих некоторыми иными, предусмотренными Кодексом, полномочиями. И лишь в самом конце 2015 года вследствие еще одной модификации указанной нормы возник существующий по сей день легальный подход, в соответствии с которым основания для наделения лица статусом начальника органа дознания напрямую связаны с замещением им (лицом) определенной руководящей должности, предусмотренной штатами соответствующего ведомства, но без конкретизации его процессуальной роли и полномочий. В соответствии с призывами ряда ученых-процессуалистов[1] такие детали стали раскрываться в одновременно введенной в содержание закона специальной ст. 40.2 УПК РФ.

Объем компетенции начальника органа дознания весьма широк, но его полномочия далеко не однородны: некоторые из них предрасположены к осуществлению в контексте единоличной правосубъектности соответствующего должностного лица, тогда как другие – предполагают его участие в составе органа дознания в формальном значении[2]. Причем, скорее всего, разработчики ст. 40.2 УПК РФ просто не обратили на данную деталь никакого внимания, не придали ей никакого смысла. В противном случае содержание указанной статьи было бы несколько иным. В частности, полномочия, подлежащие реализации в порядке ординарного или сокращенного дознания, вряд ли стоило сливать в единое целое с внешне схожими полномочиями, предусмотренными для участия органов дознания в осуществлении неотложных следственных действий и исполнении локальных поручений следователей.

Конечно, для устранения возникающей путаницы проще всего было бы внести в положения ст. 40.2 УПК РФ некоторые изменения, предполагающие четкое разграничение полномочий начальника органа дознания на две самостоятельные подгруппы. Но должная реализация подобных правотворческих замыслов на сегодняшний день видится затруднительной из-за нормативных помех, обусловленных существованием еще одного процессуального статуса – начальника подразделения дознания (п. 17.1 ст. 5, ст. 40.1 УПК РФ).

Ведь будучи рассчитанными на должностных лиц, занимающих нижестоящие посты в административной иерархии органов дознания, эти положения во многом схожи с нормами, определяющими полномочия начальника органа дознания. Конечно, в целом объем процессуальной компетенции начальника органа дознания является более широким. Однако во многом функционалы начальника органа дознания и начальника подразделения дознания видятся практически неразличимыми.

Для справедливости все же стоит отметить, что в силу направленности специализированных отделов, отделений и групп дознания на проведение полноценных расследований уголовных дел полномочия их руководителей – начальников подразделений дознания по проведению неотложных следственных действий в порядке ст. 157 УПК РФ как бы отходят на задний план, являются сопутствующими. Вместе с тем полностью отрицать наличие таких полномочий было бы в корне неверным. Эти правовые возможности прямо предусмотрены законом и используются в практической деятельности правоохранительных органов. В частности, их востребованность в органах внутренних дел обусловлена внедрением прикладных рекомендаций, предполагающих преимущественное осуществление подобных функций именно теми самыми специализированными отделами, отделениями и группами дознания.

Во всех подобных случаях наблюдается несоответствие правоприменительной прак-

1 См.: Мичурина О.В. Некоторые замечания о системе органов дознания и необходимости ее совершенствования // Законодательство. 2007. № 2. С. 85; Григорьев В.Н., Победкин А.В., Калинин В.Н. Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 г. // Государство и право. 2008. № 6. С. 56-57 и др.

2 См.: Калачева А.В. О широком и узком подходах к пониманию органа дознания как субъекта уголовно-процессуальных отношений // Философия права. 2023. № 1. С. 90-94.

тики положениям ст. 157 и ряду других статей УПК РФ: в качестве ведущего субъекта-руководителя фактически выступает не начальник органа дознания, не «первое» либо «второе» лицо органа исполнительной власти (как это подразумевается по смыслу закона), а именно начальник подразделения дознания – начальник одного из структурных подразделений данного органа. Другими словами, возложенные на органы дознания в формальном смысле процессуальные функции, по сути, выполняются иными субъектами, а точнее псевдо-субъектами уголовно-процессуальной деятельности – не отраженными в УПК РФ тандемными участниками, сводящимися к правовым связкам руководителей подразделений (но не органов!) дознания с подчиненными должностными лицами. Причем указанные шероховатости обусловлены именно теми причинами, которые и побудили законодателя к легализации фигуры начальника подразделения дознания к введению данного статуса в орбиту уголовно-процессуальных правоотношений.

А замыслы инициаторов такой правотворческой меры были вполне понятными. Подобным способом планировалось как бы сблизить субъектов процессуально-ведомственного руководства и контроля с непосредственными исполнителями функций органа дознания в целях упрощения прикладных схем решения текущих вопросов, отказа от сложных алгоритмов визирования процессуальных документов, связанных с потерей драгоценного времени, с необходимостью хождения по кабинетам и т.п. Кроме того, одновременно предполагалось разгрузись «первых» и даже «вторых» лиц территориальных, линейных и прочих правоохранительных органов, освободить их от обязанностей утверждения большого объема текущей документации, предоставив возможность уделять больше времени не столько процессуальным, сколько административно-распорядительным функциям.

Ником образом не ставя под сомнение правильность таких нововведений, все-таки считаем разумным обратить внимание на одну важную деталь. Сама потребность в дополнении УПК РФ положениями, раскрывающими статус и определяющими полномочия начальника подразделения, была обусловлена не совсем верным подходом к пониманию органов дознания и, следовательно, неправильным определением круга должностных лиц, являющихся их начальниками. Ведь на сегодняшний день органы дознания обычно отождествляются с самими предусмотренным ч. 1 ст. 40 УПК РФ органами (учреждениями) исполнительной власти. Поэтому неудивительно, что их начальниками считаются «первые» либо «вторые» лица данных органов (учреждений), а в отдельных из них – лица, замещающие иные руководящие посты (например, в органах внутренних дел – заместители начальников полиции). Нет ничего необычного и в том, что эти лица из-за потребности в ежедневном решении огромного числа задач и сильной загруженности не имеют ни малейшей возможности подробного вникания в детали и тонкости находящихся в производстве возглавляемых ими органов (учреждений) уголовных дел. В связи с чем в повседневной деятельности правоохранительных органов много лет использовались и продолжают использоваться известные технологии, сводящиеся к фактическому делегированию функций начальников органов дознания нижестоящим руководителям структурных, в том числе специализированных подразделений. Именно они обычно держали и продолжают держать «руку на пульсе», контролировали и продолжают контролировать находящиеся в производстве вверенных подразделений уголовные дела и материалы, осуществляли и продолжают осуществлять проверку законности и качества выполняемой работы и т.д., а «первые» и «вторые» лица правоохранительных органов (учреждений) были и продолжают быть вынуждены всецело полагаться на компетентность, ответственность, надежность этих лиц и, как правило, только подписывать представляемые ими документы, зачастую даже не успевая ознакомиться с их содержанием. Иными словами, введение в сферу уголовно-процессуального регулирования статуса начальника подразделения дознания стало всего лишь законодательным признанием давно устоявшихся в повседневной работе прикладных технологий.

Вместе с тем в наших прежних публикациях неоднократно говорилось о неразумности отождествления органов дознания с органами (учреждениями) исполнительной власти. Одновременно заявлялось об ином подходе, сводящемся к более узкому толкованию органов дознания в организационно-управленческом значении. Под органами дознания предлагалось понимать не сами эти органы

(учреждения) в целом, а лишь входящие в них структурные подразделения, предрасположенные к реализации полномочий в сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Исходя и подобного подхода начальниками органов дознания закономерно начинают представляться должностные лица, стоящие во главе соответствующих структурных подразделений. Например, в системе МВД России таковыми могут являться начальники специализированных отделов, отделений либо групп дознания, а также подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, уголовного розыска, участковых уполномоченных полиции и т.д. Другими словами, на наш взгляд, начальниками органов дознания как субъектами досудебного производства следует считать лиц, сегодня считающихся начальниками подразделений дознания либо формально не располагающих данным статусом, но фактически осуществляющих процессуальное руководство своими подчиненными и процессуально-ведомственный контроль за проводимыми ими действиями и выносимыми актами.

Россинский С.Б.,

доктор юридических наук, профессор
Институт государства и права РАН (г. Москва)

ОЗНАКОМЛЕНИЕ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛАВ ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТРЕБУЮТСЯ НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Цифровизация уголовного судопроизводства – не просто модный тренд. На сегодняшний день это объективная данность, предопределенная закономерными тенденциями развития современного общества и государства.

Вместе с тем проводимая в этой части правотворческая политика далеко не всегда соответствуют реальным запросам общества и потребностям правоприменительной практики. Если некоторые предрасположенные к цифровизации уголовно-процессуальные процедуры постоянно находятся в зоне самого пристального, порой даже излишнего внимания «коллективного законодателя» (читай авторов соответствующих изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство), то другие почему-то не заслужили подобного отношения. Во многом архаичные условия проведения целого ряда присущих досудебному производству механизмов так и не претерпели никаких «цифроориентированных» преобразований, что не может не создавать определенных неудобств, не приводить к затруднениям в работе органов предварительного расследования. Именно таковыми представляется предусмотренные ст. 217 УПК РФ правила ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела в преддверии направления данного дела с обвинительным заключением в суд.

Но несмотря всю важность и значимость данной процедуры, ее правовая основа еще далека от совершенства[1]. В частности, содержание ст. 217 УПК РФ сводится к набору «тяжеловесных», не предполагающих филологической эстетики и поэтому сложно воспринимаемых нормативных положений, в том числе страховочных норм, возникших ввиду явного недоверия «коллективного законодателя» к должностным лицам органов предварительного расследования, аксиоматичной убежденности в их непорядочности, склонности к злоупотреблениям полномочиями и «следственным» фальсификациям. К тому же данные положения во многом представляют собой очередные правила уголовно-процессуального делопроизводства, очередные пошаговые инструкции и «памятки» для неграмотных правоприменителей, о неприемлемости введения которых в предмет законодательного регулирования уже неоднократно говорилось в публикациях автора настоящей статьи[2].

[1] Алиева Н.Н. Ознакомление с материалами уголовного дела как гарантия защиты прав обвиняемого // Правовая парадигма. 2020. Т.19. № 4. С. 153.

[2] Напр.: Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 1. С. 131-132.

И все же наибольшее количество нареканий вызывает некая архаичность большинства указанных положений – их заметное отставание от насущных потребностей правоприменительной практики, явное несоответствие сегодняшнему уровню цифровизации общественных отношений, в том числе цифро-технической оснащенности населения. Создается впечатление, что правотворческая энергия в этой части закончилась еще в доцифровую эпоху. Кажется, что предусмотренный ст. 217 УПК РФ нормативный «контент» во-многом адресован не современным представителям российского социума, а этаким «людям-мамонтам» из прошлого, более двадцати лет живущим вдали от цивилизации, в связи с чем не имеющим никакого представления об известных каждому школьнику простейших примах запечатления документов (предметов) посредством цифровой фотоаппаратуры. Например, именно таковой представляется изначальная неограниченность времени изучения обвиняемыми и защитниками предъявляемых им материалов. Таковой видится и дозволенность повторных обращений к уже «отработанным» томам уголовного дела? По всей вероятности, этим же можно объяснить и недопустимость раздельного ознакомления обвиняемого и защитника с предъявляемыми документами (предметами) без заявления соответствующего ходатайства?

Очевидно, что подобные условия были и остаются рассчитанными на свойственные доцифровой эпохе более примитивные и «допотопные» способы изучения и фиксации обвиняемыми и защитниками интересующих их документов (предметов): на внимательное прочтение, порой штудирование предъявляемых материалов в служебных помещениях органов предварительного расследования либо в местах содержания под стражей, а также на переписывание наиболее важных фрагментов от руки. Ввиду понятных причин именно такие способы наиболее предрасположены к длительности ознакомления с объемными уголовными делами, к периодически возникающим потребностям в возвращении к уже «отработанным» томам и т.д.

Однако пик востребованности подобных способов и обусловленных ими прикладных технологий уже миновал. Ведь любому имеющему даже самое отдаленное представление об уголовном процессе человеку должно быть ясно, что в связи с массовым распространением цифровой фототехники и появлением у подавляющего большинства населения смартфонов и прочих «карманных» гаджетов со встроенными в них цифровыми фотокамерами в последние годы начали все более активно применяться совершенно иные методы работы с предъявляемыми для ознакомления материалами. Понятно, что сегодняшние обвиняемые, другие невластные участники уголовного судопроизводства, в особенности профессиональные адвокаты стали повсеместно прибегать к фотофиксации материалов уголовных дел на цифровые носители с последующим изучением соответствующих изображений в более комфортной и непринужденной обстановке. С одной стороны, такая прикладная технология никоим образом не противоречит уголовно-процессуальному закону – в соответствии с ч. 2 ст. 217 УПК РФ обвиняемым и защитникам дозволяется копировать любые из предъявленных им документов (предметов) с помощью технических средств. С другой стороны, эта технология способствует экономии времени, точности фиксации сведений в адвокатских и тому подобных «досье», возможности хранения всех сфотографированных материалов в условиях постоянного нахождения «под рукой» независимо от общего объема уголовного дела.

Конечно, и в настоящее время еще можно встретить людей, в особенности преклонного возраста, не успевших погрузиться в цифровую реальность. К сожалению, надлежащими навыками работы с современными средствами фотофиксации не владеют либо намеренно не хотят овладевать и отдельные наиболее консервативные представители адвокатского сословия. Существует и некоторые другие обстоятельства, так или иначе затрудняющие возможности использования невластными участниками уголовного судопроизводства личных цифровых фотокамер, например, наличие в предъявляемых материалах сведений, составляющих государственную либо иную охраняемую тайну, и т.д. Однако их «удельный вес» в общей массе уголовных дел достаточно мал – настолько, что все подобные случаи вполне подлежат отнесению к неким исключениям, не способным повлиять на выявленную закономерность, предопределяющую потребность в изменении базовых подходов к ознакомлению с материалами уголовных дел.

На основании изложенного напрашивается вывод о необходимости частичного изменения порядка изучения обвиняемыми и защитниками предъявляемых им для ознакомления документов (предметов) – в целях более активного внедрения в практическую деятельность цифровых технологий и основанных на них технических средств и методов фотофиксации подлежащих дальнейшему использованию материалов. В первую очередь надлежит устранить свойственные доцифровой эпохе условия, способствующие возникновению запредельно комфортного климата для реализации невластными участниками уголовного судопроизводства соответствующих правомочий. В частности, разумно отказаться от нелимитированной продолжительности времени, отводимого для изучения предъявляемых материалов. Кроме того, целесообразно ограничить возможности повторных обращений к уже «отработанным» томам уголовных дел. И, наконец, стоит упразднить запрет раздельного ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовных дела без заявления соответствующего ходатайства.

Конечно, высказанные в настоящей статье предложения вполне могут стать объектом ожесточенной филиппики со стороны представителей так называемой либеральной общественности, в первую очередь любителей спекулировать правами человека, усматривающих опасность их нарушения в любых идеях «следственно-ориентированной» направленности. На первый взгляд, подобные риски, действительно, могут показаться вполне очевидными. Однако результаты более детального погружения вдумчивого читателя в проблематику ознакомления с материалами уголовных дел должны поспособствовать осознанию мнимости и надуманности таких опасностей. Ведь, как уже отмечалось выше, предлагаемые к упразднению юридические преференции на сегодняшний явно не предполагают былой степени востребованности, по крайней мере для использования по назначению. Гораздо чаще они становятся вполне законными инструментами для искусственного затягивания времени ознакомления с уголовным делом ввиду самых разнообразных причин: от намерения получить какую-либо выгоду до банального процессуального нигилизма. Кстати, своим появлением они вообще обязаны возникшим в конце XX в. и просуществовавшим до начала 2000-х гг. известным либеральным тенденциям, выраженным в стремлении к демонстрации всему миру внедрения в российскую систему уголовного судопроизводства неких правозащитных ценностей.

И наконец, последнее. Сформулированные в настоящей статье предложения не могут не создавать препятствий для ограничения прав обвиняемых и защитников по ознакомлению с уголовными делами при невозможности использования технических средств и методов фотофиксации соответствующих материалов. Конечно, как отмечалось выше, такие случаи надлежит расценивать в качестве редких исключений. Но они все же наблюдаются, в связи с чем ощущается потребность в принятии дополнительных мер, направленных на преодоление соответствующих негативных последствий.

Так, трудности, связанные с отсутствием у некоторых, том числе находящихся под стражей, обвиняемых личных цифровых фотокамер, могут быть легко преодолены путем оснащения каждого «рабочего» подразделения Следственного комитета РФ, ФСБ России и органов внутренних дел, равно как и каждого специализированного подразделения дознания примитивным цифровым фотоаппаратом (при необходимости – несколькими фотоаппаратами), который надлежит выдавать обвиняемому или адвокату на основании соответствующего ходатайства. Подобный алгоритм вполне приемлем и в ситуациях, связанных с наличием в материалах уголовных дел сведений, отнесенных к государственной или иной охраняемой федеральным законом тайне. Правда в этих случаях цифровые фотокопии соответствующих материалов будет целесообразно хранить при уголовных делах, выдавая «владельцам» лишь во время судебных заседаний. Если же отдельные обвиняемые окажутся неспособными к самостоятельному использованию «казенных» фотокамер, то всю необходимую помочь им должны будут оказывать сотрудники органов предварительного расследования. При этом подобные случаи видятся достаточно редкими, а в перспективе – подлежащими практически полному исчезновению, в связи с чем не могущими существенно затруднить повседневную деятельность органов предварительного расследования.

Молунова Н.И.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Выемка и личный обыск: сравнительный анализ двух процедур, направленных на принудительное изъятие предметов у участников уголовного судопроизводства

Гуманизация уголовного судопроизводства является одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики, что находит свое подтверждение в количестве изменений демократической направленности, внесенных в нормы уголовно-процессуального закона за последнее десятилетие[1]. Вместе с тем характер уголовно-процессуальных правоотношений не исключает возможность применения государственного принуждения при производстве по уголовному делу, включая возможность применения мер процессуального принуждения, следственных действий принудительного характера, а также иных форм психологического и физического принуждения.

Не является исключением и процесс доказывания, где участники уголовного судопроизводства, отстаивая свои позиции, могут различными способами противодействовать субъектам расследования. Одной из форм такого противодействия является отказ от добровольной выдачи предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, находящихся при лице.

Для преодоления подобного поведения закон допускает принудительное изъятие предметов. В арсенале следователя, дознавателя инструментами, позволяющими принудительно изъять предметы, находящиеся при лице, являются такие следственные действия, как личный обыск и выемка. Однако эти процедуры имеют свои особенности и различаются по основаниям и порядку проведения.

Личный обыск (ст. 184 УПК РФ) является разновидностью обыска и признается самостоятельным следственным действием ввиду ограничения значительного объема конституционного права на неприкосновенность личности при его производстве[2]. Осуществляется в целях отыскания и изъятия предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела у конкретного лица. По общему правилу личный обыск может быть произведен только в отношении подозреваемого, обвиняемого и только на основании судебного решения. Вместе с тем законом предусмотрен ряд исключений. Так, личный обыск может быть произведен без судебного постановления при заключении лица под стражу, при задержании лица, а также при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, которое присутствует при обыске в помещении или ином месте, скрывает у себя предметы или документы, которые имеют значение для дела. Последнее из представленных исключений также предусматривает возможность производства личного обыска в отношении лиц, не обладающих статусом обвиняемого, подозреваемого. Продолжая говорить об особенностях процессуальной формы рассматриваемого следственного действия, стоит отметить наличие в законе требований об обязательном участии понятых, а также идентичной половой принадлежности лица, в отношении которого производится личный обыск и всех лиц, участвующих в этом следственном действии (следователь, дознаватель, понятые, специалисты).

Выемка (ст. 183 УПК РФ) – следственное действие, обладающее принудительным потенциалом, производимое с целью изъятия предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела при наличии точной информации, где и у кого они находятся. В отличие от обыска до настоящего момента выемка не имеет специальной разновидности по отношению к конкретному лицу. И.Л. Петрухин на этот счет писал, «что закон не знает понятия личной выемки, хотя в принципе допускает изъятие предметов, имеющих значение для дела, если точно известно, у кого они находятся», и предлагал внести в уголовно-процессуальное законодательство возмож-

[1] Галимова М.А. Становление и развитие уголовно-процессуального закона России: об итогах первой пятилетки // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVII международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск, 4-5 апреля 2024 г. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2024. Ч. 1. С. 199-201.

[2] Кальницкий В.В. Следственные действия. Омск : Омская академия МВД России, 2015. С.79-80.

ность производства личной выемки[1]. Однако по смыслу положений ст. 182 УПК РФ выемка предметов и документов у конкретного лица допустима.

Процессуальная форма выемки на контрасте с личным обыском является упрощенной. Так, уголовно-процессуальный закон позволяет производить выемку у всех лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство вне зависимости от наличия процессуального статуса. Достаточным юридическим основанием выступает постановление следователя, дознавателя, с обязательным указанием конкретного места нахождения предмета или документа. Считается, что выемка обладает меньшей стесняемостью прав, тем самым исключается необходимость в судебном санкционировании[2]. Обязательного требования об участии понятых или иных участников уголовного судопроизводства законодателем не предъявляется. Исключением является изъятие в ходе выемки электронных носителей, где в качестве обязательного участника необходимо обеспечивать участие специалиста и понятых.

Возникает справедливый вопрос, в каких случаях должен производиться личный обыск, а в каких изъятие предметов и документов у лица должно производиться путем выемки.

Сложность в ответе на поставленный вопрос заключается в разных процессуальных формах рассматриваемых процедур.

Например, при необходимости изъятия из рук подозреваемого документа или предмета, каким из представленных средств стоит воспользоваться правоприменителю? Наиболее простой и распространенный вариант в следственной практике – выемка. Следователь выносит постановление о производстве выемки и производит изъятие предмета.

Однако предмет, находящийся у подозреваемого, в считаные секунды может быть им перемещен из одного места в другое. В этом случае постановление о производстве выемки потеряет свою актуальность. Будет нарушено требование о точном месте нахождения изымаемого предмета. Если же проигнорировать данный факт, выемка и вовсе может перерасти в обыск. Последнее с высокой вероятностью может привести к признанию таких действий незаконными, а полученных доказательств – недопустимыми. В данном случае целесообразно воспользоваться возможностями личного обыска. Но, не стоит забывать, что в общем порядке личный обыск производится по решению суда. Полагаем, что в таком случае, если промедление в личном обыске может привести к утрате предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, следует воспользоваться возможностью, предусмотренной ч. 5 ст. 165 УПК РФ, позволяющей провести следственное действие по постановлению следователя с последующим судебным контролем.

Наиболее сложный вопрос возникает при необходимости изъятия предмета из рук участников, не обладающих статусом обвиняемого, подозреваемого. В таких обстоятельствах производство личного обыска недопустимо, а выемка при определенных условиях может быть не реализована.

Таким образом, исходя из анализа уголовно-процессуального закона, выбор правильного средства собирания доказательств при необходимости принудительного изъятия предметов у лица, зависит от ряда факторов:

– статус участника, в отношении которого производится следственное действие;

– наличие временных ресурсов на реализацию юридического основания следственного действия и вызова необходимых участников;

– характер конкретной следственной ситуации (активное сопротивление, пассивное);

– необходимость в самостоятельной процедуре изъятия или изъятие в рамках другого следственного действия (например, личный обыск в рамках традиционного обыска или выемка по завершении допроса и др.).

[1] Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Общая концепция. Неприкосновенность личности / И.Л. Петрухин; отв. ред. И.Б. Михайловская. М. : Наука, 1985. С. 112.

[2] Валиев Р.Ш., Корнуков В.М. Личный обыск и его роль в уголовно-процессуальном доказывании. Саратов : ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2007. С. 41-42.

Павлов А.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Омская академия МВД России

Основания для объявления в розыск подозреваемого (обвиняемого)

Следователь по своему усмотрению определяет момент объявления подозреваемого (обвиняемого) в розыск. Это решение может быть принято как во время предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением. При получении информации о том, что подозреваемый (обвиняемый) скрылся от следствия, неприемлемо откладывать до момента истечения срока следствия по уголовному делу объявление в розыск скрывшегося лица. Своевременное объявление розыска повышает его результативность, а также позволяет приостановить сроки давности.

По мнению С.С. Шестало, лицо может быть объявлено в розыск при наличии следующих оснований: отсутствуют сведения о месте нахождения подозреваемого либо обвиняемого; имеются данные о том, что разыскиваемое лицо скрылось от органов дознания, следствия и суда и уклоняется от уголовного наказания[1]. Для принятие данного решения необходимо располагать достаточными данными о том, что разыскиваемый скрылся либо место его нахождение не установлено по иным причинам[2]. Необходимо получить информацию о том, что данное лицо по проверяемым адресам не проживает, а также отрицательных ответов сотрудников органов дознания на запросы следователя, дознавателя (письменные поручения)[3]. В.Ю. Стельмах на основе изученной следственной практики отмечает, что для установления наличия основания для розыска следователь должен: а) повторно вызвать подозреваемого или обвиняемого; б) выехать по месту его жительства или проживания и допросить проживающих там лиц; в) направить в орган дознания поручение об установлении места нахождения подозреваемого или обвиняемого. Лишь при наличии показаний о том, что лицо по указанному адресу не проживает, и рапортов сотрудников органа дознания о том, что установить место нахождения лица не представилось возможным, допускается объявление розыска[4].

К сожалению, в правоприменительной практике в отдельных случаях постановление о розыске выносится не по факту уклонения подозреваемого (обвиняемого) от явки к следователю, а на этапе окончания сроков предварительного расследования. Ввиду данного обстоятельства розыск объявляется не своевременно, что негативно влияет на эффективность его проведения. Это происходит, как правило, в результате того, что следователь не организовал надлежащий контроль за исполнением меры пресечения, не связанной с лишением свободы. Данный недостаток не позволил своевременно получить следователю информацию о том, что обвиняемый скрылся; во-вторых, следователь не придал должного внимания факту неявки подозреваемого (обвиняемого) по вызову без уважительных причин.

Сама по себе неявка обвиняемого к следователю еще не свидетельствует о том, что он скрылся и намеревается избежать ответственности. Причины отсутствия могут быть самыми различными: неполучение повесток, несчастный случай, призыв на срочную военную службу, задержание в связи с совершением другого преступления, смена места жительства и т.д. Поэтому, прежде чем объявить розыск обвиняемого, который связан с затратой сил и средств государственных органов, следователю необходимо располагать достаточными данными о том, что разыскиваемый отсутствует и его местонахождение на дан-

[1] Шестало С.С. Вопрос-ответ. Подготовлен для системы КонсультантПлюс // СПС «КонсультантПлюс». 2024.

[2] Петухова Ж.П. Деятельность следователя по розыску подозреваемых и обвиняемых, скрывшихся от следствия // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2(18). С. 209.

[3] Шувалов Н.В., Горелов М.Г. Организация работы следователя по предупреждению уклонения обвиняемых (подозреваемых) от следствия и их розыску // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3(58). С. 213-218.

[4] Стельмах В.Ю. Процессуальные аспекты розыска подозреваемого и обвиняемого // Российский следователь. 2016. № 10. С. 15-18.

ном этапе расследования действительно не известно[1].

Основаниями для розыска являются объективные обстоятельства, определяющие его необходимость и юридическую возможность. В постановлении об объявлении розыска должна быть обоснована потребность в розыске, указаны обстоятельства, свидетельствующие, что местонахождение обвиняемого не установлено; лицо, подлежащее розыску, входит в установленный законом перечень объектов розыска[2].

Таким образом, основанием объявления розыска будут выступать полученные следователем достаточные данные о том, что местонахождение обвиняемого неизвестно. Кроме того, следует выяснить причины отсутствия преследуемого лица: он скрывается от органов предварительного следствия[3] либо это не связано с умышленными действиями по уклонению и место его нахождения не установлено по иным причинам[4]. Данный подход реализован при конструировании основания приостановления предварительного расследования, предусмотренного в п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. В случае, если обвиняемый скрылся, предварительное расследование может быть приостановлено на любой срок, так как в этом случае приостанавливается течение срока давности привлечения к уголовной ответственности (ч. 3 ст. 78 УК РФ). Официальным моментом приостановления срока давности в целях применения ч. 3 ст. 78 УК РФ следует считать дату вынесения следователем, дознавателем постановления об объявлении лица в розыск[5].

В случае неявки обвиняемого по вызову без уважительной причины следователем незамедлительно должен быть произведен комплекс мероприятий, направленный на установление причин его отсутствия: в орган дознания направляется постановление о производстве принудительного доставления обвиняемого в порядке, предусмотренном ст. 113 УПК РФ[6]; органу дознания направляется поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление местонахождения обвиняемого (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ); проверяется место жительства (место регистрации и фактического проживания) и работы обвиняемого. Для установления местонахождения обвиняемого допрашиваются лица, которые возможно обладают сведениями: близкие родственники, родственники и иные близкие лица; соседи по месту проживания (не менее двух), знакомые, сослуживцы. Следователь производит и другие процессуальные действия: обыск по месту жительства обвиняемого; контроль и запись переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; разыскиваемый должен периодически проверяться по учетам.

Результаты поисковой деятельности следователя должны найти отражение в материалах уголовного дела (корешки повесток, постановления о приводах, свидетельствующих об уклонении от явки обвиняемого в ОВД, рапорта сотрудников о невозможности реализовать постановление о приводе). Эти сведения свидетельствуют о том, что обвиняемый скрывался от органов предварительного расследования, в ином случае может быть по-

[1] Гончар В.В. Деятельность следователя по предупреждению уклонения подозреваемых и обвиняемых от предварительного следствия, как необходимая мера реализации уголовно-процессуальной политики // Современная наука. 2016. № 4. С. 20-24.

[2] Самойлов П.А. Розыск в уголовно-процессуальной деятельности: сущность, основания и содержание // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4 (16). С. 202-203.

[3] Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что под уклонением лица от следствия и суда следует понимать такие действия подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, которые направлены на то, чтобы избежать задержания и привлечения к уголовной ответственности (например, намеренное изменение места жительства, нарушение подозреваемым, обвиняемым, подсудимым избранной в отношении его меры пресечения, в том числе побег из-под стражи). О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности *:* постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 // Рос. газета. 2013. 5 июля.

[4] Судебная практика исходит из того, в материалах уголовного дела должны быть доказательства, свидетельствующие о том, что подозреваемому (обвиняемому) известно о ведущемся в отношении него уголовном преследовании, в связи с чем он и уклоняется (постановление Президиума Верховного Суда РФ № 597п05пр по делу Казакова // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2005 г. // СПС «КонсультантПлюс»).

[5] Ендольцева А.В., Ендольцева Ю.В. Проблемы приостановления срока давности привлечения к уголовной ответственности лица, уклоняющегося от следствия или суда // Российский следователь. 2012. № 7. С. 9-12.

[6] Об утверждении Инструкции о порядке осуществления привода : приказ МВД России от 21.06.2003 № 438.

ставлена под сомнение правомерность приостановления срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Отдельное внимание следует уделить основаниям объявления в международный и (или) межгосударственный розыск. Порядок объявления обвиняемых в международный розыск регламентирован Инструкцией по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола (далее – Инструкция)[1]. В соответствии с пп. 121-123 данной Инструкции решение об объявлении лица в международный розыск принимается органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность на основании постановления о розыске обвиняемого. Следует считать грубым нарушением закона принятия данного решения ненадлежащим субъектом (например, следователем). Суд надзорной инстанции, отменяя постановление о заключении под стражу, отметил, что суд первой инстанции необоснованно рассмотрел ходатайство следователя в отсутствие обвиняемого, поскольку последний не был объявлен в международный розыск[2]. Международный розыск лиц объявляется лишь в том случае, если в результате проведенных следственных действий и ОРМ получены данные о выезде разыскиваемого лица за пределы Российской Федерации; достоверно установлены имеющиеся у разыскиваемого лица родственные, дружеские и иные связи за пределами Российской Федерации; получена достоверная информация об имевшемся у разыскиваемого лица намерении выехать из Российской Федерации с деловой или иной целью.

Межгосударственный розыск осуществляется на основании Договора государств-участников СНГ о межгосударственном розыске лиц от 10 декабря 2010 г. В целях реализации положений данного Договора разработан Регламент компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц (далее – Регламент), утвержденный Решением Совета глав правительств СНГ[3]. Фактические основания для объявления обвиняемого в межгосударственный розыск формируются органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Постановление об объявлении межгосударственного розыска может быть вынесено только при наличии оснований, предусмотренных в п. 15 Регламента: «в случаях, когда меры, принятые инициатором розыска, не привели к установлению местонахождения или задержанию разыскиваемого лица и (или) имеются основания предполагать, что разыскиваемое лицо выехало или намеревалось выехать на территорию Стороны, не являющейся инициатором розыска, и (или) имеются сведения о наличии родственных и иных связей разыскиваемого на ее территории».

Филатова В.А.,

кандидат юридических наук
Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К вопросу о содержательной части ОРМ «наведение справок»

В соответствии с ведомственным законодательством способами наведения справок являются непосредственное изучение документов оперативным сотрудником и направление в установленном порядке соответствующих запросов в государственные органы, в т.ч. правоохранительные.

В качестве первого способа проведения исследуемого ОРМ является непосредственное изучение документов. Сотрудники оперативных подразделений изучают документы как официальных учреждений, так и другие носители информации (личные записи, интернет). При этом сотрудники оперативных

[1] Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола : приказ МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС России от 06.10.2006 № 786/310/470/454/333/971 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 47.

[2] Постановление Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 22.05.2013 № 44у-123/13 // СПС «Гарант».

[3] О Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц : решение Совета глав правительств СНГ (принято в г. Душанбе 30.10.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

подразделений не всегда правильно оформляют его результаты. Так, изучение записной книжки, обнаруженной по месту жительства без вести пропавшего, с целью установления связей, оформляется как результаты ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». Содержательную часть ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» составляет «непосредственное восприятие обстановки, следов, предметов и документов, их изучение (исследование) для определения признаков, свидетельствующих о причастности к правонарушению или преступлению. В рассматриваемом случае записная книжка изучалась для получения содержащейся в ней информации. В связи с этим мы полагаем, что в данном случае оперативный сотрудник проводил ОРМ «наведение справок».

Если записная книжка изучалась с целью обнаружения подтирок, подписок и других изменений, внесенных кем-либо, то это составляет содержательную часть ОРМ «исследование предметов и документов», поскольку оно заключается в «...криминалистическом, научно-техническом или ином исследовании ...»[1]. Следовательно, данное ОРМ также неприменимо.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках ОРМ «наведение справок» могут изучаться документы, принадлежащие как официальным учреждениям, так и неофициальным, которые можно обозначить как иные носители информации.

Вторым нормативно закрепленным способом наведения справок является направление запроса, под которым понимается затребование чего-нибудь у кого-нибудь[2].

Определенный интерес представляет возможность отнесения обращения оперативного сотрудника к учтенным (ранее зафиксированным) данным посредством телефонного звонка, например, в адресное бюро, медицинские учреждения, к ОРМ «наведение справок». Связано это с тем, что в данном случае запрос как таковой не составляется и не направляется, а также нет непосредственного изучения документов. Для прояснения данной ситуации нам представляется необходимым провести ее детальный анализ. Первое, необходимо определить, является ли обращение сотрудника оперативного аппарата по телефону запросом.

С целью ответа на вышеуказанный вопрос необходимо разложить на составляющие разговор оперативного сотрудника, например, с оператором адресного бюро. Во-первых, оперативный сотрудник в беседе с оператором адресного бюро называет пароль, это служит своего рода реквизитом, что информация будет предоставлена правоохранительному органу, поскольку только он осведомлен о ежедневно изменяющемся пароле. Во-вторых, при проверке конкретного лица оперативный сотрудник называет его фамилию, имя, отчество и год рождения, что является необходимыми поисковыми признаками. В-третьих, оперативный сотрудник называет свои данные, т.е. должность, подразделение и фамилию, что является аналогом подписи при составлении письменного запроса. В-четвертых, после предоставления необходимой информации оперативному сотруднику оператор адресного бюро называет свой номер, что является своего рода подписью в ответе на запрос. Таким образом, здесь присутствуют все признаки запроса, а потому телефонный звонок в адресное бюро является таковым. Следовательно, такие действия также следует отнести к рассматриваемому ОРМ, которые подлежат оформлению соответствующим образом.

Что же касается обращения оперативного сотрудника к учетам медицинских учреждений путем телефонного запроса, то считаем необходимым также детально его рассмотреть, поскольку не любой телефонный запрос является наведением справок. Связано это с тем, что оперативные сотрудники не всегда правильно определяют, какое ОРМ было проведено, смешивая наведение справок с опросом. Как правило, при поступлении в дежурную часть ОВД сообщения о доставлении в медицинское учреждение лица с телесными повреждениями криминального характера оперативный сотрудник должен проверить данное сообщение. В числе первых действий сотрудника оперативного аппарата по проверке данного сообщения стоят такие, при которых необходимо выяснить в медицинском учреждении состояние потерпевшего и

[1] Чечетин А.Е. Теоретические и правовые проблемы оперативно-розыскных мероприятий : монография. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2005. С. 76-85.

[2] Литвинов В.А. Правовая и организационно-тактическая основы обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.

другие обстоятельства. Если оперативный сотрудник, позвонив в медицинское учреждение, выясняет такие обстоятельства, как фамилия, имя, отчество, возраст, место жительства потерпевшего, диагноз, откуда доставлен, кем доставлен, данные действия являются ОРМ «наведение справок», поскольку эти сведения уже учтены (зарегистрированы) в журнале учета приема больных и отказов в госпитализации. В случае если оперативный сотрудник начинает выяснять такие обстоятельства, как состояние потерпевшего, что он пояснял о произошедшем с ним, кто прибыл вместе с ним в больницу и т.д., в данном случае он проводит опрос медицинского работника, поскольку выясняет сведения, которые нигде не учтены, а только воспринимались данным работником. В связи с этим полагаем возможным сделать вывод, что действия оперативного сотрудника, направленные на получение именно учтенных данных посредствам телефонного запроса, входят в сущность наведения справок.

Существуют два основных способа проведения исследуемого оперативно-розыскного мероприятия – непосредственное наведение справок и опосредованное. В качестве основного критерия деления нам представляется возможным использовать доступ оперативного сотрудника к учтенным данным. Непосредственное – это наведение справок, при котором оперативный сотрудник самостоятельно осуществляет поиск информации в информационных массивах. Опосредованное – это наведение справок, при котором оперативный сотрудник не имеет непосредственного доступа к информационным массивам, осуществляемое с использованием возможностей связи, а также содействующих лиц. В свою очередь, каждый из этих способов также подразделяется.

В зависимости от необходимости составления запроса непосредственное наведение справок делится:

– без составления письменного запроса;

– с составлением письменного запроса и его представлением определенному лицу либо в государственный орган.

Первый способ непосредственного наведения справок используется в случаях, не требующих специальных знаний и оформления особого доступа.

Вторым способом непосредственного наведения справок является проведение исследуемого оперативно-розыскного мероприятия с составлением письменного запроса и его представлением определенному лицу либо в государственный орган. Данный способ используется в тех случаях, когда оперуполномоченный, подготовив запрос, прибывает в организацию, предъявляет его, и в соответствии с ним ему предоставляют доступ к сведениям, в которых инициатор осуществляет поиск необходимой ему информации самостоятельно. В качестве примера можно привести поиск информации в картотеках ЖЭУ с целью выборки лиц, проживающих в конкретном доме определенного возраста или имеющих определенное имя, изучение учетов отделов кадров предприятий с целью установления лиц, уволенных за определенный период времени и т.д.

Следующим основным способом является опосредованное наведение справок, которое также делится:

– путем направления запроса в правоохранительный орган или предприятие по почте;

– посредством использования содействия других лиц.

Опосредованное наведение справок путем направления письменного запроса по почте. Причиной выбора данного способа явля-лось то, что отсутствовала возможность у оперативного сотрудника самостоятельно осуществить поиск необходимой информации в связи с удаленностью источника либо большим объемом обработки информации. На выборе данного способа также сказывалась необходимость получения официального ответа на запрос.

Одним из способов опосредованного наведения справок является использование содействия других лиц. Как правило, он применялся в тех случаях, когда проведение исследуемого мероприятия самим оперативным сотрудником было не целесообразно из тактических соображений. Вторым обстоятельством, оказывающим влияние на выбор рассматриваемого способа наведения справок, является то, что для получения необходимой информации требовались специальные познания.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что содержательная часть наведения справок заключается в непосредственном изучении документов без составления запроса, изучении документов по запросу и его непосредственном представлении либо опосредованном наведении справок путем направления запроса по почте, а также с использованием содействия других лиц.

Семенов Е.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НУЖДАЮТСЯ В БОЛЕЕ ДЕТАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В последние десятилетия наблюдается значительная трансформация всех сфер российского общества и государства, которая требует постоянного подтверждения в правовом пространстве, включая область, связанную с разработкой наиболее эффективных методов противодействия преступности. Показатели последних лет в этом направлении так же меняются, что характеризуется степенью взаимодействия правоохранительных органов, обусловленного техническим прогрессом и увеличивающейся мобильностью. И даже в такой ситуации все равно возникают спорные вопросы взаимодействия, оказывающие значительное влияние на осуществление профессиональной деятельности, направленной на раскрытие и пресечение преступлений.

Создание эффективного инструментария по раскрытию и расследованию преступлений является квинтэссенцией построения современной системы органов предварительного расследования. Данное тождество (правило) неоднократно было подчеркнуто в ходе выступлений Президента РФ В.В. Путина, в том числе на расширенном заседания коллегии МВД России 2 апреля 2024 г.[1]

Важность исследования данной темы обусловлена и тем, что взаимодействие следователя с органами дознания является важным и значимым этапом при расследовании преступлений. Основные задачи взаимодействия: предупреждение и пресечение преступлений; обеспечение неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; полное, всестороннее и объективное расследование преступлений; своевременное изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших; розыск лиц, скрывшихся от органов предварительного следствия; обеспечение возмещения вреда, причиненного преступными действиями виновных лиц. Предполагается, что данная деятельность должна быть более эффективной и приносить значимые результаты, что подчеркивает важность изучения теоретических и практических аспектов правильного определения форм и принципов такого взаимодействия. Законодательно понятие «взаимодействия» до настоящего периода не полностью урегулировало, так же, как и порядок его осуществления, а соответственно, между подразделениями могут быть недопонимание, и заведомо несогласованные действия, основанные на субъективных факторах, непрофессионализм отдельных лиц, коррупция и т.д. Поэтому необходимо разрабатывать и внедрять комплексные методы оценки и совершенствования процесса взаимодействия следователей с органами дознания с целью повышения эффективности противодействия преступности.

Поскольку в современном обществе эффективное взаимодействие следователя и органа дознания играет важнейшую роль, необходимо разработать пути совершенствования их работы для достижения желаемых результатов в рамках раскрытия и расследования преступлений.

Во-первых, необходимо предупреждать и устранять уже существующие и возможные конфликтные ситуации между взаимодействующими субъектами, обеспечив между ними служебные отношения, основанные на атмосфере доверия, сплоченности и взаимной поддержки[2].

Во-вторых, необходимо повышать профессионализм следователей и органов дознания, т.к. расследование отдельных преступлений требует особой компетенции в смеж-

[1] Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics (дата обращения: 02.02.2025).

[2] Воропаев А. А. Некоторые проблемы совершенствования взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания при расследовании преступлений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 2(33). С. 77-81.

ных областях, например, знания, в которых позволят понимать особенности работы в различных сетевых службах.

В-третьих, необходимо постоянно совершенствовать материально-техническое обеспечение оперативных служб. Невозможность выполнения сотрудниками своих обязанностей зачастую связана именно с отсутствием необходимых технических возможностей.

Как уже отмечалось ранее, современное стремительное развитие информационных технологий обуславливает необходимость их использования при раскрытии и расследовании преступлений. Необходимо предоставить сотрудникам все возможности технологического прогресса, и при необходимости обучать использованию различных средств связи и доступа к информации. Необходимо заранее проанализировать, какая материально-техническая поддержка потребуется сотрудникам для эффективного осуществления расследования. Если заранее проанализировать это не представляется возможным, то органы дознания должны оперативно информировать об отсутствии технических возможностей для качественного выполнения тех или иных задач.

В-четвертых, детальная регламентация процесса взаимодействия следователей с органами дознания на законодательном уровне. Ранее нами уже было отмечено, что организационные и правовые механизмы такого взаимодействия нуждаются в совершенствовании[1]. В данном случае под этим понимаются следующие положения: расширение путей, форм и методов взаимодействия следователя и органа дознания; установление на законодательном уровне четких правил повеления должностных лиц на различных этапах раскрытия и расследования преступлений; установление влияния следователя на орган дознания в случае формального и некачественного исполнения своих обязанностей; разработка критериев объективной оценки качества взаимодействия указанных сотрудников.

Правильно рассматривать его как процесс содействия, сотрудничества, взаимопомощи и совместной деятельности следователя и органа дознания, скоординированной по месту, времени и целям, для достижения более эффективного раскрытия и расследования преступлений в соответствии с действующим законодательством. Данное определение соответствует традиционному пониманию в юридической литературе процесса взаимодействия сотрудников вышеуказанных подразделений.

Мы определили участников этого взаимодействия как следователя и органа дознания. Первые осуществляют предварительное следствие по делам, отнесенным к их компетенции, и играют ведущую роль в процессе расследования и раскрытия преступлений, а вторые – это государственные органы и должностные лица, способствующие началу процесса раскрытия и расследования преступлений в соответствии с определенными принципами, такими как законность, совместность действий и непрерывность взаимодействия.

В юридической литературе выявлены отдельные недостатки, связанные с процессом взаимодействия сотрудников в Российской Федерации, а именно формальное исполнение поручений следователя: неточное исполнение органом расследования поручений следователя; задержка органом расследования выполнения условий поручения следователя, повлекшая за собой задержку расследования преступления; неосведомленность органа расследования о преступлении; невыполнение органом дознания указаний следователя; конфликтные ситуации между следователем и органом дознания.

Кроме того, причиной формального составления рапортов органами дознания часто объясняется формальным подходом к подготовке поручений следователем. Эти вопросы требуют решения, в частности пути улучше-ния взаимодействия следователя и органа до-знания можно дифференцировать по следую-щим направлениям:

1) предотвращение и разрешение существующих или потенциальных конфликтов между следователем и органом дознания в процессе раскрытия и расследования преступлений;

2) повышение профессионализма сотрудников;

3) улучшение материально-технического обеспечения оперативных подразделений;

4) детальное нормативное регулирование процесса взаимодействия следователей и органов дознания на законодательном уровне.

[1] Семенов Е.А. Некоторые формы взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVII международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск, 4-5 апреля 2024 г. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2024. Ч. 1. С. 203-206.

Ишина А.Б.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Проблемные вопросы залога как меры пресечения в отношении обвиняемых (подозреваемых) в сфере предпринимательской деятельности

Нынешняя уголовная политика России направлена на гуманизацию в отношении подозреваемых и обвиняемых, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности. В связи с чем в научных трудах имеются высказывания о распространении случаев применения в качестве меры пресечения в виде залога в отношении предпринимателей[1]. Предполагаем, что у данной категории лиц имеется нужная денежная сумма и имущество для внесения залога. С экономической точки зрения такая мера пресечения, как залог, представляется достаточно выгодной с позиции оптимизации бюджетных расходов, а также может рассматриваться как способ получения дополнительных доходов для государственного бюджета в случаях нарушения данной меры пресечения подозреваемым, обвиняемым, когда залог обращается в государственную собственность. Но в то же время имеются и свои нюансы, которые мы рассмотрим ниже.

Но на практике имеются такие противоречия, когда подозреваемый или обвиняемый совершил не одно преступление в сфере предпринимательской деятельности, и при выборе избрания меры пресечения ходатайствует о мягкой мере пресечения, в том числе и о залоге. Так, например, судом апелляционной инстанции по уголовным делам Краснодарского краевого суда рассматривалась апелляционная жалоба обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ (30 эпизодов) и ее защитника на постановление Центрального районного суда г. Сочи Краснодарского края, удовлетворившего ходатайство следователя о продлении обвиняемой меры пресечения в виде заключения под стражу на 1 месяц 00 суток, а всего до 5 месяцев 28 суток. Обвиняемая со своим защитником возражали против продления меры пресечения в виде заключения под стражу, обозначили, что в ходе судебного заседания первой инстанции ходатайствовали об изменении меры пресечения на более мягкую, в том числе залог, ссылаясь при этом, что обвиняемой инкриминируется совершение преступления в предпринимательской сфере, в связи с чем в соответствии с ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ в отношении нее не может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Суд апелляционной инстанции оставил судебное решение без изменения[2], так как не нашел нарушения уголовно-процессуальных норм при вынесении постановления судом первой инстанции.

На данном примере мы видим, что в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ необходимо расширить основания применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в сфере предпринимательской деятельности и установить количество эпизодов преступлений, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, при которых необходимо избирать меру пресечения в виде заключения под стражу, а в иных случаях установить возможность избрания меры принуждения, не связанной с изоляцией от общества. Поддерживаем высказывание О.В. Химичевой и И.Б. Тутынина: «Сама по себе тяжесть совершенного деяния не является основанием для избрания меры пресечения, но она влияет на выбор характера и степени принуждения»[3].

Также еще одним условием для применения меры пресечения в виде залога является

[1] Фетищева Л.М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2016 С. 130.

[2] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 16.09.2012 по делу № 22-6532/2021.

[3] Химичева О.В., Тутынин И.Б. Избрание меры пресечения: о проблеме оснований для ее правильного выбора // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 166.

согласие выступить залогодателем. В соответствии со ст. 106 УПК РФ залогодателем может выступить подозреваемый, обвиняемый или иное физическое или юридическое лицо. Как мы отмечали выше, преступления в сфере предпринимательской деятельности наносят крупный или особо крупный материальный ущерб, в связи с чем следователь или дознаватель арестовывает все банковские счета, имущество, принадлежащее подозреваемому или обвиняемому. В первую очередь данные действия необходимы для возмещения ущерба, причиненного преступлением, а также с целью проверки не добыто ли данное имущество преступным путем. В связи с чем залогодателем выступает иное физическое или юридическое лицо. В ст. 106 УПК РФ отсутствуют требования, касающиеся личности залогодателя. В роли последнего может выступать любое физическое или юридическое лицо без необходимости проверки происхождения предоставленного имущества либо связи между залогодателем и обвиняемым. При этом залогодатель зачастую заинтересован в освобождении подозреваемого или обвиняемого от ареста, особенно в случаях, связанных с преступлениями в области предпринимательства. Подобные правонарушения часто сопряжены с крупными суммами денежных средств, что позволяет предположить наличие организованной группы лиц, участвовавшей в совершении преступлений. В этой связи представляется целесообразной проверка возможного участия залогодателя в самом преступлении или укрывательстве полученных незаконным путем доходов, поскольку они могут служить источником предоставляемого залога.

Мы разделяем мнение В.Ю. Мельникова: «В то же время как показала практика, возникают вопросы – какое отношение имеют те или другие физические или юридические лица к данному уголовному процессу, кто конкретно из возможных соучастников «стоит» за ним, не относятся ли они к финансированию чей-то преступной деятельности, например, по терроризму, организованной преступности, незаконному обороту наркотических средств»[1].

Таким образом, одной из существенных проблем при применении института залога является отсутствие нормативных предписаний относительно проверки личности залогодателя, установления характера взаимоотношений между ним и подозреваемым, обвиняемым, а также связи залогодателя с инкриминируемыми действиями. На сегодняшний день ничто не препятствует суду принять решение о внесении залога даже тогда, когда залогодателем является соучастник преступления и намеревающийся оказать финансовую поддержку своему сообщнику.

В данных тезисах мы рассмотрели особенности избрания меры пресечения в виде залога в отношении подозреваемых или обвиняемых в сфере предпринимательской деятельности и разобрали лишь некоторые проблемы избрания и применения залога, которые активно обсуждаются как в научных кругах, так и практическими работниками. Для решения затронутых проблем считаем целесообразным: 1) расширить основания применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых или обвиняемых в преступлениях в сфере предпринимательской деятельности по многоэпизодным уголовным делам; 2) изучать личность залогодателя, выступающего как иное физическое или юридическое лицо, устанавливать характер взаимоотношения такого залогодателя с подозреваемым или обвиняемым, анализировать природу происхождения предмета залога. Вместе с тем полагаем, что данные вопросы требуют отдельного изучения.

[1] Мельников В.Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 232.

Назарова М.Д.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Круг субъектов, чьи права и законные интересы затрагиваются при наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве

Наложение ареста на имущество является широко реализуемой в правоприменительной деятельности мерой процессуального принуждения. О широте реализации наложения ареста на имущество свидетельствуют статистические данные судебного департамента при Верховном Суде РФ, в соответствии с которыми в первом полугодии 2024 года были удовлетворены 36 157 ходатайств из 41 261 заявленных[1].

Поскольку, как уже было отмечено, наложение ареста на имущество имеет широкое распространение в правоприменительной деятельности, то имеется необходимость акцентировать внимание на круге субъектов, чьи права и законные интересы могут быть затронуты в процессе применения. На первый взгляд может показаться, что рассматриваемая мера процессуального принуждения затрагивает только права и законные интересы лиц, в отношении которых она применяется, т.е. лиц, чье имущество непосредственно подвергается аресту. Однако права и законные интересы лиц, для обеспечения возмещения ущерба которым и применяется наложение ареста на имущество, тоже могут быть затронуты в процессе реализации упомянутой меры принуждения. Тезисно остановимся на каждой категории лиц, в контексте ограничения их прав.

Итак, к *первой* группе участников уголовного судопроизводства, чьи права и законные интересы могут быть затронуты при наложении ареста на имущество, относятся – лица, чье имущество непосредственно подвергается аресту. Эта группа включается в себя несколько категорий субъектов:

1) лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, т.е. подозреваемые (обвиняемые);

2) лица, несущие по закону материальную ответственность за противоправные действия подозреваемого (обвиняемого) (ч. 1. ст. 115 УПК РФ);

3) иные лица, не являющиеся подозреваемыми (обвиняемыми) (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Если с подозреваемым и обвиняемым все предельно ясно, их процессуальный статус определен нормами действующего законодательства (ст. 46, 47 УПК РФ), то с лицами, несущими материальную ответственность, а также иными лицами ситуация обстоит иначе. Законодатель не акцентирует внимания на том, кто конкретно относится к данной категории. Данный вопрос был рассмотрен в рамках отдельной статьи[2], в связи с чем подробно освещать эти категории нет необходимости. Следует только отметить, что перечень иных лиц не является исчерпывающим и по мере развития правоприменительной практики будет расширяться в зависимости от складывающейся обстановки.

Законный интерес данной группы будет состоять в стремлении не противоречащими действующему законодательству средствами сохранить принадлежащее им имущество, а в случаях, когда арест уже наложен, – отменить его или изменить ограничения[3].

Ко *второй* группе субъектов, чьи права и законные интересы затрагиваются наложением ареста на имущество, относится потерпевшая сторона, в числе которой как сами потерпевшие, так и гражданский истец, либо же представитель потерпевшего. Наложением ареста на имущество может быть обеспечено возмещение причиненного преступлением вреда.

И в случаях отмены ареста, наложенного в рамках производства по уголовному делу, либо же при невозможности реализации арестованного имущества их право на возмещение причиненного вреда будет затронуто, либо же не реализовано. Следовательно, законный интерес рассматриваемой группы

[1] Судебная статистика // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 27.01.2025).

[2] Подр.: Денисова М.Д. Круг лиц, в отношении которых может применяться мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 137-145.

[3] Подр.: Назарова М.Д. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при наложении ареста на имущество : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. С. 9.

будет заключаться в следующем – в стремлении быстро и в полном объеме возместить причиненный преступлением вред, право на возмещение которого предписано им Конституцией РФ.

На основании вышесказанного можно сделать ряд выводов.

1. Наложение ареста на имущество – является широко распространенной мерой процессуального принуждения, что подтверждается статистической отчетностью судебных органов.

2. В процессе применения данной меры процессуального принуждения затрагиваются права и законные интересы двух совершенно противоположных категорий лиц:

а) лица, чье имущество непосредственно подвергается аресту, которых условно можно подразделить на три подгруппы: лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, т.е. подозреваемые (обвиняемые); лица, несущие по закону материальную ответственность (к примеру, гражданский ответчик); иные лица (к примеру, родственники подозреваемого или обвиняемого);

б) лица, чье имущество не подвергается аресту, но их право на возмещение причиненного ущерба обеспечивается данной мерой (потерпевший и т.д.);

3. Затрагиваемые законные интересы рассматриваемых групп субъектов – противоположны.

Курбатова С.М.,

доктор юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет (г. Красноярск)

О ДОСТУПЕ К ПРАВОСУДИЮ И ПРАВЕ НА НЕГО

Вопросы, связанные с доступом к правосудию, о праве на доступ к правосудию, о доступности правосудия и даже о правосудности доступа к чему-то как такового, неоднократно поднимаются в научной литературе[1]. При этом достаточно часто данные словосочетания рассматриваются как синонимы[2]. Тем не менее, несмотря на определенное сходство формулировок, в них заложен разный смысл, на который также оказывает влияние сфера общественных отношений, где они применяются, например, уголовное судопроизводство.

Если обратиться непосредственно к смысловому анализу вышеобозначенных словосочетаний[3], то можно отметить следующее.

«Доступ» понимается в двух аспектах: как проход и возможность проникновения куда-либо; как впуск, посещение с какой-целью. Тогда как «доступность» определяется в основном как удобство достижения какого-либо пункта из исходной точки. Однако в научной юридической литературе доступность зачастую трактуется как принцип права[4].

«Правосудие» также раскрывается двояко: и как деятельность судебных органов, и как справедливое, законное разрешение дела судом. При этом при толковании контекста слова «правосудие» можно встретить терминологию и «право на суд (на обращение в суд)», и «право на судебную защиту». Последний вариант применяется более широко, во многом в связи с тем, что в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ прямо закреплено положение о том, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Чаще всего оба данных права рассматриваются как предоставленная субъекту государством возможность действовать определенным образом, в дан-

[1] См.: Смородинова А. Г., Мирза Л. Доступ к правосудию как правовое явление // Российский судья. 2009. № 2. С. 12-15; Руднева Ю.В., Больсунов М.А. Право на доступ к правосудию: понятие и сфера применения // Вопросы экономики и права. 2013. № 65. С. 27-30; Жилина А.Ю. Доступность правосудия: история и современность // Постулат. 2020. № 11(61). С. 6; Иванов А. Правосудие и правосудность: возвращение к Аристотелю // Закон и право. 2007. № 4. С. 39.

[2] См.: Коновалова Е.В. Основные препятствия в доступе к правосудию и осуществлению справедливого судебного разбирательства // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2007. № 6. С. 203-206.

[3] См.: Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940 и др.

[4] Гамалей А.А., Осипова Е.А. Доступность правосудия и условия его реализации // Право и практика. 2023. № 4. С. 24-28; Алиев Т.Т. Доступность правосудия как правовой принцип // Современное право. 2020. № 12. С. 105-110.

ном случае – обратиться в суд за защитой своих прав, свобод и законных интересов. Однако право на суд, как уточнение термина правосудие, может раскрываться также и как право уполномоченных на то органов власти судить, и как обязанность суда судить на основе права.

Отсюда появление понятия «правосудный», то есть соответствующий требованиям закона, основанный на правосудии.

Применительно к уголовному судопроизводству данная терминология, сохраняя свой изначальный смысл, приобретает уголовно-процессуальное значение.

Так, одной из особенностей уголовного судопроизводства является то, что в нем присутствует досудебное производство, что обуславливает вопрос о начале осуществления правосудия как такового.

Содержание раздела II УПК РФ («Участники уголовного судопроизводства») позволяет определить круг лиц, для которых актуален вопрос доступа и доступности правосудия по уголовным делам. Однако к этому можно подойти широко и охватить всех участников, кроме государственных органов и должностных лиц, участие в производстве по уголовным делам для которых является обязанностью вследствие занимаемых ими должностей, а можно узко, выделив лишь подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего.

Доступ и доступность могут стать реальной проблемой для лиц с ограниченными физическими и (или) когнитивными возможностями (инвалиды-колясочники, слепые, лица старшего возраста и др.).

Тем самым смысловая неопределенность рассматриваемой терминологии общеправового характера влечет за собой неоднозначность и в уголовном процессе. Учитывая концептуальную и практическую значимость данных терминов, особенно в контексте обсуждений последних лет о необходимости цифровизации российского уголовного судопроизводства, представляется значимым как для теории, так и для практики их анализ и сопоставление.

Вастьянова О.Д.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О СООТНОШЕНИИ СМЕШАННЫХ И КОМПЛЕКСНЫХ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ

Изучение соотношения смешанных и комплексных правовых институтов требует детального анализа их правовой природы, функционального назначения и взаимодействия в системе права, что позволяет выявить их роль в регулировании сложных общественных отношений и впоследствии определить направления совершенствования правового регулирования. Смешанные и комплексные правовые институты представляют собой важные элементы правовой системы, которые объединяют нормы различных отраслей права для регулирования сложных общественных отношений. Их теоретико-правовая характеристика требует анализа природы, структуры, функций и особенностей таких институтов.

Понимание соотношения смешанных и комплексных правовых институтов, а также критериев их разграничения, имеет принципиальное значение для правильной квалификации правовых ситуаций и применения необходимых правовых норм. Смешанный институт возникает, когда норма права, относящаяся к одной отрасли, регулирует отношения, традиционно входящие в предмет регулирования другой отрасли. Комплексный же институт, напротив, представляет собой интеграцию норм нескольких отраслей права для достижения единой цели регулирования, зачастую порождая новые, уникальные правовые конструкции. При этом необходимо учитывать, что формирование и функционирование как смешанных, так и комплексных институтов обусловлено объективными потребностями общественного развития и стремлением к более эффективному правовому регулированию. Анализ их структуры предполагает изучение входящих в их состав элементов, связей между ними и их функциональной роли в рамках целостного института. Особое внимание следует уделять исследованию коллизий, которые могут возникать при применении норм различных отраслей права, интегрированных в смешанный

или комплексный институт, и разработке механизмов их разрешения.

Институты уголовно-процессуального права – это структурные подразделения именно этой отрасли права. Они отличаются отраслевой обособленностью и должны включать только нормы, которые регулируют общественные отношения, связанные с осуществлением правосудия по уголовным делам. Институты уголовно-процессуального права все чаще к себе привлекают внимание со стороны научного сообщества. Зачастую авторами проводится анализ и предлагаются оригинальные классификации системы уголовно-процессуальных институтов, хотя на наш взгляд единства мнений на этот счет нет. Как верно отмечает Н.В. Лантух, обязательным условием включения норм права в отдельный институт является однородность и однопредметность конкретных норм права, регулирующих уголовное судопроизводство[1] и только такие нормы могут быть включены в состав института уголовно-процессуального права. Аналогичной точки зрения придерживаются ряд иных ученых[2].

В целях преодоления трудностей, связанных с изучением правовых институтов, данное исследование направлено на определение теоретико-правовых характеристик смешанных и комплексных институтов. Предпосылками к доктринальному изучению указанной проблематики послужило упразднение устаревших институтов уголовно-процессуального права (протокольная форма досудебной подготовки материалов, возвращение дела судом на дополнительное расследование, институт народных заседателей, прокурорское уголовное преследование) и введение в уголовно-процессуальное право не отдельных правовых норм, а целых правовых институтов (судебный контроль, суд с участием присяжных заседателей, производство у мирового судьи, особый порядок судебного разбирательства, отказ прокурора от обвинения), представляющих собой группу норм, регулирующих комплекс однородных общественных отношений[3].

Понятие смешанных и комплексных институтов.

Под смешанными институтами следует понимать правовые образования, которые включают нормы различных отраслей права, но при этом сохраняют свою принадлежность к одной основной отрасли. Например, институт реабилитации в уголовном процессе (глава 18 УПК РФ) сочетает нормы конституционного, уголовно-процессуального, гражданского и гражданско-процессуального права, но остается институтом уголовно-процессуального права.

Под комплексными институтами понимают более широкие правовые образования, которые формируются на стыке нескольких отраслей права и не имеют четкой принадлежности к одной из них. Они регулируют общественные отношения, которые не могут быть урегулированы в рамках одной отрасли права. Например, институт возмещения вреда в уголовном процессе (ст. 133 УПК РФ) включает гражданско-правовые элементы (возмещение ущерба), но остается уголовно-процессуальным институтом.

Однако в представленном примере с возмещением вреда в уголовном процессе (ст. 133 УПК РФ) сложно увидеть пример комплексного института в том смысле, как он понимается в теории права. Скорее, это вновь пример смешанного института, поскольку ядро правового регулирования остается в рамках уголовно-процессуального права, а гражданско-правовые элементы лишь дополняют его, обеспечивая компенсацию причиненного вреда. Настоящий комплексный институт предполагает более глубокую интеграцию норм нескольких отраслей права, образуя качественно новое правовое образование, которое сложно однозначно отнести к одной из них. В качестве примера комплексного института можно привести можно привести институт мер пресечения[4]. Он сочетает в себе элементы как процессуального (определение оснований, порядка применения и отмены), так и материального права (ограничение прав и свобод личности), преследуя

[1] Лантух Н. В. Теория уголовно-процессуальных институтов. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. 156 с.

[2] Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: правотворческая практика, система и структура права. Ярославль, 1996. С. 230-231; Ларин А.М. Структура права и структура законодательства. М., 1985. С. 143.

[3] Лантух Н.В. Проблемы совершенствования структурных подразделений уголовно-процессуального права // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 9. С. 75-80.

[4] Болоти С.В. Еще раз к вопросу о комплексных правоотношениях в уголовном судопроизводстве России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4(83). С. 29-36.

цели обеспечения надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого), предотвращения совершения им новых преступлений и обеспечения возможности исполнения приговора. Таким образом, институт мер пресечения, будучи комплексным, регулирует широкий спектр отношений, возникающих в процессе уголовного судопроизводства, и оказывает существенное влияние на соблюдение прав и законных интересов участников процесса. Его комплексный характер предопределяет необходимость его детального теоретико-правового анализа и совершенствования правового регулирования. В поддержку данной позиции следует привести мнение С.Б. Россинского, комплексно исследовавшего институт задержания. Он обоснованно указывает на то, что нормы, обеспечивающие право на защиту фактически задержанного лица, давно «переросли» рамки УПК РФ и стремятся к межотраслевому характеру[1].

На наш взгляд, ключевое отличие комплексного института от смешанного заключается в степени интеграции и самостоятельности. Смешанный институт, как правило, сохраняет свою принадлежность к основной отрасли права, используя нормы других отраслей лишь для дополнения или уточнения регулирования. Комплексный же институт формирует самостоятельную сферу правового регулирования, где границы между отраслями размываются, и правовые нормы взаимодействуют на равноправной основе для достижения общего результата. Анализ таких институтов требует междисциплинарного подхода и учета специфики каждой из входящих в его состав отраслей права.

Анализируя указанные определения, можно прийти к выводу о теоретико-правовой характеристике смешанных и комплексных институтов. Так, смешанные институты возникают в рамках одной отрасли права, но заимствуют нормы из других отраслей для более эффективного регулирования. В свою очередь, комплексные институты в уголовно-процессуальном праве представляют собой правовые образования, которые объединяют нормы различных отраслей права для регулирования сложных общественных отношений, возникающих в рамках уголовного судопроизводства. Эти институты характеризуются межотраслевым характером и направлены на обеспечение эффективного правового регулирования, защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Диваев А.Б.,

кандидат юридических наук, доцент
Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк)

Проблемы обращения к исполнению определений и постановлений суда по уголовным делам

Деятельность по обращению к исполнению судебных решений, вынесенных как в ходе производства по уголовным делам, так и по его итогам – одно из «белых пятен» современного уголовно-процессуального законодательства.

Как показывает изучение крайне немногочисленных работ, так или иначе затрагивающих проблему обращения к исполнению судебных решений, большинство исследователей, видимо ориентируясь на расположение статей уголовно-процессуального закона, посвященных обращению судебных решений к исполнению, которые традиционно помещались и советским, и российским законодателем в раздел, регламентирующий порядок исполнения приговора, считают этот вид процессуальной деятельности частью (элементом) «стадии исполнения приговора»[2].

Другой «полюс» мнений относительно процессуальной природы обращение к исполнению судебных решений по уголовным делам представляют авторы, которые не считают возможным относить этот вид деятельности к «стадии исполнения приговора», рассматривая его вне каких-бы то ни было уголовно-процессуальных стадий. Такой подход по рассматриваемой проблеме разделяют как

[1] Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М. : «Проспект», 2019.
[2] См., напр.: Свиридов М.К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск : Изд. Томского университета, 1978. С. 109; Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М. : Статут, 2017. С. 1206 и др.

сторонники концепта «стадии исполнения приговора»[1], так и его противники.

Возьмем на себя смелость возразить и первой, и второй точкам зрения. В нашем понимании деятельность по обращению судебных решений по уголовному делу к исполнению – это не часть стадии исполнения приговора, это и есть данная стадия – стадия исполнения судебных решений по уголовному делу. Здесь мы не будем подробно аргументировать выдвинутый тезис, это мы делали в более ранних исследованиях[2]. Однако повторим: обращение судебных решений по уголовным делам к исполнению, как и любая другая стадия любого уголовно-процессуального производства, воплощает в себе *неотъемлемый, обусловленный объективной природой этап правоприменительной деятельности*, суть которого заключается в доведении принятого (вынесенного, постановленного) на основе установленной фактической стороны дела и квалификации решения до адресата, чем, собственно, подводится итог применению нормы права.

Глава 46 УПК РФ предусматривает порядок обращения к исполнению приговоров, постановлений и определений суда по уголовному делу. Обратим внимание, что согласно смыслу, заключенному в положениях этой части уголовно-процессуального закона, процедуре обращения к исполнению подлежат не только приговоры, но и другие решения суда, вынесенные входе досудебного и судебного производства по уголовному делу. Это прямо предусмотрено в ч. 1 ст. 391 УПК РФ, согласно которой определение или постановление суда первой инстанции вступает в законную силу и обращается к исполнению по истечении срока его обжалования в апелляционном порядке либо в день вынесения судом апелляционной инстанции определения или постановления.

Указанное положение закона влечет два справедливых вопроса: 1) что имеет в виду законодатель, упоминая о некоем «сроке их обжалования в апелляционном порядке» и 2) каков, собственно, порядок обращения определений и постановлений суда в законную силу? Дальнейший анализ ст. 391 УПК РФ вполне очевидно показывает, что ни на один из них в законе ответа нет, что представляет собой проблему как для правоприменителя, так и для участников уголовно-процессуальной деятельности, интересы которых затрагиваются данным определением или постановлением. Попытаемся сформулировать свои варианты ее решения.

Прежде всего, ведя речь о порядке обращения к исполнению, необходимо определиться с предметом этой деятельности или, другими словами, выяснить, какие именно судебные решения, помимо приговора, подлежат обращению к исполнению.

В настоящее время уголовно-процессуальный закон весь массив судебных решений по уголовному делу делит на две группы: итоговые и промежуточные решения. К первой, согласно п. 53.2 ст. 5 УПК РФ, отнесены приговор, а также *иные* решения суда, вынесенные в ходе судебного разбирательства. Если итоговый характер приговора не подлежит сомнению, то, что относится к «иным» итоговым решениям, закон ответа не дает. В этой связи Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» указал, что таковыми являются «определение (постановление) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, определение (постановление) о применении либо об отказе в применении принудительных мер медицинского характера, определение (постановление) о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия».

В целом логика законодателя и Пленума Верховного Суда РФ, сформулировавших свое видение системы итоговых судебных решений *по уголовному делу*, понятна и бесспорна, чего не скажешь о другой группе судебных решений, выделенных законодателем под общим наименованием «промежуточные». Даже беглый анализ их весьма неполного перечня, который дан в ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ, показывает, что законодатель в него включил весьма «разношерстную» группу судебных решений, некоторые из ко-

[1] Малышева О.А. Уголовно-процессуальные основы исполнения приговора : учебник. М. : Норма, 2017. С. 26; Тулянский Д.В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2009. С. 16 и др.

[2] См., напр.: Диваев А.Б. Обращение к исполнению приговоров, определений, постановлений - завершающая стадия производства по уголовному делу // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1(42). С. 149-159.

торых назвать промежуточными весьма сложно (например, судебные постановления о применении мер пресечения по итогам рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, о разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора и др.).

В данной связи мы могли бы предложить законодателю вариант модернизации определения понятия «итоговое судебное решение» за счет включения в их число не только приговора и иного решение суда, которым уголовное дело разрешается по существу, но и судебных решений, принимаемых по итогам разрешения иных вопросов в порядке, установленном УПК РФ.

Как представляется, в основе регламентации порядка обращения их к исполнению должна лежать логика разделения всего массива судебных решений в уголовном процессе на итоговые и промежуточные решения по уголовному делу, а также иные итоговые решения. Соответственно должен быть дифференцирован и сам порядок обращения к исполнению каждого из указанных видов судебных решений. В настоящее же время он унифицирован, что создает определенные проблемы с реализацией нормативных предписаний.

Если следовать буквальному толкованию ч. 1. ст. 393 УПК РФ, *любое* определение или постановление суда, вынесенное по уголовному делу, *должно* быть обращено к исполнению, независимо от того итоговым или промежуточным решением оно является. Однако такой вывод, учитывая однозначность формулировки этой нормы уголовно-процессуального закона, подразумевает и необходимость регламентации порядка обращения их к исполнению, которой в законе, по сути, *нет*. Не особо здесь добавляет ясности и ч. 1 ст. 127 УПК РФ, которая устанавливает, что жалобы и представления на судебные решения, принимаемые в ходе *досудебного* производства по уголовному делу, приносятся в порядке, установленном главами 45.1. и 47.1 УПК РФ, т.е. в порядке апелляционного и кассационного пересмотра судебных решений. Наоборот, это положение еще больше запутывает ситуацию, т.к. упоминает лишь об определениях и постановлениях, принимаемых в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, а стало быть оно не распространяет свое действие на определения и постановления суда, принимаемые в его судебных стадиях. В каком тогда порядке должны приносится жалобы и представления на эти судебные решения?

Индикатором наличия проблемы является тот факт, что она стала предметом рассмотрения Пленума Верховного Суда РФ, который в п. 9 постановления от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», по сути, призвал суды в отсутствии надлежащего правового регулирования порядка обращения к исполнению определений и постановлений суда по уголовному делу действовать по аналогии закона. Идеально ли такое решение проблемы? Думается, что нет.

С одной стороны, в отсутствии норм, которые должны регламентировать отношения, объективно нуждающиеся в этом, она является чуть ли не единственным средством преодоления пробелов закона – это очевидный факт. Однако, с другой стороны, насколько оправдан такой способ в условиях единства уголовно-процессуальной формы? Тем более, что УПК РФ ничего не упоминает о возможном применении аналогии закона, а учитывая преимущество императивный способ правового регулирования, характерный для уголовно-процессуального права, такую «фигуру умолчания» со стороны закона можно рассматривать как запрет на использование аналогии закона.

Повторим, в условиях несовершенного процессуального регулирования уголовно-процессуальных отношений, правоприменитель, к сожалению, просто *вынужден* применять аналогию закона. В этой части мы можем согласиться со сторонниками ее допуска в сферу уголовно-процессуального регулирования[1]. В то же время, как представляется, использование аналогии закона в той иной сфере уголовно-процессуального регулирования должно отвечать двум условиям:

1) возможность ее применения должна быть санкционирована решением одного из

[1] Зайцева Е.С., Козловский П.В. Аналогия права как способ преодоления пробелов в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. №4 (63). С. 7-12; Францифоров Ю.В., Овчинникова Н.О. Аналогия закона и аналогия права в российском уголовном процессе как способ преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве // Legal Concept. 2016. №1 (30). С. 156-166; Победкин А.В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 66-77.

высших судебных органов нашей страны – Конституционным Судом РФ или Верховным Судом РФ, что не позволит нарушить единство уголовно-процессуальной формы и, как следствие, единообразие судебно-следственной практики;

2) появление такой возможности, ее закрепление на уровне актов высших органов судебной власти должна обязывать их к обращению с законодательной инициативой о внесении соответствующих изменений и дополнений в УПК РФ и иные законодательные акты, дабы устранить саму причину, повлекшую допуск применения уголовно-процессуального закона по аналогии. Думается, что это обеспечит регламентацию неурегулированной группы уголовно-процессуальных отношений и позволит оперативно устранять пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве.

Итак, уголовно-процессуальный закон, где-то прямо, где-то посредством аналогии, но в той или иной степени способен дать ответ на вопрос, в какой срок определения и постановления судов, вынесенные по уголовному делу, вступают в законную силу. Но в таком случае каков порядок их обращения к исполнению?

Отвечая на поставленный вопрос, снова необходимо отграничивать итоговые и промежуточные судебные решения, т.к. порядок обращения к исполнению итоговых определений и постановлений суда по уголовному делу понятен – он идентичен порядку обращения к исполнению приговора суда, который обращается к исполнению немедленно после провозглашения до вступления его в законную силу (ст. 311 УПК РФ). Но насколько понятен порядок обращения к исполнению итоговых судебных решений по уголовному делу, настолько же запутан регламент обращения к исполнению промежуточных решений суда и его постановлений, вынесенных по итогам иных уголовно-процессуальных производств (например, производства по рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора и пр.).

Еще раз вернемся к норме ч. 1 ст. 391 УПК РФ, согласно которой «определение или постановление суда первой инстанции вступает в законную силу и обращается к исполнению по истечении срока его обжалования в апелляционном порядке…». Если следовать ее буквальному толкованию (а другого здесь просто не может быть), последовательность действий суда при обращении к исполнению промежуточных судебных решений должна выглядеть следующим образом: суд выносит соответствующее определение или постановление – через 15 суток (или по истечению иного срока, установленного законом) оно вступает в законную силу – суд самостоятельно исполняет предписания определения или постановления, либо направляет распоряжение о его исполнении в уполномоченный орган. Однако такой порядок обращения к исполнению для промежуточных решений суда по уголовному делу абсурден и в реальности все они исполняются *немедленно,* до их формального вступления в законную силу. Соответственно, если положения ч. 1 ст. 391 УПК РФ и справедливы, то только для итоговых определений и постановлений суда.

Единственным способом устранения проблемы является коррекция норм статей 127 и 391 УПК РФ путем: 1) установления дифференцированных сроков вступления в законную силу итоговых и промежуточных судебных решений, равных 15-ти и 3-м суткам со дня их вынесения; 2) прямого указания в ч. 1 ст. 391 на порядок обращения к исполнению итоговых определений и постановлений, унифицировав его с порядком обращения к исполнению приговора; 3) закрепления в ст. 391 УПК РФ отдельной нормы, предусматривающей порядок обращения к исполнению промежуточных судебных решений, предусмотрев, что они полежат исполнению судом немедленно, после их вынесения, с возможностью их апелляционного обжалования в установленный законом срок.

Михайлова Т.Н.,

кандидат педагогических наук, доцент
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

Процессуальное значение дискреционных полномочий органов правоприменения в ювенальном уголовном судопроизводстве России

Ювенальное уголовное судопроизводство России находится в процессе динамичного преобразования. Современный законодатель пытается возродить существующую в дореволюционном праве систему ювенальной юстиции с учетом использования современных ювенальных технологий. Значительно повысился уровень защиты законных прав и интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых посредством закрепления смешанной модели, сочетающей в себе оказание профессиональной защиты со стороны защитника, моральной защиты – со стороны законных представителей, психологической защиты (сопровождения) – со стороны психолога, а также педагогической защиты (поддержки, помощи) – со стороны педагога[1]. Все это свидетельствует о повышенном внимании государства и общества к проблемам детской преступности и использованию восстановительных ювенальных технологий, позволяющих учитывать индивидуальные особенности каждого несовершеннолетнего участника уголовно-процессуальных отношений.

В целом нормы уголовно-процессуального права носят императивный характер и направлены на беспрекословное исполнение содержащихся в них предписаний. Однако современный законодатель постепенно начинает осмысливать ограниченность доминирующего в советский период позитивистского (нормативного) понимания права. На принцип исключительности правовых норм оказывают воздействие дискреционные проявления, позволяющие органам правоприменения в определенных случаях действовать по своему усмотрению. Как отмечает В.А. Вайпан, «весы правопонимания и правоприменения в обществе качнулись в другую сторону, по сути, индивидуализированного подхода к нормам права, их расширительного толкования применительно к конкретным ситуациям на основе общих принципов и начал, используемых не только в праве, но и во всей социальной и политической надстройке»[2].

Безусловно, высокий темп развития общественных отношений, многообразие ежеминутно возникающих жизненных ситуаций провоцируют невозможность создания стабильных универсальных норм, регулирующих весь массив появляющихся в социуме жизненных явлений. Законодатель связан определенными временными рамками по разработке новых правил поведения и процессу введения их в правовое пространство. Право, как институт, созданный человеком, не успевает выступать императивным регулятором везде и во всем, в связи с чем появляются пробелы и коллизии правовых норм. В такой ситуации законодатель вынужден предоставить органам правоприменения в определенных случаях возможность индивидуального толкования норм права, исходя из усмотрения и внутреннего убеждения с целью своевременного принятия оптимального решения по делу. Данный подход позволяет обновить регулятивную жизнь правовой нормы, предоставляя возможность ее применения к конкретному правовому конфликту. Как отмечал П.Г. Марфицин, «именно усмотрение позволяет оптимально совместить юридическую норму и социальную ситуацию, к которой она непосредственно относится»[3]. Таким образом, с помощью дискреции происходит индивидуализация применения права к конкретной жизненной ситуации. На наш взгляд, закрепление дискреционных полномочий в нормативных правовых актах выступает необходимым элементом развития общественных отношений, требующих постоянного правового сопровождения.

Термин «дискреция» происходит от латинского «discretio», что означает «усмотре-

[1] Михайлова Т.Н. Уголовно-процессуальная модель защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 57-64.

[2] Вайпан В.А. Судебное усмотрение при разрешении экономических споров // Судейское усмотрение : сборник статей / отв. ред. О.А. Егорова, В.А. Вайпан, Д.А. Фомин. М. : Юстицинформ, 2020. С. 20-34.

[3] Марфицин П.Г. Усмотрение следователя: уголовно-процессуальный аспект : дис. …д-ра юрид. наук. Омск, 2003. 418 с.

ние». В переводе с английского «discretion» означает «усмотрение, осмотрительность, сдержанность, благоразумие, рассудительность». Словарь русского языка определяет дискрецию как «специальную возможность, право или полномочие в условиях неопределенности решать проблемы по собственному усмотрению»[1].

Вообще, правовой феномен «дискреция» не является чем-то новым для юридической науки. Как способ отправления правосудия дискреция была известна праву античной эпохи, во времена существования которой действовал принцип: «Discretio est scire per legem quild sit justum – усмотрение есть знание того, что с точки зрения права является справедливым»[2]. Не вникая в историю вопроса, отметим, что на любом этапе развития правовой мысли дискреция выступает объективно необходимым явлением, позволяющим при рассмотрении правового вопроса учесть не только объективные, но и субъективные факторы, влияющие на установление истины по делу.

На наш взгляд, в ювенальном судопроизводстве каждое уголовное дело как никакое другое требует соблюдения баланса между применяемой нормой права и учетом индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего правонарушителя. Использование стандартных, единообразных правил и шаблонов расследования не должно иметь место, если преступление совершает ребенок. Общие нормы права должны использоваться как мононормы, позволяющие установить дифференцированный предмет доказывания по данной категории уголовных дел, применить ювенальные технологии на всех стадиях уголовного процесса.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ не содержит в своих нормах термина «дискреция», однако оперирует такими понятиями, как «усмотрение», «внутреннее убеждение», «самостоятельность», «мнение», «инициатива, «право». Как видим, дискреция закреплена на уровне структурирования отдельных уголовно-процессуальных норм. На данный прием законодательной техники обратил пристальное внимание С.С. Безруков, исследуя оценочные понятия и термины, оперировать которыми без усмотрения органов правоприменения не представляется возможным[3].

Действительно, в предлагаемой законодателем конструкции некоторых правовых норм посредством использования лингвистических приемов органам правоприменения предоставляется определенная степень свободы в выборе поведения. Применительно к ювенальному судопроизводству ярким примером может служить конструкция нормы ст. 191 УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего». В рамках перечисленных следственных действий, проводимых с участием несовершеннолетнего, не достигшего 16-летнего возраста, либо достигшего, но имеющего психическое расстройство или отставание в психическом развитии, помимо обычного состава участников обязательно должен присутствовать педагог или психолог. Формулировка ч. 1 ст. 191 УПК РФ отдает право выбора вышеуказанных специалистов полностью на усмотрение следователя. Именно следователь по своему усмотрению, исходя из индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего лица, определяет, в рамках каких следственных действий должен принять участие педагог, а в рамках каких – психолог. Конструкция правовой нормы составлена таким образом, что позволяет органу правоприменения реализовать свои дискреционные полномочия, исходя из учета личностных особенностей несовершеннолетнего лица. Аналогичная дискреция относительно приглашения педагога и специалиста для производства допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей закреплена и в отношении суда (ч. 1 ст. 280 УПК РФ).

Правовой анализ УПК РФ позволил выявить следующую особенность. Законодатель при конструировании ювенальных уголовно-процессуальных норм использует как минимум три варианта юридической техники. Так, в одних случаях устанавливаются абсолютно-определенные конструкции, закрепляющие в императивной форме конкрет-

[1] Большой толковый словарь русского языка / под общ. ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт; М. : Рипол классик, 2008. 1534 с.

[2] Машинникова Н.О. Роль усмотрения суда в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28. Выпуск 6. С. 823-829.

[3] Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве : дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2001. 220 с.

ный тип поведения органа правоприменения, не допускающий отступления и не предоставляющий ему право выбора. Например, согласно ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним.

В других случаях законодатель конструирует правовую норму с относительно-определенным содержанием: наряду с императивным правилом закрепляется другой, конкретный вариант поведения, который может быть реализован органом правоприменения в случае замены основного. Д.М. Хузиахметов определяет его как дополнительный, факультативный, допускающий отступление от общего правила[1]. Например, согласно статье 424 УПК РФ законный представитель должен быть назначен на основании постановления следователя, дознавателя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. Однако в последующем он может быть отстранен от участия в уголовном деле, если у органа предварительного расследования появляются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам предоставляемого несовершеннолетнего лица. При таком варианте развития событий, органу правоприменения предоставлен факультативный вариант – допустить в уголовное дело другого законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Третий случай – использование законодателем с помощью определенной терминологии (усмотрение, внутреннее убеждение, самостоятельность, мнение, инициатива, право и другие) относительно-определенных конструкций правовых норм, явно предполагающих возникновение и реализацию дискреционных полномочий органов правоприменения в ювенальном уголовном судопроизводстве России (например, рассмотренные нами выше ч. 1 ст. 191 и ч. 1 ст. 280 УПК РФ).

На наш взгляд, сегодня дискреционные полномочия органов правоприменения выступают востребованным атрибутом современного общества и права. Используемая в рамках уголовного судопроизводства дискреция направлена на компенсирование разницы, возникающей между динамически развивающимися общественными отношениями и несовершенством закона. В ювенальном уголовном судопроизводстве России она способствует индивидуализации применения права к сложной жизненной ситуации, в которой оказался ребенок. Именно дискреция в максимальной степени позволяет учесть личностные характеристики несовершеннолетнего лица, оценить возможность его ресоциализации и дальнейшего законопослушного развития.

Стукалин В.Б.,

кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский военного ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации

Отдельные аспекты подготовки к проведению опознания живых лиц

Общие положения подготовки к проведению опознания живых лиц традиционно рассматривались и рассматриваются учеными-криминалистами. К числу таких авторов можно отнести Т.В. Аверьянову, Д.Н. Балашова, Р.С. Белкина, И.В. Белозерова, Л.В. Бертовского, Н.М. Букаева, В.К. Гавло, Л.Я. Драпкина, Е.П. Ищенко, Ю.Г. Корухова, А.А. Кузнецова, С.В. Маликова, А.А. Топоркова, А.Г. Филиппова, Н.П. Яблокова, В.В. Яровенко и др.

Анализируя высказываемые авторами положения, представляется возможным остановиться на рассмотрении некоторых положений подготовки к проведению опознания живых лиц, обращая внимание на аспекты отдельных элементов. Например, можно говорить о том, что в определенной формулировке в подготовительный этап традиционно включают следующие элементы:

– предварительный допрос опознающего;

– выбор момента предъявления для опознания;

[1] Хузиахметов Д.М. Виды судейского усмотрения в уголовном процессе // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2011. № 14. С. 112-115.

– создание оптимальных условий для производства следственного действия;

– подбор лиц, в числе которых должен быть предъявлен опознаваемый;

– подготовка необходимых научно-технических средств[1].

Перед рассмотрением отдельных аспектов указанных элементов, следует отметить, что данный список должен возглавлять такой элемент подготовки, как анализ (изучение) материалов уголовного дела и материалов оперативно-розыскной деятельности.

Следует отметить, такой элемент указывается одним в качестве элемента подготовки к таким следственным действиям, как проверка и уточнения показаний на месте, следственный эксперимент, обыск, выемка и допрос.

Представляется, что рассматриваемый элемент подготовки к проведению опознания «де факто» уже существует, поскольку выполнение всех последующих элементов невозможно без проведения анализа. Исходя из этого, как видится, целями анализа материалов уголовного дела и оперативно розыскных материалов может выступать:

определение необходимости и возможности проведения опознания живых лиц, исходя из материалов расследуемого уголовного дела. Решение указанных вопросов связано с тем, что преступления экстремистской направленности зачастую носят насильственный характер (например, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117, ст. 357 УК РФ) и проведение познания потерпевшим подозреваемого или обвиняемого может нанести ему психическую травму. Решение этих вопросов требуется, например, в тех случаях, когда опознающим выступает рядовой участник организованной преступной группировки, а опознаваемым руководитель. Решение указанных выше вопросов так же определяется возможностью получения аналогичной или схожей по доказательственному значению информации путем проведения иных следственных действий;

при положительном решении вопроса о необходимости и возможности определяется каким способом будет проводиться опознание. Например, при опознании участником преступного сообщества – другого участника или его организатора провести опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, либо по фотоизображению, либо для большего психологического воздействия опознания провести его в режиме «лицом к лицу»;

определение необходимости проведения допроса лица, которое выступит в роли опознающего, непосредственно перед опознанием, если оно было допрошено ранее. В ст. 193 УПК РФ не определяется, что опознающий должен быть допрошен непосредственно перед производством опознания, указывается лишь на предварительный характер допроса. Следует согласиться с мнением Л.В. Бертовского о том, что если ранее уже допрошенный «детально описал нападавшего и указал, по каким признакам он может узнать его, проводить еще один допрос» необходимости «… нет»[2].

Обращаясь к содержанию предлагаемого элемента, что основным аспектом будет выступать «анализ», поскольку решение о производстве опознания принимает следователь, в производстве которого находится уголовное дело, и «изучать» такое дело ему нет необходимости. В тоже время вполне допустима ситуация, когда «изучение» будет актуальным действием со стороны следователя, например, когда следователь принимает уголовное дело к своему производству, которое было ему передано для проведения дальнейшего расследования. Деятельность по «изучению» будет осуществляться в том случае, если следователь получает материалы проверки сообщений для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Немаловажную роль в содержании предлагаемого элемента играет и «изучение и анализ материалов оперативно-розыскной деятельности», целями которого может быть получение дополнительной информации для решения вопроса о необходимости и возможности проведения опознания; конкретизации способа его проведения; прогнозирования

[1] См., напр.: Балашов Д.Н., Балашов Н.М., Маликов С.В. Криминалистика : учебник. М. : ИНФА-М, 2005; Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л.В. Бертовского. М. : РГ-Пресс, 2019; Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л.Я. Драпкина. М. : Юрайт ; ИД Юрайт, 2012; Криминалистика : учебник / под ред. В.Д. Зеленского, Г.М. Меретукова СПб.: «Юридический центр», 2015; Криминалистка : учебник / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков ; под ред. Е.П. Ищенко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА М-КОНТРАКТ, 2010 и др.

[2] Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л.В. Бертовского. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 647.

поведения опознаваемого (опознающего) при проводимом следственном действии и др.

Не претендуя на полное рассмотрение иных элементов подготовительного этапа к проведению опознания живых лиц, хотелось бы остановиться на некоторых аспектах, относящихся к их содержанию.

Представляется, что в ходе допроса лица, которое в последующем предполагается, что выступит в роли опознающего, помимо выяснения информации «об обстоятельствах, при которых видели предъявляемые для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым могут его опознать», что определяется положениями ч. 2 ст. 193 УПК РФ, у него необходимо выяснять не только возможность опознания, но и согласие на участие в производстве опознания.

Представляется верной точка зрения о том, что ответ на вопрос: «Сможете ли Вы опознать лицо, о котором дали показания?» носит для следователя ориентирующий характер[1], поскольку может иметь место несколько ситуаций. Одна из них – когда при достаточно подробном описании примет внешности допрашиваемым, он отрицательно отвечает на вопрос о возможности опознания. Такая позиция может обуславливаться разными причинами: чувством страха допрашиваемого перед преступником, например, когда допрашиваются участник преступного сообщества, участие которого в опознании предполагает установление другого участника; нежеланием становиться участником уголовного судопроизводства и др. В любом случае от следователя требуется выяснение этих причин и их преодоления. Это может потребовать от следователя всего его умения убеждения в необходимости участия в опознания «лицом к лицу». Если допрашиваемый продолжает категорически отказываться от участия, то необходимо разъяснить возможность опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, либо проведение опознания по фотоизображению.

Еще одной ситуацией, требующей самостоятельного решения следователя о необходимости проведения опознания, является позиция допрашиваемого, которую можно охарактеризовать как «Вы покажите, а я точно опознаю». При этом в ходе допроса не называются конкретные признаки внешности лица, либо описываются неконкретных примет лица, которого предполагается опознавать. В указанной ситуации, как представляется, следует воздержаться от опознания, поскольку его доказательственное значение в последующем легко может быть оспорено заявлением о том, что на предварительном допросе опознающий не смог указать конкретные приметы опознаваемого, а при производстве опознания они были опознающим названы, поскольку он видел перед собой конкретного человека.

Представляется, что помимо оценки возможности допрашиваемым опознать лицо, о котором он дал показания, следователю необходимо выяснить и его согласие на участие в данном следственном действии, которое будет проводиться определенным способом. Вполне возможна ситуация, когда допрашиваемый скажет, что сможет опознать лицо, о котором дал показания, и у следователя не будет сомнений в такой возможности. А в последующем допрошенный откажется от участия в опознании «лицом к лицу», в том числе и по причинам, рассмотренным выше.

Закрепление в протоколе допроса согласия на участие в опознании определенным способом не является гарантией последующего беспроблемного проведения планируемого следственного действия, но может быть достаточным основанием для дальнейшей деятельности следователя по подготовке проведения опознания согласованным способом.

Изложенные выше аспекты содержания отдельных элементов подготовительного этапа производства опознания живых лиц, как видится, не могут быть оценены как конечный список, поскольку обстоятельства расследования конкретного уголовного дела могут определить и иные особенности или иные аспекты.

[1] Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л. Я. Драпкина. М. : Юрайт ; ИД Юрайт, 2012. С. 389.

Абрамова Л.Л.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Решение об отказе от уголовного преследования – широкое поле для реализации принципа целесообразности

Информационно-технический прогресс, значительный рост и трансформация преступности и другие социальные явления действительности заставляют констатировать неспособность эффективного реагирования государства на многочисленные сообщения о совершенных преступлениях. Статистические данные указывают на низкий уровень раскрываемости преступлений. Высокая нагрузка на следователей, дознавателей, судей препятствует качественному расследованию и разрешению уголовных дел. Кроме того, чрезмерная формализация уголовного процесса, включающая излишние и дублирующие процедуры, затрудняет эффективное противодействие преступности. Потребность в процессуальной экономии объективно назрела. Очевидно, что система уголовной юстиции столкнулась с проблемой перегруженности, неограниченного расширения сроков рассмотрения дел, значительного увеличения затрат на правосудие.

Указанное взывает обратиться к поиску новых механизмов и альтернатив уголовному преследованию, которые позволяли бы разрешать уголовно-правовой конфликт непроцессуальными инструментами, не прибегая к уголовному преследованию как таковому, даже в тех случаях, когда для него имеются основания.

Внедрение более эффективных процедур и технологий может позволить ускорить процесс и снизить издержки, создать более надежные гарантии интересов лиц, пострадавших от преступных деяний.

Постановка изложенных проблем, в духе конвергенции и дивергенции права[1], тенденций сближения порядков уголовного судопроизводства в различных государствах детерминировали необходимость изучения несвойственных российскому законодательству, но широко применяемых за рубежом правовых категорий, одной из которых является целесообразность.

Механизм правового регулирования уголовно-процессуальных отношений в рамках того или иного национального законодательства во многом зависит от того, какое из начал положено в основу полномочий государства по осуществлению уголовного преследования. В научной доктрине условно выделяются два основополагающих подхода к инициированию должностного уголовного преследования. Первый представлен принципом легальности (законности), второй – целесообразности.

Позитивистское правопонимание и отрицание судебного прецедента в качестве источника права в российском уголовном процессе делают невозможным отступление от прямых предписаний закона, соответственно ставят во главу угла начало легальности (законности). В таком контексте, согласно предписаниям ч. 1 ст. 21 УПК РФ по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения должностные лица, выполняя по долгу службы функцию должностного преследования (ex officio), наделены императивной обязанностью (а не правом) возбудить уголовное преследование. В то время как уголовный процесс некоторых зарубежных стран, безусловно также подчиняясь установленным критериям «публичного интереса», предоставляет должностным лицам право выбора – возбудить уголовное преследование или отказать, руководствуясь началом целе-

[1] Конвергенция права – это процесс взаимодействия, сближения элементов механизма правового регулирования, принадлежащих различным национальным правовым системам. В ходе конвергенции происходит трансформация национального права, модернизация правотворческого и правоприменительного процессов. Дивергенция права – это сложный и многосторонний процесс внутреннего и внешнего взаимодействия элементов права и правовых систем, выраженный в расхождении организации форм права, требований правовых норм, а также частей единых или близких правовых систем общества. Позитивная роль конвергенции и дивергенции в праве заключается в том, что благодаря им признаются, охраняются и защищаются естественные и неотчуждаемые права и свободы человека практически во всех государствах и их правовых системах… они обеспечивают правовую охрану, единство подходов к организации деятельности государственных аппаратов различных стран, а также унификацию юридической техники и технологии. Теория юридического взаимодействия: конвергенция и дивергенция в праве : курс лекций / О.Д. Третьякова [и др.] ; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2019. С. 14-49.

сообразности. Таким образом, публичность и легальность в уголовном процессе можно соотносить следующим образом. Публичность заключается в том, что производство по уголовным делам осуществляется в интересах общества государственными органами и должностными лицами, а не является частным делом. Субъекты, ведущие производство по делу, обязаны совершать процессуальные действия и принимать решения в силу возложенных на них должностных полномочий, независимо от усмотрения частных лиц и организаций[1]. Легальность (законность) же означает точное и неуклонное соблюдение и исполнение закона органами уголовного судопроизводства и иными лицами, участвующими в деле. Соблюдение закона в процессуальной деятельности – обязанность не только властных субъектов уголовного судопроизводства, но и всех остальных его участников[2]. Таким образом, принципы публичности и законности существуют в различных правовых плоскостях и характеризуют взаимосвязанные, но отличные аспекты уголовно-процессуальной деятельности, ее формальную и сущностную сторону.

В соответствии с принципом целесообразности лицо, уполномоченное возбуждать уголовное преследование, имеет право в каждом отдельном случае по своему усмотрению оценить целесообразность и необходимость осуществления уголовного преследования. Иначе говоря, у должностного лица есть возможность отказаться от возбуждения преследования по «причинам, не являющимся юридическими и не связанным с недостаточностью доказательств»[3].

Обратимся к регламентации целесообразности в уголовном процессе. Действующий УПК РФ ее в качестве принципов уголовного процесса прямо не называет. Между тем вопросы целесообразности, дискреционности (усмотрения) не раз становились предметом обсуждения в трудах известных российских ученых: Л.М. Володиной, Л.А. Воскобитовой, Б.Я. Гаврилова, Л.В. Головко, А.Я. Дубинского, З.З. Зинатуллина, А.М. Ларина, П.А. Лупинской, П.Г. Марфицина, М.С. Строговича, А.А. Чувилева, и многих других.

В определенный исторический период сложилось представление, что целесообразность выступает в качестве антипода законности. Сформировался своего рода стереотип – если допустить целесообразность, то это повлечет произвол, беззаконие. В процессуальной литературе высказывалось негативное отношение к целесообразности как к началу, которое в некоторой степени противостоит идеям законности и неотвратимости уголовной ответственности за преступление.

Вместе с тем полагаем ошибочным противопоставлять целесообразность законности. По мнению П.А. Лупинской, целесообразность является одним из проявлений законности в правоприменительной деятельности. Целесообразность заложена в самом законе, в том, как именно он регулирует поведение правоприменителя, предписывая ему строго определенное поведение, предоставляя известный простор для проявления усмотрения. Правоприменитель должен в своей деятельности исходить из того, что действующий закон считает сообразным[4]. Н.Н. Апостолова справедливо указывает, что сущность принципа целесообразности уголовно-процессуальной деятельности в демократическом уголовном судопроизводстве состоит в том, что в силу конкретных обстоятельств уголовного дела должностные лица, осуществляющие производство по делу, в установленных законом рамках производят такие действия и принимают такие решения, которые обеспечивают наиболее эффективное достижение целей уголовного судопроизводства[5].

Отдельные штрихи целесообразности в действующем российском уголовно-процессуальном законодательстве все же можно обнаружить. На это указывают в самом общем виде положения ст. 38 УПК РФ о полномочиях следователя, который самостоятельно направляет ход расследования, принимает решение о производстве следственных и

[1] Козлова А.Н. Публичность как принцип уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2007. 251 с.

[2] Семенцов В.А. О взаимосвязи публичности, законности и справедливости в системе уголовного судопроизводства // Общество и право. 2011. № 1 (33).

[3] Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 26-27.

[4] См.: Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре РФ» / под общ. ред. Ю.И. Скуратова. М. 1997. Предисловие. С. 12; Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. В.М. Лебедева. М, 2004. С. 198.

[5] Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. С. 137-139.

иных процессуальных действий. Полномочия о задержании лиц и применении к ним мер пресечения также не являются императивной обязанностью следователя. Предусмотренные главами 40, 40.1 УПК РФ особые порядки принятия судебного решения представляют собой явные проявления принципа целесообразности. Законом предусмотрена возможность прекращения начатого уголовного преследования подозреваемого, обвиняемого (ст. 25, 25.1, 27, 28, 28.1, 28.2 ч. 7 и 8 ст. 246 УПК РФ). Решение вопроса о привлечении к проведению следственных действий отдельных участников, например, понятых (ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ), психолога или педагога (ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 280 УПК РФ) также поставлено в зависимость от усмотрения правоприменителя. Нужно констатировать, многие законодательные положения сформулированы таким образом, что их применение невозможно без элементов толкования и усмотрения, в основе которых, как правило, лежат начала целесообразности. Верно отмечает М.В. Бавсун, в законе нередко оставляется право выбора одного решения из нескольких возможных за правоприменителем. В одних случаях такой выбор законодателем предоставляется намеренно, в других объясняется неопределенностью, неконкретностью законодательных предписаний или их несовершенством[1].

Вместе с этим, безусловно, нельзя назвать принцип целесообразности в современном российском уголовно-процессуальном праве главенствующим. В то время как в дореволюционное время принцип целесообразности в уголовном судопроизводстве оценивался как предопределяющий, с учетом наличия у обвинительной власти права усмотрения. Прокурор был обязан, отстаивая интересы общества и правительства, действовать на началах законности, уместности и целесообразности. Являясь стороной в деле, обвинительная власть имела возможность свободно «распоряжаться» уголовным преследованием[2].

В ряде зарубежных стран основополагающим является процессуальный принцип целесообразности. Это означает, что даже незначительные нарушения уголовного закона рассматриваются как преступления, но их уголовное преследование может быть признано нецелесообразным. К таковым относятся страны англо-американской правовой системы, а также ряд государств континентальной Европы (например, Франция, Бельгия). В последние годы наблюдается тенденция к расширению применения принципа целесообразности в уголовном процессе, даже в странах, которые традиционно придерживаются принципа легальности. Например, в Германии этот принцип стал более гибким и учитывающим обстоятельства конкретного дела. Это позволяет судам более эффективно и справедливо подходить к рассмотрению дел, особенно в случаях, когда уголовное преследование нецелесообразно, но не противоречит основным правовым нормам. В Бельгии и Нидерландах существует практика применения института трансакции, который предполагает, что лицо, совершившее противоправное деяние, обязано выплатить определенную денежную сумму в государственный бюджет. При этом уголовное преследование в отношении такого лица не инициируется. В Англии активно используется институт предупреждения (caution), который применяется как к несовершеннолетним, так и к взрослым правонарушителям за незначительные преступления. Основная цель предупреждения – избежать уголовного преследования, но в случае нового правонарушения оно становится обязательным, с учетом ранее совершенного деяния при назначении наказания. Таким образом, альтернативы уголовному преследованию весьма развиты в мировой практике[3].

В российском уголовном процессе подобные опции в основном связаны с основаниями освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела (преследования). Тем не менее, вопрос о возможности отказа в возбуждении уголовного дела на основании данных обстоятельств остается дискуссионным и формально не урегулирован законодательством. Таким образом, закон и доктрина не позволяют удовлетворить объяснимую потребность правоприменителя оптимизировать нагрузку на правоохранительные структуры.

При действующем нормативном регулировании полное подчинение российского

[1] Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Омск, 2002. С. 3.

[2] Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурорской службы. М., 1889. Т. 1. С. 18-20.

[3] Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. С. 120-125.

уголовного процесса действию принципа целесообразности, безусловно, невозможно, для нашего типа процесса данный принцип не является системообразующим, в отличие от публичности и законности. Вместе с тем отдельные его институты могли бы быть фрагментарно подвергнуты трансформации с точки зрения начал целесообразности. Усмотрение должностного лица в правоприменении может иметь место в пределах, очерченных законом. Справедливо отмечает К.В. Муравьев, целесообразными должны являться те процессуальные решения органов предварительного расследования и прокурора, которые при возможности выбора из ряда решений, предусмотренных законом, ведут к эффективности, процессуальной экономичности и гуманности уголовно-процессуальной деятельности[1].

В этой связи, полагаем, что широкое поле для реализации принципа целесообразности предоставляется принятием решения о начале предварительного расследования или об отказе от него. Считаем, что в отечественное судопроизводство необходимо внедрить решение, исключающее проведение неэффективных расследований. При согласии прокурора должен быть предусмотрен отказ от уголовного преследования в связи с нецелесообразностью его осуществления. Такое решение сможет распространяться на ситуации, когда невозможно установить предмет преступления, либо нет точных данных об объективных признаках преступления (дате, времени, месте, способе). Важно подчеркнуть, что согласие прокурора будет служить гарантией принятия обоснованного и объективного решения.

Следует помнить при этом, что официальные должностные лица обязаны действовать строго в рамках закона, без произвола и диспозитивности. В уголовном процессе они решают задачи, исходя из публичного интереса, в пределах предоставленных полномочий. Законодатель предоставляет им дискреционное усмотрение, но требует обосновывать и мотивировать свои решения, чтобы они соответствовали целям уголовного судопроизводства.

Техника дискреционного усмотрения правоприменителя является неотъемлемой частью любой правовой системы и, при правильном применении, соответствует принципу публичности. Развитие подобных механизмов в глобальном смысле связано с поиском новых оптимальных средств борьбы с преступностью, с потребностью в процессуальной экономии.

Шинкевич Д.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Заключение под стражу является наиболее строгой мерой пресечения, применение которой существенным образом ограничивает конституционные права граждан на свободу и личную неприкосновенность. По этой причине данная мера пресечения может избираться судом только в том случае, когда невозможно применение иной, более мягкой меры.

И все же, несмотря на столь высокий уровень законодательного регулирования, внушительную систему процессуальных гарантий свободы личности, институт заключения под стражу постоянно подвергается существенной критике. Ее суть состоит в том, что сложившая практика позволяет правоприменителю решать вопрос о заключении под стражу, исходя из своих субъективных усмотрений, которые не соответствуют принципу законности.

Так, до настоящего времени уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации возлагает на суд обязанность при решении вопроса об избрании заключе-

[1] Муравьев К.В. Законность, справедливость и целесообразность уголовно-процессуальной деятельности // Преступность. Общество. Безопасность : сборник научных статей по материалам международного форума и материалам международной научно-практической конференции (к 100-летию со дня рождения профессора С.В. Бородина) и круглого стола. в 2-х частях, Москва, 31 октября 2024 года. М. : Академия управления МВД России, 2024. С. 192.

ния под стражу самостоятельно определять, в каких случаях невозможно применение более мягкой меры пресечения с учетом лишь тяжести обвинения и длительности назначаемых по ним сроков лишения свободы.

Все вышеизложенное, как представляется, – свидетельство формального подхода законодателя к избранию заключения под стражу, где специальное условие для избрания конкретной меры пресечения применяется по собственному усмотрению. Понимание и правильное установление специальных условий для избрания заключения под сражу позволяет снять вопрос о границах свободного усмотрения.

Заключение под стражу как исключительная мера пресечения имеет целью ограждения *общества, в том числе участников уголовного* судопроизводства от общественно опасных лиц, которым может быть назначено наказание в виде длительного лишения свободы, а также пресечение воспрепятствования предварительному расследованию и рассмотрению уголовного дела или осуществлению иной противоправной деятельности.

Таким образом, выбор заключения под стражу должен быть сделан с учетом вышеуказанной цели, общих оснований и условий, а также специальных условий применения заключения под стражу, указанных в статье 108 УПК РФ. В настоящее время к специальным условиям избрания заключения под стражу в досудебном производстве отнесена определенная тяжесть преступления, а также невозможность применение иной, более мягкой меры пресечения (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

26 февраля 2025 г. Совет Федерации РФ одобрил проект Федерального закона, разработанный во исполнение пункта 17 перечня поручений Президента Российской Федерации от 12 января 2023 г. № Пр-19, который направлен на гуманизацию законодательства путем ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, а также отдельной категории лиц[1].

Законопроектом предлагается ограничить возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, когда они не препятствуют предварительному расследованию и рассмотрению уголовного дела и не занимаются иной противоправной деятельностью.

В частности, к числу специальных условий в предлагаемом законопроекте отнесены совершение преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также невозможность применения иной, более мягкой меры пресечения. Предлагаемые изменения направлены на продолжение конкретизации специальных условий заключения под стражу в зависимости от тяжести преступления и насильственного характера совершения преступлений средней тяжести.

Законодатель особо указывает на преимущественный характер применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы, и, в частности, по преступлениям небольшой и средней тяжести, не сопряженных с насилием, а также в отношении отдельной категории лиц.

Предлагаемые изменения ориентируют на избрание заключения под стражу лишь в крайних случаях при совершении тяжких и особо тяжких преступлений, насильственных преступлений средней тяжести, а в исключительных случаях при совершении преступлений небольшой и средней тяжести ненасильственного характера, при наличии дополнительных обстоятельств.

Вместе с тем предлагаемое регулирование исключает возможность заключения под стражу даже в тех случаях, когда преступления носят ненасильственный характер, относятся к категории средней тяжести, но по степени общественной опасности представляют собой реальную опасность. Нахождение такого человека под подпиской о невыезде будет как минимум несправедливо по отношению к обществу и к государству.

Понимая, что предлагаемые изменения могут привести к ослаблению превентивной функции уголовного закона, затруднить процесс расследования преступлений, законодатель допускает ее применение только *лишь*

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, лицам, имеющим малолетних детей и детей-инвалидов, а также лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями) : законопроект № 381316-8.

тогда, когда цели уголовного преследования не могут быть достигнуты применением иной меры пресечения.

Представляется, что конкретизация специальных условий заключения под стражу в целях гуманизации уголовного законодательства, с учетом тяжести преступления, личности обвиняемого, заслуживает одобрения, так как позволяет исключить произвольное усмотрение правоприменителя по определенной категории преступлений небольшой и средней тяжести.

Вместе с тем запрет применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, совершивших преступления средней тяжести ненасильственного характера, может создать и предпосылки к возникновению отдельных угроз безопасности обществу и граждан, когда по своей степени преступление может представлять реальную опасность.

При этом в практической деятельности вызывает наибольшее затруднение правильное установление такого специального условия как невозможность применения иной, не связанной с заключением под сражу, меры пресечения, которая носит оценочный характер и остается определяющим обстоятельством при избрании заключения под стражу.

Вывод о том, что невозможно применение иной меры пресечения может быть сделан с учетом установленного характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности обвиняемого (подозреваемого).

Полагаем, что одна лишь тяжесть совершенного преступления и назначение наказания в виде длительного лишения свободы не могут выступать достаточным критерием для первоначального применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Безусловно, что строгость наказания за совершенное преступление имеет значение при оценке риска того, что лицо, оставаясь на свободе, может воспрепятствовать расследованию. Указанная позиция нашла отражение и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41[1].

Вместе с тем высшей инстанцией также не разъяснено, в каких случаях тяжесть обвинения и возможное наказание будут являться препятствием для применения иной меры пресечения, не связанной с заключением под стражу.

Указанная неопределенность позволяет достаточно широко толковать специальное условие для заключения под стражу и не в полной мере соответствует правовой определенности применения самой строгой меры пресечения.

Представляется, что достижению целей заключения под стражу в большей мере соответствует установление конкретных фактических обстоятельств, указывающих на повышенный характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности обвиняемого (подозреваемого).

При определении повышенного характера и степени общественной опасности преступления необходимо устанавливать конкретные обстоятельства содеянного, в частности способ совершения преступления, его продолжительность (например, лицо подозревается в тяжком и особо тяжком преступлении против личности), характер и размер наступивших последствий, их существенность (например, совершение умышленного тяжкого преступления при наличии отягчающих обстоятельств либо совершение преступления особой тяжести), совершение нескольких преступлений, направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности (жизнь и здоровье, общественная безопасность.

О повышенной опасности личности обвиняемого, подозреваемого могут свидетельствовать существенная роль обвиняемого в совершении преступления (например, особо активная роль в совершении преступления в соучастии либо участие в качестве организатора), совершение преступления в составе организованной группы или преступного сообщества, совершение преступления с особой жестокостью, дерзостью или цинизмом, совершения им ранее умышленного преступления, судимость за которое не снята и не погашена. В качестве дополнительных обстоятельств следует учитывать совершение обвиняемом (подозреваемом) действий, направленных на воспрепятствование расследования.

[1] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41.

Таким образом, заключение под стражу должно стать действительно вынужденной мерой, к которой следует прибегать лишь в случае безусловной необходимости. В связи с чем при определении невозможности применения в отношении подозреваемого или обвиняемого иной, более мягкой, чем заключение под стражу, меры пресечения необходимо учитывать такие фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о повышенном характере и степени совершенного преступления, существенных отягчающих последствиях, личности обвиняемого, подозреваемого, его воспрепятствования производству по уголовному делу.

Нгуен Вьет Хонг

Академия народной безопасности (г. Ханой, Вьетнам)

Принцип состязательности в судебном производстве Вьетнама

Во Вьетнаме необходимость проведения судебной реформы совершенствования уголовного судопроизводства в целом и судебных разбирательств в частности поднималась во многих партийных резолюциях о судебной реформе. В 2013 г. в ч. 5 ст. 103 Конституции Вьетнама добавился принцип гарантированного судебного разбирательства в суде. С учетом этого требования в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) Вьетнама в 2015 г. в системе основных принципов уголовного судопроизводства появился «Принцип гарантированной судебной состязательности в суде» (ст. 26), цели данной нормы можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, полностью урегулировать права и механизмы, обеспечивающие права обвиняемого, особенно право на самозащиту, на защиту адвоката или другого лица.

В целях обеспечения права на защиту и дальнейшего усиления ответственности государства за обеспечение права на защиту подозреваемых и обвиняемых, ст. 72 УПК расширяет круг защитников, включая должностных лиц по оказанию юридической помощи в случаях, когда обвиняемый имеет право на получение юридической помощи. В ст. 7 Закона «О юридической помощи» 2017 года были внесены изменения и дополнения, в частности, регламентирующие 14 категорий субъектов, имеющих право на бесплатную юридическую помощь:

1) лица с революционными вкладами;

2) лица из малообеспеченных семей;

3) дети;

4) этнические меньшинства, проживающие в районах с особо сложными социально-экономическими условиями;

5) обвиняемый, находящийся в возрасте от 16 до 18 лет;

6) обвиняемый, принадлежащий к бедной семье;

7) отец, мать, жена, муж, дети и те, кто воспитывал мучеников, когда они были молодыми и испытывающие материальные трудности;

8) люди, инфицированные «Агентом Оранж», испытывающие финансовые трудности;

9) пожилые люди, испытывающие финансовые трудности;

10) люди с ограниченными возможностями, испытывающие финансовые трудности;

11) лица в возрасте от 16 до 18 лет, являющиеся потерпевшими по уголовным делам и испытывающие материальные затруднения;

12) жертвы домашнего насилия, испытывающие финансовые трудности;

13) жертвы торговли людьми, в соответствии с Законом о предупреждении и борьбе с торговлей людьми, находящиеся в затруднительном финансовом положении;

14) люди с ВИЧ, испытывающие финансовые трудности.

В целях обеспечения конституционных прав, упрощения процедур и обеспечения арестованным, задержанным, подсудимым и обвиняемым, находящимся в местах временного содержания под стражей, доступа к адвокату, УПК Вьетнама дополняет положения о том, что родственники обвиняемого имеют право выбора адвоката. При этом установлено, что в течение 24 часов с момента получения ходатайства задержанного о предоставлении защитника компетентный орган, в ведении которого находится задержанный, обязан направить это ходатайство защитнику, представителю или родственнику за-

держанного. В случае если задержанный не называет имя защитника, компетентный орган, в ведении которого находится задержанный, должен направить это заявление его представителю или родственнику, чтобы они могли запросить защитника. В случае если представитель или родственник арестованного, задержанного или временно задержанного лица ходатайствует о предоставлении защитника, компетентный орган обязан незамедлительно уведомить об этом арестованного, задержанного или временно задержанного лица для получения их мнения относительно ходатайства о предоставлении защитника (ст. 75).

УПК расширяет случай назначения защитника с учетом того факта, что чем серьезнее обвинение, тем серьезнее должна быть защита, чем серьезнее преступление, тем важнее должна быть защита, обеспечивая при этом соответствие практическим условиям Вьетнама. Соответственно, если обвиняемый, его представитель или родственники не приглашают защитника, компетентный орган, ведущий разбирательство, должен назначить защитника обвиняемому или подсудимому за совершение преступления, за которое Уголовный кодекс Вьетнама предусматривает максимальное наказание в виде 20 лет лишения свободы, пожизненного заключения или смертной казни (ст. 76), вместо того чтобы требовать назначения защитника только тогда, когда максимальный размер наказания – смертная казнь.

Во-вторых, полностью урегулировать права и механизмы обеспечения прав адвокатов, создать им равные и благоприятные условия для участия в уголовном судопроизводстве.

Для полной защиты законных прав и интересов обвиняемого УПК Вьетнама добавляет ряд прав защитнику:

1) присутствовать при снятии показаний арестованного;

2) после каждого снятия показаний и допроса компетентным органом арестованный, задержанный и обвиняемый могут быть допрошены не только с согласия следователя;

3) право присутствовать при очной ставке, опознании, голосовом опознании и других следственных действиях, вносить предложения об изменении или отмене мер пресечения или мер принуждения;

4) ходатайствовать о проведении процессуальных действий в целях защиты законных прав и интересов защищаемого им лица;

5) ходатайствовать о вызове свидетелей, иных участников процесса, а также лиц, уполномоченных вести процесс;

6) собирать, представлять доказательства, изучать, оценивать и представлять заключения по соответствующим доказательствам, документам и предметам, а также запрашивать у компетентных органов проведение экспертизы и оценки.

В случае если защитник не может собирать доказательства, он может ходатайствовать перед компетентным органом по собиранию доказательств, проведении дополнительной оценки, повторной оценки или переоценки доказательств (ст. 73).

В целях обеспечения прозрачности закона и исключения неверного представления о том, что участие адвоката в процессе полностью зависит от одобрения или неодобрения компетентного органа, в ст. 78 УПК положение *«Удостоверение адвоката»* заменено на *«Регистрацию адвоката».* В то же время добавлено положение: при регистрации в качестве защитника, защитник должен представить следующие документы:

а) удостоверение адвоката с заверенной копией и адвокатское ходатайство обвиняемого или его представителя или родственника;

б) удостоверение личности или удостоверение личности гражданина с заверенной копией и документы, подтверждающие его связь с обвиняемым, подтвержденные компетентным органом;

в) народный защитник предъявляет свое удостоверение личности или удостоверение личности гражданина с заверенной копией и документ о назначении народного защитника от Комитета Отечественного фронта Вьетнама и организаций-членов Фронта;

г) сотрудники юридической помощи и юристы, предоставляющие юридическую помощь, должны представить документ о назначении лица для предоставления юридической помощи от организации юридической помощи, а также карточку сотрудника юридической помощи или карточку юриста с приложенной заверенной копией.

В случае назначения защитника, защитник должен представить следующие документы:

а) адвокат должен представить свое удостоверение с заверенной копией и документ о назначении его от юридической организации, в которой осуществляет свою деятельность, или документ о назначении адвоката от коллегии адвокатов для индивидуально практикующих;

б) народный защитник предъявляет свое удостоверение личности или удостоверение личности гражданина с заверенной копией и документ о назначении народного защитника от Комитета фронта Отечества Вьетнама и организаций-членов фронта;

в) сотрудники юридической помощи и адвокаты, предоставляющие юридическую помощь, должны предъявить свою карточку сотрудника юридической помощи или карточку адвоката с заверенной копией и документом о назначении лица для предоставления юридической помощи от Государственного центра юридической помощи.

Вместе с тем УПК дополняет положения о порядке собирания доказательств защитниками. Соответственно, для собирания доказательств защитники имеют право:

1) встречаться с защищаемым лицом, потерпевшим, свидетелями и другими лицами, которым известно о деле, задавать вопросы и выслушивать их выступления по вопросам, связанным с делом;

2) обращаться к органам, организациям и лицам с просьбой предоставить документы, предметы и электронные данные, имеющие отношение к защите (ст. 88).

В то же время УПК по-прежнему предусматривает, что в зависимости от каждой стадии процесса при собирании доказательств, документов и предметов, имеющих отношение к защите, защитник обязан незамедлительно передавать их в компетентный орган, осуществляющий производство по делу, для приобщения к материалам дела (ст. 81). Данное положение соответствует инквизиционной модели уголовного судопроизводства, способствующей развитию судебного разбирательства во Вьетнаме на современном этапе.

В-третьих, полностью урегулировать обязанности, полномочия и ответственность прокуратуры, прокуроров, а также процедуры на стадиях расследования и преследования, чтобы обеспечить обвинение и обсуждение в суде.

УПК Вьетнама содержит множество нововведений, таких как положение о том, что прокуратура и прокуроры должны:

1) осуществлять право на огласку с момента получения и обработки следственным органом информации о преступлениях;

2) непосредственно рассматривать доносы и сообщения о преступлениях, а также рекомендовать судебное преследование в определенных случаях (ст. 145);

3) требовать от следственного органа представления дополнительных доказательств и документов, являющихся основанием для принятия решения об утверждении постановлений и решений (ст. 179);

4) при необходимости непосредственно проводить некоторые следственные действия.

Помимо обязательного присутствия при осмотре места преступления и вскрытии трупа, УПК Вьетнама добавляет обязанность прокурора присутствовать при проведении органами следствия 5 других следственных действий: очная ставка, опознание, распознавание голоса, обыск и следственные эксперименты (статьи 189, 190, 191, 193 и 204).

На этапе уголовного преследования УПК Вьетнама конкретно определяет задачи прокуратуры по выполнению функции реализации права на уголовное преследование, такие как истребование от органов, организаций и лиц документов, имеющих отношение к делу, в случае необходимости, непосредственное проведение ряда следственных действий по исследованию и дополнению документов и доказательств для принятия решения о возбуждении уголовного преследования (ст. 236). При этом четко предусмотреть обязанность следственного органа в полном объеме выполнить требования, изложенные в постановлении о возвращении дела на дополнительное расследование в прокуратуру (ст. 245). Добавление этих положений очень важно для прокуратуры и прокуроров, чтобы они могли собрать и обобщить достаточные доказательства и документы, создав прочную основу и фундамент для преследования, предъявления обвинения и судебного разбирательства.

В-четвертых, четко определить обязанности суда и процессуальные процедуры в ходе судебного разбирательства, чтобы обеспечить проведение прений в ходе судебного разбирательства.

В целях повышения качества судебного разбирательства в духе судебной реформы в УПК Вьетнама включена норма о рассмотрении заявлений и предложений до открытия судебного заседания (ст. 279), в которой четко прописана обязанность суда рассматривать заявления прокуроров и участников процесса об обеспечении и дополнении доказательств, вызывать в суд свидетелей, компетентных лиц, ведущих процесс, и других участников процесса.

Для преодоления ситуации низкого качества судебных разбирательств в некоторых судебных процессах с участием соучастников и большого числа адвокатов в УПК Вьетнама были внесены поправки, предусматривающие обязательное присутствие прокурора Народной прокуратуры того же уровня для осуществления права на обвинение и надзор за судебным процессом в суде. В серьезных и сложных делах может быть несколько прокуроров. Конкретное количество прокуроров определяется главным прокурором того же уровня с учетом характера и особенностей каждого дела (ст. 289).

Для преодоления ситуации, сложившейся на практике, во многих судебных заседаниях, когда обвиняемый не признавал вину и утверждал, что его признание в следственном органе было вызвано давлением или принуждением, обеспечивая соответствие положениям Закона «Об организации народных судов» 2014 года, в УПК были добавлены положения о присутствии следователя в судебном заседании в качестве лица, расследовавшего дело (ст. 296), чтобы способствовать выяснению доказательств или вопросов, связанных с делом, разъясняя ответственность следователя, лица, уполномоченного вести разбирательство в процессе принятия и разрешения дела, обеспечивая, чтобы представленные доказательства были более убедительными, имели прочную основу для рассмотрения дела в отношении нужного лица, правильного преступления и правильного закона.

Кроме того, УПК Вьетнама также дополняет положения о присутствии оценщиков имущества (ст. 294) для решения вопросов, связанных с оценкой, и дополняет правила о присутствии переводчиков (ст. 295).

В-пятых, для конкретизации принципа судебного разбирательства в судебных процессах, гарантируя, что судебное разбирательство будет отражено не только в прениях, но и в допросах, УПК Вьетнама года объединил процедуру допроса в судебном процессе с процедурой прений в судебном процессе (главы XX и XXI УПК Вьетнама 2003 года) в «Процедуру судебного разбирательства в судебном процессе» (раздел V, глава XXI, Судебное разбирательство в первой инстанции), рассматривая это как основное содержание, выражающее принцип судебного разбирательства в судебных процессах, гарантированный в духе Конституции 2013 года.

Можно сказать, что конституционализация принципа «гарантированного судебного разбирательства в суде» и конкретизация содержания этого принципа в процессуальном судопроизводстве отразили прогресс судебной системы Вьетнама, создав качественные изменения, имеющие решающее значение для эффективности уголовного судопроизводства, расширения и укрепления демократии, гласности и справедливости в процессе разрешения уголовных дел.

На сегодняшний день созданы лучшие возможности и условия защиты прав человека и гражданина: обвиняемый реализует свое право на самооборону, обеспечено право обвиняемого в представлении доказательств и защите в суде, обеспечены объективность, всесторонность, тщательность, беспристрастность процесса разрешения уголовного дела. Все это отвечает установленным требованиям и задачам уголовного судопроизводства в соответствии с действующим законодательством.

Булатов Б.Б.,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Омская академия МВД России

Павлов А.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Омская академия МВД России

Особенности оснований для повторного обращения в суд с ходатайством о заключении под стражу

Уголовно-процессуальный закон допускает повторное обращение в суд с ходатайством о заключении под стражу одного и того же лица по тому же уголовному делу после вынесения судьей постановления об отказе в избрании этой меры пресечения. Это возможно лишь при возникновении новых обстоятельств, обосновывающих необходимость заключения лица под стражу. Их содержание в УПК РФ не раскрывается. В юридической литературе им дается разная интерпретация. В их числе называется появление новых доказательств причастности подозреваемого, обвиняемого к совершению инкриминируемых ему преступлений, фактов, подтверждающих необходимость его заключения под стражу, например, нарушение избранной в отношении него иной меры пресечения, негативное воздействие на участников процесса, совершение нового преступления[1]. К данным обстоятельствам относят также дополнение обвинения новыми эпизодами преступной деятельности, уклонение обвиняемого от предварительного расследования и суда, воспрепятствование производству по делу[2].

Анализ правоприменительной практики и литературных источников позволил выделить наиболее типичные виды новых обстоятельств, образующих основания для повторного обращения в суд: совершение обвиняемым нового преступления; объявление обвиняемого в розыск в связи с его уклонением от органов предварительного расследования; угрозы свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства[3].

Отдельное внимание следует уделить положениям, предусмотренным в ч. 13 ст. 105.1 УПК РФ, согласно которым в случае отказа от применения к подозреваемому или обвиняемому аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля или умышленного повреждения, уничтожения, нарушения целостности указанных средств либо совершения им иных действий, направленных на нарушение функционирования применяемых к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, суд по ходатайству следователя может изменить меру пресечения на более строгую. Установление данных обстоятельств также предусматривает необходимость усиления принудительного воздействия, с этой целью следователь вновь ставит перед судом вопрос о необходимости заключения подозреваемого (обвиняемого) под стражу.

Таким образом, при повторном обращении в суд с ходатайством о заключении под стражу в содержание предмета доказывания следует включать новые обстоятельства, свидетельствующие о необходимости изоляции лица от общества. Суд не может ограничиться исследованием ранее представленных сведений, коль скоро они уже становились предметом судебной оценки.

Не менее важным представляется вопрос, связанный с пределами доказывания новых обстоятельств, обосновывающих необходимость заключения лица под стражу. Правильное его разрешение существенно снижает возможность необоснованного применения мер процессуального принуждения. О.И. Цоколова отмечает, что фактические данные,

[1] Васильев А.М., Васильева Н.А. Судебный порядок применения мер пресечения в виде заключения под стражу // Администратор суда. 2015. № 4. С. 36-40; Колоколов Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М.: Юрист, 2008.

[2] Домашний арест и залог как меры пресечения / О.И. Цоколова, Г.В. Костылева, Н.Е. Муженская, С.И. Данилова. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2011.

[3] Подр.: Борбат А.В., Булатов Б.Б., Павлов А.В. Новые обстоятельства как условие повторного обращения следователя в суд с ходатайством о заключении под стражу // Российский следователь. 2025. № 2. С. 12-17.

позволяющие полагать, что обвиняемый скроется от следствия и суда, воспрепятствует установлению истины или будет продолжать преступную деятельность, «могут иметь характер непроцессуальной информации и быть недостаточно конкретными»[1]. В то же время А.В. Победкин считает, что такое решение не только может быть принято судом исключительно на основании доказательств, но и что данное положение должно быть прямо предусмотрено в УПК РФ. В подтверждение своей позиции автор обращается к п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, согласно которой продление срока задержания осуществляется в целях представления дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу[2].

По мнению О.В. Химичевой, И.Б. Тутынина, основания избрания мер пресечения по своей природе должны быть именно доказательствами, отвечать установкам закона о их допустимости, достоверности, относимости и достаточности. Более того, продолжают авторы, используемая в законе конструкция, согласно которой доказательства не указаны как главный, а точнее, единственный вариант обоснования позиции об избрании меры пресечения, способствует невыполнению правоприменителем требования ч. 4 ст. 7 УПК РФ о законности, обоснованности и мотивированности процессуального решения[3].

При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи о заключении под стражу должны быть указаны доказательства, на основании которых судья принимает данное решение. Вывод о возможности наступления обстоятельств, предусмотренных в ст. 97 УПК РФ, носит вероятностный характер, тем не менее сведения, свидетельствующие о неправомерном поведении подозреваемого (обвиняемого) в будущем, должны быть получены из источников, предусмотренных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. В основу данного решения могут быть положены и результаты оперативно-розыскной деятельности, при условии, что они проверены в ходе судебного заседания и представлены в соответствии с требованиями ст. 89 УПК РФ. Согласно данной статье эти сведения должны отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Для определения оснований для повторного обращения в суд с ходатайством о заключении под стражу определенное значение имеют изменения в ст. 99, 108 УПК РФ, внесенные Федеральным законом от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс». Законодатель включил в число обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, совершение преступления с применением насилия либо с угрозой его применения (ч. 1 ст. 99 УПК РФ). При этом в ч. 1 ст. 108 УПК РФ данный квалифицирующий признак является обязательным условием заключения под стражу в случае совершения преступления средней тяжести.

В отношении лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, заключение под стражу применяется, если иное не предусмотрено ч. 1.1, ч. 1.2 и ч. 2 ст. 108 УПК РФ, при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения. В ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ предусмотрен перечень составов преступлений, совершенных индивидуальным предпринимателями и в сфере экономической деятельности. В ч. 1.2 ст. 108 УПК РФ перечислены преступления, по которым к подозреваемым, обвиняемым может быть применено заключение под стражу при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения, а также преступления, по которым эта мера избирается в исключительных случаях и только при наличии одного из обстоятельств, сформулированных в подпунктах «а»-«г» п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Существенно расширен перечень преследуемых лиц, в отношении которых заключение под стражу может применяться только по подозрению или обвинению в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. К ним относятся: несовершеннолетний, беременная женщина, женщина, имеющая малолетнего ребенка, мужчина, являющийся единственным родителем малолетнего ребенка, усыновитель или опекун малолетнего ребен-

[1] Цоколова О.И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого. М. : ВНИИ МВД России, 2008. С. 182.

[2] Победкин А.В. Основания для избрания меры пресечения: реабилитация доказывания // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30. № 3. С. 267.

[3] Химичева О.В., Тутынин И.Б. Избрание меры пресечения: о проблеме оснований для ее правильного выбора // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1. С. 165.

ка, единственный родитель, усыновитель, опекун или попечитель ребенка-инвалида. Лишь в исключительных случаях при наличии одного из обстоятельств, указанных в пп. «а»-«г» п. 1 ч. 1 ст.108 УПК РФ, заключение под стражу может быть избрано в отношении указанных лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести с применением насилия или с угрозой его применения, а также преступлений, предусмотренных ч. 1.2 ст. 108 УПК РФ.

Данный шаг законодателя направлен на то, чтобы следователи еще более взвешено подходили к вопросу об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Действующая редакция ст. 108 УПК РФ в качестве необходимого условия избрания исключительной меры пресечения предусматривает категории преступления. Тем самым законодатель сделал определенный шаг в разграничении таких понятий, как основания и условия применения мер пресечения, отождествление которых не всегда лучшим образом влияло на законность данного решения.

Положения в изложенных законодательных новеллах должны также учитываться при повторном обращении в суд с ходатайством о заключении под стражу. Не исключены ситуации, в которых изменение объема обвинения в части квалифицирующих признаков (применение насилия либо угроза его применения) будет самодостаточным обстоятельством для повторного обращения в суд.

Калугин А.Г.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу о процессуальном положении следователя-криминалиста

Появление фигуры следователя-криминалиста в современном российском уголовном судопроизводстве, безусловно, не является случайным. Многие исследователи указывают на преемственность этого участника предварительного расследования и фигуры прокурора-криминалиста[1]. Однако, если о следователе-криминалисте в УПК РФ хотя бы упоминается (по крайней мере, в п. 40.1 ст. 5 УПК РФ дается его определение), то уголовно-процессуальный статус прокурора-криминалиста законодательно определен не был, и о его процессуальных правах и полномочиях можно было судить лишь на основании аналогии закона.

Уголовно-процессуальный статус следователя-криминалиста, к сожалению, в УПК РФ так же не получил детальной проработки. Из п. 40.1 ст. 5 УПК РФ следует, что участие данного должностного лица в производстве предварительного следствия может быть в трех формах:

– осуществлять предварительное следствие по уголовному делу;

– участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий;

– производить по поручению руководителя следственного органа отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству.

Очевидно, что первая форма предполагает принятие уголовного дела к своему производству, следовательно, наделение данного должностного лица органа предварительного следствия процессуальным статусом следователя (ст. 38 УПК РФ) в полном объеме, поэтому в контексте нашего исследования не представляет какого-либо интереса.

Вторая форма связана с реализацией иного процессуального статуса, более того, иной процессуальной функции: речь идет об участии в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий.

На первый взгляд, вполне очевидным представляется вывод об участии следователя-криминалиста в производстве отдельных следственных действий в качестве специалиста (ст. 58 УПК РФ). Данный вывод позволяет сделать не столько содержание

[1] Быков В.М. Следователь-криминалист как новый участник уголовного процесса со стороны обвинения // Российская юстиция. 2009. № 7. С. 43-45; Пилюшин И.П. Процессуальное положение следователя-криминалиста // Российский следователь. 2010. № 8. С. 8-10.

п. 40.1 ст. 5 УПК РФ, сколько анализ п.п. 1.2 и 1.3 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 8 августа 2013 года № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации», где, в частности, упоминаются:

– участие в производстве осмотров неопознанного трупа, места жительства (последнего места пребывания) пропавшего без вести лица, места происшествия по сообщениям о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, получивших общественный резонанс или требующих применения специальных навыков при проведении указанного следственного действия в целях обнаружения и закрепления следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела или рассмотрения сообщения о преступлении; осмотров предметов и документов;

– участие в производстве обыска и выемки с применением необходимой криминалистической техники; проверке показаний на месте, следственном эксперименте; в изъятии образцов для сравнительного исследования;

– участие в производстве иных следственных и процессуальных действий по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях;

– обеспечение надлежащего функционирования передвижных криминалистических лабораторий и эффективного использования технико-криминалистических средств;

– применение при производстве следственных действий криминалистической и специальной техники, средств аудиовизуальной фиксации, в том числе с целью отыскания орудий, следов преступления и других вещественных доказательств в различных средах;

– участие в организации работы по назначению судебных экспертиз (подготовка материалов, необходимых для производства экспертиз; формулирование вопросов эксперту; выбор экспертного учреждения (эксперта); определение наиболее оптимального алгоритма исследования вещественных доказательств).

Вместе с тем М.Р. Глушков указывает на дискуссионность, даже ошибочность такого толкования по ряду причин.

Прежде всего, уголовно-процессуальный закон не указывает прямо на фигуру специалиста как на единственного участника процесса, который вправе применять технические средства при производстве следственных действий (это может делать и сам следователь, и по его поручению участвующие в следственном действии сотрудники органа дознания).

Кроме того, следователь-криминалист является должностным лицом органа предварительного следствия и, участвуя в следственном действии по поручению руководителя следственного органа, может пользоваться всеми полномочиями следователя аналогично полномочиям члена следственной группы, предусмотренными ст. 163 УПК РФ[1].

Следует также отметить, что участие в следственных действиях специалиста-криминалиста с целью содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту в достаточной мере обеспечивается силами сотрудников государственных экспертных учреждений и экспертно-криминалистических подразделений, которые функционируют как с системе МВД России, так и в структуре Следственного комитета Российской Федерации.

Таким образом, определяющим фактором для участия следователя-криминалиста в производстве отдельных следственных действий является не наличие навыков применения криминалистической техники, а опыт и профессиональное мастерство в области следственной тактики и методики расследования преступлений, а цель такого участия – оказание следователю методической и практической помощи в наиболее сложных случаях непосредственно в процессе производства конкретного следственного действия.

Сказанное, на наш взгляд, в полной мере относится и к третьей форме участия следователя-криминалиста в расследовании – производству по поручению руководителя следственного органа отдельных следственных и

[1] Глушков М.Р. К вопросу о процессуальном статусе следователя-криминалиста // Российский следователь. 2015. № 20. С. 38-42.

иных процессуальных действий без принятия уголовного дела к своему производству

Именно на такое целевое предназначение процессуальных полномочий, предоставленных следователю-криминалисту пунктом 40.1 ст. 5 УПК РФ, указывают другие (помимо производства предварительного расследования) направления его деятельности, регламентированные уже упомянутым приказом Следственного комитета Российской Федерации от 8 августа 2013 года № 53:

– криминалистическое сопровождение производства предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, отнесенных к подследственности Следственного комитета;

– выполнение отдельных функций процессуального контроля;

– дополнительная профессиональная подготовка сотрудников Следственного комитета по вопросам организации, тактики и методики расследования преступлений.

Так, к криминалистическому сопровождению предварительного расследования помимо рассмотренного выше участия в производстве следственных действий относятся:

– внедрение в следственную практику новых технико-криминалистических средств и программного обеспечения предварительного расследования, иных средств и методов криминалистики, а также положительного опыта расследования и раскрытия преступлений (во взаимодействии с научно-исследовательскими и судебно-экспертными учреждениями, криминалистическими подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность);

– формирование федеральных и ведомственных учетов, баз данных криминалистической и иной информации о лицах, предметах и фактах, использование банков данных федеральных органов исполнительной власти;

– анализ практики и разработка мер по совершенствованию:

работы аналитических групп следственных органов Следственного комитета по раскрытию преступлений прошлых лет;

практики выявления, раскрытия и расследования серийных преступлений;

использования федеральных и иных банков данных криминалистической информации при расследовании преступлений;

деятельности следственных органов Следственного комитета по рассмотрению сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением граждан;

криминалистического сопровождения предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности и преступлениях террористического характера;

производства следователями следственных органов Следственного комитета первоначальных следственных действий по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях против личности.

В сфере процессуального контроля на основании поручений руководителей следственных органов следователи-криминалисты осуществляют изучение материалов проверки сообщений о преступлениях, связанных с безвестным исчезновением граждан и обнаружением трупов; уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, по которым лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, а также о нераскрытых преступлениях прошлых лет; на основе изучения уголовных дел и материалов проверки сообщений о преступлении вносят предложения:

об отмене необоснованных решений о приостановлении предварительного следствия по уголовному делу, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, об отказе в возбуждении уголовного дела;

о даче письменных указаний о направлении расследования;

о производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий.

В сфере профессиональной подготовки сотрудников Следственного комитета по вопросам тактики и методики расследования преступлений на следователей-криминалистов возложено, в частности:

обучение следователей, имеющих опыт практической работы, сотрудников подразделений процессуального контроля Следственного комитета по вопросам применения криминалистической техники, тактики производства отдельных следственных действий, методики расследования преступлений;

разработка информационных документов и методических рекомендаций по вопросам организации, тактики и методики расследования преступлений, проведения судебных экспертиз; распространение положительного

опыта расследования и раскрытия преступлений.

С учетом выделенного целевого предназначения фигуры следователя-криминалиста и должен быть детализирован его процессуальный статус в отдельной норме главы 6 УПК РФ.

Темой для отдельного рассмотрения, на наш взгляд, должен стать также вопрос о целесообразности введения таких должностей в следственных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации.

Мядзелец О.А.,

кандидат юридических наук
Второй кассационный суд общей юрисдикции (г. Москва)

О РАСШИРЕНИИ ПРЕДМЕТА РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗДЕЛА 4 УПК РФ

Теоретическое обоснование и выделение в системе уголовно-процессуального права в качестве самостоятельного правового института нормативного образования, регулирующего общественные отношения, возникающие и изменяющиеся в связи с возмещением любому лицу вреда, вызванного незаконным применением мер процессуального принуждения (ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ), неизбежно видоизменяет привычные представления о предусмотренных УПК РФ способах восстановления имущественных потерь участникам уголовного процесса. Подобный подход разрушает стереотипы о безальтернативной предпочтительности гражданской процессуальной формы перед уголовно-процессуальной при рассмотрении требований о возмещении вреда, вытекающих из нарушений УПК РФ.

Принципиально важно оказать научную и законодательную поддержку изучаемому правовому образованию, для чего следует систематизировать представленные в литературе выводы и предложения de lega ferenda, разработать собственные, вытекающие из проведенного исследования теоретические положения, дающие возможность на их основе сформулировать соответствующие доктринальные нормы.

Рассмотрение имеющихся в современной литературе концепций, моделей, позиций, непосредственно или косвенно затрагивающих проблемы функционирования автономного института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, позволяет выделить пять отличающихся позиций по указанным вопросам.

Теоретические разработки Ю.О. Максимихиной (первое направление), Д.В. Татьянина (второе направление) и В.В. Николюка (третье направление), будучи автономными и независимыми, в то же время имеют и общие идеи. Указанные авторы придерживаются позиции самостоятельности в уголовном процессе института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, и выступают за обособление в УПК его правового регулирования с выделением под него отдельной главы. Учеными разработаны структура и текст такой главы, что является безусловно интересным в плане будущих законодательных работ по обсуждаемым вопросам.

Детальный анализ теоретической концепции реабилитации в российском уголовном процессе, разработанной А.А. Орловой, указывает, что в содержание концепции включены и нормы, ориентированные на конкретизацию порядка возмещения вреда лицу, пострадавшему в ходе уголовного судопроизводства (четвертое направление).

Большинство приведенных проектных норм сконструированы исследователем как универсальные: предполагается, что они в равной степени обеспечат регулирование отношений, субъектами которых являются реабилитированный и пострадавший от незаконной уголовно-процессуальной деятельности. В целом такой вариант вполне оправдывает себя, поскольку исключает дублирование и не загромождает закон. Положительно нами оценивается законопроект А.А. Орловой в той части, где представлены предложения о закреплении в УПК РФ правовых гарантий обеспечения пострадавших в ходе уголовного судопроизводства квалифицированной юридической помощью в связи с реализацией права на возмещение вреда, обязанности

должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, разъяснять право на возмещение вреда в соответствующих случаях.

Другие предложения А.А. Орловой нуждаются в дополнительном уточнении. Так, нет никаких причин для того, чтобы отказаться от внесудебного порядка установления применения мер процессуального принуждения с нарушением закона исключительно судебным решением. Процедура, предусмотренная ст. 124 УПК РФ, обеспечивает оперативность рассмотрения руководителем следственного органа, прокурором жалоб лиц, оспаривающих законность применения к ним процессуальных принудительных мер, позитивно зарекомендовала себя на практике и отказываться от нее, когда принудительные меры применялись без судебного разрешения, опрометчиво.

Имеются возражения и против того, чтобы форма уголовного или гражданского судопроизводства определялась усмотрением пострадавшего в ходе уголовного судопроизводства. Этот вопрос относится к публичной сфере, в каком-то смысле судебное производство по рассмотрению требований о возмещении вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133, 139 УПК РФ является продолжением основного производства по уголовному делу.

Требует обсуждения одна из ключевых проблем института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, корректное решение которой должно дать ответ на вопрос: в каком разделе и в каких главах в УПК РФ в целях повышения эффективности правового регулирования следует разместить нормы, составляющие правовую основу названного института? (пятое направление).

В первую очередь надлежит обратить внимание на устойчивые связи норм раздела IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения» с нормами гл. 18 УПК РФ, предусмотренными ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ. Основная их связь проходит через категорию «меры процессуального принуждения», являющуюся институциональной для обоих институтов – института уголовно-процессуального принуждения и института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения. Основной нормативный массив, сконцентрированный в разделе IV УПК РФ, влияет на содержание правового образования, регулирующего общественные отношения, связанные с возмещением вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения.

Нормы главы 14 раздела IV УПК РФ фактически формируют элементный состав рассматриваемого института. За счет использования ключевых терминов, к которым относятся «меры процессуального принуждения», «законность применения процессуальных принудительных мер», «причинение вреда», законодатель поддерживает взаимосвязь и взаимодействие названных институтов. В таких условиях логично объединить действующие нормы, образующие юридический признак института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, на базе нормативного массива, предусмотренного разделом IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения».

Николюк В.В.,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (г. Москва)

Юридическое прогнозирование как метод исследования в сфере уголовного судопроизводства и необходимое условие совершенствования уголовно-процессуального законодательства

Автор статьи, участвующий в образовательном, научно-исследовательском, нормотворческом процессах, находясь в постоянных контактах с практическими работниками разных уровней в рамках проведения научных исследований, предполагающих их опросы, анкетирование и интервьюирование, обсуждая актуальные проблемы правоприменения на научно-практических конференциях, близок к тому, чтобы серьезно подумать об эффективности и целесообразности применяемой большинством ученых-юрис-

тов методологии исследований. Причин для этого несколько. Главная из них – низкий уровень методологической подготовки в части выбора исследовательской парадигмы, методов сбора данных, их анализа, игнорирование этических вопросов. На примере подготовки диссертаций представляется возможным использование в научных работах и проектах такого метода, как *юридическое прогнозирование*.

Прогностическая функция юридической науки – одна из самых созидательных ее функций. От юридического прогнозирования зависит качество планирования, разработка отчетности, формирование правовой политики, развитие законодательства. Без прогнозов не может развиваться и юридическая наука. Однако юридическое прогнозирование сопряжено с различными методологическими сложностями. Их недооценка приводит к негативным последствиям.

Сложность прогноза состоит прежде всего в том, что право как система динамично, его очертания размыты, трудно поддаются описанию, которое обязательно предшествует прогнозу, право как бы ускользает от дефинирования[1].

Следующая проблема – крайне затруднительно дать универсальную и одновременно содержательную оценку предполагаемого результата прогноза из-за изменчивости критериев, принятых в социуме в конкретный исторический период.

Так, в текущий момент происходит переоценка роли, значения ОРД не только в выявлении и раскрытии преступлений, что, собственно, и есть главная задача ОРД, но и в оперативно-розыскном сопровождении расследования уголовного дела в различных формах, включая обеспечение процесса доказывания путем совместного проведения следователем и оперативным сотрудником следственных действий в соответствии с ч. 7 ст. 164 УПК РФ (именно совместного проведения следственных действий, не ограничиваясь оказанием содействия следователю при их проведении).

Однако, когда фиксируется рост тяжких и особо тяжких преступлений, а инициатива в раскрытии указанных преступлений перешла к оперативным службам, появляется задача максимально интегрировать ОРД в существующую процессуальную инфраструктуру, которая должна стать для нее комфортной в плане реального участия в процессе доказывания. Вот здесь и находится правовая и информационная база для составления прогноза формирования новой модели взаимодействия следователя с органами, осуществляющими ОРД.

По мнению К.В. Агамирова, единственного в России доктора юридических наук, защитившего диссертацию по проблематике юридического прогнозирования, дальнейшие теоретические разработки в этом направлении предполагают переход от юридической догматики к юридической аналитике, охватывающих исследование правовых явлений и процессов во всем их многообразии[2].

В сравнении с другими, правовое прогнозирование – новое явление в юридической сфере. Прогноз не тождественен предвидению и предсказанию будущего, рассматривается как научно-обоснованное представление о направлениях развития прогнозируемого объекта. Помимо собственно прогнозирования, основанного на научных методах, в него включаются также планирование и перспективный анализ.

Прогнозы представляют вероятностную модель, учитывающую правовые тенденции в различных областях общественных отношений. Одной из основных задач правового прогнозирования – осуществление исследований, направленных на решение стратегических задач (разработка стратегических документов). В литературе аргументируется возможность выделения пяти этапов проведения прогноза:

а) постановка задачи исследования и составление его плана;

б) изучение прогностической информации с формированием банка данных;

в) формирование прогноза;

г) процедуры верификации прогноза;

д) оформление результатов прогноза[3].

Прогнозные показатели законотворческих инициатив играют важную роль для получения исходных данных о стратегическом курсе формирования законодательства и его

[1] См.: Проблемы и перспективы юридического прогнозирования // Российская юстиция. 2024. № 12. С. 38.

[2] См.: Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы : автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2020. С. 29.

[3] См.: Гаврилов О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. Научные основы советского правотворчества М., 1981.С. 149.

перспективах. Предвидеть все, конечно, невозможно, но юридическое прогнозирование является весьма эффективным средством установления пределов правового регулирования.

Введение в научный оборот термина «юридическое прогнозирование» пришлось на 60-70-е годы двадцатого столетия и связывается с именем Р.А. Сафарова[1]. Важный вклад в развитие теории юридического прогнозирования внесли представители криминологической науки, в частности Г.А. Аванесов[2], М.Д. Шаргородский[3].

В настоящий момент суть прогностической регулятивной функции права заключается в развитии опережающими темпами по отношению к общественному развитию и предвосхищение новых сфер правового регулирования, прогнозирование их становления, эволюции, планирование законодательства на ближайшую и долгосрочную перспективы.

Законодательное обеспечение процесса юридического прогнозирования находится на нулевой отметке. Высказываются предложения о принятии нормативного правового акта «О принципах законотворчества в Российской Федерации» для закрепления фундаментального положения о том, что при разработке законопроектов и поправок к действующему законодательству следует обязательно учитывать фактор развития права, обусловливающий необходимость развития приемов и методов прогнозирования в правотворческой сфере[4].

Востребованность научного метода юридического прогнозирования вызвана стремлением придать законотворческому процессу научно-обоснованный характер. Данный метод, в частности, подсказывает целесообразность расширения существующих вариативных сценариев перехода правового регулирования на чрезвычайные рельсы. Для российского правопорядка в этой связи актуальны задача систематизации специальных правовых режимов, рассчитанных на кризисные ситуации, разработка научных критериев их дифференциации.

Современному законодательству, несмотря на кажущееся внешнее его благополучие, часто свойственны правовая неопределенность и догматизм. При очевидном отставании законодательства от быстро меняющейся реальности возрастает значение судейского правотворчества, судебной дискреции и интерпретации судьями истинного назначения, смысла применяемых норм права. «Законодатель, – подчеркивает В.В. Лазарев, – должен улавливать энергию судебных решений и при определенных условиях преобразовывать в свою»[5]. При этом судьи не издают законы и не отступают от законодательных положений. Выполняя правосозидательную миссию, судьи способствуют совершенствованию и завершению процесса формулирования правовой нормы.

Прогнозирование обоснованно считается одним из самых эффективных средств стратегического планирования жизни нашего государства, что подтверждено и на законодательном уровне. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» определяет прогнозирование как «деятельность участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности Российской Федерации, о направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований».

Юридический прогноз – процесс получения научной информации о будущем состоянии государственно-правовых явлений.

Прогнозирование в уголовно-процессуальной сфере – получение информации о будущем состоянии уголовно-процессуального права и уголовно-процессуального законодательства.

Изучая такое явление, как научное прогнозирование, необходимо определиться и с тем, какие исследовательские материалы можно рассматривать в качестве носителя такого прогноза?

[1] См., напр.: Сафаров Р.А Юридическое прогнозирование // Право и социология. М., 1973.
[2] См.: Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972.
[3] См.: Шаргородский М.Д. Прогноз и правовая наука // Правоведение. 1971. № 1.
[4] См.: Агамиров К.В. Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория, практика. М., 2015.
[5] Лазарев В.В. Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 18.

Формально носителями прогноза могут быть признаны результаты исследований, в которых выявляются те или иные недостатки законодательства и предлагаются наиболее оптимальные пути их устранения. Однако большинство правовых исследований носит разрозненный характер, они признаются как прогнозные тогда, когда последствия принятия законопроекта обосновываются учеными-процессуалистами, включенными в рабочие группы по его разработке.

Позволю высказать суждение, что признаки юридического прогноза присущи такому документу, входящему в пакет законопроекта, как пояснительная записка. В зависимости от субъекта законодательной инициативы структура и содержание пояснительной записки бывают совершенно разными. Часто участники рабочей группы продуцируют неоправданно «сухие» документы, и в первую очередь это касается пояснительных записок1. Подобного качества названные документы, имеющие важное значение для принятия субъектом законодательной инициативы решения о внесении законопроекта в Государственную Думу ФС РФ, обрекают на «длительное томление» законопроекты, продвигающиеся, как правило, до этапа обсуждения проекта закона в профильном комитете законодателя.

Изложенное дает основания для следующих выводов.

1. Юридический прогноз как научный метод работает на отраслевом и подотраслевом уровнях, составляется как минимум на среднесрочную (5-7 лет) перспективу.

2. Прогноз должен учитывать тенденции развития смежных отраслей права и их институтов, поскольку уголовно-процессуальное право имеет «мощные» межотраслевые связи.

3. Прогноз тогда достигает своего назначения, когда он объективно обусловлен, отражает образ действительно существующей системы общественных отношений, развитие которых прогнозируется.

4. Реалистичность – характерная черта прогноза, означающая, что в целом он не оторван от сложившихся социально-экономических реалий нашей страны, имеет потенциал для его воплощения в законодательстве.

Петрухина Е.А.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Особенности возбуждения уголовных дел об убийствах, совершенных на почве семейно-бытовых отношений, и обстоятельства, подлежащие доказыванию

Первичная информация об убийствах, совершенных на почве семейно-бытовых отношений в большинстве случаев поступает в дежурную часть территориальных органов внутренних дел России посредством телефонного звонка очевидцев, соседей, сообщений медицинских организаций или путем непосредственного обращения заявителей в дежурную часть территориального ОВД России об обнаружении трупа или останков тела. Если сведения подтверждаются, информация оформляется как соответствующий официальный повод для возбуждения уголовного дела (заявление, явка с повинной, сообщение, полученное из иных источников), которые проходят регистрацию в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях[2].

К проверочным мероприятиям по указанной категории преступлений относятся:

1. *Осмотр места происшествия и трупа.* Осмотр места происшествия и трупа является одним из важнейших следственных действий, проводимых в ходе расследования уголовных дел. В процессе осмотра производится фиксация обстановки места происшествия, следов и других вещественных доказательств, а также проводится осмотр трупа и его изъятие для проведения судебно-меди-

[1] В качестве члена научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ (2012-2022 годы) автор статьи принял участие в разработке и обсуждении 24 законопроектов и 43 проектов постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

[2] Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29.08.2014 №736.

цинского исследования. Обнаруженные при осмотре данные о признаках преступления могут служить основанием для возбуждения уголовного дела.

2. А*кт судебно-медицинского исследования трупа.* Акт судебно-медицинского исследования трупа представляет собой официальный документ, содержащий результаты исследования трупа, проведенного судебно-медицинскими экспертами. В акте указываются обстоятельства смерти, характер и давность наступления смерти, наличие телесных повреждений и их оценка, наличие алкоголя или наркотических веществ в крови или органах трупа. Изучение акта судебно-медицинского исследования трупа может предоставить следователю основания для возбуждения уголовного дела, если в акте будут обнаружены признаки насильственной или криминальной смерти.

3. *Получение объяснений граждан и других материалов.* Получение объяснений граждан и других материалов также может служить основанием для возбуждения уголовного дела. Объяснения граждан могут содержать сведения о совершенном преступлении, его обстоятельствах, лицах, причастных к его совершению. Другие материалы, такие как материалы оперативно-розыскной деятельности, сообщения о преступлениях, заявления или жалобы граждан могут также содержать признаки преступления, которые станут основанием для возбуждения уголовного дела[1].

По результатам проведения осмотров, изучения материалов, получения объяснений граждан следователи обязаны возбудить уголовное дело, если обнаружат достаточные основания для этого. Таким образом, наличие достаточных данных о признаках умышленного причинения смерти другому человеку является основанием для возбуждения уголовного дела. Данное процессуальное решение является важным, поскольку позволяет начать предварительное расследование по делу и привлечь виновных.

Если по результатам проверки будет установлено, что в заявлении не содержится признаков преступления, уголовное дело не возбуждается, а заявителю выдается соответствующее уведомление.

В случае возбуждения уголовного дела по факту убийства, совершенного на почве семейно-бытовых отношений, к материалам дела должны быть приобщены доказательства, подтверждающие это обстоятельство (например, показания свидетелей, медицинские документы, акты осмотра жилища).

Убийства, совершенные в рамках семейно-бытовых отношений, часто имеют характерные признаки, позволяющие предположить их мотив. К таким признакам относятся.

– обнаружение трупа с признаками насильственной смерти (например, наличие телесных повреждений, ножевых или огнестрельных ранений, или следов удушения);

– конфликтные отношения между жертвой и подозреваемым (например, следователи выясняют наличие истории насилия или споров в семье). Наличие предыдущих случаев насилия в семье может указывать на склонность подозреваемого к совершению более серьезных преступлений.

Необходимо сказать, что следователь обязан проверить все возможные следственные версии, поскольку нередко подозреваемые, осознав содеянное, скрывают совершенное убийство, выдают за несчастный случай.

На наш взгляд, в случае если обнаружен труп без визуальных следов насильственной смерти, то незамедлительно решить вопрос о возбуждении уголовного дела довольно сложно, поскольку смерть могла наступить естественным путем в результате старости или же наличия болезней.

В случае если гражданин заявил о пропаже близкого ему человека, при этом имеются некие основания полагать, что указанный гражданин совершил убийство и скрыл тело жертвы, следственно-оперативной группой выполняется ряд следующих действий:

– опрос очевидцев произошедшего, родственников или соседей умершего об обстоятельствах смерти;

– истребование истории болезни покойного;

– получение объяснений от врачей и других должностных лиц по факту и обстоятельствам смерти[2].

Следователь вправе сделать вывод о том, что смерть была насильственной в случае,

[1] Боровиков В.Б. Уголовное право. Особенная часть : учебник для среднего профессионального образования. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. С. 230.

[2] Вилкова Т.Ю. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Практикум : учебное пособие для вузов. 2-е изд. М. : Юрайт, 2023. С. 246.

если у жертвы имеются ранения, несовместимые с жизнью; поврежденная одежда или же на одежде имеются следы крови; визуально можно наблюдать детали обстановки, которые свидетельствуют о незаконном проникновении в жилое помещение.

При внезапном исчезновении человека необходимо проверить не объясняется ли отсутствие человека его выездом в другую местность, помещением в медицинское учреждение, арестом в другом районе и т.п. В этих целях, как правило, выполняются следующие проверочные действия:

1) получение объяснений от лиц, заявивших об исчезновении, а также от родственников, соседей исчезнувшего;

2) осмотр жилища исчезнувшего лица на предмет обнаружения трупа.

Далее рассмотрим обстоятельства, которые подлежат доказыванию по делам данной категории. В соответствии со ст. 73 УПК РФ их можно определить в несколько групп.

1. Обстоятельства, относящиеся к событию преступления:

– наступила ли смерть потерпевшего (установление факта смерти крайне важно для доказывания событий убийства, особенно тогда, когда не обнаружен труп убитого);

– имел ли место факт насильственной смерти потерпевшего, что явилось причиной насильственной смерти (несчастный случай, убийство или самоубийство), и что явилось непосредственной причиной смерти (время и место совершения преступления);

– кто именно убит или против кого был направлен преступный умысел; способ совершения преступления; вид и характер орудия совершения преступления;

– не совершено ли убийство в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости.

2. Обстоятельства, которые определяют виновность обвиняемого в совершении преступления:

– кто совершил убийство, имелись ли соучастники убийства и какова их роль в совершении преступления;

– в какой форме (умышленной или неосторожной) выражается вина лица, совершившего преступление, мотив и цель совершения преступления.

3. Обстоятельства, которые влияют на степень и характер ответственности обвиняемого и характеризуют его личность: отягчающие или смягчающие ответственность обвиняемого в убийстве (возраст, пол, образование и другие данные обвиняемого).

4. Обстоятельства по делам об убийствах, совершенных несовершеннолетними.

5. Обстоятельства по делам об убийствах, совершенных душевнобольными[1].

При расследовании убийств, совершенных на почве семейно-бытовых отношений, необходимо установить факт нахождения подозреваемого в помещении, где было совершено убийство, а также учитывать его психическое состояние, взаимоотношение с убитым.

Таким образом, знание особенностей возбуждения уголовных дел об убийстве и круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по данной категории дел, позволяет законно и своевременно начать расследование, правильно определить его дальнейшее направление.

[1] Яновский Р.С. Досудебное производство: стадия возбуждения уголовного дела : учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2020. С. 10.

План-график выпуска
учебных и научных изданий № 9

Актуальные проблемы борьбы с преступностью:
вопросы теории и практики

XXVIII международная научно-практическая конференция

(3-4 апреля 2025 г.)

Материалы конференции

Ответственный редактор Д.В. Ким

ISBN 978-5-7889-0368-2

Часть 1

ISBN 978-5-7889-0369-9

Редактор Е.Н. Варыгина.
Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой.

Подписано в печать 30.04.2025.
Формат 60x84/8. Бумага типографская. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Cambria.
Печать офсетная. Уч. изд. листов 29,3 (29,1 усл. печ. л.)
Тираж 100 экз. Заказ XXX.

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО СибЮИ МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.